ISSN 2311-0066

Балтийский гуманитарный журнал

2015
№ 1(10)

Основан в 2012 г.

БАЛТИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (10)
2015

Ежеквартальный научный журнал

Учредитель – НП ОДПО «Институт направленного профессионального образования»

Главный редактор
Коновалова Елена Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент

Заместители главного редактора:
Аббасова Кызылгюль Ясин кызы, доктор философских наук, доцент
Бакалова Зинаида Николаевна, доктор филологических наук, профессор
Коростелев Александр Алексеевич, доктор педагогических наук
Осадченко Инна Ивановна, доктор педагогических наук, доцент
Юнусов Ахат Ахнафович, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Абдуразаков Магомед Мусаевич, доктор педагогических наук, доцент
Абрамовских Елена Валерьевна, доктор филологических наук, профессор
Айвазян Эдвард Ишханович, доктор педагогических наук, доцент
Александрова Екатерина Александровна, доктор педагогических наук, профессор
Бородина Жанна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Васьковская Галина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор
Вотчель Нелли Рашидовна, кандидат юридических наук, доцент
Голуб Нина Борисовна, доктор педагогических наук, профессор
Данилюк Оксана Климовна, кандидат филологических наук, доцент
Дулин Петро Борисович, доктор философских наук, профессор
Иванян Елена Павловна, доктор филологических наук, профессор
Иванова Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, доцент
Кальнова Ольга Ивановна, кандидат филологических наук, доцент
Клёмин Андрей Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Коноплюк Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
Краснов Александр Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент
Медведев Валентин Григорьевич, доктор юридических наук, профессор
Плахова Ольга Александровна, доктор филологических наук, доцент
Мельник Алексей Михайлович, доктор экономических наук, профессор
Побирченко Наталья Семеновна, член-корреспондент Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор
Сергеева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
Сущенко Лариса Александровна, доктор педагогических наук, доцент
Тагарева Кирилка Симеонова, кандидат психологических наук, доцент
Топузов Олег Михайлович, доктор педагогических наук, профессор
Троцко Анна Владимировна, член-корреспондент Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор
Филатова Оксана Степановна, доктор филологических наук, доцент
Юсупов Тимур Зирякович, кандидат юридических наук, доцент
Юсупов Айдар Аскарович, кандидат юридических наук, доцент
Якунин Вадим Николаевич, доктор исторических наук, профессор

Ответственный секретарь
Полторецкий Денис Александрович

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования».

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ ФС77-56854 от 29.01.2014 г.

Компьютерная верстка:
В.А. Голощапов

Технический редактор:
Е.Ю. Коновалова

Адрес редакции: 236040,
Россия, г. Калининград,
улица Литовский Вал, 38

Адрес редколлегии: 445009,
Россия, Самарская область,
г. Тольятти,
улица Комсомольская, 84А
Тел.: (8482) 69-46-47

E-mail: kaa1612@yandex.ru

Сайт: http://napravo.ru

Подписано в печать 30.06.2015.
Формат 60x84 1/8.
Печать оперативная.
Усл. п. л. 21,25.
Тираж 50 экз. Заказ 2-17-12.

© НП ОДПО «Институт направленного профессионального образования», 2015

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор
Коновалова Елена Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент
(Поволжский государственный университет сервиса, Тольятти, Россия)
Заместители главного редактора:
Аббасова Кызылгюль Ясин кызы, доктор философских наук, доцент
(Бакинский государственный университет, Азербайджан)
Бакалова Зинаида Николаевна, доктор филологических наук, профессор
(Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара, Россия)
Коростелев Александр Алексеевич, доктор педагогических наук
(Тольяттинский государственный университет, Россия)
Осадченко Инна Ивановна, доктор педагогических наук, доцент
(Николаевский национальный университет, Украина)
Юнусов Ахат Ахнафович, доктор юридических наук, профессор
(Институт экономики, управления и права, Казань, Россия)
Редакционная коллегия:
Абдуразаков Магомед Мусаевич, доктор педагогических наук, доцент
(Институт содержания и методов обучения РАО, Москва, Россия)
Абрамовских Елена Валерьевна, доктор филологических наук, профессор
(Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара, Россия)
Айвазян Эдвард Ишханович, доктор педагогических наук, доцент
(Ереванский государственный университет, Армения)
Александрова Екатерина Александровна, доктор педагогических наук, профессор
(Саратовский государственный университет, Россия)
Бородина Жанна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
(Институт экономики, управления и права, Казань, Россия)
Васьковская Галина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор
(Института педагогики НАПН Украины, Киев, Украина)
Вотчель Нелли Рашидовна, кандидат юридических наук, доцент
(Институт экономики, управления и права, Казань, Россия)
Голуб Нина Борисовна, доктор педагогических наук, профессор
(Института педагогики НАПН Украины, Киев, Украина)
Данилюк Оксана Климовна, кандидат филологических наук, доцент
(Восточноевропейский национальный университет, Луцк, Украина)
Дулин Петро Борисович, доктор философских наук, профессор
(Николаевский национальный университет, Украина)
Иванян Елена Павловна, доктор филологических наук, профессор
(Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара, Россия)
Иванова Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, доцент
(Тольяттинский государственный университет, Россия)
Кальнова Ольга Ивановна, кандидат филологических наук, доцент
(Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара, Россия)
Клёмин Андрей Владимирович, доктор юридических наук, профессор
(Институт экономики, управления и права, Казань, Россия)
Коноплюк Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
(Тольяттинский государственный университет, Россия)
Краснов Александр Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент
(Институт экономики, управления и права, Казань, Россия)
Медведев Валентин Григорьевич, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)
Плахова Ольга Александровна, доктор филологических наук, доцент
(Тольяттинский государственный университет, Россия)
Побирченко Наталья Семеновна, член-корреспондент Национальной Академии
педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор
(Уманский государственный педагогический университет, Украина)
Сергеева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
(Тольяттинский государственный университет, Россия)
Сущенко Лариса Александровна, доктор педагогических наук, доцент
(Классический приватный университет, Запорожье, Украина)
Тагарева Кирилка Симеонова, кандидат психологических наук, доцент
(Пловдивский университет, Болгария)
Топузов Олег Михайлович, доктор педагогических наук, профессор
(Института педагогики НАПН Украины, Киев, Украина)
Троцко Анна Владимировна, член-корреспондент Национальной Академии
педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор
(Харьковский национальный педагогический университет, Украина)
Филатова Оксана Степановна, доктор филологических наук, доцент
(Николаевский национальный университет, Украина)
Юсупов Тимур Зирякович, кандидат юридических наук, доцент
(Институт экономики, управления и права, Казань, Россия)
Юсупов Айдар Аскарович, кандидат юридических наук, доцент
(Институт экономики, управления и права, Казань, Россия)
Якунин Вадим Николаевич, доктор исторических наук, профессор
(Поволжский государственный университет сервиса, Тольятти, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

филологические науки

МЕТАФОРА В НЕМЕЦКИХ ТЕКСТАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ
Анохина Светлана Петровна....9

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РАССКАЗЕ М.ШОЛОХОВА «РОДИНКА»: ПАФОС РАССКАЗА И ЕГО ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
Бакалова Зинаида Николаевна....12

АНТОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УКРАИНСКОЙ АСТРОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА
Богуш Оксана Михайловна....14

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ В ПОВЕСТИ В.Г. КОРОЛЕНКО «СЛЕПОЙ МУЗЫКАНТ»
Бровкина Ирина Васильевна....17

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ-ЛИНГВИСТОВ
Васильева Оксана Анатольевна....19

МЕСТО ПОЭТИЧЕСКОЙ КОЛОРИСТИКИ Ф.И.ТЮТЧЕВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
Воронец Евгения Владимировна....22

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАРОДНОГО НАЗВАНИЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПОВЫШЕННОГО РЕЛЬЕФА В ЗАПАДНОПОЛЕСКИХ И ВОЛЫНСКИХ ГОВОРАХ
Данилюк Оксана Климовна....25

ОСНОВНЫЕ МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТАКТИКИ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
Дроздова Диана Руслановна....28

РОЛЬ АНГЛИЦИЗМОВ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА
Завадская Анастасия Викторовна....31

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМАНТИКИ УМОЛЧАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ДИСКУРСЕ
Иванян Елена Павловна....33

«ЧУЖИЕ» СЛОВА В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА
Кальнова Ольга Ивановна....35

АФОРИСТИКА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА: ТЕМАТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ
Канакина Галина Ивановна....38

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ КОМИЧЕСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА
Коромысленко Екатерина Геннадьевна....41

АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В ЯЗЫКЕ ПОЭЗИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА И Н.М. РУБЦОВА
Лавошникова Юлия Александровна....43

ЭВФЕМИЗМЫ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «СТАРЕНИЕ» В ЯЗЫКЕ РЕКЛАМЫ
Лаптев Игорь Валерьевич....46

ОБРАЗНО-ЯЗЫКОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МИКРОПОЛЯ «ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ» КОНЦЕПТА «СКУКА»
Маханова Галина Евгеньевна....49

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА В.И. КОСТЫЛЕВА
Медведкова Елена Станиславовна....54

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНФОРМАТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ТЕКСТЕ РОМАНА Г. ГАЗДАНОВА «ВЕЧЕР У КЛЭР»
Мельникова Елена Александровна....57

ГЕРОЙ СКАЗОЧНОГО ВРЕМЕНИ И ВРЕМЯ СКАЗОЧНОГО ГЕРОЯ
Мищерикова Марина Александровна....60

ТРАДИЦИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ И ИСТОРИЯ ТОЛКОВАНИЯ ПОЛИСЕМАНТА *ОНО* В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
Моргунова Анна Николаевна....63

ЕДИНИЦЫ ПОВТОРЯЕМОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
Пахолок Зинаида Александровна....65

ПРАВОВАЯ НОРМА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ ЗАКОНОДАТЕЛЕЙ XVII ВЕКА
Попова Людмила Викторовна....69

ПРОБЛЕМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ЗАМЕНЫ ФАМИЛИЙ С СОЦИАЛЬНЫМ МАРКЕРОМ
Селезнева Анна Александровна....72

НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
Усова Ирина Викторовна....75

НЕЭМОТИВНОСТЬ КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНОЕ СВОЙСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНО МАРКИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
Хабирова Евгения Игоревна....77

ФОРМАНТНАЯ СТРУКТУРА ГЛАСНЫХ В УКРАИНСКОЙ ПЕВЧЕСКОЙ РЕЧИ
Чернышук Вита Викторовна....80

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МОДАЛЬНО-ВРЕМЕННЫХ ПРИЗНАКОВ В НЕЧЛЕНИМЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА
Шиц Андрей Анатолиевич....83

СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ «СТЕПЬ» КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТА «ОРЕНБУРГ» (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ XIX – XX ВВ.)
Юдина Татьяна Анатольевна....86

ФОРМИРОВАНИЕ МОДУСА БЫТЬ В ИНКЛЮЗИВНОМ ОБРАЗОВАНИИ
Яковлева Елена Людвиговна....88

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ И ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА В САМАРСКОМ КРАЕ В XVI - XX ВВ.
Якунин Вадим Николаевич....92

педагогические науки

АНАЛИЗ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ КАЧЕСТВ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
Амитрова Мария Вячеславовна, Гусарова Юлия Васильевна, Нелюбина Елена Андреевна....102

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СТРУКТУРЫ, СОДЕРЖАНИЯ, ПУТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ, БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО СЕРВИСА
Асташина Нина Игоревна....106

ВОЗМОЖНОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ В ДИАГНОСТИКЕ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ МУЛЬТИАГЕНТНЫХ СВЯЗЕЙ
Богданова Анна Владимировна....109

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПРОЦЕССЕ СИСТЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПЕДАГОГОВ
Власенко Светлана Викторовна, Чемоданова Галина Иосифовна....113

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ШКОЛ НА КУРСАХ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ В УКРАИНЕ И В РОССИИ
Коваль Наталья Николаевна....117

КООПЕРАТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ
Колодкина Нина Николаевна....122

К ВОПРОСУ МАТЕМАТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
Руденко Ирина Викторовна, Котова Светлана Анатольевна....125

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Н. ПИРОГОВА И Н. КОРФА
Лавренчук Юрий Николаевич....128

ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО ПОДХОДА К МАТЕМАТИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛУ У ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ
Павлова Елена Сергеевна, Никитина Марина Геннадьевна....133

АНАЛИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПО ФОРМИРОВАНИЮ КУЛЬТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ У БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ
Попова Анна Васильевна....136

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДЕТСКОГО САДА В ПРОЦЕССЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
Руденко Ирина Викторовна, Каракозова Наталья Юрьевна....139

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ИНТЕРАКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ
Сидакова Нелли Валентиновна....143

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНЖЕНЕРНОЙ И КОМПЬЮТЕРНОЙ РАФИКИ
Таланова Марина Борисовна....146

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗОВАНИЯ
Третьякова Елена Михайловна....148

ИНТЕГРАЦИЯ КАК БАЗОВЫЙ ПРИНЦИП КОНСТРУИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО УРОКА ЛИТЕРАТУРЫ
Шуляр Василий Иванович....150

МОНИТОРИНГ РЫНКА ТРУДА КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ИМИДЖА ВУЗА
Шумилова Ольга Николаевна....153

экономические науки

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕНЕДЖМЕНТА И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ
Бойко Вячеслав Иванович....157

УПРАВЛЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ФАКТОРОВ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
Желнина Евгения Валерьевна....161

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФСОЮЗНЫХ ЛИДЕРОВ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ
Иванова Татьяна Николаевна....165

ЭТАПЫ И СОДЕРЖАНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА НА УРОВНЕ ПИЩЕВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
Игнатенко Николай Николаевич....168

ИНФРАСТРУКТУРНОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОГО БЮДЖЕТНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
Кайтанский Иван Сергеевич....172

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ
Корниецкий Александр Владиславович....175

АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ
Манова Маргарита Викторовна....179

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА В УКРАИНЕ
Марченко Оксана Анатольевна....173

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ОТБОРУ ТОРГОВОГО ПЕРСОНАЛА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ
Михеева Мария Альбертовна, Орлова Людмила Викторовна....186

УПРАВЛЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫМ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЦЕССА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ
Мустяца Виталий Михайлович....189

МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА С ПОМОЩЬЮ ИНВЕСТИЦИЙ
Царук Василий Юрьевич....192

ПЕРСПЕКТИВЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ТОЛЬЯТТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)
Цветкова Ирина Викторовна....196

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ВЫХОДА ИЗ НЕСТАБИЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА
Червяков Иван Михайлович....199

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
Шиняева Ольга Викторовна, Ахметшина Екатерин Рифовна....203

ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА И СПРОСА РЫНКА ТРУДА
Щербакова Ольга Юрьевна....207

Наши авторы....210

CONTENT

philological sciences

METAPHOR IN THE GERMAN ECONOMIC TEXTS
Anokhina Svetlana Petrovna....9

CIVIL WAR IN THE SHORT STORY BY M.SHOLOHOV "THE MOLE": THE PATHOS OF THE NOVELLA AND ITS LANGUAGE REPRESENTATION
Bakalova Zinaida Nikolaevna....12

ANTONYMIC RELATIONS IN UKRAINIAN ASTRONOMICAL TERMINOLOGY END OF XIX – THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY
Bohush Oksana Mihajlovna....14

INDEFINITE PRONOUNS IN THE STORY BY V.G. KOROLENKO «THE BLIND MUSICIAN»
Brovkina Irina Vasilyevna....17

ONOMASTIC LEXICON AS A SUBJECT OF STUDY BY RESEARCHERS LINGUISTS
Vasilieva Oksana Anatolievna....19

THE PLACE OF TYUTCHEV'S POETIC COLORISTICS IN RUSSIAN LITERATURE
Voronets Evguenia Vladimirovna....22

STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF NATIONAL NAMES FOR DESIGNATION OF INCREASED IN RELIEF ZAHIDNOPOLISKYH AND VOLYN DIALECT
Danyliuk Oksana Klymivna....25

THE MAIN MANIPULATIVE TACTICS IN ACADEMIC DISCOURSE
Drozdova Diana Ruslanovna....28

THE ANGLICISM'S ROLE IN WORD-FORMATION SYSTEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE
Zavadskaya Anastasiya Victorovna....31

REPRESENTATION OF SEMANTICS OF OMISSION IN MODERN RUSSIAN DISCOURSE
Ivanian Elena Pavlovna....33

FOREIGN WORDS IN THE LANGUAGE AREA OF THE CITY
Kalnova Olga Ivanovna....35

FOREIGN WORDS IN THE LANGUAGE AREA OF THE CITY
APHORISTICA M.Y. LERMONTOV: THEMATIC DIVERSITY AND LANGUAGE FEATURES
Kanakina Galina Ivanovna....38

THE PROBLEM OF STUDY COMIC EUPHEMISM IN RUSSIAN LANGUAGE
Koromyslenko Ekaterina Gennadievna....41

ANTHROPOMORPHIC METAPHOR IN THE LANGUAGE OF F.TYUTCHEV'S AND N.RUBTSOV'S POETRY
Lavoshnikova Julia Aleksandrovna....43

EUPHEMSMS THEMATIC GROUP «AGING» IN LANGUAGE OF ADVERTISING
Laptev Igor Valerievich....46

FIGURATIVE AND LANGUAGE COMPONENTS OF THE MICROFIELD "MENTAL STATE" OF THE CONCEPT OF "BOREDOM"
Makhanova Galina Evgenyevna....49

ETHNIC NAMES IN THE FICTION WORLD DEPICTED BY V. I. KOSTYLEV
Medvedkova Elena Stanislavovna....54

FUNCTIONING INFORMATIVE ADJECTIVES IN THE TEXT OF THE NOVEL GAZDANOV "EVENING AT CLAIRE"
Melnikova Elena Alexandrovna....57

THE CHARACTER OF FAIRY TALE TIME AND THE TIME OF A FAIRY TALE CHARACTER
Mishcherikova Marina Aleksandrovna....60

TRADITION USE AND HISTORY OF THE INTERPRETATION OF POLYSEMANTIC IT IN RUSSIAN LITERATURE
Morgunov Anna Nikolaevna....63

THE UNITS OF REPETITION IN RUSSIAN
Pakholok Zinaida Aleksandrovna....65

LEGAL NORM IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF THE RUSSIAN LEGISLATORS OF THE XVII-TH CENTURY
Popova Lyudmila Victorovna....69

PROBLEMS OF FUNCTIONING AND REPLACEMENT SURNAME SOCIAL MARKER
Selezneva Anna Alexandrovna....72

NEOLOGISMS IN MODERN ENGLISH
Usova Irina Victorovna....75

NEEMOTIVNOST HOW DISTINCTIVE PROPERTIES PROFESSIONALLY MARKED PHRASEOLOGICAL UNITS
Khabirova Evgeniya Igorevna....77

FORMANT STRUCTURE OF VOWELS IN UKRAINIAN SINGING SPEECH
Chernyshuk Vita Viktorivna....80

PECULIARITIES OF MODAL-TIME TREATS REALIZATION IN NON SEGMENTED SENTENCES OF MODERN UKRAINIAN LANGUAGE
Shyts Andriy Andriyovych....83

SEMANTIC COMPONENT «STEP» AS A KEY CONCEPT OF «ORENBURG» (ON THE BASIS OF ARTWORK XIX - XX CENTURIES)
Yudina Tatiana Anatolyevna....86

MODUS BE FORMING IN INCLUSIVE EDUCATION
Yakovleva Elena Ludvigovna....88

THE CHURCH LIFE AND THE ORTHODOX CULTURE IN THE SAMARA REGION IN THE XVI - XX CENTURIES
Yakunin Vadim Nicolaevich....92

pedagogical sciences

ANALYSIS OF THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGES TEACHING AND ITS INFLUENCE ON THE SOCIAL IMPORTANT QUALITIES FOR PROFESSIONAL ACTIVITY DEVELOPMENT
Amitrova Maria Vyatscheslavovna, Gusarova Yuliya Vasiyevna, Nelyubina Elena Andreevna....102

APPROACHES TO DEFINITION OF STRUCTURE, THE CONTENTS, WAYS OF FORMATION OF RESEARCH COMPETENCE OF STUDENTS, FUTURE EXPERTS IN THE FIELD OF SOCIOCULTURAL SERVICE
Astashina Nina Igorevna....106

MODELING CAPABILITY IN DIAGNOSING THE QUALITY OF EDUCATION BASED ON MULTI-AGENT RELATIONS
Bogdanova Anna Vladimirovna....109

THE USE OF INNOVATIVE FORMS OF EDUCATION IN MODERN PROCESSES -SERVICE TRAINING SYSTEM
Vlassenko Svetlana Viktorovna, Chemodanova Galina Iosifovna....113

COMPARATIVE ANALYSIS OF QUALITY OF SCHOOL HEADS' TRAINING DURING REFRESHER COURSES IN UKRAINE AND RUSSIA
Koval Natalia Nikolaevna....117

COOPERATIVE LEARNING IN THE STUDY OF MATHEMATICS IN HIGH SCHOOL
Kolodkina Nina Nikolaevna....122

TO THE QUESTIONS OF MATHEMATICAL DEVELOPMENT OF PRESCHOOL CHILDREN
Rudenko Irina Viktorovna, Kotova Svetlana Anatolevna....124

HUMANISTIC IDEAS IN PEDAGOGICAL HERRITAGE OF M. PIROGOV AND M. KORF
Lavrenchuk Yuriy Mykolayovych....128

FORMATION OF CREATIVE MATHEMATICAL MATERIAL IN SCHOOL CHILDREN AND STUDENTS
Pavlova Elena Sergeevna, Nikitina Marina Gennadtevna....133

ANALYSIS OF THE PEDAGOGICAL EXPERIMENT ON FORMATION OF THE PERSONNEL ADMINISTRATION'S CULTURE OF FUTURE MANAGERS
Popova Anna Vasilyevna....136

FORMATION TECHNOLOGICAL COMPETENCE KINDERGARTEN TEACHER DURING ADDITIONAL VOCATIONAL TRAINING
Rudenko Irina Victorovna, Karakozova Natalia Yurievna....139

PRESENTATION AS ONE OF THE FORMS OF INTERACTIVE TEACHING
Sidakova Nelly Valentinovna....143

TEACHING ENGINEERING AND COMPUTER GRAPHICS
Talanova Marina Borisovna....146

ROLE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN EDUCATION REFORMING
Tretyakova Elena Mixailovna....148

INTEGRATION AS A BASIC PRINCIPLE OF CONSTRUCTION MODERN LITERATURE LESSON
Shuliar Vasiliy Ivanovych....150

THE LABOR MARKET MONITORING AS A CONDITION OF FORMATION OF EFFECTIVE IMAGE OF THE UNIVERSITY
Shumilova Olga Nikolaevna....153

economic sciences

THEORETICAL BASES OF FORMING MANAGEMENT AND REGIONAL GOVERNANCE OPERATION IN CULTURE
Boyko Vyacheslav Ivanovich....157

MANAGEMENT IN STRUCTURE OF FACTORS OF INNOVATIVE ACTIVITY OF THE INDUSTRIAL ENTERPRISES
Zhelnina Eugenya Valeryevna....161

ACTIVITIES UNION LEADERS AMONG STUDENTS
Ivanova Tatiana Nikolaevna....164

THE STAGES AND CONTENT OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY AT THE LEVEL OF FOOD COMPANIES
Ignatenko Nikolay Nikolaevich....168

INFRASTRUCTURAL DEVELOPMENT OF THE REGIONS IN CONDITIONS OF LIMITED BUDGET SUFFICIENCY
Kaytanskiy Ivan Sergeyevich....172

FORMATION OF ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC ASPECTS OF REGIONAL TRANSPORTATION SYSTEMS IN CONDITION OF SPATIAL ECONOMY TRANSFORMATION
Kornyetskyy Oleksandr Vladyslavovych....175

ANALYSIS OF KEY NATIONAL INDICATORS: INTERNATIONAL AND RUSSIAN EXPERIENCE
Manova Margarita Viktorovna....179

REGIONAL ASPECTS OF RURAL TOURISM IN UKRAINE
Marchenko Oksana Anatolievna....183

COMPREHENSIVE APPROACH TO SALES STAFF SELECTION UNDER MODERN CONDITIONS
Mikheeva Maria Albertovna, Orlova Ludmila Viktorovna....186

MANAGEMENT OF INVESTMENT PROVISION OF INNOVATIVE PROCESS AT THE REGIONAL LEVEL
Mustiatsa Vitaly Mikhailovich....189

GLOBAL TRENDS IN IMPLEMENTATION ECONOMIC GROWTH THROUGH INVESTMENT
Tsaruk Vasily Yurevich....192

PROSPECTS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF TOGLIATTI (ACCORDING TO THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)
Tsvetkova Irina Viktorovna....196

STRATEGIC PLANNING OF EMERGING FROM THE UNSTABLE CONDITION OF THE REGIONAL INDUSTRIAL COMPLEX
Chervyakov Ivan Mikhailovich....199

PROFESSIONAL IDENTITY OF UNIVERSITY PROFESSORS: THEORETICAL AND EMPIRICAL RESULTS OF RESEARCH
Shinyaeva Olga Viktorovna, Akhmetshina Ekaterina Rifovna....203

THE INTERACTION NEEDS OF THE PERSONNEL POTENTIAL OF THE REGION AND DEMAND OF THE LABOUR MARKET
Scherbakova Olga Yurevna....207

Our authors....210

УДК 811.112.2

МЕТАФОРА В НЕМЕЦКИХ ТЕКСТАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

© 2015

С.П. Анохина, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Русский и иностранные языки»
Поволжский государственный университет сервиса, Тольятти (Россия)

Аннотация. Метафоры описываются в статье по следующим аспектам: типология метафорических выражений по способу воздействия на адресата: эпифора / диафора; приоритетность той или иной функции: номинативной/ характеризующей; комбинаторика элементов структуры значения слов: интенсионал / импликационал – компонентов метафорического выражения; номенклатура Области источника. Предлагается схема, иллюстрирующая взаимосвязи аспектов изучения метафоры и ее функционирования в текстах различной стилистической принадлежности. Предлагается классификация метафорических выражений в форме предложения на: 1) псевдоидентификационные, 2) имплицитно идентификационные и 3) квази-идентификационные на основе следующих критериев: для 1) возможность трансформации в подлинные предложения тождества; для 2) графические средства представления предикатива; для 3) предикатная позиция метафорического выражения. Описываются модели соотношения частей структуры значения слов – компонентов метафорического выражения, в их взаимоотношениях к аспекту Область источник – Область цель, что позволило выделить наряду с простыми моделями три вида сложных моделей и выявить определенную взаимосвязь между количеством и качеством моделей и приоритетностью той или иной функции в метафорических выражениях. Материалом исследования послужили тексты учебно-педагогического дискурса, а именно, учебника «Volkswirtschaft” для студентов экономических специальностей.

Ключевые слова: метафорическое выражение, эпифора, диафора, симилятивная образность, номинативная функция, характеризующая функция, интенсионал, импликационал, Область источник, Область цель.

С древних времен и до наших дней метафора привлекает особое внимание как объект научного исследования. Изначально и на протяжении многих лет метафора изучалась как средство создания образности в языке, как один из видов тропов. С осознанием того, что метафора – это не только неотъемлемый элемент языка, но один из способов познания окружающего мира, ее изучение приобрело качественно новый аспект, следствием чего явилось увеличение количества работ, в которых метафора исследуется в рамках когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и других, смежных с языкознанием наук (1, 2, 3, 4).

Более частным следствием указанного осознания метафоры является изучение процессов метафоризации на материале не художественной литературы (5, 6) и даже употребления терминов как способа метафоризации в «неродных» для данных терминов контекстах (7).

В работах отечественных лингвистов акцент с исследования стилистической значимости метафоры переместился на семантические процессы, на проблемы когнитивной природы метафоры и ее функционирования (8, 9, 10). В зарубежных исследованиях продолжается традиция следования метафоры в русле когнитивной и философской теорий (11, 12, 13, 14, 15, 16, 17).

Взаимосвязи аспектов изучения метафоры и ее функционирования в текстах различной стилистической принадлежности может проиллюстрировать следующая схема.

(Горизонтальные стрелки на схеме обозначают направления исследования метафоры; вертикальные – процесс терминологизации метафорических выражений).

В ходе дальнейшего описания мы оперируем термином «метафорическое выражение», так как это не только отдельные слова, но и словосочетания, а также предложения. Основными аспектами описания являются: типология метафорических выражений по способу воздействия на адресата: эпифора / диафора [18, с. 296]; приоритетность той или иной функции; комбинаторика элементов структуры значения слов: интенсионал / импликационал [19, с. 20] – компонентов метафорического выражения; номенклатура Области Источника [1] . Последние представляют собой, разумеется, открытые ряды.

Термины на основе метафоры представляют собой диафоры, т.е апеллируют к интуиции, так как они определяют способ мышления о такой фундаментальной части мира, как финансовая деятельность [18, с. 296]

Им присуща номинативная функция. По структуре это либо производное слово: der (internationale) Wettbewerb, либо сложное: das Geld-und Kreditvolumen, либо словосочетание: aktive/passive Zahlungsbilanz. В первом случае метафорическое переосмысление основывается на сходстве по форме, во втором и третьем – на сходстве движений. Но Область источник для последних различна: для Wettbewerb – это одна из досуговых форм человека, а именно, спорт, для aktive/passive Zahlungsbilanz – собственно движения человека. Для das Geld-und Kreditvolumen Областью источника является либо химическая, либо физическая наука.

Все другие метафорические выражения, встретившиеся нам в фактическом материале, не являются терминами и представляют собой структурно либо словосочетания, либо предложения. Для словосочетаний метафорическое переосмысление основывается на вышеотмеченных признаках, либо на их сочетании, а также на общности функции. Приоритетной функцией таких метафорических выражений является характеризующая. По способу воздействия на адресата это в подавляющем большинстве эпифоры, т.е. апеллируют к его воображению [18, с. 296].

Примерами собственно метафорических выражений на основе внешнего сходства являются следующие: der Fluss der Geld-und Güterströme; Wellen des Verbrauchs; Область источник – природные явления. При переносе и по внешнему сходству, и по внутреннему – по функции, что рассматривается иногда и как отличное от метафоры переносное значение, номинативная и характеризующая функции находятся в состоянии равновесия: «Instrumentkästen» für die Konjunkturpolitik; Область источник – артефакт. Такая же Область источник и у следующего глагольного метафорического выражения на основе сходства по функции: den Verbrauch ankurbeln.

В нашем материале встречается и другой вид симилятивной образности – компаративная [21, 22]: Raubbau an Rohstoffen; ökonomische Hochblüte. Первое выражение с Областью источника – социальное явление, можно развернуть в сравнительную конструкцию: Rohstoffe so abbauen, als ob man sie raubt. Во втором выражении первый компонент выражает суперлатив, т.е. является неспециализированной формой парадигмы сравнения. Высказанные соображения и послужили к указанной трактовке вида образности. Что касается Области источника во втором выражении, то это, как видим, природные явления, точнее, флора.

Метафорическое словосочетание может дополняться

метафорическим предложением: Tahlfahrt des Dollar. Er fiel bis auf 1,58DM … zurück. Областью источника является человек – сходство движений, что определяет ярко выраженную персонификацию, а последняя обусловлена именно дополнительным предложением, уточняющим степень падения доллара по отношению к немецкой марке.

Метафорические выражения в форме предложения представляют собой, за редким исключением эпифоры с приоритетной характеризующей функцией. В сочетании с подлежащим – термином переносное значение получает глагол в функции сказуемого: … denn ihre Bezüge sind verhältnismässig **elastisch** und **hinken** erfahrungsgemäss hinter den allgemeinen Lohnerhöhungen her. Прилагательное elastisch также метафорично, и таким образом, Областями источниками являются здесь артефакт и физические способности человека.

Область источник может быть двойственной: … weil der Welthandel schrumpfen würde. Это и физическое состояние человека, и артефакт (schrumpfen о ткани «садиться», т.е. «уменьшаться в размере»). Метафорический характер всего предложения может основываться на более, чем одном его компоненте, как, например, в следующем предложении компаративной образности: Die Kaukraft ihres ersparten Geldes (sein Wert) **schmilzt** unter der fortschreitenden Entwertung **dahin** wie Schnee in der Sonne, где в термине приоритетной является номинативная функция, что подтверждается и употреблением уже не метафорического термина Wert; Область Источника метафорического предиката – природные явления.

Такие же Области источники – физические свойства человека (для глагола-сказуемого) и природные явления (для метафорического выражения в функции обстоятельства) наблюдаются и в следующем предложении: Nicht selten **stand** z.B. die Automobilindustrie **auf der Sonnenseite der Konjunktur**, die Bauwirtschaft dagegen **im Schatten**. Перенос в данном случае происходит по признакам Области источника – природных явлений. Область источник – артефакт представлена в предложении: Bei der Bank sammeln sich zahlreiche Beiträge jeder Grössenordnung, und auf Grundlage dieses **grossen Topfes** kann sie Kredite nach Bedarf vergeben …, где перенос основывается на сходстве по форме и качественной характеристике, так как речь идет не просто о горшке, а о наполненном горшке. Примером метафорического выражения с отмеченной выше диафорой является следующее: Wenn die Unternehmen den notwendigen Spielraum besitzen.

Обратимся к предложениям, где в метафорах обе функции являются «равноправными»; как правило, номинативная функция маркируется лексически в том или ином члене предложения, например, в составе подлежащего; собственно метафоры представляют собой дополнение и определения к подлежащему: Für den Aufschwung (in dem Konjunkturzyklus) (Область источник – природные явления) sind die Bezeichnungen (маркер номинативной функции) **Erholung** (Область источник – состояние человека) und **Expansion** (Область источник – физические явления) üblich.

Метафорическое предложение «синтаксически сходно с утверждением тождества по следующим чертам: 1) оно выражает фактуальное суждение; 2) указывает на неградуированный (статичный) признак; 3) дает константную характеристику предмета; 4) не допускает синтаксического распространения признаковыми словами, указывающими на меру сходства» [18, с. 297].

В нашем материале можно выделить три разновидности подобных предложений по степени их сходства с предложениями тождества:

1) псевдоидентификационные (вышеприведенное), в котором позицию лексем Erhohlung, Expansion как предикатную, что считается одним из аргументов в пользу первичности характеризующей функции метафор [18, с. 297]

Указанная трактовка верифицируется трансформацией: → Der Aufschwung (in dem Konjunkturzyklus) ist, so zu sagen, Erholung und Expansion.

Еще более приближены к предложениям тождества следующие метафорические выражения с глаголом-сказуемым nennen (маркером номинативной функции): Man hat das Geld die «**Eintrittskarte**» zum Sozialprodukt genannt, ein «Sesam-**öffne**-dich» zu allen, was Herz und Gedanken begehren. Заметим, что здесь присутствует и индикаторная образность (метонимия pars pro toto). Как видим, налицо перенос по функции (Область источник – общественные институты и мифическое природное явление). Сходство по форме с Областью источником – артефактом, лежит в основе следующего метафорического выражения: Wir nennen diesen Vorgang die Lohn-Preis-Spirale. Идентифицирующий характер подобных предложений усиливается и вследствие подлежащих: собственно неопределенно-личного местоимения man и местоимения wir в неопределенно-личном значении.

2) В нашем материале встречаются предложения, которые мы назвали бы имплицитными предложениями тождества, так как функцию связки в них выполняют графические средства: дистанцированность метафорического выражения, которое можно трактовать как предикатив, от подлежащего в виде подзаголовка с написанием через тире, но написание со строчной буквы обусловливает имплицитность семантики тождества, например:

Das Geld
– Das Blut der Wirtschaft

Такая же Область источник – организм человека и в следующем аналогичном метафорическом выражении:

Der private Verbrauch
–Stütze der Konjunktur.

В последнем случае Область источник может быть и двойственной: указанная как первичная, и артефакт – как вторичная. Последняя представлена в выражении:

Die Banken
– Der Motor der Wirtschaft

Эта Область источник представлена и в 3) квази-предложениях тождества: Insgesamt ist der private Verbrauch im allgemeinen nicht in dem Masse ein eigenständigar **Motor der Konjunktur** wie die Investizionen der Unternehmen. Die Banken selbst sind also nicht etwas eine **Art «Geldgarderobe»**, in der man vorübergehend Geld aufbewahrt.

Как видим, перенос осуществляется на основе сходства по функции, в последнем случае, можно говорить, правда, и о сходстве по форме, так как основой сравнения мог бы послужить, скажем, и такой артефакт как сундук. Именно наличие и внутреннего, и внешнего сходства представлено в таком предложении как: Inflation wie Deflation sind **Krebschäden** an der Wirtschaft, где первичная Область источник – фауна (перенос по форме), а вторичная – медицина (перенос по функции), т.е. в целом, данное предложение представляет собой редуплицированное метафорическое выражение. Предложенные определения обусловлены отличиями подобных метафорических предложений от подлинных предложений тождества [18: 297].

Обратимся к моделям соотношения частей структуры значения слова в их взаимоотношении к аспекту Область источник – Область цель. Модель: интенсионал (Область источник) – интенсионал (Область цель) иллюстрируют такие метафорические выражения как: der Fluss der Geld-und Güterströme; Strom – grosses Fluss, fliessende Bewegung; Geld – Kapital, flüssige Gelder; Güter: z.B. bewegliche Güter (здесь и далее интерпретация частей структуры значения слова основывается на данных словаря Wahrig [23]). Der internationale Wettbewerb; die Lohn-Preis-Spirale; ökonomische Hochblüte: Raubbau an Rohstoffen; das Geld – die Blut der Wirtschaft; die Banken – Der Motor der Wirtschaft; Motor der Konjunktur; der private Verbrauch – Stütze der Konjunktur.

Модель: интенсионал (Область источник) – импликационал (Область цель) представлена метафорическими выражениями: ihre Bezüge … hinken … her: доходы могут уменьшаться, т.е. они станут хуже, а hinken (хромать) это тоже дефект движения человека; отсюда и данная модель; die Kaukraft; Tahlfahrt des Dollar; … weil der Welthandel schrumpfen würde; Sonnenseite der Konjunktur (как указывает Wahrig, в толковании для Konjunktur: Wirtschaftslage mit bestimmter Entwicklungstendenz); Wellen des Verbrauchs; das Geld- und Kreditvolumen; Spielraum für Lohnerhöhungen; das Geld ≈die Eintrittskarte… (с помощью входного билета получают возможность доступа к эстетическим благам, а «социальный продукт» – это материальные блага); die Banken ≠ die Geldgarderobe.

Следующая модель: импликационал (Область источ-

ник) – интенсионал (Область цель) представлена единичным примером: den Verbrauch ankurbeln (согласно Wahrig, в импликационал значения ankurbeln входит fördern, vorwärtsbringen, z.B. die Wirtschaft ankurbeln; Verbrauch – это частное понятие экономики).

Отличительной особенностью нашего материала является наличие в нём сложных моделей (ср. [4, с. 13-14]), например, интенсионал (Область источник) – интенсионал + импликационал (Область цель): «Instrumentkästen» für die Konjunkturpolitik; Bank = grosser Topf. Сходство по форме обусловливает в них наличие модели: интенсионал – интенсионал, а сходство по функции – модель: интенсионал – имликационал.

Следующая сложная модель свойственна предложению: Inflation wie Deflation sind Krebschäden .., в которой импликационал (Область источник) переносится на вторичный интенсионал и первичный импликационал Области цели. И, наконец, еще одна сложная модель для выражения Für den Aufschwung … sind auch die Bezeichnungen Erholung und Expansion üblich, где две Области источника, представленные разными частями структуры значения слов: для Erholung – это интенсионал (ср. Wahrig: Kräftigung), а для Expansion – это импликационал (ср. Wahrig: = Blütezeit). Каждая из этих частей подвергается переносу в свою часть значения слова – Области цели: первая – в ее импликационал, вторая – в интенсионал (ср. для Aufschwung: Wahrig: Aufstieg, Blütezeit, z.B. die Wirtschaft erlebte grossen Aufschwung).

Как следует из вышеприведенного описания, приоритетность той или иной функции в метафорических выражениях и модели сочетания структуры значения слов Области Источника и Области Цели находятся в определенных отношениях и в качественном, и в количественном аспектах. Для метафорических выражений – эпифор в характеризующей функции это четыре модели с наибольшей вариативностью сочетания частей значения слов Области источника и Области цели. Для таких же метафорических выражений с равноправием обеих функций наблюдается две модели, Область источник в которых представлена только интенсионалом. Для эпифор в номинативной функции – одна модель, Область источник которой представлена также интенсионалом, а Область цель сочетает интенсионал с импликационалом. Диафоры, для которых характерна только номинативная функция, демонстрируют две модели, где Область источник представлена также только интенсионалом.

Таким образом, полагаем, что данные аргументы можно расценить как косвенные подтверждения первичности в метафоре характеризующей функции. Косвенность данной аргументации обусловлена тем, что фактическим материалом для выводов послужили тексты учебно-педагогического дискурса, а именно, учебник по экономике Volkswirtschaft для студентов университета, что и обусловливает, на наш взгляд, наблюдаемую специфику метафорических выражений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Пер.с англ.под ред.и с предисловием А.Н.Баранова. – М.: ЛКИ, 2008. – 256 с.
2. Скороходова Е.Ю. Метафоричная номинация в языке и мышлении / Е.Ю.Скороходова // Вестник ПСТГУ. Филология III. – 2006. -- № 1. – С. 97 – 102.
3. Хахалова С.А. Метафора в аспекте языка, мышления и культуры / С.А. Хахалова. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. лингв. ун-та, 1998. – 249 с.
4. Макарова Л.А. Метафора в британской и американской литературе XX века в свете когнитивной лингвистики / О.А.Макарова // Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Самара, 2005. – 22 с.
5. Большакова Л.С. Метафора в англоязычном поликодовом тексте (на материале британских и американских музыкальных клипов) / Л.С.Большакова // Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Самара, 2008. – 23 с.
6. Дудецкая С.Г. Метафоризация как способ терминообразования (на материале английской терминологии черепно-челюстно-лицевой хирургии и стоматологии) / С.Г. Дудецкая // Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Самара, 2007. – 23 с.
7. Пыж А.М. Функционально-прагматические и дискурсивные аспекты использования английской юридической терминологии / А.М.Пыж // Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Самара, 2006. – 21 с.
8. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика // Ю.Д.Апресян // Избр. труды. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Дрофа, 1999. – 288 с.
9. Вардзелашвили Ж.Ф. О двоякой сущности метафоры / Ж.Ф. Вардзелашвили // СПб., Тбилиси: Научн. труды. Серия: филология. – 2002.– № 4. – С. 66 – 77.
10. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка // Г.Н. Скляревская. – СПб.: Наука, 1993. – 152 с.
11. Блэк М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 153 – 172.
12. Теория метафоры. Сборник. Пер.с англ., фр., нем., исп., польск.яз./ Вступ.ст.и сост. Н.Д.Арутюновой и М.А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
13. Barnden, J.A. Metaphor and metonymy: Making their connections more slippery / J.A. Barnden // Cognitive Linguistics. – Walter de Gruyter, 2010. N 21/1. – P. 1 – 34.
14. Geeraerts, D. The interaction of metaphor and metonymy in composite expressions / D.Geeraerts // Metaphor and metonymy in comparison and contrast. – Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2002. – P. 435 – 465.
15. Glucksberg, S. Understanding Figurative Language: From Metaphor to Idioms / S.Glucksberg // Oxford psychology series. – Oxford Press, 2001. – N. 36. – 144 p.
16. Hyun, J.A., Yeon, J.K. A Study on Metaphor and Metonymy of Hand / J.A. Hyun, J.K.Yeon // Journal of Language Sciences. – 2007. – N.14-2. – P. 195 – 215.
17. Kovecses, Z. A new look at metaphorical creativity in cognitive linguistics / Z.Kovecses // Cognitive Linguistics. – Walter de Gruyter, 2010. – N. 21-4. – P. 663 – 697.
18. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Гл.редактор В.Н.Ярцева. – М., : БЭС, 1998. – 685 с.
19. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие / М.В.Никитин – 2-е изд., доп.и исправ. – СПб., Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2007. – 819 с.
20. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: учебное пособие / М.В.Никитин. – М.: Высшая школа, 1998. – 168 с.
21. Савицкий В..М. основы общей теории идиоматики / В.М.Савицкий // М.: Гнозис, 2006. – 208 с.
22. Куликова Н.В. Моделирование действительности в образной основе английских фразеологических единиц / Н.В.Куликова // Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Самара, 2013. – 23 с.
23. Wahrig Deutsches Worterbuch. Mosaik Verlag. – 4358 S.

METAPHOR IN THE GERMAN ECONOMIC TEXTS

© 2015

S. P. Anokhina, doctor of philological sciences, professor,
head of the department of «Russian and foreign languages»
Volga State University of Service, Togliatti (Russia)

Abstract. The article describes metaphors in the German Economy textbook «Volkswirtschaft». The analysis aspects are: Types of metaphoric statements on the basis of the appeal modes to the addressee: epiphor/ diaphor; their functions: nominative / descriptive; correlation models between intension / implication of the metaphor components and the Source – Goal. As a result, three kinds of complicated models were classified among them and a certain interrelation between their quality and quantity and the priority function of the metaphor was found. It is proposed to classify metaphoric sentences as following: 1) pseudo identity sentences; 2) implicit identity sentences; 3) quasi-identity sentences on the criteria for 1) the transformation into real identity sentences; for 2) graphics as a mark of the predicate position for metaphor statement; for 3) predicate position of the metaphor statement. There is also a scheme, illustrating the interrelation between the study aspects of the metaphor and its functioning in the different text styles: belles-lettres vs non belles-lettres.

Keywords: metaphoric statement, epiphor, diaphor, nominative function, descriptive function, intension, implication, Source, Goal, similarity imagery.

УДК 80

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РАССКАЗЕ М.ШОЛОХОВА «РОДИНКА»: ПАФОС РАССКАЗА И ЕГО ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

© 2015

З.Н. Бакалова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация. Статья посвящена анализу пафоса и его языковой репрезентации в рассказе М.Шолохова «Родинка». Тема рассказа – гражданская война на Дону – показана как великая трагедия, уносящая жизни и иссушающая души обеих противоборствующих сторон. Характеризуются два центральных действующих лица, олицетворяющих разные политические силы – 18-летний командир красного эскадрона донских казаков Николка Кошевой и яростный, заматерелый в боях атаман банды белых. Они противопоставляются друг другу по возрасту, опыту жизни, взгляду на мир, по жестокости и озлобленности. Раскрываются и общие черты той и другой военной силы: чрезмерная, отупляющая усталость от затянувшейся кровавой бойни. В статье объясняется роль заглавия рассказа, которое на протяжении развития действия поддерживает интригу. Именно по общей для обоих родинке атаман, убивший Николку, узнает в нем родного сына и от отчаяния тут же кончает жизнь самоубийством. Автором статьи анализируется языковая репрезентация трагического события и его действующих лиц. Описывается роль изобразительно-выразительных языковых средств: метафор, сравнений, эпитетов, приемов инверсии, слов местного языкового колорита. Выявляются функции художественных деталей, связанных с образом коршуна, и второстепенного образа старика-мельника. Резюме статьи посвящено психологическим и военным последствиям гражданской войны, когда в ослеплении лютой злобы шло самоистребление нации, и в связи с этим – злободневности темы.

Ключевые слова: гражданская война; трагедия; командир; атаман; казак; отряд; жестокость; враг; усталость; родинка; нога; отец; сын; самоубийство; коршун.

Небольшой рассказ М. Шолохова «Родинка» - всего в шесть страниц – один из самых сильных в творчестве писателя. Во многих изданиях произведений Шолохова нет его публикации. Этому может быть только одно объяснение: долгое время пафос рассказа не звучал в полном единстве с господствующей идеологией, поскольку гражданская война показана великой трагедией, уносящей жизни и иссушающей души как белых, так и красных. Но времена меняются. Гражданская война на Украине сделала этот рассказ остро актуальным.

В центре рассказа два действующих лица, олицетворяющих разные политические силы: командир красного эскадрона донских казаков Николка Кошевой и атаман банды белых.

Немногочисленными художественными мазками автор рисует образ Николки: всего 18 лет, сирота… Отец пропал в германскую войну, мать померла. Выглядит командир не по летам: «Старят его глаза в морщинках лучистых и спина по-стариковски сутулая».

Уже с первых строк рассказа ощутима симпатия к этому юнцу, волей судьбы принявшему командование военным подразделением. «Мальчишка ведь, пацаненок, куга зеленая, - говорят шутя в эскадроне, - а поищи другого, кто сумел бы почти без урона ликвидировать две банды и полгода водить эскадрон в бои и схватки не хуже любого старого командира!» Уменьшительно-ласкательный суффикс (-ёнок), шутливое сравнение с кугой зеленой (вид камыша), теплые слова, сравнение с опытным предводителем сразу свидетельствуют о том, что Николка свой плоть от плоти народный командир, по праву достойный уважения.

Цепь однородных членов предложения передает содержимое рабочего стола командира: «гильзы патронные, баранья кость, полевая карта, сводка, уздечка наборная с душком лошадиного пота, краюха хлеба». Все необходимое под рукой. Неустроенный походный быт дополняет заплесневелая от сырой стены лавка. «Иззябшими, недвижимыми» пальцами (говорящие эпитеты) Николка с трудом заполняет анкету: «…Землероб. Член РКСМ». Завершают картину авторские метафоры: против ненавистной графы «возраст» карандаш ползет, замедляя шаг, а «скулы полыхают досадным румянцем».

Наконец, еще одна деталь: родинка, как у отца, на левой ноге выше щиколотки величиной с голубиное яйцо. «Родинка – это, говорят, счастье», - пророчил Николке военком, когда оба купались в Дону. «Родинка» вынесена в заглавие, а значит, это сильная, то есть особо значимая позиция. Почему? Пока читатель этого не знает. Ну, родинка и родинка. Дело обычное. У кого их нет, этих родинок? Но название рассказа оправданно: именно она, эта родинка, сыграет решающую роль в сюжете рассказа.

Мечты о будущем связаны у Николки с учебой: «Учиться бы поехать, а тут банда. Военком стыдит: мол, слова правильно не напишешь. А еще эскадронный… Я-то причем, что не успел приходскую школу окончить?.. А тут банда… Опять кровь, а я уж умерялся так жить… Опостылело все…» Просторечное словечко так уместно в речи малограмотного парнишки, что ему сразу веришь и сочувствуешь: умерялся, умаялся, смертельно устал от своей вовсе не мальчишеской жизни.

Неожиданно появившуюся банду возглавляет антипод Николки – яростный, заматерелый в убийствах атаман. Возникает контраст по возрасту и по опыту жизни, по озлобленности и жестокости. Этот предводитель банды Николку хладнокровно убьет как своего лютого врага. Увидел молодое безусое лицо, «налетел коршуном». «Щенок белогубый» посмел поднять на него руку!

- Махай, махай (шашкой. – З.Б.), я тебе намахаю!

Злобно выругавшись, сорвал сапог с обмякшего тела и на ноге увидел родинку с голубиное яйцо. «Медленно, словно боясь разбудить, вверх лицом повернул холодеющую голову, руки измазал в крови, выползавшей изо рта широким бугристым валом, всмотрелся и только тогда плечи угловатые обнял неловко и сказал глухо:

- Сынок!.. Николушка!.. Родной!.. Кровинушка моя!..

Чернея, крикнул:

- Да скажи же хоть слово! Как же это, а?

<…> К груди прижимая, поцеловал атаман стынущие руки сына и, стиснув зубами запотевшую сталь маузера, выстрелил себе в рот…»

Злой и трагической иронией обернулись родинки отца и сына. Не счастье они принесли, а неизбывное горе. Неожиданная концовка рассказа прозвучала самой сильной позицией.

Не менее сильная позиция и в своеобразном постскриптуме: трех строчках через звездочку. «А вечером, когда за перелеском замаячили конные, ветер донес голоса, лошадиное фырканье и звон стремян, с лохматой головы атамана нехотя сорвался коршун-стервятник. Сорвался и растаял в сереньком, по-осеннему бесцветном небе». Таков итог жизни атамана. Образ коршуна, почуявшего мертвечину, перекликается и с фразой об отце, коршуном кинувшемся на сына. Древний, как мир, простейший прием повтора одной и той же лексемы рождает в рассказе страшные ассоциации.

Событийная основа рассказа впечатляет сама по себе. Ее выразительность создается словесно-художественным мастерством писателя-классика.

Действенным, как это обычно бывает в организации концептуализированного художественного пространства, оказывается упомянутый прием контраста как эффективного способа познания, отражения и восприятия художественного текста: красные – белые, мальчишка – зрелый атаман и особенно последняя сцена: «Неук, сосун, горяч, через это и смерть его тут налапает», - обрывками думал атаман, а через минуту: «Сынок!... Кровинушка моя!..»

Выразительность художественных образов во многом формируется за счет тропов. Авторские метафоры рождают смысловые приращения в унисон пафосу рассказа: «ставни холодного дома стучатся под яром, тоскуют, захлестываясь»; «зачерствела душа атамана» и пр. Природа гармонирует с тревожной военной обстановкой: «насторожившийся в предутренней чуткой дреме лес»; «заплаканная седая от росы трава»; «хрупкая тишина»; «вороненая сталь воды»; «лоскутья тумана». А рядом: «сладко цветет жито» как драгоценный фрагмент мирной жизни на родной земле и в соответствии с этим шолоховское сравнение «у ядреной пшеницы – гарновки – ус чернеет на колосе, будто у семнадцатилетнего парня». Другие эпитеты, на первый взгляд, без признаков оценочности («вязкий душок плесени») и качественные обстоятельства образа действия («лебеда и пышатки махрово лопушатся») тоже рождают зрительские представления и семантические связи в контексте, соответствующие авторским интенциям. Так, маловыразительные в стилистическом отношении прилагательные в словосочетании «серенькое, по-осеннему бесцветное небо» в сцене со стервятником, терзавшим мертвую голову несчастного атамана, создают впечатление безысходности, горечи, тоски.

Южнорусские словечки, как инкрустации местного колорита, придают достоверность картинам казачьей жизни и быта. Мы как будто видим и курени, и хаты на яру, и торный шлях, следы бычачьих копыт возле музги (озерка или болотца), левады, смуглощеких жалмерок по хуторам и станицам. Сходную изобразительную функцию выполняет в силу своей эмоционально-экспрессивной природы разговорно-просторечная лексика: «лупи по правому флангу», «шмыгнул мышиный выводок», «дотюпал старик», «до пятнадцати лет мыкался по работникам», «с малости сирота», «забрехала собака».

Особую художественную роль играет синтаксический прием инверсии. Необычный порядок слов всегда обращает на себя внимание. Такая фраза впечатляет более, нежели с прямым порядком членов предложения. Когда определение стоит не перед определяемым словом, а после него, а сказуемое перед подлежащим, возникает фольклорная, народно-речевая интонация, близкая славянской душе. «Днями летними, погожими, в степях донских под небом густым и прозрачным, звоном серебряным вызванивает и колышется хлебный колос», «самогон гонят яснее слезы девичьей».

Авторская модальность как отношение к изображаемому, помимо упомянутых линий противопоставлений, выбора лексико-грамматических речевых средств и композиционных приемов в виде сильных позиций рассказа и его постскриптума как резюме происходящему, представлены еще образом старика-мельника, символизирующего, по-видимому, глас народа.

Банда не находит для него других слов, как «старый хрен» и «старая сволочь». Его грабят, отбирая годовой запас пшеницы и ячменя на корм лошадям, унижают, ставя на колени и заставляя есть землю. «Смывались надо мной», - говорит Лукич, ища помощи у «своих», «родимых», то есть тех, кто может защитить его мирную жизнь от «супостатов». Защищая таких, как старик-мельник, и погибает Николка Кошевой, в отличие от своего заблудшего отца, за правое дело.

Чрезвычайно важно то, что всей логикой развития повествования Михаил Шолохов показывает читателю: как бы ни были противоположны военные силы казаков, движимые определенными историческими причинами, они едины в одном. Все устали от бесконечной дурной междоусобной вражды.

Стал «зелененьким» от бессонных ночей Николка Кошевой. Невмоготу ему постылая война.

Настрадался в германском плену атаман, намыкался по неласковым турецким краям, а теперь прячется, как волк, по лесам, ненавидя всех и всё. Точит его непонятная душевная боль – лихоманка, - позволяя забыться только в пьяном угаре. Дня не бывает трезвым, пытаясь уйти от действительности, чтобы не задумываться над тем, на что тратит свою жизнь, зачем губит людские души не врагов, а своих соотечественников, которых еще недавно защищал в «германской» (Первой мировой) войне. Беспробудно пьют и его подчиненные. «Нетрезво качаются красноверхие папахи над плетнями из краснотала <…> пьяно кособочатся на рессорных тачанках».

Непосильная душевная усталость, отвращение, опустошение сознания обоих враждебных лагерей – психологический результат гражданской бойни. А результат военный – самоистребление нации, когда в ослеплении лютой злобы отец идет на сына, брат на брата, друг на прежнего друга, и это страшное бессмысленное побоище не дает ничего, кроме накала ненависти, горя и крови.

Думается, рассказ никого не оставит равнодушным. Но вот вопрос: учит ли людей история? Ведь места донского казачества частично рядом с «ненькой Украиной», отчасти и на самой Украине. Или Шолохова там не читают, потому как он писатель русский?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие. М. Флинта: Наука, 2009. 416 с.

2. Аникина А.Б. Образное слово в художественном и публицистическом произведении. М.: Изд-во «ВК», 2005. 216 с.

3. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного теста. Теория и практика: Учебник; Практикум. М.: Флинта: Наука, 2004. 490 с.

4. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 520 с.

5. Велллер М. Укуситель и укусомый. М.: Астрель, 2012. 317 с.

6. Ильенко С.Г. Русистика: Избранные труды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 674 с.

7. Купина Н.А., Николина Н.А. Филологический анализ художественного текста. М.: Флинта: Наука, 2003. 408 с.

8. Лисовицкая Л.Е. Технология лингвистического анализа художественного текста: учеб. пособие. Самара: ПГСГА, 2011. 236 с.

9. Мазилова А.Ю. Лингвистический анализ Художественного текста: Учеб. пособие. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д.Ушинского, 1988. 87 с.

10. Поповская Л.В. (Лисоченко). Лингвистический анализ художественного текста в вузе: Учеб. пособие. Р. / Д.: Феникс. 2006. 512 с.

11. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008 358 с.

12. Слово. Семантика. Текст. Сб. научных трудов, посвященных юбилею проф. В.В. Степановй. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. 203 с.

13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

14. Шевченко Н.В. Основа лингвистики текста: Учеб. пособие. М.: Приор-издат, 2003. 160 с.

15. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. М.: Флинта: Наука, 2005. 480 с.

CIVIL WAR IN THE SHORT STORY BY M.SHOLOHOV "THE MOLE": THE PATHOS OF THE NOVELLA AND ITS LANGUAGE REPRESENTATION

© 2015

Z.N. Bakalova, doctor of philological sciences, professor of chair "Russian language, culture of speech and methods of their tuition"
State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Abstract. The article is dedicated to language representation of anti civil war pathos in the novella by M.Sholohov "The Mole". The theme of the novella is the civil war on the Don. It is shown as a great tragedy for the people. Two central figures of the story are father and son, struggling against each other. Each of them represents his own life experience an own credo of life. At the beginning they don't know about their relationship, they are only enemies. The son is a commander of a red Cossack detachment, by the time that his father is a leader of a cruel white gang. In the article is explained the role of the novella's title, supporting the intrigue during the plot development. The identic mole on the legs of both enemies would prove that they are father and son. After killing his son the father makes suicide. In the article is underlined the role of artificial details, the means of language expressions, epithets, comparisons, local speech singularity. All this demonstrates the actuality of the short story by M.Sholohov.

Keywords: civil war; tragedy; commander; Cossack; gang leader; detachment; cruelty; enemy; fatigue; mole; leg; father; son; suicide; hawk.

УДК 811.161.2:81'373.3:524.3

АНТОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УКРАИНСКОЙ АСТРОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ КОНЦЯ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

© 2015

О. М. Богуш, аспирантка кафедры украинского прикладного языкознания
Львовский национальный университет имени Ивана Франко, Львов (Украина)

Аннотация: В статье рассмотрены антонимические отношения в украинской астрономической терминологии конца XIX – первой трети XX века, выяснено их специфику в пределах исследуемой группы лексики. Описаны разновидности терминов на структурном уровне и частиноязычная принадлежность терминов-антонимов.

Ключевые слова: украинская астрономическая терминология, термины-антонимы, антонимическая пара, терминные словосочетания.

Постановка наукової проблеми та її значення. Сьогоднішній етап українського термінотворення характеризується тенденцією до впорядкування й унормування всіх наявних терміносистем. Показом у цьому плані є явище антонімії, оскільки антоніми визнаються «однією з найважливіших категорій системної організації термінології» [1, 293]. За словами Л. Симоненко, «кожне з понять містить у собі свою протилежність, яка ґрунтується на відмінності в середині одного і того ж явища (якості, властивості, стану, руху тощо). Антонімічність виступає як особлива характеристика лексичного значення слів, як специфічне мовне відображення відмінностей і протиріч у предметах і явищах об'єктивного світу» [2, с. 29]. Осмислення антонімії допомагає точніше визначити місце терміна в конкретній термінологічній системі, детально простежити його зв'язки та залежність від інших компонентів.

Аналіз останніх досліджень із цієї проблеми. За останні декілька десятиліть з'явилася низка праць, присвячена вивченню термінології різних галузей знань. Одним із аспектів дослідження є лексико-семантичні відношення в терміносистемах, у тому числі й явище антонімії. Науковці стверджують, що в термінології антонімія більш розвинута, ніж у загальновживаній лексиці. Антонімічним відношенням особливу увагу у своїх працях приділили С. Булик-Верхола [3], Т. Михайлова [4], Г. Наконечна [5], Т. Панько, І. Кочан, М. Мацюк [6], М. Процик [1], Л. Симоненко [2] та ін. Явище антонімії в українській астрономічній термінології другої половини XX – початку XXI ст. розглядав А. Соломахін [7]. Однак потребує ґрунтовного вивчення антонімія в українській астрономічній термінології кінця XIX – першої третини XX ст., що є особливим періодом національного термінотворення, адже українська термінологія розвивалася на питомій основі, без домінантних впливів позамовних чинників.

Формулювання мети та завдань статті. Мета статті – простежити антонімію, зафіксовану в астрономічних працях кінця XIX – першої третини XX ст., проаналізувати та описати наявні терміни-антоніми.

Досягнення мети уможливлює розв'язання таких завдань:

- виокремити антонімічні пари в українській астрономічній термінології кінця XIX – першої третини XX ст.;
- проаналізувати структуру термінів-антонімів в астрономічній терміносистемі;
- описати частиномовну належність термінів-антонімів.

Об'єктом дослідження є українські астрономічні терміни кінця XIX – першої третини XX століття, зафіксовані в термінних словниках В. Левицького [8], Ф. Калиновича та Г. Холодного та [9].

Виклад основного матеріалу й обґрунтування отриманих результатів дослідження. Наявність антонімії в українській астрономічній термінології є однією з найсуттєвіших ознак системної організації термінів на рівні парадигматичних відношень. «У кожній мікросистемі антоніми творять елементарні мікрополя, в межах яких реалізуються відношення протилежності як однієї з суттєвих ознак системності термінології» [6, с. 176]. Для будь-якої термінології антонімія є позитивним явищем. «Антоніми позначають не будь-які протилежні поняття, а обов'язково поняття співвідносні, тобто ті, які належать до того самого ряду явищ об'єктивної дійсності, об'єднаних змістом на основі їх протиставлення» [3, с. 248].

Антонімічні відношення розглядаємо як «відношення двох значень, що виражені різними термінами й передають істотні ознаки несумісних протилежних або суперечливих видових понять стосовно одного родового, тобто мають спільну семантичну основу, а відмінні семи цих значень замінюють одна одну або одна з них виключає іншу» [4, с. 12].

Кожен компонент антонімічної пари виступає як окремий повноцінний термін, називаючи при цьому точну дефініцію. Антонімічні відношення не суперечать самій специфіці терміна, не порушують основних принципів термінології, серед яких важливими є точність, однозначність та стилістична нейтральність.

На думку В. Даниленко, явище антонімії в загальнолітературній мові та мові науки не має особливих роз-

біжностей. Антонімія в термінології репрезентована чи не раніше, як у загальнолітературній мові [10, с. 25]. Т. Панько, І. Кочан, Г. Мацюк стверджують, що «антонімія як семасіологічна категорія невід'ємна від термінологічних систем, що номінативно систематизують наукові поняття – складну й багату мережу протиставлень, суттєво впорядковуючи тим самим термінологічну сферу» [6, с. 188].

В українській астрономічній термінології кінця XIX – першої третини XX ст. виявлено антонімічні відношення між термінами, які протиставляються за такими ознаками: розмір (зоря-велетень – зоря-карлик, велика планета – мала планета), час (весна – осінь, літо – зима, вечірня заграва – ранішня заграва, точка весняного рівнодення – точка осіннього рівнодення, точка зимового сонцестояння – точка літнього сонцестояння), розташування (горішня планета – долішня планета, внутрішня планета – зовнішня планета, земний південник – небесний південник, небо – земля, північна точка – південна точка, північний захід – північний схід), якість (видима півкуля – невидима півкуля, виразний образ – невиразний образ), слова, що виражають протилежну спрямованість дій, ознак та властивостей (вертикальний телескоп – горизонтальний телескоп, відштовхна сила – притяжна сила, вузол виступу – вузол вступу, довгозмінна нерівність – короткозмінна нерівність, захід – схід, захід Сонця – схід Сонця, північ – південь, рухома звізда – стала звізда, сполучення – протистояння). Як видно із наведених прикладів, антонімія спостерігається не лише між однослівними термінами, а й у терміносполуках, в яких виразником антонімії є препозитивні компоненти складних термінів.

Відношення протилежності в українській астрономічній термінології виражено словотвірними та лексичними засобами. Антоніми утворюють групу слів, що складається з двох одиниць, на відміну від синонімів, що групуються в ряди.

В українській астрономічній термінології кінця XIX – першої третини XX ст. антонімічні пари репрезентовано іменниками та прикметниками.

Фактичний матеріал фіксує найбільше антонімічних термінів серед прикметників, що поділяємо на: якісні (велика піввісь – мала піввісь, добрий образ – злий образ, новий місяць – старий місяць, повна затьма – частинна затьма), відносні (вечірня заграва – ранішня заграва, внутрішня планета – зовнішня планета, горішня планета – долішня планета, південний схід – північний схід).

Серед іменників можна виділити такі антонімічні пари:

1) власне українські терміни-антоніми: весна – осінь, відплив – приплив, літо – зима, зоряний – беззоряний, полудень - північ;

2) чужомовні терміни-антоніми: апекс – антиапекс, апоастер – періастр, апогей – перигей, апойов – перийов, апосатурн – перисатурн, афелій – перигелій, радіант – антирадіант.

Отже, в досліджуваній терміносистемі антонімія реалізується у лексичному та словотвірному типах. Лексичні антоніми, на відміну від загальновживаної лексики, тут нечисленні і вказують на якісні, кількісні, часові, просторові значення, протилежну спрямованість дії.

З огляду на формальну структурну організацію в антонімічні відношення вступають:

1) різнокореневі, або лексичні, терміни-слова, в яких диференційна семантична ознака (протилежність) реалізується шляхом семантичного протиставлення коренів: випнуття – сплющення, молодик – старик, світанок – смеркання, північ – південь, літо – зима, весна – осінь;

2) спільнокореневі, або словотвірні, терміни-слова, антонімічність яких передається або за допомогою взаємно протилежних за змістом префіксів, що приєднуються до одного й того ж слова, або шляхом додавання префіксів, що надає вихідному слову протилежного змісту: апекс – антиапекс, відплив – приплив, захід – схід, радіант – протирадіянт, зоряний – беззоряний;

3) терміни-словосполучення: абсолютна вишина – відносна вишина, важкороздільна пара – легкороздільна пара, велика піввісь – мала піввісь, вертикальний телескоп – горизонтальний телескоп, вечірня заграва – ранішня заграва, виразний образ – невиразний образ, внутрішня планета – зовнішня планета, вузол виступу – вузол вступу, горішня планета – долішня планета, денна дуга – нічна дуга, добрий образ – злий образ, довгозмінна нерівність – короткозмінна нерівність, знижений приплив – підвищений приплив, наворотна комета – ненаворотна комета, нерегулярна помилка – регулярна помилка, новий місяць – старий місяць, періодична комета – неперіодична комета, перша чверть – послідня чверть, південний схід – північний схід, повна затьма – частинна затьма, правильна мряковина – неправильна мряковина, притяжна сила – відштовхна сила, роздільна мряковина – нероздільна мряковина, рухома звізда – стала звізда, справжній поперечник – уявний поперечник.

Для досліджуваної термінології притаманним є вираження протилежності понять за допомогою префіксів, що вказують на недостатність чогось: видима півкуля – невидима півкуля, виразний образ – невиразний образ, зоряний – беззоряний, наворотна комета – ненаворотна комета, періодична комета – неперіодична комета, південниковий – позапівденниковий, правильна мряковина – неправильна мряковина, регулярна помилка – нерегулярна помилка, роздільна мряковина – нероздільна мряковина, рухома нитка – нерухома нитка. Найбільше цих антонімічних пар твориться приєднанням частки не- , що є найпродуктивнішим способом передавання протилежного поняття. У цих антонімічних парах терміноелемент не- виражає значення відсутності тієї чи іншої ознаки, внаслідок чого виникає відношення повної протилежності або протиставлення. Як видно із наведених прикладів, частка не- може приєднуватись як до питомих, так і до чужомовних основ.

Досліджуваний матеріал показав зв'язок антонімії й синонімії, що є одним із важливих виявів системних відношень в астрономічній термінології. В антонімічній парі протилежне значення може бути виражене кількома термінами-синонімами, наприклад: вертикальний телескоп (доземний далекозір) – горизонтальний телескоп (поземний далекозір), внутрішня планета (долішня, середова) – зовнішня планета (горішня, зокільна), довгозмінна нерівність (довгочасна) – короткозмінна нерівність (короткочасна), нерегулярна помилка (випадкова) – регулярна помилка (разуразна), повна затьма (цілковита, цілковите затміння) – частинна затьма (часне затміння, часткове мінення), світанок (світання) – смеркання (стемніння). «Як у синонімічній групі значення протиставляються своїми відтінками, так і в антонімічній парі вони протиставляються предметно-понятійним ядром» [11, с. 92]. «Антонімічне значення дозволяє виявити елемент порівняння чи співвідношення, а на основі цього з'ясувати всі ознаки й властивості певного поняття» [12, с. 123].

Висновки й перспективи подальших досліджень. Отже, антонімія в українській астрономічній термінології кінця XIX – першої третини XX ст. відіграє позитивну роль – сприяє системності термінології, чіткому уявленню про зв'язки між протилежними поняттями. В антонімічні відношення вступають різнокореневі терміни-слова, спільнокореневі та терміни-словосполучення. Зафіксовано антонімію на лексичному та словотвірному рівнях. У досліджуваній терміносистемі є приклади, які демонструють зв'язок антонімії й синонімії, що є одним із важливих виявів системних відношень в астрономічній термінології. Виявлення антонімічних відношень допомагає систематизувати поняття, точніше визначити їхнє місце в астрономічній терміносистемі, адже часто навіть пояснення через протилежне слугує ефективним способом тлумачення сутності понять, позначуваних

відповідним терміном. Досліджений матеріал є актуальним для систематизації, стандартизації та уніфікації української астрономічної терміносистеми.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Процик М. Антонімічні відношення в українській видавничій термінології // Проблеми української термінології: Вісник Нац. ун-ту «Львівська політехніка». – 2006. – № 559. – С. 293-295.

2. Симоненко Л. О. Антоніми в біологічній термінології // Культура слова: респ. між. від. зб. – К., 1982. – Вип. 23. – С. 29-31.

3. Булик-Верхола С. Антонімія в українській музичній термінології / Софія Булик-Верхола // Вісник Львівського університету: Серія філологічна. – Львів, 2003. – Вип. 30. – С. 248–252.

4. Михайлова Т. В. Семантичні відношення в українській науково-технічній термінології: автореф. дис. канд. філол. наук : 10.02.01 «Українська мова» / Тетяна Віталіївна Михайлова; Харк. нац. ун-т ім. В. Каразіна. – Х., 2002. – 20 с.

5. Наконечна Г. В. Формування і розвиток української хімічної термінології: автореф. дис. канд. філол. наук : 10.02.01 «Українська мова». – К., 1994. – 18 с.

6. Панько Т. І., Кочан І. М., Мацюк Г. П. Українське термінознавство. – Львів: Світ, 1994. – 216 с.

7. Соломахін А. Ф. Явище антонімії в українській астрономічній термінології // Культура народов Причерноморья. – 2012. – № 223. – С. 142-144.

8. Левицький В. Акустика і оптика. Астрономія і космографія. – Ч. 4 // Матеріали до фізичної термінології: Збірник математично-природописно-лікарської секції НТШ. – Львів, 1902. – Т. 8. – Вип. 2. – С. 1–12.

9. Калинович Ф., Холодний Г. Словник математичної термінології (Проект). Ч. ІІІ. Астрономічна термінологія й номенклатура. – Х., 1931. – 117 с.

10. Даниленко В. П. Лексико-семантические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии. – М.: Наука, 1971. – С. 7-68.

11. Лисиченко Л. А. Лексикологія сучасної української літературної мови. Семантична структура слова. – Х.: Вища школа, 1977. – 108 с.

12. Козловець І. Антонімічні відношення у фінансово-кредитній термінології // Українська термінологія і сучасність: Збірник наукових праць. Вип. IV / [відп. ред. Л. О. Симоненко]. – К.: КНЕУ, 2001. – С. 123-125.

АНТОНІМІЧНІ ВІДНОШЕННЯ В УКРАЇНСЬКІЙ АСТРОНОМІЧНІЙ ТЕРМІНОЛОГІЇ КІНЦЯ XIX – ПЕРШОЇ ТРЕТИНИ XX СТОЛІТТЯ

© 2015

О. М. Богуш, аспірантка кафедри українського прикладного мовознавства
Львівський національний університет імені Івана Франка, Львів (Україна)

Анотація. У статті розглянуто антонімічні відношення в українській астрономічній термінології кінця XIX – першої третини XX століття, з'ясовано їхню специфіку в межах досліджуваної групи лексики. Описано різновиди термінів на структурному рівні та частиномовну належність термінів-антонімів.

Ключові слова: українська астрономічна термінологія, терміни-антоніми, антонімічна пара, термінні словосполучення.

ANTONYMIC RELATIONS IN UKRAINIAN ASTRONOMICAL TERMINOLOGY END OF XIX – THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY

© 2015

O. M. Bohush, a graduate of the Department of Applied Linguistics
Lviv Ivan Franko National University , Lviv (Ukraine)

Abstract. In the article is reviewed the antonymic relations in Ukrainian astronomical terminology end of XIX – the first third part of the twentieth century, found their specificity within of investigated vocabulary. Were described the variations in terms of parts and structural level, antonyms membership terms.

Keywords: Ukrainian astronomical terminology, terms-antonyms, antonymous pairs, terminological word combinations.

УДК 81.42

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ В ПОВЕСТИ В.Г. КОРОЛЕНКО «СЛЕПОЙ МУЗЫКАНТ»

© 2015

И.В. Бровкина, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания
Поволжская социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о функционировании категории неопределенности в художественном тексте. С конца XX века это направление в русистике стало актуальным. Исследователи анализируют тексты писателей, которым свойственно активное употребление единиц неопределенности, определяют общее, закономерное в использовании этих единиц и особенное, характерное для художественного языка того или иного писателя. Предметом исследования в данной статье являются языковые единицы со значением неопределенности, а именно неопределенные местоимения и наречия. Проанализированы особенности использования названных единиц в 1-й главе повести Короленко "Слепой музыкант". Выявлена частотность употребления писателем неопределенных местоименных слов с аффиксом *-то*, их семантика и функции в тексте. Анализ иллюстративного материала, представленный в статье, показывает, что местоименные слова с аффиксом *-то* (*что-то*, *кто-то*, *какой-то*, *куда-то* и др.) способны выражать значение неизвестности объекта, лица, признака, места. Местоименные единицы неопределенности функционально значимы в характеристике главного персонажа повести В.Г. Короленко.

Ключевые слова: неопределенные местоимения; семантика неизвестности; анализ художественного текста; В.Г. Короленко «Слепой музыкант».

Мыслители древности (Анаксимандр, пифагорейцы, Аристотель) пытались сформулировать понятие определенности / неопределенности. Своеобразное понимание этой категории встречается у Платона. Согласно Платону, идеальный мир, мир сущностей – это мир определенности, а материальный мир – это мир неопределенности. Определенность идеального мира оценивается как устойчивость, совершенство, упорядоченность. Неопределенность материального мира характеризуется как изменчивость несовершенство, хаотичность [1]. По мнению лингвиста Е.П. Сеничкиной, «отголосками такого понимания можно считать художественные миры Н.В. Гоголя, А. Платонова» [2, с. 5].

С конца XX века проблема функционирования категории неопределенности в художественном тексте становится актуальной. В этом аспекте анализируются тексты произведений Ф.М. Достоевского (В.В. Виноградов [3], Ю.Н. Караулов [4], Н.Д. Арутюнова [5]), Л.Н. Толстого (Л.И. Еремина [6]). Исследователи, рассматривая все уровни языка, выделяют ядерное средство выражения категории неопределенности – местоимения и местоименные наречия с аффиксами -то, -либо, -нибудь, кое-, не-. Лингвисты А. Чудаков [7], И.Н. Лёвина [8], С.А. Лишаев [9] анализируют функции неопределенных местоименных слов в рассказах А.П. Чехова. Исследованы особенности употребления местоимений в художественном языке А. Платонова (И.В. Бровкина [9]) и др. Однако следует заметить, что не всем писателям свойственно активное употребление единиц неопределенности: некоторые (например, И.А. Бунин, А.И. Куприн) прибегают к ним изредка, в текстах других авторов их употребление единично.

Короленко – один из немногих писателей, в чьих произведениях единицы неопределенности – неопределенные местоимения (НМ) и наречия (НМН) – частотны и важны функционально. Ранее это было доказано нами на примере функционирования неопределенных местоимений в тексте повести «Без языка» [11].

Предметом настоящей статьи является исследование особенностей семантики и функционирования неопределенных местоимений в повести Короленко «Слепой музыкант». Но прежде остановимся на концепции местоимений Н.Ю. Шведовой [12]. Ученый рассматривает современную систему местоимений как слов, заключающих в себе наиболее общие, глобальные смыслы. Понятие «языковой смысл» дается в противопоставлении языковому значению, автором концепции ведется поиск соотношения этих двух понятий.

Элементарные глобальные понятия основ материального и духовного мира: признаки предметов (какой?), принадлежность (чей?), время, пространство (когда? где?) и др. – в системе местоимений «расчленены по признаку определенности, неопределенности или непредставленности (непознанности или несуществования)» [12, с. 7]. Как утверждает Н.Ю. Шведова, смысловое пространство местоимений отражает реальные ступени человеческого познания: "знаю" – "знаю неполно или не до конца, не уверен в своем знании" – "не знаю и потому отрицаю" [12].

Многие лингвисты характеризуют категорию определенности/неопределенности через оппозицию понятий известности/неизвестности. Например, О.П. Ермакова так определяет статус неизвестности: "Неизвестное – это то, что субъект не встречал прежде (визуально или как упоминание об объекте), или то, что он не может идентифицировать" [13, с. 56-57].

Иллюстрацией приведенных теоретических положений может служить повесть Короленко, в 1-й и 2-й главах которой отражается процесс познания окружающего мира маленьким мальчиком Петрусем, слепым от рождения. Этот процесс в тексте реализуется с помощью различных средств неопределенности – в первую очередь специализированных языковых единиц (неопределенных местоимений и местоименных наречий), а также лексем разных частей речи (прилагательных, глаголов) со значением неизвестности, неопределенности.

Писателю удается психологически точно передать специфику восприятия ребенком многогранного материального мира в ощущениях и движение его сознания в попытке прийти от уровня ощущений к уровню абстракции. Известно, что ребенок идентифицирует себя, «вычленяет» из общего как отдельный предмет (субъект) примерно в три года.

Петрусь чувствует себя частью большого неизведанного мира. Он пытается понять, что есть что, кто есть кто. С первых дней жизни родившийся слепым ребенок начинает познавать окружающий его «вещный» мир – предметы, людей, находящихся в доме – через тактильные и слуховые ощущения.

Писатель в большом количестве использует неопределенные местоимения с аффиксом *-то*. Например:

(1) Мать наблюдает…*как странно ищет он* ***что-то*** *руками…*

(2) *… мальчик свободно и быстро ползал по комнатам, настораживая слух навстречу каждому звуку и, с* ***какой-то*** *необычною в других детях живостью, ощупывал всякий предмет…*

(3) *Живость движений понемногу терялась…он сидел по целым часам смирно, с застывшими чертами лица, как будто* ***к чему-то*** *прислушиваясь.*

(4)*…ребенок, казалось, думал* ***о чем-то*** *с недоумелым* [орф. автора] *и удивленным выражением на краси-*

вом и не по-детски серьезном лице.

В этих примерах НМ сочетаются с лексемами тактильного и слухового восприятия (*ищет руками*, *ощупывал*, *прислушиваясь*) и мыслительной деятельности (*думал*).

(5) *Мать он скоро научился узнавать по походке, по шелесту платья, по* ***каким-то*** *еще, ему одному доступным, неуловимым для других признакам…*

Заметим, что типичным является препозитивное расположение НМ *какой-то* в сочетании с прилагательным, что отмечается многими исследователями. Используемые в таких случаях прилагательные содержат в той или иной мере семантику неопределенности, как, например, в (2) и (5): *с какой-то* ***необычною*** *… живостью; по каким-то еще,* ***ему одному доступным, неуловимым для других*** *признакам…*

В (4) и (5) мы видим попытку мальчика создать образ, внутреннее представление о неизвестных ему окружающих предметах и лицах.

В рассмотренных нами фрагментах текста очевидно количественное преобладание НМ *что-то* со значением неизвестности.

Важную роль единицам неопределенности отводит писатель, когда повествует о столкновении мальчика с внешним окружающим миром, с миром природы. Так, например,

значительный по объему и в сюжетном отношении фрагмент текста 1-й главы представляет собой описание стремительно наступающей весны. В доме сняты зимние рамы. Слыша врывающиеся в окна новые непонятные звуки, Петрусь обеспокоен, встревожен, даже испуган. *«Он…не может понять», – догадывалась мать.*

Еще более сильные и разнообразные чувства испытывает мальчик, когда его в яркий весенний день решили вывести в поле, на берег реки:

(1) *…Выражение болезненного восторга пробивалось по временам на беспомощно-растерянном личике, пробегало по нём* ***какими-то*** *нервными ударами…*

(2) Природа раскинулась кругом, точно великий храм, приготовленный к празднику. Но для слепого это была только ***неоъятная тьма***, которая необычно волновалась вокруг, шевелилась, рокотала и звенела…прикасаясь к его душе со всех сторон неизведанными еще, необычными впечатлениями…

Выделим во фрагменте (2) ключевое слово – тьма, которое максимально точно подчеркивает отсутствие внешней картины мира в сознании Петруся. Небо, солнце, горизонт, пространство – эти известные, вполне определенные для обычных людей визуальные образы недоступны слепому мальчику, и он постигает их по-своему.

Неизвестные природные реалии передаются посредством неопределенных местоимений с аффиксом -то. Например:

(1) **[**О солнце] *…лучи теплого дня ударили ему в лицо…Он чувствовал только, как* ***что-то*** *материальное, ласкающее и теплое касается его лица…*

(2) **[**О ветре] *Потом* ***кто-то*** *прохладный и легкий, хотя и менее легкий, чем тепло солнечных лучей, снимает с его лица это негу и пробегает по нём ощущением свежей прохлады;*

(3)*…его охватывали* ***какие-то*** *странно сменявшиеся волны…Теплые прикосновения солнца быстро обмахивались* ***кем-то****, и струя ветра…охватывая лицо, виски, голову до самого затылка, тянулась вокруг, как будто стараясь…увлечь его* ***куда-то*** *в пространство, которого он не мог видеть…*

Интересно отметить, что в примерах (2) и (3) ветер представляется мальчику живым существом. Не случайно в них используется НМ *кто-то,* которое соотносится с существительными одушевленным и в данном контексте является организующим началом приема олицетворения.

(4) [О шуме ветра и звуках] *...Мальчику казалось, что волны бегут быстрее и их рокот застилает все остальные звуки, которые несутся теперь* ***откуда-то*** *с другого мира…в грудь мальчику вливалось ощущение* ***какой-то*** *щекочущей истомы.*

В (3) и (4) с помощью НМН *куда-то* и *откуда-то* характеризуется физическое пространство, которое слепой не видит, но ощущает и пытается осмыслить.

Потрясение от знакомства с природой было столь велико, что Петрусь несколько дней пролежал в бреду.

Он то лежал неподвижно и безмолвно, то бормотал ***что-то*** *и к* ***чему-то*** *прислушивался…»Право, он глядит так, как будто старается понять* ***что-то*** *и не может», – говорила молодая мать.* В небольшом по объему фрагменте текста не случаен настойчивый повтор НМ *что-то*: в нем максимально проявляется семантика неизвестности.

Проведенный анализ средств неопределенности в художественном языке повести Короленко позволяет прийти к следующим выводам: 1) неопределенные местоимения отражают особенности процесса познания ребенком окружающего мира; 2) наиболее активно проявляют себя в этой функции НМ с аффиксом *-то*, среди которых высокочастотным является местоимение *что-то*; 3) именно НМ с аффиксом *-то* способны выражать значение неизвестности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Готт В.С., Урсул А.Д. О категориях определенности и неопределенности //Вопросы философии. 1971. №6. С. 55-65.

2. Сеничкина Е.П. Специфика категории неопределенности в русском языке: Учеб. пособие по спецкурсу для студентов филологических и нефилологических специальностей вузов. М.: Моск. гос. ун-т печати, 2004. 78 с.

3. Виноградов В.В. К морфологии натурального стиля: Опыт лингвистического анализа петербургской поэмы «Двойник» // В.В. Виноградов. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976. С. 101–104.

4. Караулов Ю.Н. Предикация и неопределенность // Словарь. Грамматика. Текст. М.: РАН, 1996. С. 92-94.

5. Арутюнова Н.Д. Безличность и неопределенность // Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 895 с.

6. Еремина Л.И. Рождение образа: о языке художественной прозы Л. Толстого. М.: Наука, 1983. 191 с. (Сер. «Литературоведение и языкознание»).

7. Чудаков А. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М.: Сов. писатель, 1986. 384 с.

8. Лёвина И.Н. Функционирование неопределенных местоимений в прозе А.П. Чехова: Автореф. дисс. … канд. фил. наук. Л., 1988. 17 с.

9. Лишаев С.А. А.П. Чехов: стилистика неопределенности // Mikstura verborum'99: онтология, эстетика, культура: сб. ст. / под общ. ред. С.А. Лишаева. Самара: Самар. гуманит. акад., 2000. С. 144–155.

10. Бровкина И.В. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 24 с.

11. Бровкина И.В. Изобразительно-выразительные возможности местоимений с аффиксом -то в произведении В.Г. Короленко «Без языка» // Русский язык в контексте межкультурной коммуникации: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Е.М. Кубарева (г. Самара, 11 ноября 2011 г.) / Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Самара: ПГСГА, 2011. С.45-50.

12. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.

13. Ермакова О.П. Местоимение *какой-то* // ФН. 1986. № 1. С.55-56.

14. Николаева Т.М. Определенности – неопределенности категория // Языкознание: БЭС. М.: Большая

Российская энциклопедия, 1998. С. 349.
15. Русский семантический словарь. / РАН. Ин-т рус яз.; Под общей редакцией Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. 807 с.

INDEFINITE PRONOUNS IN THE STORY BY V.G. KOROLENKO «THE BLIND MUSICIAN»

© 2015

I.V. Brovkina, candidate of philological sciences, associate professor of the department of Russian language, standards of speech and methods of their teaching
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Abstract. The article discusses the functioning of the category of uncertainty in a literary text. Since the end of the XX century this trend in Russian studies became urgent. The researchers analyzed the texts of writers, which tend to use active units uncertainty determine common patterns in use of these units and features characteristic of the artistic language of a writer. The subject of study in this article are the linguistic units with a value of uncertainty, namely the indefinite pronouns and adverbs. The features of the use of these units in the 1st chapter of the story Korolenko "The Blind Musician". Detected frequency of use indefinite pronouns writer of words with affix -What their semantics and functions in the text. Analysis of illustrative material presented in this paper shows that pronominal words with affix -That (something, someone, or something, somewhere, etc.) Are able to express the meaning of an unknown object, person, sign, space. Pronominal unit functionally significant uncertainty in the characterization of the main character of the story, VG Korolenko.

Keywords: indefinite pronouns; the semantics of uncertainty; the analysis of a literary text, V.G. Korolenko "The Blind Musician".

УДК 81. 373.2

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ-ЛИНГВИСТОВ

© 2015

О.А. Васильева, преподаватель кафедры русского языка
Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, Сызрань (Россия)

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения имени собственного (СИ). Работа носит обзорный реферативный характер. Проводится анализ ономастических исследований по теме. Отмечается, что проблема ИС в языке решается разными учеными неоднозначно. Одни ученые считают, что ИС не обладает каким-либо значением (Дж. Милль, А.А. Белецкий, Ю.А. Карпенко, Л.А. Введенская). Другие отмечают, что оно приобретет значение в речи, когда появляется соотнесенность с его обладателем (О.Есперсен, Н.Д. Арутюнова, Е. Гродзиньский). Однако все больше исследователей признают у ИС наличие понятийного содержания – сигнификата. Одной из задач ученых является определение ИС как понятия, его характеристика. В статье приводятся отличительные признаки имен собственных, их классификация. В научном мире сталкиваются различные точки зрения на природу ИС. По мнению некоторых ученых имена собственные, в отличие от имен нарицательных, носят случайный характер. Другие исследователи, рассматривая ИС с исторической точки зрения, отмечают его информативность. Часто исследователи обращают внимание на то, что граница между собственными и нарицательными именами не является четкой. При анализе подобных процессов учеными используется определенная терминология. В статье раскрываются понятия апеллятивации, онимизации, трансонимизации, коннотации онимов. Актуальной проблемой современной ономастики является изучение прецедентных имен собственных. Учеными выделяются прецедентные имена, тексты, ситуации и высказывания. Вопрос о прецедентности связан с миром художественной литературы. Имена собственные в художественном тексте рассматривает поэтическая ономастика. В статье приводится языковой материал, на основе которого анализируется роль зоонимов в художественном тексте.

Ключевые слова: ономастика; прецедентность; апеллятивация; онимизация; коннотативность; поэтонимология; поэтонимы.

Проблема собственных имен обратила на себя внимание уже в древности. Как особый класс слов они выделялись стоиками. Проблема эта была актуальна в эпоху Возрождения, в новое время, сохраняет она свою актуальность и сейчас.

Проблема имени собственного в языке и речи решается разными учеными неоднозначно.

Одни ученые считают, что имя собственное не обладает каким-либо значением (Дж. Милль, А.А. Белецкий, Ю.А Карпенко, Л.А Введенская). Они называют имя собственное «меткой», помогающей отличать предметы друг от друга [1, с. 56], «индивидуализатором» [2, с. 17], отмечают его «дифференциальную» функцию [2, с. 19].

Другие отмечают, что имя собственное приобретает значение в речи, когда появляется соотнесенность с его обладателем, «референтом» (О. Есперсен, Н.Д. Арутюнова, Е. Гродзиньский). В составе значения имени собственного выделяется только денотат (означаемое). Е. Гродзиньский объединяет понятия денотат и десигнат и выделяет: 1) однодесигнатные (десигнат – предмет, обозначенный словом, то же, что и денотат); 2) многодесигнатные (с большим количеством носителей; 3) пустые – не имеющие десигнатов (имена мифологических героев) [2, с. 15].

Однако все большее число исследователей признают у имени собственного наличие понятийного содержания – сигнификата. Некоторые ученые трактуют понятие «сигнификата», приравнивая его к термину «значение», и включают в его состав денотат. В таком случае к сигнификату относится вся информация, связанная с его носителем [3, с. 67].

Мы видим, что одной из задач ученых является определение имени собственного как понятия, его характеристика. А.В. Суперанская называет три отличительных признака имени собственного: «Основные отличительные признаки собственного имени заключаются в том, что : 1) оно дается индивидуальному объекту, а не классу объектов, имеющих черту, характерную для всех индивидов, входящих в этот класс; 2) именуемый с помощью имени собственного объект всегда четко определен, отграничен, очерчен; 3) имя не связано непосредственно с понятием и не имеет на уровне языка четкой и однозначной коннотации» [1, с. 324].

Современные учебники по русскому языку дают схожее определение именам собственным и нарицательным. «Нарицательные существительные являются обоб-

щенными названиями однородных предметов: *сестра, пилот, трактор, трава, лещ, слон, букварь, бег, доброта, восстание, море* и т.п. Собственные существительные – это названия отдельных единичных в своем классе предметов.» [4, с. 92].

Н.М. Шанский отмечает, что имена собственные делятся на тематические группы, но не называет их. Однако в ономастике каждая тематическая группа имеет свое обозначение. Л.А. Введенская в работе «От названий к именам» дает следующую классификацию. Собственные имена (СИ), относящиеся к людям, называют *антропонимами*; географические названия обозначают *топонимы*; названия гор, хребтов – *оронимы*, названия пещер, гротов – *спелеонимы*; названия рек, водоемов – *гидронимы*; названия населенных пунктов – *ойконимы*; названия внутригородских объектов – *урбанонимы*; названия галактик, звездных скоплений – *космонимы*; собственные имена животных – *зоонимы*; СИ отрезков времени – *хрононимы*; СИ стихийных бедствий – *анемонимы*; имена богов, богинь – *теонимы*; названия научных сочинений, документов – *идеонимы* [1, с. 5-7]. Собственные имена получают и предметы материальной культуры, науки, техники. Для их обозначения В.Д.Бондалетов предлагает использовть термин ктематонимы (от греч. ktematos – «дело») или хрематонимы (от греч. chematos – «вещь, предмет, дело» [2, с. 8]. Примером хрематонима может служить название русского лайнера *«Руслан»*, которое расшифровывается как РУСский Лайнер АНтонова.

Для обозначения всей совокупности ономастических названий ученые предлагают термин «ономастическое пространство» [2, с. 30].

Рассуждая о собственных и нарицательных именах, Л.А. Введенская и Н.П. Колесников определяют различную смысловую нагрузку имен. Нарицательное имя заключает в себе определенную информацию: называет объект, описывает его. Поэтому и дается оно предмету не случайным образом. Например, название летательного аппарата «*вертолет*» отражает специфику этой машины: *вертикальный взлет*.

Собственные имена, по мнению этих исследователей, носят случайный характер. Они называют предмет, но не описывают его. «Имена *Саша, Женя, Валя* мало что сообщают об их носителях. Не известно даже, мужчина это или женщина, взрослый или ребенок.» [5, с. 13].

Л.М. Щетинин, рассматривая имена собственные с исторической точки зрения, напротив указывает на информативность имен собственных, в частности фамилий. «Систематическое изучение информации, заключенной в антропонимах народа или его более или менее изолированной части может служить дополнительным источником его этнографической и социально-экономической характеристики» [6, с. 11]. Так, например, фамилия *Калачев* восходит даже не к одной, а к двум предметно-логическим системам. Один смысловой ряд – название хлебобулочных изделий: *Баранкин, Блинов, Бубликов, Пирогов, Сухарев* и др. – хорошо всем известен. Но Л.М. Щетинин выделяет и второй ряд, который «приходит к фамилиям окружной дорогой через нарицательное название речного потока, огибающего остров (как дужка на пшеничном калаче – сгибне), и через топоним *Калач* (название крупного населенного пункта в большой излучине Дона) ведет к распространенной на Дону фамилии.» [6, с. 16].

Процессы, которые описывает Л.М. Щетинин, имеют отношение к транспозиции языковых форм. Транспозиция – это «использование одной языковой формы в функции другой формы – ее противочлена в парадигматическом ряду.» [7, с. 519]. В ономастике транспозиция онимической и нарицательной лексики выражается в процессах онимизации, апеллятивации и трансонимизации. А.В. Суперанская отмечает, что онимизация – это переход апеллятивной лексики в онимическую [1, с. 43]. Приведем пример из книги Л.М. Щетинина «Русские имена». Ученый находит подтверждение тому, что в XIV – XVI вв. именем могло стать любое слово, обозначающее хорошо известные предметы окружающего мира. Так возникали странные, с точки зрения современного человека, имена: *Холст, Квас, Огурец, Хомяк, Солнце*, которые потом стали фамилиями.

В противоположность онимизации апеллятива в языке зафиксирован обратный процесс апеллятивации, который представляет собой переход онимической лексики в апеллятивную (нарицательную). Так, известное имя *Иван* стало общим обозначением русского человека, *Гюльчатай* – восточной девушки, *Наполеон* – наименование человека с непомерными амбициями [8, с. 3]. «Таким образом имя собственное перевоплощается в имя нарицательное.» –подчеркивает Е.С. Отин. Исследователь отмечает, что несмотря на такую транспозицию в данной языковой единице все же остается «след индивидуальности и единичности». Этот след, по мнению лингвиста и создает «особую экспрессию, оценочность или, говоря лингвистическим языком, коннотативность» [8, с. 3].

В языке продуктивна полная абсолютная апеллятивация имени, когда оно утрачивает свойства характерные для онимов. Так, например, далеко не всем нашим современникам известно, что слова *сандвич, силуэт, макинтош, бешамель, галифе* когда-то были просто фамилиями. Рассмотрим этимологию некоторых из них.

Лорд Сандвич являлся государственным деятелем, но единственное, что сохранило его имя в истории, это изобретение двойного бутерброда – сандвича. Современные любители фастфуда даже не подозревают, что когда- -то один из страстных игроков в карты сделал необыкновенное мозговое усилие и изобрел подобный бутерброд, который позволял ему насытиться, но при этом не прерывать игры и не пачкать рук [9, с. 91].

Силуэт (Silhovette) – фамилия французского министра финансов, который усидел на министерском кресле всего несколько месяцев. Быстрый взлет, короткая и бурная карьера, внезапное падение произвело большое впечатление на публику. «Появиться как Силуэт», «исчезнуть как Силуэт» стало поговорками [9, с. 92-94].

Актуальной проблемой современной ономастики является изучение прецедентных имен собственных. Заложил основы исследования вопроса прецедентности в русистике Ю.Н. Караулов. Продолжают развивать названную тему И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков. Ученые выделяют прецедентные тексты, например, «*Евгений Онегин*»; прецедентные ситуации, прецедентные высказывания, например «*Кто виноват?*», «*Что делать?*», прецедентные имена. Прецедентным именем называется индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, прецедентным (например, *В.Теркин*), или с прецедентной ситуацией (например, И. *Сусанин*) [10, с. 82]. Ю.Н. Караулов обозначает характеристики прецедентного имени: 1) индивидуальность; 2) эмоциональная и информативная значимость; 3) многократное обращение в дискурсе языковой личности [11, с. 216]. А. Нахимова в монографии «Прецедентные имена в массовой коммуникации» характеризует прецедентные концепты и репрезентирующие их широко известные имена собственные не для обозначения конкретного человека в тексте, а в качестве определенного знака, символа определенных качеств, событий, судеб. В самых различных лингвокультурных сообществах имена *Дон-Жуан и Ловелас* уже много веков выступают как знак чрезмерного женолюбия, *Вольтер* — как символ свободомыслия, *Дон Кихот* — как символ бескорыстной борьбы за справедливость, среди имен, ставших прецедентными совсем недавно, можно назвать имя *Эдварда Сноудена*, которое символизирует теперь человека, виновного в серьезной утечке секретной информации. Значительное место в российской массовой коммуникации играют национальные концепты (*Александр Невский, Иван Сусанин, Хлестаков, Троцкий, Чапаев* и др.), которые отражают

национальную действительность, национальный характер и национальную ментальность русского народа [12, С. 5].

Вопрос о прецедентности связан с миром художественной литературы. Имена собственные в художественном тексте рассматривает поэтическая ономастика или поэтонимология. В.М. Калинкин заявляет, что «предмет поэтической ономастики представляют вовсе не собственные имена как таковые, а их специфическая трансформация – поэтонимы» [13, с. 97]. Основное отличие имен собственных и поэтонимов в том, что поэтонимами обозначаются идеальные образы, созданные автором. Их отличает динамичность, «неустойчивость относительно принадлежности к ономастической или апеллятивной лексике» [13, с. 97], а также доминирование в сфере «поэтических» коннотаций. Среди поэтонимов можно выделить художественные антропонимы, топонимы, зоонимы. Нужно отметить, что вопрос о художественных антропонимах является более разработанным в научном мире. Многие молодые ученые исследуют поэтонимы именно в этом направлении (Е.А. Хамаева, Э.Ф. Маслова 2012 г., Л.Г. Ковалева 2013 г.). Роль зоонимов в художественном тексте остается практически не исследованной. Между тем, эта тема является очень интересной и важной для анализа текста художественного или публицистического.

Зоонимика – наука о зоонимах, собственных именах (кличках) животных [14, с. 77]. Наше внимание привлекли литературные зоонимы *Наф-Наф, Ниф-Ниф, Нуф-Нуф*. Известно, что это имена поросят – героев английской сказки, сюжет которой в стихотворной форме изложил С. Михалков, наделив безымянных поросят редуплицированными именами. Очевидно, что именно простота и похожесть этих онимов явились причиной их распространения в русском дискурсе. Предварительный просмотр языкового материала показывает, что данные зоонимы функционируют далеко за пределами детской литературы. *Наф-Наф, Ниф-Ниф, Нуф-Нуф* часто являются героями рекламных текстов строительных кампаний, напр.: «*Жил-был в 21 веке поросенок Наф-Наф. И решил он построить себе добротный и теплый дом. Конечно же, каменный!*» (statiy/slovety-naf-nafa.html 10.10.14). Как видим, в данном случае авторы помнят, что самым благоразумным поросенком был именно *Наф-Наф*. Однако об этом помнят не все авторы: «*Все помнят сказку про «Трех поросят». Два глупеньких поросенка* ***Ниф-Ниф*** *и* ***Наф-Наф*** *посторили хиленькие жилища, которые развалились просто оттого, что серый волк на них подул. И только умный и деятельный поросенок* ***Нуф-Нуф*** *построил дом, который выдержал все волчьи атаки. Только вот, судя по всему, в современном Петербурге* ***Нуф-Нуфа*** *днем с огнем не сыщешь*» (kurier-Media.ru/artieles/1222/ 1.11.12). Очевидно, что для автора последнего примера не существует существенной разницы между гласными, различающими имена поросят, хотя он и использует прием противопоставления одного поросенка двум другим. Мы же склонны оценивать значение каждого звука данных зоонимов, используя исследовательские методы фоносемантики.

Встречаются названные онимы и в политических текстах. Автор статьи о лидерах майдановского движения в Украине характеризует их преступные действия. Интересен тот факт, что порицая в статье поведение различных людей, автор называет их одним онимом – *Ниф-Нифом*.

Вслед за Е.П. Иванян хочется отметить, что в различных контекстах вышеупомянутые литературные зоонимы выступают либо как синонимы в значении «порицаемые лица», либо «ЛА ***Наф-Наф*** выступает контекстуальным антонимом ЛА ***Ниф-Ниф и Нуф-Нуф***» [15].

Таким образом, проблема имени собственного интересовала ученых-языковедов с древности. В настоящее время многие теоретические вопросы, связанные с этой проблемой решены. Большой вклад в развитие ономастики как науки внесли такие ученые как А.В. Суперанская, В.Д. Бондалетов, Л.А. Введенская и другие. Однако тема онимии по-прежнему представляет интерес для ученых. Актуальными в настоящее время являются вопросы, связанные с прецедентными именами, коннотативностью онимов, ролью поэтонимов в литературоведении. Для нас наибольший интерес представляет именно литературоведческая составляющая поэтонимологии, а именно роль зоонимов в художественном тексте. В лингвистических исследованиях возможно использование достижений таких наук как фонетика, лексическая семантика, семиотика, зоопсихология, фоносемантика. Несомненно, что такой разносторонний подход к языку художественного произведения даст возможность исследователям произвести глубочайший анализ текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. 366 с.

2. Бондалетов В.Д. Русская ономастика : Учеб. Пособие для студентов пед. ин-тов. По спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М.: «Просвещение», 1983. 224 с.

3. Ермолович Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой подачи. «Р-Валент», М., 2005. 416 с.

4. Современный русский язык. Учебник для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» В 3 ч. Ч.2. Словообразование. Морфология/Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов. 2-е изд., испр. и доп. М.: «Просвещение», 1987. 256 с.

5. Введенская Л.А., Колесников Н.П. От названий к именам. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1985 544 с.

6. Щетинин Л.М. Русские имена. (Очерки по донской антропонимии). Изд. 3-е, исправл. и дополн. Издательство Ростовского университета, 1978. 256 с.

7. Лингвистический энциклопедический словарь/ под ред. В.Д. Ярцевой. М.: Наука, 1990. 680 с.

8. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. – М.: ООО «А Темп», 2006. 440 с.

9. Казанский Б.В. Приключения слов. -2-еизд. СПб: Авалонь, Азбука-классика, 2008. 256 с.

10. Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей/ ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: «Филология», 1997. Вып. 1. 192с. (www. philol. msu. ru/ slavphil/books/jsk 01 08 zacharenko et. pdf) (Обр. 15.10.14)

11. Караулов Ю.И. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.

12. Прецедентные имена в массовой коммуникации [текст]: монография / Е.А. Нахимова; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Ин-т соц образования. Екатеринбург, 2007. 207 с. (politlinguist. ru / materials/mono /Нахимова %20Прецедентные%20 имена – 2007. pdf.) (Обр. 21.10.14)

13. Калинкин В.М. Поэтонимология: из заметок о метаязыке науки. (dspace.nbuv.gov.ua/bistream/ handle/123456789/39209/17- Kalinkin-NEW. pdf) (Обр. 28.10.14)

14. Русская ономастика и ономастика России. Словарь / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Школа-Пресс, 1994. 288 с. – («Русская энциклопедия»).

15. Иванян Е.П. Сочетание естественного и гуманитарного подходов в лингвистическом анализе текста. / Всероссийская научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. Самара, 12-14 марта 2014 г.

ONOMASTIC LEXICON AS A SUBJECT OF STUDY BY RESEARCHERS LINGUISTS

© 2015

***O.A. Vasilieva*,** teacher
Military Air Force Academy professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin, Syzran (Russia)

Abstract. This article is devoted to a problem of studying of a proper name (PN). The work has a survey abstract character. The analysis of onomastic researches on the subject is carried out. It is remarked that different scientists solve the problem of proper name in language ambiguously. One scientists consider that proper name does not have any meaning (J. Mill, A.A. Beletsky, Y.A. Karpenko, L.A. Vvedenskaya). Others note that it acquires meaning in speech, when there is a correlation with its owner (O. Espersen, N.D. Arutyunova, E. Grodzinsky). However, more and more researchers acknowledge that the proper noun has a conceptual content – significatum. One of the tasks of scientists is to determine the proper noun as a notion, its characteristics. The article presents the distinguishing features of proper names, their classification. In the scientific world, different points of view on the nature of a proper name are facing. According to some scientists, proper names, unlike common nouns, have random character. Other researchers, considering a proper name from the historical point of view, note its informational content. Often scientists pay attention to the fact that the boundary between proper and common nouns is not clear. When analyzing such processes scientists use specific terminology. The article describes the concept of apellativation, onimization, transonimisation, connotation of onyms. Actual problem of modern onomastics is studying of precedent proper names. Scientists distinguish precedent names, texts, situations and expressions. The question of precedency is related to the world of fiction. Proper names in a literary text are studied by the poetic onomastics. The article provides a language material on the basis of which the role of zoonyms in the literary text is analyzed.

Keywords: onomastics; precedential; apellyativatsiya; onimizatsiya; connotative; poetonimologiya; poetonimy.

УДК-811.161.1

МЕСТО ПОЭТИЧЕСКОЙ КОЛОРИСТИКИ Ф.И.ТЮТЧЕВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© 2015

Е.В. Воронец, аспирант
Брянский государственный университет, Брянск (Россия)

Аннотация. Цветонаименования – это одна из наиболее обширных и вызывающих интерес у исследователей лексическая группа. Для выражения цветовых ощущений на одном только русском языке требуется как минимум 450 слов. Цветопись активно используется во всех жанрах литературы как яркое и многофункциональное изобразительное средство, но по смысловой сгущенности и эмоциональной насыщенности даже в минимальном контексте главное место занимает поэзия. Становление поэтического колоризма в русской литературе связывают с именем Г.Р. Державина, который оказал большое влияние на творчество Ф.И. Тютчева. Исследователи творчества Тютчева (Пумпянский Л.В., Лотман Ю.М., Пигарев К.В. и др.) не раз отмечали обилие красок в его стихах. Семантическое поле цвета активно используется поэтом в его творчестве. При этом Тютчеву присуще индивидуальные специфические приемы в реализации ассоциативных возможностей слов этого поля. Ф.И. Тютчев в своих произведениях создал индивидуальную палитру цветов, которая служила ему для создания неповторимых образов. Отличительной особенностью тютчевского колоризма является его индивидуальность. Большинство составных эпитетов с семантикой цвета, используемых в стихотворениях поэта, имеют частоту употребления равную 1 и свойственны лишь тютчевской поэзии. Кроме того, исследователями стиля Тютчева отмечаются колебания переносно-образного и прямого значения цветовых прилагательных. Свойственный Тютчеву метод соединения цветового прилагательного с абстрактными существительными переводит цветовую семантику в эмоционально-экспрессивный план. Тютчев привнес в колористику свой особый метод составления сложных колоризмов и метафоричного употребления цветовых слов. В статье рассматривается место тютчевского колоризма в русской литературе.

Ключевые слова: колористическое пространство; цветовая картина мира; цветосемантика; Ф.И. Тютчев.

Цветопись активно используется во всех жанрах литературы как яркое и многофункциональное изобразительное средство, но по смысловой сгущенности и эмоциональной насыщенности даже в минимальном контексте главное место занимает поэзия. Изучались цветообозначения многих русских поэтов: С. Есенина, М. Цветаевой, А. Блока, В. Маяковского и др. Наш исследовательский интерес привлекает поэзия Ф.И. Тютчева.

Можно сказать, что на сегодняшний день нет более или менее значительных работ, в которых проблема колористического пространства поэзии Тютчева была помещена в центр исследования. Исследователи творчества Тютчева (Пумпянский Л.В., Лотман Ю.М., Пигарев К.В. и др.) не раз отмечали обилие красок в его стихах. Отдельные колористические фрагменты, детали, цветные уголки в нейтральном стихотворении, «раскрашенные» строфы и стихи - насчитываются у Тютчева десятками. Это большой значащий составной элемент его поэзии [1, с. 38].

Происхождение европейского колоризма еще не выяснено. Громадную роль он играл в немецких стихотворных школах XVII века. Но небывалый расцвет колоризма произошел в Германии в самом начале XVIII века. Наша ода XVIII века была периферией немецкой поэтической культуры; не удивительно поэтому, что немецкий колоризм перешел в русскую поэзию. Отцом русского колористического стиля стал Державин, воспринявший его непосредственно от немецкой оды. Уже в «Ключе», 1779 г., есть замечательные пейзажно-колористические строфы («Когда в дуги твои сребристы глядится красная заря, какие пурпуры огнисты и розы пламенны горя...»), но последовательно стал разрабатывать новый стиль Державин уже в 1790-е годы, когда им созданы в этой области произведения, поэтическая убедительность которых была достаточно велика для того, чтобы создать большое могущественное направление, поддержанное всеми без исключения учениками Державина, жившее потом весь XIX век.

Сильнее всего тютчевский колоризм проявился в 30-е годы. Ю.М. Лотман отмечал, что лирика Тютчева явление исключительное: отличаясь разнообразием, контрастной противоречивостью всех красок образующей ее картины, она исключительно стабильна в своих структурных особенностях [2, с. 593]. У Тютчева действительно можно найти всю цветовую гамму, настоящую палитру художника. Общая палитра цветовых номинаций отражает цветовидение автора и тональность восприятия им окружающей действительности.

Семантическое поле цвета активно используется поэтом в его творчестве. При этом Тютчеву присуще индивидуальные специфические приемы в реализации ассоциативных возможностей слов этого поля. Борис Михайлович Козырев в своей работе «Письма о Тютчева» проводит сравнительный анализ колористических систем двух поэтов, Тютчева и Пушкина: «Численный подсчет дает количественное подтверждение непосредственно очевидной разницы в колоризме обоих поэтов: у Тютчева одно «цветовое» слово приходится примерно на 15 стихотворных строк, у Пушкина — примерно на 45 [3, с. 117]. Если же исключить резко выделяющиеся по колоризму из остального пушкинского наследия стилизованные «Песни западных славян», то для остальной лирики Пушкина указанного периода мы получим примерно соотношение 1:50. Таким образом, Тютчев использует цвет более чем в три раза чаще, чем Пушкин. Но еще важнее, по мнению Б.М. Козырева, качественные различия цветовой палитры у обоих поэтов. Строгая графичность лирики Пушкина выступает в огромном преобладании черного и белого. Обращает на себя внимание полное отсутствие составных цветовых эпитетов (типа «темно-голубой», «зеленовато-синий»), т. е. пренебрежение оттенками цветов. Склонность к черному и серому цветам отмечали и исследователи языка Ф.М.Достоевского. Некоторые даже отмечали, что одной из характерных черт Достоевского является его нелюбовь к цвету, его стиль беден красками.

Тютчевская палитра организована совершенно иначе. Из всех цветов излюбленным у него является лазурный — 22 раза, а вместе с голубым и синим — 39 раз. Это, конечно, связано с огромной ролью, какую играют в поэзии Тютчева небо и воды.

Исследователь языка поэзии Тютчева Б.М. Козырев выделяет три характерные для колористики поэта черты. Во-первых, широкое употребление сложных цветовых определений, иной раз весьма причудливых и всегда выражающих стремление к наиболее индивидуализированной передаче впечатления от оттенков цвета [3, с. 118].

В действительности, одна из специфических особенностей колоризма Тютчева – склонность к промежуточным, оттеночным тонам, что проявляется, в частности, в использовании сложных образований типа *сизо-темно, светозарно-голубой, пышно-золотой, лазурно-золотой, мглисто-лилейно, туманисто-бело* [4, с. 14]. В поэтической лексике Тютчева впечатляет раздвоенный, разящий, движущийся эпитет. Составной эпитет – свойство немецкой речи – было тонко подмечено Тютчевым и творчески освоено им как переводчиком. Составной эпитет применялся в русской поэзии и до Тютчева, но именно под его пером составной эпитет стал заметным и даже определяющим явлением стиля поэта. Обилие авторских семантических оттенков, смысловая многослойность слова – одни из многих специфических черт поэтики Тютчева. Как отмечают исследователи языка поэзии Тютчева, поэт сполна воспринял от Державина метод составления сложных колористических прилагательных. Л.В. Пумпянский, однако, отмечает, что Тютчев смягчил яркость красок старых колористов. «Если угодно, можно говорить об «облегченном барокко» Тютчева. Но в отношении принципов Тютчев такой же последовательный колорист, как любой иной наивный ученик Державина, – только более умелый» [1, с. 40].

Далее, по Б.М. Козыреву, обращает на себя внимание глубокая метафоричность тютчевских определений цвета. Очень редко он употребляет прямое его название. Так, слово «красный» встречается у поэта единственный раз, да и то в метафорическом и двойственном по смыслу значении: огонь — «словно красный зверь какой». Зато мы встречаем у него и «благоухающий рубин» плодов, и «кровь» винограда, сверкающую «сквозь зелени густой», и «пасмурно-багровый» бурный вечер, и «кровавый» закат звезды Рима, и т. д. То же верно и по отношению к серому цвету: слово «серый» ни разу не употреблено в стихотворениях, зато есть целая гамма тончайших его метафорических определений: стальной, свинцовый, сизый, седой, дымный, дымно-легкий, дымчатый, сизо-темный и т. п. «Желтый» встречается лишь дважды, но зато находим обилие метафорических эпитетов, его заменяющих: золотой, золотистый, пышно-золотой, огневой, огнецветный, янтарный, песчаный, ржавый и т.п.

Только основные тютчевские цвета: синева (лазурь, голубизна) и зелень — выражаются прямым образом. Это отчасти, может быть, связано с тем, что слово «зелень» уже само по себе метафорично, означая не только цвет, но и растительный мир; так же и «лазурь» или «синева» являются метонимическими определениями неба. А такой «цветовой» образ, как «лазурь души», уходит целиком в область символики.

Третья замечательная черта тютчевского колоризма заключается в очень частом изображении цвета в его изменении: «поголубел», «зазеленело». Возможность отображения в стихах подобных изменений рождается главным образом из словообразовательного потенциала глаголов. При структурно-семантическом анализе тютчевских цветовых глаголов, причастий и деепричастий обнаруживаем, что половина всех лексем образована с помощью приставки, несущей на себе различные оттенки значений. В стихотворениях поэта глаголы являются главными выразителями темы поступи времени. Исследователи языка поэзии Тютчева отмечали, что поступь времени – постоянная тема в его сознании и поэзии. В каждой детали изменчивой природы поэт философски осмысливает быстрое течение времени. При структурном анализе отдельных произведений поэта исследователями отмечалось, что нередко стихотворения поэта держатся на глаголах [5, с. 142]. Так, например, структура стихотворения *«Восток белел. Ладья катилась…»* выстроена таким образом, что каждое новое четверостишье вводит цветовой глагол. Поэт показывает восход солнца в трех стадиях развития. В строке *«Восток **белел**…»* цветовой глагол приобретает световую семантику. Поэт описывает тот промежуток времени, когда горизонт начинает светлеть перед наступлением утра. Имперфективная семантика цветового глагола указывает на развитие действия, предполагающего переход в иное состояние. *«Восток **алел**…»* - следующая стадия рассвета, когда горизонт окрашивается в алый цвет при приближении солнца. И, наконец, *«Восток **вспылал**…»*. Перфективный характер глагола, созданный приставкой *вс-*, указывает на высшую степень развития действия. Б.М. Козырев называет данное явление в стихах Тютчева «интенсивной динамикой цвета» [3, с. 118].

Все три указанные черты вполне соответствуют мифотворческому и символическому характеру тютчевской поэзии. При этом существенно, что все эти особенности изображения цвета остались неизменными от начала и до конца его творчества.

Помимо индивидуальных различий колористических систем различных поэтов и писателей, прослеживаются в них и схожие черты, которые можно продемонстрировать на примере присутствия в их творчестве желтого цвета.

С.М. Соловьев в своей работе «Изобразительные средства в творчестве Ф.М. Достоевского» говорит о том, что роль желтого в русской литературе весьма своеобразна. «Если красный оставался одним из главнейших цветов в спектре фактически всех русских писателей и поэтов, если розовый и голубой неизменно привлекали и радовали их, то совершенно иным было отношение к желтому. Литература XVIII и начала XIX века не признавала желтого цвета. Желтый был полностью вытеснен тоном золотым» [6, с. 219].

Вытеснение желтого золотым и объясняет, отчего желтого так мало в спектре Тютчева – 2,4%. Замечательным исключением в использовании золото-

го представляет спектр Тютчева: в его поэзии золотой (22,5%) так же обилен, как и у самых типичных и ранних поэтов XVIII века.

Автор делает попытку объяснить подобное явление. «В XVIII веке внутренне убранство помещений обычно овеяно золотом; желтый фон появляется, по-видимому, впервые у Гоголя, в «Ревизоре» [6, с. 220].

Следует отметить, что предпочтительность золотого цвета в отличие от желтого была свойственна не только Тютчеву, но и его современникам. По данным Национального корпуса русского языка, у таких поэтов как А.А. Фет, А.С. Пушкин, А.А. Блок частотность употребления эпитета *золотой* в среднем в 4-5 раз превышает использование колоризма *желтый.* Что касается Г.Р. Державина, оказавшего большое влияние на творчество Тютчева и в частности на его колористику, то любимым цветом поэта, как указывают исследователи языка его поэзии, был именно золотой [7, с. 94]. Державин активно употреблял качественные цветообразования, уподобленные оттенкам сокровищ. Они метафоричны, но не теряют и цветового значения. Такие эпитеты встречаются в поэзии Державина наиболее часто.

На примере присутствия в творчестве современников Тютчева лилового цвета можно сравнить его лирику с произведениями Льва Николаевича Толстого. Среди всех цветовых прилагательных, которые встречаются на страницах романов Толстого, исследователи его языка выделяют *лиловый*. Это чрезвычайно любопытный пример эпитета, преследовавшего Толстого в течение всей его жизни. Как пишет Н. Апостолов, «этот навязчивый цвет пленяюще действовал на него, и почти в каждом своем произведении Толстой окрашивал им самые разнообразные предметы, начиная от людей и кончая полевыми цветами»: «Во время отъезда Николеньки в Москву (в «Детстве») — во всем воздухе была какая-то пыльная мгла, горизонт был ***серо-лилового*** цвета (гл. 14). Во время хлебной уборки (там же) плыли ***бело-лиловые*** облака (гл. 7). Во время грозы («Отрочество», гл. 2) надвигавшаяся большая туча была ***темно-лиловая***... Листья выдавались на ***лиловом*** фоне (там же). «Эти приведенные данные (которые можно было бы значительно расширить) заставляют нас признать, что *лиловый* был у Л. Толстого одним из любимейших эпитетов» [8, с. 199].

В стихотворениях Тютчева лиловый цвет не встречается вовсе. Как отмечал Б.М. Козырев в своих «Письмах о Тютчеве», «Тютчев не знает лилового цвета ни в одном из его оттенков (сиреневый, фиолетовый и т. п.). И в этом он не отличается от всех остальных русских поэтов досимволической эпохи» [3, с. 118].

Среди схожих черт, сближающих колористические системы двух талантливых авторов, можно назвать сложные прилагательные. Многие настаивают на том, что «именно в сложных словах наиболее ярко сказывается своеобразие художественной речи Л. Толстого» [9, с. 277]. При анализе «Войны и мира» исследователи языка Толстого выделяют отдельно лексико-тематическую группу сложных прилагательных с цвето- и светосемантикой. При создании портрета того или иного персонажа Толстой нередко употребляет прилагательные, образованные сложением основ «цветового прилагательного» и существительного, которое обозначает ту или иную часть лица (соматизма): *черноглазый, черноволосый, чернобровый, белокурый, голубоглазый* и др. Что касается лирики Тютчева, то об особом месте составных цветовых прилагательных в его лирике было сказано выше.

В целом, Толстой любил тютчевскую поэзию, чувствовал в ней великий урок умения заставить заговорить все скрытые в словах значения и в итоге — как бы новым зрением увидеть природу и человека. Восхищаясь талантом Тютчева, Толстой называл его «одним из тех несчастных людей, которые неизмеримо выше толпы, среди которой живут, и потому всегда одиноки». Тютчев – поэт, о котором Толстой сказал: «Без него нельзя жить».

Изучив особенности поэтической колористики Тютчева, можно с уверенностью сказать, что она занимает особое место в русской литературе. Тютчев привнес в колористику свой особый метод составления сложных колоризмов и метафоричного употребления цветовых слов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Пумпянский Л.В. Поэзия Ф.И. Тютчева // Урания. Тютчевский альманах. 1803–1928. Л.: Прибой, 1928. С. 9-57.

2. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. С.- Петербург: «Искусство - СПБ», 1996. 848 с.

3. Козырев Б.М. Из четвертого и других писем: [Письма о Тютчеве] // Ф.И. Тютчев / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Гос. лит. музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева. М.: Наука, 1988. Кн. I. С. 112—119. (Лит. наследство; Т. 97).

4. Везерова М.Н. Лексика цвета, света в идиолектах Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, А.Н. Майкова // Формирование семантики и структуры художественного текста. Куйбышев, 1984. С. 13–24.

5. Берковский Н.Я. Глаголы в стихотворении Тютчева «Тихой ночью, поздним летом…» // 50 стихотворений Ф. Тютчева с комментариями: Хрестоматия для словесника. Сост. В.Ф. Погорельцев. – Брянск, Издательство БГПУ, 1995. С.142-143.

6.Соловьев С.М. Изобразительные средства в творчестве Ф.М. Достоевского/ С.М. Соловьев. – М.: Советский писатель, 1979. 352 с.

7. Русанова Н.Б. Эпитеты Г.Р.Державина // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII h.XIX в.в. Л.:»Наука»,АН СССР, Институт Русской литературы (Пуш. дом),1969. Сборник 8. С. 92-102.

8. Апостолов Н. «Лиловый» цвет в творчестве Толстого // Толстой и о Толстом: Новые материалы / Главнаука Наркомпроса; Труды Толстовского музея. М., 1927. Сб. 3. С. 198—199.

9.Галкина Г.С, Цапникова В.М. Прилагательные света и цвета в романе Л. Толстого «Война и мир»//Лев Толстой: Проблемы творчества. Киев, 1978. С. 272-279.

10. Денисов П.Н.Лексика русского языка и принципы ее описания. – М.: Русский язык, 1980. 253с.

11. Пигарев К. В. Жизнь и творчество Ф.И. Тютчева. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 376 с.

12. Толстогузов П. Н. Лирика Ф.И. Тютчева: Поэтика жанра. М.: «Прометей» МПГУ, 2003. 296 с.

13. Цвет и названия цвета в русском языке / Под общ. ред. А.П. Василевича. М: КомКнига, 2005. 216 с.

14. Голованевский А.Л. Поэтический словарь Ф.И.Тютчева. Брянск: РИО БГУ, 2009. 962 с.

15. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А.А. Николаева. Л.: Сов. писатель, 1987. 448 с.

16. Гаспаров М.Л. Композиция пейзажа у Тютчева // Гаспаров М.Л. Избранные труды. – Т. 2. – М., 1997. – С. 332–361.

17. Неклюдов В.Д. Эпитеты в поэтической речи Ф.И. Тютчева//Поэтическое наследие Ф.И. Тютчева: литературоведение, лингвистика, методика: Материалы Юбилейной международной научно-практической конференции - Брянск, 2003. С. 82-87.

18. Чичерин А.В. Стиль лирики Тютчева//Контекст – 1974. М.1975. С. 275–294.

19. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке - М.: Наука, 1975. 286 с.

20. Касаткина В.Н. Поэтическое мировоззрение Тютчева – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1969. 256 с.

THE PLACE OF TYUTCHEV'S POETIC COLORISTICS IN RUSSIAN LITERATURE

© 2015

E.V. Voronets, post-graduate student
Bryansk State University, Bryansk (Russia)

Abstract. Color terms is one of the most extensive and arousing interest of researchers lexical group. For the expression of color sensations at least 450 words are required in only one Russian language. Color terms are actively used in all genres of literature as a vivid and multifunctional visual mean, but by the sense thickness and emotional intensity even in a minimal context the poetry dominates. The formation of a poetic color term in Russian literature is associated with the name G.R. Derzhavin, who had a great influence on the work of F.I. Tyutchev. Researchers of Tyutchev's poetry (Pumpyanskiy L.V., Lotman Y.M., Pigarev K.V. and others) noted repeatedly the abundance of colors in his poems. Semantic field of colors is actively used by the poet in his work. Individual specific techniques in the implementation of associative capabilities of color words characterize Tyutchev's poetry. In his poems Tyutchev created an individual color palette, which served him to create unique images. A distinctive feature of Tyutchev color terms is their personality. The most of composite epithets with color semantics which are used in the Tyutchev's poems, have a frequency equal to 1, and characterize only Tyutchev's poetry. In addition, the researchers observe a fluctuation of figurative and direct sense of color adjectives. Appropriate to Tyutchev the method of connection of the color adjectives with abstract nouns transfers color semantics into emotionally expressive plan. Tyutchev brought to the coloristic his own special method of drawing up complex color words and their metaphorical use. The article considers the place of Tyutchev's color terms in Russian literature.

Keywords: coloristic space; color picture of the world; semantics of color terms; F.I. Tyutchev.

УДК 81-139

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАРОДНЫХ НАЗВАНИЙ НА ОБОЗНАЧЕНИЯ ПОВЫШЕННОГО РЕЛЬЕФА В ЗАХІДНОПОЛІСЬКИХ И ВОЛЫНСКИХ ГОВОРАХ

© 2015

О. К. Данилюк, кандидат филологических наук
Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки, Луцк (Украина)

Аннотация: Проанализированы географические термины для обозначения горы, на основе которых было создано синонимический ряд; повышение на материале полеско-волынских наречий. Указанный ряд семантически-близких слов в приведенных апеллятивах. Определены структурно-семантические особенности исследуемой группы лексики. Особое внимание уделяется выявлению узколокальных терминов.

Ключевые слова: срок, номен, номенклатура, лексема, семантическое микрополе.

Постановка наукової проблеми та її значення. Актуальність вивчення народної географічної термінології визначається не лише для мовознавчих студій, а й для природничих, історичних, суспільно-етнічних тощо. Лінгвістичний аспект такого типу досліджень в усій його багатоплановості орієнтований на вивчення загальнонаціональної термінологічної системи, яка, у свою чергу, не можлива і без регіональних студій географічної номенклатури. Не зважаючи на помітне посилення інтересу до народної географічної термінології як слов'янськими, так і українськими мовознавцями, сьогодні можна констатувати, що описи апелятивної лексики поки що не охоплюють всього загальноукраїнського простору.

Аналіз останніх наукових досліджень. На рівні слов'янських мов географічна термінологія досліджена в чеській і словацькій мовах (Р. Малько), польській (П. Нітче, Я. Сташевський), сербохорватській (Ю. Шутц), болгарській і македонській (Е. Григорян), білоруській (І. Яшкін), російській (Е. Мурзаєв і В. Мурзаєва). Найгрунтовнішою працею щодо вивчення народної географічної термінології слов'янського терену стала монографія М. Толстого «Слов'янська географічна термінологія: Семасіологічні етюди» [16].

Серед важливих праць щодо дослідження апелятивної лексики на позначення географічних об'єктів – лексикографічні праці С. Грабця «Географічні назви Гуцульщини», Я. Рудницького «Географічні назви Бойківщини», Т. Марусенко «Матеріали до словника українських географічних апелятивів (назви рельєфів)», Є. Черепанової «Народна географічна термінологія Чернігівсько-Сумського Полісся: Словник», Т. Громко «Словник народних географічних термінів Кіровоградщини».

Найновішими дослідженнями народної географічної термінології на сучасному етапі стали праці І. Потапчук «Народна географічна термінологія в західноподільських говірках [13] та С. Шийки «Народна географічна термінологія Ровенщини» [20].

Також важливе значення для вивчення географічних термінів мають праці М. Юрковського, Й. Дзендзелівського, Г. Аркушина, П. Лисенка, М. Никончука, В. Шульгача та ін.

Ґрунтовне знання місцевої лексики, особливо географічної, дає можливість визначити, як практично формувалася українська мова у живому мовленні носіїв. Однак ця робота потребує подальшого системного продовження. У пропонованій статті ми розглядаємо терміни однієї з найменш насичених семантичних груп, що пояснюється особливостями рельєфу окресленого регіону.

Виклад основного матеріалу й обґрунтування отриманих результатів. Семантичне поле «гора, підвищення» на всій досліджуваній території рівномірно передає апелятив горб < псл. *gъrbъ [5, I, 563], що є в українській мові загальновживаним і добре відомим у багатьох її говорах: укр. горб 'опуклість, наріст; нерівність (на землі)' [15, 566], укр. діал. горб 'підвищення (в загальному значенні', 'горб у лісі, зарослий деревами', 'підвищення на дорозі', 'підвищене й відкрите місце'; 'гора (в загальному значенні)', 'невелика похила гірка, горб' [8, 223-224], 'невелике підвищення, гірка' [10, 30], 'підвищення' [18, 62].

Мереживний ареал утворює демінутив горбóк 'невелике підвищення' < псл. *gъrbъkъ [5, I, 563], який так само, як і горб, відзначається значним поширенням у більшості українських діалектів, наприклад, укр. діал. горбóк 'підвищене сухе місце серед болота', 'невелике підвищення, гірка' [10, 30-31], 'окремий горб', 'невелике підвищення', 'острівок на болоті' [18, 63], 'горб, пригорок', 'невеликий земляний насип', 'підвищення на дорозі', 'гора (в загальному значенні)', 'горб у лісі,

порослий деревами’ [8, 224]. Відзначено факт фіксації відповідного номена в білоруських говірках: блр. гарбóк ‘випуклість на рівному місці, гірочка, висипка, згірочок; згірочок над долом, могильна гірка’ [21, 46].

Таке ж місце за поширеністю займають лексеми горá, гíрка ‘невелике підвищення’< псл. *gora, *gorъka [5, I, 562-561], які з орографічною семантикою відомі українській мові та практично всім слов’янським мовам, пор.: укр. гíрка ‘ зменш.-пестл. до гора’ [14, II, 74], укр. діал. ‘підвищення’ [18, 52], горá ‘т.с.’ [18, 62], ‘гора (в загальному значенні)’, ‘підвищення (в загальному значенні)’, ‘вершина гори’, ‘підвищення на дорозі’ [8, 223], блр. гарá ‘підвищення, будь-яке високе місце, високий згірок; невисокий піщаний згірок, звичайно круглий або заокруглений з одного боку, гравійний пагірок; високий берег річки; високе поле; сніжний пагірок, замет’, гора ‘крутий схил, обрив гори, берега’ [21, 46, 51], словен. gora ‘т.с.’ [23, 82], хорв. gora ‘гора, ліс’[19, 22], чес. hora ‘гора’, ‘ліс; високий ліс’, ‘виноградник’ [7, 20], пол. góra ‘гора’ [24, 16]. Одиничним вкрапленням до описуваного мікрополя є суфіксальний дериват від слова гора, оформлений за допомогою суфікса -ище, який надає аугментативного значення, – апелятив горúще (с. Піщане КамінькКаширського району), зафіксований із семантикою ‘велике підвищення’.

У межах західноволинських говірок суцільний ареал окреслює ізофона гурá ‘підвищення на поверхні ґрунту’ зі звичним для цієї говіркової групи переходом ненаголошеного [о] в [у]. Під впливом польського góra, górka склався одиничний апелятив гýрка ‘невелике підвищення’, записаний в с. Перевали Турійського району.

Синонімічний ряд продовжує широковідома назва пáгорб, яка зі значенням ‘невелике підвищення’ спорадично фіксується на всій досліджуваній території. Префіксальносуфіксальне утворення пáгорбок репрезентує ідентичну семантику в північносхідній частині західнополіського говору. Ізоглосу пáгорбок продовжує укр. діал. пáгорбок ‘підвищене сухе місце серед болота’, ‘невелике підвищенння, гірка’ [10, 30-31], ‘горб; невелике продовгувате підвищення’, ‘похилий схил’, ‘сухе місце (типу острівка) на болоті’ [18, 157], ‘невелика похила гірка, горб’ [8, 239].

Суфіксальні деривати від твірної основи *па-гор-, а саме лексеми пагíрок (с. Маркелівка Володимир-Волинського району), пáгорок ‘невисока гірка, горб’ (с. Підгородне Любомльського району), пагýрок ‘невелике підвищення’ (с. Хорохорин Луцького району, сс. Гречища, Велика Глуша, Шлапань Любешівського району) є, як бачимо, спорадично вживаними, мають споріднені утворення в українській мові та на інших слов’янських територіях: укр. пагóрок ‘височина, часто з пологими схилами, пригір’ [14, VI, 10], укр. діал. пáгорок ‘горб, підвищення’ [18, 157], пáгíрок ‘пагорок’ [8, 239], пáгурок ‘підвищене сухе місце серед болота’, ‘невелике підвищення, гірка’ [10, 30-31] < пагорок, блр. пагóрак ‘невисоке підвищення, пологий пагорбок’ [21, 124], пол. pagórek ‘горбок’ [24, 21].

У структурі спорадично фіксованих термінів прúгір ‘невисоке підвищення’ (смт Голоби Ковельського району, смт Олика Ківерцівського району, с. Старосілля Маневицького району, с. Озеряни Турійського району), прúгорок (м. Горохів Горохівського району, с. Жорнище Ківерцівського району, смт Шацьк Шацького району), окрім кореня -гір < гора, використано префікс при, що має семантику наближеності, та – в другій формі – суфікс ок із первісно демінутивним значенням. Відповідники виявлено в інших українських та слов’янських діалектах : укр. пригір ‘невеличкий горб, пагорок’ [14, VII, 588], пригорóк ‘невеличкий горбок, пагорок’ [14, VII, 597],’горб’ [2, II, 411], укр. діал. прúгірок ‘пригорок, горб;’ [8, 244], прúгор ‘невелике підвищення, горб’ [18, 180], прúгірок ‘невелике підвищення, гірка’ [10, 30], пол. przygórek ‘височина, горб’ [24, 22].

У досліджуваному масиві спорадично вживані лексеми груд, грудóк, які етимологічно зводяться до псл. * grQd- [5, I, 60] і відзначаються такою семантичною амплітудою: груд ‘великий пагорб’ (с. Хворостів Любомльського району), ‘підвищення на низині’ (с. Старий Чорторийськ Маневицького району), ‘горб, високе місце’ (с. Рудка Маневицького району); грудóк ‘продовгувате підвищення’ (говірка с. Овлочин Турійського району), ‘невелике підвищення’ (частина західнополіських говірок). Однак наведені лексеми найбільш уживані зі значенням ‘підвищене, відносно сухе місце на болоті’. Пор. споріднені утворення з тією ж або близькою семантикою: укр. грýда ‘нерівності на поверхні землі у вигляді затверділих горбків’ [14, II, 179], укр. діал. груд ‘підвищене сухе місце серед болота’, ‘невелике підвищення, гірка’ [10, 30], ‘невисока похила гірка, горб’, ‘підвищення на болоті, де косять сіно’ [8, 225], діал. ‘підвищене сухе місце серед болота’ [10, 31], укр. діал. грудóк ‘ підвищене сухе місце серед болота’, ‘невелике підвищення, гірка’ [10, 30], ‘ невисока гірка, горб’, ‘підвищення серед низовини’ [8, 225], ‘горб, пригірок’, ‘острівок на болоті’, ‘окремий великий камінь’, ‘невелике підвищення’ [18, 66] , блр. груд ‘високе місце, згірок, підвищення серед болотяної чи лугової рівнини; мерзла земля, грязь восени; пісок на гірці’, грýда ‘замерзла земля, грязь; засохлі грудки на полі; купа рихлої землі, льоду, гілля’ [21, 53], чес. hrud ‘високе місце в лісі, незатоплене водою’ [7, 21].

Зі значенням ‘невелике підвищення’ у частині говірок Ковельського та Ківерцівського районів відзначено лексему бугóр, яка етимологічно зводиться до псл. *bьgъrъ/*bugorъ і характеризується як східнослов’янський термін підвищеного рельєфу [9, 63]. З аналогічною семантикою це слово відоме в інших місцевостях: укр. бугóр ‘невеликий горб; невелике підвищення на поверхні чого-небудь’ [14, I, 246], укр. діал. ‘невелике підвищення, гірка’ [10, 30], ‘штучний горб, насип’, ‘невеликий насип піску біля річки’ [8, 218], блр. бугóр ‘згірок, пагірок, невелика гора; високі місця; гора піску; купка землі, яку накопав кріт’ [21, 26]. Принагідно зазначимо, що наведений термін в обстежених говірках відомий ще зі значеннями ‘штучно насипаний горб’(с. Воєгоща Камінь.Каширського району), ‘камінь, зарослий травою’ (с. Гектари Горохівського району).

Лексема градá (< псл. *gręda [5, I, 608]) відома в західноволинських говірках із семантикою ‘гора, підвищення’ (с. Овадне Володимир.Волинського району), а також у західнополіському говорі зі значенням ‘продовгувате підвищення’ (с. Люб’язь Любешівського району), в говірках інших територій відзначається складною семантичною структурою: укр. грядá ‘високе місце’, ‘смуга скопаної землі, де садять городину або квіти’ [15, 623], укр. діал. ‘підвищення, суха частина лугової площі, яка не затоплюється під час повені’ [17, I, 214], ‘продовгувате підвищення, що складається з кількох гір, горбів’ [12, 74], ‘ острів у плавнях’, ‘гребінь острова, не затоплений водою’, ‘сухе місце в річці, де пороми заходять на мілину’ [8, 225], ‘ острів на річці’ [4, 105], ‘середня частина річки’ [3, 119], укр. діал. градá ‘підвищене сухе місце серед болота’ [10, 31], ‘берег, суша’ [8, 224], блр. градá ‘вузька смужка чи квадрат зораної землі на городі, оточений на глибину плуга розорами, а на низькому місці канавками; підвищення, продовгуватий згірок серед болота, поміж ручаїв, на лузі, який ніколи не заливається водою; рівне місце на лузі; піщана коса на полі, в лісі’ [21, 52].

Номенклатурне слово кряж (< псл. *krędžь [5, III, 115]) зафіксоване Т. Марусенко в с. Підгородне Любомльського району зі значенням ‘підвищення, кряж’, відоме також у західноволинських надбузьких говірках, де репрезентує семему ‘продовгувате

підвищення’. Слід зазначити, що наведений апелятив є семантично близьким до українських загальновживаних та діалектних: укр. кряж ‘пасмо невисоких гір, горбів; гірська гряда’, ‘гірський хребет’, ‘пагорб, підвищення’ [14, IV, 379], ‘сніговий хребет, горб’ [2, II, 316], укр. діал. кряж ‘місцевість із підвищеннями’, ‘продовгувате підвищення’ [18, 115].

У говірках Маневицького району з цією семантикою нами відзначено лексему вершóк (демінутив від верх < псл.*vrьхъ [5, I, 360-361]), яка в такому звуковому оформленні на території досліджуваного масиву здебільшого відома для позначення вершини гори, пагорба (с. Шклинь, м. Горохів Горохівського району, с. Любитів Ковельського району, с. Шлапань Любешівського району, с. Кукли Маневицького району). Цей компонент виявлено в значеннєвій структурі аналізованої лексеми і в інших діалектах: укр. діал. вершóк ‘вершина гори’ [18, 42 ; 8, 220], пол. wierzch ‘вершина гори’ [24, 27].

Праслов’янський корінь *vysokъ-/*vysot-/ [17, 74] є основою для дериватів висотá ‘один високий горб’ (с. Дольськ Турійського району), височинá, височíнь ‘підвищення, горб’ (с. Підгородне Любомльського району). Семантично близькими до наведених апелятивів є укр. височинá ‘підвищення, частина суші (від 200 до 600 м), що має подекуди рівну, а частіше хвилясту поверхню, розчленовану долинами, балками, ярами’; височíнь ‘простір на великій віддалі від землі’ [14, I, 496], укр. діал. височинá ‘підвищення, горб; гірська рівнина’, висотá ‘підвищення, горб’ [8, 221]; ‘горб, пригора’ [18, 49], пол. wysoczyna ‘височінь’ [24, 24].

Поодинокий дериват плоскогíр’я ‘підвищення’ (с. Шклинь Горохівського району) є композитною формою: *плоск-о-горье, оформленою за допомогою суфікса збірності ье, пор.: укр. діал. плоскогíр’я ‘плоскогір’я’ [8, 242], ‘рівнина на підвищенні’ [18, 169]; рос. плоскогорье ‘місцевість із рівнинною чи горбистою поверхнею, що лежить високо над рівнем моря’ [11, 424].

З-поміж термінів, виявлених нами в цьому семантичному мікрополі, особливої уваги заслуговує вузьколокальний термін шкáрпа, зафіксований нами лише в одній говірці (с. Галичани Горохівського району) зі значенням ‘підвищення’. Наведена лексема є давнім слов’янським архаїзмом, що зводиться до *skъra < і.-є. *(s)ker- ‘гнути, крутити, сікти’ [6, 66-67]. Споріднені лексеми відзначені й в інших українських та слов’янських діалектах: укр. діал. скарпа ‘крута вершина гори’, ‘внутрішній схил рову’ [8, 249], шкарп ‘штучна гірка’ [8, 2114]; болг. скарпа ‘скеля’, ‘кам’янисте місце’, ‘берег’, скелястий берег’, ‘велика скеля’ [1, 201], словен. skarpa ‘схил залізниці’ [23, 587], н.луж. škorp, škorpa’чашка, глиняний горщик’[20, II, 640], пол. śkarpa, szkarpa ‘горбик, насип’ [22, II, 532].

Виклад основного матеріалу й обґрунтування отриманих результатів дослідження. Спостереження над семантикою досліджуваних апелятивів дозволяють констатувати багатство значень (включаючи й локальні відтінки значень), лексем на позначення рельєфу, а також те, що географічні терміни відображають специфіку ландшафту досліджуваного регіону.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Григорян Э. А. Словарь местных географических терминов болгарского и македонского языков. – Ереван, 1975. – 260 с.

2. Грінченко Б. Д. Словарь української мови. – Т. I-IV. – К.: Наукова думка, 19961997.

3. Дзендзелівський Й. О. Спостереження над українськими народними назвами гідрорельєфу // Onomastica. – Kraków, 1972. – T. XVII. – S. 109-147.

4. Дзендзелівський Й. О. Українські назви для острова на річці (Із спостережень над українськими народними назвами гідрорельєфу) // Studia Slavica. – Budapest, 1966. – T. XII (14). – S. 103-113.

5. Козлова Р. М. И.е.*(s)kel- ‘гнуть, сгибать’ в славянской гидронимии. 1 // Prace językoznawcze: Studia rusycystyczne i slawistyczne. – 1988. – № 14. – С. 23-36.

6. Етимологічний словник української мови: В семи томах. – Т. 1–3. – К.: Наукова думка, 1982–1989. – Т. 1-3.

7. Малько Р. Н. Географическая терминология чешского и словацкого языков (на общеславянском фоне). Минск.: Наука и техника, 1974. – 143 с.

8. Марусенко Т. А. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов) // Полесье: Лингвистика. Археология. Топонимика. – М.: Наука, 1968. – С. 206-255.

9. Непокупний А. П. Слов’янська термінолоія підвищеного рельєфу в індоєвропейському аспекті // Мовознавство. – 1998. – № 23. – С. 6277.

10. Никончук М. В. Матеріали до лексичного атласу української мови. (Правобережне Полісся). – К.: Наукова думка, 1979. – 313 с.

11. Ніковський А. Українськоросійський словник. – К.: Гроно, 1926. – 864 с.

12. Полякова Е. Н. От ‘араины’ до ‘яра’: Народная географическая терминология Пермской области. – Пермь: Кн. изд-во, 1988. – 181 с.

13. Потапчук І. М. Народна географічна термінологія в західноподільських говірках : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10. 02. 01 «Українська мова». – Луцьк, 2012. – 20 с.

14. Словник української мови: В XI томах. – К.: Наукова думка, 1970-1980.

15. Тимченко Є. К. Історичний словник українського язика. – Т. 1. – К., 19301932.

16. Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. – М.: Наука, 1969. – 262 с.

17. Чабаненко В. А. Словник говірок Нижньої Наддніпрянщини. – Т. 1–4. – Запоріжжя, 1992.

18. Черепанова Е. А. Народная географическая терминология Черниговско-Сумского Полесья. – Сумы, 1984. – 274 с. 123а Черепанова Е. А. Географическая терминология ЧерниговскоСумского Полесья. Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Минск, 1973. – 26 с.

19. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – Т. I–II. – М.: Русский язык, 1993.

20. Шийка С. В. Народна географічна термінологія Ровенщини : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10. 02. 01 «Українська мова». – К, 2012. – 20 с.

21. Яшкін І. Я. Беларускія геаграфічныя назвы: Тапаграфія. Гідралогія. – Мінск: Навука і тэхніка, 1971. – 256 с.

22. Karłowicz J. Słownik gwar połskih. – T. 1-6. – Kraków. – 1900-1911.

23. Kotnik J. Slovenskoruski slovar. – Ljubljana, 1972. – 735 s.

24. Nitsche P. Die geographische Terminologie des Polnischen. – Köln-Graz: Böhlau, 1964. – 339 s.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ НАРОДНИХ НАЗВ НА ПОЗНАЧЕННЯ ПІДВИЩЕНОГО РЕЛЬЄФУ В ЗАХІДНОПОЛІСЬКИХ ТА ВОЛИНСЬКИХ ГОВІРКАХ

© 2015

О. К. Данилюк, кандидат філологічних наук
Східноєвропейський національний університет імені Лесі Українки, м. Луцьк (Україна)

Анотація. Проаналізовано географічні терміни для позначення гори, на основі яких було утворено синонімічний ряд; підвищення на матеріалі поліськоволинських говірок. Зазначена низка семантично-близьких слів до наведених апелятивів. Визначено структурно-семантичні особливості досліджуваної групи лексики. Особлива увага надається виявленню вузько локальних термінів.

*Ключові слова***:** термін, номен, номенклатура, лексема, семантичне мікрополе.

STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF NATIONAL NAMES FOR DESIGNATION OF INCREASED IN RELIEF ZAHIDNOPOLISKYH AND VOLYN DIALECT

© 2015

O. K. Danyliuk, candidate philology sciences
Lesya Ukrainka East European National University, Lutsk (Ukraine)

Abstract. Analyzed geographical terms to denote the mountains, on the basis of which was created synonymic line; an increase of the material pasikowski dialects. The specified number of semantically-related words in the above apellation. Defined structural-semantic peculiarities of the studied group vocabulary. Special attention is given to identifying narrowly local terms.

Keywords: term, nomen, nomenclatura, lexeme, semantic microfield.

УДК 37.064.2

ОСНОВНЫЕ МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТАКТИКИ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

© 2015

Д. Р. Дроздова, аспирант
Кубанский государственный университет, Краснодар (Россия)

Аннотация. Данная статья посвящена изучению тактик языкового манипулирования, успешно применяемых в академическом дискурсе в учебных заведениях. В статье приводится наиболее полное определения понятия «языковое манипулирование». В тексте анализируются выделенные манипулятивные тактики, а именно: тактика переакцентуации, тактики умолчания и искажения, тактика поощрения, а также опосредованные манипулятивные тактики, в частности привлечение современных технологий как источника интереса подрастающего поколения. Эффективность тактик языкового манипулирования оценивалась после их применения на учащихся, которые являлись представителями разных возрастных групп: учениками младших классов (6 – 11 лет), старших классов (15 – 16 лет) и студентами университета (20 – 21 год). В результате практического применения приведенных манипулятивных тактик в процессе обучения, мы могли увидеть степень продуктивности относительно учащихся определенных возрастных категорий. Так, данные приемы манипулятивного воздействия являются распространенными и активно применяются учителями и преподавателями для наиболее эффективной работы с учениками и студентами и достижения наилучших результатов учащимися. Нами была предпринята попытка выделить наиболее действенные тактики языкового манипулирования, применяемые в учебном процессе, и отследить образ их действия на учащихся. Предложенные тактики языкового манипулятивного воздействия могут применяться как в академическом дискурсе, так и за его пределами: при общении с учениками на темы, не связанные с учебным материалом или учебным процессом, при личном взаимодействии с учащимися, например, во время проведения воспитательной работы и внеклассных мероприятий.

Ключевые слова: манипуляция; манипулятивная тактика; академический дискурс; преподавание.

Образование – это роскошь доступная всем. Возможность получения школьного образования защищена Конституцией Российской Федерации, а высшее учебные заведения располагают как бюджетными, так и договорным местами, чтобы дать возможность максимальному количеству желающих получить профессиональное образование. Его эффективность зависит не только от студента, но и от преподавателя. В настоящее время академический дискурс представляет интерес в силу распространенности получения образования. Так, проблема не только межличностного, но и профессионально направленного взаимодействия является чрезвычайно актуальной. Ученых интересуют механизмы взаимодействия и взаимовлияния учителя и ученика, преподавателя и студента, научного руководителя и исследователя. С психологической, педагогической и лингвистической точек зрения интересен процесс оказания языкового воздействия в рамках академического дискурса, а также степень восприятия и эффективности производимых манипулятивных тактик на реципиента.

Основываясь на определениях понятия «языковое манипулирование», сформулированных отечественными и иностранными учеными (Е. В. Денисюк [1], О.Н. Быкова [2], Л.Ю. Иванов [3], Франке Г. [4]), мы сформулировали наиболее полную дефиницию. Итак, языковое манипулирование – это вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент. При этом манипулятор скрывает подлинные цели языкового воздействия на реципиента. С его помощью осуществляются манипулятивные тактики. В отношении академического дискурса языковое манипулирование применяется преподавателем очень часто, начиная от налаживания работы на занятии, и заканчивая влиянием на отстающих учащихся с целью повышения успеваемости.

Языковое манипулирование располагает широким арсеналом манипулятивных тактик. Целью нашего исследования является выделение наиболее эффективных манипулятивных тактик, применяемых в процессе обучения в современных учебных заведениях. В научной литературе данный вопрос рассмотрен неполно, исследователи уделяли большее внимание методике обучения

какому-либо предмету, а не технике наиболее эффективного привлечения учащихся к науке через использование некоторых манипуляций. Некоторые манипулятивные тактики освещены в труде В.П. Шейнова [5], которые представляют собой приемы, негативно сказывающиеся на учебном процессе, например, тактика снижения оценки по предмету за ненадлежащее поведение в отношениях «учитель – ученик», пресечение вопросов учащихся из-за незнания некоторых аспектов преподаваемой темы, а также, когда власть и возможность оказывать воздействие является главной целью, преподаватель наделяет себя безграничными правами в общении со студентом и демонстрирует необъективность к знаниям учащихся, руководствуясь субъективным мнением. Зарубежные исследователи (М. Андесен [6], У. Кидд и Дж. Чернявски [7], С. Соннтаг [8]) разделяют позитивный настрой и предлагают обратить внимание на продуктивные тактики, например, способы стать нужным ученикам и обращать внимание на позитивные моменты в обучении, активно взаимодействуя с учащимися, а иногда даже соревнуясь с ними, предлагая им тем самым улучшить свои знания.

Нами было проведено исследование, в ходе которого мы выявили представленные ниже манипулятивные тактики. Они были опробованы на учащихся нескольких возрастных групп: учащиеся младшего школьного возраста (6-11лет), старшеклассники (15-16 лет) и студенты (20-21год). Итак, одна из самых эффективных – это переакцентуация. Суть ее заключается в том, что на первый план выдвигаются акценты, которые тем или иным образом связаны с объясняемым материалом. Переакцентуация в академическом дискурсе подразумевает резкую смену темы в ходе урока с целью повышения внимательности и эффективности восприятия учащихся. Так, например, если ученик или студент отвлекается, то вопрос, направленный на его видение разбираемой проблемы, привлечет его внимание. В процессе выполнения упражнений учащимися, определенный процент ошибок неизбежен, в этом случае манипулятивная тактика переакцентуации будет также полезна. Учащемуся следует предложить разобрать его неправильный вариант ответа, привести примеры с использованием его варианта (использовать выбранное слово, если это касается переводных упражнений), в ходе чего учащийся сам, что немаловажно, придет к нужному правильному ответу. Данная тактика эффективна у старшеклассников и студентов, в силу их более глубокого знакомства с изучаемым предметом, в то время как учащиеся младшего школьного возраста (6-11 лет) лучше воспринимают информацию несколько раз проговоренную, и иногда не могут быстро реагировать на задаваемые вопросы.

Манипулятивные тактики умолчания и искажения, выделяемые Г.А. Копниной [9, с. 53], занимают особое место в академическом дискурсе, так как они связаны не с преподаваемым учебным материалом, а с так называемыми организационными моментами в отношениях между преподавателем и учащимися. Итак, манипулятивные тактики умолчания (утаивание информации от собеседника) и искажения (привнесение эмотивного компонента: преуменьшение, преувеличение, нарушение пропорций) могут помочь преподавателю в активизации учащихся. Например, школьники младшего школьного возраста (6-11 лет) активно реагируют на тактику умолчания в ситуациях, когда учитель ставит перед учениками определенный план, выполнив который они получат некоторый бонус. Так, рассчитывая время, учитель предлагает быстрее завершить выполнение предлагаемого задания и оставшееся время посвятить игре, эффективно занимаясь с учениками, например, 90% учебного времени. С учащимися постарше эффективна тактика искажения, когда, например, преподаватель оценивает объемы выполненные в ходе занятия, преувеличивая их с целью поощрить хорошие темпы работы учащихся, или уменьшая их, чтобы таким образом подстегнуть учеников.

Опосредованное манипулятивное воздействие через использование современных технологий на занятии очень действенно для всех возрастных групп. Осведомленность в прогрессе безусловно привлекает учеников и пробуждают интерес к занятиям, на которых используется компьютерная техника. Так, выполнение заданий с использованием компьютера (создание презентаций, просмотр, обучающего видео, использование обучающих программ, рассылка домашнего задания на электронные адреса учеников) повышают интерес к предмету со стороны продвинутой, в смысле технологий, молодежи.

Тактика поощрения также очень действенна. В природе человека заложена тяга быть признанным, по достоинству оцененным. Учащиеся в рамках учебных заведений могут получить «признание», отличаясь успехами в учебе. Но не у всех это легко получается. Так, ученик, демонстрирующий прогресс, который отмечает и поощряет учитель, настраивается позитивно по отношению к материалу, и готов предпринимать дальнейшие усилия в учебе. Эта манипулятивная тактика действенна для всех представленных возрастных категорий.

Чтобы успешно применять эти манипулятивные тактики на практике в профессиональной деятельности, преподавателю следует наладить контакт с учащимися. Для этого нужно стать частью этой аудитории. С. Кара-Мурза отмечает, что гибкость – это ключевое качество в оказании успешной манипуляции, а также это одно из главных качеств (помимо профессиональной компетенции), отличающих хорошего педагога [4]. Внимание к личности учащегося и направленность на его индивидуальность увеличивает интерес к предмету со стороны ученика. Если говорить о работе с группой или классом, то следует помнить, что всех их объединяют некоторые моменты по причине которых они находятся здесь и сейчас. Если говорить о школьниках или студентах, то в одной группе учащиеся примерно одного возраста и имеющие схожие интересы, именно так можно объяснить, что они выбрали определенный предмет или специальность. Чтобы успешно взаимодействовать с учащимися, преподавателю вовсе не следует раскрывать всю свою подноготную или полностью разделять их интересы, наоборот, некоторая туманность в изложении своей позиции при осведомленности о позиции собеседника-учащегося поможет в успешном применении манипулятивных тактик.

Как мы заметили, преподавательское искусство предполагает гораздо более широкие объемы навыков и умений, чем просто знания в определенной научной сфере. Плодотворное взаимодействие с учащимся предполагает осведомленность и способность применения на практике основ педагогики, методологии, психологии и даже суггестии. Таким образом, предложенные манипулятивные тактики являются неотъемлемой частью учебного процесса. Дальнейшее изучение методологической и психолингвистической составляющих позволит выделить наиболее эффективные тактики, которые будут работать в соответствующих учебных ситуациях, а также найти способ максимально продуктивного привлечения ученика к работе и повышения его успеваемости в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Денисюк Е.В. Феномен манипуляции: речедеятельностная интерпретация // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий: Тезисы докладов и сообщений Всерос. науч.-методич. конференции; Екатеринбург, 19 – 21 марта 2000 г./ Под ред. И.Т. Вепревой. Екатеринбург, 2000. С. 66-68.

2. Быкова О.Н. Языковое манипулировнаие: Материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // Теоретические и прикладные аспекты

речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации. Вып. 1(8). Красноярск, 1999. С. 99-103.

3. Иванов Л.Ю. Пиар есть пиар – примеры речевой манипуляции в новом российском политическом дискурсе // Sprach. Literatur. Politik. Ost- und Südosteuropa im Wandel (hgg. B. Symanzik, G. Birkfellner, A. Sproede). Hamburg, 2004. С. 33-62.

4. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием (Электронный ресурс)/ С.Г. Кара-Мурза. – Режим доступа: www.URL: http://lib.ru/POLITOLOG/karamurza.txt (дата обращения: 15.09.2014)

5. Шейнов В.П. Скрытое управление человеком. Психология манипулирования. М.: АСТ, Харвест, 2006. 357 с.

6. AndersenM. The Well-Balanced Teacher. How to Work Smarter and Stay Sane Inside the Classroom and Out. Alexandria VA: ASCD, 2010. 125 с.

7. Kidd W., Czerniawsky G. Teaching Teenagers. London: SAGE, 2011. 178 с.

8. Sonntag S. Teaching, the Hardest Job You'll Ever Love! Plymouth: Rowman & Littlefield Education, 2010. 167 с.

9. Копнина Г.А. Речевое манипулирование. М.: Флинта, 2008. 176 с.

10. Белянин В.П. Психолингвистика. М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2004. 232 с.

11. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.

12. Зелинский С.А. Манипулирование личностью и массами. Спб.: СКИФИЯ, 2008. 240 с.

13. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.

14. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 2003. 287 с.

15. Оптимизация речевого воздействия. Под ред. Котова Р.Г. М.: Наука, 1990. 240 с.

16. Страхов И.В. Психология педагогического такта. Изд-во Саратовского университета, 1966. 280 с.

17. Хутыз И.П. Актуальные коммуникативные практики: контекст реальности в прагматике современного дискурса. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; Просвещение-Юг, 2010. 139 с.

18. Hyland K. Academic Discourse: English in a Global Context. London: Continuum, 2009. 215 с.

19. Leibling M., Prior R. The A-Z of Learning: Tips and Techniques for Teachers. New York: RoutledgeFalmer, 2005. 170 с.

20. Westwood P. What Teachers Need to Know about Teaching Methods. Camberwell, Vic.: ACER Press, 2008. 105 с.

THE MAIN MANIPULATIVE TACTICS IN ACADEMIC DISCOURSE

© 2015

***D.R.Drozdova*,** postgraduate student
Kuban State University, Krasnodar (Russia)

Abstract. The following article is devoted to the examination of tactics of verbal manipulation, which are successfully used in the academic discourse in educational organizations. The most complete definition of the phenomenon "verbal manipulation" is given in the article. Particular manipulative tactics are analyzed in the text: the tactics of reaccentuation, the tactics of omission and misrepresentation, the tactics of incentive as well as indirect manipulative tactics: the usage of high technology as it is the source of interest of the rising generation, in particular. The efficiency of the tactics of verbal manipulation was evaluated after the use of them in the process of communication with the students of different age groups: primary school students (6 – 11 y.o.), high school students (15 – 16 y.o.) and students of the university (20 – 21 y.o). In the result of practicing the given manipulative tactics in the educational process, we traced the level of efficiency of certain manipulative tactics relative to the students of different age groups. So, these manipulative techniques are quite wide-spread and actively used by teachers in schools and universities for getting the best results. The attempt of picking out the most effective tactics of the verbal manipulation, used in the educational process, as well as tracing the way they influence on the students was made. The tactics of the verbal manipulation may be used in academic discourse as well as out of it: during the communication with the students about something, that is not connected with the educational material, and during the personal interaction between a teacher and students, for example: during the carrying out educational works and extracurricular events.

Key words: manipulation; manipulative tactics; academic discourse; teaching.

УДК 81’373.611

РОЛЬ АНГЛИЦИЗМОВ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

© 2015

А.В. Завадская, кандидат филологических наук, завкафедрой русского языка
Оренбургская государственная медицинская академия, Оренбург (Россия)

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению словообразовательных особенностей неологизмов русского языка постсоветского периода. При заимствовании из английского языка новое слово проходит несколько этапов развития: 1) «проникновение» – период, когда слова соотносятся лишь с английской действительностью; 2) «заимствование» – период, когда расширяется сфера употребления слова применительно к русской действительности; 3) «укоренение» – период, когда заимствования постепенно приобретают черты, присущие словам русского языка. Проходя этап «укоренения», англицизмы зачастую начинают вести себя так же, как и другие слова, составляющие лексический состав русского языка: новое слово выступает в качестве производящего при словопроизводстве, в языке появляются цепочки родственных слов. В статье на примере англицизмов, заимствованных в течение последних 10 лет, показывается, как происходит процесс их адаптации к русской словообразовательной системе. В качестве примера заимствования иноязычной морфемы автор приводит английский суффикс -инг, который в течение многих лет в современном русском языке имела статус инг-компонента. Поскольку этот компонент стал присоединяться к русским основам и участвовать в образовании русских слов, автор делает вывод, что на сегодняшний день стоит изменить статус этого компонента на суффикс -инг. Также автором приводятся и другие примеры заимствования иноязычных словообразовательных элементов. Подводя итог проведенному исследованию, автор делает вывод, что англицизмы, заимствованные в последнее десятилетие, играют важную роль в словообразовательной системе русского языка: с одной стороны, они являются базой для производства новых слов; с другой стороны, словообразовательные аффиксы, входящие в состав англицизмов, обогащают словообразовательную систему русского языка новыми словообразовательными элементами.

Ключевые слова: англицизм; словообразовательный элемент; словообразовательная система.

Характерной чертой русского языка постсоветского периода является функционирование в нем большого количества заимствований из английского языка. Изучением заимствованной лексики занимаются такие ученые, как Н.С. Авилова [1], С.И. Алаторцева [2], М.А. Брейтер [3], Л.Б. Гацалова [4], П.А. Журавлев [5], Л.П. Крысин [6, 7], Е.В. Какорина [8], В.Б. Лебедев [9], Е.В. Розен [10], А.Е. Седов [11], В.Н. Шапошников [12] и др.

Однако говоря о заимствованиях, следует помнить, что подвергаются этому процессу не только слова, но и другие структурные единицы языка. Именно об этом пишет М.П. Алексеев: «Заимствование с одной стороны — творческий процесс обращения к языковому фонду других языков, затрагивающий все уровни языка: лексику и фразеологию, словообразование, грамматику и фонетику. С другой, заимствование – это любая языковая единица, элемент, модель, появившиеся в результате этого процесса и вступающие в парадигматические и синтагматические связи с единицами, элементами и т.д.» [1, с. 102]. Тем не менее не нужно забывать, что такие структурные единицы языка, как морфемы, не могут быть заимствованы изолированно, без того слова, в состав которого они входят. На это указывает и Г. Пауль: «Слова заимствуются всегда целиком, отдельные словообразующие суффиксы и окончания никогда не заимствуются. Однако при заимствовании большого класса слов, содержащих один и тот же суффикс, эти слова, точно так же как и слова родного языка с одинаковым суффиксом, могут образовать группу, которая со временем может стать продуктивной» [13, с. 462]. Словообразовательные особенности неологизмов изучаются Е.А. Земской [14], Л.П. Катлинской [15] и др. учеными.

В данной статье мы хотим показать, как слова, заимствованные из английского языка в течение последних десяти лет, ведут себя в русском языке, каким образом они обогащают морфемный запас и словообразовательную систему русского языка.

Ученые называют множество причин заимствований. Например, Л.П. Крысин описывает причины заимствования терминологической лексики, поскольку именно этот лексический пласт содержит больше всего англицизмов. Среди них ученый выделяет следующие:

1) иностранная терминологическая лексика является незаменимым средством лаконичной и точной передачи информации в текстах, предназначенных для узких специалистов;

2) наметившаяся тенденция к созданию международной терминологии, единых наименований понятий, явлений современной науки, производства способствует закреплению заимствованных слов, получивших интернациональный характер;

3) отсутствие соответствующего наименования в языке-рецепторе;

4) социально-психологические причины и факторы заимствования: восприятие всем коллективом говорящих или его частью – иноязычного слова как более престижного, «ученого», «красиво звучащего», а также коммуникативная актуальность обозначаемого понятия [6, с. 58].

Вышеназванные причины характерны и для заимствования нетерминологической лексики. Так, М.А. Брейтер отмечает, что круг новых понятий и явлений, имеющих русское происхождение, ограничен. Поэтому более простым и эффективным считается заимствование уже существующей номинации вместе с заимствуемым понятием и предметом. Так как передовые технологии сконцентрированы на Западе, а английский язык международный, следовательно, русский словарный состав пополняется неологизмами английского происхождения наиболее активно [3, с. 113].

Н.А. Фазылова предлагает выделять следующие этапы развития англицизмов:

- «проникновение» – начальная стадия, соотношение слова лишь с английской действительностью: может быть короткой (у слов, имеющих абсолютные синонимы, например, *реконструкция* – перестройка); может быть длинной (у слов по своему содержанию несоотносимых с русской действительностью, например, *полисмен*);

- «заимствование» – период, когда расширяется сфера употребления слова применительно к русской действительности, например, *бедлам*, которое раньше имело значение – госпиталь для лунатиков, сейчас же употребляется в значении – суета, хаос, беспорядок;

- «укоренение» – период широкого распространения слова, когда заимствования постепенно приобретают черты, присущие словам русского языка, например, *спортсмен, клуб* [16, с. 45].

После того как англицизмы проходят этап «укоренение», они зачастую начинают вести себя так же, как и другие слова, составляющие лексический состав рус-

ского языка: новое слово выступает в качестве производящего при словопроизводстве, в языке появляются цепочки родственных слов.

Как отмечает О.П. Сологуб, «обилие заимствованных слов неизбежно приводит к тому, что количество перерастает в качество: в таких рядах слов начинают выделяться определенные структурные элементы и параллельно с этим формироваться более или менее конкретное значение выделяемых отрезков. Таким образом, происходит становление иноязычных структурных элементов как самостоятельных морфем в русском языке, иными словами, осуществляется процесс морфемизации» [17, с. 130].

А.В. Боброва выделяет три этапа в заимствовании суффиксов. Эти этапы, на наш взгляд, характеризуют весь процесс морфемизации. Их можно наблюдать и при заимствовании других морфем (например, префиксов или аффиксоидов):

1) этап накопления слов с этим иноязычным суффиксом, хотя слова и будут восприниматься как непроизводные, немотивированные, морфологически неразложимые;

2) второй этап - этап выделения суффикса на русской почве в связи с наличием родственных слов, заимствованных позднее или уже имевшихся в языке до заимствования данного слова;

3) третий этап - освоение суффикса, связанное с образованием новых слов от русских основ на русской почве с помощью этого иноязычного, но теперь уже заимствованного суффикса [18, с. 12].

Проследим, как осуществляется в русском языке процесс морфемизации на примере англоязычного компонента -инг, который в последнее десятилетие приобрел высокую продуктивность. Практически во всех сферах языка можно встретить слова с данным компонентом. Так, в научной сфере появляются новые направления, многие из которых получают названия, содержащие компонент -инг: *нейминг, контроллинг*, *лизинг, маркетинг, инжиниринг*. Большое количество слов с компонентом -инг относятся к социально-бытовой сфере: *боулинг, паркинг, шопинг, кастинг, тюнинг*.

О.П. Сологуб, оценивая статус инг-компонента в русском языке, отмечает, что на русской почве этот отрезок еще не сформировался как полноценный суффикс, так как слова, в которых он выделяется, лишены словообразовательной структуры; в русском языке отсутствует производящая основа, на базе которой образовано данное слово, что является необходимым условием становления структурного элемента как самостоятельной морфемы [19, с. 131].

Однако мы не согласны с данным мнением. Так, недавно в русском языке появилось слово *зацепинг*, которое означает способ езды на различном транспорте, прицепившись к нему снаружи. Из определения следует, что данное слово образовано суффиксальным способом от глагола *зацепиться*. В качестве словообразовательного аффикса выступает англоязычный суффикс -инг. Таким образом, можно сделать вывод, что теперь инг-компонент следует считаться полноправным суффиксом словообразовательной системы русского языка, который стоит в одном ряду с такими суффиксами, как -ер, аж и пр.

Что касается заимствованного суффикса -ер со значением «лицо по роду деятельности», то следует отметить его высокую продуктивность в последние десятилетия. Этот суффикс вошел в русский язык достаточно давно (фермер, миллионер). Сегодня в языке появилось большое число заимствований с элементом -ер, которые условно можно разделить на две группы: 1) слова, в которых -ер является суффиксом, 2) слова, в которых -ер пока еще не является суффиксом.

В состав первой группы входят слова, в которых данный элемент выступает как словообразовательный суффикс (например, *блогер, акционер, пикапер, зацепер, слэклайнер*). Говорить об этом нам позволяет тот факт, что вышеперечисленные слова имеют родственные слова без этого компонента (*блог, акция, пикап, зацепинг, слэклайн*). Ко второй группе относятся заимствования, в которых данный элемент не может быть выделен в русском языке как суффикс, поскольку на сегодняшний день пока еще отсутствуют родственные слова без компонента -ер. Однако в английском языке данный компонент выступает в качестве суффикса. Примером являются слова *хакер, дилер, киллер, мерчендайзер*. Следует отметить, что границы этих групп достаточно гибкие, поскольку слова из второй группы переходят в первую, как только в русском языке появляются родственные им слова.

Иногда приходится наблюдать, что заимствование с иноязычным компонентом не приживается в русском языке. Вместо него употребляется синоним, содержащий русские аффиксы. В качестве примера можно привести слово *трейсер*, которым называют человека, занимающегося паркуром. Это слово хотя и существует в русском языке и даже фиксируется некоторыми современными словарями, но не получило распространения в языке. Вместо него активно употребляется синоним *паркуровец*, содержащий русский суффикс -ец.

Сравнительно недавно появился в русском языке и компонент -мания. Особенно продуктивен этот компонент в публицистической и разговорной речи: *игромания, макарономания, фильмомания*, *шпиономания, англомания* (примеры обнаружены нами в периодических изданиях и в телевизионных передачах). В Оренбурге даже появился магазин под названием «Мехамания», что является абсолютно безграмотным с точки зрения русского языка (поскольку это слово сложное, в нем должен использоваться интерфикс о, а не а). Что касается статуса данного компонента в русском языке, то мы не обнаружили работ, которые однозначно бы характеризовали данный компонент. В словарях русского языка фиксируется, что это вторая часть сложных слов. Тем не менее исходя из того, что этот компонент участвует в образовании сложных слов, мы делаем вывод, что -маниj- является суффиксоидом.

Таким образом, англицизмы играют важную роль в словообразовательной системе русского языка. С одной стороны, они являются базой для производства новых слов. С другой стороны, вместе с новыми словами заимствуются и словообразовательные аффиксы, которые в последствии участвуют в образовании новых слов как с заимствованными, так и с русским и корнями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Авилова Н.С. Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени / Н.С. Авилова . – М. : Просвещение, 2003. 246 с.

2. Алаторцева С.И. Проблемы неологии и русская неография : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / С.И. Алаторцева; Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. СПб.,1999. 34 с.

3. Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: пособие для иностранных студентов-русистов. – Владивосток: Диалог, 1998. 215 с.

4. Гацалова Л.Б. Неология в современной лингвистике./ Л.Б. Гацалова – Владикавказ: Изд-во Сев.-Осетин. гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова, 2005. 118 с.

5. Журавлев П.А. К вопросу иноязычных заимствований// Русский язык конца XX столетия (1985-1995). - М., 2000. - С. 149-158.

6. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современной жизни М.: П., 1968. 276 с.

7. Крысин Л.П. Словообразование или заимствование // Лики языка: К 45-летию научной деятельности Е.А. Земской: сб. науч. ст. М.: Наследие, 1998. С. 196-201.

8. Какорина Е.В. Иноязычное слово в узусе 90-х годов (социолингвистическое исследование) // Русский язык сегодня. М., 2000. С. 137-156.

9. Лебедев В.Б. Англицизмы в русском языке. Учеб. Пособие для студентов филол. специальностей пед./ В.Б. Лебедев. М.: Высш. школа, 1980. 65 с.

10. Розен Е.В. Новые слова и словосочетания в русском языке./Е.В. Розен. М., 1991. 217 с.

11. Седов А.Е. Неологизмы в печатных средствах массовой информации XXI века // Вопросы языкознания. 2003. № 3. С. 56-64

12.Шапошников В.Н. Иностранные слова в современной российской жизни // Русская речь. 1997. №3. С. 38-42.

13. Алексеев М.П. Английский язык в России и русский язык в Англии. – Л.: // Серия Филологические науки. 1944. № 72. Вып. 9. С. 77-134.

14. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 2000. С. 90-141.

15. Катлинская Л.П. Активные процессы словопроизводства в современном русском языке: Учеб. пособие для вузов./ Л.П. Катлинская. М.:Высш. шк.,2009. 174 с.

16. Фазылова Н.А. Функциональные особенности новой экономической терминологии в публицистическом тексте: (на материале печатных СМИ 2002-2007 гг.): автореф. дис. … канд. филол. наук. Казань, 2008. 23 с.

17. Сологуб О.П. Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке // Наука. Университет. 2002. Материалы Третьей научной конференции. Новосибирск, 2002. С. 130-134

18. Боброва А.В. Имена существительные на -инг в русском языке. (Происхождение и функционирование): Дисс. . канд. филол. наук. М.: Изд-во МГУ, 1982. 310 с.

19. Габинская О.А. Причины современного русского словотворчества: Автореф. дис. д-ра филол. наук / О.А. Габинская. Л., 1985. 32 с.

20. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Иностр. лит-ра, 1960. 500 с.

THE ANGLICISM'S ROLE IN WORD-FORMATION SYSTEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE

© 2015

A.V. Zavadskaya, Candidate of Philological Sciences, Head of the Department of Russian language
Orenburg State Medical Academy, Orenburg (Russia)

Abstract. This article considers features of neologisms word-formation of Russian language in the post-Soviet period. When borrowing from the English language a new word goes through several stages of development: 1) "penetration" - the period when the words refer only to the English reality; 2) "borrowing" - a period when expanding the scope of use of the word in relation to the Russian reality; 3) "establishment" - a period when borrowing gradually acquire features inherent in the words of the Russian language. Passing stage of "rooting" Anglicisms often begin to behave in the same way as the other words of the lexical structure of the Russian language: a new word acts as a derivation at producing, in the language of a chain of related words appear. In the article on the example of Anglicisms borrowed over the last 10 years, shows how the process of adaptation to the Russian word-formation system. As an example, borrowing foreign language morpheme author cites the English suffix -ing, which for many years in the modern Russian language had the status of ING component. Since this component began to join the Russian basics and participate in the formation of Russian words, the author concludes that today stands to change the status of this component in the suffix -ing. The author also provides other examples of borrowing foreign-language word-building elements. Summarizing the research, the author concludes that Anglicisms borrowed in the past decade, play an important role in the word-formation system of the Russian language: on the one hand, they are the basis for the production of new words; On the other hand, derivational affixes that are part of Anglicisms, enrich derivational system of the Russian language with new derivation.

Key words: Anglicism; the derivation element; word-formative system.

УДК 81.373.49

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМАНТИКИ УМОЛЧАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ДИСКУРСЕ

© 2015

Е.П. Иванян, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания
Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, Самара (Россия)

Аннотация. Семантика умолчания в статье показана в разных аспектах. Характеризуются черты универсальности семантики умолчания, присущие человеческому языку в целом; освещается история вопроса изучения семантики умолчания в лингвистике и, в частности, в русистике. В исследовании даётся функциональная характеристика функционально-семантической категории умолчания, описан её семантический инвариант, названо её базовое значение. План выражения функционально-семантической категории умолчания кратко охарактеризован и описан через её парадигматические микрополя: собственно умолчания и умолчания-намёка. В статье освещается характер соотношения понятий эвфемии и умолчания. Исследована специфика функционирования семантики умолчания в торговом дискурсе. Показано, что со стороны производителей и продавцов товаров имеет место языковое манипулирование, введение покупателей в заблуждение путем намеренного рассогласования формы и содержания в характеристике товара. В частности, описан такой приём языкового манипулирования, как рассогласование по категории рода, по семантике номинаций (на примерах текстов на баннерах города Самары и рекламной текстовой части этикеток). В статье показано, что семантика умолчания в торговом дискурсе активно репрезентирует синтаксическую модель «существительное + предлог *для* + существительное в форме родительного падежа (конкретное или абстрактное)». Употребление названной синтаксической модели одновременно актуализирует семантику умолчания, языковое манипулирование и эвфемизацию текста торгового дискурса. В исследовании обосновывается, что названная синтаксическая модель активно употребляется в написанных от руки подобиях ценников на испорченные товары, а также в комментариях ценников кошачьего корма в магазинах товаров для домашних животных. Оба вида прагматического воздействия на покупателей содержат окказиональные эвфемизмы.

Ключевые слова: семантика умолчания, языковое манипулирование, эвфемизмы, эвфемизация, семантические поля, функционально-семантические категории, язык торговли, заменяющие наименования, языковой дискурс.

Значение умолчания следует считать языковой универсалией, поскольку во всяком языке присутствует намерение адресантов выразить прагматическое значение, нарушить согласование между планом содержания и планом выражения, что осуществляется, в частности при помощи недоговаривания, пропуска информации и именуется семантикой умолчания. Г. Пауль отмечал: «Мы не всегда договариваем свои мысли. Тем не менее,

даже недоговоренное «Опять!», могущее иметь поистине бесконечное количество значений, на практике всегда будет понято наиболее точным образом» [1, с. 206].

В.В. Виноградов описывал умолчание как приём поэтики, характеризуя различные формы его передачи в художественной речи [2; 3]. В современной русистике умолчание изучается в разных аспектах. С синтаксической позиции изучает семантику умолчания М.А. Шелякин [4], в функционально-семантическом ключе – О.Б. Акимова [5] и И.В. Вороновская, [6].

В работе «Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке» это значение впервые в русистике описывается в качестве предмета специального изучения [7, 8]. Базовым (основополагающим) значением для семантики умолчания является значение неопределенности. Как и другие функционально-семантические значения в русском языке, умолчание выражается системой разноуровневых языковых средств.

План выражения семантики умолчания передаёт сигнификативную ситуацию мнимой неопределенности, поскольку при употреблении названного значения адресант знает, о каком предмете, признаке, явлении действительности идёт речь. Следовательно, мнимая неопределенность сигнификативной ситуации (предмета, признака, положения дел) базируется на фактической определенности. Семантическим инвариантом значения умолчания является трёхсемный комплекс: 1) формальная возможность выбора; 2) неотождествленность; 3) определенная, но не называемая данность (реализация умалчивания).

Семантический инвариант значения умолчания репрезентируется в двух парадигматических микрополях: 1) собственно умолчания (‘знаю, но не называю’) и 2) умолчания-намёка (‘знаю, не называю, догадайтесь’). Характеризуемые микрополя находятся в привативных отношениях по признаку «отсутствие – наличие намёка на умолчание».

Семантика умолчания, будучи функционально-семантической категорией, взаимодействует со смежным полем – эвфемией русского языка. План выражения эвфемии как особой языковой универсалии описан в «Словаре эвфемизмов русского языка» [9,10]. Рамки статьи не позволяют подробно раскрыть проблему взаимодействия этих семантических полей. Отметим только, что семантика умолчания и эвфемия соотносятся как часть и целое, иными словами значение умолчания – более широкое понятие.

Семантика умолчания широко представлена в современном русском дискурсе в зоне языкового манипулирования. Языковая демагогия, языковое манипулирование в эпоху глобализации достигли планетарных масштабов. Если в 90-ые годы XX в. русский дискурс робко апробировал западные модели языкового манипулирования, то в настоящее время можно говорить о значительно репертуаре приёмов последнего. В частности, языковое манипулирование широко представлено в торговом дискурсе русского языка.

I. Таковы многочисленные приёмы намеренного введения в заблуждения покупателя. Это и удачный с точки зрения языкового воздействия фразеологизм *лебяжий пух,* имеющий значение ‘искусственный наполнитель’ (поскольку собрать пух с живого лебедя нельзя, то и сбора лебяжьего пуха в производстве не существует); и примеры намеренного нарушения по категории рода в номинациях, обозначающих спред.

II. Таковы выразительные региональные примеры. Известно, что многие годы в Кошкинском районе Самарской области молокозавод производил разнообразную продукцию, в том числе сливочное масло, которое так и называлось «Кошкинское». Покупатель привык к этому местному товару. Далее, с опорой на экстралингвистический фактор осенью 2014 г. на баннерах города появилась реклама, где крупными прописными буквами набрано НАСТОЯЩЕЕ КОШКИНСКОЕ, а мелким шрифтом, внизу строчными буквами размещено слово *спред*. Правильно было бы писать *спред кошкинский*, но в случае языкового манипулирования слово *спред* лукаво умалчивается, а размещение рекламной части баннера намерено содержит прилагательные в форме среднего рода, корреспондирующие в сознании реципиента к понятию ‘сливочное масло’.

Таким образом, языковое манипулирование беззастенчиво вышло в сферу рекламы. На самой этикетке кошкинского спреда языковое манипулирование представлено аналогичным образом: на узнаваемой для покупателей серебристой обертке отпечатаны крупным кеглем слова КОШКИНСКОЕ и НАСТОЯЩЕЕ и не читаемым невооруженным глазом кеглем слово *спред.* Если специально не вести потребительское расследование и не ходить по магазинам с лупой, легко оказаться жертвой подобного манипулирования.

Приведённый пример не ограничивает сферу языкового манипулирования местным масштабом. Аналогичный прием встречаем в спреде с гордым названием КРЕМЛЕВСКОЕ. Производитель – из Нижнего Новгорода – в рекламной текстовой части этикетки поместил лукавую информацию: *ВКУС НАСТОЯЩИХ СЛИВОК.* А вот о том, что это за продукт, – написано едва различимым кеглем «спред».

III. С точки зрения репрезентации семантики умолчания интерес представляют написанные от руки подобия ценников на испорченные товары. В таких рукописных ценниках задействована синтаксическая конструкция – словосочетание «сущ.+ предлог *для* + сущ.Р.п. (конкр. или абстрактн.)». Следует говорить об активно функционирующем приеме таких доморощенных комментариев к ценникам. Примеры этому многочисленны, фиксируются нами с 90-х годов XX в. по настоящее время. Приведём их в обобщенном виде:

Яблоки / персики / абрикосы / апельсины для пирога.
Яблоки / груши для компота.
Молоко для блинов.
Рыба для собачьего корма.
Хлеб для сухарей.

Низкая цена и квазиинструкция по применению дает возможность подпорченному товару быть проданным, «сохраняя лицо». Ведь не написано:

Сгнившие яблоки, прокисшее молоко, протухшая рыба, черствый хлеб.

Характеризуемые примеры относятся скорее не к языковому манипулированию, а к эвфемизации.

IY. Ещё одна сфера репрезентации семантики умолчания – это сопровождение в магазине товаров для домашних животных комментариев-ценников кошачьего корма: на образце корма для кастрированных котов – ценник-комментарий: *корм для беззаботных котов*; корм, рекомендуемый для ожиревших котов сопровождается ценником-комментарием *корм для обеспеченных котов*; корм для котов-производителей характеризуется как *корм для игривых котов*. Попутно заметим, что последний случай, хотя и не является эвфемизацией номинации подпорченного товара, оформлен по той же продуктивной модели и обладает эвфемистической функцией.

Осуществленное нами пилотное исследование средств выражения семантики умолчания в русском дискурсе на современном материале торгового дискурса показало, что 1) средства передачи названной функционально-семантической категории частотны и активно пополняются; 2) со стороны производителей и продавцов товаров имеет место языковое манипулирование, введение покупателей в заблуждение путем намеренного рассогласования формы и содержания в характеристике товара (рассогласование по категории рода, по семантике и проч.); 3) семантика умолчания в торговом дискурсе репрезентирует активную синтаксическую модель «сущ.+ предлог *для* + сущ.Р.п. (конкр. или абстрактн.)». Активное пополнение средств передачи се-

мантики умолчания в первом-втором десятилетиях XXI в. ждёт новых исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Пауль Г. Принципы истории языка // История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, 1964. С. 199-217.

2. Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин. Временник пушкинской комиссии № 2. АН СССР. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 74-147.

3. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. – М.: Гослитиздат (ОГИЗ), 1941. 620 с.

4. Шелякин М.А. Знаковые функции умолчания синтаксем в простых предложениях русского языка // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: Сб. статей, посв. Юбилею Г.А. Золотовой. – М., 2001. С. 190-197.

5. Акимова О.Б. Семантика неизвестности и средства её выражения в русском языке. – М.: МПУ, 1999. 168 с.

6. Вороновская И.В. Функционально-семантическая категория неопределенности в русском языке: Автореф. дис. … канд. филол. н. – Л., 1984. 16 с.

7. Сеничкина Е.П. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке. М.: МГОУ, 2002. 307 с.

8. Иванян Е.П. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке. М.: Флинта: Наука, 2015. 307 с.

9. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

10. Иванян Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. 2-е издание. М.: Флинта: Наука, 2012. 464 с.

REPRESENTATION OF SEMANTICS OF OMISSIONIN MODERN RUSSIAN DISCOURSE

© 2015
E.P. Ivanian, postgraduate student department of Russian language, speech culture and teaching methods
State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Abstract. Semantics of silence in the article is shown in different ways. Characterized by features of the universal default semantics inherent in human language as a whole; highlights the history of the problem of studying the semantics of default in linguistics and, in particular, in Russian studies. The study is given to the functional characteristic functional-semantic category defaults described its semantic invariant, called its base value. Plan expression of functional semantic category defaults briefly characterized and described in terms of its paradigmatic microfield: the actual default and default-hint. The article highlights the nature of the relationship between the concepts euphemy and silence. Investigate the specificity of the functioning of the semantics of silence in the shopping discourse. It is shown that the part of producers and sellers of goods takes place linguistic manipulation, the introduction of misleading customers by intentional mismatch of form and content in the characteristics of the goods. In particular, it describes a technique of linguistic manipulation as a mismatch on the category of gender, on the semantics of nominations (for example, the text on the banner of the city of Samara and advertising text of the labels). The article shows that the semantics of defaults in the commercial discourse actively represents the syntactic model "noun + preposition + noun to form the genitive (concrete or abstract)." Drinking called syntactic patterns simultaneously updates the default semantics, linguistic manipulation and text evfemizatsiyu trade discourse. The study substantiates that called syntactic model is actively used in a handwritten price tags on the similarities of damaged goods, as well as the comments of cat food price tags in stores pet supplies. Both kinds of pragmatic impact on customers contain occasional euphemisms.

Keywords: Semantics of omission, linguistic manipulation, euphemisms euphemisation, semantic fields, functional-semantic categories, language of trade, replacing the name, linguistic discourse.

УДК 81́ 373.45

«ЧУЖИЕ» СЛОВА В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

© 2015
О.И. Кальнова, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка, культуры речи и методики их преподавания
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация. Активизация процесса заимствования иноязычных слов привела к росту иноязычного влияния в языковом пространстве города. Оно наблюдается во всех стилях языка, в его устной и письменной форме. В современный период специфика проникновения иноязычных слов и элементов заключается в их внедрении в повседневную жизнь города: мы видим их в названиях торговых центров, отелей, ресторанов, в анонсах концертов и проч. К 90-м годам прошлого столетия темпы и объемы заимствования превысили нормы языковой эволюции. Иноязычные единицы различаются своей языковой сущностью и способами вхождения в языковое пространство, способами влияния на носителя языка, прежде всего, графическим оформлением. В последние годы отмечается огромное число наименований, оформленных с помощью латинского алфавита. В их составе отмечаются как единицы иноязычного происхождения (отдельные слова, сочетания слов, части слов), так и русские слова, переданные средствами чужой графики. В составе прагматонимов отмечаются и иноязычные вкрапления, имеющие русские эквиваленты. Часть наименований является имитацией иноязычных слов. В связи с таким глубоким проникновением в наш быт и сознание большого числа иноязычных слов и элементов возникают и новые проблемы – языковые, психологические, этические. Языковые проблемы связаны с необходимостью освоения иноязычных слов – семантического, орфоэпического, грамматического, орфографического. Психологические проблемы обусловлены особенностями восприятия новых слов и степенью сложности их освоения. При именовании различных объектов должны учитываться этические аспекты этого процесса.

Ключевые слова: иноязычные слова; заимствование; иноязычное воздействие; графическое оформление.

Активное заимствование иноязычных слов в конце 20 – начале 21 века привело к серьезным изменениям окружающего нас языкового пространства. Иноязычное влияние, или иноязычность [1], мы наблюдаем не только в книжных стилях языка (что преимущественно было раньше), как в его письменной, так и в устной форме, прежде всего на радио и телевидении, но и в повседневной жизни города, во всем, что нас окружает, – на вывесках, афишах, в различного рода объявлениях и т.п.

Воздействие иноязычных слов на лексико-семантическую систему русского языка, в той или иной степени, было всегда. Многие городские объекты, например, обозначаются именно заимствованными словами. *Магазин, галантерея, парфюмерия, кулинария, кафе, ресторан, бар, ипподром, кино, стадион, университет*, *институт, академия, театр, филармония* – эти слова давно и прочно вошли в нашу жизнь.

С «чужими» словами и элементами городской житель

сталкивается повсеместно. Если до начала перестройки, снявшей огромное число запретов, в том числе и на проникновение всего иностранного, темпы и объемы заимствования носили характер нормальной языковой эволюции, то к 90-м годам прошлого столетия сложилась ситуация, когда на рядового носителя языка буквально обрушился мощный поток иноязычных слов, выражений, словообразовательных элементов. Мы видим их в названиях торговых центров и магазинов (***Мегасити, Паркхаус, Леруа Мерлен, Кастарама, Беби****Тоша, **Беби****Мир, **Рив Гош**, **Сити-Классик, Prematan, Paradea, Omnibike***), ресторанов, баров, кафе (***ObeerTone**, **Villa**, **Neo**, Чешская утка (**Czech Duck**), **Zanzi-bar, Breeze, Shamrock, Bierhof**, **Danesi caffe, RED HALL**, **Seazone**/ Сезон, **Frau Muller**, **BEERHOUSE** , **Brauhaus***), медицинских учреждений (***Медикал Он Груп** – Самара, **Dent Art** Стоматология*), турагентств (***Golden tour, Ino-Travel, Interex Travel***), на афишах с анонсами концертов и развлекательных мероприятий (***BIKEDAY** Фестиваль экстремального спорта, **DJ Set Vocal Dance**, **DJ Fire Lady, Nautilus Pompilius***), в теле- и радиопрограммах *(«**Комеди Клаб**», «**Music**», «**Comedy Woman**», «Дом-2. **Live**», «**Quattroroute**», «**Next-3**», «**Pro-fashion**», «**vPRO-kate**», «**PRO**-обзор», «**VIP-Zone**», «**DanceDanceDance**», «**Top Gear**. Русская версия», «Люди **X-treme**», «**Хит-лист**», «Полный **фэшн**. Лучшие моменты», «**Маркет-новости; спик-шоу, ток- шоу***).

В составе новых иноязычий наблюдаются единицы разных языковых уровней и разной языковой природы.

Значительная часть новых иноязычных нарицательных существительных, как правило, употребляется в качестве первого или (реже) второго компонента композита [2]. Обычно иноязычный компонент (аналит-прилагательное) [3] указывает на специфику того или иного понятия, являясь его видовым наименованием и выполняя определяющую функцию: ***караоке**-ресторан, **суши**-бар, **шоу**-ресторан, **шоу**-бар, **арт**-кафе, **арт**-клуб, салун **стейк-хаус**, **гриль**-кафе, кафе-**боулинг, рок**-бар, **караоке**-клуб, **авто-**суши, ресторан-**лаунжбар, DJ**-кафе, **бизнес**-отель Сити, **WiFi** хостел, **фитнес**-клуб* и др.

Заметно чаще встречаются в городском пространстве иноязычные эргонимы [4]. Как правило, они являются наименованиями торговых марок, магазинов, ресторанов и т.п., представляя их индивидуальное имя: *туристическая фирма **Expert Travel**, ресторан японской кухни **Хайку Hayku**, шоу-ресторан **Red Hall**, хостел **Rusland Samara** и др.*

Иноязычные единицы (слова, элементы) в городском пространстве различаются не только своей языковой сущностью, но и способами вхождения в это пространство и способами влияния на носителя языка, прежде всего, графическим оформлением. По данному признаку иноязычия составили несколько групп.

1. Иноязычные слова, оформленные средствами русского алфавита: *туристические агентства **Бон Вояж**, **Натали Турс**, **Лайф-тревел**, **Капитан**, **Экватор**, **Планета Люкс**, **Папильон Вояж**; отели **Ренессанс** Самара, **Грин Лайн**, **Пирамида, Ла Мезон, Эдельвейс**; рестораны **Голодная пиранья**, **Максимилианс, Арт-Шоу*** и др.

В составе данной группы отмечаются как давно известные, освоенные слова (*капитан, экватор, пирамида, эдельвейс*), так и явно «чужие» слова, иноязычные вкрапления, имеющие русские эквиваленты (*вояж, тревел* – путешествие, *лайф* – жизнь и др.) [5; 6; 7; 8]. Оформление таких слов русскими буквами создает лишь внешний эффект их освоенности русским языком. Между тем эти слова не входят в систему языка, и их использование объясняется не собственно языковыми, а прагмалингвистическими и иными причинами.

2. Иноязычные слова, графически передающиеся с помощью чужого алфавита – латиницы.

*Фестиваль экстремального спорта **BIKEDAY**; программы ночных клубов: **DJ Set Vocal Dance**, **DJ Fire Lady, Project Glamour, Winter Secrets;** названия спектаклей: **Ladies` Night**, туристические агентства **Millennium, Ost West Travel, Pac Group, Planet Travel Ramses, Real Travel, Royal Tour**; рестораны и пабы **BeerHouse , Shamrock, Bierhof, Danesi caffe, RED HALL, Frau Muller, City**; отели **My Home Star Aparthotel, Art Inn , Ost West City*** и др.

Реже наблюдается «обратный переход (с кириллицы на латиницу)» [9]. Отмечается это явление именно в названиях банков, различных заведений, в рекламных текстах: *Camardo **caffe,** Irish **pub**, **Apartments** и Eleni* и др.

Следует отметить, что в данной категории иноязычий абсолютное большинство составляют эргонимы. Наименования такого рода с точки зрения типологии иноязычных слов в русском языке также следует отнести к варваризмам, или иноязычным вкраплениям [10].

3. Иноязычное влияние проявилось и в намеренном использовании нерусской графики в оформлении русских и давно освоенных иноязычных слов – нарицательных существительных и личных имен:

Ogni Baku**, **Prohlada** Cafe, Apartments **и Eleni**, DJ **Natasha** Baccardi, **Kazaky**, **Kalinka** Hotel, турагентство **Evgenia и др.

4. Иноязычные слова и элементы нередко сочетаются с русскими или заимствованными, освоенными русским языком. Такие сочетания неоднородны и могут представлять собой соединение разных единиц, оформленных средствами латиницы и кириллицы. В построении подобных наименований можно наблюдаются разные приемы:

а) сочетание целых слов**: *Dent Art Стоматология**; отель **Ibis Самара**, теплоходная компания **ВолгаWolga**, спектакль **SEX COMEDY в летнюю ночь,** ресторан **Таверна «SW"; DJ Грув;** фитнес-клубы **Lexus-Атлетик**, **Ботек-Wellness;** телепередачи **Starbook. Звездные фотосессии**; **Люди X-treme; Europa Plus чарт; Павел Воля. Большой stand-up;***

б) соединение в одном слове разнооформленных компонентов: ***Pizzерия**, пивной ресторан **BEERлога**, отель **ЯR,** фитнес-клуб **FIZкультура,** телепередача* **HeRUSский** взгляд***;***

в) использование в названии отдельных иноязычных графических элементов: *По ту сторону» **&** «МиМ;*

5. Названия, являющиеся имитацией иноязычных слов. Это придуманные наименования с использованием иноязычной графики или же русские названия, имитирующие транслитерацию русских фамилий во французском языке: *фитнес-клуб **KIN.UP**-Wellness, ресторан **Мяснофф, Орехофф** Апартаменты.*

Оценка данных фактов не входит в задачи данной статьи. Однако приведенные примеры говорят о необходимости разграничивать явления, обусловленные языковыми причинами, и лежащие, по сути, вне собственно лингвистической сферы. Так, использование большинства нарицательных существительных объясняется основными причинами заимствования – необходимостью номинации новых понятий и явлений или семантической дифференциации близких, сходных понятий (*фитнес, лаунж-бар, суши, пиццерия, караоке, хостел* и др.). Кроме того, языку необходимо некоторое количество экзотизмов – слов, обозначающих предметы и явления инонациональной действительности (*пиранья, хайку, cucaracha*).

Следует признать, что таких слов существенно меньше, чем эргонимов и прагматонимов. Таким образом, активное функционирование в языковом пространстве города огромного количества наименований фирм, клубов, агентств, торговых центров, отелей, целиком состоящих из иноязычных слов или имеющих в своем составе отдельные слова и элементы, вызвано отнюдь не языковой потребностью, а иными причинами. Прежде всего, эти причины, обусловленные спецификой рекламы [11] и выполняемых ею функций, то есть прагмалингвистические. На характер и масштабы использования иноязычий влияет и такое явление, как языковая мода [12].

Данное положение подтверждается приведенными

способами графического оформления иноязычных слов. Если рассматривать их с точки зрения освоения новых иноязычных слов, то следует сказать, что использование кириллицы обычно является показателем первого уровня освоения слова – графического [13]. Однако, как мы видим, средствами латиницы передаются как новые, так и хорошо известные, освоенные иноязычные слова (*кафе* ***Alibi****, ресторан* ***Breeze***), имеющие стойкую традицию написания русскими буквами. Более того, латиницей оформляются и русские слова (***Prohlada*** *Cafe*). Некоторые наименования имеют своеобразные графические варианты: название, написанное латинскими буквами, «переводится» с помощью русского эквивалента (*ресторан японской кухни* ***Хайку Науки****, бар* ***Seazone / Сезон***). Искусственность таких написаний не вызывает сомнений. Исключение составляют оформленные средствами чужого алфавита наименования международных торговых марок, которые, очевидно, следует передавать в той графической форме, в которой они зарегистрированы, и в русскоязычной среде (***l´Oreal)***.

Активное проникновение в русскую речь иноязычных единиц, оформленных латиницей, породило и значительное число графических вариантов (кириллических и латинических), что нашло отражение и в новейших толковых словарях русского языка [14].

В связи с таким глубоким проникновением в наш быт и сознание большого числа иноязычных слов и элементов возникают и новые проблемы – языковые, психологические, этические.

Языковые проблемы связаны, прежде всего, с необходимостью освоения иноязычных слов – семантического (на уровне понимания значения слова), орфоэпического (на уровне «правильного» произношения в ситуации, когда орфоэпическая норма еще не сформировалась), орфографического (в случае необходимости передачи буквенного облика слова), грамматического (при определении грамматических свойств слов – изменяемости/неизменяемости, категорий рода, числа и т.п.).

Психологические проблемы обусловлены особенностями восприятия новых слов и степенью сложности их освоения. При этом возможна ситуация дискомфорта, когда масштабы иноязычного присутствия в пространстве города превышают психологически допустимую норму.

Каждый рядовой носитель язык, независимо от его желания или речевых предпочтений, оказывается вовлечённым в процесс американизации русского языка. Однако забывать о своих истоках, используя ради сиюминутных соображений исключительно иноязычный материал и создавая новые наименования «с явным привкусом нелюбви к родному языку и к родной стране» [15, с. 1], не может встретить одобрения большинства говорящих на русском языке. В ходе именования различных объектов нельзя забывать об этических аспектах этого процесса, ибо называть реалии российской действительности средствами русского языка должно быть естественным качеством нашей языковой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Руденко О.Ю. Феномен иноязычности в современном русском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону. 16 с.

2. Гагарина Н.Н. Проблема образования композитов в русском и немецком языках // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. №24 (239). Филология и искусствоведение. С. 135-137.

3. Маринова Е.В. Современное состояние проблемы «свое vs. чужое» в отечественной лексикологии // Научный диалог. Вып. 8 – Екатеринбург, 2012. С. 59-70.

4. Разумов Р.В. Ономастические стереотипы современного городского пространства // Язык – текст – дискурс: традиции и новаторство: материалы международной научной конференции: в 2 ч. Ч.2. Самара, 2009. С. 148-153.

5. Геранина Н.И. К определению понятия «иноязычное вкрапление». Известия ПГПУ. Гуманитарные науки. №4 (8), 2007. С. 38-40.

6. Краснова Т.В. Иноязычные вкрапления в русском литературной речи начала XX века. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 26 с.

7. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.

8. Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1986. 142 с.

9. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М, 2008. 495 с.

10. Габдреева Н.В., Агеева А.В., Тимиргалеева А.Р. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода [Электронный ресурс]. – 2-е изд., стер. М: Флинта, 2014. 328 с.

11. Романова Т.П. Рекламное имя и слоган в наружной рекламе мест продажи. Язык – текст – дискурс: традиции и новаторство: материалы международной научной конференции: в 2 ч. Ч.2. – Самара, 2009. С. 143-148.

12. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М.: Педагогика-пресс, 1994. 247 с.

13. Маринова Е.В. Латиница в русском письме: проблема графического заимствования // Жизнь языка: Памяти М.В. Панова. – М.. 2007. С. 323-334.

14. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г.Н.Скляревской. М.: Астрель АСТ, 2001. – 1136 с.

15. Горбаневский М. Топонимический гламур: тема для прокуратуры // Міръ имён и названий. 2009. Июль-август. 4 с.

16. Бутакова Е.С. Эрганонимы иноязычного происхождения в коммуникативном пространстве города. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2013. 18 с.

FOREIGN WORDS IN THE LANGUAGE AREA OF THE CITY

© 2015

O.I. Kalnova, candidate of philological sciences, head of the chair «Russian language, standards of speech and methods of their teaching»
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Abstract. Activation of the process of borrowing foreign words led to an increase in the influence of foreign language linguistic space of the city. Foreign-language influence is observed in all styles of language in its spoken and written form. Specificity of the penetration of foreign words and elements in modern times is their introduction into the daily life of the city - in the names of shopping malls, hotels, restaurants, concerts and other announcements. By the 90 th years of the last century, the rate and volume exceeded the norms of language evolution. Foreign-language units differ in their linguistic essence and ways of entering the linguistic space and ways to influence the media language, especially graphic design. In recent years there has been a huge number of items decorated with the Latin alphabet. In their structure are marked as units of foreign origin (single words, combinations of words, parts of words), and Russian words transmitted by means of someone else's graphics. Foreign-language blotches with Russian equivalents are marked as part of pragmatonims. Part of the names is an imitation of foreign words. In connection with such deep insight into our life and consciousness of a large number of foreign words and elements arise new problems - linguistic, psychological, ethical. Language problems are related to the necessity to develop foreign words - semantic, orthoepic, grammar, spelling. Psychological problems due to the peculiarities of perception of new words and the degree of complexity of their development. When naming the various objects ethical aspects of this process must be taken into account.

Keywords: foreign words; borrowing of foreign words; foreign influence; transmission of words on the letter.

УДК 82-84

АФОРИСТИКА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА: ТЕМАТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

© 2015

Г.И. Канакина, кандидат педагогических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка
Пензенский государственный университет, Пенза (Россия)

Аннотация. В статье представлен анализ афористики великого русского поэта М.Ю. Лермонтова. Особая, поэтическая форма его мышления нашла выражение в языке, позволила отразить глубокие жизненные наблюдения в краткой и лаконичной форме. Почти каждое произведение Лермонтова – кладезь мудрых мыслей, философских суждений, жизненных обобщений. Наиболее часто встречающиеся темы афоризмов: любовь и ревность, жизнь и смерть, добро и зло, дружба, счастье, неизбежность судьбы, сила и слабость слова. В.Г. Белинский высоко оценил афористичность стиля поэта. К сожалению, афористика М.Ю. Лермонтова не подвергалась до сих пор серьёзному изучению. В статье представлен общий взгляд на тематику и языковое своеобразие афористических выражений, содержащихся в стихах и прозе. Своеобразие афористических высказываний М.Ю. Лермонтова заключается в том, что, совмещая глубину содержания и образность, они строятся на использовании таких фигур, как антитеза, метафора, сравнение, парцелляция, синтаксический параллелизм, градация и др. Афоризмы М.Ю. Лермонтова побуждают читателей к собственным размышлениям о сущности человеческого бытия. В последнее время всё настойчивее звучит мысль о необходимости активного включения в учебный процесс образовательных учреждений культуроведческого материала. Защита и развитие национальных культур, региональных культурных традиций становится одним из главных принципов государственной политики в области образования. Полагаем, что мудрые мысли нашего великого земляка не только не устарели, но и приобрели для современного человека особую значимость, позволяют глубже осмыслить окружающий мир и смысл своего существования в нем.

Ключевые слова: афоризм; афористическое выражение; афористика; мудрые мысли; крылатые изречения.

М.Ю. Лермонтов – величайший поэт и мыслитель своего времени. Язык и стиль его произведений исследован достаточно тщательно и досконально, чего, однако, нельзя сказать об изучении его афористики. В отечественной литературно-речевой культуре широко известны фразы из произведений Д.И. Фонвизина, А.С. Грибоедова, И.А. Крылова, А.П. Чехова и других авторов, ставшие афоризмами. К сожалению, афоризмы из лермонтовских произведений известны мало и не так популярны. Тяготение М.Ю. Лермонтова к афоризмам отмечали многие исследователи. Идеостиль поэта складывался в процессе освоения поэтических формул эпохи, привычных элегических клише. Это позволило Б.М. Эйхенбауму в ходе анализа раннего творчества поэта заметить: «Метод Лермонтова в этом смысле – априорный: ему нужны сравнения и афоризмы, и он ищет их повсюду. Почти каждое его сравнение или сентенцию можно заподозрить как заимствованное или, по крайней мере, составленное по образцу чужих [20]. Однако творческая природа М.Ю. Лермонтова, особая, поэтическая форма его мышления позволили В.Г. Белинскому высоко оценить афористичность стиля Лермонтова: «Как образны и оригинальны его фразы, – писал критик по поводу предисловия к роману «Герой нашего времени», – каждая из них годится быть эпиграфом к большому стихотворению» [2].

Исследователи творчества М.Ю. Лермонтова отмечают, что афористичность – характерная черта всего творчества великого русского поэта, прозаика, драматурга. Афористические высказывания выражают его философское и жизненное кредо. Индивидуально-авторские афористические единицы в произведениях М.Ю. Лермонтова представляют собой афоризмы классического типа, мудрые мысли, цитаты, крылатые изречения. Говоря об афористике Лермонтова, мы не ставим перед собой цель разграничить эти понятия, так как все названные формы отличаются глубиной содержания и четкостью формулировки. Все индивидуально-авторские афористические высказывания М.Ю. Лермонтова мы рассматриваем как афоризмы – «краткие выразительные изречения» [15]. Они содержат глубокую мысль и органично вплетены в художественную ткань лермонтовских произведений. Говоря об афористичности высказываний М.Ю. Лермонтова, вполне уместно отнести к ним определение афоризма, данное в книге Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской: «… афоризм – это маленький словесный шедевр, сплав ума и красоты. Он очень устойчив, каждое слово занимает в нём постоянное место. И ни одно из них нельзя ни прибавить, ни убавить» [19].

К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова вышли в свет две книги, включающие афоризмы, цитаты, мудрые мысли, крылатые выражения из его произведений. В 2012 году вышла книга белорусского литератора и филолога А.П. Бесперстых «Лермонтов: мысли, афоризмы, цитаты» [13]. Это словарь афоризмов М.Ю. Лермонтова, собрание мудрых мыслей, крылатых изречений и цитат классика русской и мировой литературы. В 2014 году была издана книга пензенского журналиста А.И. Марынова «Смело верь тому, что вечно…», в которой собрано более тысячи афоризмов, мыслей, крылатых слов и выражений. Все они распределены по сорока разделам и снабжены ссылками на источники [17].

Афористические высказывания М.Ю. Лермонтова – это ёмкая форма художественного отражения действительности, они отражают особое, творческое осмысление мира, жизни, человека, отличаются способностью передать глубокие жизненные наблюдения в яркой, лаконичной форме. В содержательной основе афористических суждений Лермонтова лежит истина, открывшаяся ему в результате обобщения и поэтического оформления накопленного в процессе постижения жизни опыта. Им свойственно широкое тематическое разнообразие. Темы афоризмов касаются всех сфер человеческого бытия. На них лежит отпечаток эпохи, исторических условий, они освещают философские вопросы, имеют острое политическое содержание, трактуют этические проблемы, касаются жизненных ситуаций. Затрагивая названные проблемы, автор передаёт людям собственный взгляд на них. Тематика афоризмов М.Ю. Лермонтова выражена в ключевых словах, которые наиболее часто в них встречаются и несут основную идейно-смысловую нагрузку. Наиболее часто встречающаяся тема – **любовь и ревность**: *Любовь, как огонь, без пищи гаснет; Женщины любят только тех, которых не знают; Всё ясно ревности, а доказательств нет.* Большое место среди афоризмов занимают высказывания, отражающие общечеловеческие ценности: **жизнь и смерть** (*Жизнь – вечность, смерть – лишь миг!; Так жизнь скучна, когда боренья нет*; *Смерть и бессмертье, /Жизнь и погибель/ и деве и сердцу ничто; Жизнь… – такая пустая и глупая шутка; Жизнь не стоит того, чтобы о ней так много заботиться; Нет! Смерти вечную печать /*

Ничто не в силах уж сорвать!), **добро и зло** (*Зло порождает зло; Осознать зло значит немедленно начать бороться с ним*), **дружба** (*Из двух друзей один всегда раб другого, хотя часто ни один из них в этом себе не признается; Приятели не всегда друзья*), **счастье** (*А что такое счастье?/ Насыщенная гордость; Богатство не есть счастие!*; *Никакая книга не может выучить быть счастливым)*, **неизбежность судьбы** (*Закон судьбы несокрушим; /Мы все ничтожны перед ним; И мир не пощадил – и Бог не спас!*), **сила и слабость слова** (*Есть сила благодатная/ В созвучье слов живых,/ И дышит непонятная, /Святая прелесть в них; На мысли, дышащие силой,/ Как жемчуг, нижутся слова; Не встретит ответа /Средь шума мирского/ Из пламя и света / Рождённое слово; Пустые звучные слова –/ Обширный храм без божества*).

М.Ю. Лермонтова волнуют философские проблемы взаимоотношения человека и общества, личностного сознания в обществе (*Мы пьём из чаши бытия с закрытыми очами; История души человеческой едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа; Прекрасен покой, опасна опрометчивость, мерзостна корысть; Как часто мы принимаем за убеждение обман чувств или промах рассудка!).*

Синтаксис большей части афористических высказываний Лермонтова прост, четок и лаконичен, что позволяет квалифицировать их как классические афоризмы: *Хуже смерти ничего не случается, а смерти не минуешь!; Время всесильно; Жизнь побеждённым не награда!; Приятели не всегда друзья; Тот самый пустой человек, кто наполнен собою; Привычка – вторая натура; В мире всё условно* и другие. Многие высказывания по объёму не укладываются в рамки классического афоризма, характеризуются сложностью построения, однако это не лишает их глубокого смысла и обобщённого значения: *Воспитывать – теперь самая трудная вещь, думаешь «Ну, всё, теперь кончилось!» – и не тут-то было, только что начинается; Дружба теперь не чувство, а поношенная маска, которую надевает хитрость, чтобы обмануть простоту или скрыться от проницательности; Нет ничего парадоксальнее женского ума. Женщин трудно убедить в чём-нибудь, надобно их довести до того, чтобы они убедили себя сами. Чтобы выучиться их диалектике, надо опрокинуть в уме своём все школьные правила логики; Есть всему конец;/ Не много долголетней человек /Цветка; в сравненьи с вечностью их век /Равно ничтожен.* Подобные афоризмы являются результатом субъективного обобщения поэтом объективной действительности на основе индивидуального (*Я был готов любить весь мир, – меня никто не понял: и я выучился ненавидеть; Отчизна там, где любят нас*) или общечеловеческого опыта (*Легко народом править, если он /Одною общей страстью увлечён; Кто хочет править спокойно, пусть охраняет себя не копьями, а общей любовью*).

Своеобразие афористических высказываний М.Ю. Лермонтова заключается в том, что, совмещая глубину содержания и образность, они строятся на использовании таких фигур, как **антитеза** (*Радости забываются, а печали – никогда; Мои друзья вчерашние – враги, /Враги – мои друзья,/ Но, да простит мне грех Господь благий, /Их презираю я*), **метафора** (*Что ни толкуй Вольтер или Декарт,/ Мир для меня – колода карт, /Жизнь – банк: рок мечет, я играю /И правила игры я к людям применяю; Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины*), **сравнение** (*Стыдить лжеца, шутить над дураком /И спорить с женщиной – всё то же, /Что черпать воду решетом: /От сих троих избавь нас, Боже!*), **лексический повтор** (*Ожидание радости тоже есть радость*), **парцелляция** (*Жизнь как бал – / Кружишься – весело, кругом всё светло ясно. // Вернулся лишь домой, наряд измятый снял –/ И всё забыл, и только что устал*), **параллелизм** (*Была без радости любовь,/ Разлука будет без печали; Храм оставленный – всё храм, /Кумир оставленный – всё бог!*), **элипсис** (*Уважение имеет границы, а любовь – никаких*), **риторический вопрос** (*Любить… но кого же?..// На время – не стоит труда, /А вечно любить невозможно; Что без страданий жизнь поэта?// И что без бури океан?*) и **риторическое восклицание** (*Попасть в историю! Ужаснее этого ничего не может быть, как бы эта история не кончилась. Частная известность уже есть острый нож для общества. Вы заставили о себе говорить два дня – страдайте же двадцать лет за это*), **градация** (*По мне отчизна только там, /Где любят нас, где верят нам*), **анафора** (*Боюсь не смерти я. О нет! //Боюсь исчезнуть совершенно*), **вопросно-ответная форма** (*Почему правитель боится оставить власть? Потому что опасно и отречение, опасно и низложение*). При этом следует заметить, что палитра изобразительно-выразительных средств лермонтовской афористики гораздо богаче и разнообразнее, чем классической. Классическим афоризмам не свойственны такие фигуры построения, как метафора, парцелляция, анафора, риторический вопрос и восклицание.

Отдельные мудрые мысли М.Ю. Лермонтова оформлены как побудительные предложения: *Учись презирать неприятности, наслаждаться настоящим, не заботиться о будущем и не жалеть о минувшем; Дайте волю-волю, волю – / И не надо счастья мне!; К друзьям и в несчастье будь неизменен; Наказывай не только за проступок, но и за намерение.* Подобные фразы можно отнести к разряду поучительных афоризмов. В большинстве же своём мудрые высказывания М.Ю. Лермонтова многозначащие, они отражают противоречивость жизненных явлений, воспринимаются как формы психологически углубленного поэтического самовыражения.

В афоризмах Лермонтова преобладает лексика, обозначающая эмоции (*одинокий, пустыня, грусть, бесплодный, тоска, мука, отчаяние* и др.), оценочная лексика (*презрение, ненавидеть, печально, добро, зло* и др.), общественно-политическая лексика (*грядущее, познание, жизнь, ум, власть* и др.): *И скучно, и грустно, и некому руку подать /В минуту душевной невзгоды…; Печально я гляжу на наше поколенье:/ его грядущее иль пусто, иль темно…; Человек, который непременно хочет чего-нибудь, принуждает судьбу сдаться; Слава – удача, и, чтоб добиться её, надо только быть ловким; Миллион, да тут не нужно ни лица, ни ума, ни души, ни имени – господин миллион – тут всё.*

Отдельные афоризмы содержат индивидуально-авторские образования: *Где поётся, там и счастливится*; *Гляжу на будущность с боязнью… .*

Некоторые афористические высказывания отсылают читателя к известным историческим и общественным деятелям: *Мало ли людей, начиная жизнь, думают кончить её, как Александр Великий или лорд Байрон, а между тем целый век остаются титулярными советниками?; О самолюбие! ты рычаг, которым Архимед хотел приподнять земной шар.* В отдельных случаях это имена мифических героев*: Самолюбие, а не сердце – самая слабая часть мужчины, подобная пятке Ахиллеса.*

Это позволяет говорить о культуроформирующей функции современного образования, прежде всего гуманитарного. Мысль о важности интеграции образования и культуры высказал ещё в 90-е годы 20 века известный общественный деятель Х. Перес де Куэльяр. Говоря об основных условиях развития человеческой цивилизации, он писал: «…развитие может наполняться культурой только в том случае, если её сначала впитает в себя образование и если, в свою очередь, образование будет эффективно содействовать становлению личности и её собственной культуры…». Культурно значимая информация закрепляется в языке и передаётся, прежде всего, с помощью слова. На уроках русского языка особое место следует отводить лингвокраеведческому дидактическому материалу. Изучение афористики М.Ю. Лермонтова,

нашего великого земляка, имеет богатейшие возможности для приобщения молодого поколения к духовным ценностям, формирования национальной идентичности личности. Формы работы с афоризмами и способы включения их в образовательный процесс могут быть самыми разнообразными [8]. Это может быть эпиграф к уроку, который не просто задаёт общую идейную направленность урока, но и является материалом, подводящим к изучению грамматической темы. Например, в качестве эпиграфа к уроку по изучению типов сказуемых можно взять мудрое изречение поэта «*К друзьям и в несчастье будь неизменен*». Работа с эпиграфом позволит учителю направить разговор в русло рассуждения об одной из высших человеческих ценностей – настоящей дружбе. Кроме того, данный афоризм даст возможность учащимся увидеть один из способов оформления составного именного сказуемого. Афоризмы могут использоваться в качестве дидактического материала при изучении языковых единиц разных уровней. Мудрые высказывания Лермонтова могут быть предложены в качестве тем для сочинений-рассуждений: *Зло порождает зло; Приятели – не всегда друзья; Тот самый пустой человек, кто наполнен собою; Прекрасен покой, опасна опрометчивость, мерзостна корысть* и др. Наконец, афористика М.Ю. Лермонтова может стать материалом для исследования и подготовки докладов на очень актуальные сегодня научные конференции школьников: *Языковая специфика афоризмов М.Ю. Лермонтова; Средства создания выразительности в лермонтовских афоризмах; Актуальность и жизненность афористических высказываний М.Ю. Лермонтова* и др.

Мудрые мысли нашего великого земляка не только не устарели, но и приобрели для современного человека особую значимость, позволяют глубже осмыслить окружающий мир и смысл своего существования в нем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Эйхенбаум Б.М. Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки. Л.: Гос. издат., 1924. С. 45.
2. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений / под ред. Венгерова С.А. Т.VI. С. 316.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка/Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1986. С. 30.
4. Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. М.: Наука, 1990. С. 184.
5. Лермонтов: мысли, афоризмы, цитаты/сост. А.П. Бесперстых. Ростов н/ Д: Феникс, 2012.
6. «Смело верь тому, что вечно…»/сост. А.И. Марынов (Афоризмы, изречения, мысли, крылатые слова М.Ю. Лермонтова). Пенза, 2014.
7. Канакина Г.И. Использование на занятиях русским языком лингвокраеведческого материала//Лингвистика и школа – III: материалы Всероссийской научно-практической конференции/отв. ред. Л.Б. Парубченко. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 108-113.
8. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. М.: Гослитиздат, 1955.
9. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб.: Нева, 2005.
10. Виноградов В.В. Основные типы фразеологических единиц в русском языке//Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука,1977. С. 140-161.
11. Душина Е.В. Использование возможностей афористики как нетрадиционного средства педагогического процесса// Современные наукоемкие технологии. 2008, № 8. С. 80-81.
12. Дьячкова Наталия Александровна. Новый русский афоризм//Филологический класс. 2005, № 14. С. 24-29.
13. Королькова А.В. Русская афористика. М.: Флинта, Наука, 2005.
14. Королькова А.В. Афористика в контексте русской фразеологии//Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию проф. Харри Вальтера. М.: Элпис, 2006. С. 539-545.
15. Королькова А.В. Духовная основа русской афористики//Духовные просветители земли смоленской и их роль в воспитании нравственности и патриотизма. Сборник материалов конференции. Смоленск: СГУ, 2007. С. 101-109.
16. Кулишкина О.Н. Русский афоризм XIX - начала XX веков: эволюция и сферы влияния жанра: автореферат дис. ... доктора филологических наук по спец. 10.01.01. Санкт-Петербург: С.-Петерб. гос. ун-т, 2004. 41 с.
17. Онипенко Н.К., Никитина Е.Н. Грамматика крылатых выражений// Русская словесность. 2006, № 4. С. 56-63.
18. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Просвещение, 1995.
19. Жуков В.П. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986.
20. Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1990.

APHORISTICA M.Y. LERMONTOV: THEMATIC DIVERSITY AND LANGUAGE FEATURES

© 2015

G.I. Kanakina, candidate of pedagogical sciences, professor, head of the chair «Russian language and methods of teaching the Russian language»
Penza State University, Penza (Russia)

Abstract. The article presents the analysis of aphoristica the great Russian poet M. Y. Lermontov. Special poetic form of his thinking found expression in language, reflects a deep life observations in a brief and concise form. Almost every piece of Lermontov - a Treasury of wise thoughts, philosophical opinions, life generalizations. The most frequent topics of aphorisms: love and jealousy, life and death, good and evil, friendship, happiness, the inevitability of fate, the strength and the weakness of words. Century, Belinsky appreciated the associations of the style of the poet. Unfortunately, aphoristica M. Y. Lermontov had not been still a serious study. The article presents an overall view of the subject and linguistic affiliation aphoristic expressions contained in verse and prose. The originality of aphoristic sayings of M. Y. Lermontov is that, combining the depth of content and imagery, they are based on the use of such figures as the antithesis, metaphor, comparison, parcelation, syntactic parallelism, graduation and other Aphorisms M. Y. Lermontov encourage readers to their own reflections on the essence of human existence. In recent times increasingly sounds like the idea of the necessity of active involvement in the educational process of educational institutions cultural material. Protection and development of national cultures, regional cultural traditions is one of the main principles of the state policy in the field of education. We believe that the wisdom of our great countryman not only outdated, but also acquired for the modern man special significance, which help to better understand the world and the meaning of his existence in it.

Keywords: aphorism; aphoristic expression; aphoristica; wise thoughts; winged sayings.

УДК 81’373.49

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ КОМИЧЕСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

© 2015

Е.Г. Коромысленко, аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация. В статье даются обзор и краткая характеристика истории изучения эвфемизмов русского языка, анализируются причины расхождения в понимании термина «эвфемизм», его широкого и узкого толкования. В исследовании осуществляется обзор современного состояния проблемы изучения комических эвфемизмов русского языка. Обосновывается факт относительной «молодости» иронических эвфемизмов и отсутствия иронической функции в древних эвфемизмах. В исследовании также сопоставляются характеристики эвфемии и иронии. Осуществлено пилотное исследование наиболее активных стилистических приемов образования заменяющих номинаций в данной сфере. Эти приёмы определены и названы в статье: противопоставление подлинного денотата и денотата заменяющего слова; игра на многозначности лексемы или словосочетания; перемещение слов и выражений из одного стиля речи в другой; использование в эвфемистических высказываниях лексических единиц со значением неопределенности. Исследователь вслед за ведущими эвфемистами современности рассматривает ироничность как одну из функций эвфемизмов, показывает, что контент категории ироничности содержит значительный объем эвфемистических языковых знаков. Лингвистическому анализу в статье подвергаются рекламные тексты (брошюры, реклама в газетах и сетях Интернет), примеры из «Национального корпуса русского языка», современные тексты из художественной литературы. В статье показано, что накопленный в теории эвфемии эмпирический материал диктует насущную проблему изучения комических эвфемизмов русского дискурса, которая в настоящее время находится на стадии накопления материала; обоснована необходимость изучения способов образования и характеристики наиболее частотных тематических групп комических эвфемизмов русского языка.

Ключевые слова: эвфемия; комический эвфемизм; ирония; языковая игра.

Особый интерес к проблеме эвфемизмов у лингвистов появился во второй половине XX века. Для обзора проблемы комических эвфемизмов русского языка обратимся к рассмотрению современных исследований теории эвфемии и определению места комических эвфемизмов в русском дискурсе. Основные проблемы теории эвфемии в русском дискурсе освещали такие ученые, как Ж.Ж. Варбот [1], Л.А. Булаховский [2, с.50-54], Б.А. Ларин [3, с.110-124], Л.П. Крысин [4, с.76-82], Р.И. Тихонова [5, с.96-98], Е.П. Сеничкина [6, с.5-40].

В настоящее время лингвистика не может дать однозначного ответа, что можно считать эвфемизмом. Выделяются две противоположные точки зрения на употребление эвфемизмов. Первая заключается в том, что эвфемизмы употребляются лишь в нейтральном стиле: например, так считает В.П. Москвин [8, с.58-70], а вторая – эвфемизмы свойственны всем сферам русской речи: А.А. Реформатский [9, с.104-107], А.М. Кацев [10, с.33-51], Л.П. Крысин [4, с.76-82], Е.П. Сеничкина [7].

Е.П. Сеничкина видит корень расхождения понимания эвфемизмов в распространенности эвфемистических наименований; в сфере распространенности; в ведущем критерии; в определении признаков эвфемизмов; в соотнесенности эвфемизмов со смежными языковыми явлениями. Вслед за Е.П. Сеничкиной (Иванян) мы будем относить к эвфемизмам слова или выражения, которые служат в определённых условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими, употребляющиеся в разных сферах русской речи [6, с. 41].

В лингвистической литературе эвфемизмы принято разграничивать на древние (в которых преобладает религиозный мотив) и современные (главенствует нравственный, моральный мотив), см. об этом: [7, с. 28]. Очевидно, что древние эвфемизмы не могли содержать комический компонент, заменяющие наименования производились серьезно. Иронические эвфемизмы – это примета современной эвфемии, где компонент комического создаётся за счет: 1) противопоставления подлинного смысла и смысла заменяющего слова, например: *молодец* – вместо *безобразник*; 2) столкновения элементов высокого стиля с обыденностью содержания. Например: [Во время экскурсии по историческим местам экскурсоводу приходится сообщить туристам о местонахождении туалета] *Если вы пройдёте до конца аллеи и повернете направо, то увидите домик неизвестного архитектора* [11, с. 4].

В зависимости от ракурса современного исследования одни ученые не признают возможность комической модальности эвфемизмов, например, В.П. Москвин, другие – рассматривают иронию как одну из функций эвфемизмов (А.М. Кацев, Л.П. Крысин, Е.П. Сеничкина и др.).

Мы считаем, вслед за Е.И. Шейгал [12, с. 47-49], что по своей лингвистической сущности ирония и эвфемизм обладают рядом схожих характеристик: 1) оба явления относятся к тропам, так как косвенно обозначают предмет; 2) основаны на семантической двусмысленности; 3) присутствует оценочный сдвиг (ирония основывается на противоположности выраженной положительной оценкой и подразумеваемой отрицательной, а суть эвфемизма наоборот).

По мнению В.З. Санникова, эвфемизмы участвуют в языковой игре для формирования комического, шутки. Данный эффект возникает благодаря: 1) гиперболизации эвфемизации; 2) образованию единичных эвфемизмов; 3) языковой игре, которая присутствует в эвфемистических высказываниях, где «используются единицы со значением неопределенности (*типа*, *и так далее*, неопределенных местоимений) [13, с. 110-149].

Поскольку в настоящее время в русистике нет специальных исследований, посвященных проблеме изучения комических эвфемизмов русского дискурса, то представляется актуальным выявление тематических групп комических эвфемизмов русского языка; изучение ведущих и вспомогательных способов их образования. Выражение иронии лексическими средствами непосредственно связано с экспрессивно-образным и эмоционально-оценочным употреблением языковых единиц. Ученые отмечают, что семантической основой комического употребления является принцип двуплановости, создаваемой узуальными и окказиональными, прямыми и переносными значениями [10, с. 30-31].

Предметом нашего исследования являются комические эвфемизмы русского дискурса. Собранная нами картотека комических эвфемизмов в настоящий момент составляет 237 словоупотреблений. Лингвистическому анализу в статье подвергаются рекламные тексты (брошюры, реклама в газетах и сетях Интернет), примеры из «Национального корпуса русского языка» [14], современные тексты из художественной литературы. Осуществленный нами

предварительный лингвистический анализ показал, что частотным является образование эвфемизмов при помощи следующих стилистических приемов: 1) противопоставление подлинного денотата и денотата заменяющего слов; 2) игра на многозначности лексемы / словосочетания; 3) перемещение слов и выражений из одного стиля речи в другой; 4) использование в эвфемистических высказываниях лексических единиц со значением неопределенности. Кратко проиллюстрируем вышесказанное.

1. Противопоставление подлинного денотата и денотата заменяющего слов реализуется при помощи а) антифразиса и б) металепсиса.

а) Антифразис – это классический вид вербальной иронии. В данном виде значение становится полностью противоположным благодаря полному антониму прямой языковой единицы. Например: *Если едешь на Кавказ,/ Солнце светит прямо в глаз./ Возвращаешься в Европу - / Солнце светит… тоже в глаз.* В реализации антифразиса активно участвуют: 1) отдельные лексические единицы (существительные, прилагательные, глаголы); 2) свободные и стереотипные словосочетания.

б) Металепсис – это вид метонимии, в котором перенос имени происходит с одной ситуации на другую, связанную причинно-следственными отношениями. Например:

– Маш, может, кофе?

– Коль, может, сразу?

В приведенном примере приемом металепсиса осложнен приемом апозиопезы, поскольку табуируемая ситуация не договаривается.

2. Игра на многозначности лексемы или словосочетания, например: *Первого сентября тысячи российских школ гостеприимно открыли кошельки родителей учащихся.* Функция эвфемизации и комического актуализована в высказывании благодаря приему обманутого ожидания: «гостеприимно открыли…», читатель ожидает продолжение «двери», а читает «кошельки родителей»! Конечно, комическое в высказывании реализуется с опорой на метафору «школы открыли кошельки родителей учащихся». Именно метафора образным, вуалирующим и ироническим образом сообщает читателю, что родителям, чьи дети пошли в школу, придется во время обучения выделить немало денег на развитие учреждения.

3. Перемещение слов и выражений из одного стиля речи в другой, например: *От этого в ихние любовные отношения вошла некоторая торжественность и даже великодушие.* В этом примере смешиваются книжный стиль речи с разговорным, что усугубляет несоответствие между предметом речи и способом выражения, таким образом усиливается комический эффект. Известно, что эвфемизмам свойственна семантическая неопределенность; она основана на семантической редукции эвфемизмов по сравнению с заменяемыми словами.

4. Использование в эвфемистических высказываниях лексических единиц со значением неопределенности. Языковая игра нередко присутствует в эвфемистических высказываниях, в которых «используются единицы со значением неопределенности (неопределенных местоимений), например: *Женщина попыталась закрыть дверь, но я уже протиснулась в нее, женщина, как видно, тоже имела кое-какие представления о приличиях знала, что хлопнуть кого-то по носу неловко, даже если этот кто-то – нахал вроде меня.* Если в пунктах 1-3 следует говорить о номинативных эвфемизмах, то в пункте 4 иронический эффект возникает из-за употребления языковых единиц, отсылочным (прономинативным) способом отображающих действительность (*кто-то, кое-какой*).

Подводя итог предварительному обзору и анализу эвфемизмов сферы комического, приходим к выводам: 1) накопленный в теории эвфемии эмпирический материал диктует насущную проблему изучения комических эвфемизмов русского дискурса, которая в настоящее время находится на стадии накопления материала; 2) актуальным представляется изучение способов образования и характеристики наиболее частотных тематических групп комических эвфемизмов русского языка; 3) среди комических эвфемизмов по предварительным данным наиболее продуктивными являются следующие стилистические приемы образования: а) противопоставление подлинного денотата и денотата заменяющего слов; б) игра на многозначности лексемы/словосочетания; в) перемещение слов и выражений из одного стиля речи в другой; г) использование в эвфемистических высказываниях лексических единиц со значением неопределенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1.Варбот Ж.Ж. Табу и эвфемизмы // Русский язык. Энц. 2-е изд. – М., Дрофа, 1998. С. 13-224.

2.Булаховский Л.А. Табу и эвфемизмы // Булаховский Л.А. Введение в языкознание. Ч.2. М., УЧПЕДГИЗ, 1953. С. 50-54.

3. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // Учёные записки ЛГУ. 1977. № 301. С. 110-124.

4. Крысин Л.П. Эвфемистические способы выражения в современном русском языке // Русский язык в школе. 1994. № 5. С. 76-82.

5.СеничкинаЕ.П.,ТихоноваР.И.Сложносокращенные слова в функции эв-фемизмов // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства и способы выражения. – М.: МГОУ, 2004. – С. 96-98.

6. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: Учеб. пособие. М., Высшая школа 2006. 151 с.

7. Сеничкина Е.П., Никитина И.Н. Иронические эвфемизмы как примета времени // Альманах современной науки и образования. 2007. № 3-13. С. 199-201.

8. Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 58-70.

9. Реформатский А.А. Табу и эвфемизмы // Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., Аспект Пресс. 1996. С. 104-107.

10. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия. Л., ЛГПИ им. А.И. Герцена,1988. 80 с.

11. Иванян Е. П., Кудлинская Х., Никитина И.Н. Деликатная тема на разных языках / монография и словарь эвфемизмов деликатной темы / Е.П. Иванян, Х. Кудлинская, И.Н. Никитина. Самара, Инсома-Пресс. 2012.

12. Шейгал Е.И. Эвфемизм и ирония в политическом тексте // Филология – Philoloqica. Краснодар, 1997. № 11. С. 47-49.

13. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., Языки славянской культуры. 2002. 552 с.

14. Национальный корпус русского языка [электронный ресурс] URL: ruscorpora.ru (Дата обращения: 11.10.14)

15. Походня С.И. Языковые виды и средства реализации иронии. Киев: Наукова думка, 1989. 128 с.

THE PROBLEM OF STUDY COMIC EUPHEMISM IN RUSSIAN LANGUAGE

© 2015

E.G. Koromyslenko, postgraduate student of «Department of Russian language, speech culture and teaching methods»
State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Abstract. The article provides an overview and brief description of the history of the study of the Russian language euphemisms, analyzes the causes of differences in the understanding of the term "euphemism", its broad and narrow interpretations. The study includes an overview of the current state of the problem of studying the Russian language comic euphemisms. Substantiates the fact that the relative "young" ironic euphemism and absence ironic function in ancient euphemisms. The study also compares the characteristics of euphemy and irony. Carried out a pilot study of the most active stylistic devices making replacing nominations in this area. These techniques identified and named in the article: the opposition of the true denotation and denotation of replacing word; play on multiple lexeme or phrases; moving of words and phrases from one locution to another; use in euphemistic statements lexical units with a value of uncertainty. The researcher after the leading modern euphemists examine irony as one of the functions of euphemisms, shows that content of category irony contains a significant amount of euphemistic language signs. Linguistic analysis in the article are exposed to advertising texts (brochures, advertisements in newspapers and Internet networks), examples of the "Russian National Corpus" modern texts from literature. The article shows that the accumulated in euphemic theory empirical material dictates the urgent problem of studying comic euphemisms of Russian discourse, which is currently at the stage of accumulation of material; the necessity of studying the ways of education and characteristics most frequent thematic groups comic euphemisms Russian language.

Keywords: euphemy; comic euphemism; irony; play on polysemy.

УДК 81'373.612.2

АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В ЯЗЫКЕ ПОЭЗИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА И Н.М. РУБЦОВА

© 2015

Ю. А. Лавошникова, аспирант кафедры русского языка
Брянский государственный университет, Брянск (Россия)

Аннотация. Метафора является одним из важнейших изобразительных средств языка. Для обозначения метафорического переноса используется целый ряд терминов: художественная, поэтическая, индивидуальная, индивидуально-авторская, речевая, окказиональная, метафора стиля. Однако традиционный термин *художественная метафора* представляется наиболее универсальным, так как включает в себя характеристики, отражённые в других терминах (индивидуальный и творческий характер, окказиональность как неповторимость, принадлежность к определённому типу тропов). Новейшие исследования в области теории метафоры в основном направлены на выявление особенностей функционирования её в различных языковых условиях. Наиболее интересными автор считает исследования по антропоморфной метафоре, так как её существование на современном этапе вбирает в себя не только лингвистическую составляющую, но и закономерности развития науки в целом. Появление антропоморфной метафоры в русской поэзии связано с именем А.С. Пушкина, раскрывается в поэтике Ф.И. Тютчева, впоследствии отражается в творчестве Н.М. Рубцова. Объектом переноса в антропоморфной метафоре является природное явление, заключающее сущность метафоры, наделяемое способностью к жизни и действию. Этот поэтический приём является сквозным в стихотворениях Ф.И. Тютчева, посвящённых природе. Автор отмечает, что зарождение и развитие антропоморфной метафоры в русской литературе существует уже в народном творчестве, но «официально» присутствует в текстах произведений А.С. Пушкина, затем находит своё развитие в творчестве Ф.И. Тютчева, претерпевает масштабные семантические и логические изменения в поэзии авторов начала XX века, выливается в тотальную антропоморфизацию для создания крупного, неохватного образа в середине XX века у Н.М. Рубцова. Традиция употребления антропоморфной метафоры стала одной из ведущих среди языковых изобразительных средств, и её развитие не ограничивается рассмотренными рамками.

Ключевые слова: метафора; антропоморфная метафора; когнитивная лингвистика; Ф.И. Тютчев, Н.М. Рубцов.

Проблема метафоры оказалась актуальна уже на древнейшем этапе развития науки о языке. Впервые само понятие «метафора» появилось в трудах Аристотеля, который обозначил его как «перенесение слова с изменением значения из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [1, с. 66] (впоследствии к пониманию языковой метафоры будет относиться только та часть аристотелевского определения, которая говорит о переносе свойств и качеств по аналогии, другие же виды переноса послужат вычленению из пространства риторических и языковых средств метонимии и синекдохи). Противопоставление языковой и поэтической метафоры впервые осуществил Шарль Балли [2, с. 331]. Для обозначения метафорического переноса используется целый ряд терминов: художественная, поэтическая, тропеическая, индивидуальная, индивидуально-авторская, речевая, окказиональная, метафора стиля и т.д. «Однако традиционный термин *художественная метафора* представляется наиболее универсальным, так как включает в себя характеристики, отражённые в других терминах (индивидуальный и творческий характер, окказиональность как неповторимость, принадлежность к определённому типу тропов)» [3, с. 68]. По мере становления прагматического аспекта языкознания и обоснованного усиления интереса к семантике, толкование метафоры исключительно как тропа всё больше и больше оттеснялось на периферию, выводя на первый план именно семантическую значимость метафоры при создании художественных текстов. Новейшие исследования в области теории метафоры в основном направлены на выявление особенностей функционирования её в различных языковых условиях; учёные замечают противопоставление органистической и механистической метафор, где органистические включают фитоморфные (в качестве основания для переноса берётся образ растения), зооморфные (основание – образ животного) и антропоморфные метафоры (основание – образ человека в его физиологической, реже эмоциональной сфере проявления). Наиболее интересными мы считаем исследования по антропоморфной метафоре, в силу того, что её существование на современном этапе вбирает в себя не только лингвистическую составляющую, но и закономерности развития науки в целом.

Путь Ф.И. Тютчева к собственному стилю был про-

ложен через ряд подражаний и заимствований: особое влияние на него оказали основы французского классицизма, мотивы поэзии Ф. Шеллинга и риторические традиции, соединяющие высокость темы с высокостью слога. Влияния и заимствования, характерные для раннего творчества Ф.И. Тютчева, в некоторой мере сохранили своё влияние и позднее, «переплавившись» в котле художественного мышления поэта и превратившись в индивидуальное, нашедшее впоследствии множество подражателей. Оттолкнувшись от центральных антропоморфных образов французского классицизма (например, *государство-властелин*) и подкрепив их бурным потоком безудержных романтических метафор, Тютчев пошёл по пути обозначения наиболее важной, по его мнению, проблем современности – трагического разрыва Человека и Природы, каждый из которых – отдельный герой и отдельный мученик, метафорически выписанный в стихотворениях поэта.

Пытаясь объяснить наметившееся значительное преобладание антропоморфных метафор над природными в тютчевской поэзии, скажем: объектом переноса, сравнения, в антропоморфной метафоре является природное явление, заключающее сущность метафоры, наделяемое способностью к жизни и действию, то есть, качеством человека. Этот поэтический приём является сквозным в стихотворениях, посвящённых природе, на протяжении всего творчества поэта.

Антропоморфные метафоры можно разделить на две наиболее крупные группы: перенос по проявлению внутренних и перенос по проявлению внешних качеств человека, например: «*Ты скажешь, ангельская* ***лира*** / ***Грустит****, в пыли, по небесах…*» [4, с. 70] и «*…****Ходили тени*** *по стенам / И полусонное мерцанье…*» [4, с. 85]. Количественное распределение по этим двум категориям достаточно равномерно, и нельзя говорить об особенном преобладании одного типа переноса над другим, но, тем не менее, тютчевские метафоры, охватывающие предметы, одни из самых ярких проявлений такого тропа, как персонификация.

Проявление внешних качеств захватывает такие человеческие состояния, как признаки сна и бодрствования (чаще всего с глаголами «спит», «дремлет», «проснулась», «почиет» и т.д.; представляет собой наиболее распространённую категорию), говорение (также обозначенные в глагольном разрезе: «говорит», «поёт», а также с подключением признаковости – «вещий»), части тела («темя», «рука», «нога» и т.д., причём, больше мы встречаем названий внешних, а не внутренних органов), внешние проявления эмоций («улыбается», «стыдливо», «сердит», «смеясь» и т.д.), движение, изменение положения тела в пространстве («бежит», «пролила», «опустился», «опустошил» и т.д., чаще со значением окончания действия, результата). Объектом переноса внешних человеческих качеств также оказываются различные предметы – как живые, так и неживые (среди живых наиболее распространены, естественно, образы животных; среди неживых в центре оказываются атрибуты искусства, например, «лира» или «струна» (как часть не только музыкального инструмента, но и человеческой души)).

Учёные часто замечают, что «в русской языковой картине мира распространено метафорическое уподобление одушевленным существам, наделенным способностью к таким физиологическим процессам, как рождение, жизнь, рост, дыхание, поглощение пищи, сон, смерть» [5, с. 89]. Несомненно, подобные примеры имеются и в метафорике Ф.И. Тютчева, составляя один из важнейших пластов антропоморфности. В большинстве представленных примеров мы заметим, что прямое, общеязыковое значение чаще всего отодвинуто вглубь, подчас на периферию; на первый план, становясь основным, выходит переносное, собственно-тютчевское значение, которое можно выявить только из контекста (что часто отмечается исследователями как одна из самых сложных проблем понимания текстов поэта – общеязыковое толкование его произведений чаще всего не приносит результата за счёт наличия в тексте бесконечного числа собственных подспудных смыслов).

Известно, что образ сна занимает особое место в лирике Тютчева, устанавливая семантические и культурные взаимодействия с образом ночи, в силу того, что оба обозначают те минуты жизни, когда можно беспрепятственно проникнуть в тайны мироздания, поднять таинственный покров над ликом успокоенной природы, увидеть хаотическое начало жизни, обычно скрытое и упорядоченное при свете дня. Также говорят о том, что тютчевское понимание сна объясняется восприятием существования человека на грани двух миров, поэтому и сам сон неоднозначен: с одной стороны, это самая близкая к Хаосу и небытию форма существования мира (недаром поэт отмечает «родственные отношения» сна и смерти), с другой - он наделяется такими положительными эпитетами, как «благодатный», и «волшебный», и «младенчески-прекрасный». При толковании в «Поэтическом словаре Ф.И. Тютчева» (выделено 3 значения) приведённые примеры в первых двух значениях («физиологическое состояние покоя и отдыха» и «сновидение, то, что снится») [6, с. 743] говорят о семантической связи сна и природы, так как в основном иллюстрируются природными метафорами, и только третье значение, отмеченное как совмещение первых двух, отражает антропоморфное содержание данного образа. Таким образом, можно заключить, что семантика сна отражает его двойственность: происхождение из природы и огромную неизведанную силу, порабощающую человека.

Сон. 3. Совмещенные 1-е и 2-е значения. ***Ужасный сон*** *отяготел над нами****, Ужасный, безобразный сон…*** («Ужасный сон отяготел над нами…») [6, с. 744].

Если природные метафоры эстетизируют таинство сна (употребляются красочные эпитеты, акцентируется положительная коннотация), то антропоморфная составляющая направлена на отражение подчеркнуто отрицательного момента, который невозможно изобразить средствами природной метафорики в силу ограниченности отрицательного в естественном мире, невозможности сравнения с уродливыми объектами природы (в силу восприятия мира, Божьего творения, как совершенства и идеальной красоты). Уродливое в жизни, как можно заметить, принадлежит человеческому началу – это один из важнейших аспектов толкования тютчевских текстов. Тютчевские открытия впоследствии окажут сильнейшее влияние на поэтов Серебряного века. А уже через их поэтику антропоморфизация окажется одним из ключевых приёмов в поэтике Н.М. Рубцова.

Николай Михайлович Рубцов так же, как и Осип Мандельштам, признавал огромное влияние Фёдора Ивановича Тютчева на своё творчество, но идти в поэзии предпочитал своим путём: «*Я переписывать не стану / Из книги Тютчева и Фета… Но я у Тютчева и Фета / Проверю искреннее слово / Чтоб книгу Тютчева и Фета / Продолжить книгою Рубцова*!» [7, с. 290]. Синтезировав тютчевскую традицию антропоморфной метафоры и блоковскую традицию применения этого типа метафоры к образу России, Рубцов создал необычную для середины XX века поэтику - обожествление образа коренной, истинной, живой Родины, той, что советская действительность давно стёрла с лица земли, но той, что всё ещё существует в душе у русского человека, свободного от любой идеологии, кроме любви и поклонения ей, России. Антропоморфизация в рубцовском творчестве относится практически исключительно к «тихой Родине», по просторам которой печальный странник идёт из бесконечности в неизвестность. «*Одно* ***поют*** *своим согласным* ***хором*** / *И тёмный* ***лес***, ***и стаи журавлей*** / *Над тем Бобришным дремлющим утором…*» [7, с. 129] – образ России складывается из ряда её признаков, причём, они оказываются «творческими» - душа русского человека видит в движении сил природы свое-

образную художественную картину, вызванную к жизни самой природой. Самостийность природного начала напоминает нам о пантеизме, но Рубцов прекрасно осознаёт масштабы урбанистического вторжения в первооснову и не питает иллюзий по поводу власти кого либо, кроме человека. И тем не менее, на просторе, где стираются отношения «хозяин-раб», человек вновь оказывается способным услышать песню леса и журавлей, снова заговорить с ними на одном и том же языке, ощутить их тоску. Отношения человека и природы оказываются исключительно печальными, например, в хрестоматийном стихотворении «Ласточка» с помощью антропоморфной метафоры лирический герой уравнивает себя и ласточку и задаёт ей вопрос, который задевает читателя за душу: «***Ласточка! Что ж ты, родная, / Плохо смотрела за ним***?» [7, с. 132]. Разбираясь в случившемся у птицы горе, человек невольно разбирается и в своих горестях, таким образом, Рубцов, не применяя сложных семантических сдвигов О.Мандельштама, в антропоморфном образе отражает всю сложность жизни человека, брошенного на произвол и растерзание судьбы.

Как можно заметить, Рубцов крайне внимателен к мелочам, считая, что крупный, объёмный образ можно увидеть лишь при подробнейшей детализации, акцентировке на незначительном для большинства людей, ведь Россия – это каждая травинка, каждое насекомое. И даже мухи в текстах поэта приобретают антропоморфные черты, становясь значимыми для общей картины: «*И* ***мухи летают*** *в крапиве*, / ***Блаженствуя*** *в летнем тепле*…» [7, с. 128]. Очеловечивание насекомых – редкий для антропоморфной метафоры приём, но в мировоззрении Рубцова при описании родной природы нельзя выделить более иди менее значимых образов.

Таким образом, мы проследили зарождение и развитие антропоморфной метафоры в русской литературе и считаем, что в зачатках она существует уже в народном творчестве, но «официально» присутствует в текстах художественной литературы с момента восхождения на Олимп А.С. Пушкина, затем находит своё логическое продолжение и развитие в творчестве Ф.И. Тютчев, претерпевает масштабные семантические и логические изменения в поэзии авторов начала XX века (А.А. Блока, О.Э. Мандельштама), выливается в тотальную антропоморфизацию для создания крупного, неохватного образа в середине XX века у Н.М. Рубцова. Традиция употребления антропоморфной метафоры стала одной из ведущих среди языковых изобразительных средств, и её развитие не ограничивается рассмотренными рамками, в поэзии нашего времени она также продолжает существовать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аристотель. Поэтика. М.: Госполитиздат, 1957. 184 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. 394 с.
3. Вардзелашвили Ж.А. О двоякой сущности метафоры // Санкт-Петербургский государственный университет и Тбилисский государственный университет. Научные труды. Серия: Филология. Выпуск IV. СПб-Тб., 2002. С. 66–77.
4. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А.А. Николаева. Л.: Сов. писатель, 1987. 448 с.
5. Гусейн-заде И.А. Чувства и эмоции в зеркале русской языковой метафоры: уподобление эмоций одушевлённым существам // актуальные проблемы литературоведения и лингвистики. Материалы конференции молодых учёных 1 апреля 2011. Выпуск 12. Том 1: Лингвистика. Томск, 2011. С. 89-96.
6. Голованевский А.Л. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева. Брянск: РИО БГУ, 2009. 962 с.
7. Рубцов Н.М. Прощальная песня: Сборник стихотворений. М.: Русская книга, 1997. 302 с.
8. Серль Дж. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 307-341.
9. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 152 с.
10. Чичерин А.В. Стиль лирики Тютчева // Контекст–1974. М., 1975. С. 275–294.
11. Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры. М., 1990. С. 82-109.
12. Шаронов И.А. Эмоции в нашей жизни и в лингвистике // в кн.: Эмоции в языке и речи: Сб. науч. ст. М.: Изд-во РГГУ, 2005. С. 5–6.
13. Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html
14. Якобсон Р. Теория метафоры. М., 1990. 133 с.
15. Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1989. 461 с.

ANTHROPOMORPHIC METAPHOR IN THE LANGUAGE OF F.TYUTCHEV'S AND N.RUBTSOV'S POETRY

© 2015

J.A. Lavoshnikova**,** post-graduate student
Bryansk State University, Bryansk (Russia)

Abstract. The Metaphor is one of the most important expressive means of the language. To refer to metaphorical transfer is used a number of terms: artistic, poetic, personal, individually-author, speech, occasional metaphor of style. However, the traditional term artistic metaphor seems to be the most versatile, as it includes features that are stated in other terms (individual and creative character, occasionally as uniqueness, belonging to a certain type of tropes). The latest research in the field of theory of metaphor mainly aimed at identifying the features of its functioning in different language environments. Most interesting is the author considers research on anthropomorphic metaphor, as its existence at the present stage includes not only the linguistic component, but also the patterns of development of science in General. The emergence of anthropomorphic metaphors in Russian poetry associated with the name of A. S. Pushkin, is revealed in the poetry of F. I. Tyutchev, subsequently reflected in the works of N. M. Rubtsov. Object migration in anthropomorphic metaphor is a natural phenomenon, containing the essence of metaphor, complete with the ability to life and action. This poetic device is through the poems of F. I. Tyutchev devoted to nature. The author notes that the emergence and development of anthropomorphic metaphors in Russian literature already exists in folk art, but "officially" present in the texts of the works of A. S. Pushkin, then finds its development in the works of F. I. Tyutchev, is undergoing a large-scale semantic and logical changes in the poetry of authors of the early XX century, results in a total anthromorphization to create large, boundless image in the middle of the twentieth century N. M.Rubtsov. The tradition of the use of anthropomorphic metaphors became one of the leading language of visual tools, and its development is not limited to the considered framework.

Key words: metaphor; anthropomorphic metaphor; cognitive linguistics; F.I. Tyutchev, N.M. Rubtsov.

УДК 81’373.49

ЭВФЕМИЗМЫ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «СТАРЕНИЕ» В ЯЗЫКЕ РЕКЛАМЫ

© 2015

И.В. Лаптев, аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация. В статье исследована специфика эвфемизмов тематической группы «старение» в языке рекламы. Дана краткая характеристика современного состояния теории эвфемии в русистике. Отмечено, что в настоящее время эвфемия лишь формируется как самостоятельная отрасль языкознания.

Названы особенности языка рекламы в связи с темой исследования. Определено его место в системе стилей речи русского языка на сегодняшнем этапе его развития. Обозначены цели рекламного текста, а также лексические средства, с помощью которых они достигаются. Приведены и проанализированы примеры манипулятивных приёмов, практикуемых в рекламной индустрии. Выявлена закономерность частотного использования эвфемизмов в качестве средства языковой манипуляции. Определены причины этой закономерности. Названы основные средства эвфемизации, активно применяемые в рекламных текстах по теме «старение»: семантическая редукция, и использование прономинальных единиц вместо номинативных. Выявлен ряд эвфемизмов, наиболее активно использующихся в современной рекламе. Это гипероним *возраст*, узуальный эвфемизм *пожилой*, узуальный эвфемизм *увядать*, прилагательные с выраженной эвфемистической функцией *антивозрастной* и *зрелый*, устойчивое словосочетание *возрастные изменения*, предлог *после* в сочетании с обобщенным и часто преуменьшенным указанием возраста. Предоставлен подробный лингвистический анализ семантики и функционирования словосочетания *возрастные изменения*. Освещена история употребления этого словосочетания в русском языке (с ссылкой на «Национальный корпус русского языка»). Обращено внимание на то, что это словосочетание прошло путь от членимого сочетания к нечленимому; способно выполнять эвфемистическую функцию, будучи как нечленимым, так и членимым.

Ключевые слова: эвфемизмы; тематическая группа; язык рекламы.

В настоящее время теория эвфемии формируется как самостоятельная отрасль русистики. Учёные дают разные дефиниции этого понятия, по-разному определяют сферы её функционирования. Как отмечает В.П. Москвин, во многих учебниках по стилистике и риторике эвфемизмы не рассматриваются; в лучшем случае лишь констатируется факт существования такого стилистического средства (пособия И.Б. Голуб, Б.В. Томашевского) [1, с. 58]. Е.П. Иванян замечает на этот счёт, что теория эвфемизмов русского языка в настоящее время находится на стадии накопления материала.

Цель статьи – характеристика специфики эвфемизмов тематической группы «старение» в языке рекламы. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) дать краткую характеристику современного состояния теории эвфемии в русистике и особенностей языка рекламы в связи с обозначенной проблемой; 2) выявить перечень средств эвфемизации, употребляемых в рекламных текстах по теме «старение»; 3) осуществить лингвистический анализ семантики и функционирования одного из наиболее частотных эвфемистических словосочетаний *возрастные изменения*.

Вопрос о том, к какому стилю речи относить язык рекламы, в настоящее время актуален, поскольку язык этот неоднозначен, и имеет ряд особенностей, роднящих его и с разговорным стилем, и с научным, и с официально-деловым. Не исключено, что в скором времени язык рекламы дифференцируется в самостоятельный стиль, рекламный. Но пока мы принимаем точку зрения Е.Н. Зверевой и вслед за ней относим язык рекламы к официально-деловому стилю речи, поскольку он способен устанавливать официально-деловые отношения между людьми, то есть такие отношения, при которых участники коммуникации выступают в качестве носителей социальных функций [2, с. 155]. Однако следует назвать особенность, которая постепенно вытесняет язык рекламы из границ официально-делового стиля. Как отмечает О.Я. Гойхман, официально-деловому стилю характерно использование устойчивых языковых моделей и текстовых формул [3, с. 42]. В учебнике Е.Н. Зверевой говорится, что этому стилю свойственно использование канцеляризмов и речевых штампов – воспроизводимых лексико-фразеологических единиц, которые за пределами данного стиля не употребляются [2, с. 159]. Но в этом же учебнике, в этом же разделе есть указание: «Реклама должна вызывать только положительные эмоции, поэтому исключаются штампы, канцеляризмы, избитые фразы». Очевидно, что язык одного и того же функционального стиля речи не может одновременно быть «сухим», точным, исключающим наличие экспрессивно-окрашенной лексики, и в то же время «ярким», чувственным, способным вызывать у адресата необходимые эмоции, мотивировать его к принятию решения.

Как отмечается в учебном пособии «Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования», текст рекламы выполняет важные функции. Конечной целью рекламного текста является убеждение читателей в пользе рекламируемого товара, услуги, компании и т.д [4]. Иными словами, первоочередная задача рекламных текстов – продать рекламируемый товар, заставить покупателя из всего многообразия предложения отдать предпочтение конкретному товару или услуге. Чтобы добиться выполнения этой задачи, копирайтер (человек, занимающийся написанием рекламных текстов и сценариев для рекламных видеороликов) должен использовать специальные лингвистические средства, манипулятивные приёмы, способные воздействовать на психологию потенциального клиента. Для этого необходимо чёткое понимание образа адресата текста, ведь адресация дискурса, т. е. то, к кому обращена речь, значима не в меньшей степени, чем авторство речи и её цели [5, с. 5]. Поскольку в разной социальной среде – неодинаковое представление о том, что «прилично» и «неприлично» и, соответственно, о том, что может именоваться прямо, без обиняков, а что должно получать «вуалирующие», эвфемистические обозначения [6, с. 47].

Л.И. Рюмшина отмечает манипулятивные приёмы, используемые в рекламе и, на наш взгляд, имеющие целью продвинуть товар, невзирая на ущерб, наносимый потребителю: опустить часть информации или исказить её; обобщить информацию до неузнаваемости; выдумать ложную информацию; задать вопрос и не дать возможности ответить; вызвать чувство вины; воздействовать на амбиции, тщеславие – приобщить к элитной для субъекта группе; воздействовать на конкретные интересы и потребности индивидуума [7, с. 18].

Несомненно, что первые два из перечисленных выше манипулятивных приёмов полностью отвечают одной из целей эвфемизации речи, т.е. вуалирование, камуфляж существа дела [8, с. 185]. По замечанию Н.В. Прядильниковой, решение главной коммуникативной задачи эвфемистических высказываний – уменьшение экспрессивности – осуществляется путём выбора таких наименований, которые обязательно обладают ре-

дукцией информации по сравнению с заменяемым словом или выражением [9, с. 156]. Мы разделяем это мнение, и, в свою очередь, считаем, что эффекта камуфляжа действительности можно достичь посредством использования слов с семантической редукцией, которая, как считает Е.П. Сеничкина, представляет собой сокращение доли информации в языковой единице, сокращение числа её дифференциальных признаков по сравнению с единицей, которая подвергается ситуационной замене [10, с. 11].

Особенно ярко семантическая редукция проявляется в родовидовых корреляциях слов. Например, слово *возраст* является гиперонимом по отношению к лексемам *младенчество*, *детство*, *юность*, *зрелость*, *старость* и проч. Количество дифференциальных признаков в гипероним*е возраст* меньше, чем в гипонимах, например *младенчество*, *старость* и т. п. Следовательно, гипероним обладает более неясной семантикой. За счёт этого становится возможным переосмысление значения того или иного слова, а употребление переосмысленных единиц в качестве эвфемизмов – процесс, очень продуктивный в языке [11, с. 52]: (1) *Дружище! С кем не бывает? Стресс,* ***возраст****. Да принимай наш Сеалекс, там 12 капсул, надолго хватит* (Реклама лекарственного препарата «Сеалекс»).

Другим частотным способом вуалирования информации является использование прономинальных единиц вместо номинативных, конкретно называющих факты действительности. Это становится возможным благодаря особенности прономинальных единиц указывать на предмет или явление действительности отсылочным образом, местоименным [10, с. 15], см. пример: (2) ***В моём возрасте*** *нужно заботиться о сердце* (Реклама лекарственного средства «Панангин»). В примере говорящий избегает прямо называть немолодой возраст и сообщает об этом при помощи а) гиперонима *возраст* и б) прономинальной единицы (личного местоимения) *мой*. Об этой особенности местоимений также упомянуто в Грамматике русского языка под редакцией Н.Ю. Шведовой: «Форма мн. ч. *они*, подобно форме ед. ч. *он* (см. § 1277), может употребляться для обозначения тех, кого почему-либо нельзя или не следует называть их собственным обозначением» [12, с. 533].

Как показал осуществленный нами языковой анализ (в период с октября 2013 по май 2014 гг. автором было собрано и обработано 27 косметических и фармацевтических рекламных каталогов от лидирующих в этой сфере компаний (Oriflame, Clarns, Collistar, Вита, Эвалар и др.), 43 буклета, рекламирующих лекарственные и косметические средства, изучены рекламные видеоролики (Сиалекс, Панангин, Липримар и проч.). Общее число примеров на май 2014 года уже составляло более 300 случаев употребления эвфемизмов, и по сей день картотека примеров продолжает расти) вуалирование информации в языке рекламы осуществляется преимущественно при помощи эвфемизмов. Мы выявили ряд эвфемизмов, высокочастотных в настоящее время в рекламной индустрии, это гипероним *возраст*, узуальный эвфемизм *пожилой* (эвфемистическая функция минимальна за счет высокой частотности употребления), узуальный эвфемизм *увядать* (узуальная метафора природы, в языке рекламы поэтически обозначающая старение кожи), прилагательные с выраженной эвфемистической функцией *антивозрастной* и *зрелый*, устойчивое словосочетание *возрастные изменения* (пришедшее в язык рекламы из медицины), предлог *после* в сочетании с обобщённым и часто преуменьшенным указанием возраста (3) ***Возраст*** *и переутомления отрицательно воздействуют на эластиновые волокна, в результате чего кожа теряет упругость, тонус и становится дряблой* (Реклама процедуры «Liftsome»), (4) *Например, более 60%* ***пожилых*** *пациентов в Германии и более 70% – во Франции постоянно принимают средства на основе экстракта гинкго* (Реклама лекарственного препарата «Гинкоум»), (5) *Медицинская программа «Мужчина после 40»* (Рекламная листовка клиники «Медгард»), (6) *После 40 лет, когда уровень эстрогенов постепенно снижается, женщина начинает «****увядать****»* (Реклама БАД «Ци-Клим»).

Примечательным в языковом отношении является словосочетание *возрастные изменения*. Примеры употребления этого словосочетания до 1977 г. назвать эвфемизмами нельзя, поскольку оно употреблялось в научной литературе в своём прямом значении, напр.: (7) *Иногда имеют значение* ***возрастные изменения*** *личности, так как параноиды этого типа преимущественно развиваются в инволюционном периоде* (Гиляровский В.А. Психиатрия (1935 г.)), (8) *Желая изучить* ***возрастные изменения*** *оболочек, я решила проследить этот процесс на различных стадиях развития лягушки и начала с головастика* (Лепешинская О.Б. Происхождение клеток из живого вещества (1951 г.)), (9) *Воспроизводились их опыты и в Москве, в лаборатории Г.В. Лопашева, где были тщательно, по усовершенствованной методике изучены* ***возрастные изменения*** *ядер в разных тканях зародыша лягушки* (Корочкин Л., Поспелов В. Из единственной клетки // «Химия и жизнь» (1966 г.)).

В дальнейшем следует различать словосочетание *возрастные изменения* а) в значении ‘изменения, обусловленные любым возрастом’, например, переходом от детства к пубертатному периоду, в таких случаях словосочетание является членимым и б) словосочетание *возрастные изменения* в значении ‘старение, возраст старения, старость’, в этом случае словосочетание является нечленимым.

По данным электронного ресурса «Национальный корпус русского языка» [13], пик частотности этого словосочетания приходится на 2006 год, см. соответствующие примеры: (10) *Аденому вызывают* ***возрастные изменения****, происходящие в организме* (Рекламная листовка клиники «Медгард»); (11) *Они помогут обогатить ваш рацион питания, сделав его настоящим залогом долгой и здоровой жизни, помогут снизить риск развитии многих болезней и отодвинуть начало* ***возрастных изменений*** (Статья в рекламном каталоге «Эвалар»); (12) *Вред, наносимый свободными радикалами, является одной из причин* ***возрастных изменений*** *сердца* (Статья в рекламном каталоге «Эвалар»).

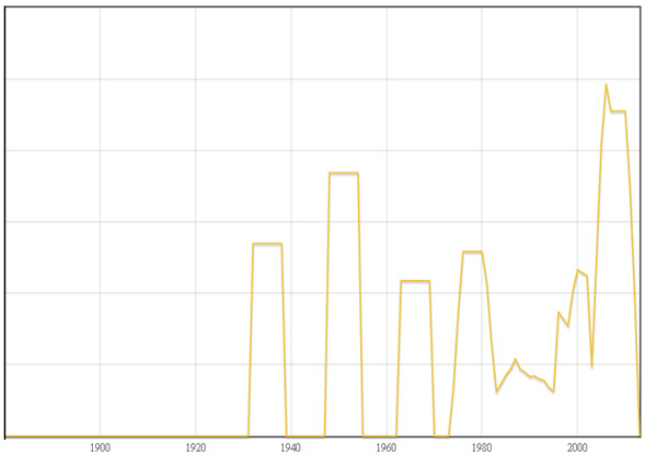

Рисунок 1 – Распределение языковой единицы «Возрастные изменения» с 1900 по 2013гг.

Отличительной особенностью словосочетания *возрастные изменения* является его способность быть членимым и нечленимым. В первом случае оба слова образуют перифраз со значением ‘старение, старость’: (11) *Они помогут обогатить ваш рацион питания, сделав его настоящим залогом долгой и здоровой жизни, помогут снизить риск развитии многих болезней и отодвинуть начало* ***возрастных изменений***; во втором случае эвфемистично только словоформа *возрастные*, поскольк-

ку лексема является дериватом от нового эвфемистического ЛСВ, приобретённого лексемой *возраст*, а слово *изменение* употребляется в номинативном значении, см., напр.: (13) ... *сказывается нагрузка на глаза и* ***возрастные изменения*** *в структуре глаза* (Реклама БАД «Звёздная очанка»).

Для того чтобы убедиться в правильности нашего предположения, смоделируем несколько различных языковых ситуаций, в которых применяется указанное словосочетание. Это необходимо, поскольку только ситуация определяет эвфемизм, и в зависимости от того, является ли она типичной или случайной, она формирует тип эвфемистического выражения в соответствии с нормами того или иного языка [14, с. 372]. Обратимся к статье Л.В. Щербы «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании». В этой работе учёный доказывает следующую мысль: «Сделав какое-нибудь предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т. п., следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило. Утвердительный результат подтверждает правильность постулата и, что любопытно, сопровождается чувством большого удовлетворения, если подвергшийся эксперименту сознательно участвует в нём» [15, с. 32].

Применяем метод лингвистического эксперимента в имеющихся у нас примерах. Для удобного графического отображения результатов сравнения языкового материала будем использовать символы «=» и «≠», которые будут обозначать семантическое равенство или неравенство двух высказываний соответственно.

При обратной замене эвфемизма прямым наименованием смысл высказывания должен обязательно (!) оставаться неискажённым. Например: (10) *Аденому вызывают* ***возрастные изменения****, происходящие в организме = аденому вызывает* ***старение*** *организма*; (11) *Они помогут обогатить ваш рацион питания, сделав его настоящим залогом долгой и здоровой жизни, помогут снизить риск развития многих болезней и отодвинуть начало* ***возрастных изменений*** *= отодвинуть начало* ***старения***; (12) *Вред, наносимый свободными радикалами, является одной из причин* ***возрастных изменений*** *сердца = вред, наносимый свободными радикалами, является одной из причин* ***старения*** *сердца*. Ср.: (14) *Звёздная очанка поможет предупредить* ***возрастные изменения*** *зрения* (Реклама БАД «Звёздная очанка») ≠ *звёздная очанка поможет предупредить* ***старение*** *зрения*. В последнем примере смысл высказывания искажен: *зрение* как способность и процесс – это абстрактное существительное, иными словами денотат, обозначаемый лексемой *зрение*, стареть не способен.

Теперь докажем, что заменой единицей может быть только словоформа *возрастные*, например: (15) *Чтобы не допустить* ***возрастных*** *изменений зрения, необходимо обеспечить глазам дополнительную защиту* (Реклама БАД «Звёздная очанка») = *чтобы не допустить* ***старческих*** *изменений зрения, необходимо обеспечить глазам дополнительную защиту*. Как сказано выше, зрение стареть не способно, следовательно, словосочетание *возрастные изменения* называть перифразом со значением ‘старение’ неверно. Заменив прилагательное *возрастной* на *старческий*, получаем высказывание, смысл которого не претерпел каких-либо изменений по сравнению с исходным вариантом.

Ещё одной особенностью, которая проявляется, если слова *возрастной* и *изменение* функционируют как членимое словосочетание, является возможность распространения словосочетания без нарушения смысловой целостности высказывания, напр.: (16) *При воздействии внешних факторов, при зрительных нагрузках, при* ***возрастных*** *и* ***гормональных*** *изменениях*... (Рекламный проспект «Alcon») = *при воздействии внешних факторов, при зрительных нагрузках, при* ***старческих*** *и* ***гормональных*** *изменениях*. Ср.: (12) *Вред, наносимый свободными радикалами, является одной из причин* ***возрастных*** *и* ***гормональных*** (лишнее слово) *изменений сердца*. В примере (12) первоначальный смысл высказывания исказился.

Подводя итог осуществленному исследованию, отметим, что в настоящее время авторы рекламных текстов для достижения необходимого результата (продажи товара или услуги) активно используют эвфемизмы как средство речевого манипулирования, несмотря на то, что в учебниках по рекламному делу и стилистике русского языка этот момент совершенно не освещён. К перечню эвфемизмов тематической группы «старение» относятся как узуальные, так и окказиональные единицы, а также единицы, находящиеся на пути приобретения узуального эвфемистического значения. Становясь узуальным, эвфемизм теряет силу эвфемистической функции. В настоящее время словосочетание *возрастные изменения* прошло путь от членимого сочетания к нечленимому; способно выполнять эвфемистическую функцию, будучи как нечленимым, так и членимым. В целом словосочетание *возрастные изменения* пришло в язык рекламы из научной (медицинской) речи. В настоящее время важная тематическая группа эвфемизмов «старение» в русском дискурсе ещё не привлекала специального внимания исследователей и нуждается в дальнейшем глубоком изучении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // ВЯ. – 2001. № 3. С. 58-70.
2. Зверева Е.Н. Основы культуры речи: Теоретический курс. М., 2008. 219 с.
3. Русский язык и культура речи: Учебник / Под ред. О.Я. Гойхмана. М., 2009. 166 с.
4. Ксензенко О.А. Прагматические особенности рекламных текстов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://evartist.narod.ru
5. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Адресация дискурса. М., 2012. 516 с.
6. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. 1994. № 1-2. С. 28-49.
7. Скопин А.А. Разработка и технологии производства рекламного продукта: Учебно-методическое пособие. Ярославль, 2009. 118 с.
8. Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004. 888 с.
9. Прядильникова Н.В. Эвфемия как способ языковой номинации: К постановке проблемы // Вестник СГПУ. 2005. С. 149-156.
10. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: Учеб. пособие. М., 2006. 151 с.
11. Павленко Т.Л. Мягко говоря… // РР. 1996. № 5. С. 49-54.
12. Русская грамматика. Т. I / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980. 789 с.
13. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruscorpa.ru
14. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. 448 с.
15. Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М., 2004. С. 24-39.

EUPHEMSMS THEMATIC GROUP «AGING» IN LANGUAGE OF ADVERTISING

© 2015

***I.V. Laptev*,** graduate student of the Chair of Russian Language,
Standards of Speech and Methods of Their Teaching
Volga State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Abstract. This paper investigated the specificity euphemisms thematic group "aging" in the language of advertising. A brief description of the current state of the theory euphemy in Russian Studies. It is noted that currently only euphemy formed as an independent branch of linguistics. Named the features of the language of advertising in connection with the subject of the study. Determined by its place in the speech styles of the Russian language at this stage of its development. Designated purpose of the advertising text and lexical means by which they are achieved. Presented and analyzed examples of manipulative techniques practiced in the advertising industry. The regularity of the frequency of use of euphemisms as a means of linguistic manipulation. Determine the cause of this pattern. Called fixed assets evfemizatsii actively used in advertising texts on "aging": semantic reduction, and the use of pronominalnyh units instead of nominative. A number of euphemisms, the most widely used in modern advertising. This hyperons age of usual euphemism elderly, of usual euphemism fading, adjectives with severe euphemistic function of anti-aging and mature, stable combinations of age, after the preposition in conjunction with the consolidated and often understated by age. Provided a detailed linguistic analysis of semantics and functioning phrases age-related changes. Short history of the use of the phrase in Russian (with reference to the "Russian National Corpus").

Keywords: euphemisms; thematic group; the language of advertising.

УДК 81

ОБРАЗНО-ЯЗЫКОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МИКРОПОЛЯ «ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ» КОНЦЕПТА «СКУКА»

© 2015

Г.Е. Маханова, аспирант кафедры русского языка
Брянский государственный университет, Брянск (Россия)

Аннотация. Концепт «Скука», имеющий несомненную значимость в русской картине мира и концептосфере А.П. Чехова, в нашем исследовании подвергается комплексному лингвокогнитивному изучению. Вербализованный вид абстрактной сущности концепта рассматривается нами как макрополе, включающее в свой состав совокупность микрополей, содержание которых охватывает достаточно широкий спектр значений. Область концепта, объективирующая эмоционально-психическую сферу человека и представленная микрополем «Психическое состояние», относится к группе эмоциональных концептов. Для реконструкции семантического облика эмоции скуки и соответствующего эмоционального состояния используется метод построения когнитивной модели ситуации возникновения скуки. Представленное описание одной из фаз эмоционального сценария скуки с позиции метафорического и смыслового подходов позволило выявить сложную концептуальную структуру и богатство смыслового содержания данной стороны концепта. В изучении семантики внутренних переживаний отдельного внимания заслуживают метафорические репрезентации состояния человека, с помощью которых в виде наглядных реалий материального мира получают экспликацию невидимые константы. Такие средства семантической интерпретации «невидимого» формируют наивную картину мира и служат дополнением к научному познанию неявных аспектов психики человека. Наглядно-чувственная составляющая в структуре концепта «Скука» отражает общеязыковое и индивидуально-авторское в объективации концептуализированного явления и представлена перцептивными и метафорическими (когнитивными) образами.

Ключевые слова: концепт «Скука»; когнитивные признаки; когнитивный сценарий; метафорическая репрезентация; наивная картина мира.

Интегративный научный подход к рассмотрению многоаспектной природы скуки позволяет увидеть концептуализированное явление, а с позиции лингвокогнитологии – концепт, понимаемый как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и его отношении к данному предмету или явлению» [1, с. 301]. Среди направлений лингвокогнитивных описаний наиболее убедительным представляется семантико-когнитивный подход теории Воронежской научной школы (З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.), который через анализ семантики языковых номинантов, выступающих средством материализации языкового сознания, позволяет приоткрыть доступ к постижению смыслов одного из уникальных концептов русской концептосферы.

До настоящего времени концепт «Скука» не был предметом комплексного лингвокогнитивного описания, хотя его значимость для русской культуры отмечалась в работах В.Н. Базылева, В.В. Глебкина, Ю.М. Лотмана, О. Балла, Э.Р. Макогон. В диссертационном исследовании Е.Н. Сороченко представлена модель лексико-семантического поля концепта «Скука» на материале текстов И.А. Гончарова. Отличие нашей работы заключается в методике анализа содержания и структуры концепта «Скука» в прозе и письмах А.П. Чехова, рассмотренного как полевая организация с ядерными и периферийными репрезентантами на лексико-фразеологическом, морфологическом и синтаксическом уровнях языка. Выбор материала исследования обусловлен актуальностью данного концепта для художественного сознания А.П. Чехова, на что неоднократно указывают литературоведы (А. Семкин, И.Н. Сухих, Л.П. Якимова, Л. Шестов и др.).

Синтезируя достижения различных отраслей знания в понимании такого неоднозначного явления, как скука, мы пришли к выводу, что конкретный языковой материал позволяет представить макрополе концепта в виде системы двух пересекающихся микрополей, отражающих его двуполярный характер – «Состояние человека» и «Социальное явление». Семантические сектора репрезентантов концепта образованы лексикографическими значениями ядерной лексемы – «тягостное душевное состояние» и «уныние, тоска, царящие где-либо». В свою очередь каждое микрополе подразделяется на микрополя второго ранга, в пределах которых выделяется ядро и периферия. Задача нашей статьи – рассмотреть микро-

поле второго ранга - «Психическое состояние».

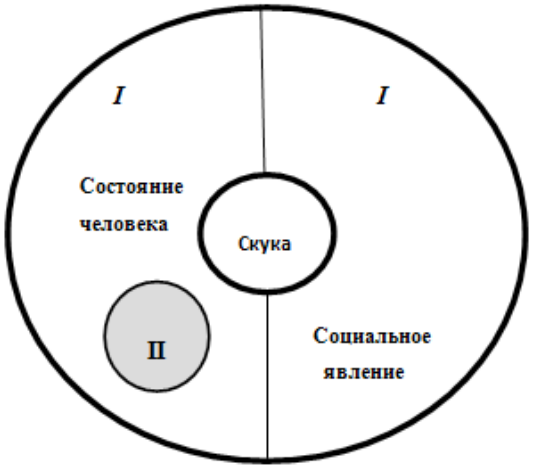

Рис 1 - Модель макрополя концепта «Скука»

Обращаясь к психологическим исследованиям в поисках теоретического обоснования названия выявленного микрополя, мы столкнулись с терминологическими разночтениями в трактовке сущности этого явления психики. Как отмечают психологи, противоречия в научных описаниях связаны с малоизученностью и сложностью самого психического феномена, которому невозможно дать однозначное определение. С этим связана и проблематичность дифференциации таких психических явлений, как эмоции, чувства, настроения, которые часто отождествляют с психическими состояниями. Отсутствие единства в понимании находит отражение и в специализированных словарях, что, несомненно, затрудняет их лингвистическое изучение: *Скука* -

1) психическое состояние, характеризующееся неспособностью человека устанавливать такие отношения с окружающим миром, другими людьми и самим собой, которые могли бы эмоционально захватить его и пробудить интерес к созидательной деятельности [2];

2) эмоциональное состояние, указывающее на то, что индивид не в состоянии найти интересное занятие, которое его увлекло или захватило бы полностью [3];

3) тягостное душевное состояние от отсутствия или потери интереса к какому-либо делу, от безделья [4];

4) эмоция, которая возникает, если индивид не в состоянии найти интересы и занятия, которые полностью захватили бы его [5];

Поэтому и в лексикографической практике становятся понятными различные толкования словарной дефиниции. Ср.: *Скука* –

1) тягостное душевное состояние, вызываемое отсутствием дела, интереса к окружающему и т. п. (БАС); 2) состояние душевного томления, уныния, тоски от безделья или отсутствия интереса к окружающему (МАС); 3) томление от отсутствия дела или интереса к окружающему (Ожегов); 4) тягостное чувство, от косного, праздного, недеятельного состояния души; томленье бездействия (Даль); 5) чувство томления от безделья, от отсутствия интереса к окружающему, происходящему (ССРЯ).

Помимо этого, необходимо учитывать, что *скука* в разных контекстах может быть как ситуативной эмоцией (*Так себе... Ничего особенного... - сказал он, делая скучающее лицо* (Сон репортера)), так и чувством, имеющим предметную направленность (*Она с чувством скуки поглядела на неподвижные, застывшие фигуры, и вдруг сердце у нее сжалось* (Володя большой и Володя маленький)), психофизиологическим состоянием (*Заплакала я от скуки, а как ты объяснишь ему этот плач?* (Ниночка)).

В описании микрополя «Психическое состояние» мы следуем в русле методологической традиции, рассматривающей психическое состояние как фон, на котором протекают психические процессы и практическая деятельность человека (С.Л.Рубинштейн, В.Н.Мясищев и др.), а эмоции, чувства, настроения, выраженные в эмоциональном состоянии (ЭС), служат показателями, индикаторами реального состояния человека. В лингвистике, стремясь к преодолению неопределенности и единообразию терминологии в употреблении родственных понятий «эмоция», «чувство», «ощущение», используют термин «эмоция» как собирательное понятие и эквивалентное обозначение соответствующего психического состояния (Е.Ю. Мягкова, З.Е. Фомина, В.И. Шаховский, Е.М. Вольф, Н.А. Красавский), а концепты, объективирующие такие «эмоции», относят к группе эмоциональных концептов.

Семантический центр данного микрополя составляют прямые репрезентанты концепта (*скука, скучный, скучать, скучно*) с доминирующей ключевой лексемой *Скука*, так как именно субстантивная форма наиболее полно реализует исследуемый концепт и обеспечивает широкий номинативный охват денотата [1, с. 177-178]. Для установления основного информационного содержания сущности концепта нами были проанализированы данные различных словарей. Следует отметить лексикографический способ толкования исследуемой языковой единицы, которая дефинируется родовидовым способом в сочетании с релятивным, указывающим на синонимические отношения: скука – «состояние душевного томления, уныния, тоски» (МАС), где «состояние» - родовая сема, «уныние, тоска» - видовые семы. Результатом изучения толкования номинанта концепта стали выявленные следующие его дефиниционные признаки, которые в общем виде определяют черты концептуализированного явления: психическое состояние («душевное»); эмоциональное состояние («состояние», «чувство»); причинность («вызываемое отсутствием», «томление от»); интенсивность (сила) («тягостное»); подавленность («томление», «отсутствие интереса»).

Как видим, толкования строятся на соотношении двух частей – внутренней характеристике состояния и причины. Однако для воссоздания объемного семантического облика эмоции скуки и соответствующего эмоционального состояния словарной информации недостаточно. Невозможность прямого лексикографического истолкования связана с недоступностью денотата эмоции прямому наблюдению, а это вызывает необходимость обращения к косвенным способам толкования. В описании эмоций лингвистика предлагает два подхода, условно обозначенные смысловым и метафорическим [6, с. 27].

Смысловой подход в интерпретации А. Вежбицкой сводится к описанию эмоции через прототипическую ситуацию ее возникновения, которую можно представить посредством ментального сценария. Как полагает автор, «человек действительно интерпретирует свое эмоциональное состояние посредством таких сценариев, а имеющиеся в его распоряжении термины эмоций являются сокращенными обозначениями прототипических ситуаций» [7, с. 337].

В когнитивный сценарий эмоционального состояния включают: субъект эмоции - само ЭС - его причину [8]; первопричину эмоции - непосредственную причину эмоции - собственно эмоцию, или состояние души - обусловленное эмоцией действие - внешнее проявление эмоции [9]; каузатор – контакт – собственно состояние – «рефлексы» внутреннего состояния (внешние проявления) [10].

В нашем случае типовую модель ситуации возникновения скуки мы изобразим в виде фрейма, включающего субъекта эмоции, каузацию, ЭС, внешнее проявление, мотивированное действие. При этом каждый элемент обладает свойствами, которые в совокупности характеризуют семантику пропозиции в целом. Однако в рамках

этой статьи рассмотрим, что собой представляет «состояние души», как оно концептуализировано в художественном мире носителя языка.

Собственно состояние, «обусловленное положением вещей, которое человек воспринял или созерцал, и его интеллектуальной оценкой этого положения вещей» [9, с. 39], концептуализируется в сознании носителей языка особым образом, образуя наивную картину эмоций/чувств. Однако наивные представления о внутренней жизни человека, во многом существенно отличающиеся от научных, далеко не примитивны и «способны служить надежным проводником в этот мир», отражая «опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий» [там же, с. 39]. «Поскольку внутренний мир человека моделируется по образу внешнего, материального мира, основным источником психологической лексики является лексика «физическая», используемая во вторичных, метафорических смыслах» [11, с. 387]. В исследованиях на материале разных языков лингвисты сходятся во мнении, что языковое выражение эмоций в высшей степени метафорично и всегда уподобляет чувство, некое душевное или психическое состояние, а также его воздействие на душу и тело живого существа некой физической, материальной субстанции (Ю.Д. Апресян [6], Н.Д. Арутюнова [11], Н.А. Красавский [12], Дж. Лакофф [13], и др.). Соответствующими атрибутами для воссоздания ненаблюдаемой психической сферы выступают прилагательные и глаголы.

Так, представления о скуке как о враждебном существе, которое мучит и нападает, съедает человека изнутри, реализуется в следующих персонифицирующих сочетаниях: *Помню, сижу в саду; темно, холодище страшный,* ***скука аспидская****, а за бурой стеною, около которой я сижу, актеры репетируют какую-то мелодраму* (А.Н. Плещееву, 26 июня 1889); *Неизвестно отчего, им* ***овладела скука****, и от праздничной радости в груди не осталось ничего, как будто ее и не было* (Казак); ***Скука и отчаяние душили*** *ее; ей хотелось вдруг перестать улыбаться, вскочить и крикнуть: "Вы мне надоели!" и потом прыгнуть из лодки и поплыть к берегу* (Именины); *Вообще, если в коридорчике на окне против моей двери горит лампочка, то это значит, что я не сплю и меня* ***съедает скука****...*(Perpetuum mobile); *Да,* ***бывает убийственно, беспросветно скучно****, как в одиночной тюрьме, но вы* ***стараетесь спрятаться и от этого врага****: вы по восьми часов в сутки играете в карты* (Рассказ неизвестного человека).

Такое сочетание имени эмоции свидетельствует о ее стихийном характере, в котором преобладает чувство над интеллектуальной оценкой. Поэтому скука, как и подобные ей стихийные эмоции страха, тоски, зависти, ревности, концептуализируется как враждебная человеку сила, извне или изнутри завоевывающая его [9, с. 54].

В когнитивной метафоре скука может принимать и явный антропоморфный облик, уподобляясь тирану-преследователю (*Пока не скучно, но* ***скука уж заглядывает*** *ко мне в окно и* ***грозит пальцем*** (Н.А. Лейкину, *10 декабря 1890*)), или наделяться антропоморфными признаками качества (*Сегодня идет дождь и Байкал утонул в тумане. «Занимательно!» - сказал бы Семашко. Скучно. Надо бы сесть писать, да в дурную погоду не работается.* ***Скука предвидится немилосердная****; будь я один, это бы еще ничего, но со мною поручики и военный доктор, любящие поговорить и поспорить. Понимают мало, но говорят обо всем* (Чеховым, 13 июня 1890)).

Наличие продуктивной метафоры этого типа в интерпретации эмоции связано с «антропоморфным характером человеческого познания» [12, с. 284], его психологической склонностью пропускать и оценивать мир сквозь призму собственного Я.

В.Ю. Апресян и Ю.Д. Апресян предлагают рассматривать толкование эмоции с помощью телесной метафоры состояний души. В основе системы концептуализации эмоций «лежит единый принцип уподобления того, что недоступно прямому наблюдению (реакции души) тому, что может наблюдаться более непосредственно (реакции тела)» [6, с. 33]. Применительно к скуке, то ощущение, которое возникает внутри человека, в одних случаях сходно с неприятными состояниями тела при холоде (утрата подвижности и чувствительности), в других – боли, болезни (страдание).

Скука-холод: *Его молодое лицо не выражало ничего, кроме* ***неподвижной, холодной скуки****, какая бывает на лицах школьников и людей служащих, изо дня в день обязанных сидеть на одном и том же месте, видеть всё те же лица, те же стены* (В суде); *Чаще всего я встречал в избе самого хозяина, одинокого, скучающего бобыля, который, казалось,* ***окоченел от вынужденного безделья и скуки****...* (Остров Сахалин).

Скука-боль, болезнь: *Каждый вечер она* ***жаловалась на скуку****, заводила речь о свободе мысли, о рутинерах* (Хорошие люди); *Если думаете* ***вылечиться в Москве от скуки****, то напрасно: скучища страшная* (А.С. Суворину, 27 октября 1888); *Письмо твое я получил как раз в самый* ***разгар ужаснейшей скуки****, зевая у ворот, а потому ты можешь судить, как оно, огромнейшее, пришлось весьма кстати* (М.П. Чехову, Апрель, 1879); *Два месяца я работал напряженно, не щадя живота, в третьем же месяце* ***стал изнемогать от*** *помянутой горечи,* ***скуки*** *и от мысли, что из Владивостока на Сахалин идет холера и что я таким образом рискую прозимовать на каторге* (А.С. Суворину, 9 декабря 1890).

По мнению В.Ю. и Ю.Д. Апресян, более полное и адекватное описание эмоции складывается на основе метафорического и собственно смыслового подходов. Основываясь на предложенных схемах толкования, включающих ассоциативную связь эмоции и телесного аналога, структуру толкования *скуки* можно представить в следующем виде: «неприятное чувство, вызванное у X-а Y-м; такое чувство бывает, когда человек ничем не занят или когда ему не хватает новых впечатлений; душа человека чувствует нечто подобное тому, что ощущает его тело, когда ему холодно или больно; тело человека реагирует на такое чувство как на холод или боль; человек, который испытывает такое чувство, эмоционально подавлен, ничто его не интересует, но, чтобы как-то вывести себя из томительного состояния, человек ищет какое-либо занятие [9; 14]. В психоаналитическом подходе появление скуки Отто Феничел фиксирует семантической формулой – «когда нам нельзя делать то, что мы хотим делать, или должны делать то, что мы делать не хотим» [15].

Последствием пагубного воздействия скуки как болезни, недуга может стать смерть. Этим сопоставлением продиктована лексико-грамматическая сочетаемость: *Да, барышни, если б не любовь,* ***околел бы я тогда от скуки****. Спился бы, пожалуй»* (То была она!); *На сытой, лоснящейся физиономии милостивого государя была написана* ***смертельнейшая скука****. Он только что вышел из объятий послеобеденного Морфея и не знал, что ему делать. Не хотелось ни думать, ни зевать...* (Баран и барышня); *Муж всегда в городе и возвращается только ночью, да и то не каждый день, и у меня, признаться,* ***такая скука, что просто смерть*** (Огни); *Лиза* ***умирала от скуки****. Грохольский тоже страдал* (Живой товар).

Средой обитания, носителем скуки в языковой картине писателя является грудь человека с центральным органом – сердцем. «Тягостное душевное состояние» наивное сознание связывает с физическим воздействием тяжести: *А ночью, когда я, вернувшись домой, ложусь спать и в потемках спрашиваю себя, отчего же это в самом деле мне так* ***мучительно скучно****,* ***в груди*** *моей беспокойно* ***поворачивается какая-то тяжесть****...* (В Москве) *Тотчас же* ***от сердца его отлегла скука*** *и в ленивых глазах заблестело удовольствие* (Тина).

Идея тяжести в русском языке имеет широкий охват

ситуаций и предметов окружающего мира, характеризуемых этим ощущением. Тяжесть – это один из ключевых концептов, универсальный вид дискомфорта, показатель отрицательного состояния. При распространении на внутреннюю сферу человека обозначает «неприятные, болезненные, мучительные, а иногда и опасные для жизни состояния и физиологические процессы», связанные с «подавленностью, «замедленностью» и угнетенностью жизненных функций, и в этом смысле аналогичны действию тяжести» [10, с. 301-302].

Скука может уподобляться голоду, что связано с эмоциональной неудовлетворенностью, толкающей человека к поиску хоть каких-то новых ощущений: *Дама эта была не особенно молода, не особенно красива, но, господа, в темноте и столб за городового примешь, да, кстати сказать,* ***скука такая же не тетка, как и голод****: всё сойдет!* (Начальник станции).

Человек как вместилище невидимой субстанции скуки может неосознанно угнетать ей другого человека, а также сознательно стараться облегчить положение своего ближнего: *Однако, песик, я* ***нагоняю на тебя скуку*** (О.Л. Книппер, 7 февраля, 1903); *Иван Петрович изредка посещал и дачу Грохольского. Он привозил Лизе варенье, конфект, фрукт и как бы старался* ***разогнать ее скуку*** *(Живой товар)*.

Интенсивность чувства нагляднее всего передается сочетаемостью с прилагательными, определяющими скуку как *томительнейшую, унылую, гнетущую, отчаянную, удручающую, страшную, ужасную (-ейшую), ужасающую, нестерпимую*. Примечательна особенность синтагматического взаимодействия этих значений с номинантом состояния, заключающаяся в дублировании семы, или семантической гаплологии, по терминологии Ю.Д. Апресян [16]. Актуализация имплицитного семантического компонента концепта, выходящего на языковую поверхность, необходима для того, чтобы подчеркнуть степень и глубину переживания скуки (см. словарные толкования скуки выше). Ср. значения по МАС: *томительный* – «заставляющий томиться, страдать», «тягостный, гнетущий»; *унылый* – «испытывающий уныние (подавленное состояние духа)»; *гнутущий* – «вызывающий подавленность; тягостный»; *отчаянный* – «чрезвычайный по силе своего проявления»; *удручающий* – «тягостный, гнетущий».

Трудность выхода из состояния скуки, а также то, что может навести ее объясняется сочетаниями, в которых скука предстает в облике чащи или болота, непроходимого, невылазного: *Я уже выпил рюмок пять водки с дурманом и, подперев свою тяжелую голову кулаком, думал о своей* ***непобедимой, невылазной скуке****, а жена сидела рядом и не отрывала от моего лица глаз* (Шампанское); ***Рассказ*** *только кое-где хорош, но в остальном это* ***непроходимая чаща скуки*** (Е. М. Шавровой, 28 мая 1891).

Одной из самых распространенных метафорических номинаций возникновение чувства оказывается пространственная метафора, уподобляющая чувство движению или перемещению в пространстве: *К Егорушке вдруг* ***вернулась его скука*** (Степь); *Барышни вдруг повеселели, глазки их засверкали... Они придвинулись к полковнику и, подливая ему вина, засыпали его вопросами.* ***Скука исчезла****, исчез скоро и ужин, так как барышни стали кушать с большим аппетитом* (То была она!). Подобные примеры активности скуки наиболее очевидно доказывают приписываемый ей антропозооморфный признак.

Помимо этого скука может быть *вечерней, будничной, обыденной*, но при этом всегда *старой*, так как скука – отсутствие нового и интересного. От ее распростирающейся власти очень трудно куда-то деться, от нее можно освободиться на время или поделиться с кем-то, очень хочется ее убить, но она – непобедимая: *Третьего дня ездил в Звенигород на именины, вчера ловил в пруде линей, а сегодня не знаю,* ***куда деваться от скуки*** (Н.А. Лейкину, 11 августа 1884); *Спасибо добрым людям - навещают меня и* ***делят со мною скуку****, иначе пришлось бы плохо* (В.А. Тихонову, 31 мая 1889); *Уезжая,* ***я оставил дома унылую скуку*** *и страх* (А. Н. Плещееву, 3 августа 1889); ***Рад бы убить Вашу скуку****, но - увы - нет пороха* (М.В. Киселевой, 13 сентября 1887).

Специфика выражения внутреннего состояния заключается в том, что абстрактный компонент психики выступает как «предмет» психического мира, нечто отдельное от человека, вступающее с ним в определенные, в данном случае враждебные, отношения [11, с. 386]. Взаимодействие человека и психической сущности, фигурирующей как независимая и самодовлеющая субстанция, описывается метафорической моделью субъектного типа, в которой чувство представлено как «самостоятельный субъект передвижения, по отношению к которому человек выступает ориентиром – определенной точкой, к которой приближается эмоция, или замкнутым пространством, вместилищем, в которое она проникает» [17, с. 12]. Напротив, объектные метафоры «характеризуют эмоцию как пространство, в котором пребывает человек», но также может в нее *впадать* и *погружаться*, что указывает на полное владение эмоции человеком, которая как бы вбирает его в себя целиком [там же, с. 12]. Эта разновидность метафоры объектного типа характерна для описания второго микрополя, скуки как характеристики среды: *В Москве я утопаю в скуке* (А.Н. Плещееву, 11 февраля 1889). Таким образом, субъектные метафоры движения и воздействия «иллюстрируют представление о самостоятельности эмоций, их власти над человеком, тогда как объектные утверждают возможность контроля человека над эмоциональными состояниями» [там же, с.14]. Ср. скука – пассивный объект воздействия человека (разогнать, убить скуку).

Метафорический фрагмент описания психического состояния занимает важное место в изучении семантики внутреннего мира. Сочетаемость номинанта концепта, основанная на исходных, мотивирующих образах холода, боли, живого существа, голода, болота (чащи), движения, воздействия, создает «некий сводный образ чувства», «подчиненный особой логике мир души» [11, с. 397]. По верному замечанию Арутюновой, «метафора учит не только извлекать правду из лжи, она учит также извлекать признаки из предметов, превращать мир предметов в мир смыслов» [там же, с. 382]. С этим связан особый этап в анализе концепта – когнитивной интерпретации лингвистического описания языковых средств, овнешняющих языковое сознание. Результатом интерпретации метафорической репрезентации психической сферы состояния стали следующие содержательные признаки в структуре концепта: «то, что мучает, терзает», «причиняет боль и страдания», «тяготит», «парализует подвижность и снижает чувственное восприятие окружающего мира», «трудность выхода, преодоления состояния», «нехватка новых впечатлений и ощущений», «преходящий характер состояния».

Завершим описание фазы самого состояния отдельным упоминанием способа языковой объективации ключевой лексемы концепта, которая может получать расчлененное семантическое выражение в контексте с существительными и глаголами вспомогательного характера («чувство», «чувствовать», «испытывать», «ощущать»): *Барышня робко потянулась за стаканом и, боясь чамкать, начала бесшумно глотать... Милостивый государь глядел на нее и ухмылялся... Он уж* ***не чувствовал скуки****...* (Баран и барышня); *Матвей ждет и только позевывает.* ***Чувство скуки*** *ему незнакомо* (Художество); *Лаптев прочел продолжение какого-то романа, потом долго сидел, не читая и* ***не испытывая скуки*** *и довольный, что уже опоздал домой к обеду* (Три года); *Обыкновенно он приходил перед вечером, ложился и ждал его прихода терпеливо,* ***не ощущая ни малейшей скуки*** (Три года).

Изучая концептуализацию внутренних переживаний, лингвисты обращаются к построению когнитивного

сценария, базирующегося главным образом на метонимических и метафорических переносах, формирующих «особый пласт средств выражения в языке для обозначения внутренних (ментальных и эмоциональных) состояний и процессов» [18, с. 41]. По утверждению Н.А. Красавского, метафора – «самый важный источник информации об эмоциях», способный «обнажить» сущность эмоционального концепта [12, с. 396]. И хотя метафора признается более творческим и «познавательным» механизмом чем метонимия, тем не менее метонимия важна для семантико-когнитивных подхода к описанию концепта, так как демонстрирует отличную от метафоры логику когнитивного освоения реальности [10, с. 427]. Использование такого подхода к анализу эмоционального концепта выявляет его сложную концептуальную структуру и богатство смыслового содержания. Более того, результаты лингвистических экспериментов ученых Воронежского университета свидетельствуют о том, что «ядром концепта является чувственный базовый образ, выступающий как кодирующий образ универсального предметного кода. Этот образ принадлежит бытийному слою сознания и, как показывают некоторые наблюдения, имеет операционный или предметный характер, базируясь на биодинамической и чувственной ткани сознания. Базовый образ окружен конкретно-чувственным по своему происхождению когнитивным слоем, отражающим чувственно-воспринимаемые свойства, признаки предмета. Этот слой вместе с базовым относится к бытийному слою сознания» [19, с. 37-38]. Однако также заметим, что в представлении концепта как единицы общеязыковой картины мира образные составляющие не обязательно входят в ядерную структуру, но при характеристике авторской концептосферы образная основа концепта скука рассматриваемого микрополя носит яркий индивидуально-сенсорный характер и кодирует концепт для мыслительных операций в сознании носителя языка. Итак, в структуре концепта скука образный компонент состоит из перцептивного и метафорического (когнитивного) образов, отражающих общеязыковые и индивидуально-авторские характеристики концептуализируемого явления.

Рассмотренная языковая объективация *Скуки* через прототипический сценарий ее возникновения и протекания позволяет получить более целостное представление о концептуализации состояния.

Понятийное ядро концепта микрополя «Психическое состояние» составляют не только признаки скуки как состояния отрицательного. Скука может быть и позитивной, в зависимости от того, «насколько она помогает или мешает адаптации индивида в конкретной ситуации» [20]. Это свидетельствует о двойственной природе концепта. К примеру, скука может стимулировать творческую активность, побуждать к продуктивной деятельности*: Пробовал было от скуки написать свою «Исповедь», но получилась какая-то чепуха* (Нытье); *От скуки же он изобрел и свою собственную карточную игру. Его игра слишком проста. Она называлась «Черные и Красные»* (Ненужная победа).

Образно-языковое наполнение ядра микрополя «Психическое состояние» отражает одну из сторон концепта «Скука». Для последовательного изучения концептуального содержания микрополя видится необходимым обращение к описанию семантики номинантов приядерной зоны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М, АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.

2. Лейбин В. Словарь-справочник по психоанализу. М., АСТ, 2010. Режим доступа - http://vocabulary.ru/dictionary/881/word/skuka

3. Жмуров В.А. Большая энциклопедия по психиатрии. М., Джангар, 2012. Режим доступа - http://vocabulary.ru/dictionary/978/word/skuka

4. Ильин Е.П. Психофизиология состояний человека. СПб.: Питер, 2005. 412 с. Режим доступа - http://modernlib.ru/books/evgeniy_pavlovich_ilin/

5. Райкрофт Ч.. Критический словарь психоанализа. СПб., 1995. Режим доступа: http://vocabulary.ru/dictionary/12/word/skuka

6. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания, 1993. № 3. С.27-35.

7. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., Русские словари, 1996. 416 с.

8. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представления в языке/ Е.М. Вольф // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. - М.: Наука, 1989. С. 55-75.

9. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания, 1995. № 1. С. 37-67.

10. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.

11. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

12. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография - Волгоград : Перемена, 2001. 374 с.

13. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

14. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе изд., исп. и доп./Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., Школа «Языки славянской культуры», 2003. С. 1032.

15. Скука [Электронный ресурс]: Материал из Википедии — свободной энциклопедии. Дата обновления: 30.07.2014. — Сан-Франциско: Фонд Викимедиа, 2014. Режим доступа:
https://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EA%F3%EA%E0

16. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Избр. труды. Т. I. М., 1995. 472 с.

17. Гусейн-Заде И.А. Метафорические образы эмоциональных состояний в русской языковой картине мира: модели движения и воздействия / И.А. Гусейн-Заде // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 347 (июнь). С. 11-14.

18. Клобуков П.Е. Метафора как концептуальная модель формирования языка эмоций // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: «Филология»,1997. Вып.2. С. 41-47.

19. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Изд.3. Воронеж, «Истоки», 2007. с. 37-38.

20. Изард К.Э. Психология эмоций/Перев. с англ. СПб.: Изд-во «Питер», 2000. 464 с. Режим доступа - http://www.web-lit.net/writer/3949/book/11496/izard_kerrol_e/

21. Психические состояния как общепсихологическая проблема: Хрестоматия // Сост. И.В. Герасимова. Владивосток: ДВГМА, 2001. 104 с.

22. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта //Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С. 58-65.

23. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Режим доступа - http://az.lib.ru/c/chehow_a_p

FIGURATIVE AND LANGUAGE COMPONENTS OF THE MICROFIELD "MENTAL STATE" OF THE CONCEPT OF "BOREDOM"

© 2015

***G.E. Makhanova*,** post-graduate student of the chair of Russian language
Bryansk State University named after academician I.G.Petrovsky, Bryansk (Russia)

Abstract. The concept of "Boredom" having the undoubted importance in the Russian picture of the world and A.P. Chekhov's kontseptosfer in our research is subject to a comprehensive study. Verbalized form of abstract essence of the concept is considered by us as the macrofield including in its membership a set of microscopic fields, the content of which covers a fairly wide range of values. Area concept objectifying emotional human psychic sphere and presented microfield "Mental State" belongs to a group of emotional concepts. For reconstruction of semantic shape of emotion of boredom and the corresponding emotional state the method of creation of cognitive model of a situation of emergence of boredom is used. The presented description of one of the phases of the emotional scenario of boredom from a position of metaphorical and semantic approaches allowed to reveal difficult the conceptual structure and richness of the semantic maintenance of the party of the concept. In a study of the semantics of inner experiences deserve special attention metaphorical representation of the human condition by means of which a visual reality of the material world get explication invisible constants. Such means of semantic interpretation of "invisible" form a naive view of the world and serve as a addition to scientific knowledge of implicit aspects of the human psyche. The evident and sensual component in the structure of the concept of "Boredom" reflects the common language and the individual author in the objectification of the phenomenon conceptualized and is presented perceptual and metaphorical (cognitive) images.

Keywords: the concept of «Boredom»; cognitive signs; cognitive scenario; metaphorical representation; a naive view of the world.

УДК: 811.161.1

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА В.И.КОСТЫЛЕВА

© 2015

***Е. С. Медведкова*,** старший преподаватель кафедры русского, иностранных языков и литературы
Волжский университет имени В.Н. Татищева, Тольятти (Россия)

Аннотация. Вопрос о том, является этноним именем собственным или именем нарицательным, до сих пор обсуждается лингвистами-ономастами. Автор исследует функционирование этнонимов и именований, связанных с ними, в текстах исторических романов В.И. Костылёва «Кузьма Минин», «Питирим» и «Жрецы». Анализ функционирования таких этнонимов как мордва, татары, чуваши, терюхане, привлечение к их рассмотрению данных истории и культуры народа, позволяет более точно определить их значение. Автор рассматривает такие псевдоэтномимы, как керженцы, слобожане раскольники, скитники, ватажники. Несмотря на различие в подходах к определению этнонимов, ассоциации и коннотации этнонима в историческом произведении позволяют вводить читателя в круг территориальных, этнографических, культурно-исторических и других сведений о человеке. Для достоверности описания эпохи писатель В.И. Костылев употребляет этнонимы наряду с их устаревшими формами, которые сейчас можно встретить лишь в летописях или исторических актах. В романах В.И. Костылева структура именования представителей разных этносов эпохи Смутного времени, правления Петра I и Елизаветы I дается по одним и тем же антропонимическим моделям. Они представлены однокомпонентными и двухкомпонентными единицами: именованиями, говорящими об этнической принадлежности, в том числе русскими мирскими и каноническими личными именами. Система именований представителей мордовского, чувашского, башкирского, татарского этносов в произведениях В.И. Костылева изображает мирное сосуществование и активное взаимодействие этносов в пределах Московского государства и в Нижегородской области, показывает интерэтнический характер территории. Использование писателем этнонимических обозначений и личных имен различных типов в художественной картине мира, а также совместное употребление тех и других, подчинено идее создания писателем исторической достоверности событий многонациональной освободительной борьбы народов Поволжья в описываемые эпохи.

Ключевые слова: имя собственное; этнонимы; антропонимы; художественный текст; исторический роман.

Этноним (от греческого *этнос* 'народ' + *онима* 'имя, название') – это «номен для обозначения людей любого этноса (этнической группы, племени, народа, национальности и т.д.» [1, с.167]. В исторических текстах до начала XX века этнонимы писались с заглавной буквы – Татары, Мордва и т.д. Например, в «Летописи о многих мятежах…» издания 1788 года все этнонимы пишутся с большой буквы: «… не токмо собак и кошек, людей Русских и сами друг друга побиваху» [2, с. 265]. В «Истории государства Российского» С.М. Соловьева (1896 г.) читаем: «Казанского государства князья, мурзы и Татары» [3, с. 1017]. У И.Е. Забелина (1901 г.) напечатано: «кроме Поляков, были Венгры и Черкасы, Малороссийские казаки» [4, с. 94]. В современном русском языке принято написание со строчной буквы.

Художник слова, изображающий полиэтническое пространство, не может обойтись без специальных знаков. К ним относятся этнонимы и связанные с ними антропонимы. Вопрос о том, является этноним именем собственным или именем нарицательным, до сих пор обсуждается лингвистами-ономастами.

А.В. Суперанская полагает, что этноним, исходя из лингвистических характеристик, является нарицательным словом. Однако «тесная связь этнонимов с антропонимами и топонимами проявляется во взаимном обмене лексем этих систем» [5, с. 209.; ср. также 11, с. 153].

В.А. Никонов считает, что этнонимы относятся к именам собственным: «единственное прямое, реальное значение этнонима – обозначаемый им объект: как географический объект для топонима и отдельный человек или семья для антропонима» [6, с. 11-12].

Этнонимы неоднородны, различаются в зависимости от характера обозначаемых реалий. Так, А.О. Членов считает важным различать *собственно этнонимы,* обозначающие реальную этническую общность, и *псевдоэтнонимы,* обозначающие общности других типов. Согласно его классификации, *собственно этнонимы* подразделяются на *истинные этнонимы*, *микроэтнонимы* и *макроэтнонимы*; *псевдоэтнонимы* – на географические, культурно-исторические, религиозные и другие [7, с. 100].

Несмотря на различие в подходах к определению этнонимов, ассоциации и коннотации этнонима в историческом произведении позволяют вводить «собеседника

в круг культурно-исторических, территориальных, этнографических и прочих сведений о человеке, подразумевающихся при одном лишь упоминании его национальности» [5, с. 209]. Анализ функционирования этнонимов, привлечение к их рассмотрению данных истории и культуры народа, позволяет более точно определять их значение [см.: 8, с. 6].

Этническими знаками, кроме этнонимов, являются также антропонимы, связанные с ними. И те, и другие выполняют характеризующую функцию, в частности в художественной речи. Ярким примером этого предстают названные единицы в художественной картине мира В.И. Костылева, в его романах «Кузьма Минин», «Питирим», «Жрецы».

В этих произведениях употребляются *собственно этнонимы,* среди них *истинные этнонимы*, например: «Пожарский решил собрать ополченцев. Пестрая, рваная, полураздетая толпа сошлась на базарной площади. Тут и русские, и украинцы, и татары, мордва, чуваши, черемисы, вотяки» [10, с. 181]. Автор исторических романов В.И. Костылев употребляет некоторые этнонимы наряду с их устаревшими формами (татарове, черемисы и т. д.), которые сейчас можно встретить лишь в летописях, исторических актах или исторических романах. Писатель в этом случае использует исчезнувший этноним для достоверности описания эпохи. Примечательно, что этноним в его романах функционирует в формах множественного числа или единственного числа мужского рода при отсутствии форм женского рода, за исключением номинанты *мордовская девушка Мотя*. Такая гендерная избирательность обусловлена активностью в освободительной борьбе именно мужчин.

Автор исторических романов В.И. Костылев употребляет некоторые этнонимы наряду с их устаревшими формами, которые сейчас можно встретить лишь в летописях, исторических актах или исторических романах. Писатель в этом случае использует исчезнувший этноним для достоверности описания эпохи.

Этнонимы *мордва, мордвин* употребляются в романе «Кузьма Минин» 23 раза, романе «Питирим» 23 раза и романе «Жрецы» 349 раз, микроэтноним *терюхане* – 45 раз из них 5 раз *терюханская мордва*. В.И. Костылев вводит образ представителя этой народности: «В круг выходит высокий, плечистый мордвин, чернокудрый красавец. В его облике – горделивое сознание своей силы» [10, с. 327].

Этнонимы *татары, татарин, татарове* употребляются 57 раз в романах, *башкиры, башкир* в романе «Жрецы» – 22 раза, *чуваши, чувашин* в романе «Кузьма Минин» – 23 раза, *черкасы*, *черкас*, *украинцы, украинец* – 21 раз (во второй половине XVI – первой половине XVII вв. украинские казаки в документах Московского царства именовались *черкасами), черемисы, черемисия, черемис, черемиса* – 38 раз (этноним ч*еремисы* является древнерусским названием угро-финского народа – марийцев).

К *микроэтнонимам* в его произведениях можно отнести этнонимы *терюхане, терюханская мордва. Терюхане* – это мордовские жители деревни Терюшево: «Несмеянка собрал кучку терюхан и повел их к старцу Варнаве в пустынь» [11, с. 71].

К псевдоэтнонимам относятся *керженцы, слобожане, раскольники, скитники, ватажники*. Так, *керженцы, слобожане* являются псевдоэтнонимами по географическому, территориальному признаку, *керженцы* – люди, населявшие земли на реке Керженец: «Хриплым голосом он проклинал керженцев за бессловесную рабскую податливость» [6, с. 200], *слобожане* – свободные от каких-либо повинностей жители слобод, поселений: «Благоразумные слобожане! Встречайте народ!» [11, с. 178]. Псевдоэтнонимы р*аскольники, скитники* объединяют людей по религиозному признаку. Р*аскольники* – это сторонники старообрядчества: «…раскольники каждодневно во всех городах и весях передаются православию» [12, с. 39], *скитники* – это старообрядцы, живущие в скиту: «Пройдя к гостям, скитники низко поклонились» [11, с. 284]. Псевдоэтноним *ватажники* объединяет людей по социальному признаку. *Ватажники* были членами ватаги (дружная толпа, шайка, артель): «Ватажники кланяются в ноги ему, своему атаману, называя «батюшкой»» [11, с. 5].

В своих романах писатель употребляет антропонимы, имеющие этнические корни. Хотя количество антропонимов с ярко выраженной этнической окраской в исторических романах В.И. Костылева невелико, они отражают картину многонационального состава Московского государства эпохи Смутного времени, правления Петра I и Елизаветы I.

Структура именования представителей разных этносов в романах В.И. Костылева дается по одним и тем же антропонимическим моделям. Они представлены однокомпонентными и двухкомпонентными единицами: именованиями, говорящими об этнической принадлежности, в том числе русскими мирскими и каноническими личными именами, при этом для людей простого сословия применяются одно- и двухкомпонентные именования, а для представителей высшего сословия – трехкомпонентные.

В «Питириме» и «Жрецах» употребляются личные имена и фамилии представителей мордвы. Это связано с тем, что действие романов происходит в XVI и XVII веках, в Нижегородской губернии, которая была центром расселения финно-угорских этносов (здесь вплоть до начала второго тысячелетия самым обширным этносом была мордва). В этот период шла активная христианизация мордвы, которую начал Иван Грозный и продолжил Пётр I. Именно в это время «Мордва окончательно вошла с состав русского государства, начинается процесс её слияния с русской народностью. Первым средством к этому было обращение её в христианство» [13, с. 92]. Однако русские дохристианские имена появились в мордовской среде гораздо раньше, примерно с конца X века, когда началось проникновение славян на территорию Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья.

В романах В.И. Костылева употребляются следующие именования мордвинов:

- *Несмеянка Кривов* (историческое лицо) – двухкомпонентное именование, состоящее из популярного среди мордвы нехристианского древнеславянского личного имени *Несмеянка* и фамильного прозвания;

- новокрещенец-мельник *Федор Догада* (историческое лицо) – двухкомпонентное именование, состоящее из канонического, принятого при крещении личного имени и прозвания, представляющего собой мирское имя от древнерусского личного имени *Догад, Догада, Догадко – догадливый, сметливый* [см.: 14, с. 147];

- *Мазоват* – наименование персонажа, включающее корень ***-маз-***, означающий ‘краса, красивый’, ср. женское мордовское имя *Мазава* (красивая);

- *Турустан Бадаев* – двухкомпонентное именование, по аналогии с мордовскими именами на ***-ан*** (*Туштан*) и фамилии от прозвища *Бадай, повеса* [15, с. 24]*;*

- *Тамодей Чинаев, Сустат Пиюков, Лобка Чанаев* – двухкомпонентные именования, состоящие из мордовских дохристианских личных имен *Тамодей*, *Сустат*, личного дохристианского русского имени *Лоб* [16, с. 229] и фамильными прозваниями с русскими формантами ***-ев*** и ***-ов***, имеющие мордовские корни.

Этническим знаком является и антропоним (персоним) представителя чувашского этноса *Пуртас* (употребляется 12 раз): «Весело приветствовал он рукой Пуртаса, сидевшего на низенькой волосатой лошаденке впереди чебоксарских всадников. Пуртас был храбрый и умный воин». Не случайно автор называет персонажа *Пуртас*. Это личное имя, вероятно, образовано автором из этнонима *буртас.* «Буртасы, партас – народ (племя) <...> на Правобережье Волги. Исследователи А.П. Смирнов, П.Н. Третьяков и другие разделяют мне-

ние, что часть буртасов была ассимилирована булгарами и влилась в 13-14 вв. в состав формирующегося чувашского этноса» [17, с. 265]. В романе «Жрецы» писатель напрямую дает именование персонажу чувашского этноса от этнонима *буртас*: «В Терюшево с поля битвы явился раненый ватажник чувашин Буртас [11, с. 281]».

Автор вводит один персонаж башкирского этноса, который имеет однокомпонентное именование – *Хайридин* и употребляет этот этнический персоним 40 раз. «Хайретдин – арабский – *хайри-* ‘добро, благодеяние’ + *-дин* ‘вера, религия’» [18, с. 114].

Черкасский (украинский) этнос представлен в романе «Кузьма Минин» персонажем Зиновием (встречается в романе 34 раза). Личное имя *Зиновий* каноническое и давалось при крещении.

В произведениях встречаются личные однокомпонентные именования представителей татарского этноса: *Абдул* из арабского ‘слуга, раб Божий’, *Ахмет* – из тюркского ‘похвальный’ [19, с. 31], *Юсуф* – в русском языке Иосиф, Осип древнееврейское ‘Бог преумножит’ [19, с. 114], *Гиреев* – от Гирей ‘фамилия династии крымских ханов’ [16, с. 293], *Байбулатов – бай* из тюркского ‘богатый’ [19, с. 32] и «нецерковного мужского личного имени Булат, в прошлом частого у татар, от персидского булат ‘сталь’» [20, с. 21].

Таким образом, вся система именований разных этносов у В.И. Костылева включает различные этнонимы и антропонимы, связанные с ними, а также показывает интерэтнический характер территории в его романах. Кроме того, эта система изображает мирное сосуществование и активное взаимодействие различных этносов в пределах Московского государства в целом и в Нижегородской области в частности. Использование автором этнонимических обозначений и личных имен различных типов в художественной картине мира, которые дают информацию об этнической принадлежности именуемых, а также совместное употребление тех и других, подчинено идее создания писателем реальной исторической достоверности событий многонациональной освободительной борьбы народов Поволжья в описываемые эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 199 с.; 1988. 192 с.

2. Летопись о многих мятежах и о разорении Московскаго государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев, по преставлении царя Ивана Васильевича; а паче о между-государствовании по кончине царя Феодора Иоанновича, и о учиненном исправлении книг в царствовании благовернаго государя царя Алексея Михайловича в 7163/1655 году.: Собрано из древних тех времен описаний. - 2-е изд. М.: В типографии Компании типографической, 1788. 366 с.

3. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга 2. Сочинения. Тома 6-10. СПб: Издание товарищества «Общественная польза», 1851-1879. 1726 с.

4.Забелин И. Минин и Пожарский: прямые и кривые в Смутное время. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1901. -306 с.

5. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.

6. Никонов В.А. Этнонимия // Этнонимы: сб. статей / Отв. ред. В.А. Никонов. М.: Наука, 1970. С. 5-33.

7.Членов А.О. некоторых индонезийских этнонимах (К вопросу об этнонимической классификации) // Этнонимы: сб. статей / Отв. ред. В.А. Никонов. М.: Наука, 1970. С. 87- 102.

8. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.

9. Шапошников В.Н. Историческая этнонимика: учеб. пособие. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им А.И. Герцена, 1992. 121 с.

10. Костылев В.И. Кузьма Минин: Роман. М.: ВАП, 1993. 336 с.

11. Костылев В.И. Жрецы: Роман. Горький: Волго-Вятское кн. изд., 1985. 317 с.

12. Костылев В.И. Питирим. Домодедово: ВАП, 1993. 413 с.

13.Смирнова Н.И. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань: Типография императорского университета, 1895. 296 с.

14. Баженова А. Славян родные имена (Словарь исторических родокоренных имен и прозваний славян и русов). М.: Ладога-100, 2006. 592 с.

15. Федосюк Ю.А. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. М.: Флинта: Наука, 2002. 240 с.

16. Тупиков Н.И. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб.: Типография Скороходова, 1903. 857 с.

17. Чувашская энциклопедия: в 4 томах / [В.А. Абрамов и др.]; [редкол.: В.С. Григорьев и др.]. Т. 1 Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. 590 с.

18. Кусимова Т.Х., Бикколова С.Ә. Башҡорт исемдәре. Өфө: Башҡортостан «Китап» нәшриәте, 2005. 224 бит.

19. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 279 с.

20. Никонов В.А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.

ETHNIC NAMES IN THE FICTION WORLD DEPICTED BY V. I. KOSTYLEV

© 2015

***E.S. Medvedkova*,** a senior lecturer at the Russian, foreign languages and literature chair
Volzhsky University named by V.N. Tatishchev, Togliatti (Russia)

Abstract. The question of whether the ethnonym is a proper name or a common noun is still being discussed by linguists. The author explores the functioning of ethnonyms and naming associated with them in the texts of historical novels by V.I. Kostylev “Kuzma Minin”, “Pitirim” and “Priests”. Analysis of the functioning of such ethnonyms as Mordvinians, Tatars, Chuvash, Teryuhans allows to determine their lexical value more accurately from historical and cultural points of view. The author examines such psevdoetnomims as a kerzhents, a slobozhanin, a schismatic, a skitnik, a vatazhnik. To describe the period V.I. Kostylev uses outdated ethnonyms, which can be found only in chronicles or historical documents. In the novels by V.I. Kostylev the name structure of representatives of different ethnic groups during the Time of Troubles, the reign of Peter I and Elizabeth I is given by the following anthroponimical models: single-component and two-component units which represent the Russian secular and canonical personal names. The using of ethnonyms depicts the peaceful coexistence and active interaction between ethnic groups within the Moscow State and the Nizhny Novgorod region. The using of specific ethnonyms and personal names also help to create the genuine atmosphere of the described periods.

Keywords: a proper name; ethnonyms; a fiction text; a historical novel.

УДК: 811.161.1'36

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНФОРМАТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ТЕКСТЕ РОМАНА Г. ГАЗДАНОВА «ВЕЧЕР У КЛЭР»

© 2015

Е.А. Мельникова, аспирант кафедры русского языка и культуры речи
Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский Университет), Нижний Новгород (Россия)

Аннотация. Имя прилагательное является одним из средств выражения субъекта в высказывании, причем данная функция зависит от типа обозначаемого ими признака. Прилагательные, обозначающие информативный признак, недостаточно исследованы с точки зрения участия в организации субъектной сферы высказывания. В статье раскрывается семантическая специфика данных прилагательных, рассматривается их отнесенность к определенным лексико-грамматическим разрядам, анализируются особенности функционирования в тексте романа Г. Газданова «Вечер у Клэр». Автор ставит цель показать, что наделенные минимальными субъективными характеристиками прилагательные, которым не присуща критериальность и проективность, тем не менее способны нести информацию о субъекте и участвовать таким образом в формировании субъектной сферы высказывания. В статье описываются виды информации о субъекте, выражаемой прилагательными указанного типа. Данные прилагательные могут содержать локально-темпоральную информацию о субъекте высказывания. Употребляясь в функции интенсификатора, они определяет параметры авторской концептуализации мира. В этом плане особое внимание уделяется девербативам на -мый, принадлежность которых к информативным прилагательным доказывается в статье, и прилагательным, обозначающим этнокультурные реалии. Наконец, информативное прилагательное может содержать дополнительную оценочную семантику, которая является частью лексического значения слова или приобретается посредством контекстуальной синонимии. В последнем случае прилагательные с оценочной семантикой часто становятся ключевыми словами. Автор приходит к выводу, что информативные прилагательные способны активно участвовать в выражении субъектной семантики текста, а также прослеживает перспективы дальнейших научных изысканий по данному вопросу.

Ключевые слова: имя прилагательное; информативный признак; субъектность; Г. Газданов.

Стремление увидеть в тексте проявление субъективного авторского начала является отличительной чертой современной лингвистики. В нашей статье мы проследим, как выражается значение субъекта при помощи имени прилагательного, содержащего информативный признак. Материалом для наблюдений послужил текст романа Г. Газданова «Вечер у Клэр», содержащий большое количество прилагательных.

Исходя из коммуникативно-прагматических функций частей речи в тексте, Г.А. Золотова выделяет следующие семантические разновидности имен прилагательных: наблюдаемые неэмоциональные, информативные, эмоциональные, оценочные [1, с. 84]. Отличительные черты этих признаков еще недостаточно исследованы в научной литературе. В нашей статье мы постараемся уточнить содержание понятия «информативный признак» и показать специфику его функционирования в художественном тексте.

В «Коммуникативной грамматике» не дается определения информативного признака, однако на основании изложенного в ней материала заключаем, что данный признак содержит представление о предмете, полученное логическим путем [1]. В функциональной грамматике у имен прилагательных различается признаковая, предметно-вещественная и дейктическая семантика [2, с. 42]. Оперируя этими категориями, можно сказать, что информативным прилагательным присуща следующая семантика:

1) семантика локально-темпорального признака (качественные прилагательные: *далекий / близкий, правый / левый, ранний / поздний* и т. д. и относительные: *дневной / ночной, утренний / вечерний* и т. д.);

2) семантика динамического (процессуального) признака (*необъяснимый, невыразимый* [примеры мои – Е.М.] – отглагольные образования, чья принадлежность к лексико-семантическим разрядам двояка: с качественными прилагательными их роднит способность образовывать степени сравнения, а с относительными – логический характер заключенной в них информации. Также можно сказать, что затруднения в определении разряда таких прилагательных вызваны их относительно недавним вычленением из глагольных форм);

3) предметно-вещественная семантика (относительные прилагательные: *каменный, куриный* (*куриные котлеты*), *железный, золотой, деревянный* и притяжательные: *отцовский, материнский, сыновний, господский*);

4) дейктическая семантика (прилагательные, образованные от так называемых «местоименных наречий»: *здешний, всегдашний, теперешний* и т. д. – относительные по традиционной классификации).

Как мы видим, информативные признаки могут быть выражены прилагательными всех лексико-грамматических разрядов, хотя преобладающими являются относительные.

С точки зрения коммуникативной грамматики, информативный признак ненаблюдаем, неавторизован, некритериален (т.е. не является оценочным – Е.М.) и непроективен [1, с. 84]. Это справедливо для большинства случаев, например: *область* ***социальных*** *отношений,* ***гимназическая*** *церковь,* ***подземное*** *солнце.* Таким образом, свойства информативного признака складываются из отрицания его наблюдаемости, эмоциональности и оценочности. Однако тут возможны исключения: *она* [мать учителя – Е.М.] *была очень бедная* – наречие меры и степени интенсифицирует информативный признак, придавая ему характер оценочности, вследствие чего информативный признак наименее способен указывать на субъектность. Мы собираемся показать, что в художественном контексте возможно обратное.

Во-первых, данный признак может содержать локально-темпоральную информацию о субъекте. Рассмотрим два примера из романа «Вечер у Клэр»:

…в неверном свете ***далеких*** *фонарей на меня глядело лицо знаменитого писателя…*

Во мне оставалось лишь одно чувство, окончательно созревшее тогда и впоследствии меня уже не оставлявшее, чувство прозрачной и ***далекой*** *печали, вполне беспричинной и чистой.*

В первом случае выделенное прилагательное является локальным показателем субъекта, находящегося далеко от описываемого предмета. Признак, обозначаемый этим прилагательным, можно отнести к информативным, т.к. герой делает заключение о существовании фонарей на основании логического вывода − оценивая их свет. Во втором случае это же прилагательное функционирует как темпоральный показатель субъекта. Кроме того, реализуемое здесь перфективное значение времени позволяет зафиксировать не только временную характеристику состояния печали, но и отношение автора к нему (способность не концентрироваться на этом

состоянии).

Во-вторых, информативное прилагательное выступает средством субъективации текста, когда используется в функции интенсива. Как показывает А.В. Иванча [3, с. 31], интенсифицирующую роль в речи выполняют не только прилагательные, специализирующиеся на коннотации усиления (например, *большой*, *высокий*, которые выражают наблюдаемые признаки), но и прилагательные других семантических групп. По наблюдению ученого, часто контекстом усилительных прилагательных выступают «существительные с антропоцентрической семантикой», т.е. описывающие состояние, качества и поступки человека [там же]. В «Вечере у Клэр» находим такой пример: *Голос ее содержал в себе секрет* ***мгновенного очарования****, потому что он всегда казался уже знакомым…* . В данном контексте *мгновенный* значит не ‘быстро преходящий’ (что вполне возможно), а ‘быстро действующий в силу своей интенсивности’.

В качестве интенсивов могут использоваться прилагательных с модальной семантикой возможности/невозможности действия, значительная часть которых представлена девербативами на -мый [3, с. 31]. Признак, обозначаемый такими прилагательными, будучи ненаблюдаемым и неэмоциональным, является результатом умозаключения. В их семантике иногда прослеживается оценка предмета относительно нормы, но вторичный, не мотивированный внутренней формой характер этой оценочности позволяет нам относить данный тип прилагательных к информативным, а не оценочным. Н.Н. Занегина рассматривает их в отдельной семантической группе «неизъяснимый, непередаваемый» и характеризует как «имена, объединяемые идеей такой максимальной степени признака, которую трудно помыслить, представить или адекватно передать» [4]. Как сама формулировка, так и внутренняя форма таких прилагательных позволяет увидеть за характеристикой объекта характеризующий субъект, зачастую не названный в тексте [5, с. 59]. Н.Е. Петрова прослеживает в подобных образованиях модальные наращения, существенно усиливающие субъектный и субъективный (авторский) компонент высказывания, текста [5, с. 58, 62]. Обилие таких прилагательных является отличительной особенностью Газдановской прозы:

…я во сне жалел об их [образов – Е.М.] *исчезновении, сочувствовал их воображаемой, непонятной печали и жил и засыпал в том* ***неизъяснимом*** *состоянии, которого никогда не узнаю наяву; Я представлял себе в темноте наглухо закрытой теплушки его* [Костюченко – Е.М.] *блестящие глаза и то* ***непостижимое*** *состояние его смутного ума, где-то вдали мерцающего сознания, которое бывает у сумасшедших; …но если в тылу была еще возможность уклониться от этого, то на площадке, в бою, это становилось немыслимым; …я не переставал ощущать ее (матери – прим.мои – Е.М.) превосходство над собой, превосходство* ***необъяснимое****, но несомненное и вовсе не зависевшее ни от ее знаний, ни от ее способностей, которые, действительно, были исключительны.*

Последний пример замечателен тем, что реализует два временных плана: время действия (детство Николая) и время повествования, не представленное в тексте. Очевидно, что прилагательные *необъяснимый* и *несомненный,* относящиеся к области мыслей и ощущений, отражают рефлексию героя-подростка. Последующая же часть предложения принадлежит зрелому рассказчику, который сигнализирует о себе с помощью вводного слова *действительно.* Таким образом, анализируемый тип прилагательных расширяет субъектную перспективу предложения.

Информативные прилагательные неотглагольного происхождения также могут выступать в роли интенсива. Особое положение среди них занимают прилагательные, актуализирующие этнические социокультурные стереотипы [3, с. 32]. Так, употребление слова *российский* для обозначения безнадежной любви может актуализировать такой этнокультурный концепт, как «тоска» и, таким образом, интенсифицировать признак безнадежности: *Белые стены были покрыты надписями, в которых изощрялись* ***российская*** *безнадежная любовь и тщеславное стремление увековечить свое имя.* Употребление прилагательного *российский* в таком контексте, как нам кажется, служит сигналом этнической самоидентификации автора и в то же время придает контексту тонкую ироническую окраску.

Среди других способов выражения позиции автора отметим употребление слов с дополнительной оценочной семантикой: *Я не знал, кому принадлежало это претенциозное название, достойное* ***уездного поэта*** *с длинными волосами и тремя классами высшего начального училища в прошлом.* Прилагательное *уездный* и без участия дальнейшей ироничной характеристики, содержащейся в предложении, имеет переносное значение захолустный, провинциальный [6, с. 843]. Таким образом, налицо переход признака из информативного в оценочный, прямо отражающий авторскую позицию.

Важно также, что информативные признаки, как и любые другие, способны приобретать контекстуально наведенное оценочное значение: *Я видел всего один раз, как ласка вцепилась в руку конюха, ранившего ее камнем: обычно же ласки убегали с чудесной,* ***змеиной*** *быстротой.* Прилагательное *змеиный*, объединенное в контексте с оценочным прилагательным *чудесный*, оттягивает на себя положительную коннотацию признака, при том, что обычно данное прилагательное имеет отрицательную коннотацию [7, с. 366].

Постоянно употребляемые прилагательные, в том числе содержащие информативный признак, способны выполнять функцию ключевых слов. Одно из главных понятий романа выражено при помощи оппозиции «внутренний – внешний», проходящей через все произведение красной нитью. Почти в самом начале герой заявляет: «*я был слишком равнодушен к* ***внешним*** *событиям; мое глухое,* ***внутреннее*** *существование оставалось для меня исполненным несравненно большей значительности*». Иногда заменяя *внутренний* другими словами, автор прямо расставляет акценты: *…изредка в приступах душевной лихорадки я не мог ощутить моего* ***подлинного*** *существования.* Информативный признак *внутренний* за счет контекстуальной синонимии с оценочным признаком *подлинный* приобретает положительную окраску и значение предпочитаемого члена оппозиции.

Как известно, внутренний мир – синоним душевной жизни. Прилагательное *душевный* в информативном, неоценочном значении также нередко употребляется Г. Газдановым: *… я испытывал настоящее счастье, такое, которое доступно только ребенку или человеку, награжденному необычайной* ***душевной*** *силой.*

А. Вежбицка, определяя слово *душа* как ключевое для русской культуры [см.: 8, с. 36], связывает его с такими характеристиками русских, как эмоциональность, иррациональность (которую автор понимает как **непостижимость** и непредсказуемость жизни), неагентивность и любовь к морали [см.: 9, с. 33]. Следовательно, мы можем предположить, что употребление Газдановым прилагательного *непостижимый* (см. пример выше) актуализирует в тексте иррациональность мировосприятия русского героя, его связь с *душевной* жизнью.

Затухание внутренней жизни в пользу внешней трактуется лирическим героем как душевный обморок, т.е. временное душевное омертвение, что еще раз подчеркивает важность внимания к внутреннему миру для развития души: *Я думаю, что это время усиленного чтения и развития, бывшее эпохой моего совершенно бессознательного существования, я мог бы сравнить с глубочайшим* ***душевным*** *обмороком.*

Ключевое для раскрытия исследуемой оппозиции предложение: *… если где-то далеко внутри меня наступает тишина, заменяющая тот тихий непрестанный шум моей* ***душевной*** *жизни, которого я почти не*

слышу, но который звучит всегда, а в иные моменты лишь слегка ослабевает, - это значит, что произошла катастрофа. Тишина – обычно эквивалент душевного спокойствия и условие для духовного развития. Но у Газданова синонимом душевной жизни выступает глухой шум, а его отсутствие означает катастрофу – путем анализа контекста мы подходим к специфике авторского мироощущения. В данном предложении также можно проследить, как субъект говорящего раздваивается: субъект знания осознает, что шум есть, а субъект наблюдающий может слышать или не слышать его.

Являясь интенсификатором признака или ключевым словом текста, информативное прилагательное существенно расширяет свою семантику, обогащаясь новыми значениями. Приведенные выше примеры показывают, что сигналом я-субъекта могут быть прилагательные, кажущиеся лишенными субъективности. При этом зачастую именно при помощи прилагательного углубляется временной план предложения, расширяется его субъектная перспектива.

Зачастую при реализации модусных смыслов у информативного прилагательного появляется семантика оценочности. Закономерно встает вопрос о взаимодействии разных типов признаков в языке, в т. ч. в рамках одной основы [1, с. 85]. Интересно также было бы проследить, как взаимодействие адъективных признаков перекликается с переходом прилагательных в другой лексико-грамматический разряд. Данные вопросы являются предметом дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.

2. Володин А.П. О прилагательном как о части речи (Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics1/volodin-13.htm

3.Иванча А.В. Антропоориентированность прилагательных со значением интенсивности в русском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bonjour.sgu.ku sites / default/files/06_ivancha.pdf

4.Занегина Н.Н. Имена прилагательные со значением интенсивности, меры проявления признака [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lexrus.ru/default.aspx?s=0&p=2917

5.Петрова Н.Е. Модальный компонент в семантической структуре отглагольных прилагательных с суффиксами -ем-/-им- // Лингвистика и поэтика: сб. научных трудов. М.: ЦГЛ, 2005. С. 58-63.

6.Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Т. 2. П – Я. 1088 с.

7.Большой Толковый Словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт - Петербург: Норинт, 1998. 1536 с.

8.Вежбицка А. Понимание культур через посредство ключевых слов. / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

9.Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

10.Арбатская Е.Д., Арбатский Д.И. О лексико-семантических классах имен прилагательных русского языка. // Вопросы языкознания 1983. №1, с. 52-65.

11.Асмолова Е. Мифологема «внутренней Вселенной» героя в творчестве Г.И. Газданова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/text/ru/asm0204.html

12.Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической действительности. // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. / Сост. С.Г. Бочаров. 2-е изд. Москва: Искусство, 1986. 445 с.

13.Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. На материале иберо-романских языков. Москва: Наука, 1978. 200 с.

14.Дьяконова И.А. Художественное своеобразие романов Гайто Газданова: дис. … канд. фил. наук: 10.01.01. Северодвинск, 2003. – 165 с.

15.Коломин Д.Е. Женские образы в рассказах Газданова: к вопросу о неавторских циклах в прозе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/text/2008/kolo0308.html

16.Подуст О.С. Художественная картина мира в творчестве Г. Газданова 1920-1930-х гг. (К проблеме национальной идентичности): дис. … канд. фил. наук: 10.01.01. Воронеж, 2003. 252 с.

17.Шабурова М.Н. Эволюция модели повествования в творчестве Гайто Газданова: дис. … канд. фил. наук: 10.01.01. Москва, 2011. 177 с.

18.Онипенко Н.К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lexrus.ru/default.aspx?p=2988

19.Падучева Е.В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего. // Вопросы языкознания. 2011. №3. С. 3-18.

20.Климова Ю.А. Русские имена прилагательные: атрибутивная картина мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/russkie-imena-prilagatelnye-atributivnaya-kartina-mira#ixzz3I8dhEHKl

FUNCTIONING INFORMATIVE ADJECTIVES IN THE TEXT OF THE NOVEL GAZDANOV “EVENING AT CLAIRE”

© 2015

***E.A. Melnikova*,** postgraduate student of philological sciences
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhniy Novgorod (Russia)

Abstract. The adjective is one of the means of expression of the subject in the utterance, and this function depends on the type of designated feature. Adjectives denoting diagnostic criteria, poorly investigated in terms of participation in the organization of the subjective sphere of expression. The article reveals the semantic specificity data adjectives, discusses their relatedness to certain lexical and grammatical classes, analyzes the peculiarities of the text of the novel G. Gazdanov “An Evening with Claire”. The author aims to show that giving minimal subjective characteristics of adjectives that are not inherent criterial and projective nevertheless able to carry information on the subject and thus participate in the formation of the subjective sphere of expression. The article describes the types of information on the subject expressed by adjectives of this type. These adjectives may contain locally-temporal information on the subject of the utterance. As used in the function intensifier, they determine the parameters of the author’s conceptualization of the world. In this regard, special attention is paid to deverbativam -my, which belongs to the adjective proved informative article and adjective denoting ethnic and cultural realities. Finally, descriptive adjective may contain additional evaluation semantics, which is part of the lexical meaning of a word or acquired through contextual synonyms. In the latter case, adjectives with an estimated semantics often keywords. The author concludes that the informative adjectives are able to actively participate in the expression of subjective semantics of the text, as well as traces prospects for further scientific research on the subject.

Keywords: adjective, informative feature/sign, subjectivity, G. Gazdanov.

УДК 398.2

ГЕРОЙ СКАЗОЧНОГО ВРЕМЕНИ И ВРЕМЯ СКАЗОЧНОГО ГЕРОЯ

© 2015

М.А. Мищерикова, соискатель ученой степени кандидата наук
Кубанский государственный университет, Краснодар (Россия)

Аннотация. Данная статья рассматривает специфику временного пласта сказки и его непосредственную связь со сказочными персонажами. Сама по себе категория времени в рамках данной работы имет мало общего с описанием временного компонента художественного произведения, так как время в сказке становится в противовес бытовому времени и времени как философской субстанции. Основой данного утверждения можно считать парадокс субъективности, нерегулярности и нехронологичности фольклорного времени. В ходе исследования были проанализированы художественные особенности самих сказочных текстов, а также сопоставлены результаты работ фольклористов по данному вопросу. Наиболее важной частью анализа текстов стала выборка и рассмотрение лексических единиц с семой «время», исследование контекста этих единиц, а также выборка и анализ именований персонажей, большей частью онимов, имеющих архетипичные импликации. В результате было установлено, что художественные характеристики фольклорных сказок, существенные в контексте времени, представлены оппозицией сюжета и фабулы, а также следующими признаками: универсальностью-архетипичностью, ирреальностью и дескриптивным характером. В процессе анализа онимов, представляющих архетипичных героев сказок, автором было установлено, что временной пласт как характеристика персонажа чаще всего представлен имплицитно, в том числе и через собственные имена персонажей. Немаловажно также, что данная работа позволила посмотреть на временной элемент фольклорного повествования с другого ракурса и установить еще одну функцию темпоса: зачастую он сам выступает в роли сказочного героя, полноправного персонажа.

Ключевые слова: русская сказка; английская сказка; фольклор; время; персонаж; архетип.

Время и пространство – формы объективного существования человека. Их проявление на языковом уровне формирует необходимость одной из неотъемлемых частей анализа любого художественного текста: определения границ, функций и природы его пространственно-временного пласта. Эта проблема представляет еще больший интерес в рамках анализа фольклорного текста. И если пространственные характеристики сказки как художественной единицы фольклорной словесности полностью объясняются природой вымысла и во многом формируют сказочную фантастичность, то временной пласт сказки пока оставляет больше вопросов, чем ответов.

Сама проблема времени и пространства как характеристик текста по праву занимает много места в лингвистических исследованиях. Говоря о работе с художественными текстами, необходимо упомянуть такого автора, как Н.К. Гей [1]. Многие же исследователи в рамках данного вопроса обратились к сказочным текстам. Среди них Т.В. Матвеичева, рассмотревшая языковое выражение пространственно-временных координат в фольклорных текстах [2]; Е.М. Китаева, проанализировавшая английскую сказку [3]; Г.А. Соколова, взявшая за основу немецкий фольклор [4]. Нельзя не упомянуть также труды такого крупного фольклориста как С.Ю. Неклюдова, рассматривающего, помимо всего прочего, время и пространство в былинных формах фольклора [5]. Существует несколько предположений о природе времени в сказке. Выдвигая их, исследователи не раз приходили к полярным точкам зрения. Так, Д.С. Лихачев в «Поэтике древнерусской литературы» отзывался о проблеме довольно категорично: «Время в сказке всегда последовательно движется в одном направлении и никогда не возвращается назад. Рассказ всегда подвигает его вперед». [6, с. 226]. Однако В.А. Бахтина, посвятившая часть своего исследования под названием «Проблемы фольклора» именно времени в волшебной сказке, утверждает, что временная линия полностью сопровождает героя или героев повествования, а, следовательно, может забегать вперед с главным героем, может представать в форме петли, повторяя уже описанные события. При этом, как поясняет сама исследователь, время в таком случае логично охарактеризовать как субъективное, предложенное с позиций всезнающего сказителя, который ведет нас по тексту так, чтоб максимально приближать к сюжетномудействию [7, с. 157-163]. Согласно такой модели определения, временной слой, очерченный Д.С. Лихачевым, является объективным, или хронологическим. Представляется, что анализируемые источники наглядно демонстрируют различия того, что в литературоведении обозначено терминами «сюжет» и «фабула».

Продемонстрировать специфику сказочного времени также можно, обратившись к характеристике мифа, на который многие исследователи ссылаются как на условно предшествовавший сказке тип фольклорного текста. По Е.М. Мелетинскому, признаки мифа и сказки эффективней всего представлять в оппозициях. Ключевыми являются ритуальность мифа – неритуальность сказки; сакральность мифа – несакральность сказки; сказочный, внеисторический или мифический временной пласт действия – доисторический пласт. [8]. Таким образом, хронологическое, или объективное, время сказки уходит на второй план, а рассмотрение его вместе с пространством в качестве реального хронотопа представляется безосновательным. В ходе исследования замечено также, что данную проблему можно сопоставить с типичными для лингвистики понятиями синхронии и диахронии. Как свидетельствуют примеры, синхроническое рассмотрение сказки как текста сводится лишь к истории самого жанра. Содержание же фольклорного текста не может быть объектом такого рода лингвистического исследования по двум причинам: во-первых, невозможно установить хронологическую последовательность, в которой были созданы сказки; во-вторых, даже при наличии у сказочных текстов общих признаков (как структурных, так и семантических) не представляется возможным проследить их развитие и изменение. Следовательно, можно предположить, что имеет смысл рассматривать сказку в диахронии, принимая время за универсальную категорию, не идентичную с временным измерением реальности.

Такие наблюдения убеждают нас в справедливости точки зрения, высказанной В.Я. Проппом: рассмотрение истории как непосредственного и прямого прототипа фольклорных сюжетов чревато ошибочным пониманием происхождения образов и мотивов сказки. Такое чисто эмпирическое рассмотрение проблемы, считает В.Я. Пропп, приводит нас к поиску реальных крылатых змеев или крылатых коней в истории к убеждению, что «…сказка сохранила воспоминание о них». На самом же деле такой подход в корне не верен: «Ни крылатых змеев, ни избушек на курьих ножках никогда не было» [9, с. 127]. Чтобы разобраться в этом вопросе, приведем ещё один пример: Баба Яга, которая собирается съесть героя, вовсе не является сказочным отражением каннибализма. Этот образ рождается из многих прошедших через время коллективных ассоциаций, из мыслительной де-

ятельности, перекодирующей бытовые образы в образы абстрактные. Таким образом, развитие сказки – это не развитие хронологического отражения действительности со временем, с ходом истории, а эволюция образов и ассоциаций в процессе становления национальной картины мира, коллективного и индивидуального мышления, и вербализация этих образов.

Рассматриваемые примеры и точки зрения наглядно демонстрируют тот факт, что сказочное действие совершается определенным персонажем в им эмпирически определяемом пространстве, при этом время не является ни объективным феноменом с точки зрения читателя или сказителя, ни даже категорией, логичной относительно того самого персонажа. Например, герои сказок часто становятся векторами, которые ломают даже ту предполагаемую стройность времени, открытое описание которой нивелируется за счет вышеупомянутого субъективизма: в русских народных сказках что-то грандиозное может случиться за преувеличенно короткое время как раз из-за неординарности персонажа. Например, в сказке «Волшебный конь» временные рамки нарушаются из-за необыкновенности дитя: «Начал этот Иван расти не по годам, а по часам — как пшеничное тесто на опаре подымается» [10, с. 16]. То же самое можно наблюдать на примере волшебных предметов или существ, так называемых «помощников» персонажей. В сказке «Байка о щуке зубастой» из того же сборника сказитель удивляется: «Экая щука родилась зубастая! И стала она расти не по дням, а по часам: что день, то на вершок прибавится…» [11, с. 296]. Еще одно распространенное явление: сказитель не находит нужным указать время как конкретную форму существования персонажа: «Прошло там сколько время – вести носятся, что невеста посылает жениха за подвенечным платьем или велит сшить такое же, како ей надо» [11, с. 729]. Последняя цитата взята из сказки «Кощей Бессмертный», в которой сам Кощей представляет собой классический пример девиации времени.

Такая тенденция к неоднозначности и необъяснимости временного сказочного пласта, судя по всему, объясняется спецификой жанра как такового. А.А. Суслов, например, считает, что «…сказка рождает феномен отсутствия привычных для нас пространственно-временных рамок. Замкнутость, цикличность, вечность идей и ценностей сказок − залог ее важности для любых поколений в любые исторические периоды времени» [12, с. 1].

Эту мысль продолжает сказанное Дж.Р.Р. Толкином: «С детства со мною остались красота и ужас гриммовского «Можжевельника» с его изысканным и трагическим началом, отвратительным каннибальским варевом, ужасными костями, веселой и мстительной душой птички ... И все же главное, что сохранила память от этой сказки, – не красота и не ужас, а отдаленность, огромная бездна времени...» [13, с. 206]. Следует подчеркнуть, что Дж. Толкином создан удивительно яркий образ, и, если задуматься о том, что в его центре концепт времени, становится очевидно: в данном случае время само является действующим лицом фольклора. Такое направление мысли приводит нас к еще одному ракурсу исследования временного пласта сказки.

Если время и не полноправный герой фольклорного текста, то, во всяком случае, детальный анализ функциональной составляющей временных идентификаторов подводит нас к мысли, что время в сказке – по крайней мере компонент характеристики персонажа. Оно течет из точки завязки, медленно обтекая экспозицию, постепенно ускоряясь с развитием сюжета и становлением персонажа. Принимая за аксиому, что любой герой занимает свое место в структурной модели сказочного текста, необходимо обратиться к понятию этой самой структуры, сформулированному В.Я. Проппом: модель состоит из функций, например, «…один из членов семьи отлучается из дома, к герою обращаются с запретом, запрет нарушается, … герой вновь подвергается действиям, ведущим к получению им волшебного средства, … герою предлагается трудная задача; задача решается, ложный герой или антагонист изобличается; герою дается новый облик; враг наказывается; герой вступает в брак и воцаряется» [14, с. 46-47]. В контексте такого развития сюжета и образа персонажа и функционирует в сказке время. Конечная его точка – это последняя функция, концовка сюжета, конец развития самого героя в качестве сказочного образа.

Синтез всего, к чему мы пришли в процессе анализа временной природы и восприятия времени как характеристики персонажа, снова может быть наглядно представлен с помощью фольклорного текста, на этот раз английских сказок, славящихся среди исследователей большим процентным содержанием архетипных персонажей. Представляется, что такие герои в данном контексте представляют особый интерес при том, что само время любой сказки как необъективную реальность, которую можно спроецировать на каждого читателя, погружающегося в текст посредством персонажа, приходится представлять как временной архетип.

Обратимся к образам английских сказок, представленным наиболее частотным именем собственным Jack. Анализ пяти оригинальных фольклорных сборников на английском языке, содержащих 270 сказочных текстов, содержит 19 образов, идентифицированных данным онимом. Среди самых очевидных типичных коннотаций, присущих персонажу с именем Jack, можно выделить несколько содержащих в себе пресловутую «характеристику сказочным универсальным временем», или архетипичность:

1. Архетип личности, обозначение любого человека, незнакомца: «Jack… er… not Jack... but – whatever – we'll call him Jack anyhow. Don't make a matter as I know for» [15, с. 362]. («Джек... Ммм... Или не Джек... Ну да не важно, будем называть его Джеком»; *перевод наш – М.М.*).

2. Собирательный, обобщенный образ (народа, крестьянства): «One day he (the giant) captured on Pilmoor a lad named Jack» [16, с. 249]. («Однажды в Пилмуре он (великан) схватил парнишку по имени Джек»; *перевод наш – М.М.*). Общеизвестно, что великан в английских сказках является собирательным образом врагов английского народа, судя по всему, враждебных кочевых племен, ведь в сказках он неизменно желает навредить не просто человеку, но британцу, что очевидно в присказке-рефрене, часто использующейся в фольклорных текстах: «Fee-fi-fo-fum, I smell the blood of an Englishman, Be he alive, or be he dead I'll have his bones to grind my bread» [17, с.55]. («Фи-фай-фо-фут, дух британца чую тут, Мертвый он или живой, Попадет на завтрак мой» – перевод Н.В. Шерешевская) [18, с. 193].

3. Архетип глупца, недалекого человека: «There lived formerly in the County of Cumberland a nobleman who had three sons, two of whom were comely and clever youths, but the other a natural fool, named Jack» [16, с. 329]. («В графстве Камберленд жил-был один дворянин. И было у него три сына, двое – пригожие и умные, а третий – дурак, и звали его Джеком»; *перевод наш – М.М.*).

4. Архетип обездоленного, бедного человека: «So Valentine took the right, and Oliver went straight on, and poor Jack took the left" [16, с. 278]. (Итак, Валентин свернул направо, Оливер направился прямо, а бедняге Джеку пришлось идти налево»; *перевод наш – М.М.*).

Такой же анализ можно провести и в отношении женских образов с идентификатором-онимом Mary, который зафиксирован в указанном количестве текстов 6 раз. Типичные коннотации этого онима следующие:

1. Архетип женщины, символ женского начала: «She beckoned to him to come a bit nearer to her, and she said her name was... Mary» [19, с. 211]. («Она поманила его к себе поближе и сказала, что имя ее... Мэри»; *перевод наш – М.М.*).

2. Архетип женской красоты, молодой женщины, невесты: «Lady Mary was young, and Lady Mary was fair»

[20, с. 109]. («Леди Мэри была молода, леди Мэри была прекрасна»; *перевод наш – М.М.*).

Таким образом, временной пласт как характеристика персонажа чаще всего представлен имплицитно, в том числе и через собственные имена персонажей. Сказочное время так же далеко от категории времени, к которой мы привыкли в жизни, как и архетипные герои сказок далеки от реальных людей. Своеобразным посредником между фольклором и реальной жизнью можно считать литературную, или авторскую сказку, в которой персонажи получат фамилии и прорисованные черты характера, а стрелки на часах займут конкретную позицию, ускоряясь или замедляясь только для создания волшебного эффекта, предусмотренного фантастичным сюжетом.

Проведенное исследование демонстрирует уникальность временного пласта в сказочном тексте, характеризуя его в рамках универсальности, ирреальности, его дескриптивной функции и даже полноправной роли сказочного персонажа. Сказочное, фольклорное время развертывается независимо от бытийного времени, в одном архетипном или нескольких субъективных пластах, противореча первичному значению слова «время». Учитывая тот факт, что фольклор по определению уходит в старину и ассоциируется с ней, время в сказке нельзя не признать парадоксальным и уникальным явлением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гей Н.К. Время и пространство в структуре произведения // Контекст – 1974: Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1975. 278 с.

2. Матвеичева Т.В. Специфика языковой экспликации пространственно-временных координат в сказочной модели мира: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Ставрополь, 2011. 29 с.

3. Китаева Е.В. Художественное время и художественное пространство в текстах английской детской литературной сказки: автореф. дис. ...канд. филол. наук. СПб., 1992. 16 с.

4. Соколова Г.А. Время как концепт в немецкой литературной сказке: власть «часов» над сказочными персонажами// Язык в мире дискурсов. Лингвистика. Лингводидактика. Методика. М: ИПК МГЛУ Рема, 2011. С. 218-300.

5. Неклюдов С.Ю. Время и пространство в былине // Славянский фольклор. Отв. ред. Б.Н. Путилов, В.К. Соколова. М.: Наука, 1972. С. 18-45.

6. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.

7. Бахтина В.А. Время в волшебной сказке // Проблемы фольклора. М.: Наука, 1975. С. 157-163.

8. Мелетинский Е.М. Миф и сказка // Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970. С. 139-148.

9. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1986. 187 с.

10. Афанасьев А.В. Народные русские сказки: в 5 т. Том 2. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2008. 320 с.

11. Афанасьев А.В. Народные русские сказки: в 3 т. Том 1. М.: Государственное Издательство Художественной литературы, 1957-1958. 1029 с.

12. Суслов А.А. Темпос русской волшебной сказки // Теория и практика общественного развития [Электронный ресурс]/ 2013. №1. Режим доступа: http://teoria-practica.ru/vipusk-1-2013/.

13. Толкин Дж. Р.Р. О волшебных сказках // Приключения Тома Бомбадила и другие стихи из Алой Книги: Стихи и повести. М.: ИнВектор, 1992. 253 с.

14. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 111 с.

15. Folktales of Newfoundland/ed. M. Lovelace, J. Widdowson. N.Y., 1996. 533 p.

16. More English Fairy Tales/ed. J. Jacobs. L.: D. Nutt, 1894. 156 p.

17. English Fairy Tales/ed. J. Jacobs. L.: D. Nutt, 1890. 178 p.

18. Харитонов В. Сказки англов, бриттов и скоттов / пер. с англ. Н. Шерешевской, М. Клягиной-Кондратьевой, М. Литвиновой. М.: АСТ Москва: Хранитель, 2008. 560 с.

19. Celtic Fairy Tales/ ed. J. Jacobs. L.: D. Nutt, 1892. 567 p.

20. More Celtic Fairy Tales/ ed. J. Jacobs. L.: D. Nutt, 1894. 234 p.

THE CHARACTER OF FAIRY TALE TIME AND THE TIME OF A FAIRY TALE CHARACTER

© 2015

***M.A. Mishcherikova*,** post-graduate student
Kuban State University, Krasnodar (Russia)

Abstract. The article informs on the specifics of fairy tales time layer directly related with tale characters. The category of time itself has little in common with the time category description of any literary text. The reason is that fairy tale time is opposed to everyday time or time as a philosophical substance. The basis for this statement is the paradox of folklore time subjective and occasional character as well as certain absence of chronology. This research analyzed imagery and other peculiarities of fairy tales as well as compared the results of related studies pursued by the folklorists. The most essential part of texts analysis is the selection of lexical items with “time”-component as well as their context; another analysed item is the body of characters’ nomination elements, mostly proper names, possessing certain archetype implications. As a result folklore tales artistic properties essential in time context are presented though plot and storyline opposition. In addition ot this there are other characteristics as universalism, irreality and tales descriptive nature. As a result of this analysis it has been stated that time layer of folklore as character description element is predominantly implicit, with characters proper names as one of the expression means. Of certain importance is the fact that the article shows the temporal aspect of folklore from a completely different angle and pinpoints one more function of it, which is ythe role of an independent fairy tale character.

Key words: Russian fairy tale; English fairy tale; folklore; time; character; archetype.

УДК 81.373.49

ТРАДИЦИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ И ИСТОРИЯ ТОЛКОВАНИЯ ПОЛИСЕМАНТА *ОНО* В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© 2015

***А.Н. Моргунова*,** аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация. В статье кратко охарактеризованы противоположные тенденции, которые активно проявляют местоименные слова в современном дискурсе: увеличение состава своего лексико-грамматического класса и выход из своего лексико-грамматического класса. В исследовании показано, что местоименная форма *оно* в настоящее время находится в процессе лексикализации. Многочисленные примеры демонстрируют становление *оно* как полисеманта, одно из значений которого - ‘нечто страшное, мистическое, над чем не властен говорящий’. Названное значение местоименного слова *оно* представлено в романе-антиутопии М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города». В статье характеризуются новые и оригинальные версии решения щедринской загадки названного лексико-семантического варианта полисеманта *оно* в русском литературоведении и лингвистике (Божий гнев, Страшный Суд, революция, реакция правительства, разгневанные природные силы, приход Антихриста). Показано, что в образ *оно* входят коннотации опасности, угрозы. В статье утверждается, что в русской литературе наблюдается продолжение традиции употребления полисеманта *оно* в значении ‘нечто страшное, мистическое, над чем не властен говорящий’, начатой в антиутопии М.Е. Салтыковым-Щедриным. Характеризуются особенности функционирования данного субстантивата как нулевого образа в литературе постмодернизма, анализируется творческое осмысление полисеманта в прозе писателя Ю. Буйды. В статье показано, что лексико-семантический вариант полисеманта *оно* ‘нечто страшное, мистическое, над чем не властен говорящий’ в современных художественных текстах можно трактовать как прецедентный, к которому возобновляется неоднократное обращение читателя как к готовому «блоку». Показано, что нулевые понятия, в частности, полисемант *оно*, в постмодернизме могут иметь бесконечно многие, часто парадоксальные, прочтения и трактовки в зависимости от читательского восприятия и историко-культурного контекста.

Ключевые слова: полисемант; лексикализация местоимений; местоименные субстантиват; лексико-семантический вариант местоименных слов; прецедентный текст; *оно* Салтыкова-Щедрина.

Современные исследователи называют две противоположные тенденции в классе местоименных слов: пополнение состава местоимений из других частей речи (грамматикализация) и переход местоимений в другие части речи (лексикализация). Лексикализация и грамматикализация в местоименном классе слов активно изучаются русистами в XX - XXI вв. Исследователь С.В. Соколова [1] утверждает, что лексикализация связана с помещением местоименных единиц позицию, где они не могут выражать значения детерминации и под воздействием коммуникативных установок приобретают отдельные компоненты номинативной семантики. Н. С. Валгина приходит к выводу, что местоимения в определенных условиях могут утрачивать свои указательные функции и приобретать признаки других частей речи, чаще выступать в роли существительных [2].

Предмет настоящей статьи – лексикализация местоименной формы (местоимения *оно*) и обзор лингвистически-экстралингвистических предпосылок формирования лексико-семантического варианта местоименного субстантивата *оно* ‘нечто страшное, мистическое, над чем не властен говорящий’ на материале художественных текстов и их литературоведческих изысканий. Речь пойдет о загадке М.Е. Салтыкова-Щедрина, предложенной читателям, финальном предложении романа «История одного города»: *«**Оно** пришло»*.

М.Е. Салтыков-Щедрин в финале романа «История одного города», жанр которого определяется литературоведами как антиупопия, использует образ загадочного *Оно*, которое сметает с лица земли и город Глупов, и Угрюм-Бурчеева, одного из градоначальников.

Исследователи творческого наследия М.Е. Салтыкова-Щедрина предлагают различные решения загадки великого классика.

Местоимения всегда отсылочным образом обозначают действительность. Среди личных местоимений, по мнению Н.Ю. Шведовой [3, с. 116], *оно* – самое неопределенное, именно в нём осуществляется нейтрализация грамматической оппозиции по категории рода (*он, она*).

В силу высокой неопределенности местоименного субстантивата у всех, читающих роман М.Е. Салтыкова-Щедрина, возникает ряд вопросов. Что значит *оно*? Если это – угроза, тревога, недобрая стихия, то кто её субъект? Царская реакция? Революция? Народ? Природа? Все предполагаемые варианты ответа соотносят местоименный субстантиват с абстрактными существительными.

М.И. Назаренко предлагает учитывать возможную многовариантность финала «Истории одного города». Это не противопоказано для художественного текста, а обогащает произведение множественными смыслами, актуальными в ту или иную эпоху [4].

Нейтрализация по полу и категории одушевленности у полисеманта «*оно*» как нельзя лучше подходят для реализации указания на многовариантные решения, множественные смыслы. «В принципе, можно предположить, что *оно* является гневом природы, с которой безуспешно боролся Угрюм-Бурчеев», - предполагает в исследовании М.И. Назаренко [4, с. 26].

И.Б. Павлова [5, с. 86] предложила обратиться к эсхатологическому коду при прочтении «Истории одного города». Применяя систему религиозных взглядов и представлений о конце света, искуплении и загробной жизни, о судьбе Вселенной и её переходе в качественно новое состояние, учёный остроумно сравнивает Угрюм-Бурчеева с лжепророком, а его преемника Перехват-Залихватского со всадником на коне белом (Смертью) и высказывает парадоксальную гипотезу: эсхатологический финал романа оказался “ненастоящим”. В то же время вывод И.В. Павловой возвращает нас к теории С.А. Макашина [6], согласно которой реальный смысл финала романа был скрыт и от Щедрина, и от читателей-современников автора: можно предположить, что “начался страшный суд естественных законов жизни над всем извращающим, нарушающим эти законы. Но в восприятии Угрюм-Бурчеева пришедшее **оно** могло преломиться как кара бунтовщикам-глуповцам» [6, с. 86].

В своеобразном прочтении финала произведения Т.Н. Головиной город - “бред” Угрюм-Бурчеева, “сатаны”, соотносится с Новым Иерусалимом, являясь при этом полной его противоположностью [7, с. 58], а *«оно»* предстает не то как Страшный Суд, не то как приход Антихриста.

Наконец, в образ *«оно»* входят библейские мотивы Божьего гнева, разрушающего города, в особенности из апокрифической 3-й книги Ездры. В качестве доказательства Т.Н.Головина приводит слова из Библии: «города возмутятся, домы будут разорены, на людей напа-

дет страх. Вот облака от востока и от севера до юга, - и вид их весьма грозен, исполнен свирепости и бури».

Но в образ *«оно»* входят также коннотации угрозы, подавления и т.п. Д.П.Николаев [8, с. 339] сравнивает *«оно»* с «густым облаком пыли», в котором приближались к городу войска, посланные на усмирение обывателей. Л.Я. Паклина [9, с. 79] обращает внимание исследователей на ещё один текст М.Е. Салтыкова-Щедрина, в котором появляется "*оно*» - «Дневник провинциала в Петербурге» (1872): *На улице, в трактире, в клубе, в гостиной - ОНО везде или предшествует вам, или бежит по пятам. Везде ОНО гласит: уничтожить, вычеркнуть, запретить!* [X: 337].

Представляет интерес статья А.В. Злочевской "В.Набоков и М.Е. Салтыков-Щедрин" [10, с. 7] - более чем спорная в том, что касается романа «История одного города». *Оно* в трактовке этого исследования оказывается гневом потерявшего терпение автора-демиурга, который создал вселенную Глупова. «Библейские формулы сотворения мира в подтексте «Истории...» выполняют важную функцию: они тайно указывают на то, что реальность художественного мира здесь, как впоследствии и у Набокова, существует внутри сверхсознания автора-Демиурга» [10, с. 10]. Следовательно, значение полисеманта *оно* в названном комментарии характеризуется как отражение разрушения автором изнутри созданного им микрокосма города Глупова, проявление писательского негодования через желание уничтожения.

В лингвистике толкование местоимения (местоименной формы) *оно* как полисеманта дается в работе Е.П. Сеничкиной «Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке» 2002-го года [11].

Интересно толкование загадки М.Е. Салтыкова-Щедрина современным писателем Ю. Буйдой в рассказе-эссе «О безумии»:

*На самом деле, как мне кажется, проблема заключается в том, что Щедрин не называет и даже не считает Глупов сумасшедшим домом, хотя точно так же отказывает ему в праве на «нормальность». Глупов – это гоголевский Нос, разгуливающий сам по себе. Этика тут равна эстетике, и в этом смысле Щедрин – предтеча литературы абсурда XX века. «**Оно пришло**» - финальная реплика из «В ожидании Годо». Самая же смешная и жуткая для русского читателя фраза: «История прекратила течение своё». Смешная и жуткая потому, что в России история и не начинала течение свое* (Ю. Буйда. О безумии // Сборник «Щина»).

оно можно трактовать как прецедентный текст. В современной литературе постмодернизма обнаруживается активное обращение авторов к многообразным способам использования прецедентности.

Теория прецедентности была разработана Ю.Н. Карауловым [12]. К числу прецедентных текстов Ю.Н. Караулов относит «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки, значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [12, с. 216]. Полисемант *оно* имеет все перечисленные особенности. Он же называет способы введения указаний на прецедентные тексты: цитату, название текста, имя автора или персонажа [12, с. 218], что значительно расширяет представления о формах присутствия "чужого слова" в интертексте.

Внимание лингвистов к рассматриваемому явлению в полной мере соответствует его роли в современной литературе эпохи постмодернизма и в то же время имеющего богатые традиции. Попытку расшифровки финала предпринимали С.М. Телегин [13], Г.В. Иванов [14], В.Н. Мирохин [15].

Творческое развитие лексико-семантического варианта 'нечто страшное, мистическое, над чем не властен говорящий' полисеманта *оно* наблюдается в рассказе Ю. Буйды «У портала». Произведение характеризуется всеми чертами постмодернизма, содержит осколочную картину мира, цитирование писателей предшествующих поколений. Рассказ описывает события после недавней всемирной катастрофы, в которой уцелели немногие. Абсурдность постподернизма рассказа проявляется, в частности, в описании странного персонажа – мальчика, у которого из-под шапочки постоянно течёт струйка муравьёв. Безусловно, нулевые понятия, имеющие бесконечное множество читательских и литературоведческих трактовок, постмодернизм использует как выражение многого.

Полисемант *оно* появляется только в финале рассказа «У портала», как и в произведении М.Е. Салтыкова-Щедрина: *Я устраиваюсь у двери с биноклем и смотрю вверх: **оно** проплывает. Если не очень синее, похоже на любовь. А если совершенно белое, — на реку в цветущей пустыне. Или на прощальный взмах руки, длящийся часами. Придерживая обеими руками шапочку, из-под которой течет тонкая струйка муравьев, мальчик поет. **Оно** проплывает снова. Иногда **оно** напоминает меня, но всё равно проплывает*.

Что же представляет собой ***оно***? Любая трактовка этого образа-полисеманта имеет право на существование, поскольку смысловое наполнение этого нулевого образа зависит от читательского восприятия художественного пространства Ю. Буйды.

В рассказе Ю. Буйды «Восьмой вагон», напечатанном в сборнике «Щина» писатель, используя средства графического выделения, по-своему обыгрывает прецедентное *оно*, включая полисемант в словесную игру смыслов постмодернистской литературы. *«Спокойной ночи, Русь-матушка! – пробормотал я, весь дрожа от ужаса и восторга. Теперь-то хоть я знаю твой номер в поезде. И можно догадаться, каким будет щедринское **О н о**: его просто не будет, в том-то и язва, принятая нами за тайну»*.

*И уснул во сне, в котором по-хлебниковски бесхитростно «выросло не он и не она – **Оно**...»*. Буйда отказывается разгадывать тайны щедринского *оно*, поскольку, по его мнению, интрига отсутствует вовсе. В этом и есть суть мировоззрения постмодерниста: трагедия в том, что загадка исчезла…

Таким образом, осуществленное нами исследование позволяет сделать следующие выводы: 1) местоименные слова в русском дискурсе проявляют две противоположные тенденции (пополнения состава своего лексико-грамматического класса и выход из своего лексико-грамматического класса); 2) местоимение (местоименная форма) *оно* испытывает процесс лексикализации, становится полисемантом, одно из значений которого - 'нечто страшное, мистическое, над чем не властен говорящий'; 3) М.Е. Салтыков-Щедрин заложил основы употребления лексико-семантического варианта 'нечто страшное, мистическое, над чем не властен говорящий' полисеманта *оно* в русской литературе; 4) *оно* в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина имеет множество трактовок: гнев автора-демиурга, Страшный Суд, облако пыли приближающихся всадников и др.; 5) в настоящее время продолжается практика употребления лексико-семантического варианта 'нечто страшное, мистическое, над чем не властен говорящий' полисеманта *оно* в русской художественной литературе; 6) в русской аналитике предлагаются новые версии решения щедринской загадки *Оно*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Соколова С.В. Динамические процессы в системе местоименных слов современного русского языка: Дис... канд. филол. н. М., 2007. 202 с.

2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском зыке. М.: Логос, 2003. 304 с.

3. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.

4. Назаренко М.И. Мифопоэтика М.Е. Салтыкова-Щедрина («История одного города», «Господа Головлевы», «Сказки»): Дис. канд. филол. н. Киев, 2002. http://az.lib.ru/s/saltykow_m_e/text_0278.shtml. Дата обращения: 20.12.2014.

5. Павлова И.Б. Роль символа «оно» в «Истории одного города» М.Е.Салтыкова-Щедрина // Филологические науки. 1979. № 3. С. 85-86.

6. Макашин С.А. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860-1870-е годы. Биография. [Т. 3.] М.: Художественная литература, 1984. 575 с.

7. Головина Т.Н. “История одного города” М.Е. Салтыкова-Щедрина: литературные параллели. - Иваново: Изд. ИвГУ, 1997. 76 с.

8. Николаев Д.П. Сатира Щедрина и реалистический гротеск. - М.: Художественная литература, 1977. 358 с.

9. Паклина Л.Я. К расшифровке финала “Истории одного города” Салтыкова-Щедрина // Вопросы сюжета и композиции. Горький: ГГУ, 1978. С. 77-84.

10. Злочевская А.В. В. Набоков и М.Е. Салтыков-Щедрин. // Филологические науки. 1999. № 5. С. 3-12.

11. Сеничкина Е.П. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке. М.: Флинта: Наука, 2002. 307 с.

12. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

13. Телегин С.М. Мифологические мотивы в творчестве русских писателей 60-80-х годов XIX века (Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.С. Лесков) // Литературные отношения русских писателей XIX - начала XX в. - М: Изд. МПУ, 1995. - С. 148-162.

14. Иванов Г.В. Из наблюдений над “Историей одного города” М.Е. Салтыкова-Щедрина // Ученые записки ЛГУ. - 1957 - № 229. Сер. филологич. наук. Вы. 30. Русские революционные демократы. II. - С. 160-179.

15. Ерохин В.Н. Различные формы оценки слова в романе Салтыкова-Щедрина “История одного города” // Творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина в историко-литературном контексте. - Калинин: Изд. КГУ, 1989. С. 107-111.

TRADITION USE AND HISTORY OF THE INTERPRETATION OF POLYSEMANTIC IT IN RUSSIAN LITERATURE

© 2015
A.N.Morgunova, post-graduate student of Russian language, culture, language and teaching methods
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Abstract. The article summarizes the opposite tendencies that are actively show pronominal words in modern discourse: an increase of its lexical and grammatical class and out of their lexical and grammatical class. The study shows that the pronoun form it currently is in the process of lexicalization. Numerous examples demonstrate the formation of polysemantic it as one of the values of which - ‘something terrible, mystical, than no control over the speaker. “ Called value pronominal words it is presented in the novel dystopian-ME Saltykov-Shchedrin’s “The Story of a city.” The article characterized by new and original version of the puzzle solutions Shchedrin called lexical-semantic variants of polysemantic it in Russian literature and linguistics (the wrath of God, the Last Judgment, the revolution, the government’s response, angry the natural forces of the Antichrist). It is shown that in the way it includes connotations of danger, threat. The article argues that in Russian literature there is a continuation of the tradition of polysemantic use it in the sense of ‘something terrible, mystical, than no control over the speaker’, launched in dystopian ME Saltykov-Shchedrin. Characterized by features of the functioning of the substantivata as zero image in the literature of postmodernism, analyzed creative interpretation of polysemantic prose writer Yu Buida. The article shows that the lexical-semantic variants of polysemantic it ‘something terrible, mystical, than no control over the speaker’ in modern literary texts can be interpreted as a precedent to which resumes repeated appeals to the reader as to the finished “unit.” It is shown that the concept of zero, in particular, it is polysemantic, postmodernism can have infinitely many, often paradoxical, reading and interpretation, depending on the reader’s perception of historical and cultural context.

Keywords: polysemantic; lexicalization pronouns; pronominal substantivat; lexical-semantic variants of pronominal words; precedent text; it Saltykov-Shchedrin.

УДК 81’23

ЕДИНИЦЫ ПОВТОРЯЕМОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© 2015
З. А. Пахолок, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Филология и методика начального образования»
Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки, Луцк (Украина)

Аннотация: В статье анализируются единицы разных уровней языка, имеющие повторение, в зависимости от структуры, способа, места образования, частеречной принадлежности, семантики, правописания. Определяются функции единиц повторяемости в речи.

Ключевые слова: русский язык, единицы повторяемости, контактный и дистантный повтор, полный и вариативный повтор, функции единиц повторяемости.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Высокая степень насыщенности единицами категории повторяемости, которые принадлежат к разным языковым уровням, отражает особенности, присущие индивидуальным нарративным системам: лиризм, поэтичность. Единицы категории повторяемости выполняют композиционную функцию, связывая дистантно расположенные фрагменты текста, акцентируя определенные семантические, лексические, звуковые ряды или выделяя ключевые в смысловом отношении текстовые фрагменты. Необходимость качественно новых подходов к решению вопросов, связанных с разработкой материала разносистемных языков, дает возможность предположить универсальность повтора как принципа текстообразования и способа грамматико-стилистической организации текста. Этими причинами объясняется внимание к единицам категории повторяемости.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматриваются аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор, выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы. Феноменом повторяемости в языке и речи интересовались не только филологи, но и психологи, философы, культурологи. Традиция изучения повторов в русском языке берет свое начало в исследованиях М. Ломоносова, Ф. Буслаева, А. Потебни, А. Шахматова, О. Брика, М. Немировского, Ф. Фортунатова, В. Троицкого, В. Борковского,

Р. Якобсона. Современный этап представляют работы И. Амроян, С. Балашовой, Ю. Васильевой, С. Глазыриной, О. Грековой, Н. Гучинской, Н. Данилевской, Н. Добронравовой, А. Зариповой, Е. Иванчиковой, Т. Кандауровой, О. Лихачевой, Т. Матвеевой, Г. Москальчук, Г. Пановой, Е. Титаренко, Ю. Трубниковой, Н. Цветковой, Е. Шириной [1, с. 254–262].

Формирование целей статьи. Несмотря на значительное количество работ в русистике проблема повторяемости продолжает оставаться объектом исследовательского интереса, поскольку повторы – многоаспектное явление, а каждый исследователь по-своему понимает и определяет их соответственно к цели и задачам работы.

Отсутствие классификации повторов, концептуальных позиций большого массива языковых фактов разных языковых уровней обусловило наше обращение к единицам повторяемости. Они находятся в отношениях и связях друг с другом, существуют не изолированно, а лишь в противопоставлении с другими единицами языковой системы.

Целью данной статьи является рассмотрение понятия составных элементов системы – единиц, уровней и функций как наиболее значимых для явления повторяемости.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Наименьшей единицей повторяемости в языке является фонема, а в речи – звук. Междометия русского языка, употребляемые для выражения реакции на события реальной действительности, фиксируют явление звуковой повторяемости: «А-а, – сёмги переглянулись, – она, верно, из того рода, что каждое лето уходит в верховье Юлы» [2, с. 290].

В художественной речи писатели используют повторы как средство выразительности, при этом роль звуков возрастает, обнаруживается их связь со значением слов. Звучание таких слов напоминает изображенное явление, например, пушкинские звукоподражания: «Шипенье пенистых бокалов…» [3, с. 256], «Тяжело-звонкое скаканье / По потрясенной мостовой» [3, с. 267].

Необходимо отметить, что «информация заключенная в специально организованной системе звуковых повторов, может не дойти до тех, кто не обладает навыками эстетического восприятия формы поэтического произведения» [4, с. 47], поэтому перед лингводидактикой стоит проблема научить распознавать звуковые повторы в художественном тексте.

Вторая единица повторяемости – слог находит проявление в трех типах слов. Во-первых, в звукоподражаниях. Они воспроизводят рефлективные восклицания людей, звуков и криков, издаваемых животными, птицами, звуков явлений природы: «Вся столица / Содрогнулась, а девица – / Хи-хи-хи! да ха-ха-ха! / Не боится, знать, греха» [3, с. 330]. Кроме того, слог выступает единицей повторяемости в производных от звукоподражаний словах: «Если же год урожайный и на гумнах возвышается целый золотой город, а на реке звонко и резко гогочут по утрам гуси, так в деревне и совсем не плохо» [5, с. 161].

Во-вторых, в междометиях: «Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!» [6, с. 101].

В-третьих, в так называемых «детских словах», созданных родителями для ребенка и состоящих из подражания детскому лепету. Они называют людей и предметы, которые окружают малыша: «Петеньку только что выкупали – он спал; няня в чепчике и великолепном белом переднике сидела на сундуке и вязала» [7, с. 423]. Одна часть таких слов утратила свою мотивацию и употребляется в литературном языке без соотнесения с детским словарем, чаще всего это наименования родственников: «– Перестаньте, дядя, – засмеялась Виктория, высвобождая руки» [8, с. 517]. Другая часть сохранила за собой статус детских слов: биби – «машина»; бу-бу – «семечки», ди-ди – «медведь», коко – «яйцо», лили – «смотри», ням-ням – «кушать», шаша – «шарик» [9, с. 203, 204, 205, 205, 205, 207]. Эти и подобные детские слова возникли из звукоподражаний детскому лепету, подверглись полной лексикализации, их следует рассматривать как слоговое повторение

К третьей единице повторяемости причисляем морфему, которая может повторяться, будучи корневой или аффиксальной. Повторение корневой морфемы приводит к усилению значения слова. Среди таких повторов выделяются народно-поэтические образования: «Ах, зимушка-зима,/ Студена больно была» [10, с. 267–269]. Удваиваясь, корневая морфема может образовать фразеологизм: «Бывало, к нам в праздник в большую деревню выберутся – орда ордой» [2, с. 12].

Аффиксальные морфемы делятся на приставки, интерфиксы, суффиксы, постфиксы и флексии. Все они, кроме интерфиксов, могут повторяться. Например, префиксальная морфема: «Прапрадед нашего Рахметова был приятелем Ивана Ивановича Шувалова, который и восстановил его из опалы, постигнувшей было его за дружбу с Минихом» [11, с. 267].

Суффиксальная, постфиксальная и флексийная морфемы используются в тексте для передачи действий, которые совершаются индивидом в одно время, и темпоритма повествования: «Он бежал к окраине, там, на высоте – хорошо помнил, стояла единственная неразбитая пушкам его батареи, а солдат в живых уже не было никого» [8, с. 5]; «Кружится солома, мочало, катаются колесики стружек, и в кругу хлама, как бы играя с ним, грузно прыгал, шлепая галошами по мелкому булыжнику, толстый, странный человек…»[12. с. 7]; «Идешь вдоль опушки, глядишь за собакой, а между тем любимые образы, любимые лица, мертвые и живые, приходят на память, давным-давно заснувшие впечатления неожиданно просыпаются; воображенье реет и носится, как птица, и все так ясно движется и стоит перед глазами» [13, с. 358].

Четвертая единица повторяемости – слово – образует лексический повтор, наиболее употребительный по сравнению с другими видами повторов. Он состоит из полного удвоения исходного слова: «Много, много нынче машин, – соглашалась старуха, – да люди нынче другие…» [2, с. 273], «– Жаль. Очень жаль, – сказал Уваров задумчиво» [8, с. 203], реже наблюдается утроение: «А за теми за церквями и за теми деревнями леса, леса, и леса» [14, с. 234].

Лексический повтор по месту образования может быть контактным, если между повторенными словами нет никаких языковых единиц: «Пошли, пошли! Ровней, товарищи, ровней!» [8, с. 383]. Дистантный повтор обязательно опосредован фрагментом текста в рамках одного предложения: «Любят посмеяться-то, любят» [2, с. 124] или нескольких: «Но пошла не на деревню. Пошла под гору – материной тропой» [2, с. 124].

Между повторяющимися словами пишется дефис, если образуется сложное слово с одним основным и одним побочным ударением: «Сергея удивило и то, что сейчас он был спокоен, он даже усмехнулся чуть-чуть, разобрав этот сухой голос» [8, с. 218].

Повторение слова может быть не только полным, но и вариативным, отдельную группу в русском языке образуют слова с фонетическим варьированием – «слова-эхо». В современном языкознании название подобных образований не получило адекватного определения: их называют «повторы-отзвучия» [15, с. 470], «двойные контактные повторы с асемантизированными сегментами» [16], «дивергентное удвоение» [17, с. 36]. Такие повторы используют для передачи необычных, неожиданных действий: «Мало ли каких фокус-покусов может выделывать желающий выделывать фокус-покусы?» [18, с. 440] или любовных похождений: «Э, сказала она [Алька – З. П.] себе, да уж не думает ли он, старый дурак, шуры-муры со мной завести?» [2, с. 107].

Повторение связано с идеей меры и количества. Семантика таких образований модифицируется для предметных значений – как множественность: «Деньги, деньги: вот главное, пришли мне денег» [19, с. 12]; для процессов – длительность: «А корабль все идет и идет…» [20, с. 223]. многократность: «Проходит день, проходит другой» [20, с. 223].

Повторяться могут не только слова самостоятельных частей речи, но и служебных. Семантическая роль повторения предлога – выделительно-усилительная. Например: «На тую на глину на ручьёвую / И на тую на серу на сосновую, / На сосновую на серу на капучую…» [21, с. 377].

При намеренном использовании союзов для логического и интонационного подчеркивания соединяемых предложений и членов предложения, для усиления выразительности речи используется полисиндетон: «Разумеется, все оттого, что было много досуга, а перед глазами ходил океан, и колыхался, и гремел, и сверкал, и угасал, и светился, и уходил куда-то в бесконечность…» [20, с. 225].

Частица повторяется для усиления согласия: «И голос невидимого Колицына набрал в трубке полную сочность красок, обрадованный этому вопросу: “Да, да, да! Синьор Рамзин”» [8, с. 527] или несогласия: «Нет, нет, постой запрягать в свои сани!» [2, с. 106].

В разговорной речи встречается повторение слов, связанное с недостаточно высокой речевой культурой говорящего, который затрудняется в выборе необходимого слова и не решается вполне определенно высказать мысль, а смысловые паузы заполняет единицами «вот», «да», «значит», «ну», ничего не прибавляющими к сказанному. Такие повторы лишние, они засоряют речь, мешают воспринять высказанную мысль, поэтому их принято называть «слова-паразиты». В художественной речи они употребляются как средство реалистического воссоздания особенностей речи персонажей. Н. В. Гоголь использовал этот прием в «Мертвых душах» для передачи речевой манеры малокультурного почтмейстера, рассказывающего «Повесть о капитане Копейкине», в которой изобилуют слова-паразиты: «Ну, можете представить себе: эдакой какой-нибудь, то есть, капитан Копейкин и очутился вдруг в столице, которой подобной, так сказать, нет в мире! Вдруг перед ним свет, относительно сказать, некоторое поле жизни, сказочная Шехерезада, понимаете, эдакая. Вдруг какой-нибудь эдакой, можете представить себе, Невский прешпект, или там, знаете, какая-нибудь Гороховая, черт возьми, или там эдакая какая-нибудь Литейная; там шпиц эдакой какой-нибудь в воздухе; мосты там висят эдаким чертом, можете представить себе, без всякого, то есть, прикосновения, – словом, Семирамида, судырь, да и полно!» [22, с. 250–251].

Пятая единица повторяемости – словосочетание тесно связана со словом, поскольку представляет собой сложное наименование предметов и явлений действительности: «Ее поддержала баба Мара. Баба Мара, здоровущая, краснолицая старуха с серыми нахальными глазами…» [2, с. 25].

Словосочетания могут образовываться повторением имен собственных. Например, у Н. В. Гоголя в комедии «Ревизор» городские помещики имеют одинаковые имена и отчества, а фамилии отличаются лишь одним звуком: Петр Иванович Добчинский и Петр Иванович Бобчинский. Подобные тавтонимы (гр. ταύτό – «тоже», ὀνομα – «имя») литературных героев – следствие продуктивности данной модели в быту. Вспомним имена и отчества известных русских писателей и ученых: Александр Александрович Блок и Александр Александрович Реформатский; Алексей Алексеевич Леонтьев; Владимир Владимирович Маяковский и Владимир Владимирович Набоков; Михаил Михайлович Пришвин.

Шестая единица повторяемости – предложение – самая крупная, обладающая смысловой и интонационной завершенностью. Истоки такого повтора – в фольклоре: «Скоморох ходит по улице, / Скоморох ходит по широкой» [10, с. 265–266]. Однако в силу своей структуры данная единица является наименее употребительной по сравнению с другими повторами, хотя и представлена в русской классической литературе. Так, стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы…», названное первой строкой стихотворения И. Метляева «Розы», содержит в тексте полный троекратный повтор этой фразы, которая выполняет роль рефрена [23, с. 107–108].

Пример повторения предложения в разговорной речи во время телефонного разговора – оклик «Алло!» (англ. hallo – «слушаю», «слушайте»), который первоначально использовался на море для связи одного судна с другим.

Таким образом, единицы повторяемости образуют уровни языка. Фонема и слог – фонемно-фонологичееский, морфема – морфемный, слово – лексический, фразеологизм, словосочетание и предложение – синтаксический. Уровнеобразующими свойствами обладают все перечисленные единицы, т.к. они могут вступать в парадигматические и синтагматические отношения с единицами того же уровня языка: фонемы могут сочетаться только с фонемами, слоги – со слогами, морфемы – только с фонемами, слова – со словами. С единицами других уровней единицы повторяемости связаны иерархическими отношениями: фонемы входят в слоги, слоги – в морфемы, морфемы – в слова, слова – в предложения, и, кроме того, предложения состоят из слов, слова – из морфем, морфемы – из слогов, слоги – из фонем.

Разноуровневые единицы повторяемости представлены в тексте. Например: «И, подталкиваемый неодолимой тревогой, Васильев вновь рванулся к телефону, принялся узнавать в справочной междугородных переговоров, кто сейчас звонил ему, из какого города (здесь не исключался и розыгрыш), но телефонистки не сумели выяснить и ответить толком, кто и откуда звонил, – и тогда, сидя один в шуршащей темноте мастерской, почти не напрягая память, он вспомнил, чей это голос» [8, с. 644]. Синтаксический вариативный повтор словосочетания “кто сейчас звонил” является ключевым для раскрытия смысла происходящего. Лексический повтор союза «и» придает тексту связность, плавность, будучи межфразовым и внутрифразовым средством связи. Повторяются аффиксальные морфемы, указывая на время и характер действия.

Единицы повторяемости выполняют различные функции, поскольку общие законы организации языка порождают повторы его дискретных компонентов. Не существует языка, в котором не повторялись бы буквы, морфемы, слова, словосочетания, предложения, etc. Такие повторы соотносятся с понятием встречаемости, частотности того или иного элемента в определенном сегменте текста. Количественная параметризация элементов языка и подсчет встречаемости в текстах отдельных элементов не всегда связывается с качественными свойствами этих единиц, хотя представляется очевидным, что частотность использования их в языке производна от тех или иных особенностей содержания и относится к мотивированному виду языковой формы. Своеобразие мотивированности заключается в том, что с помощью квантитативных характеристик фиксируется не признак обозначаемой реалии, а степень активности внутренних качеств данной реалии, их важность и роль в жизни носителей языка. Ярким примером повторения являются гласные и согласные буквы, которые образуют слово. В одном и том же слове могут повторяться одни и те же гласные – явление сингармонизма (русским языком освоены тюркизмы: барабан, капкан, мечеть, сургуч и др.), а при повторении одних и тех же согласных наблюдается геминация (в русский язык пришла большая группа заимствованных слов терминологического характера: аффект, аппарат, баррикада, дискуссия, корре-

спондент, массаж, оппонент и т.д., среди них немало собственных имен и географических наименований: Анна, Белла, Инна, Жанна, Нонна, Римма, Стелла, Элла и др.; Таллинн, Одесса, Бессарабия и др.). Следовательно, повторение языковой единицы мотивировано силой ее семантического потенциала, который проявляется в зависимости от типа текста. Данную функцию повторов назовем структурной.

В русском языке наблюдается повторение префикса, корня, основы или целого слова, которое приводит к образованию новых слов, описательных форм, фразеологизмов. Повторы выполняют словообразовательную функцию.

В стилистике и лингвистической поэтике речевая повторяемость выступает основной категорией образного мироощущения говорящего, его индивидуальной языковой картины мира. Для подчеркивания каких-либо деталей в описании, создания экспрессивной окраски используется стилистический прием повторения, а повторы осуществляют стилистическую функцию.

В прозаическом и поэтическом тексте повторы обеспечивают контактную связь по горизонтали и дистантную – по вертикали, выполняя при этом рекуррентную функцию: «Паладьина межа… Межа родной матери… Не часто, ох, не часто бывает такое, когда дочь шагает тропой, которая называется по имени ее матери…» [2, с. 124].

Появление и широкое распространение повторов в художественной речи объясняется общими законами организации эстетического целого, которые их порождают в структуре художественного текста, «будь-то прозаическое, драматическое или лирическое произведение. Повторы генетически свойственны прозе, выросшей из древней эпической поэзии, в которой они не только помогали пониманию и замоминанию текста, не только несли определенную сакральную функцию, но и играли немалую роль в самом построении произведения, в упорядочивании речевой стихии, в движении мысли, т.е. были художественно важны» [24, с. 34].

В живой разговорной речи можно наблюдать автоматическое повторение слогов и чужих слов детьми как один из ранних этапов становления их речи. Ребенок повторяет «ради удовольствия, говорит, не думая ни о том, чтобы обратиться к кому-нибудь, ни даже о том, чтобы произносить осмысленные слова. Это один из последних остатков младенческого лепета» [25, с. 19]. Повторение чужой речи взрослыми может быть связано с подражанием, копированием, языковой игрой: «– Дама! – сказал парень.– Червонная. Ваша невеста. – Дама-то дама. Да не моя невеста. Давай следующий фокус» [8, с. 21]. В основе таких повторений находится явление эхолалии, основанное на отражении явлений действительности.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. В русском языке на материале фольклора, художественной и разговорной речи выявлены такие единицы повторяемости: фонема, звук, слог, морфема, слово, фразеологизм, словосочетание, предложение, за которыми закреплен широкий спектр функций: структурная, словообразовательная, стилистическая, рекуррентная и прагматическая. В дальнейшем необходимо сопоставить единицы повторяемости русского языка с такими же единицами в близкородственных языках с целью выявления общих и отличительных признаков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Пахолок З. О. Гносеологічний і онтологічний статус категорії повторюваності: мовний та мовленнєвий виміри [Текст]: монографія / Зінаїда Пахолок. – Луцьк: Вежа-Друк, 2013. – 684 с.

2. Абрамов Ф. А. Повести / Федор Абрамов. – М. : Сов. Россия, 1983. – 304 с. – (Земля родная).

3. Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3. Поэмы; Сказки / А. С. Пушкин. – М.: Худож. лит., 1975. – 488 с.

4. Гальперин И. Р. Информативность единиц языка: пособие по курсу общ. языкознания : учеб. пособие для студентов филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов / И. Р. Гальперин. – М.: Высш. шк., 1974. – 176 с.

5. Бунин И. А. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. Произведения, 1887–1909 / И. А. Бунин; редкол.: Ю. В. Бондарев [и др. ст.-послесл. О. Н. Михайлова; коммент. В. Г. Титовой]. – М.: Худож. лит., 1987. – 511 с.

6. Крылов И. А. Полное собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. Басни; Стихотворения; Письма / И. А. Крылов; ред. Д. Д. Благого. – М.: ОГИЗ, 1946. – 619 с.

7. Каверин В. А. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 3. Два капитана: роман / В. Каверин. – М.: Худож. лит., 1981. – 638 с.

8. Бондарев Ю. В. Тишина; Выбор: романы / Юрий Бондарев. – М.: Известия, 1983. – 734 с. – (Библиотека «Дружбы народов»).

9. Харченко В. К. Словарь-тезаурус детской речи / В. К. Харченко. – Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2001. – 216 с.

10. Русские народные песни: сборник / [вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А. Н. Розова]. – Л.: Сов. писатель, 1988. – 488 с. – (Библиотека поэта. Малая серия; изд. 4-е).

11. Чернышевский Н. Г. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. Что делать? / Н. Г. Чернышевский ; сост. и общ. ред. Ю. С. Мелентьева. – М.: Правда, 1974. – 464 с. – (Библиотека отечественной классики).

12. Горький М. А. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 14. Повесть, рассказы, очерки, воспоминания, сказки, стихотворения, 1912–1923 / М. Горький. – М.: Худож. лит., 1951. – 335 с.

13. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Т. 3. Записки охотника: 1847–1874 / И. С. Тургенев; [редкол.: М. П. Алексеев (гл. ред.) и др.; вступ. ст.: М. П. Алексеева и др.; примеч.: А. Л. Гришунина и др.]. – М.: Наука, 1979. – 358 с.

14. Мельников-Печерский П. И. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 5 / П. И. Мельников (Андрей Печерский). – М.: Правда, 1976. – 479 с. – (Библиотека «Огонек») (Библиотека отечественной классики).

15. Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. – М.: Индрик, 2001. – 504 с.

16. Николаев С. Г. Двойные контактные повторы с асемантизированными сегментами (на материале современного русского языка): автореф. дис. канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Николаев Сергей Георгиевич; Ростов. ордена Трудового Крас. Знамени гос. ун-т им. М. А. Суслова. – Ростов н/Дону, 1986. – 26 с.

17. Крючкова О. Ю. Редупликация как явление русского словообразования: историческое развитие и типологическая специфика): автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.01 «Русский язык» / Крючкова Ольга Юрьевна. – Саратов, 2000. – 44 с.

18. Чернышевский Н. Г. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / Николай Гаврилович Чернышевский; Акад. наук СССР, Ин-т философии; [редкол.: М. Б. Митин (пред.); ред. изд. И. К. Пантин; сост. и авт. примеч. Л. В. Поляков]. – М.: Мысль, 1987. – 687 с. : 1 л. портр. – (Философское наследие).

19. Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 10. Письма, 1831–1837 / А. С. Пушкин ; [примеч:. Л. Б. Модзалевского, И. М. Семенко]. – М.: Худож. лит., 1978. – 471 с.

20. Короленко В. Г. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 2. Рассказы, 1889–1903 / В. Г. Короленко; редкол.: Г. Бялый, Г. Иванов, В. Туниманов; сост., подгот. текста, примеч.: Б. Аверина и Н. Дождиковой. – Л.: Худож. лит., 1989. – 632 с.: ил.

21. Былины / [сост., авт. предисл. и ввод. текст. В. И. Калугин]. – М.: Современник, 1986. – 559 с. –

(Классическая библиотека «Современника»).

22. Гоголь Н. В. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 5 / Н. В. Гоголь; [под общ. ред. В. Р. Щербины]. – М.: Правда, 1984. – 319 с. – (Библиотека «Огонек». Отечественная классика).

23. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Т. 10. Повести и рассказы, 1881–1883; Стихотворения в прозе, 1878–1883; Произведения разных годов / И. С. Тургенев; [редкол.: М. П. Алексеев (гл. ред.) и др.; примеч.: М. П. Алексеева и др.]. – М.: Наука, 1982. – 608 с.

24. Красиков М. М. Искусство повторяться. (Из опыта прочтения «Войны и мира» Л. Н. Толстого) / М. М. Красиков // Русская филология. Украинский вестник / Акад. наук Украины [и др.; редкол.: Степаненко И. И. (гл. ред.) и др.]. – Х., 1994. – № 2. – С. 31–35.

25. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / Жан Пиаже; [сост., новая ред. пер. с фр. В. А. Лукова]. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 528 с. – (Психология: Классические труды).

THE UNITS OF REPETITION IN RUSSIAN

© 2015

Z.A. Pakholok, candidate of philological sciences, associate professor of the department "Philology and Methodology of Primary Education"
Lesya Ukrainka East European National University, Lutsk (Ukraine)

Abstract. The article deals with the units of different language levels that are produced as a result of repetition, depending on their structure, way, place of formation, belonging to part of speech, semantics, spelling. The functions of repetition units are determined.

Keywords: Russian, repetition units, contact and distant repetition, full and variable repetition, functions of repetition units.

УДК 81'23:39

ПРАВОВАЯ НОРМА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ ЗАКОНОДАТЕЛЕЙ XVII ВЕКА

© 2015

Л.В. Попова, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии
Челябинский государственный университет, Миасс (Россия)

Аннотация. Актуальность представленной работы связана с необходимостью научной интерпретации правовых терминов как репрезентантов русской правовой картины мира, что позволит восполнить недостаток информации о взаимосвязи языка и мышления в сфере профессиональной юридической коммуникации. Научная новизна исследования выражается в обращении к национальному языку права для определения роли этнокультурных представлений в процессе формирования и развития юридической языковой личности и юридического языкового сознания в целом. Источником лингвистического материала в данной работе послужил текст «Уложения» 1649 года, который рассмотрен как продукт профессиональной речевой деятельности и отражение языкового сознания русских законодателей. Выявлена языковая доминанта в концептуализации правовой нормы – юридический термин «указъ», который выступает как однокомпонентная номинативная единица с низкой частотностью и как часть более частотных многокомпонентных номинативных единиц. Определена общая для них ядерная атрибутивная модель и дифференцированы два структурных варианта. С помощью контекстуального анализа и интент-анализа выявлены коммуникативно-номинативные тактики. На основе историко-лингвистических словарей подтверждена тесная связь лексемы «указъ», с одной стороны, и лексем «государь», «царь», «государев», «государский», «царев», с другой стороны. Выделены семантические признаки лексемы «указъ»: волеизъявление субъекта власти, официальность, письменная форма. Установлено отличие комплекса данных признаков от современной трактовки термина «нормативный акт» – отсутствие в языковом сознании русских законодателей эксплицитной связи термина «указъ» с правовой нормой. Констатированы особенности концептуализации правовой нормы в русском юридическом языковом сознании XVII века: 1) облигаторная взаимосвязь понятий «правовой акт» и «субъект правотворчества»; 2) доминирование образа субъекта правотворчества в юридическом языковом сознании, важность правовой нормы не как объективного факта, а как результата волеизъявления субъекта власти. Сделан вывод об этнокультурной маркированности концепта «правовая норма» и прагматическом потенциале термина «указ» в национальной юридической коммуникации.

Ключевые слова: концепт «правовая норма»; прагматический потенциал термина; юридическая коммуникация; юридический термин «указ»; языковое сознание русских законодателей.

В правоведении и философии все возрастающее внимание уделяется истории русского правосознания. В лингвистике историческое направление связано прежде всего с изучением терминологии права. Зачастую предметом анализа выступают терминологические единицы и их группы, главной целью считается фиксация языковых изменений, приводящих к появлению точных, однозначных, нейтральных наименований профессиональных понятий. Научная интерпретация правовых терминов как репрезентантов правовой картины мира необходима в целях углубления знаний о взаимосвязи языка и мышления в сфере профессиональной юридической коммуникации. Исследование национального языка права перспективно в плане определения роли этнокультурных представлений в процессе формирования и развития юридической языковой личности и юридического языкового сознания в целом. В русской этнокультуре формирование универсальных правовых категорий обусловлено спецификой этнической ментальности, поскольку русский юридический язык, отражающий правовое мышление, входит в систему национального языка, воплощающего характерные черты национального мировоззрения.

Ценным источником для изучения истории русского юридического языкового сознания как совокупности категорий и образов юридического сознания, обеспечивающего механизмы профессиональной речевой деятельности, считаем памятники русского права. Следует отметить, что правоведы осознают необходимость лингвистического изучения истории языка отечественного права, и это, по нашему мнению, целесообразно не только для «адекватного проникновения в культуру и правовое мышление средневековья» [1, с. 16–17], но и для исследования дальнейшего развития русского правосознания. XVII век знаменателен подготовкой и официальной публикацией (2400 экземпляров) крупного свода правовых норм – «Уложения» («Соборного Уложения») 1649 года, ставшего первым печатным памятником русского права, а позже вошедшего в «Полное собрание законов Российской империи» [2].

«Уложение» представляет собой продукт профессиональной речевой деятельности коллективного субъ-

екта. Назначенные главой государства составители собрали и упорядочили юридические документы прошлого, а также дополнили недостающие части кодекса. Следовательно, зафиксированные в «Уложении» правовые представления и речевые традиции складывались на протяжении нескольких веков и свойственны группе людей, профессионально занимающихся правотворчеством и правоприменением. Коллективная языковая личность, стоящая за текстом «Уложения», в нашем понимании, воплощает характерные черты русского юридического языкового сознания XVII века и предшествующих эпох.

Доминирующей прямой номинацией нормативного акта, материально закрепляющего правовую норму (важнейший концепт юридического сознания), в тексте «Уложения» выступает юридический термин «указъ». При рассмотрении функционирования термина «указъ» с помощью контекстуального и дистрибутивного анализа было установлено, что этот термин выступает как самостоятельная однокомпонентная (простая) номинативнatim

Вторая группа представлена регулярными словосочетаниями, построенными на основе синтаксической связи «согласование». Главным компонентом является «указъ», а зависимая часть выражена именем прилагательным («государев», «царев», «государский») и выступает в роли согласованного определения. Среди прилагательных, стабильно сочетающихся с лексемой «указъ», присутствуют притяжательные «государев», «царев» и относительное «государский».

Наиболее частотно словосочетание «Государевъ указъ» (порядка 40 употреблений в тексте документа), представляющее собой устойчивую формулу, в которой прилагательное графически выделяется заглавной буквой, имеющей, по нашему мнению, семиотическую значимость: так обозначается особый статус нормативного акта, выражающего волю верховного правителя. Приведем примеры: «… чтобы т} вс} великія д} ла, по нын}шнему Его *Государеву указу* и Соборному Уложенью, впредь были ни ч}мъ нерушимы» [2, с. 2]; «… т}мъ же судомъ судити и росправа д}лати по *Государеву указу* вправду…» [2, с. 17]; «А въ которомъ приказ} по *Государеву указу* будетъ Бояринъ, или Окольничій, или Думной челов}къ съ товарищи…» [2, с. 20]; «А будетъ учинится ссора межъ Бояръ и Окольничихъ и Думныхъ людей, и кто изъ нихъ кого обезчеститъ непригожимъ словомъ: и на т}хъ по суду, или по сыску, правити безчестіе по *Государеву указу*» [2, с. 25].

Значительно менее употребительный вариант – составная номинация «Государевъ, Царевъ указъ» (2 раза): «И по *Государеву*, *Цареву* и Великаго Князя Алекс} я Михайловича всея Руссіи *указу*…» [2, с. 2]. Данное словосочетание содержит два притяжательных прилагательных-синонима, графически выделенных заглавными буквами. По мнению В.В. Виноградова, притяжательные прилагательные индивидуализируют предмет посредством указания его владельца: «притяжательные прилагательные, подобно указательным местоимениям, несут функцию индивидуализирующего, обособляющего указания на принадлежность одному существу, единичному обладателю» [3, с. 165–166]. Таким образом, в словосочетании «Государевъ, Царевъ указъ» индивидуализирующая функция атрибутива вдвое усилена номинатором. Если же рассмотреть приведенную часть текста комплексно, то необходимо отметить контаминацию двух аналитических номинаций – с согласованным (1) и несогласованным (2) определениями, причем второе препозитивное: «И по Государеву, Цареву (1) и Великаго Князя Алекс}я Михайловича всея Руссіи (2) указу…». Пример демонстрирует стремление языковой личности номинатора к максимально полной, исчерпывающей номинации правового акта.

Кроме того, отметим один случай употребления сложной номинации «Государскіе Указы», в которой использовано относительное по форме (суффикс -ск-) и притяжательное по семантике в контексте (ср. с «государев») прилагательное «государский»: «… и т} *Государскіе Указы* и Боярскіе приговоры съ старыми Судебниками справити» [2, с. 1]. Возможно, в данном случае словоупотребление было случайным на фоне регулярного «Государевъ указъ».

Данные исторических словарей подтверждают тесную связь лексемы «указъ», с одной стороны, и лексем «государь», «царь», «государев», «государский», «царев», с другой стороны: *указъ* – «Письменное повел} ніе, отъ Государя или верховнаго правительства даемое. *Издать указъ. Повел}ть что указомъ. Исполнять по указу. Собраніе указовъ*» [4, с. 381]; *указъ* – «Письменное повел}ніе, даваемое отъ Государя, верховнаго правительства и вообще отъ высшаго присутственнаго м}ста подв}домственному м}сту или лицу» [5, с. 333]; *указъ* – «письменное приказанье, повел}нье государя, и вообще именемъ его, высшаго м}ста низшему м}сту либо лицу. *Да я бы ему именнымъ указомъ запретилъ думать!*» [6, с. 978]. В приведенных толкованиях подчеркиваются семантические признаки лексемы «указъ»: волеизъявление субъекта власти, официальность, письменная форма. Современная трактовка термина «нормативный акт» включает в себя, помимо этих семантических признаков, обязательное упоминание правовой нормы, являющейся содержанием данного акта. Нормативный акт – «официальный письменный документ, принимаемый уполномоченным органом; устанавливает, изменяет или отменяет нормы права» [7, с. 269].

Проведенный анализ показывает, что в тексте «Уложения» 1649 года аналитические номинации правового акта доминируют над его однословной номинацией. Эта закономерность отражает особенности концептуализации правовой нормы в русском юридическом языковом сознании XVII века: 1) облигаторная взаимосвязь понятий «правовой акт» и «субъект правотворчества»; 2) доминирование образа субъекта правотворчества в юридическом языковом сознании, важность правовой нормы не как объективного факта (ср. с концептом «закон»), а как результата волеизъявления субъекта власти.

Выявленные черты отражают этнокультурную маркированность концепта «правовая норма» и позволяют оценить прагматический потенциал термина «указ» в национальной юридической коммуникации. Согласно информации из «Словаря русской ментальности», указ – «внешнее суждение, указание, определяющее и регламентирующее деятельность человека, социальной группы или общества в целом» [8, с. 421]. При этом категоричность и обязательность указа как высшего индивидуального изъявления «часто вступает в противоречие с душевной свободой и личной волей человека, ограничивая и подавляя их, что вызывает неприятие подчинения и протест против насилия» [Там же]. Таким образом, в восприятии адресата правовой нормы, обладающего русским языковым сознанием, «указ» способен вызывать негативную реакцию. Перспективным считаем исследование специфики концептуализации правовой нормы в русском юридическом языковом сознании второй половины XVII–XIX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Рогов В.А., Рогов В.В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (Очерки IX – середины XVII вв.). М.: МГИУ, 2006. 269 с.

2. Уложеніе // Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, повеленіем Государя Императора Николая Павловича составленное. Собраніе Первое. Съ 1649 по 12 Декабря 1825 года. СПб., 1830. Т. I. № 1.

3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.

4. Словарь Академіи Россійской. СПб.: Императорская Академія Наукъ, 1792. Ч. III. Отъ З до М.

5. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторым отд}леніемъ Императорской

Академіи Наукъ. СПб., 1847. Т. IV.

6. Толковый словарь живого великорусскаго языка Владиміра Даля. 3-е изд., испр. и знач. доп. СПб.; М., 1909. Т. IV. С – V.

7. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. М.: Изд-во Тихомирова М.Ю., 1997. 526 с.

8. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. 592 с. Т. 2. П–Я.

9. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2006. 624 с.

10. Благова Н.Г. Лексика и фразеология памятников русского права XVII века (на материале Уложения 1649 г.). – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998.

11. Живов В.М. История русского права как лингвосемиотическая проблема // Из истории русской культуры. Т II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь / сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М.: Яз. славян. культ., 2002. С. 652–738.

12. Карпенко Л.Б. Церковнославянские основы правовой лексики русского языка // Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков: материалы к словарю-справочнику. Вып. 1 / ред. кол.: Э.Н. Акимова, В.П. Киржаева (отв. ред.), О.Е. Осовский, В.В. Шигуров. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. С. 15–26.

13. Михальчук И.П. Концептуальные модели в семантической реконструкции (Индоевропейское понятие «закон») // Известия АН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 4. С. 29–39.

14. Попова Л.В. «Закон юридический» vs «Закон религиозный» в тексте «Уложения» 1649 года // Вопросы лингвистического источниковедения: сборник науч. работ преподавателей, аспирантов и студентов вузов / Тобольск. гос. соц.-пед. акад. им. Д.И. Менделеева. Тобольск: Полиграфист, 2013. С. 37–39.

15. Попова Л.В. Концепт «юридическая норма» в языке русского права XVIII века // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. «Филология. Искусствоведение». 2007. № 13 (91). С. 76–80.

16. Попова Л.В. Лингвистическая реконструкция русской правовой картины мира XVIII века // О Родине, о подвигах, о славе…: сборник работ – победителей Всероссийского творческого конкурса научно-исследовательских и творческих работ молодых ученых. Вып. 5 / сост. и ред. Н.Ю. Синягина, Е.Г. Артамонова. М.: АНО «ЦНПРО», 2013. С. 161–170.

17. Попова Л.В. Языковая реализация когнитивной модели «введение юридической санкции» в «Уложении» 1649 г. // Язык в меняющемся мире: межвуз. сб. ст. / науч. ред. М.В. Сандакова. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. С. 226–229.

18. Словарь древняго славянскаго языка, составленный по Остромирову Евангелію. СПб., 1899. С. 878.

19. Срезневский И.И. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Т. III. СПб., 1912. С. 1177.

20. Унбегаун Б.О. Язык русского права // На темы русские и общие: сб. ст. и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева. Нью-Йорк: Изд-во Общ-ва друзей рус. культ., 1965. С. 178–184.

LEGAL NORM IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF THE RUSSIAN LEGISLATORS OF THE XVII-TH CENTURY

© 2015
L.V. Popova, candidate of philological sciences, associate professor of the of the chair «Philology»
Chelyabinsk State University, Miass (Russia)

Abstract. Relevance of the presented work is connected with need of scientific interpretation of legal terms as reprezentant of the Russian legal picture of the world that will allow to fill a lack of information on interrelation of language and thinking of the sphere of professional legal communication. Scientific novelty of research is expressed in the appeal to national language of the right for definition of a role of ethnocultural representations in the course of formation and development of the legal language personality and legal language consciousness in general. Source of linguistic material of this work - the text of the Russian Law Code of 1649 year which is considered as a product of professional speech activity and reflection of language consciousness of the Russian legislators. The language dominant in conceptualization of the precept of law – the legal term “ukaz” which acts as unicomponent nominative unit with low rate and as part of more frequency multicomponent nominative units is revealed. The general nuclear attributive model is defined and two structural options are differentiated. By means of the contextual analysis and the intent-analysis communicative and nominative tactics are revealed. On the basis of historical and linguistic dictionaries close connection of a lexeme “ ukaz “, on the one hand, and lexemes “gosudar”, “tsar”, “ gosudarev”, “gosudarsky”, “tsaryov”, on the other hand is confirmed. Semantic signs of a lexeme “ ukaz “ are allocated: will of the subject of the power, officiality, written form. Difference of a complex of these signs from modern treatment of the term “statutory act” – absence in language consciousness of the Russian legislators of explicit communication of the term “ukaz” with the precept of law is established. Features of conceptualization of the precept of law in the Russian legal language consciousness of the XVII century are stated: 1) obligatory interrelation of the concepts “legal act” and “subject of law-making”; 2) domination of an image of the subject of law-making in legal language consciousness, importance of the precept of law not as objective fact, and as result of will of the subject of the power. The conclusion is drawn on ethnocultural specifics of a concept “precept of law” and the pragmatical potential of the term “ukaz” in national legal communication.

Key words: concept «legal norm»; pragmatical potential of the term; legal communication; legal term «ukase»; language consciousness of the Russian legislators.

УДК 81’373.232

ПРОБЛЕМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ЗАМЕНЫ ФАМИЛИЙ С СОЦИАЛЬНЫМ МАРКЕРОМ

© 2015

А. А. Селезнева, аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация. Проблема функционирования и замены фамилий с социальным маркером на сегодняшний день изучена недостаточно. В данной статье изучаются изменения в концепции имени, выявляются причины смены имени в русском ономастическом пространстве, анализируются способы этих изменений и прослеживается их динамика. Многие годы люди вынуждены жить в окружении ономастических неудач. Отношение людей к своим именам в русском ономастическом пространстве постепенно меняется, что ведет к перестройкам антропонимических систем, в связи с этим и возникает проблема смены имени, которая впервые в массовом порядке началась в нашей стране в 20-е годы XX века. Мы выделяем в особые элементы в структуре социального компонента в значении антропонима. На основе этого компонента отношение людей к своим именам в русском ономастиконе постепенно меняется, что ведет к перестройкам антропонимических систем. В этой статье прослеживаются изменения антропологических систем. Во многих случаях выбор новой фамилии говорит о культурных и общественных взглядах человека, о его стремлении придать новой фамилии повышенный стиль. Факты смены имени часто бывают связаны с желанием скрыть национальность, но иногда меняются и вполне обычные русские фамилии и имена. Мы считаем, что имена собственные – своеобразные памятники, в которых отражается общественная история этноса, прослеживается специфика знаковой системы и динамика языковых закономерностей. Проблема смены имени в ономастическом пространстве взаимосвязана с теми событиями, которые происходят в жизни общества.

Ключевые слова: ономастика; антропонимы; смена имени.

Проблема массовой смены имен и фамилий началась в нашей стране в 20-е годы XX века. По замечанию многих исследователей, имя тесно связано с культурой. Имена, относящиеся к одной культуре, образуют своеобразные ряды. Давая детям новые имена, люди иногда разрушают эти ряды, поэтому получаются такие сочетания, как: *Альберт Ахмедович*, *Тимур Петрович, Дездемона Ивановна*.

Социальность имени часто отмечается лингвистами. «Имя человеку необходимо в обществе и для общества», – считает В.А. Никонов [1, с. 33]. Антропоним является важнейшим звеном, связывающим человека с социумом [2, с. 3], ономастика представляет собой «социально обусловленный пласт лексики» [3, с. 6]. В большинстве работ по антропонимике процесс создания имени собственного рассматривается как «разновидность кодирования исторической и социокультурной информации», личные имена при этом воспринимаются как «совокупность знаков или же социальных знаков, как своеобразный социокультурный ситуативный контекст» [3, с. 6-7]. В.Д. Бондалетов указывает на тесную связь ономастики с социолингвистикой: «Пожалуй, самый обильный материал для социолингвистического изучения содержит антропонимия <…>. Она теснее всего связана с людьми и теми социальными отношениями, которые существуют в человеческом обществе» [4, с. 18]. Н.М. Шутова выделяет в структуре социального компонента в значении антропонима следующие элементы:

I. Для фамилии:

1) указание на социальное происхождение лица;

2) указание на территориальное происхождение (место рождения или жительства).

II. Для личного имени:

1) указание на социальное происхождение лица;

2) указание на территориальное происхождение;

3) указание на расовую принадлежность;

4) популярность (модность) данного имени в определенный период жизни общества, косвенно указывающую на возраст носителя [5, с. 31].

При написании данной статьи мы ставили перед собой следующие цели и задачи: изучить изменения в концепции имени, выявить причины смены имени в русском ономастическом пространстве, проанализировать способы этих изменений и проследить их динамику.

Отношение людей к своим именам в русском ономастиконе постепенно меняется, что ведет к перестройкам антропонимических систем. В России изменение концепции личного имени, то есть отношения членов языкового коллектива к именам, происходило поэтапно. Первый этап связан с принятием христианства, следующий охватывает период Первой мировой войны и революции 1917 года. Также значительные изменения происходили в 1920-1930 гг., они были связаны с именованием на основе новой идеологии.

Впервые концепция имени изменилась с принятием христианства. В.И. Супрун выделяет у русских антропонимов сакральную сему, справедливо объясняя это тем, что после крещения человек получает «новое имя, которое может звучать так же, как и прежде, но наполняется новым содержанием» [6, с. 28-29]. После революции 1917 года началось резкое изменение состава имен русского населения. Произошло увеличение числа имен, так как были сняты церковные ограничения на их состав. Были модифицированы уже существовавшие имена, создано много новых, а также заимствован ряд западных и восточных имен. На смену традиционным именам, таким, как *Василий, Иван, Федор* приходят придуманные имена с революционным содержанием, а также аббревиатуры. Кроме того, могли брать известное слово или имя и придумывать «расшифровку» его частей: *Лора* (Ленин, Октябрьская революция + -а), *Гертруда* (Герой труда – почетное звание в советские времена), *Аир* (Алексей Иванович Рыков), *Лина* (Лига наций). В 1920-е годы имя в СССР рассматривалось как своеобразный пропуск для новых людей в новую жизнь, которая должна наступить. В рабочих коммунах, на фабриках и заводах, ребенку просто невозможно было дать традиционное церковное имя, тем более что после отделения церкви от государства всячески пропагандировался атеизм. В 1920-1930гг. в России обозначилась отчетливая мода на новые имена. Но продержалась она недолго. С началом Великой Отечественной войны имена стали чаще даваться в память о родственниках и друзьях. Из-за отсутствия пособий, в которых перечислялись бы имена, и объяснялось их происхождение, в 1950-1960 гг. круг имен, активно употребляемых в России, сузился.

Предмет нашего исследования – факты смены имени, вызванные тем, что значение прежних фамилий унижает, обижает, оскорбляет, обезличивает их носителей. Следует отметить, что понятие «Имя» мы понимаем широко: сюда входят факты смены фамилии, собственно имени, имени и фамилии, отчества.

Отказы от прежних фамилий, по словам А.М. Селищева, вызываются общественными, культурными, бытовыми тенденциями. Множество фактов смены фамилий вызвано какими-либо обстоятельствами в личных отношениях [7, с. 430].

Носитель наследственной фамилии имеет юридиче-

ское право изменить ее. Изменение фамилий в массовом порядке может происходить только в силу каких-то чрезвычайных условий: войны, революции. По мнению Б.О. Унбегауна, впервые в России массовая смена фамилий произошла в период Первой мировой войны, так как из патриотических соображений ряд фамилий немецкого происхождения был русифицирован. Чаще всего изменение фамилии осуществлялось путем простого перевода, например: *Биркох, т.е. Bierkoch «пивовар» → Пивоваров; Кригер, т.е. Krieger «воин» → Войновский; Линденберг, т.е. Lindenberg «липовая гора» → Липогорский* [8, с. 195].

Следующая волна изменений, по словам Б.О. Унбегауна, связана с революционными событиями 1917 г. Последовавшая вслед за революцией эмиграция русских привела к вынужденным изменениям фамилий, так как эмигрантам необходимо было ассимилироваться в чужих странах [8, с. 195]. Практиковалось два метода: а) полный отказ от старой фамилии и замена ее новой: *Головачёв → Браун / Стоун /* ил *О'Хара*; б) приспособление старой фамилии к новой языковой традиции, путем сокращения до одного или двух начальных слогов или фонетической модификации: *Бондаренко → Bond, Петропавловский → Petrop, Романишин → Romanition* [8, с. 198-199]. А.М. Селищев считает, что после революции отказывались от таких имен, которые обычно применялись в среде низших классов. Отпечаток этой среды на таких именах чувствовался многими и вызывал отказ от них: *Анисим, Антип, Гавриил, Ефим, Ефрем, Захар, Кузьма, Лука, Макар, Малафей, Никита, Фома; Агафья, Анисья, Аграфена, Дарья, Матрена, Меланья, Прасковья, Степанида, Фекла* [7, с. 434].

Во многих случаях выбор новой фамилии может говорить о культурных и общественных взглядах человека, о его стремлении придать новой фамилии повышенный стиль. Факты смены имени могут быть связаны с желанием скрыть национальность, но порой меняются и вполне обычные русские фамилии и имена. Часто с этой целью используют иноязычные собственные имена, считая, что новое имя более эффектно, выразительно и лучше запоминается. Необычное звучание иностранной фамилии могло создавать впечатление чего-то благородного и экзотического [8, с. 196]. Во многих случаях берутся не готовые фамилии, а образуются новые на основе уже имеющихся путем соединения корня и того или иного суффикса. Такое явление распространено при адаптации иноязычных фамилий к русскому эквиваленту.

На основе языкового материала, собранного после социолингвистического исследования, а также на основе работ А.М. Селищева и Б.О. Унбегауна проанализируем способы смены имени. Данные, собранные А.М. Селищевым, относятся к 1930-1933 гг., материал Б.О. Унбегауна охватывает период с 1910 по 1960-е годы. Факты смены имени, собранные нами, происходили на территории Самарской области, а временной период происходивших изменений исчисляем от самого раннего случая (1930-е годы) до самого позднего (2014 год).

Смена имени может происходить через:

- изменение форм с уменьшительным значением;
- возвращение национальных элементов (сейчас чаще пытаются скрыть национальность);
- изменения в лексическом значении;
- отказ от церковных фамилий путем опущения слогов или усечения слова;
- придание революционной окраски (сейчас данное явление отсутствует);
- отношение к географическим названиям;
- метафорический перенос;
- прибавление суффикса *-ск-*.

Произошла смена следующих фамилий по причине наличия форм уменьшительного значения: *Трубочкины, Рюмочкин, Гадючкин, Мурашко, Карасик* [7, с. 427]. Данное явление наблюдается и сейчас, уменьшительная форма названий животных, содержащихся в фамилиях не устроила их обладателей: *Гадючко → Николаев, Кобылкин → Русов, Козловкин → Александров.* Смена фамилии здесь вызвана совокупностью причин:

а) отрицательной коннотацией в лексическом значении слова-мотиватора фамилии;

б) наличием суффикса уменьшительности, который усугубляет отрицательную коннотацию.

В период революции 1917 года, при подъеме национального сознания и национальных культур среди народов СССР, прежние фамилии, которые были связаны с русификаторской политикой правительства, стали заменяться фамилиями с национальными элементами: *Васильев → Парнэ* (мари), *Космин → Касымов* [7, с. 428]. Сейчас же наблюдается обратная тенденция. Она заключается в замене суффикса притяжательности: *Акопян → Акопов, Саркисян → Саркисов.*

Причиной смены имени может являться наличие в слове-ассоциате отрицательной коннотации социального плана, отрицательной оценки в лексическом значении. А.М. Селищев приводит следующие примеры: фамилия *Кулаков* после революции стала восприниматься в классовом значении. Так как велась борьба с кулачеством и принимались меры для его ликвидации, то носители такой фамилии (*Кулаковы*) отказывались от нее [7, с. 429]. Также Селищев приводит пример данной фамилии в форме существительного в именительном падеже: *Кулак → Горный; Первомайский.* Негативные коннотации несли и такие фамилии, как: *Багачук → Пушкин, Жандармов → Эрский*; *Стеклов*, *Кучер → Камский; Невский*.

С точки зрения лексического значения негативной окраской обладают фамилии производные, например, от слова «дурак». Отказ от таких фамилий отмечает А.М. Селищев, подобные примеры наблюдаем и сейчас: *Дураков → Пащенко, Дурасова → Кузнецова.*

В советское время существовала пропаганда атеизма, в связи с этим нередки были случаи смены фамилий, относящихся к церковной сфере: праздникам, лицам, быту и к вере вообще: *Архангельский, Архиреев, Благовещенский, Богов, Боголепов, Богомаз, Богомолов, Богорода, Богоявленский, Божедай, Богуш, Введенский, Воскресенский, Грехов, Грешников, Демонов, Дьяков, Дьяконов, Дьяченко, Иконописцев, Крестовоздвиженский* и другие [7, с. 430].

Данный факт отмечает и Б.О. Унбегаун. Ученый пишет, что значительное число духовных лиц изменяли фамилии до неузнаваемости путем опущения слогов или усечения, так как после 1917 года данные фамилии говорили о нежелательном социальном происхождении ее носителя. Например: *Архангельский → Арский* или *Гельский; Благовещенский → Бенский; Богоявленский → Петров* или *Ленский; Космодемьянский → Демьянский; Монахов → Майский; Христолюбов → Хрусталев* [8, с. 196].

При смене фамилий люди изобретали такие новые названия, чтобы они имели революционную окраску. Такие фамилии могли быть образованы от имен «бой», «борец», «штурм», «победа», «май», «воля», «свобода», «искра», «октябрь», «кремль». Например: *Боев, Борцов, Штурман, Победин, Первомайский, Волин, Вольнов, Вольский, Свободов, Искрецкий, Октябрьский, Кремлевский* [7, с. 431]. Новые фамилии могли иметь отношение к литературе. Например, были взяты фамилии писателей или же литературных героев: *Белинский, Гейне, Есенин, Крылов, Некрасов, Онегин, Дубровский, Печорин* [7, с. 431]. Согласен с этим и Б.О. Унбегаун, по мнению ученого, фамилии литературных персонажей были популярны, например, *Дубровский, Ленский, Онегин, Печорин, Рудин* [8, с. 197].

«Отказ от старой фамилии и выбор новой очень часто бывает обусловлен стремлением придать повышенный стиль, поэтический колорит новой фамилии», – заключает А.М. Селищев [7, с. 431]. Эта тенденция отражается в образовании фамилий от названий рек, гор,

долин и др. Ясна эта тенденция и в замене русских фамилий иноязычными, «иностранными». В этих случаях часто меняют и личное имя: *Баранов Лаврентий → Гальстер Генрих*.

С точки зрения Б.О. Унбегауна, новые фамилии, образованные от географических названий, в основном рек, а также от названий областей, обеспечивали двойное преимущество – они были благозвучны и полностью скрывали происхождение их носителя. Примеры: *Волгин, Волжский*, *Днепров, Донской, Дунаев, Камский, Кубанский, Невский, Орловский, Полярный, Северный, Степной, Уральский, Южный, Южанский* [8, с. 198]. В нашем материале также имеется достаточное количество примеров: *Кабанова → Самарская, Моськина → Невская.*

Стремление к повышенному стилю отражается часто и на выборе готовых фамилий. А.М. Селищев приводит следующий пример смены фамилии: *Курочка → Орлов*. Хоть новая фамилия и является обычной, но все-таки она ассоциируется с «орлом», а не с «курочкой», – считает исследователь [7, с. 433]. Здесь мы наблюдаем сохранение метафорической модели в ассоциатах, объект сравнения остается в одном лексико-семантическом поле.

Суффикс *-ск-* применяется для повышенной стилевой значимости новой фамилии. Например: *Орионский* (вместо *Кабанов*), *Полярский, Берегинский, Машининский, Днепровский* (ср. *Днепров*) [7, с. 433]. По замечанию Б.О. Унбегауна, исконно русские фамилии на -ский / -ской; -цкий / -цкой слились и практически полностью поглощены были аналогичными иностранными фамилиями, польскими, украинскими или же белорусскими. Эти фамилии образовывались от географических названий [8, с. 19].

В процессе смены имен на протяжении с 1917 года до настоящего времени наблюдаем ряд общих и особенных закономерностей. К общим относим отказ от суффиксов уменьшительности, изменения в лексическом значении, метафорический перенос и стремление к повышенному стилю. К особенным в революционную и постреволюционную эпоху следует отнести отказ от таких имен и фамилий, которые бы указывали на классовую принадлежность носителей. Период после революции отмечен особым всплеском появления новых имен с новой идеологией. Сейчас же все больше изменений вызваны желанием упростить свое имя, сделать его более благозвучным для русского ономастикона.

Имена собственные – своеобразные памятники, в которых отражается общественная история этноса, прослеживается специфика знаковой системы и динамика языковых закономерностей [9, с. 216].

Проблема смены имени в ономастическом пространстве взаимосвязана с теми событиями, которые происходят в жизни общества. Войны, революции, массовые эмиграции населения – все это отражается на антропонимической системе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Подольская Н.В. Словарь Русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

2. Никонов В.А. Задачи и методы антропонимики // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Сб. ст. М.: Наука, 1970. С. 33-56.

3. Рылов Ю.А. Очерки испанской антропонимии. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1997. – 91 с.

4. Агеева Р.А., Бахнян К. В. Социолингвистический аспект имени собственного. Науч.-аналит. обзор. М.: ИНИОН, 1984. 60 с.

5. Суперанская А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология). М.: Наука, 1969. 208 с.

6. Бондалетов В.Д. Ономастика и социолингвистика // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 17 -23.

7. Шутова Н.М. Социальный контекст в семантике английских антропонимов и его структура // Вестн. Удмурт. ун-та. 1993. №7. С. 29-32.

8. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Дис. в виде науч. док. на соиск. учен. степ. д.филол.н.: Спец. 10.02.01. Волгоград, 2000. 76 с.

9. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999. 247 с.

10. Селищев А.М. Смена фамилий и личных имен // Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество / Сост. Б.А. Успенский, О.В. Никитин. М., 2003. 632 с., ил. – (Классики отечественной филологии). С. 423-435.

11. Унбегаун Б.О. Русские фамилии: Пер. с англ. / Общ. ред. Б.А. Успенского. М.: Прогресс, 1989. 443 с.

12. Карташкова Ф.И. Косвенная номинация в английском языке: Деятельностно-процессный подход. Автореферат диссертации доктора филологических наук. Иваново, 2001. 46 с.

13. Журавлев А.П. Звук и смысл: Кн. для внекл. чтения (VIII – X кл.). М.: Просвещение, 1981. 160 с.

14. Шемчук Ю.М. Параллельные номинации одного и того же референта в обиходной лексике современного немецкого языка. Автореферат диссертации кандидата филологических наук. Москва, 2001. 30 с.

15. Жапова Д.Н. Антропонимы как этноисторическое явление // Бытие и язык. Сборник статей на основе межрегиональной научной конференции. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2004. С. 216-219.

PROBLEMS OF FUNCTIONING AND REPLACEMENT SURNAME SOCIAL MARKER

© 2015

A.A. Selezneva, post-graduate student of Russian language, culture, language and teaching methods
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Abstract. The problem of the functioning and replace the names with social marker to date not well understood. This article examines changes in the concept name, identifies the reasons for the name change in the Russian onomastic space, analyze the ways these changes and their dynamics. For many years people have to live surrounded by onomastic failures. The attitude of people to their names in Russian onomastic space is gradually changing, which leads to the rearrangement of anthroponymic systems, in this regard, and there is a problem of name change, which for the first time on a mass scale, began in our country in 20-ies of XX century. We highlight in particular the elements in the structure of the social component in the value of the anthroponym. On the basis of this component is the attitude of people to their names in Russian onomasticon is gradually changing, which leads to the rearrangement of anthroponymic systems. This article traces the changes anthropological systems. In many cases, the choice of the new name speaks to the cultural and societal views of man, of his desire to give new names heightened style. Facts the name change, often associated with a desire to hide nationality, but sometimes change and quite common Russian surnames and names. We believe that proper names - unique monuments, which reflect the social history of the ethnic group, there is a specific sign system and the dynamics of language patterns. The problem of name change in onomastic space interconnected with the events that occur in society.

Keywords: onomastics; anthroponyms; the name change.

УДК 811.111’35

НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2015

И.В. Усова, кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-культурный сервис и туризм
Донской государственный технический университет, Волгодонск (Россия)

Аннотация. Стремительное развитие человеческого общества приводит к появлению огромного количества новых реалий. Возникает необходимость исследования неологизмов, так как данные языковые единицы довольно быстро переходят из пассивного словаря в активный. В наше время английский язык переживает неологический бум. Возникновение новых слов, расщепление значения слова происходит в геометрической прогрессии. Появляется огромное количество новых лексических единиц, а необходимость их описания вызвала возникновение такого раздела лексикологии, как неология. В трудах ученых, занимавшихся изучением неологизмов, рассматриваются различные аспекты неологии и переводческой науки: способы перевода английских неологизмов на русский язык, факторы и способы образования неологизмов в британской и американской периодической печати, лексико-семантические группы неологизмов. Анализ научной литературы позволяет сделать вывод, что неологизмы отражают практически все области жизни современного англоязычного общества. Большое влияние на появление новых слов оказывает политическая ситуация в мире. Неологический бум наблюдается и в сфере культурной жизни. С лингвистической точки зрения интересны неологизмы, представляющие аббревиатуру или акронимы. Как показывают наблюдения автора, чаще всего неологизмы появляются при помощи суффиксации или словосложения. Анализ газетных текстов популярной англоязычной прессы позволяет выделить новые слова, которые были образованы путем транспозиции из одной части речи в другую. С лингвистической точки зрения особый интерес вызывает способы графического оформления неологизмов. Достаточно большое количество данных языковых единиц оформляется при помощи дефисов, сокращений, прописных букв. Необычный графический образ слова привлекает внимание, акцентирует его новизну.

Ключевые слова: неологизмы; активный словарный запас; словообразовательные модели.

Всеобщая глобализация в современном мире является причиной того, что границы между разными культурами стираются. Появляются новые реалии, а «в период наибольшей активности общественно-политической и культурной жизни нации приток новых слов особенно увеличивается» [1, с. 24]. Возникшие новая лексическая единица во всех отраслях человеческих знаний закрепляется в устной и письменной речи. Количественный рост словаря любого языка, в том числе и английского, идет поистине гигантскими темпами.

Как отмечает Токко Н.И., «в наше время английский язык переживает неологический бум» [2, с. 3]. Возникновение новых слов, расщепление значения слова происходит в геометрической прогрессии. Появляется огромное количество новых лексических единиц, а необходимость их описания вызвала возникновение такого раздела лексикологии, как неология.

Известный российский лингвист И.В. Арнольд отмечает следующее: «Неологизмы появляются и функционируют в языке по-разному, а так как лексикон языка постоянно пополняется, со временем новые слова осваиваются носителями языка и переходят из пассивного словарного запаса в активный. И как только новое слово начинает часто употребляться и становится привычным, оно ассимилируется и стилистически уже не выделяется на фоне остальной лексики» [3, с. 56]. Следовательно, можно согласиться с Д. Лайонсом в том, что «освоенные языком новые слова нельзя зачислять в состав неологизмов. Таким образом, термин «неологизм» сужает и конкретизирует понятие «новое слово»: при выделении новых слов принимается во внимание только время их появления в языке, отнесение же слов к неологизмам подчеркивает их особые стилистические свойства, связанные с восприятием этих слов как необычных наименований» [4, с. 46].

В разные годы проблемами неологизмов современного английского языка занимались такие ученые, как Л.Н. Переяшкина, В.И. Заботкина, Токко Н.И. и др. В трудах упомянутых ученых рассматриваются различные аспекты неологии и переводческой науки: способы перевода английских неологизмов на русский язык, факторы и способы образования неологизмов в британской и американской периодической печати, лексико-семантические группы неологизмов.

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод, что неологизмы отражают практически все области жизни современного англоязычного общества, например, с развитием компьютерных технологий, появилось большое количество неологизмов, связанных с их использованием:

applet – a small computer application program, especially one that executes a single task within a larger application;

cybernaut – someone, who uses various devices in order to experience virtual reality;

e-verdict – a judicial verdict communicated through the Internet;

intermercial – an advertisement published in the Internet;

internaut – a habitual user of the Internet;

mouse potato – someone who spends an excessive amount of time in front of the computer, especially who uses it online;

mail bomb – an abnormally large e-mail message, or an abnormally large number of e-mail messages, sent maliciously in the expectation that the receiving computer will be unable to cope.

Большое влияние на появление новых слов оказывает политическая ситуация в мире. Так, например, в период гражданской войны 1991 года в Югославии появилось словосочетание *ethnic cleansing,* которое сегодня прочно вошло в словарный фонд языка. В результате другого известного конфликта 90-х годов на Ближнем Востоке появилось выражение *Gulf War syndrome.* Политика США (не всегда корректная) в отношении некоторых стран привела к тому, что многие военные эвфемизмы стали употребляться в СМИ: *collateral damage, friendly fire, rapid reaction force.*

Неологический бум наблюдается в сфере культурной жизни. Так, в области музыкального искусства возникли следующие слова:

britpop- the music of a loose affiliation of independent British groups showing influences from a variety of British musical traditions;

gabber – a follower of a harsh, aggressive type of house music originating in Rotterdam, characterized by its extremely fast dance beat;

handbag – a form of electronic dance music, derived from house, characterized by its highly commercial appeal, catchy melodies, and an upbeat or euphoric mood;

jungle – a style of a dance music, originating in the beginning of the 21st century, which incorporates elements of raga, hip-hop and techno;

ragga – a style of music derived from reggae and incorporating elements from faster, electronically based styles,

such as hip-hop and techno. An abbreviated form of ragamuffin (a somewhat earlier name for the music), probably influenced by Jamaican raga raga "old ragged clothes";

poptastic – denoting fantastically good pop music, or an atmosphere or background associated with this. British humorous slang; a blend of pop and fantastic. Popularized by the BBC television comedy programme The Harry Enfield Show, in which the term was used as a catchphrase of "Smashie and Nicey", spoof radio disc jockeys.

С лингвистической точки зрения интересны неологизмы, представляющие аббревиатуру или акронимы:

HTML – an abbreviation of Hypertext Markup Language, a specification for generating World Wide Web pages enables the viewing software to display text, images;

MSP – an abbreviation of Member of the Scottish Parliament;

GM – abbreviation of genetically modified or genetic modification;

OMOV – an acronym formed from the initial letters of one member, one vote, a principal of democratic election within an organization;

DWEM – an acronym formed from the initial letters of dead white European male;

TESSA- an acronym formed the initial letters of tax-exempt special savings account;

SoHo – an acronym formed from the initial letters of small office, small house;

FAQ – an acronym formed from the initial letters of frequently asked questions.

Как видно из вышеприведенных примеров, чаще всего неологизмы появляются при помощи суффиксации или словосложения. Так, в частности, слово *applet* образуется при помощи суффикса *-let,* который добавляется к слову *application;* очень продуктивны суффиксы *-ist* и *-ing: consensualist, bushiest, speediest, viagraist, zorbing, puffing, bugging, pharming.* Говоря о словосложении, хотелось бы подчеркнуть, что самыми распространенными моделями являются следующие:

1) noun+noun: poptaste, power-ranger, reaction-force;

2) noun+verb+er: road-killer, job-user, fund-holder;

3) adjective+noun: golden goal, green-sheets, negative equity, radical centre.

Ряд неологизмов образуется путем слияния нескольких основ: *netizen – a blend of net and citizen, feminazi – a blend of feminist and Nazi, internaut – a blend of Internet and astrounaut.*

Анализ газетных текстов популярной англоязычной прессы позволяет выделить новые слова, которые были образованы путем транспозиции из одной части речи в другую:

as if (used as an interjection to express incredulity or disbelief): When Adam's contract was up a couple of summers ago, Spurs and Man Utd fans were all excited at the prospect of signing him. As if! (Sunday Times, 2012);

don't ask, don't tell (used as an adjective designating a policy on homosexuality adopted by the US military in 2012, under which personnel are not asked about their sexual orientation): A particular scrupulous veterinarian may explain it, but others observe a don't ask policy (Boston Globe, 2013);

out (used ac a verb to expose the underclared homosexuality of a prominent or public figure): It's typical of Garber's style that Vice Versa as packed with juicy anecdotes about the sex lives of celebrities. She outs dozens as bi – instead of exclusively straight or gay.

С лингвистической точки зрения особый интерес вызывает способы графического оформления неологизмов. Достаточно большое количество данных языковых единиц оформляется при помощи дефисов, сокращений, прописных букв. Необычный графический образ слова привлекает внимание, акцентирует его новизну.

Анализ фактического материала показывает, что в последнее время наблюдается устойчивая тенденция передавать новые слова при помощи транслитерации: *айфон, айпад, пиар, менеджер-промоутер.* В сложносокращенных словах, как правило, первый элемент, представляющий аббревиатуру, передается при помощи латинских символов: *IT-технологии, sms-сообщение, SD-карта, DVD-диск, flash-карта.*

Подводя итог, необходимо сказать о том, что любой язык находится в постоянном состоянии изменения и развития, он не может быть полностью застывшим, ведь самой формой существования языка является его развитие. За последнее время общественная и политическая ситуация в мире изменилась, все это, естественно, нашло отражение в языке.

Проблема заимствования новых слов всегда очень живо обсуждалась в научных кругах. С одной стороны, переизбыток заимствованных слов вредит языку, с другой стороны, требования информационного общества сейчас таковы, что без неологизмов невозможно представить жизнь современного человека.

К сожалению, современные академические словари не успевают фиксировать огромное количество неологизмов, и очень часто при переводе данной лексической единицы все большое значение имеет контекст его употребления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Заботкниа В.И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1989. 126 с.

2. Токко Н.И. О тенденциях процесса неологизации в современном немецком языке / Н.И. Токко // Значение и функции языковых единиц разных уровней в синхронии и диахронии: Межвузовских сборник научных трудов. Вологда, 1989. С. 3-11.

3. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М.: Просвещение, 1990. 300 с.

4. Волков С.С., Сенько Е.В. Неологизмы и внутренние стимулы языкового развития / С.С. Волков, Е.В. Сенько // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1983. С. 43-57.

5. Антрушина Г.Б. Лексикология английского языка: учеб. Изд. Для студ., 3- издание, стереотипное. М.: Дрофа, 2001. 288 с.

6. Бам Л.М. Дифференциация термина «заимствование»: хронологический и этимологический аспекты // Вестник Московского университета. Филология. Вып. № 4: Изд-во МГУ, 1989. С. 22 -34.

7.Васильева Л.В. Обогащение современного немецкого языка иноязычными заимствованиями: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. 20 с.

8. Мангушев С.В. Изменение лексического состава языка как результат взаимодействия культур (на материале неологизмов русского и английского языков) / С.В. Мангушев// Евразийское Ожерелье. Альманах Общественного института народов Оренбуржья имени Мусы Джалиля. Вып. 10. Изд-во ОГПУ, 2010. С. 220-232.

9. Новый большой англо-русский словарь: в 3-х томах / Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, А.В. Петрова и др. – 4 – е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999. 2484 с.

10. Словарь новых слов и значений в английском языке / Dictionary of New Words and Meanings З.С. Трофимовой АСТ, Восток-Запад, 2006. 320 с.

11. Усова И.В. Современная орфография английских и русских композитов (экспериментально-сопоставительное исследование на материале разностилевых текстов): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2006. 16 с.

12. Хахам Л.А. Основные типы новообразований в современном английском языке и способы их перевода на русский язык: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1970. 22 с.

13. Algeo J. Among the New Words / J. Algeo // American Speech. 1994. P. 80-90.

14. Ayto John. 20th century Words. Foreign Languaue Teaching and Research Press: Oxford University Press,

2002. 767 p.
15. Bayen R.H. Chronicling the Times: Productive Lexical Innovations in an English Newspaper / R.H. Baayen // Languauge, 1996. – P. 69-96.
16. Cannon G. Linguistic analysis of 4250 new meanings and new words in English / G. Cannon // Dictionaries. Journal of the Dictionary Society of North America, 1982. - P. 97-109.
17. Green J. Bloomsburry Dictionary of New Words. M.: Вече, Персей, 2000. 204 p.
18. Lee W.R. New words and phrases in English / W.R Lee // Praxix des neu-sprachlichen Unterrichts. 1992. S. 162-164.
19. Lyons J. Die Sprache. Műnchen: Beck, 1990. 380 s.
20. The Oxford Dictionary of New Words (Paperback) by Sara Tulloch. Elizabeth Knowles, Julia Elliott, 2006. 211 p.

NEOLOGISMS IN MODERN ENGLISH

© 2015

I.V.Usova, candidate of philological sciences, associate professor of the chair «Sociocultural service and humanitarian disciplines»
Don State Technical University in Volgodonsk, Volgodonsk (Russia)

Abstract. The rapid development of human society leads to a huge number of new realities. There is a necessity of the neologisms study, as these language units quickly become active vocabulary. Nowadays English is experiencing neological boom. The emergence of new words, splitting the meaning of the word occurs in a geometric progression. There is a huge number of new lexical units, and the need to describe them caused such section lexicology, as neology. In the works of the scientists involved in the study of neologisms, various aspects of neology and translational science are discussed: ways of translation of English neologisms into the Russian language, factors and methods of formation of neologisms in British and American periodicals, lexico-semantic group of neologisms. Analysis of scientific literature leads to the conclusion that the neologisms reflect almost all areas of life of modern English society. The political situation in the world exercises the great influence on the emergence of new words. Neological boom is either observed in the sphere of cultural life. From the linguistic point of view neologisms representing the abbreviation or acronyms are of the utmost interest. From the author's point of view, neologisms are often appeared by means of suffixation or word-formation. The analysis of newspaper texts of popular English-language press allows to distinguish new words that were formed by transposition from one part of speech to another. From a linguistic point of view, the ways of neologisms graphic image are of particular interest. A sufficiently large amount of data of linguistic units is made using hyphens, abbreviations, capital letters. Unusual graphic image of the word draws attention, focuses its novelty.

Keywords: neologisms; active vocabulary; word-formation models.

УДК 81-112.2

НЕЭМОТИВНОСТЬ КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНОЕ СВОЙСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНО МАРКИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

© 2015

Е.И. Хабирова, кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и романо-германских языков
Челябинский государственный университет, Челябинск (Россия)

Аннотация. В статье рассматривается проблема неэмотивности профессионально маркированных фразеологических единиц. Являясь формально фразеологическими единицами, профессионально маркированные фразеологические единицы функционально характеризуются терминологическим свойством неэмотивности. Профессионально маркированные фразеологические единицы (ПМФЕ), занимая особе место в языке профессиональной коммуникации, своеобразно репрезентируют элементы профессионального знания. В основе фразеологической номинации лежит чувственно-наглядное видение мира. Данный тип номинации опирается на ассоциативное мышление, способность соотносить не только однокатегориальные, но и разнокатегориальные сущности. Уникальность природы ПМФЕ обусловлена сочетанием фразеологических и терминологических свойств. Неоднозначность трактовки статуса образных сверхсловных терминологических комплексов в разных теоретических концепциях обусловлена их двойственной природой: яркой образностью, нехарактерной для терминологических образований в целом, и соотнесенностью со специальными научными или техническим понятиями, отличающей их от ФЕ общелитературного языка и предопределяющей их функционирование в узкоспециальной сфере. Профессионально маркированные фразеологические единицы, характеризующиеся точностью и конкретностью значения, наличием сложного составного понятия, стоящего за каждой единицей, устойчивостью и целостным значением, не выражают эмоционально-оценочного отношения говорящего к объекту высказывания, а также не осуществляют образной номинации эмоций. Метафоры, лежащие в основе ПМФЕ, служат для выявления и обозначения содержательных свойств объектов высокой степени абстракции. Проведенный анализ подтверждает предположение о том, что ПМФЕ характерна неэмотивность. Обозначая сложные понятия профессиональной деятельности, данные единицы обнаруживают у себя свойства терминов и фразеологических единиц. Поскольку ПМФЕ принадлежат к специальной области знаний, ведущими, более значимыми в функциональном плане оказываются терминологические характеристики. С формальной точки зрения, описанным единицы присущи фразеологические свойства. Таким образом, детальное изучение специфики профессионально маркированных фразеологических единиц, в частности свойства неэмотивности, возможно на стыке когнитивного терминоведения и фразеологии.

Ключевые слова: эмотивность; неэмотивность; термин; фразеологическая единица; профессионально маркированные фразеологические единицы.

Изучение специфики фразеологических единиц (ФЕ) сферы профессиональной деятельности волнует ученых уже не один десяток лет. Несмотря на большое количество исследований в этой области, некоторые вопросы остаются до сих пор открытыми. Так, в частности, проблема неэмотивности как отличительного свойства ФЕ языка профессиональной коммуникации до сих пор представляется малоизученной. Кроме того, в русле современной когнитивной парадигмы внимание исследователей фокусируется вокруг единиц языка как носителей знания.

Профессионально маркированные фразеологические единицы (ПМФЕ), занимая особе место в языке профессиональной коммуникации, своеобразно репрезентируют элементы профессионального знания. Уникальность природы ПМФЕ обусловлена сочетанием фразеологиче-

ских и терминологических свойств.

Принцип определения фразеологизма по одному (основному) свойству в лингвистической литературе неоднократно оспаривался. Критические замечания высказывались против каждого отдельно взятого в качестве основного и дифференцирующего признака и самой возможности определения фразеологизма только по одному признаку. Многие исследователи фразеологии считают, что фразеологизм наделен комплексом признаков. «Дифференциальные признаки ФЕ позволяют квалифицировать ее как языковую единицу особого типа (в связи с ее сверхсловностью), в которой, как в узле, тесно переплетаются «нити», идущие из лексико-семантического, синтаксического и морфологического уровней. Многоаспектность этого языкового феномена диктует необходимость при определении лингвистического статуса ФЕ исходить не из одного релевантного признака, свойственного фразеологическим единицам всех типов и отграничивающего фразеологизмы от нефразеологизмов, но учитывать совокупность каких-то признаков» [1, с. 10].

Фразеологическим единицам присущи: идиоматичность, непроницаемость структуры, постоянство состава [2, с. 70]. Фразеологические единицы традиционно относятся к эмотивным единицам языка благодаря их образности, оценочности и стилистической окрашенности. Вслед за А.В. Куниным под эмотивностью мы понимаем «эмоциональность в языковом преломлении, т.е. чувственную оценку объекта, выражение языковыми или речевыми средствами чувств, настроений, переживаний человека» [3, с. 178].

Термины же, в свою очередь, характеризуются номинативностью, принадлежностью к определенной области знания, соотнесенностью с профессиональным понятием.

Поскольку термины составляют ядро языков профессиональной коммуникации, именно они служат главным средством концептуальной ориентации в когнитивно-коммуникативном пространстве, задают направление мыслительной деятельности специалистов, служат одновременно ориентиром мышления и ориентиром деятельности [4, с. 79].

В.М. Лейчик считает, что неоднословные термины и устойчивые сочетания терминов должны являться содержанием терминологических стандартов [5, с. 22]. Развивая тезис о неоднородности номинативных словосочетаний терминологического характера, В.М. Лейчик говорит о том, что на несколькословные термины можно взглянуть и с позиции теории фразеологии.

Как отмечает О.К. Банкова, неоднозначность трактовки статуса образных сверхсловных терминологических комплексов в разных теоретических концепциях обусловлена их двойственной природой: яркой образностью, нехарактерной для терминологических образований в целом, и соотнесенностью со специальными научными или техническим понятиями, отличающей их от ФЕ общелитературного языка и предопределяющей их функционирование в узкоспециальной сфере [6, с. 7].

Г.О. Винокур считает, что в роли термина может выступать всякое слово, имеющее специализированное значение, сохраняющее отрешенность от образных и эмоциональных переживаний, как бы оно ни было тривиально [7].

Б.Н. Головин приходит к заключению, что терминологические словосочетания по структурной организации аналогичны (хотя и не тождественны) свободным словосочетаниям, но по цельности значения и воспроизводимости в речи сближаются с фразеологизмами. Ученый считает, что терминологические словосочетания не обладают многими признаками фразеологизмов: признаком неизменности порядка слов, признаком идиоматичности, экспрессивностью. В то же время Б. Н. Головин отмечает, что терминологические словосочетания с терминами роднит точность и конкретность значения, семантическое единство при равноправии членов терминологического словосочетания, наличие сложного составного понятия, стоящего за каждым термином [8, с. 42-43].

Анализируя фразеологизмы терминологической номинации, М.О. Катамадзе приходит к заключению, что ФЕ могут существовать вне сферы эмоций и субъективных оценок и, следовательно, являться неэмотивными. Автор убедительно доказывает на примерах из немецкого языка, что фразеологические единства, характеризующиеся устойчивостью и целостным значением, не выражают эмоционально-оценочного отношения говорящего к объекту высказывания, а также не осуществляют образной номинации эмоций, т.е. их нельзя считать эмотивами [9, с. 78].

Целью нашего исследования является описание неэмотивности как отличительного свойства профессионально маркированных фразеологических единиц. В рамках данной статьи поставлена задача показать, что ПМФЕ не свойственна эмотивность.

Профессионально маркированные фразеологические единицы в нашем понимании представляют собой сверхсловные устойчивые образования, обладающие свойством идиоматичности, которые принадлежат языку профессиональной коммуникации и объективируют знание, полученное в рамках профессионального опыта в типовых ситуациях профессиональной деятельности. В них отражаются сложные с точки зрения познания объекты и явления профессиональной деятельности, которые не могут быть обозначены однословным наименованием [10, с. 10].

Когда профессионально значимая информация о свойствах предмета не поддается абстрагированию, но потребность в вербальной объективации качественной определенности внеположенного предмета четко осознается специалистами, актуальной оказывается фразеологическая номинация.

В основе фразеологической номинации лежит чувственно-наглядное видение мира. Данный тип номинации опирается на ассоциативное мышление, способность соотносить не только однокатегориальные, но и разнокатегориальные сущности. При этом профессионально маркированные фразеологические единицы вербализуют комплексную информацию о профессиональном объекте, воспринятом номинатором в его нерасчлененной целостности.

Новые знания, вербализуемые фразеологизмом, основываются на предыдущем опыте номинатора, некоторые его аспекты сохраняются в новом качестве, а некоторые вообще игнорируются. В процессе фразеологической концептуализации могут осмысливаться как отдельные предметы и явления, так и целые ситуации [1, с. 72].

Для обозначения сложных объектов и явлений профессиональной деятельности специалисты той или иной области используют фразеологические единицы.

Так, например, в терминологии сферы маркетинга и банковского дела активно функционирует ПМФЕ ***золотой парашют***, которая имеет значение *«обещание выплатить менеджерам крупные суммы в случае увольнения, заключение договоров с очень высокими выходными пособиями»*. ФЕ заимствована из английского языка, ср. ***golden parachute***. В основе номинации данного явления лежит метафорический принцип переосмысления общеупотребительных слов. Ни компонент «*золотой» (golden)*, ни компонент «*парашют» (parachute)* не являются терминами, но именно их сочетание обозначает специальное понятие. Набор ассоциативных признаков, характеризующих выходные пособия в случае увольнения, соотносятся в сознании специалиста с чувственно-наглядным образом *парашюта* как механизма, предотвращающего резкое падение с высоты. Компонент

золотой (благоприятный, ценный) дополняет образ, сложившийся в обыденном сознании. Метафора, которая лежит в основе данного термина, не аккумулирует экспрессивность, а используется для того, чтобы, как отмечает Н.Д. Арутюнова, на основе аналогии «уловить и содержательно определить объекты высокой степени абстракции» [11, с. 12]. С когнитивной точки зрения, при образовании данной ФЕ профессиональное знание накладывается на обыденное. Специализированное значение данной ПМФЕ соотносится с профессиональным понятием и указывает на принадлежность к определенной области знаний. Следовательно, эмотивность в данном случае отсутствует.

В речи профессиональных фотографов можно встретить ПМФЕ ***горячий башмак*** *(из англ. «**hot shoe**»)* – «*контактное устройство для подключения электронной фотовспышки к фотоаппарату*». Метафора *«башмак»* применительно к фототехнике обозначает специальное приспособление, предназначенное для присоединения к фотокамере различных фотографических принадлежностей. *«Горячим»* он называется потому, что оснащен электрическими контактами, соответствующими контактам на «*башмаке»* вспышки и обеспечивающими ее включение при нажатии спусковой кнопки затвора. Когнитивная модель пространства-источника *«горячий»* переносится в пространство-цель «*электрический*». В данном случае обыденное знание, объективированное в общеупотребительном слове *«горячий»,* накладывается на профессиональное знание (наличие электрических контактов в устройстве) при переносе ассоциативных признаков с одного объекта на другой. Именно сочетание компонентов является обозначением специального понятия и позволяет отнести данную единицу к терминологической лексике, которой не свойственна эмотивность.

Аналогичные характеристики были обнаружены нами при анализе русских терминов-фразеологизмов ***рыбий глаз, мертвый сезон, загар пустынный, клеточный ансамбль, биологические часы, мертвый капитал, черные курильщики, пустая порода, черная дыра, бараньи лбы, вещественное доказательство, организованная преступность, дымовая завеса, лобовая атака*** и английских ***kiss roll, boat anchor, passive star, glass ceiling, idiot proof, onion skin, bull's eye, donkey engine, pick-up hook, fakir's bed, fox tail, teardrop body, saucer washer, opinion shopping*** и др. Значение исследованных ПМФЕ не выводится из суммы значений компонентов, но соотносится с профессиональными понятиями, которые вербализуются посредством фразеологической номинации.

Проведенный анализ подтверждает наше предположение о том, что ПМФЕ характерна неэмотивность. Обозначая сложные понятия профессиональной деятельности, данные единицы обнаруживают у себя свойства терминов и фразеологических единиц. Поскольку ПМФЕ принадлежат к специальной области знаний, ведущими, более значимыми в функциональном плане оказываются терминологические характеристики. С формальной точки зрения, описанным единицы присущи фразеологические свойства. Таким образом, детальное изучение специфики профессионально маркированных фразеологических единиц, в частности свойства неэмотивности, возможно на стыке когнитивного терминоведения и фразеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Эмирова А.М. Некоторые актуальные вопросы современной русской фразеологии (Опыт семантического анализа фразеологических единиц): учеб. пособие по спецкурсу для филологов. Самарканд, 1972. С. 10.

2. Голованова Е.И. Особый статус терминов-фразеологизмов в метаязыке науки // Вестн. Омск. ун-та. 2013. № 1 (67). С. 69–75.

3. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Феникс, 1996. С. 178

4. Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2004. 330 с.

5. Лейчик В.М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века // Вопросы филологии. 2000. № 2. С. 20–29.

6. Банкова О.К. Терминологическое значение в английской фразеологии (проблемы формирования и функционирования) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Москва, 1989. 23 с.

7. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. Том V. Сб. Статей по языковедению, 1939. С. 3–54.

8. Головин Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. М.: Высш. шк., 1987. 104 с.

9. Катамадзе М.О. К проблеме неэмотивности фразеологических единиц (на примере фразеологизмов терминологической номинации современного немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8. Ч. 1. С. 77– 80.

10. Шестак Е.И. Профессионально маркированные фразеологические единицы в когнитивно-коммуникативном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Челябинск, 2008. 24 с.

11. Арутюнова Н. Д. Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 12.

12. Мишланова С.Л. Профессиональная языковая личность как категория когнитивного терминоведения // Изменяющийся языковой мир: Доклады Международной научной конференции. Пермь: ПГУ, 2001. С. 13-17.

13. Володина М. Н. Теория терминологической номинации. М.: Изд-во МГУ, 1997. 180 с.

14. Сидоренко К.П. Фразеологизмы терминологического происхождения // Русская речь. № 3. 1978. С. 84-88.

15. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания, 1993. С. 16–21.

16. Суперанская А.В. Общая терминология: Терминологическая деятельность / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. М.: Рус. яз., 1993. 243 с.

17. Хомякова Н.А Эмотивность идиом. http://psibook.com/linguistics/emotivnost-idiom.html

18. Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 Волгоград, 1998. 197 с.

19. Хабирова Е.И. Профессионально маркированные фразеологические единицы в составе языка профессиональной коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4 (041). С. 133-137.

20. Хабирова Е.И. Фразеологическая номинация объектов профессиональной деятельности // Современная филология: теория и практика : материалы XVI международной научно-практической конференции, г. Москва, 2–3 июля 2014 г. / Науч.-инф. издат. центр «Институт стратегических исследований». Москва : Изд-во «Спецкнига», 2014. С. 167– 172.

NEEMOTIVNOST HOW DISTINCTIVE PROPERTIES PROFESSIONALLY MARKED PHRASEOLOGICAL UNITS

© 2015
E.I. Khabirova, candidate of philological sciences, associate professor of the chair of Oriental and Romance-German languages
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk (Russia)

Abstract. The article considers the problem of non-emotiveness of professionally marked phraseological units (idioms). Formally being phraseological units, professionally marked idioms are functionally characterised by the feature of non-emotiveness. Professionally marked phraseological units, taking a special place in the language for professional communication, represent the elements of professional perception in their own way. The phraseological nomination is based upon sensual visual perception of the world. This type of nomination is formed on the basis of associative thinking and the ability to match the things of different categories. The unique nature of the professionally marked phraseological units is caused by the combination of phraseological and terminological properties. The ambiguity of the status of figurative multiword terminological complexes in various theories is caused by their double nature: on the one hand, by their bright figurativeness, not typical of terminological combinations, and, on the other hand, by their relation to a particular special scientific or technical concept, bordering them from the idioms of the common language and predetermining their functioning in the specific area. Professionally marked phraseological units are characterized by the exact and specific meaning, a complicated compound concept, stable and complete meaning. They do not express emotive-evaluative attitude of the speaker towards the object, as well as do not express figurative emotional nomination. Metaphors lying in the basis of professionally marked phraseological units serve to reveal and denote the substantial object features of high degree of abstraction. The analysis held confirms the hypothesis of unemotiveness typical of professional phraseological units. Denoting complex concepts of professional sphere these units reveal the peculiarities of terms and phraseological units. As they belong to a specific sphere of knowledge, the leading functional characteristics are terminological. Formally, the units under consideration are characterized by phraseological properties. Thus, the detailed research of the specificity of professionally marked phraseological units, including unemotiveness, can be studied on the cross-sectorial approach of cognitive terminology and phraseology.

Keywords: emotiveness; non-emotiveness; term; phraseological unit (idiom); professionally marked phraseological units (idioms).

УДК 811.161.2

ФОРМАНТНТАЯ СТРУКТУРА ГЛАСНЫХ В УКРАИНСКОЙ ПЕВЧЕСКОЙ РЕЧИ

© 2015
В. В. Чернышук, аспирантка кафедры современного украинского языка
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Киев (Украина)

Аннотация: Статья посвящена определению основных акустических характеристик гласных украинской певческой речи, в частности специфики их формантной структуры, с использованием экспериментально-фонетического метода. Также описывается высокая певческая форманта как особенность спектра певческих гласных.

Ключевые слова: певческая речь, акустические характеристики, интенсивность, форманты, формантная структура, высокая певческая форманта.

Постановка наукової проблеми та її значення. Вивчення українського усного мовлення із застосуванням експериментально-фонетичного методу в останні роки викликає посилений інтерес широкого кола науковців. Цьому сприяє бурхливий розвиток технічних засобів, що уможливлюють аналіз акустичних характеристик мовлення на сегментному та надсегментному рівнях. Залучення співочого мовлення до масиву об'єктів дослідження експериментальної фонетики дасть змогу глибше осмислити та створити цілісне уявлення про фонетичні риси українського мовлення в усіх його проявах та способах реалізації.

Співоче мовлення як особливий вид мовленнєвої діяльності характеризується низкою специфічних артикуляційно-акустичних ознак. Вокальні прийоми та техніки, що використовуються професійними співаками для породження якісного лункого голосу, побудовані на особливому налаштуванні мовних органів. Це, у свою чергу, зумовлює появу характерних акустичних ознак співочих звуків порівняно зі звуками повсякденного мовлення.

Аналіз останніх досліджень з цієї проблеми. Аналіз лінгвістичних джерел, присвячених вказаній проблематиці, засвідчує недостатній ступінь вивчення акустичних особливостей співочих звуків порівняно з мовленнєвими за допомогою експериментально-фонетичного методу. Загалом вивчати акустичні властивості співочих звуків почали відносно недавно, після появи спеціальних приладів та комп'ютерних програм, що уможливили аналіз фізичної природи звукових явищ. Відомі вчені, які працювали в цій галузі – В. Морозов [1], Л. Дмитрієв [2], І. Алдошина [3], С. Ржевкін [4] – описали роботу мовного апарату людини у співі та зумовлені цим артикуляційно-акустичні риси співочих звуків, зокрема підвищення інтенсивності та зміни у формантній структурі. Проте всі попередні експерименти проводились на матеріалі іншомовного співу, тому для української фонетики зокрема та лінгвістики загалом вивчення акустичної природи співочих звуків у порівнянні з мовленнєвими за допомогою експериментально-фонетичного методу залишається новим та актуальним напрямком досліджень.

Формулювання мети та завдань статті. Метою дослідження є з'ясування основних акустичних особливостей українського співочого мовлення та специфічних рис формантної структури співочих голосних у порівнянні з голосними звичайного мовлення.

Виклад основного матеріалу й обґрунтування отриманих результатів дослідження. Серед змін, яких зазнає звук при переході від мовлення до співу, насамперед відзначають підвищення інтенсивності та зміну формантної структури звуків. Підвищення сили голосу є необхідною умовою творення естетично привабливого, лункого та потужного голосу, аби він вирізнявся своєю силою на тлі музичного супроводу – живого оркестрового чи фонограмного. Втім, як показали попередні експерименти, одного лише зростання інтенсивності виявляється недостатньо. В. Морозов, Л. Дмитрієв та інші зазначали, що два співочі голоси, маючи однакову інтенсивність, можуть сприйматися слухачами як звуки різної гучності. Ще у 1956 році П. Макаров після проведення низки експериментів встановив, що слуховий апарат людини має зону максимальної чуттєвості в діапазоні 2000 – 3500 Гц. Тому особлива енергетична насиченість ділянок співочого голосу на зазначених частотах робить його більш виразним та гучним з погляду сприйняття [1, 2].

Щоб простежити, яким чином відбувається зміна спектральних характеристик звуків у співі українською мовою порівняно з мовленням, було проведено експериментальне дослідження. За допомогою спеціальних комп'ютерних програм із записів звичайного та співочого мовлення українських виконавців виокремлювалось по три випадки реалізацій кожного голосного звука у сильній позиції (під наголосом чи в ізольованій позиції). Серед інформантів були представники різних стилів виконання (академічного та естрадного), різних вікових груп та статі. Отримані уривки мовлення аналізувались із застосуванням спеціальних програм Praat та Cool Edit.

За формулою $\bar{x} = \frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n} x_i = \frac{1}{n}(x_1 + x_2 + ... + x_n)$. було

обчислено середні значення кожної форманти голосних звуків певного вокаліста у звичайному та співочому мовленні (x – середнє значення формантних показників для певного голосного; x_i – формантний показник, n – загальна кількість реалізацій голосного звука, що аналізується, у цьому випадку становила 3 для кожного виду мовлення). Отримані середні значення формант для кожного голосного у співі ($F_{i_{sp}}$ $F_{i_{sp}}$) та мовленні ($F_{i_{movl}}$ $F_{i_{movl}}$) порівнювалися для з'ясування механізму налаштування спектральної структури ($i = [1...5]$ $i = [1 ...5]$). Результати експерименту показали, що рівень перших двох формант у спектрі українських співочих голосних у більшості випадків підвищувався, хоча значення першої форманти змінювалось порівняно несуттєво (до 100 Гц). Третя, четверта та п'ята форманти змінювали своє положення у спектрі звука в напрямку взаємного зближення, утворюючи виражений пік (високу співочу форманту), значення третьої форманти у співі частіше було вищим, а значення п'ятої, навпаки, у переважній кількості реалізацій знижувалось. Появу ділянки особливої енергетичної насиченості у спектрах співочих звуків описували і в попередніх дослідженнях співочого мовлення: ще в 1934 році В. Бартолом'ю встановив, що у професійно поставлених голосах завжди присутні групи посилених високочастотних обертонів (висока співоча форманта) [2, с. 178]. Отже, висока співоча форманта (ВСФ) – це група підсилених обертонів у межах 2000 – 3500 Гц (залежно від типу голосу), що забезпечують лунність та естетичні якості співацького голосу [1, 2, 3]. Значення ВСФ для співу детально описане у працях С. Ржевкіна [4], В. Казанського [4], В. Бартолом'ю [2], Р. Юссона [5], де зазначалось, що від ступеня її інтенсивності залежать важливі естетичні та вокально-технічні властивості голосу співака.

У науковій літературі існують різні думки стосовно механізму формування високої співочої форманти. Так, Є. Рудаков вважав, що ця форманта виникає в результаті проходження повітряного потоку через голосові зв'язки і за своєю природою вона схожа на звичайний свист [1]. Е. Бредлі та Й. Сундберг стверджували, що співоча форманта є результатом особливого пониженого положення гортані [6, 7]. Те, що ВСФ виникає в гортані, вперше припустив ще В. Батолом'ю. Рентгенологічні дослідження, проведені пізніше Л. Дмитрієвим, підтвердили це припущення і показали, що в мовному апараті професійних вокалістів під час співу спостерігається порожнина, розташована між надгортанником та голосовими зв'язками. Ця порожнина завжди чітко відокремлена від глотки опущеним надгортанником та звуженим входом у гортань. Її розміри не змінюються при виконанні різних голосних на всьому нотному діапазоні, що пояснює стабільність частотних значень високої співочої форманти для певного виконавця [2]. Акустична роль такої порожнини як локального резонатора, що формує високу співочу форманту, була також експериментально доведена В. Морозовим [1]. Отримані ним відомості підтвердили думку, що саме порожнина, розташована між глоткою та голосовими зв'язками людини, посилює високочастотні гармоніки (2000 – 3500 Гц) у спектрі голосу [1].

На прикладі співу українських академічних та естрадних виконавців нами було проаналізовано механізми утворення високої співочої форманти. Найперше варто зазначити, що загалом ВСФ частіше спостерігалась у спектрах професійно поставлених академічних голосів. Менш частотною та інтенсивною вона була в естрадному співі (Для порівняння 90% в оперному, 65% в естрадному).

Стосовно частот, на яких спостерігалась висока співоча форманта, та чинників, що впливають на її розташування у спектрі, думки дослідників різняться. Як згадувалось вище, одні (наприклад, І. Алдошина) зазначають, що співочі форманти виникають шляхом об'єднання третьої, четвертої та п'ятої формант з утворенням чітко вираженого піку [3]; інші (наприклад, В. Морозов) стверджують, що у спектрі співочого голосу третю, четверту та п'яту форманти голосних взагалі не варто виокремлювати, натомість доцільніше говорити про низьку (F1 та F2) та високу (F3, F4, F5) співочі форманти, які виникають у різних ділянках спектра залежно від тембру голосу [1]. У результаті наших спостережень також було виявлено тенденцію до залежності частотних показників високої співочої форманти від тембральних якостей голосу співака. Так, було помічено, що чим вищим є голос виконавця, тим вищими будуть і частотні показники високої співочої форманти у його голосі. Розглянемо для прикладу огинальні криві спектрів співочих голосних [е] у виконанні баса Бориса Гмирі (слово «де») та тенора Анатолія Солов'яненка (слово «небо») на рисунку 1.

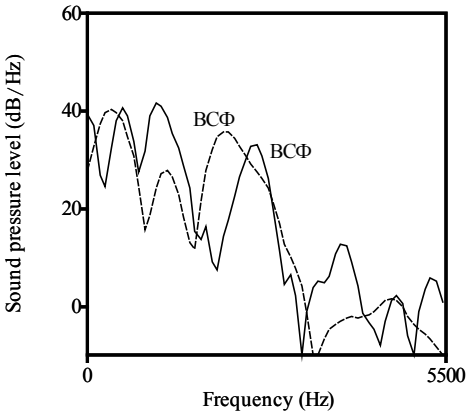

Рисунок 1 – огинальні криві спектрів співочих голосних [е] у виконанні Б. Гмирі (слово «де») та А. Солов'яненка (слово «небо»)

Огинальна спектра співочого голосного у виконанні А. Солов'яненка зображена на рисунку суцільною лінією, а у виконанні Б. Гмирі – пунктиром. Як видно, висока співоча форманта є приблизно однаково інтенсивною в обох випадках, проте в А. Солов'яненка вона має середнє частотне значення приблизно 2600 Гц, а в Б. Гмирі – 2100 Гц. Різниця в розташуванні високої співочої форманти, на нашу думку, пояснюється різним тембральним забарвленням кожного голосу: А. Солов'яненко – тенор, а Б. Гмиря – бас.

І. Алдошина та Ю. Ільїнов зазначали, що висока спі-

воча форманта формується завдяки зближенню третьої, четвертої та п'ятої формант [3, 8]. Проте, в ході нашого експериментального дослідження спектрів співочих голосних траплялись і такі випадки, які засвідчили, що також і друга форманта може утворювати найбільш енергетично насичену ділянку у спектрі співочого звука. Це особливо помітно у співочих голосних високого піднятя [і] та [и]. В огинальних спектрів цих звуків чітко видно, що друга форманта має помітно вищу інтенсивність порівняно зі звичайним мовленням, і разом із третьою та четвертою формантами утворюють так званий пік у спектрі голосу. Варто додати, що серед шести мовленнєвих голосних дифузні за своєю акустичною структурою звуки [і] та [и] мають найбільш енергетично насичені другі форманти. Це, у свою чергу, також сприяє формуванню на їхній частоті високої співочої форманти. На рисунку 2 зображено криву спектру співочого та мовленнєвого голосного [і] (слово «світло») у виконанні естрадного співака Святослава Вакарчука.

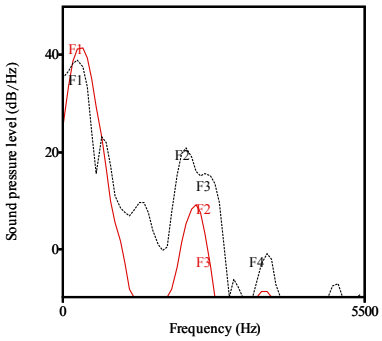

Рисунок 2 – Криві спектрів співочого та мовленнєвого голосних [і] у виконанні С. Вакарчука

Як видно з рисунка, друга форманта співочого голосного (пунктирна лінія) разом із третьою формантою утворюють одну особливо енергетично насичену ділянку, мають вищу потужність порівняно з мовленнєвим голосним та таким чином формують високу співочу форманту. Так само, в огинальній спектра співочого та мовленнєвого голосних [и] (слова «приспані» та «навчив» відповідно) у виконанні оперного голосу, баритона Романа Майбороди видно участь другої форманти співочого голосного (пунктир) в утворенні високої співочої форманти (Рисунок 3)

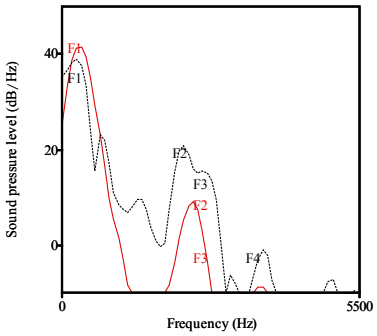

Рисунок 3 – Огинальні криві спектрів співочого та мовленнєвого голосних [и] у виконанні Р. Майбороди

Особливістю високої співочої форманти, що була помічена під час аналізу українського співочого мовлення, було її відносно стабільне частотне значення у кожного виконавця незалежно від артикульованого звука та ноти, що виконується. Для прикладу розглянемо огинальні криві голосних звуків у виконанні Дмитра Гнатюка. На рисунку 4 голосний [а] зображено суцільною лінією (слово «яка»), голосний [о] – пунктирною (слово «глибоке»), голосний [у] – перервною (слово «тут»). Бачимо, що висока співоча форманта розташовується у всіх трьох звуках приблизно на одній і тій самій частоті. Так, ВСФ у спектрі голосного [а] має значення приблизно 2545 Гц, у спектрі голосного [о] – 2595 Гц, у спектрі голосного [у] – 2405 Гц.

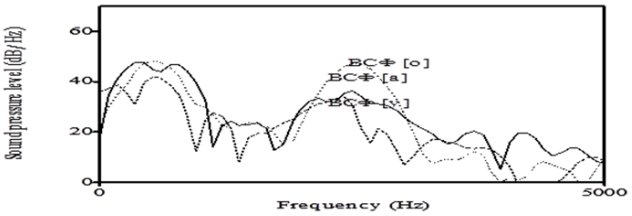

Рисунок 4 – Криві спектрів співочих голосних [а], [о], [у] у виконанні Дмитра Гнатюка

Щоб з'ясувати, чи впливає на частотне значення високої співочої форманти висота співаної ноти, було проведено експеримент, у якому порівнювалось виконання однієї і тієї самої пісні «Ніч яка місячна» виконавцями різного стилю, віку та статі. Було виокремлено уривки співу голосних звуків в одних і тих самих словах, що виконувались на однакових нотах різними співаками. Згодом у спектрах звуків було порівняно інтенсивність та частотне значення високої співочої форманти. На рисунку 5 зображені спектральні криві співочих голосних [а] у позиції під наголосом у слові «коханая» у виконанні оперних співаків: баритона Дмитра Гнатюка (суцільна лінія) та баса Бориса Гмирі (пунктирна лінія).

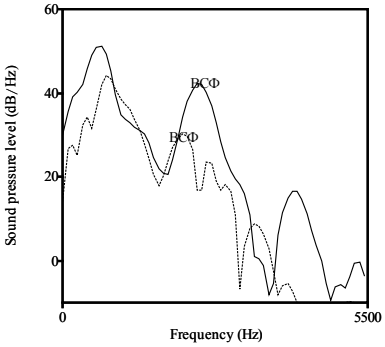

Рисунок 5 – Огинальні криві спектрів співочих голосних [а] у виконанні Д. Гнатюка та Б. Гмирі

Середня частота високої співочої форманти у Бориса Гмирі має значення 2200 Гц, у Дмитра Гнатюка – 2400 Гц. Різниця становить приблизно 200 Гц. Оскільки, за винятком тембру голосу, жодними іншими ознаками, що могли б вплинути на частотне значення високої співочої форманти, аналізовані уривки співу не різнились (виконувались такі самі звуки на такій самій ноті), можемо зробити висновок, що головною умовою розташування високої співочої форманти на тій чи тій частоті є тембр голосу співака.

Висновки і перспективи подальших досліджень. Отже, підсумовуючи результати проведеного експериментального дослідження спектральної структури співочих голосних порівняно з мовленнєвими, можемо зробити такі висновки. По-перше, під час переходу від мовлення до співу спектр голосних звуків зазнає певних змін: зокрема, рівень першої та другої форманти у переважній більшості випадків зростає, третя, четверта та п'ята форманти змінюються індивідуально у кожного співака, проте найчастіше в напрямку взаємного зближення (або шляхом зростання третьої форманти, або через зниження рівня четвертої та п'ятої формант).

По-друге, в спектральних кривих професійних співочих голосів спостерігається висока співоча форманта (група підсилених обертонів на частоті 2000 – 3500 Гц залежно від типу голосу), яка зумовлює такі необхідні властивості співочого голосу як лункість та потужність. Висока співоча форманта частіше спостерігалась у спектрах академічних голосів, менше – в естрадних. Особливістю високої співочої форманти є її стабільне положення у спектрі співацького голосу незалежно від артикульованого звука та висоти ноти. Значення середньої частоти високої співочої форманти зумовлюється насамперед тембральними особливостями голосу співака. У перспективі планується розширення експериментальної бази дослідження та поглиблення вивчення феномену високої співочої форманти на матеріалі записів співу різних стилів із застосуванням експериментально-фонетичного методу.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Морозов В. П. Тайны вокальной речи. Ленинград: Наука, 1967. 203 с.
2. Дмитриев Л. Б. Основы вокальной методики. М.: Музыка, 2000. 368 с.
3. Алдошина И. Основы психоакустики. Часть 17. Слух и речь; Часть 5. Акустические характеристики вокальной речи. // Звукорежиссер, 2002. № 9. Режим доступу : http://www.625-net.ru/arch.htm .
4. Ржевкин С., Казанский В Исследования тембра звука голоса и смычковых музыкальных инструментов. // Журнал прикладной физики. 1928. Т. V. Вып. 7. С. 113–135.
5. Юссон Р. Певческий голос. Исследование основных физиологических и акустических явлений певческого голоса. М.: Музыка, 1974. 262 с.
6. Bradley E. Crosslonguistic perception of pitch in language and music. Delaware: University of Delaware, 2012. 141 p.
7. Sundberg J. The science of the singing voice. Northern Illinois University Press, 1987. 228 p.
8. Ильинов Ю М. Фонетические характеристики вокальной речи: дис. … канд. филол. наук : 10.02.01. Волгоград, 2007. 211 с.

FORMANT STRUCTURE OF VOWELS IN UKRAINIAN SINGING SPEECH

© 2015

V. V. Chernyshuk, postgraduate student of the department of «Ukrainian modern language»
Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv (Ukraine)

Abstract. The article is devoted to the detection of vowels acoustic features in Ukrainian singing speech, particularly special features of their formant structure. The author also describes the high song formant as the singularity of song vowels spectrum.

Keywords: singing speech, acoustic features, intensity, formants, formant structure, high song formant.

УДК 811.161.2’367.332’367

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МОДАЛЬНО-ВРЕМЕННЫХ ПРИЗНАКОВ В НЕЧЛЕНИМЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА

© 2015

А. А. Шиц, соискатель кафедры «Украинский язык»
Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки, Луцк (Украина)

Аннотация: В нечленимых предложениях современного украинского языка темпоральные признаки выражаются опосредованно и коррелируют с деривационно связанными расчлененными конструкциями, предикату которых присущ четкий формальный показатель конкретного времени. По принципу коммуникативно-прагматического назначения и модальной семантики нечленимые высказывания разделяются на следующие группы: с повествовательной, вопросительной, повелительно-побудительной модальностью, с модальным значением вероятности, с эмоционально-оценочным и апеллятивным модальными значениями.

Ключевые слова: нечленимые предложения, категория времени, темпоральность, категория модальности, повествовательная, вопросительная, повелительно-побудительная модальность, модальные значения вероятности, эмоциональной оценки и апеллятивности.

Постановка наукової проблеми та її значення. До проблемних і дискусійних питань сучасної лінгвістичної науки належить дослідження категорійної спеціалізації реченнєвих побудов сучасної української мови. Незаперечний той факт, що будь-яка синтаксична одиниця з’являється в мовленні не випадково, а передовсім із метою позначення відповідної комунікативної ситуації. У такому разі доречно розглядати реченнєві структури в контексті розмовного дискурсу. Особливо важливе застосування вказаних параметрів за умови дослідження категорійної специфіки конструкцій нечленованого різновиду, оскільки сфера їхнього вияву – живе спонтанне діалогічне спілкування, де вони виступають як лаконічні, семантично пов’язані з попередньою реплікою репліки-відповіді, що реалізують інтенцію мовця та характеризуються наявністю специфічного комунікативно-прагматичного потенціалу. Крім особливих правил функціонування, побудови нечленованого зразка вирізняються з-поміж інших речень особливістю вираження їхніх синтаксичних категорій, зокрема часу й модальності.

Аналіз останніх досліджень з цієї проблеми. У сучасній лінгвістиці категорії темпоральності та модальності неодноразово були предметом наукового студіювання. Послуговуючись термінами *морфологічний і синтаксичний час, темпоральність, аспектуальність, таксис*, формальні та функційно-семантичні параметри часу як визначальної категорійної одиниці, що стосується різних мовних рівнів, докладно описали О. Бондарко [1; 2], Г. Золотова [3], С. Полянський [4], Н. Семенова [5], К. Городенська [6], О. Бондар [7], В. Барчук [8], Т. Слободинська [9] та ін. До не менш досліджуваних питань належить вивчення категорії модальності, якій присвятили праці В. Панфілов [10], В. Бондаренко [11], В. Гак [12, с. 113-119], Г. Нємець [13], Н. Гуйванюк [14] Н. Костусяк [15, с. 291-356] та ін. У вказаних та низці інших лінгвістичних студій темпоральність і модальність розглянуто у зв’язку з членованими реченнями, натомість нечленовані побудови перебувають поза увагою вчених. Порушена проблема ускладнена й тим, що розглядані структури позбавлені чітких формальних показників, які беруть участь у маркуванні зазначених категорійних одиниць.

Формулювання мети та завдань статті. Мета статті полягає у визначенні особливостей репрезентації часових і модальних значень у нечленованих реченнях сучасної української мови. Відповідно до задекларованої мети визначено такі завдання: 1) з’ясувати специфіку

вияву часових ознак у конструкціях нечленованого різновиду, розглянувши їх на тлі препозитивних членованих побудов; 2) вирізнити структури, у яких порушена кореляція темпорального зв'язку між нечленованим реченням та попередньою реплікою; 3) відповідно до комунікативно-прагматичної мети нечленованого висловлення вирізнити типи модальних граматичних значень.

Виклад основного матеріалу й обґрунтування отриманих результатів дослідження. Зорієнтованість сучасної лінгвістики на комунікативну компетенцію та прагматичні параметри мовних одиниць дала змогу глибше й докладніше дослідити функційні можливості нечленованих реченнєвих побудов. Важливим аспектом їхнього опису виступає чіткий акцент на інтенції адресанта як творця мовленнєвого акту. Саме комунікативні наміри мовця та засоби їхньої вербалізації відіграють першорядну роль у конструюванні синтаксичних одиниць, спеціалізація яких безпосередньо пов'язана з модально-часовими характеристиками. Попри те що зазначені параметри притаманні різним за ступенем членування конструкціям, за своєрідністю вияву модально-темпоральних ознак вирізняються побудови, позбавлені внутрішнього формально-синтаксичного та семантико-синтаксичного поділу. Виконуючи «комунікативну функцію в нерозчленованій формі» [16, с. 374], речення зазначеного зразка відбивають стосунок сказаного до дійсності, проте не безпосередньо, а опосередковано, оскільки на відміну від конструкцій членованого різновиду позбавлені категорії предикативності в її традиційному витлумаченні. Хоч зазвичай вказану категорійну величину витлумачують як комплексну одиницю, структуровану категоріями часу й модальності, проте водночас зауважують, що з формально-синтаксичного боку вона «вказує на взаємозв'язок (взаємозалежність) підмета і присудка у двоскладному простому реченні» [17, с. 61]. За цією ознакою нечленовані конструкції відрізняються від членованих насамперед абсолютною нерозкладністю на члени речення.

Як відомо, формальний вияв категорії часу пов'язують із предикатом двоскладного чи односкладного речення. Оскільки в нечленованих структурах цей компонент відсутній, то часові значення в них виявлені іншим способом. За нашими спостереженнями, темпоральні ознаки в нечленованих конструкціях зазвичай корелюють із часовими параметрами співвідносних із ними членованих побудов, у яких наявний чіткий формальний показник конкретного часу. Наприклад, значення теперішнього часу нечленованих речень *Мабуть*; *Отож* можна визначити, розглядаючи їх у зв'язку з попередніми реченнями, структурованими предикатами у формі теперішнього часу: – *Мало ж ти мене знаєш. – Мабуть* (О. Гончар); – *Та ще й зараз палить, як на екваторі. – Отож* (О. Гончар). Відповідні кореляції виявлені за умови функціонування інших часових форм: – *Цієї ночі Київ бомбили... – Невже?* (Г. Тютюнник); – *Займалися спортом? – запитала вона, усміхнувшись замилувано оглядаючи м'язисте, з широкими плечима і тоненькою талією, смугле, як дуб, тіло Тимка. – Ні…* (Г. Тютюнник) (значення минулого часу); – *Втомився, Мокію? – запитав тихо. – Лишимо тобі заміну. Поїдеш з нами. Одіспишся в спокої. Поп'єш з братчиками варенухи. <···> – Ні, отамане* (Ю. Мушкетик); – *То ти й обідати не прийдеш? – Ні, – якось сердито відповів Оксен…* (Г. Тютюнник) (значення майбутнього часу). Доказом висловленого теоретичного положення варто вважати наявність поряд із нечленованим реченням семантично співвідносної з ним членованої структури, що містить предикат із чітко вираженою часовою ознакою: – *Кудись збираєшся? <···> – Ні, – відповіла вона. – Нікуди не збираюся, – відповіла вона* (В. Шевчук); – *А будеш мене обзивати? – Ні, не буду* (Г. Тютюнник); – *Гм, сам Бог посилає їх нам в руки, – тихо, сам до себе, промовив Ігор, а потім запитав: – Вони вас помітили? – Ні, не помітили* (В. Малик).

Певна нівеляція темпорального зв'язку між нечленованим реченням та попередньою реплікою наявна тоді, коли до її складу входить позбавлений часових ознак предикат у формі спонукального чи наказового способів. За такої умови нечленована побудова зазвичай опосередковано пов'язана з майбутнім часом, що часто увиразнюють предикати, засвідчені в наступних репліках: – *Як бачимо, ти маєш досвід писати вірші про царів, – помовчавши, лукаво мовив ректор. – Отож сідай за оду. – Ні, – кинув зло Григорій і повернувся, аби піти* (В. Шевчук); – *Але ж я не сказав про похід Святославові! – Тоді не йди! – Ні, ні, я цього не зроблю! – вигукнув Ігор* (В. Малик).

Спрямованістю до граматичного значення теперішнього часу позначені нечленовані речення, що експлікують миттєву реакцію мовця на певну позамовну ситуацію. Такі структури позначенні яскраво вираженим емоційно-експресивним забарвленням: – *У морехідці, звісно, не мед, – стримано сказав Ягнич. – Бачити морехідку на параді в безкозирках, у стрічках – то одне… А коли воно, хлопченя, в бурю сидить ото на палубі та, ще не вміючи, руками школярськими зачищає сталевий кінець – то морехідка інша… Там у нього всі руки в крові… – Ой лишечко!* (О. Гончар); – *Які ми люди, ми кріпаки… – Тьху! – розізлився уже Тарас* (В. Шевчук).

Крім опосередковано вираженої категорії часу, нечленовані речення безпосередньо пов'язані із категорією синтаксичної модальності. Т. М. Колокольцева з цього приводу слушно наголошує: «Перебуваючи в позиції реплік-реакцій, вони [комунікативи. – А. Ш. (за нашою термінологією, нечленовані речення)] здатні вміщувати в собі пропозиційний зміст репліки-стимулу, ускладнюючи його модусними значеннями. Відзначимо, що в більшості випадків семантизація комунікативів відбувається внаслідок впливу близького препозитивного контексту» [18, с. 67]. Аналізуючи синтаксичну модальність як складник надкатегорії модальності, Н. М. Костусяк вважає її складною суб'єктивно спрямованою та комунікативно-прагматичною одиницею синтаксису, що актуалізує ситуацію мовлення [15, с. 298]. На переконання дослідниці, «комунікативний акцент передбачає потрактування її як категорії, яку не можна розглядати поза межами комунікативного акту, оскільки саме в безпосередньому стосунку і ситуацією мовлення, у процесі мовленнєвої взаємодії вона реалізує своє значення. Прагматичні особливості синтаксичної модальності знаходять вияв насамперед у конкретній мовленнєвій ситуації, на основі ґрунтовного аналізу якої можна визначити семантику повідомлюваної мовцем інформації й відповідно з'ясувати питання про роль указаної категорії в певному мовленнєвому контексті» [15, с. 298].

Зважаючи на вказаний спектр диференційних ознак синтаксичної модальності, комунікативно-прагматичне призначення та модальну семантику, нечленовані конструкції об'єднуємо в такі групи:

1) із розповідною модальністю. Розглянуті висловлення відповідно до їхнього конкретного комунікативного спрямування, сукупності прагматичних завдань і результатів структурують дві діаметрально протилежні групи – із модальними значеннями ствердження і заперечення, яким притаманна низка семантичних різновидів. З огляду на зазначені параметри слід розмежовувати синтаксичні одиниці зі: а) стверджувально-розповідною модальністю, яку, крім конструкцій на зразок *Так*; *Звичайно*, експлікують побудови, що репрезентують звукове різноманітність навколишнього світу, наприклад: – *Наші діти доглянуть нашу старість. – Так…* (С. Процюк); – *Тоді на добраніч, – Тая посміхнулася. – Угу. – На нього наплинула одвічна його похмурість* (П. Загребельний); – *А-а-а! – десь крикнув сич, й одразу стало тихо* (В. А. Шевчук). До сфери цих синтаксичних одиниць варто зарахувати також нечленовані побудови з додатковим модальним значенням впевненості, достовірності: – *От коли виросту, помагатиму всім... а*

найперше бідним. Вони ж не винні, що бідні. – Звичайно (М. Олійник); б) заперечно-розповідною модальністю, що репрезентують заперечення того, чим цікавиться співрозмовник, категоричну незгоду мовця із міркуванням, висловленням іншої особи, заперечення певних дій, вчинків, обставин, заборону, спротив діям чи намірам адресата: – *Сьогодні у Власівці випав дощ... Він зараз же йшов на заперечення: – Е, ні, ні, у Власівці дощу не було! Це ти брешеш* (Г. Тютюнник); – *Ви вже помирилися? – Ні!* (В. Слапчук); – *Ти вмієш читати? – Ні, – мусив я зізнатися* (В. Слапчук);

2) із питальною модальністю, які моделюють запит про щось або кого-небудь із метою розширення інформації адресанта. Апелюючи до адресата, мовець використовує питальні конструкції для реалізації низки прагматичних завдань, що слугує базою розмежування їхніх конкретних модальних значень: а) власне-питального, зокрема й із додатковими чітко вираженими відтінками ствердження та заперечення: – *У цій кімнаті інакше пахне. – Невже?* (В. Слапчук); – *А я вас, колего, давно виглядаю, – Анатолій подав чи то мокру, чи то спітнілу долоню. – Навіть трохи змерз. – Справді?* (В. Слапчук); – *Гадаєте, багата? – А то ні? Не табунщицю ж бере Заверган – ханову доньку* (Д. Міщенко); б) питально-спонукального: – *Кралику! Ти добрий! Ти хороший! – Ну і?..* (С. Процюк);

3) із наказово-спонукальною модальністю, які маркують категоричне спонукання до дії, розпорядження, вимогу, бажання мовця привернути увагу осіб, що зазвичай перебувають недалеко, чи експлікують різні завдання мовця щодо руху людей, домашніх тварин, птахів: – *Ану брись! – здалеку крикнула жінка* (В. Слапчук); – *Тс-с-с! – Нафіса затулила Хюсамові рот* (Р. Іваничук); – *Хочеш, я зараз доведу тобі протилежне?! – Ану ж!* (С. Процюк); – *Тільки ж від грязюки своєї, злодюги, і в ванні не відмієтесь, – казав далі Ягнич, даремно шукаючи в темряві переходу між купами глеюватого, розгаслого ґрунту. – Ану які ви там є?.. – Чш!.. – знов пошепки застеріг Оксен. – Не встрявайте, ну їх!..* (О. Гончар); – *Гись! Гись! – кричить Тарас, помітивши у панській гречці двох баранів* (В. Шевчук); – *Цабе! Цабе! – звернув з дороги. – ...Тпр-ру, сиві. Приїхали!* (В. Шевчук);

4) із модальним значенням вірогідності, які виражають припущення, можливість із погляду мовця, наприклад: *Чого вони ждали? На що сподівалися? Золота й шовків, захоплених в Козлові та Бахчисараї? Можливо. <···> Молитви в церкві за боже воїнство, що заступило рідний край від супостата? Мабуть* (Ю. Мушкетик);

5) з емоційно-оцінним модальним значенням: *А ще релігійний спосіб мислення, тільки замість Ісуса Христа – Карл Маркс. Бр-бр!* (С. Процюк); *Й смішно! Й, виявляється, наша розмова настрій покращила. Це ж під яким кутом зору потрібно розглядати проблему?! Жах! Жах!* (В. Слапчук); – *Клас! – вона заходиться реготом* (В. Слапчук). Модальна модифікація нечленованих структур такого зразка найбільш розгалужена, оскільки пов'язана з відображенням найрізноманітніших позитивних чи негативних емоцій. Перебуваючи в конкретних текстових умовах, такі висловлення набувають чіткої модальності, зокрема експлікують задоволення, здивування, радість, уболівання, співчуття, жаль, сумнів, обурення, рішучість, байдужість, глузування тощо, наприклад: – *Та оце хочу запитати – чи усі тут злодії? – Ти ба! – здивувався отаман. – Гострий маєш язик* (Ю. Мушкетик); – *Ох, ох, – простогнав Балабан. – З чим ви проти них ідете? З Євангелієм? Католики теж його мають...* (Р. Іваничук); *На смерть загнав коня, а козака врятував. Тьху! Врятував отаке ледащо!* (Ю. Мушкетик);

6) з апелятивним модальним значенням, до складу яких входять формули мовного етикету, зокрема вітання, прощання, подяка: – *Доброго ранку! – привітались обидва* (М. Олійник); – *Слава Богу, – привітався тихо отець Григорій* (В. Шевчук); – *Тарасе, здрастуй! – заговорила Оксана першою* (В. Шевчук).

Висновки і перспективи подальших досліджень. Отже, у сучасній українській мові нечленовані побудови позбавлені низки ознак, притаманних конструкціям членованого різновиду. Попри це вони мають стосунок до визначальних категорійних параметрів речення як центральної синтаксичної одиниці, зокрема в певних контекстуальних умовах виступають, хоч і опосередковано, носіями часових та модальних значень. Класифікаційну сітку модальності висловлень нечленованого різновиду формують розповідна, питальна, наказово-спонукальна модальність, модальне значенням вірогідності, емоційно-оцінне й апелятивне модальне значення. На перспективу вбачаємо докладний опис нечленованих побудов кожної з указаних груп.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 208 с.

2. Бондарко А. В. Общая характеристика семантики и структура поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / отв. ред. Бондарко А. В. М.: Книж. дом «Либроком», 2011. С. 234-242.

3. Золотова Г. А. Категория времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. 2002. № 3. С. 8-29.

4. Полянский С. М. Одновременность / разновременность и другие типы таксисных отношений // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / отв. ред. Бондарко А. В. М.: Книж. дом «Либроком», 2011. С. 243-253.

5. Семенова Н. В. Семантика таксиса: концептуализация и категоризация. Великий Новгород: НовГУ, 2002. 265 с.

6. Городенська К. Г. Онтологічні параметри граматичних категорій способу та часу // Мовознавство. 1997. № 1. С. 39-43.

7. Бондар О. І. Темпоральні відношення в сучасній українській літературній мові: система засобів вираження. Одеса: Астропринт, 1996. 192 с.

8. Барчук В. М. Граматична темпоральність: Інтервал. Час. Таксис: монографія. Івано-Франківськ: Сімик, 2011. 416 с.

9. Слободинська Т. С. Таксис в українській мові: універсальні характеристики та специфічні риси. Вінниця: ПП Балюк І. Б., 2011. 404 с.

10. Панфилов В. З. Категория модальности и её роль в конструировании структуры предложения // Вопросы языкознания. 1977. № 4. С. 37-48.

11. Бондаренко В. Н. Виды модальных значений и их выражение в языке // Филологические науки. 1979. № 2. С. 54-61.

12. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка: синтаксис М.: Высшая школа, 1986. 221 с.

13. Немец Г. П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1991. 187 с.

14. Гуйванюк Н. В. Комунікативна модальність в усно-розмовному дискурсі // Лінгвістика: зб. наук. праць. – Луганськ: Вид-во ЛНУ ім. Тараса Шевченка. 2010. № 3 (21). Ч. ІІ. С. 86-94.

15. Костусяк Н. М. Структура міжрівневих категорій сучасної української мови: монографія. Луцьк: Волин. нац. ун-т ім. Лесі Українки, 2012. 452 с.

16. Вихованець І. Р., Городенська К. Г. Теоретична морфологія української мови: Академ. граматика української мови / за ред. чл.-кор. НАН України І. Р. Вихованця. К.: Унів. вид-во «Пульсари», 2004. 400 с.

17. Вихованець І. Р. Граматика української мови. Синтаксис. К.: Либідь, 1993. 368 с.

18. Колокольцева Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2001. 260 с.

ОСОБЛИВОСТІ РЕАЛІЗАЦІЇ МОДАЛЬНО-ЧАСОВИХ ОЗНАК У НЕЧЛЕНОВАНИХ РЕЧЕННЯХ СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

© 2015

А. А. Шиць, здобувач кафедри «Українська мова»
Східноєвропейський національний університет імені Лесі Українки, Луцьк (Україна)

Анотація. У нечленованих реченнях сучасної української мови темпоральні ознаки виражені опосередковано й корелюють із деривaційно пов'язаними членованими побудовами, предикатові яких притаманний чіткий формальний показник конкретного часу. З огляду на комунікативно-прагматичне призначення та модальну семантику нечленовані висловлення структурують такі групи: із розповідною, питальною, наказово-спонукальною модальністю, із модальним значенням вірогідності, з емоційно-оцінним й апелятивним модальними значеннями.

Ключові слова: нечленовані речення, категорія часу, темпоральність, категорія модальності, розповідна, питальна, наказово-спонукальна модальність, модальні значення вірогідності, емоційної оцінки й апелятивності.

PECULIARITIES OF MODAL-TIME TREATS REALIZATION IN NON SEGMENTED SENTENCES OF MODERN UKRAINIAN LANGUAGE

© 2015

A. A. Shyts, researcher at the chair of «Ukrainian philology»
Lesya Ukrainka Eastern European National University, Lutsk (Ukraine)

Abstract. Non-segmented sentences of modern Ukrainian language have temporality treats that are reflected indirectly and that correlate with derivation connected segmented structures. Its predicate is characterized by a clear formal parameter of a particular time. Taking into account communicative pragmatic purpose and modal semantics, non-segmented expressions structure the following groups: with a narrative, interrogative, imperative modality, with modal value of probability of emotional evaluation of appeal and modality values.

Keywords: non segmented sentences, time category, temporality, modality category, narrative, interrogative, imperative modality, modal value probability of emotional evaluation and appeality.

УДК 81′371

СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ «СТЕПЬ» КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТА «ОРЕНБУРГ» (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ XIX-XX ВВ.)

© 2015

Т.А. Юдина, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка
Оренбургская государственная медицинская академия, Оренбург (Россия)

Аннотация. В статье рассматривает понятие «концепт» как единица мыслительной деятельности и определяется через языковые значения единиц. Приводится описание одного из ключевых семантических компонентов концепта «Оренбург» - «степь». Концепт – термин, служащий объяснению единиц мыслительных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека. Концепт как единица мыслительной деятельности определяется через языковые значения единиц, составляющих концепт. Он может быть вербализован различными способами, целым комплексом языковых средств, систематизация и семантическое описание которых позволяют выделить когнитивные признаки и когнитивные классификаторы, которые могут быть использованы для моделирования концепта. Любой художественный текст представляет собой некое семантическое пространство, понимаемое как ментальное образование, в формировании которого участвует литературное произведение с определенным набором языковых единиц и читатель, интерпретирующий текст. Семантическое пространство художественного текста включает в себя эксплицитные и имплицитные смыслы. Определение всего объема семантических признаков, связываемых со словом в сознании носителя языка, позволяет представить «психологически реальное» значение. Исследование семантики языковых единиц позволяет репрезентировать в языке концепт и получить доступ к содержанию концепта. В современной науке концепт рассматривается как совокупность семантических компонентов и когнитивных характеристик. Концепт «Оренбург» представлен несколькими семантическими компонентами, одним из которых является семантический компонент «степь». Целью данной статьи является описание семантического компонента «степь» концепта «Оренбург» в художественных произведениях русских писателей XIX-XX вв.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; концепт; семантический компонент; языковая картина мира; художественный текст.

В последние годы в современной филологии достаточно интенсивно развивается когнитивная лингвистика, направленная на моделирование картины мира и устройство языкового сознания. Картина мира представляет собой целостный образ мира, который считается результатом всей духовной активности человека. Разновидностью картины мира является языковая картина мира, поскольку все, что происходит в жизни людей, в окружающем их материальном мире, закрепляется в языке и прежде всего в семантике и грамматических формах. Весь накопленный опыт человек трансформирует в концепты.

Концепт – термин, служащий объяснению единиц мыслительных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека [1, с. 106]. Концепт отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания в виде «квантов» знания [2, с. 55].

Концепт как единица мыслительной деятельности определяется через языковые значения единиц, составляющих концепт. Он может быть вербализован различными способами, целым комплексом языковых средств, систематизация и семантическое описание которых позволяют выделить когнитивные признаки и когнитивные классификаторы, которые могут быть использованы для моделирования концепта [3, с. 20]. Концепт – своего рода посредник между словами и экстралингвистической действительностью [4, с. 102]. Один концепт может быть представлен целым спектром слов и выражений, пословиц, поговорок, текстами, ассоциациями, вызываемыми этими словами.

Любой художественный текст представляет собой некое семантическое пространство, понимаемое как ментальное образование, в формировании которого участвует литературное произведение с определенным набором языковых единиц и читатель, интерпретирующий текст. Семантическое пространство художественного текста включает в себя эксплицитные и имплицитные смыслы.

Определение всего объема семантических признаков, связываемых со словом в сознании носителя языка, позволяет представить «психологически реальное» значение. Исследование семантики языковых единиц позволяет репрезентировать в языке концепт и получить доступ к содержанию концепта.

В современной науке концепт рассматривается как совокупность семантических компонентов и когнитивных характеристик. Концепт «Оренбург» представлен несколькими семантическими компонентами, одним из которых является семантический компонент «степь».

Целью данной статьи является описание семантического компонента «степь» концепта «Оренбург» в художественных произведениях русских писателей XIX-XX вв.

Мы проанализировали 450 поэтических и 138 прозаических текстов, содержащих описания Оренбурга, его окрестностей, достопримечательностей и др. Весь материал составляет 1681 единицу и объединен в 7 семантических групп, одной из которых является «степь».

Семантический компонент «степь» имеет два денотативных значения. В поэтических текстах значение «безлесное пространство» выражено отдельной лексемой степь (В. Багров, А. Возняк, М. Герасимов, Р. Герасимов, А. Коваленков, Г. Красников, О. Крюкова, В. Одноралов, Н. Пашков, А. Тепляшин, С. Щипачев), словосочетаниями степная сторона (Л. Исаков), степь печальная (М. Михайлов), *степи волнистые* (С. Аксаков), *степь унылая* (А. Плещеев), *степь бесплодная* (О. Крюкова), *степь угрюмая* (О. Крюкова), *вольная степь* (Л. Исаков), *дикая степь* (Л. Исаков), *весенняя степь* (М. Герасимов), *степь суровая* (Н. Клементьев).

В оренбургских поэтических текстах выделено 17 единиц (учитывая повторы) выражения значения степь, в большинстве случае воплощенного в форме именительного падежа единственного числа, хотя встречаются формы дательного падежа единственного числа (по степи), а также формы множественного числа *(степи)*.

В словосочетаниях, характеризующих безлесное пространство, наблюдается тенденция к «очеловечиванию» степи, что проявляется в следующих эпитетах: печальная, унылая, угрюмая, вольная, молчаливая.

В прозаических текстах значение «безлесное пространство» представлено, прежде всего, как и в поэтических текстах, лексемой степь, которая встречается в прозаических текстах 26 раз (С. Аксаков, В. Даль, Н. Каразин, Г. Коновалов, В. Короленко, П. Краснов, О. Крюкова и др.), а также лексемами долина (С. Аксаков, В. Маканин, Н. Степной), *луга* (С. Аксаков, Г. Коновалов, Г. Успенский). Данный компонент выражен и словосочетаниями ровная степь (М. Михайлов, Н. Степной), *пустынная степь* (О. Крюкова), *большое степное пространство* (С. Аксаков), *безлесная и волнообразная бесконечная равнина* (С. Аксаков), *равнина необозримой степи* (С. Аксаков), *пространство голой, ровной, безводной земной поверхности* (С. Аксаков), *на степной стороне* (В. Даль), *голая, однообразная и сухая степь* (В. Даль), *почерневшая и нахмурившаяся степь* (Н. Степной), *в безлесной* и голой пустыне (В. Даль), *пустынные места* (П. Кудряшев), *гладкие равнины* (С. Аксаков), *луга, пышные и густо заросшие* (Г. Успенский), *сочные, зеленые луга* (В. Даль), *прекрасные луга* (П. Кудряшев), *роскошные луга* (С. Аксаков), *прелестные степные луга* (С. Аксаков), *заливные луг* (С. Аксаков). Среди данных словосочетаний присутствует ярко выраженное олицетворение нахмурившаяся степь. Тенденция к «очеловечиванию» степи, замеченная в поэтических текстах, в прозаических текстах менее выражена, что связано с особенностями поэтического языка, стремлением поэтов к образности.

Другим важным денотативным признаком является «часть России», который в поэтических текстах подчеркивается принадлежностью пространства Оренбургскому краю как части России: степи Оренбургские в произведениях А.Фатьянова, *Уральская земля* в произведении Г. Красникова.

Денотативный признак «часть России» в прозаических текстах, как и в поэтических, подчеркивается принадлежностью пространства Оренбургскому краю как части России, но выражен большим количеством экспликатов: пустынная даль за Уралом (М. Авдеев), *ты затопило целый край России* (М. Авдеев), *степные места в Оренбургской губернии* (С. Аксаков), *нераспаханная степь в Оренбургской губернии* (С. Аксаков), *пространство от границ Вятской и Пермской губерний* (С. Аксаков), роскошные пажити и пастбища оренбургских степей, предгорий Урала (Н. Каразин), *от Урала в глубь степей* (В.Правдухин), *Уральская степь* (В. Правдухин), *Оренбургская степь* (Н. Чертнова), *необыкновенно живописная долина речки* Губерли (Н. Каразин), *долина* Губерли (Н. Каразин), *зауральские окрестности Оренбурга* (А. Крюков), *в Оренбурге и степных окрестностях* (В. Даль), *Оренбургский край* (М. Авдеев, Г. Успенский), *Оренбургская губерния* (М. Авдеев, С. Аксаков), Багрово (С. Аксаков), Оренбуржье (И. Уханов), *селение Ивановка* (И. Коннов), *город Бугуруслан* (С. Аксаков), *Новое Багрово* (С. Аксаков), *деревня* Нойкино (С. Аксаков) и др. В целом, данный денотативный признак представлен 28 номинациями (из поэтических текстов мы выделили только две номинации).

Таким образом, представление любого концепта заключается в описании семантических и когнитивных компонентов. Одним из семантических компонентов концепта «Оренбург» является «степь», который в поэзии представлен лексемой степь и сочетаниями степная сторона, степь печальная, степи волнистые, степь унылая, степь бесплодная, степь угрюмая, вольная степь, дикая степь и др.; в прозе этот же компонент обозначен словосочетаниями ровная степь, пустынная степь, большое степное пространство, безлесная и волнообразная бесконечная равнина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 272 с.

2. Петров В.В. Структуры значения: логический анализ. Новосибирск, 1979. 142 с.

3. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.

4. Маслова В.А.Современные направления в лингвистике. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 272 с.

5. Воркачев С.Г. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 17, вып. 2. Краснодар, 2003. С. 268–276.

6. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996. 104 с.

7. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // ИАН СЛЯ. 1993. Т. 52, № 1. С. 3 – 9.

8. Лукин В.А. Концепт истины и слово ИСТИНА в русском языке (Опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) // ВЯ 1993. № 4. С. 63 - 86.

9. Вежбицкая А. Семантические универсалии и

описание языков. М., «Языки славянской культуры», 1999. 783 с.

10. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. 191 с.

11. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика. М. «Языки русской культуры», 1995. 767 с.

12. Антология концептов. Под ред И. Стернина, В. Карасика. М., Гнозис, 2011. 352 с.

13. Нерознак В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск, Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 80 – 85.

14. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. –2-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2001. 992 с.

15. Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: Сборник статей к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой. М., 2007. С. 606-622.

SEMANTIC COMPONENT “STEP” AS A KEY CONCEPT OF “ORENBURG” (ON THE BASIS OF ARTWORK XIX - XX CENTURIES)

© 2015

T.A. Yudina, candidate of philological sciences, assistant professor of the chair « Russian language»
Orenburg State Medical Academy, Orenburg (Russia)

Abstract. the article considers the notion of “concept” as a unit of mental activity and is defined through the language unit values. Describes one of the key semantic components of the concept “Orenburg “steppe”. The concept is the term used to explain units of thought or mental resources of our consciousness and the information structure, which reflects the knowledge and experience of the person. The concept as a unit of thought is determined by language unit values that make up the concept. It can be verbalized in different ways, a whole set of language tools, classification and semantic description which allows to allocate cognitive symptoms and cognitive classifiers that can be used for modeling of the concept. Any artistic text is a kind of semantic space, understood as mental education, the formation of which involved a literary work with a specific set of linguistic units and the reader interprets the text. The semantic space of the artistic text includes explicit and implicit meanings. Determination of the total volume of the semantic characteristics associated with the word in the minds of native speakers of the language allows to represent “psychologically real” value. The study of the semantics of language units allows to represent in language concept and to gain access to the contents of the concept. In modern science, the concept is seen as a set of semantic components and cognitive characteristics. The concept of “Orenburg” presents several semantic components, one of which is the semantic component of “steppe”. The purpose of this article is to describe the semantic component “steppe” concept “Orenburg” in the works of Russian writers of the nineteenth and twentieth centuries.

Keywords: cognitive linguistics; the concept of the semantic component; language picture of the world; the artistic text.

УДК 13:37.013.73

ФОРМИРОВАНИЕ МОДУСА БЫТЬ В ИНКЛЮЗИВНОМ ОБРАЗОВАНИИ

© 2015

Е.Л. Яковлева, доктор философских наук, кандидат культурологии,
профессор кафедры «Философия»
Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: Объектом исследования статьи становятся распространенные в современном обществе потребления два модуса экзистенциального проявления личности, впервые заявленных в концепции Э. Фромма – человек имеющий и человек бытийствующий. Оба типа, проявляя себя в пространстве социального, имеют различную метафизику, что высвечивается на ментальном уровне, восприятии знаний, взаимодействии с людьми, отношении к власти и понимании статусности, трансформациях досуга и сакральной сферы. Анализ человека бытийствующего и человека имеющего выявляет их положительные и отрицательные черты, что в итоге дает право утверждать: человек в модусе иметь являет собой кажимость и кризисность бытия, а человек в модусе быть обладает потенциями к развитию и преодолению препятствий. Именно система инклюзивного воспитания и образования способна сформировать человека в модусе быть, что делает ее актуальной ценностью. Поэтому распространение системы инклюзивного образования может привести в будущем к появлению нового типа социума – общества инклюзивного, способного преодолевать кризисы, тотальную отчужденность и ситуацию «войны всех против всех». Единицей инклюзивного общества является человек бытийствующий, выступающий в качестве ценности высшего порядка.

Ключевые слова: модус иметь, модус быть, человек имеющий, человек бытийствующий, общество потребления, изменения ментального уровня, инклюзивная среда, восприятие знаний, взаимодействие с людьми, отношение к власти, трансформации досуга, понимание статусности, трансформации сакральной сферы, инклюзивное воспитание и образование.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Экономические отношения современности, пронизывающие собой все сферы бытия человека, приводят к *экономике понимания,* что создает благодатную почву для проявления человеческих пороков, в том числе таких как корыстолюбие, жадность и алчность. В условиях интенсивного развития общества потребления их характер становится довольно специфическим: под влиянием жажды власти и денег активизируется *модус иметь* человеческой жизни. Дух общества потребления, ориентированный на жадность и накопительство, навязывает определенную модель *современной*/со-*временной* жизни, рождая иллюзию достатка в Нечто в виде огромного количества нереально-реальных/реально-нереальных развлечений. Подчеркнем, практически все они оказываются симулятивными, и не дают удовлетворения, все больше вуалируя Нечто как фундаментально-глубинную основу бытия. Подобная жизнь в эпоху гламура, пропагандирующего безумно-бездумный роскошный стиль жизни, не соответствующий уровню жизни большей части населения России, рождает иллюзию *модуса быть*, являясь *модусом иметь*, тем самым подстраивая человека к обществу потребления, где «*обладание* представляется функцией нашей жизни», а «кто ничего *не имеет*, тот ничего собой не представляет (тот и не *существует*)» [1, с. 29].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы. Анализу общества потребления и бытию человека в нем посвя-

щено достаточное количество работ [2, 3, 4, 5]. Помимо этого, инклюзивный человек как неформатная личность исследуется психологами, педагогами и социологами [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17]. Человек с позиций Э. Фромма в модусах иметь и быть не был взят в ракурс подобных исследований, построенных на пересечении проблем общества потребления и инклюзивной образовательной среды.

Формирование целей статьи (постановка задания). В связи с этим в рамках нашего концепта проанализируем модусы человеческой жизни *иметь,* базирующемся на обладании, и *быть,* связанном с проживанием испытаний и проявлением экзистенции. Как справедливо считал Э. Фромм, *иметь* и *быть* – «два основных типа ценностных ориентаций личности, два способа существования человека в мире, две различные личностные составляющие, преобладание которых в индивиде определяет его как целостность со всеми мыслями, чувствами и поступками» [1, с. 44]. В зависимости от способа бытия мы выделяем две разновидности человека, которые обозначим терминами – «*человек имеющий»* и *«человек бытийствующий»* (в концепции Э. Фромма – «человек экзистенциального типа»). Подчеркнем, оба типа различны по своим метафизическим и жизненным проявлениям. Опираясь на предложенные Э. Фроммом два модуса бытия, рассмотрим человеческие проявления по отношению к инклюзивной среде и инклюзивному образованию.

В качестве *рабочей гипотезы* выдвинем следующие положения. Во-первых, ***в модусе иметь заложен потенциальный заряд к отрицанию и игнорированию инклюзивной среды***, потому что «человек с ориентацией на «иметь» относится к миру, как хозяин к собственности, к своему имуществу», его жизненное кредо – «я хочу всех и вся, в том числе и самого себя, сделать своей собственностью» [1, с. 44]. Жизненная установка на модус иметь исключает из своей орбиты Других, способствуя, в том числе моральной, деградации личности.

Во-вторых, модус быть как противоположность кажимости, связанной с модусом иметь, утверждает «подлинное, естественное, реальное существование индивида в отличие от мнимого, «показушного образа жизни»» [1, с. 45]. Именно ***модус быть, включающий в свое бытийное поле Других, связан с жизненным процессом как активностью, движением и становлением***. Люди, в основе жизни которых лежит модус быть, активно воспринимают окружающий мир и Других/нетипичных, живо интересуясь ими, искренни в своем умении радоваться жизненным проявлениям и творчески подходят к решению проблем, видя в них перспективы для развития/саморазвития.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Массовая ориентация на модус иметь приводит в современном обществе не к лучшим ***трансформациям***, изменяющим человеческий код. Подчеркнем, что изменения, в первую очередь, касаются человека имеющего, чья жизнь сконцентрирована на прибыли, накоплении собственности и потребности власти, являя собой в большей степени иллюзию/кажимость жизни, но не ее суть. Человек бытийствующий благодаря своей шкале ценностей, целостности и самодостаточности оказывается устойчивым, сопротивляясь разного рода препятствиям. Другое дело, что в современном обществе потребления, нацеленном на обогащение, исключающем духовные ценности и предлагающем их заменители, таких людей становится все меньше. В связи с этим, необходимо проанализировать метафизику модусов иметь и быть, сравнить их, обозначая параметры трансформаций.

Во-первых, происходят *изменения ментального уровня*, связанные с работой памяти, мышления и речи. Человек, живущий в модусе быть, постоянно тренирует свою память, запоминая мельчайшие подробности событий/фактов/лиц. К ретроспективному процессу воспоминания, органичному его природе, он вовлекает одновременно разум и чувства, что создает объемную, всеохватывающую панораму прошедшего. Неслучайно его жизненные воспоминания представляют собой «*активную деятельность*, при которой человек оживляет в своем сознании слова, идеи, образы, картины, музыку и т.д.» [1, с. 53]. Ко всем жизненным проявлениям человек бытийствующий проявляет неподдельный *интерес*, стремясь познать и запомнить каждый эпизод.

Человек имеющий вспоминает пассивно, отчужденно, бледно. Его жизненный интерес однообразен – он связан только с получением прибыли/благ, апатично и равнодушно воспринимая все иное, не связанное с обогащением.

Выстраивая стратегию своего поведения, человек бытийствующий «надеется на то, что он есть, что он живет и мыслит и может создать что-то новое, если наберется мужества расслабиться» [1, с. 58]. Он креативен во всех жизнедеятельных ситуациях, а духовная составляющая целенаправленна не только на самопроявление, но и помощь Другим. Человек бытийствующий всегда помнит, что он ответственен и за смысл своей жизни, который он ищет сам. Именно смысл как ключевой вектор жизни направляет его во всей деятельности.

Иная ситуация складывается в жизни человека имеющего, который «заранее мысленно прикидывает свою цену» и «надеется на то, что он *имеет*» [1, с. 57, 58]. Для достижения цели, имеющей выгодную подоплеку, он подключает определенный театральный арсенал – артистизм своей натуры. Подчеркнем, этот артистизм – наигран, лжив и симулятивен. Он пропитан лицемерием и угодничеством, а значит, рождает иллюзию о человеке.

Затрагивая проблему активности и пассивности как ментальной установки личности необходимо расставить следующие акценты. Человек бытийствующий даже в своей созерцательности оказывается активным, потому что задействованными в этот процесс оказываются его ум, интеллект и интуиция. Подобная сокрытая от всех людей жизнь, связанная с внутренним покоем и духовным познанием, ведет к душевному здоровью и благополучию. Человек имеющий, проявляя активность, связанную с бесконечным потреблением, оказывается пассивным и отчужденным от всего существующего, что способствует его страданиям. Таким образом, *активная пассивность* человека бытийствующего и *пассивная активность* человека имеющего выступают в качестве своеобразных показателей психического здоровья личности, о чем писал еще Б. Спиноза. «Наша душа творит нечто (проявляет активность), а от чего-то она страдает (пассивность). Другими словами, пока душа наполнена адекватными идеями, она обязательно активна, но как только она наполняется неадекватными идеями, она неизбежно страдает» [18, с. 121]. Согласно Б. Спинозе, активность связана с природной сущностью человека и его естественными желаниями, что приводит к благополучию, свободе, разумности, самосовершенствованию и радости, в то время как пассивность обусловлена деформированными влияниями, влекущими за собой иррациональность, горе, беспомощность. Более того, философ приходит к неутешительному выводу: человека, проявляющего себя под воздействием иррациональных страстей, можно назвать душевнобольным. «Когда корыстолюбец думает только о деньгах, а тщеславный – только об известности, их не считают безумцами, ибо они обычно очень надоедливы и заслуживают презрения, доходящего до ненависти. В *действительности* же жадность, тщеславие, стяжательство – это определенные виды безумия, хотя они и не числятся в списке болезней»» [18, с. 195].

Этические взгляды Б. Спинозы перекликаются с концепцией Э. Фромма и нашей классификацией людей. Активный тип личности Б. Спинозы есть человек в модусе быть, который сегодня находится на грани исчезновения и, как правило, трактуется в рамках общества по-

требления и его определяющего типа – человека имеющего (спинозовский пассивный тип) как ненормальный.

Во-вторых, метальные трансформации приводят к *иному восприятию знаний* и отношению к ним. В модусе быть человек, познавая и критически осмысляя происходящее, пытается «дойти до сути», проникая «в глубь явлений, постепенно приближаясь к истине» [1, с. 67]. Человек в модусе быть рационально и функционально подходит к знанию: оно для него выступает не только в качестве познания действительности, но и решения множества проблем, возникающих, в том числе, при взаимодействии с Другими.

Для человека имеющего знание носит поверхностный и даже иллюзорный характер, информация воспринимается некритически. Человек, проживающий жизнь в модусе иметь, нацелен на то, чтобы больше знать, но при этом уровень знаниевой информации у него поверхностен и работает только на его личные амбиции, не включающие Других.

В-третьих, модусы иметь и быть по-разному ориентируют человека на *взаимодействие с людьми*. Человек имеющий к окружающим людям испытывает одновременно страх, связанный с потерей того, что он имеет, и завистливое соперничество, основанное на жадности: состояние вечной войны нарушает гармонию взаимоотношений между людьми и мирное сосуществование, тем самым попирая этические законы и требования. Человек в модусе иметь своей высшей целью видит «полнейшее приспособление к требованиям рынка», что сказывается на его отношении к Другим, где царит равнодушие и отчуждение. Как справедливо замечает К. Маркс, «частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является *нашим* лишь тогда, когда мы им обладаем, то есть когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т.д., – одним словом, когда мы его *потребляем*… Поэтому на место *всех* физических и духовных чувств стало простое отчуждение всех этих чувств – чувство *обладания*. Вот до какой абсолютной бедности должно было быть доведено человеческое существо, чтобы оно могло породить из себя свое внутренне богатство» [19, с. 120].

Человек бытийствующий строит свои взаимоотношения на даре и исповедальности, связанных с совместным переживанием бытия и его смыслов. Его отношения с людьми основаны на этических заповедях, благодаря чему проявляется священное благоговение перед Другим.

В-четвертых, ориентация на модус иметь рождает *качественно иное отношение к власти*. Человек имеющий эгоцентричен: он исключает всех из центра мироздания, кроме себя. Это ведет к трансформациям внутри взаимоотношений, где любой индивид, превращаясь в неодушевленный объект, рассматривается как средство достижения целей и амбиций человека имеющего. Вследствие этого создается нездоровая, патологическая ситуация социального, где человек имеющий как деструктивная личность в результате своих манипулятивных действий, основанных на власти, вымогательстве и оппортунистическом поведении, способствует появлению других деструктивных личностей, множащихся в пространстве.

В-пятых, изменения на ментальном и образовательном уровнях влекут за собой *трансформации досуга*. Человек, живущий в модусе быть ищет продуктивные и смысловые формы проведения свободного времени. Он акцентирует внимание на внутреннем сопереживании всего происходящего с ним и Другими, не боясь, возникающих барьеров (интеллектуальных/ценностных/моральных).

В модусе иметь расставляются иные акценты. Здесь человек нацелен на потребление и обладание. Живя и занимая свой досуг развлекательным по форме, но пустым по содержанию, человек имеющий испытывает иллюзорную радость обладания, потому что он не способен «глубже проникнуть в суть человеческой природы или лучше узнать себя» [1, с. 59].

Все перечисленное приводит к шестому виду трансформаций, связанных с *пониманием статусности* в социальном. У человека бытийствующего статус и авторитетность рационализированы, подразумевая знания, компетентность, профессионализм, умение отвечать за принятые решения и действия, нестандартно мыслить и креативно подходить к решению ситуаций. Как правило, человек в модусе быть, несмотря на высокий коэффициент духовности/духовного в широком понимании, приземлен и нацелен на реальное, не отрываясь от действительности.

Человек имеющий подходит к пониманию статуса иррационально, считая, что здесь включаются механизмы авторитарной власти, основанной на диктате, подавлении, эксплуатации с целью личного обогащения. Как правило, статус человека имеющего достигается посредством экономической сделки, связей, тиражированием себя. Внедряя в жизнь статусно-авторитетную программу, человек имеющий не считается с Другими, извлекая из любой ситуации пользу.

Наконец, под воздействием общества потребления происходят *трансформации сакральной сферы* человека, в том числе, *связанные с верой и любовью*. Вера у человека бытийствующего представляет собой, как замечает Э. Фромм, сложное явление, связанное с верой в себя/людей/ситуации/жизнь, где ключевыми характеристиками выступают убежденность, наличие смысловой идеи, внутренняя позиция, гуманность, позволяющие человеку активно самосовершенствоваться и помогать в процессе совершенствования Другим. При этом подобная вера является показателем духовной целостности человека, готовым понять и принять позицию Другого, но при этом оставшись самим собой.

Вера в жизни человека имеющего связана с культом денег/имущества/вещей. В эту «святая святых» проникли экономические отношения. Принимая бесконечные подношения, человек имеющий находится в *состоянии недостаточности* – ему всегда чего-то не хватает, а общество безудержного потребления стимулирует подобное бесконечно-безумным соблазном, что не рождает удовлетворенности и радости бытия. Необходимо подчеркнуть, оправдательная вера в благой акт экономики понимания выступает только в роли кажимости: эта подпорка оказывается весьма неустойчивой для человека, который не имеет мужества быть и проявлять свою самостоятельность без каких-либо связей и власти денежных отношений.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. В результате проведенного сравнительного анализа человека бытийствующего и человека имеющего выявляется качественное различие их метафизики. Человек имеющий живет в полосе отчужденности, рождающей иллюзию бытия: он искусственно действует/мыслит/чувствует, в его жизни все происходит под воздействием современных/со-временных стандартов и внешних факторов. Этот человек не способен и не желает учиться, выстраивать непростые отношения с Другими: в его жизни правят законы экономики понимания.

Иная ситуация складывается у человека бытийствующего, не боящегося преград и трудностей, достигающего всего активностью, направленной на позитивные преобразования не только себя, но и окружающего мира/Других.

Все перечисленное дает нам право утверждать, что человек имеющий не предрасположен к инклюзивной среде, в то время, как человек бытийствующий оказывается гармонично вписанным в нее. Более того, сама ***инклюзивная среда способствует воспитанию и образованию человека в модусе быть***. Только человек бытийствующий способен на равных взаимодействовать и

коммуницировать с Другими, проявляя толерантность, гуманизм и культуру соучастия/со-участия. Именно человек в модусе быть нацелен не только на самосовершенствование, но и помощь Другим, создание позитивного климата в микротопиях своего взаимодействия.

Подчеркнем, проблемы, связанные с модусом иметь, погружают нас в *поле этического и ситуацию морального выбора*, где при достойном воспитании, образовании и позитивном примере образа жизни срабатывает моральный инстинкт человека – *совесть*. Безусловно, ситуация морального выбора является глубоко личной и сокрытой темой, не выходящей на поверхность. Даже анонимный опрос до конца не «приоткроет» истинного лица человека имеющего, сознавшегося в злоупотреблении своими полномочиями и властью. Но ценностно-этический аспект проблемы нельзя исключать из поля внимания, тем более, что в рамках инклюзивной среды моральной составляющей каждого человека уделяется огромное внимание. Ф. Ницше в работе «По ту сторону добра и зла» утверждал, что «нет вовсе моральных феноменов, есть только моральное истолкование феноменов» [20, с. 296].

Современный человек в модусе иметь, утративший моральный инстинкт и не прислушивающийся к голосу совести, не считает свою жизнь и некоторые поступки в ней чем-то недозволенным и аморальным. В его жизни возможно все, а дилемма «моральность – аморальность» полностью снимается. Но подобные проявления влияют на общественное мнение, разрушают государственные/гражданские/социальные/личные ценности, деструктируют систему взаимоотношений, в том числе с Другими, мешая стабилизации ситуации в обществе и деформируя государственную и культурную политику. Все перечисленное подводит к актуализации проблемы внедрения и распространения инклюзивного образования, сфокусировавшего свое внимание на воспитании и образовании человека бытийствующего.

Система инклюзивного образования способствует определенной переориентации человека с модуса иметь на модус быть, развивая в личности потребность к духовному развитию, единению с окружающим миром, причастности к Другим/коллективу/обществу в целом/человеческому роду. Все это помогает преодолеть эгоизм и себялюбие, способствуя избеганию одиночества, отчаяния и страха.

Человек бытийствующий – герой нашего времени, живущий по принципу «*я есть* то, *что я есть*»: «мой внутренний стержень – это способность жить и находить выражение своим сущностным силам – это часть меня, моей личности, моего я» [1, с. 173]. Инклюзия делает ставки на воспитание и развитие интеллектуальных возможностей, нравственных и эмпативных проявлений, творческих потенций, то есть всего того, что составляет основу жизнедеятельности человека в модусе быть и ценностный арсенал инклюзивного подхода к бытию. Человек, взращенный в инклюзивной среде, не боится жизни, испытывая радость от всех бытийствующих проявлений.

Он уверен в себе и испытывает внутреннюю удовлетворенность, которой чужд комплекс неполноценности. Как справедливо утверждает Э. Фромм «человеку экзистенциальной ориентации не страшно жить, его уверенность зависит только от него самого: от его оптимизма, самостоятельности, состояния творческих сил, креативности и работоспособности» [1, с. 174].

Модус быть помогает преодолеть хаос, механицизм и бездушие, тотальную отчужденность современного бытия, жуткую отстраненность человека от человека, ситуацию «войны всех против всех». В модусе быть человек проявляет себя, обретая собственное лицо и выступая в качестве ценности высшего порядка, что способствует появлению нового типа инклюзивного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Фромм Э. Иметь или быть. М.: АСТ: Астрель, 2011.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. - М.: Культурная революция, Республика, 2006. - 269 с.
3. Овруцкий А.В. Феноменология общества потребления //Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. № 1. С. 127-131.
4. Шаровская А.В. Социально-философское исследование смыслового поля общества потребления: методологический анализ//Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 155-159.
5. Шаровская А.В. Специфика самоосуществления личности в смысловом контексте современного общества потребления// Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 1 (25). С. 80-86.
6. Алехина С.В. Поддержка учителя в инклюзивном образовании// Современная зарубежная психология. 2014. Том 3, № 3. С. 5–15.
7. Алехина С.В. Принципы инклюзии в контексте изменений образовательной практики// Психологическая наука и образование. 2014. Том 19, № 1. С. 5–16.
8. Алехина С.В. Принципы инклюзии в практике образования// Аутизм и нарушения развития. 2013. № 1. С. 1–6.
9. Алехина С.В. Мониторинг социально-психологических проблем развития учащихся// Психологическая наука и образование. 2011. № 3. С. 32–40.
10. Зарецкий В.К. О возможности индивидуализации образовательного процесса на основе рефлексивно-деятельностного подхода в инклюзивной практике// Психологическая наука и образование. 2011. № 3. С. 19–26.
11. Малофеев Н.Н. Разработка специального федерального государственного образовательного стандарта (СФГОС) для детей с ограниченными возможностями здоровья: основные положения концепции// Вестник практической психологии образования. 2011. № 1. С. 22–29.
12. Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: СГТУ, 1997. 272 с.
13. Ярская-Смирнова Е.Р., Лошакова И.И. Интеграция в условиях дифференциации: проблемы инклюзивного обучения детей-инвалидов// Социально-психологические проблемы образования нетипичных детей. Саратов, 2002. С. 15-21.
14. Нигматов З.Г., Ахметова Д.З., Челнокова Т.А. Инклюзивное образование: история, теория, технологии. Казань: Познание, 2014. 219 с.
15. Ертанова О.Н. Интеграция и инклюзия в аспекте семантики// Инклюзивное образование: методология, практика, технологии: сборник материалов. М.: МГППУ, 2011. С. 17-18.
16. Райзер Р. Социальный и медицинский подходы к инвалидности// Invisible Children. Report of Joint Conference on Children, Image and Disabilities held on March 1, 1995. P. 55-56.
17. Анализ положения детей в Российской Федерации: на пути к обществу равных возможностей: совместный доклад Независимого института социальной политики и Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ). Режим доступа: http://www.unicef.ru/upload/iblock/b6e/b6e95c80c100fe40629a3024b2a59018.pdf
18. Спиноза Б. Этика. М.: Мир книги, 2010. 480 с.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в пятидесяти томах. Т. 42. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1974. 557 с.
20. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М.: Эксмо, 2012. 848 с.

MODUS BE FORMING IN INCLUSIVE EDUCATION

© 2015

***E.L. Yakovleva*,** doctor of philosophy sciences, candidate of Culturology,
professor of the chair «Philosophy»
Institute of economy, management and law, Kazan (Russia).

Abstract. The object of research articles have become common in today's consumer society two modes of existential manifestation of personality, first announced in the concept of Erich Fromm - a man and a man having bytiystvuyuschy. Both types, expressing itself in the social space, have a different metaphysics that is displayed on the mental level, the perception of knowledge, interacting with people, with regard to power and sense of status, the transformation of leisure and sacred sphere. Analysis of the human person and having bytiystvuyuschego reveals their positive and negative traits, which ultimately gives the right to approve: a man in the mode to have is a Kazhim and crises of life, and the man in the mode has to be potential for development and overcoming obstacles. It is the system of inclusive education and training can shape a person in the mode to be, which makes it the actual value. Therefore, the dissemination of inclusive education can lead to the identification of a new kind of society - a society inclusive, able to overcome crises, total alienation and the situation of the "war of all against all." The unit of an inclusive society is a human bytiystvuyuschy acting as the value of the highest order.

Keywords: modus have, modus be, a person having, a man bytiystvuyuschy, consumer society, changes in mental level, inclusive environment, the perception of knowledge, interaction with people, the attitude to power, the transformation of leisure, understanding of status, transforming the sacred sphere, inclusive education and training.

УДК 281.93 (470.43)

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ И ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА В САМАРСКОМ КРАЕ В XVI - XX ВВ.

В.Н. Якунин, доктор исторических наук, профессор, проректор по инновационной и научно-исследовательской деятельности
Поволжский государственный университет сервиса, Тольятти (Россия)

Аннотация: Изучается история Самарской епархии Русской православной церкви в XVI - XX вв.

Ключевые слова: Самарская епархия, Русская православная церковь, религия, храмы, соборы, церкви, монастыри, духовенство, архиереи, подвижники, мученики, святые.

В 1850 г. императорскими указами были образованы Самарская губерния и территориально совпадавшая с ней Самарская епархия. Активное церковное храмостроительство дореволюционной России и последующее за ним закрытие и разрушение почти всех храмов епархии, расстрелы и аресты православного духовенства и верующих в 20-х-30-х гг. XX в., оживление религиозной жизни периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет и хрущёвские гонения на Церковь, православное возрождение, начавшееся в середине 80-х гг. XX в. и продолжающееся по сей день – всё это требует анализа, изучения, исследования.

Активное церковное храмостроительство начинается на территории будущей Самарской губернии сразу же с основанием Самарской крепости – в 1586 г. была построена первая в Самаре Троицкая церковь с приделом Николая Чудотворца [35, с. 287-288]. Примерно к тому же времени относится основание самарских Спасо-Преображенских мужского и женского монастырей.

В конце XVI – начале XVII вв. хозяйственное освоение Самарского Поволжья начинают крупнейшие московские монастыри: Чудов, Новоспасский, Новодевичий, Воскресенский, Савво-Сторожевский, а также самарский мужской Спасо-Преображенский монастырь. Эти монастыри к концу XVII в. заняли подавляющую часть волжской акватории, основным их промыслом был рыболовный, а Савво-Сторожевский монастырь занимался ещё и солеварением.

Раз «зацепившись» за волжский участок, монастырские власти, как правило, уже не отпускали его. К концу XVII в. в Самарском Поволжье от устья Большого Иргиза и до устья Большого Черемшана сложился огромный промысловый район, основными владельцами которого были богатейшие центральные монастыри: московские Новоспасский, Чудов, Вознесенский, Новодевичий, подмосковный Савво-Сторожевский. Их вотчинные владения охватывали десятки километров, занимая не только волжскую акваторию, но и прилегающие реки и озера.

Монастыри в своей хозяйственной деятельности не ограничивались только промыслами, следующим их шагом в освоении Самарского Поволжья было земледелие. Монастыри переводили на территорию своих новых земельных пожалований крестьян из других вотчин, к ним присоединялись «беглые и гулящие люди». Своим основанием монастырям были обязаны сёла Малыковка (Вольск), Терса, Новодевичье, Архангельское (Новинки).

Феодальное законодательство середины—второй половины XVII в. пыталось сдержать рост церковной собственности ограничило источники его увеличения, но эти препоны легко обходились Церковные феодалы получали землю в пожалованье, как это было с Чудовым монастырем, в «указное число» (московские Вознесенский и Новоспасский), путем обменов, а то и прямых захватов.

Таким образом, в конце XVII — начале XVIII в. на территории Самарского края вдоль Волги, от устья Большого Черемшана и почти по самого Саратова, на самых благоприятных для хозяйственной деятельности территориях сложился район церковно-монастырского земле- и водовладения. Монастыри, ранее занимавшиеся почти исключительно рыболовством, начали все больше внимания уделять сельскому хозяйству, хлебопашеству. На полученные земли переводили крестьян из центральных уездов страны, основывали поселения, из которых впоследствии выросли такие известные города, как Вольск, Хвалынск, Октябрьск, селения Новодевичье, Усолье, Рождествено, Старая Рачейка и др. У большинства монастырей новоприобретенные владения стали крупнейшими среди прочих (до 15—20% населения всех вотчин), являлись поставщиками основных денежных средств и рыбных припасов в метрополию [8; 9, с. 98, 100, 101; 23, с. 151-154].

Помимо активной хозяйственно-экономической деятельности в Самарском Поволжье монастыри занимались миссионерской деятельностью. Монахи Самарского Спасо-Преображенского мужского монастыря в середине XVII в. обратили в христианство 4 мордовские и чувашские деревни [21].

При Петре I происходит секуляризация церковной собственности, но тот вклад, который внесли монастыри в освоение Самарского Поволжья в XVII в., был неоценим [8; 29, с. 39, 58].

Политика религиозной терпимости в отношении старообрядцев Петра III и Екатерины II привела к тому,

что им было разрешено селиться на землях по р. Иргизу [32, с. 191-195]. Ещё до правительственных указов в тех местах расселялись старообрядцы, основывали скиты, монастыри, слободы, занимались рыбными промыслами и земледелием. Следом за старообрядцами пошли в заволжские степи и сектанты, наиболее многочисленным из них были молокане. В сектантских поселках в конце XVIII века проживало 970 человек [26, с. 186-188]. Политика Николая I привела к тому, что в конце 20-х – 30-х гг. XIX в. старообрядческие монастыри были вынуждены перейти в единоверие [20, с. 99-112].

К середине XIX века в семи городах на территории будущей Самарской губернии насчитывалось 20 церквей, всего же православных церквей в губернии было 478 (145 каменных и 333 деревянных), действовали 50 молитвенных домов и часовен. К православным примыкали единоверческие 7 церквей, 3 единоверческих монастыря в Николаевском уезде и 1 молитвенный дом в Новоузенском уезде. В Николаевском и Новоузенском уездах в те же годы располагались 17 церквей и 4 молитвенных дома католиков, 40 церквей и 3 молитвенных дома лютеран. Мусульманских мечетей насчитывалось 217 (каменная одна), большинство из них действовали в Бугульминском уезде (111 мечетей). Иудейские богослужения проводились только в Самаре в специально нанятом верующими помещении. Язычники владели одним зданием (кереметью) в Ставропольском уезде.

Священники Самарского края приложили немало усилий по распространению грамоты и образования среди местных жителей [5, с. 110-117; 27, с. 27-32; 28, с. 13-18]. Их труды помогали преодолевать застарелые стереотипы недоверия к общеобразовательной школе [31, с. 12-21]. В 1836 г. в Самаре было открыто приходское училище, в котором в 1850 г. было уже 160 учеников. Такой приток школьников привел к открытию в городе второго приходского училища в 1852 г. В тот же год в Самаре было заведено духовное училище для детей православного духовенства [3, с. 101-113].

К 1851 г. в Самаре было 7 храмов: во имя Вознесения Господня, Спасо-Преображения, Успения Пресвятой Богородицы, Святой Троицы, Воздвижения Честного Креста, кладбищенская Предтеченская и единоверческая во имя Казанской иконы Божией Матери. Имелась часовни во имя святителя Алексия, митрополита Московского и всея России чудотворца, покровителя города [1, с. 55]. Предание о пребывании этого святого на месте будущей Самары, не известное в его каноническом житии, прочно вошло как в круг традиционных устных представлений местных жителей о своем прошлом [34, с. 4-9], так и стало отправной точкой в исторических трудах по самарскому краеведению [4, с. 229-237]. Среди тех, кто отдавал силы изучению прошлого и настоящего родного края было немало священников, даже сельских [33, с. 65-73].

Вообще, как верно отметили исследователи, «духовенство было самым образованным сословием в России, по крайней мере, по уровню элементарной грамотности» [7, с. 17-19]. Особенно высоким был образовательный уровень городского духовенства. Это позволило обеспечить преподавание Закона Божьего во всех школах, включая приходские, городов, вошедших в новую Самарскую губернию, священниками – воспитанниками семинарий. В самой же Самаре законоучители приходских училищах Николай Цареградский и Михаил Ястребов получили степень кандидата в Казанской духовной академии, а законоучитель уездного училища Иоанн Халколиванов – степень магистра в Московской духовной академии [2, с. 64-72].

Итак, к середине XIX в. Самара постепенно превращалась не только в экономический, но и духовный центр обширного края под определяющим влиянием Русской Православной церкви. Все это дало повод правительству учредить 1(13) января 1850 г. Самарскую губернию [30, с. 220-228] с самостоятельной архиерейской кафедрой.

Новая российская губерния состояла из семи левобережных уездов: Самарского и Ставропольского, перешедших от Симбирской губернии, Бугульминского, Бугурусланского и Бузулукского от Оренбургской, Николаевского и Новоузенского от Саратовской. Площадь её составляла 140370 кв. вёрст, жителей числилось 1304224 душ обоего пола. По вероисповеданию преобладали православные христиане, из других конфессий были представлены мусульмане, лютеране, католики, иудеи, язычники. Духовенство разных конфессий насчитывало 10204 человека.

Епархия в Самарской губернии была учреждена 19 декабря 1850 года под названием Самарская и Ставропольская. Границы Самарской епархии совпадали с границами одноименной губернии. В ноябре 1908 года границы юрисдикции епископа Самарского и Ставропольского были расширены «за изъятием Уральской области в церковном отношении из ведения епископа Оренбургской епархии с присоединением ее к Самарской епархии». Для управления Уральской областью туда был назначен викарий Самарской епархии епископ Николаевский Тихон (Оболенский), с изменением титула на Уральский. В таких границах епархия просуществовала вплоть до 1918 года [25, с. 35].

С учреждением Самарской епархии в 1850 г. в ней было организовано управление в соответствии с установлениями, действовавшими во второй половине XIX в. в Российской Империи и распространявшимися на все православные епархии России. Во главе Самарской епархии находился правящий архиерей, на местах его помощниками были благочинные. Центральным органом епархиального управления являлась духовная консистория. Самарские епархиальные ведомости доносили распоряжения центрального и епархиального руководства на места, освещали события епархиальной жизни. Духовенство являлось социально защищённым сословием. Посредством эмеритальных касс, касс взаимопомощи и пенсионных оно обеспечивалось пенсиями, однако его состав был неоднороден: городское духовенство было обеспечено намного лучше сельского, а уровень жизни духовенства в бедных малочисленных сёлах мало чем отличался от основной массы прихожан. Надо отметить, что такая диспропорция в доходах сохраняется и по сей день. Церковно-приходские попечительства и церковно-приходские советы были призваны улучшить материальное положение приходов, духовенства, прихожан и содействовать строительству, ремонту и украшению храмов, расширению внебогослужебной деятельности Церкви.

В епархии были организованы епархиальные и окружные попечительства для помощи бедным священно- и церковнослужителям, богадельни и приюты для их сирот. Епархия обеспечивала себя свечами, организовав в 1877 г. епархиальный свечной завод, богослужебной и богословской литературой, организовав епархиальную типографию. Эти предприятия, помимо своего прямого назначения, приносили епархии значительную прибыль.

Реформы Александра II затронули и сферу церковного управления. В результате в епархиях России, в том числе и Самарской, стали проводиться общеепархиальные и благочинические съезды духовенства. Первые обсуждали вопросы, касающиеся жизнедеятельности всей епархии, в том числе и экономические. Компетенция вторых ограничивалась уровнем благочиний. После гибели Александра II выборы депутатов на съезды были заменены их назначением только из благочинных.

Важную роль в структуре церковного хозяйства играло землепользование. Оно позволяло церквам и монастырям не только обеспечивать себя продукцией сельского хозяйства, но и сдавать землю в аренду и получать от этого прибыль. Главными источниками доходов городских причтов были общественные пожертвования, государственные субсидии, сдача в аренду помещений,

торговых лавок, усадебной и сенокосной земли.

Источниками доходов как сельских, так и городских церквей, а также монастырей, были: кружечный и кошельковый сборы, продажа свечей, проценты с капиталов, помещённые в банковские ценные бумаги, пожертвования и плата молящихся за исполнение треб. Кроме того, большинство причтов епархии получало казённое жалование. Таким образом, духовенство, за исключением тех, кто служил в малочисленных бедных сельских приходах, было вполне обеспеченным сословием [46, с. 127-129].

В Самарской епархии было развито духовное образование, она обеспечивала не только себя, но и соседние епархии квалифицированными кадрами священнослужителей. В епархии действовали духовная семинария, духовные училища. На местах прихожане могли постичь не только азы православного вероучения, но и грамоты в церковно-приходских и воскресных школах, школах грамоты. Их количество, число учеников на всём протяжении 1851-1916 гг. неуклонно возрастало. Роль Церкви в просвещении прихожан в Самарской епархии до революции 1917 г. была очень велика [22].

Учреждение самостоятельной архиерейской кафедры в Самаре в 1850 г. имело огромное значение для церковной жизни во всей губернии.

Правящий архиерей мог на вверенной ему территории основательнее вникнуть в суть вопроса, имея возможность выехать в тот или иной приход для ознакомления с местной церковной жизнью. Симбирские архиереи бывали в Самаре крайне редко, в других населённых пунктах Самарского края не были вовсе. Теперь, с учреждением Самарской епархии, правящий архиерей за время своего управления имел возможность посетить все её приходы – а их в 1851 г. было около 500. Местное духовенство получило возможность более часто бывать в епархиальном управлении – всё-таки Самара была намного ближе Симбирска, учитывая состояние дорог и транспорта того времени.

Всё это вместе взятое позволяли оперативнее решать вопросы открытия новых приходов, церковно-приходских школ и школ грамоты, церковных библиотек, церковно-приходских советов и церковно-приходских попечительств. Если за 265 лет на территории Самарского края было открыто почти 500 церквей и 50 молитвенных домов и часовен, то всего за 66 последующих лет это количество удвоилось.

Характерно, что, не имея собственной резиденции, епископ Герасим (Добросердов) образовал специальный комитет по обеспечению духовенства квартирными помещениями и земельными угодьями, включив в него влиятельных самарцев.

С 1866 г. во всех церквах епархии были введены воскресные собеседования – прихожанам объясняли смысл православного вероучения, церковных служб, молитв, евангелий, праздников, заповедей. С 1891 г. в районах, где были сильны позиции старообрядцев и сектантов, эти собеседования принимали миссионерский оттенок. Например, священник Троицкой церкви в Самаре Александр Цареградский за 8 лет работы в разных приходах способствовал переходу в православие 28 бывших приверженцев различных сект и ислама [6, с. 13-16]. Для нерусских народностей выпускалась религиозная литература на их родном языке.

Во время постигших губернию бедствий – голодных лет 1873-1874 гг., 1891-1892 гг., 1911-1912 гг. правящие архиереи обращались за помощью в другие губернии, объявляли сбор пожертвований, священники организовывали столовые и чайные для голодающих, нередко в своих домах, бесплатные обеды для учащихся церковно-приходских и воскресных школ. Во время эпидемии холеры в 1892 г. священнослужители знакомили прихожан с мерами предосторожности, распространяли лекарства, оказывали населению первую медицинскую помощь.

Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Самарский епископ Герасим (Добросердов) благословил воинов русской армии на ратный подвиг, а монахини Иверского женского монастыря вышили Самарское знамя – святыню болгарского народа. Но ещё до официального объявления войны с Турцией владыка Герасим благословил создание в губернии славянского комитета, организовал сбор пожертвований братьям-славянам, призывал самарцев вступать в ряды добровольцев.

Из дореволюционных самарских архиереев двое были причислены к лику святых: митрополит Владимир (Богоявленский) – как священномученик, епископ Герасим (Добросердов) – в лике местночтимых астраханских святых и в соборе сибирских святых.

Характерно, что самарские архиереи занимались благотворительностью, из личных средств учреждая стипендии для епархиальных училищ, пополняя фонды церковных библиотек собственными книгами, выделяя деньги голодающим при неурожаях.

Говоря о религиозности населения в предреволюционный период отметим, что она составляла не 100%. В городе отмечались тенденции нигилизма и атеизма, в целом по епархии крепли позиции сектантства, несмотря на активную миссионерскую деятельность. В сельской местности в отдельных приходах народ был равнодушен к Церкви, позволяя священнослужителям служить в рваных ризах в неблагоустроенных храмах. Несмотря на эти явления, большинство населения губернии были православными христианами.

Самарская епархия, образованная в 1850 г. в связи с учреждением Самарской губернии, сыграла исключительно большую роль в формировании духовно-нравственных основ жителей нашего края. Период с 1850 по 1891 гг. – можно назвать временем становления Самарской епархии. Именно в эти годы происходит открытие, становление и развитие епархиальных учреждений, духовного образования, церковно-приходских школ, эмеритальной кассы, свечного завода, церковно-приходских попечительств, миссионерского дела. В эти годы закончилось строительство величественного Воскресенского кафедрального собора и началась его внутренняя отделка, были построены Покровская и Петропавловская церкви в Самаре, количество церквей увеличилось с 500 до 800, шло активное монастырское строительство. К 1891 г. сложились практически все епархиальные институты.

1891-1917 гг. - время расцвета Самарской епархии. Назначение на Самарскую архиерейскую кафедру теперь считалось продвижением по службе, после Самары архиереи стремительно продвигались вверх по карьерной лестнице (епископ Владимир Богоявленский, архиепископ Питирим Окнов). Количество церквей за это время увеличилось с 800 до 1000, были организованы церковно-приходские советы, братство святителя Алексия, в дополнение к эмеритальной кассе была открыта касса взаимопомощи духовенства, стало развиваться трезвенное движение, были учреждены благочинические советы.

В годы русско-японской и первой мировой войны Русская Православная церковь заняла однозначно патриотическую позицию. Иначе и быть не могло: Церковь таким образом выражала себя и как часть государственного института, и как наследница патриотических традиций. Служение Отечеству Церковь всегда воспринимала и как свой гражданский, и как религиозный долг. В годы первой русской революции Церковь поддержала власть своим авторитетом, будучи государственным институтом, но одновременно с этим теряла авторитет среди радикально настроенной части общества. Радикалы так и не смогли простить Церкви её государственническую позицию [18; 19].

К 1916 году в Самарской епархии было свыше 1000 храмов, в которых служило 2366 человек: 48 протоиереев, 1069 священников, 335 диаконов и 914 псаломщиков. Из священников большинство – 773 человека

– окончили духовные семинарии. Духовные академии закончили 16 человек [36; 37, с. 34]. Действовало 1073 церковно-приходских школы, в них училось 64877 человек. В епархии насчитывалось 967 церковных библиотек с общим книжным фондом в 142532 тома. При церквах Самарской епархии находилось 7 богаделен, в которых проживало 186 человек. Содержались они на средства частных благотворителей [24, с. 53; 37, с. 22].

В последующие годы всё то, что было создано кропотливым трудом народа, стараниями правящих архиереев, духовенства Самарской епархии было безвозвратно утеряно. Революционное время не пощадило самарские святыни, за последующие 15 лет практически все храмы губернии будут закрыты, а многие переоборудованы и разрушены. Подавляющее число священнослужителей подвергнутся репрессиям.

В канун 1917 года социально-церковная деятельность в Самарской епархии осуществлялась при поддержке государства и охватывала собой самые широкие сферы — образовательную; благотворительную (обеспечение и призрение нетрудоспособных, больных, раненых, сирот и престарелых); просветительско-миссионерскую; статистическо-демографическую (ведение метрик и исполнение некоторых нотариальных действий). Для достижения этих целей имелась стройная система духовного образования по подготовке соответствующих кадров, существовала и укреплялась материальная база. Правящие архиереи Самарской епархии, её священнослужители сыграли исключительно большую роль в формировании духовно-нравственных основ жителей нашего края. К 1917 гг. Самарская епархия вышла на одни из ведущих позиций в России.

Октябрьская революция коренным образом изменила церковную и религиозную жизнь Самарской епархии, её архиереев, духовенства, верующих на семь с лишним десятилетий. Последствия революции так больно ударили по Церкви отчасти потому, что более 300 лет она была государственным институтом, ассоциировалась с государством и его политикой, а когда прежний государственный строй был сметён, вместе с ним сметённой оказалась и Церковь. Таким образом, государственная Церковь стала своеобразной заложницей свергнутого революцией строя.

Второй причиной непримиримой антирелигиозной политики новой власти была её атеистическая идеология.

И, наконец, советская власть не приминула воспользоваться сложившимися обстоятельствами, чтобы национализировать церковное имущество и собственность.

Церковь с самого начала революции стала идеологическим противником новой власти, она не могла равнодушно взирать на то, как эта власть воплощает свои идеи в жизнь.

В результате в Самарской епархии, как и по всей России, церковная собственность, здания, земли, денежные вклады, даже предметы богослужебного обихода и иконы, представлявшие какую-либо ценность, были национализированы. Духовенство и церковнослужители стали «классово чуждым элементом», отношение к ним было как к врагам новой власти со всеми вытекающими последствиями: расстрелами, арестами, ссылками. Места в новом обществе для них не находилось. Отдельные представители Церкви пытались приспособиться, и первое время не безуспешно, однако впоследствии они оказались преданы той же властью.

С 1918 г. в Самарской епархии начинается процесс закрытия церквей и секуляризации всей общественной жизни. Верующие выражали протест против такой политики организацией крестных ходов и молебнов, которые воспринимались как однозначно антисоветские действия.

Голод 1921-1922 гг., во время которого Церковь попыталась в меру своих сил и возможностей оказать помощь голодающим, используя свой потенциал, в том числе и на международной арене, стал формальной причиной окончательной национализации церковной собственности, теперь уже непосредственно богослужебного назначения. Золотые и серебряные предметы, нередко представлявшие историческую и художественную ценность, изымались, переплавлялись, продавались за границу по цене лома. В результате по Церкви был нанесён страшный удар. Представители духовенства, пытавшиеся создать церковные структуры (комитеты и т.п.) по борьбе с голодом, были арестованы. Власть боялась укрепления авторитета Церкви в глазах народа и верующих.

Секуляризационная антицерковная политика советской власти в конце 20-х – 30-е гг. XX в. вылилась в открытые репрессии против духовенства и верующих и имела своим следствием почти полное уничтожение духовенства и церковнослужителей, а также закрытие практически всех православных храмов. Наиболее активные верующие, сопротивлявшиеся этой политике, также были арестованы. У властей, проводивших открытые антицерковные акции, была своя жестокая логика: оставшись без храмов, безместное духовенство могло потенциально стать оплотом недовольства верующих. Такие священники организовывали тайные церкви и молитвенные комнаты в землянках, у себя в домах и в домах верующих. Поэтому следующим шагом после закрытия храмов было физическое уничтожение безместного духовенства. Власти таким образом надеялись, что оставшись без священнослужителей и храмов, население СССР воспримет атеистическую идеологию и откажется от веры своих предков. Перепись 1937 г. показала, что этого не произошло. Напротив, 2/3 населения СССР показали себя верующими, несмотря на 2 предшествующих десятилетия оголтелой антирелигиозной пропаганды. Отчаявшись уничтожить «религиозные предрассудки» и столкнувшись с проблемой катакомбной церкви, которую было сложно контролировать, власть с началом Великой Отечественной войны «разрешила» Церковь, оставив за ней свой контроль.

Положение Русской Православной церкви, как в центре, так и на местах, изменилось. Прежде всего, она не только потеряла свой привилегированный статус и была отделена от государства, но и пережила жестокие гонения. Церковь лишилась прав юридического лица, собственности и даже возможности оказывать своему народу помощь из первых рук, когда случился неурожай 1921-1922 гг. и голод. Церковь лишилась своих учебных заведений, свечных заводов, эмеритальных касс и касс взаимопомощи духовенства, все её вклады в банках были национализированы. Во время голода 1921-1922 гг. Церковь потеряла своё ценное богослужебное имущество, утварь, всё, что было изготовлено из драгоценных металлов и представляло собой ценность. В этот период процесс закрытия православных храмов под различными предлогами привёл к тому, что из более чем 1000 церквей, действовавших в Самарской губернии до революции, к 1938 г. продолжали действовать лишь 2, да и то в сельской местности: Кинель-Черкассах и Томыловке.

Самым печальным оказалось то, что Самарская епархия лишилась своих пастырей. 3 самарских архиерея были репрессированы и расстреляны вместе с десятками священно- и церковнослужителей, сотнями верующих. 20 августа 2000 года, по завершении юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной церкви, архиепископ Александр (Трапицын) и расстрелянные вместе с ним иереи были причислены к лику святых для общецерковного почитания в Соборе новомучеников и исповедников Российских. Память их определено совершать 14 января, в день мученической кончины святого Александра.

Власть делала всё возможное, чтобы ослабить позиции Церкви, вычеркнуть её из жизни общества. С этой целью поддерживались расколы, смуты, нестроения. В

Самарской епархии наибольший вред Церкви принёс обновленческий раскол, и, прежде всего потому, что обновленцы использовали все силы и средства, чтобы ослабить Русскую Православную церковь: доносы, ложь клевету. Самим своим безнравственным поведением обновленцы отвращали народ от Церкви, были живой карикатурой на служителей культа. Обновленческий раскол был болезненным ещё и потому, что он разделил верующих. Неискушённым в церковных вопросах, неграмотным людям зачастую было очень трудно найти различие между православным каноничным и обновленческим храмом: внешне и храмы, и церковные службы были неразличимы, как и церковные обряды. Таким образом, многие прихожане по неведению отпевали своих близких, крестили детей, заказывали требы у неканоничного духовенства, даже не понимая это, не осознавая, что такие обряды безблагодатны, т.е. не имеют церковной силы. Потребовалось много усилий, чтобы преодолеть обновленческий раскол, избавиться от скомпрометировавших себя священнослужителей. И если во многих регионах и республиках СССР обновленчество как религиозное течение исчезло только к концу Великой Отечественной войны, то в Куйбышевской епархии – уже к её началу [10, с. 129-133; 11, с. 53-59; 12, с. 64-70; 13, с. 89-91; 14].

Что касается григорианского раскола, то, появившись в епархии в конце 20-х гг., он к середине 30-х гг. сошёл на нет и не нанёс такого урона нашей епархии, как обновленческий, да и действовали григориане не столь коварно, как обновленцы, во всяком случае, в нашей губернии.

В результате, к концу рассматриваемого периода, Куйбышевская епархия, как и большинство других епархий нашей страны, представляла собой религиозную пустыню.

К 1938 г. Куйбышевская епархия осталась без правящего архиерея и духовенства, арестованных в конце 1937 г., большинство церквей было закрыто в предыдущие годы, а в тех, что остались, некому было служить. Так, например, на территории Куйбышевской области к 1941 году функционировало лишь 5 православных храмов [40, с. 178].

Только благодаря настойчивости верующих, их многочисленным ходатайствам в различные инстанции стало возможным возобновление церковных служб в 1938 г. Покровской церкви и назначении туда штатных священников и даже в 1939 г. епископа Андрея (Комарова) на место рядового священника. В том, что власть передала Покровскую церковь не обновленцам, захватившим храм ранее, а православным, чувствовалось изменение отношения государства к Церкви, даже на местном уровне. Получив назначение на священническую должность, епископ Андрей (Комаров) отстранил от священнослужения тех, кто по канонам Православной церкви утратил на это право, тем самым вернул доверие верующих к Церкви.

Аресты и расстрелы духовенства, расколы и внутрицерковные нестроения, массовое закрытие церквей – все эти мероприятия, проводимые властью, очень болезненно отразились на Православной церкви, всех верующих, но не смогли достичь главной цели атеистов – православный народ в большинстве своём не отказался от веры, сохранил и сберёг её.

В годы Великой Отечественной войны в Куйбышевской епархии, как и во всей стране, началась активная патриотическая деятельность духовенства и верующих. Государство изменило отношение к Русской Православной церкви как в центре, так и на местах, но, несмотря на это, имели место рецидивы прошлой репрессивной политики. Так, в начале Великой Отечественной войны был арестован архиепископ Андрей (Комаров). Тем не менее, уже через 3 дня после своего скорого освобождения он был назначен правящим архиереем Куйбышевской епархии.

Новая политика имела своим следствием то, что в епархии до конца войны открылось 5 ранее закрытых храмов, а из тюрем, лагерей, ссылок начали возвращаться уцелевшие священнослужители. Многие священнослужители, вынужденные до Великой Отечественной войны работать на гражданской службе, бывшие на покое или на иждивении у своих детей, вернулись к исполнению своих пастырских обязанностей. Великая Отечественная война показала советской власти, что и духовенство, и верующие являются искренними патриотами своей родины, а потому бороться с ними нет никакого смысла, напротив, намного выгоднее их религиозное чувство поставить под жёсткий государственный контроль. Власть оставила Церкви свободу в богослужебной деятельности и перестала поддерживать отколовшиеся от неё группировки, которые без государственной поддержки перестали существовать. Вместе с тем власть сохранила за собой право контроля за внутрицерковной жизнью, но иначе в те времена и быть не могло: контролировались все общественные институты в равной мере. Следствием Великой Отечественной войны было возрождение Церкви, укрепление её позиций в государстве. Верующие, духовенство перестали с той поры быть изгоями общества, став его полноценными гражданами.

В послевоенные годы продолжался процесс укрепления позиций Русской Православной церкви в Куйбышевской области. За 1945-1947 гг. было открыто 12 церквей, заметно увеличилось их посещение. Религиозность на бытовом уровне отмечалась даже в семьях коммунистов и комсомольцев. Вновь открытые храмы ремонтировались и благоустраивались. И всё-таки, несмотря на то, что к православным относило себя большинство верующего населения Куйбышевской области, чувствовался дисбаланс между открытыми храмами и количеством прихожан даже по сравнению с другими религиозными конфессиями. Если к концу 50-х гг. XX в. у мусульман имелось 20 действующих мечетей, то у православных только 19 храмов [38, с. 25; 39, с. 8]. Это соотношение сохранится до конца 80-х гг. XX в. Начиная с 1947 г. власти не позволили открыть ни одного православного храма. И хотя в первые послевоенные годы наблюдался относительный приток прихожан в молитвенные дома, общее количество людей было невелико. Даже в православных церквях (при высоком проценте исповедовавших православие) не наблюдалось наплыва паломников. В будние дни церковь посещали 15-20 прихожан, в выходные – 40-50. Значительное увеличение числа прихожан происходило лишь в дни религиозных праздников, и в основном за счет жителей окрестных районов, не имевших своих молитвенных домов. В такие дни церковь могли посещать до 750-800 человек, но в основном это были представители старшего и среднего возраста [41, с. 148].

Несмотря на жестокие гонения, Церковь в Куйбышевской области уничтожить не удалось. Как только с началом Великой Отечественной войны закончились репрессии в отношении духовенства и верующих, Церковь нашла в себе силы для восстановления и даже укрепила свои позиции, добившись разрешения на открытие 17 храмов. Это дало возможность Церкви пережить хрущёвские гонения и найти импульс для своего возрождения в конце 80-х гг. XX в.

После Великой Отечественной войны, когда отношение государства к Церкви коренным образом изменилось, а Русская Православная церковь смогла укрепить своё положение и усилить позиции в обществе, прежняя религиозная политика по инерции продолжалась до конца 50-х гг. XX в. Её изменение было связано со сменой руководства СССР – на место прагматичного И. В. Сталина пришёл Н. С. Хрущёв, обещавший показать по телевидению последнего священника в СССР. Изменение религиозной политики произошло не сразу после смерти И. В. Сталина – в середине 50-х гг. Н. С.

Хрущёву, занятому проблемой укрепления своего положения на политическом олимпе, было не до Церкви. А в конце 50-х гг., когда все политические противники были повержены, дошло дело и до религиозных организаций, крупнейшей из которых была Русская Православная церковь. Началась активная антирелигиозная пропаганда, сопровождающаяся постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР, кампанией в прессе, атеистической работой в массах.

В борьбе с религией власть не стеснялась никакими методами, в конце 50-х гг. в стране была организована кампания по отречению священнослужителей от сана. Отрёкшиеся священнослужители должны были в СМИ порочить религию и Церковь, выступать с антирелигиозными лекциями в различных аудиториях. Но того эффекта, на который рассчитывали власти, эта кампания не принесла, и вскоре была прекращена.

Другими антирелигиозными акциями конца 50-х – начала 60-х гг. были: работа по распаду «двадцаток» в церковных общинах, имевшая своей целью закрытие храмов, переоборудование зданий недействующих церквей, чтобы верующие не возбуждали ходатайств об их открытии, ограничение колокольного звона, увеличение налогообложения духовенства, пресечение паломничеств в святые места. Некоторые мероприятия, на которых настаивали власти, были прямым вмешательством во внутрицерковную жизнь [17, с. 42-47]. Власти предписывали Церкви снизить стоимость треб, церковной утвари, свечей и просфор, сократить обслуживающий персонал, уменьшить количество церковных служб путём введения выходного дня, сократить численность духовенства, оплачиваемые церковные хоры преобразовать в любительские, в корешках квитанций о венчании и крещении вписывать фамилии и адреса брачующихся и пришедших крестить детей.

Чтобы свести роль настоятеля к исключительно богослужебным функциям и через послушных себе лиц влиять на приходскую жизнь, власти добились того, что в апреле 1961 г. все хозяйственные и финансовые дела в церковных общинах были переданы в руки выборных церковных органов – церковные советы и ревизионные комиссии.

Дошло до того, что власть начала чинить препятствия верующим приходить в храмы с детьми и пыталась наиболее активных прихожан лишить родительских прав.

В эти трудные времена во главе Куйбышевской епархии стояли митрополит Мануил (Лемешевский), а с конца 1965 г. его духовный сын и воспитанник епископ Иоанн (Снычев). Предпринимая колоссальные усилия, они делали всё, чтобы последствия антирелигиозной пропаганды как можно менее болезненно ударили по Церкви и верующим.

Была усилена проповедническая деятельность духовенства, проводилась работа среди верующих, духовенства. В результате хрущёвских гонений, когда некоторые епархии были лишены правящих архиереев, а нередко переставали существовать как самостоятельные единицы, церкви закрывались, Куйбышевская епархия пережила это время с минимальными потерями – была закрыта только 1 церковь в Подвалье.

В Куйбышевской епархии удалось сохранить костяк духовенства, рукополагать новых священнослужителей, посылать молодёжь на учёбу в духовные семинарии и академии [43, с. 154-160].

Со сменой политического руководства СССР 14 октября 1964 г. изменилось отношение органов власти к Русской Православной церкви и верующим. Общая линия на атеистическое воспитание трудящихся осталось, генеральная линия партии в этом вопросе не изменилась, но мелких уколов, придирок по пустякам стало меньше. Атеистическая пропаганда, выставлявшая духовенство и верующих излишне тенденциозно, примитивно, прекратилась. Теперь профессиональные лекторы-атеисты должны были вести антирелигиозную деятельность в массах. Критике подвергалось религиозное мировоззрение, отдельные представители духовенства и верующих, но не вся Церковь и всё священство. К сожалению, проповедническая деятельность духовенства, поставленная под жёсткий контроль государственных органов, к этому времени практически сошла на нет. Духовенство боялось произносить проповеди, сказать лишнее. В результате появилось целое поколение священнослужителей, чьё ораторское мастерство оставляло желать лучшего. С начала 60-х гг. XX в. советское руководство пыталось создать новый тип священнослужителя: безликого пастыря, вся деятельность которого сводилась бы только к богослужебной деятельности и исполнению треб, отстранённого от ведения церковного хозяйства, боящегося сказать яркую проповедь из опасения быть замеченными соответствующими органами. Но этого не произошло, свидетельство тому – последующее православное возрождение.

Перестройка, начавшаяся в 1985 г. и приход к власти нового политического руководства СССР во главе с М. С. Горбачёвым, коренным образом изменили положение Русской Православной церкви в обществе, изменились и сами государственно-церковные отношения. Уже в 1985 г. верующие Куйбышевской области почувствовали перемену курса: впервые за годы советской власти в епархии была построена новая церковь в Тольятти, хотя и под видом реконструкции старой.

Торжества по случаю 1000-летия Крещения Руси дали мощный импульс православному возрождению, продолжающемуся и в наши дни. В 1987 г. впервые за 40 лет в епархии началась регистрация новых приходов, к руководству приходами, особенно в областном центре, пришли молодые, образованные настоятели, которые умели говорить яркие, содержательные проповеди, могли активизировать верующих, привлечь в Церковь молодёжь.

Поместный собор Русской Православной церкви 1988 г. вернул настоятелям полномочия в руководстве финансово-хозяйственной деятельности приходов. Власть перестала вмешиваться во внутрицерковные отношения, с сентября 1989 г. приходы епархии всю отчётную документацию, в том числе и финансовую, направляли только в епархиальное управление.

Православные приходы получили возможность открытия воскресных школ, богаделен, осуществления благотворительной, просветительской и миссионерской деятельности.

Период 1985-1993 гг. характеризуется тем, что руководство, как в центре, так и на местах перестало дистанцироваться от верующих и их проблем, напротив, оно осознало, какой потенциал может принести сотрудничество с Церковью. И если в начале рассматриваемого периода было невозможно себе представить посещение советским функционером действующей церкви, то с начала 90-х гг. XX в. это стало повседневным явлением. Не наша компетенция судить об искренности религиозных чувств таких руководителей, но то, что это пошло на пользу Церкви – неоспоримый факт. За период с 1985 по 1993 гг. количество православных приходов в Самарской епархии увеличилось в 6 раз, с 18 до 100 приходов, количество православных священнослужителей в 2,5 раза – с 40 до 100 человек. В епархии остро встал вопрос о подготовке кадров священнослужителей, которых катастрофически не хватало.

Период 1993-2013 гг. знаменуется позитивными изменениями в церковно-общественной жизни. Прежде всего, в 1994 г. было открыто Самарское духовное училище, преобразованное в 1997 г. в духовную семинарию. Благодаря этому количество священнослужителей в епархии с 1993 г. увеличилось в 4 раза, составив более чем 400 человек. За этот период более чем в 3 раза увеличилось количество православных приходов. Появилось 6 монастырей. Стала разветвлённей структура епархиального управления: на сегодняшний день действуют

10 епархиальных отделов. Выходит более чем 50 православных печатных изданий – как самостоятельных, так и вкладышами в светские издания, 11 православных программ на телевидении и 10 на радио.

В епархии имеется свой журнал – «Духовный собеседник», церковно-исторический музей, сеть духовно-просветительских центров, воскресные школы, организованы межвузовские кафедры православной педагогики и теологии, православная классическая гимназия в г. Тольятти. Заканчивается строительство православного института в г. Тольятти. В школьную программу учебных заведений вводятся курсы «Основы православной культуры», «Основы религиоведения», «История религий». На базе СИПКРО и Самарской духовной семинарии ведётся подготовка учителей курса по «Основам православной культуры», а на базе СаГА и СамДС - подготовка экспертов в области теологии. В самарских вузах проводятся социологические исследования по проблемам восприятия, социальных установок, толерантности и позиций студентов в межконфессиональных отношениях [15, с. 335-339; 16, с. 37-40].

Епархией совместно с министерством образования и науки Самарской области проводятся научно-практические конференции, семинары, круглые столы, конкурсы, чтения, форумы как в Самаре, так и в городах и районах области. Традиционным стал приезд в Самару на конференции ведущих российских учёных.

Успешно идёт сотрудничество епархии с воинскими подразделениями и правоохранительными органами, исправительными и медицинскими учреждениями, СМИ, общественными организациями, органами власти и управления.

С 1997 г. началась практика подписания договоров о сотрудничестве Самарского епархиального управления с государственными и общественными организациями различных уровней: администрациями крупных городов и районов области, администрацией Самарской области, отдельными вузами, предприятиями, организациями.

Конструктивные отношения Самарской епархии Русской Православной церкви с Правительством Самарской области служат примером для других регионов нашей страны. Благодаря этому сотрудничеству в епархии стремительно растёт количество новых православных храмов, передаются здания, бывшие до 1918 г. в собственности Церкви, осуществляется строительство православного института в Тольятти, в школах введён курс «Основы православной культуры».

Благодаря плодотворному взаимодействию Правительства Самарской области и Самарской епархии на территории области не только активно восстанавливаются культовые здания, но и образуется сеть социально ориентированных приходов, приоритетной задачей которых во внебогослужебной деятельности является внешкольная работа с подрастающим поколением, что помогает формированию адекватного восприятия религиозной традиции граждан Самарской области, а также служит популяризации традиционных ценностей российского общества и противодействию современным социальным порокам.

Выводы. Русская Православная церковь сыграла исключительно большую роль в жизни Самарского края и его жителей, в формировании духовно-нравственного потенциала, хозяйственной культуры, просветительской деятельности региона. Хозяйственное освоение Самарского Поволжья православными монастырями содействовало его заселению, появлению новых сёл и деревень, более рациональному использованию промыслов, христианизации местного мордовского и чувашского населения.

К середине XIX в. на территории края получила доминирующее влияние православная культура, в каждом селе, почти в каждой деревне были построены православные храмы, а в городах – по нескольку церквей. Всего на территории будущей Самарской губернии находилось 485 храмов, более 50 молитвенных домов и часовен, 6 монастырей. Это не мешало представителям других вероисповеданий свободно осуществлять свою деятельность. Старообрядцы в то время считались раскольниками, правительственная и официальная церковная политика в отношении них сводилась к настойчивым попыткам обращения в единоверие, не всегда они были корректными.

До революции 1917 г. церкви были своеобразными центрами образования и культуры на селе, привнося укрепление истинных христианских традиций, даруя знания, помощь и поддержку в сложные периоды жизни всем жителям Самарского края. Храмы долгие годы были единственным архитектурным памятником в селах, символизируя собой идеи территориального и духовного единения сельчан.

Растущий экономический потенциал края, увеличивающееся население дали основание правительству в 1850 г. учредить Самарскую губернию и совпадавшую территориально с ней Самарскую епархию. За последующие 66 лет, до октябрьской революции 1917 г., благодаря усилиям своих архипастырей, духовенства, верующих почти в 2 раза увеличилось количество православных храмов, превысив 1000, более чем в 2 раза – монастырей (с 6 до 16). При каждой церкви имелась церковно-приходская школа, где можно было получить начальное образование.

Русская Православная церковь способствовала таким полезным начинаниям, как борьба с пьянством – с конца XIX в. в епархии повсеместно под руководством священников создаются общества трезвости, преодоление неграмотности населения путём создания школ грамоты и церковно-приходских школ. В период тяжёлых испытаний для губернии: голодных лет, войн, эпидемий Церковь прилагала все усилия для помощи нуждающимся, их социальной защиты.

За период 1851 – 1916 гг. Церковь в губернии значительно укрепила свои позиции. Для подготовки кадров духовенства была открыта духовная семинария, для обеспечения духовенства, вышедшего на пенсию, вдов священнослужителей и их сирот – эмеритальная касса и касса взаимопомощи, для содействия церковному храмостроительству, украшению храмов, социальной защиты населения – церковно-приходские советы и церковно-приходские попечительства, для ведения миссионерской деятельности были учреждены епархиальный комитет православного миссионерского общества, епархиальный миссионерский совет, должность епархиального миссионера. В епархии издавался свой периодический орган печати - «Самарские епархиальные ведомости». Был открыт епархиальный свечной завод. Благочинные проводили в жизнь на местах решения епархиального управления.

Сложившаяся стройная система по управлению епархией опиралась на мощный финансово-экономический фундамент. Церквам и монастырям принадлежали земельная собственность, недвижимость, денежные вклады в банках. Само духовенство было достаточно обеспеченным сословием: помимо казённого жалования, которое получало большинство причтов епархии, священнослужители имели доход от церковных треб, нигде не учитывавшихся. Лишь в бедных деревнях материальное положение духовенства оставляло желать лучшего.

К 1917 г. Самарская епархия имела сложившуюся централизованную систему епархиального управления, опиравшуюся на благочиния и церковные приходы на местах, могла воспроизводить кадры священнослужителей в духовной семинарии, вести работу по духовно-нравственному просвещению, религиозному воспитанию верующих в школах грамоты и церковно-приходских школах. Однако октябрьская революция 1917 г. показала, что народ разделился в своей массе: одни поддержали начинания большевиков, в том чис-

ле и секуляризационные, другие выступили категорически против. К сожалению, к 1917 г. не наблюдалось всенародного единства, сплочения, чему способствовала своей деятельностью Русская Православная церковь. В противном случае православный народ попросту не дал бы совершиться тем святотатствам, поруганию религиозных святынь, разрушению храмов, уничтожению священно- и церковнослужителей, что происходило после 1917 г. Надо хорошо понимать, что богоборческие, антирелигионые действия по всей России совершала не какая-то малочисленная партия или группа, это делалось руками самого народа, отрёкшегося от веры своих предков во имя призрачных обещаний светлого будущего, и при его попустительстве. Не согласные с такой политикой подвергались репрессиям, расстрелам, обструкции.

За 20 послереволюционных лет Русская Православная церковь в Самарской губернии была поставлена на грань уничтожения: были закрыты почти все храмы, все монастыри, духовенство уничтожено либо репрессировано, а его оставшаяся часть была вынуждена бродяжничать, просить милостыню, заниматься нелегальным совершением треб и различными подработками, подчас унизительными. Сама Церковь оказалась разделена, в нашей епархии наиболее тяжёлые последствия для религиозной жизни причинил обновленческий раскол, поддержанный властью. Сами верующие подвергадлись насмешкам, унижениям, издевательствам, в советской России они неофициально считались людьми второго сорта, в силу своей «ограниченности» не желающими отречься от религиозных взглядов. Только Великая Отечественная война смогла «легализовать» Церковь. Впервые за долгие годы начали открываться храмы, священнослужители вернулись к исполнению своих пастырских обязанностей, восстановилось церковное управление как в центре, так и на местах. При том, что Церковь признавалась отныне вполне легальным институтом советского общества, над ней по-прежнему осуществлялся строгий контроль всех сторон жизнедеятельности, за исключением чисто богослужебных, литургических вопросов. Но эти меры позволили Церкви сохранить себя для последующего возрождения уже в наше время.

Хрущёвские гонения на Церковь явились новым испытанием для духовенства и верующих. В Куйбышевской епархии закрылся 1 православный храм, от Церкви отреклось 2 священнослужителя, опять появились оскорбительные для верующих статьи в СМИ. Но эти гонения Церкви было легче перенести, чем в 20-30-е гг., так как за свои религиозные убеждения уже не могли расстрелять, а приговоры к тюремному заключению носили единичный характер. Куйбышевской паствой в это время руководил известный подвижник православия митрополит Мануил (Лемешевский), собравший команду единомышленников, молодых и инициативных людей (игумен Иоанн Снычев, А. А. Савин, протоиерей Иоанн Державин и др.), и верующих под его руководством было трудно сломить новыми испытаниями. Тем не менее, целый ряд мероприятий, разработанных для того, чтобы ослабить влияние Русской Православной церкви, болезненно отразились на повседневной церковной жизни. То, что настоятеля храма отстранили от руководства финансово-хозяйственной деятельностью прихода в 1961 г., было нонсенсом для церковной практики. В Церковь, таким образом, пытались внести разлад: духовенство настроить против выборных исполнительных органов приходами, получившими всю полноту власти. Антирелигиозные публикации в СМИ выставляли верующих в неприглядном свете «мракобесов», атеистическая пропаганда с этого времени вновь, как и в 20-30-е гг. сделалась обязательным атрибутом идеологической пропаганды. После смещения Н. С. Хрущёва наиболее уродливые формы антирелигиозной пропаганды сошли на нет, но её отдельные рецидивы продолжались вплоть до 1991 г.

Период управления Куйбышевской епархией архиепископа Иоанна (Снычева) пришёлся на время, когда Русская Православная церковь после долгих лет гонений, отчуждения от общества вступила с началом перестройки в новый этап своей деятельности, продолжающийся и по сей день. По времени это совпало к подготовкой к торжествам по случаю 1000-летия Крещения Руси.

В новых условиях, когда Церкви была предоставлена полная свобода действий, отменён государственный контроль всех сторон её жизнедеятельности, нужно было воспользоваться создавшейся ситуацией для создания условий к возрождению Русской Православной церкви. Архиепископ Иоанн (Снычёв) сделал всё возможное, чтобы изменившиеся государственно-церковные отношения послужили во благо Церкви, воспользовался новыми возможностями для открытия православных храмов, рукоположения в них духовенства из числа наиболее подготовленных мирян, выхода Церкви к обществу, осуществления благотворительности, нравственного воспитания, иной социальной и общественной деятельности. Устав Русской Православной церкви, принятый на Поместном Соборе 1988 г., способствовал осуществлению этих планов: руководство финансово-хозяйственной деятельностью приходов вернулось вновь к настоятелям храмов, усилилась роль правящего архиерея в жизни епархии. В Куйбышевской епархии был восстановлен институт благочинных, которые стали непосредственными помощниками правящего архиерея по управлению епархией.

С приходом к власти в 1991 г. нового политического руководства – как в России, так и в Самарской области – отношение власти к Церкви коренным образом изменилось. Впервые за семь с лишним десятилетий власть стала оказывать помощь Церкви в восстановлении ранее разрушенных храмов, строительстве новых церквей, возвращении церковной собственности. Не во всех регионах России это процесс развивался одинаково, но необходимо особо отметить, что в Самарской области он проходит наиболее успешно. Благодаря этому так стремительно растёт количество православных храмов, расширяется сеть духовных учебных заведений, в школах уже несколько лет читается курс «Основы православной культуры», проводятся научно-практические конференции по православной тематике. Большим достижением является открытие Самарского духовного училища, преобразованного вскоре в духовную семинарию, что позволило обеспечить новые приходы образованными священнослужителями и профессиональными регентами церковных хоров [42, с. 133-135; 44, с. 267-275; 45, с. 220-221; 47; 48].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алабин П. В. Самара: 1586-1886 гг. Самара, 1992. С. 55.

2. Артамонова Л.М. В начале самарской науки: самарские учителя середины XIX века и их ученые занятия // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 2. Самара, 2013. С. 64-72.

3. Артамонова Л.М. Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII – первая половина XIX в.) // Российская история. 2013. № 2. С. 101-113.

4. Артамонова Л.М. Рукописи Г.Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» – замечательные памятники «локальной» истории середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5-1. С. 229-237.

5. Артамонова Л.М. Участие духовенства в открытии и деятельности общеобразовательных школ Казанского учебного округа в первой трети XIX века // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8.2 (99). С. 110-117.

6. Бирюкова А.Б. Круг обязанностей и повседневных дел приходского духовенства поволжских городов

в дореформенную эпоху // Наука и культура России. Самара, 2012. С. 13-16.

7. Бирюкова А.Б. Социокультурный облик образовательных учреждений провинциальных городов дореформенной России (по материалам Среднего Поволжья)// Наука и культура России. Самара, 2011. С. 17-19.

8. Дубман Э. Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. http://newciv.relarn.ru/work/2-41/library/dubman/begin.htm.

9. История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. XVI – первая половина XIX в. М., 2000. С. 98, 100-101.

10. Захарова Л.Б. Моральная цена конфликта власти и церкви в России в 1920-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». Москва: Издательство МГОУ, 2012. № 4. С. 129-133.

11. Захарова Л.Б. Обновленческий раскол 1920-х гг. в Русской Православной церкви // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Пенза: Издательство Пензенского государственного университета, 2013. № 1 (25). С. 53-59.

12. Захарова Л.Б. Отношения власти и церкви в начале 1920-х годов: кампания по изъятию церковных ценностей // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. Самара: Издательство «Самарский университет», 2013. № 2 (103). С. 64-70.

13. Захарова Л.Б. Патриарх Тихон и духовенство в 1921-1922 гг. как защитники русской церкви и православной традиции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 89-91.

14. Захарова Л.Б. Формирование новой морально-этической парадигмы в российском обществе 1920-х годов. Самара: Издательство СамГТУ, 2013.

15. Кандауров С.П. Воздействие учебно-воспитательного процесса на характер межконфессиональной коммуникации студентов // Наука и культура России. Самара, 2011. С. 335-339.

16. Кандауров С.П. Философский контекст толерантности межконфессиональных отношений в студенческой среде // Аспирантский вестник Поволжья. 2012. № 3-4. С. 37-40.

17. Курятников В. Н. Влияние религиозной обстановки в СССР на становление нефтяного комплекса Урало-Поволжья в 30 - 50-е гг. XX в. // Религиоведение. 2006. № 4. С. 42-47.

18. Мендюков А. В. Русская православная церковь в Среднем Поволжье в 1894 - 1914 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Самара, 2001.

19. Мендюков А. В. Русская Православная церковь в Среднем Поволжье на рубеже XIX-XX веков. Самара, 2007.

20. Монастыри Самарского края (XVI – XX вв.). Справочник. Авторы-составители В. С. Блок и К. А. Катренко. Самара, 2002. С. 99-112.

21. Невоструев К. И. Историческое описание бывших в городе Самаре мужского Спасо-Преображенского и женского Спасского монастырей//Классика Самарского краеведения. Антология. Самара, 2002.

22. Панина О.А. Развитие системы образования и просвещения народов Поволжья в период с IX и до начала XX века. Димитровград, 2011.

23. Перетяткович Г. И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края)// Классика Самарского краеведения. Антология. Самара, 2002. С. 151-154.

24. Подмарицын А. Г. Из истории Самарской епархии//Самарский краевед. Самара, 1994. С. 53.

25. Подмарицын А. Г. Очерки истории Самарской епархии: учебное пособие. Самара, 2008. С. 35.

26. Преображенский П. А. Колонизация Самарского края//Классика Самарского краеведения. Антология. Самара, 2002. С. 186-188.

27. Ряжев А. С. Командный состав ставропольского калмыцкого войска в военной и вероисповедной политике государства: от семилетней войны до эпохи 1812 г.// Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 27-32.

28. Ряжев А. С. Ставропольское калмыцкое войско (1737–1843 гг.): опыт изучения новых источников// Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 13-18.

29. Смирнов Ю. Н., Дубман Э. Л., Барашков В. Ф., Артамонова Л. М. Самарская Лука в XVI – начале XX вв. Самара, 1995. С. 39, 58;

30. Смирнов Ю.Н. “Юрьев день” губернского масштаба. Отмена проверки паспортов в Самаре в начале 1850-х гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5-1. С. 220-228.

31. Смирнов Ю.Н. Жители провинциального города. Самарские рукописи РГО // Центр и периферия. 2014. № 1. С. 12-21.

32. Смирнов Ю.Н. Легализация беглых и самовольных переселенцев в ходе колонизации юго-востока Европейской России в XVIII – первой половине XIX в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. М., 2011. № 2. С. 191-195.

33. Смирнов Ю.Н. Материалы о самарском крестьянстве дореформенной эпохи в Русском географическом обществе и их авторы // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8.2 (109). С. 65-73.

34. Смирнов Ю.Н. Устная история «молчаливого большинства»: основные вехи прошлого Самары в представлениях купцов и мещан середины XIX века // Центр и периферия. 2012. № 1. С. 4-9.

35. Тихомиров М. Н. Российское государство XV – XVII вв. М., 1973. С. 287-288.

36. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 4. Д. 487 а.

37. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 356. Оп. 1. Д. 499. Л. 22 об.

38. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 4187. Оп. 2. Д. 10. Л. 25.

39. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 4187. Оп. 2. Д. 12. Л. 8.

40. Чирков М.С. Государственно-конфессиональные отношения в Среднем Поволжье во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы. Материалы II Всероссийского научно-методологического семинара (Самара, 25-26 октября 2013 г.). Самара, 2012. С.178.

41. Чирков М.С. Конфессиональная ситуация в Среднем Поволжье во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. // Конфессии и межконфессиональные отношения в истории и традиции. Материалы Всероссийской научной конференции (Самара, 12-13 декабря 2008 г.). Самара, 2009. С.148.

42. Якунин В.Н. История Самарской епархии в 1851-2011 гг. // Наука и культура России. Материалы VIII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. 2011. С. 133-135.

43. Якунин В.Н. Религиозный фактор в развитии культуры Куйбышевской области (1965-1990 гг.) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 7. С. 154-160.

44. Якунин В.Н. Роль православия и Самарской епархии в региональной культуре (1993-2010 годы) // В мире научных открытий. 2012. № 4.2. С. 267-275.

45. Якунин В.Н. Самарская епархия на современном этапе развития // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2012. № 1. С. 220-221.

46. Якунин В.Н. Хозяйственная культура Самарской

епархии: формирование доходов духовенства в 1850-е - 1950-е гг. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 4. С. 127-129.

47. Якунин Вадим Николаевич. Город Святого креста. (церковная история города Ставрополя - Тольятти) / Вадим Якунин. Тольятти, 2007.

48. Якунин Вадим Николаевич. История Самарской епархии. Монография / В. Н. Якунин. Тольятти, 2011.

THE CHURCH LIFE AND THE ORTHODOX CULTURE IN THE SAMARA REGION IN THE XVI - XX CENTURIES

© 2015

V.N. Yakunin, doctor of history science, Professor, prorector of Innovative and Science-Research Activity
Volga Region State University of Service, Togliatti (Russia)

Abstract. The history of the Samara diocese of the Russian Orthodox Church in the XVI - XX centuries is considered and studied.

Key words: Keywords: Samara diocese, Russian Orthodox Church, religion, temples, cathedrals, churches, monasteries, clergy, bishops, ascetics, martyrs, saints.

УДК 378.14

АНАЛИЗ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ КАЧЕСТВ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2015

М.В. Амитрова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Иностранные языки»
Ю.В. Гусарова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Иностранные языки»
Е.А. Нелюбина, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки»
Пензенский государственный технологический университет, Пенза (Россия)

Аннотация. Реализация Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года, Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года невозможна без качественной подготовки конкурентоспособных, востребованных на рынке труда инженерных кадров для реального сектора экономики. Представления о профессиональной деятельности инженеров в соответствии с нормативными документами указывают на необходимость формирования у студентов технического вуза как профессиональных, так и общекультурных компетенций, основу которых составляют личностные качества, в том числе профессиональные и социально значимые. Учебная дисциплина «Иностранный язык» обладает достаточным потенциалом для формирования социально-значимых качеств для профессиональной деятельности у студентов технических вузов. Сложность проблемы формирования социально-значимых качеств для профессиональной деятельности в процессе обучения иностранному языку в техническом вузе заключается в том, что для достижения наилучших результатов необходимо, чтобы все компоненты, влияющие на эффективность учебного процесса были подобраны исходя из анализа их влияния на конечный результат обучения. Переосмысление роли компонентов процесса обучения и их влияния на формирование социальных и профессиональных компетенций, основу которых составляют социально-значимые качества для профессиональной деятельности, позволили нам выделить наиболее оптимальные варианты целеполагания, содержания, методов, форм обучения иностранному языку.

Ключевые слова: высшее образование, подготовка инженерных кадров, профессиональная деятельность инженера, профессиональные, общекультурные компетенции, социально значимые качества для профессиональной деятельности.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Глобализация современного общества, интеграция России в мировое сообщество, приводят к развитию международных контактов в сфере деятельности инженера. В отечественной экономике происходит увеличение количества транснациональных корпораций, межгосударственных технологических проектов и предприятий, что приводит к появлению временных и постоянных международных коллективов. В результате в профессиональной деятельности инженеров возрастают значение и масштаб обмена профессионально значимой информацией на иностранном языке. Все большее количество инженеров стоят перед необходимостью осуществлять свою профессиональную деятельность, используя иностранный язык. Таким образом, в деятельности инженера как никогда ранее возрастает роль иноязычной профессиональной коммуникации. Знание иностранного языка является реальной необходимостью и обязательным условием успешной профессиональной деятельности. Практика показывает, что более востребованными в профессиональном мире являются не просто инженеры, а квалифицированные специалисты, владеющие иностранным языком.

Исследователями доказано, что учебная дисциплина «Иностранный язык» является значимым средством подготовки специалистов в вузах (В.Е. Алдонова, Г.К. Борозенец, М.Л. Вайсбурд, Е.А. Зимина, Е.Г. Кашина, С.А. Кузнецова и др.). Языковая подготовка направлена на адаптацию специалистов к быстро меняющимся условиям функционирования современного рынка, на формирование способностей к установлению контактов с представителями зарубежных фирм, носителями иностранного языка и другой культуры» [3].

Обучение иностранному языку студентов вуза, предполагает, по мнению И.В. Зайцевой, О.Ю. Ивановой, Т.А. Костюковой, Л.В. Макар, Д.Л. Матухина, К.В. Маркарян, П.И. Образцова и др., интеграцию дисциплины «Иностранный язык» с профилирующими дисциплинами, ставит перед преподавателями иностранного языка задачу научить будущих специалистов на основе межпредметных связей использовать иностранный язык как средство систематического пополнения своих знаний, формирования профессиональных умений и навыков, а также использование преподавателями форм и методов обучения, способных обеспечить формирование необходимых профессионально важных, социально-значимых для профессиональной деятельности качеств, профессиональных умений и навыков будущего специалиста [10, 23, 14, 16, 18, 17]. В связи с этим наблюдается тенденция усиления внимания к вопросам языкового образования, переосмысления целей, содержания, принципов, средств и методов обучения иностранному языку; актуализируется поиск новых моделей и технологий обучения, способствующих наиболее полной реализации возможностей дисциплины «Иностранный язык» в профессиональной подготовке студентов.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы.

Ряд исследователей рассматривают учебную дисциплину «Иностранный язык» с различных позиций: формирование личности в процессе обучения и изучения иностранного языка (В.П. Кузовлев, Р.К. Миньяр-Белоручев, Р.П. Мильруд, Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез и др.), обучение иностранному языку как профессионально-ориентированному средству общения (А.А. Дашковская, С.А. Львова, А.А. Киченко, М.Ю. Крапивина и др.). Другие ученые обращаются к проблемам формирования профессиональной иноязычной компетентности [21, 22, 4, 5, 9, 11, 12, 15].

Проведен ряд исследований, направленных на изучение наиболее значимых качеств, способностей, свойств личности специалиста, формируемых в процессе обучения иностранному языку (Н.Б. Голубева, О.Ю. Иванова, Л.В. Макар, К.В. Маркарян, П.И. Образцов, В.Ф. Тенищева и др.) [6, 23, 16, 17, 26].

Однако следует отметить, что, несмотря на наличие значительного числа проведённых исследований, констатируется недостаток работ, направленных на разработку педагогических технологий, форм, методов, педагогических условий, способствующих формированию социально значимых качеств для профессиональной деятельности студентов технических вузов в процессе обучения иностранному языку.

Как показывает практика, существующие формы, методы, технологии обучения иностранному языку сту-

дентов в технических вузах свидетельствуют о недостаточном использовании его возможностей для профессиональной подготовки студентов – будущих инженеров и формирования социально-значимых качеств для профессиональной деятельности.

Формирование целей статьи. Такой подход к обучению иностранному языку позволяет нам сформулировать цель данной статьи, заключающейся в выявлении возможностей процесса обучения иностранному языку для формирования социально-значимых качеств для профессиональной деятельности будущего инженера. Для реализации названной исследовательской цели необходимо выделить следующие задачи:

– выявить особенности готовности выпускников школ к обучению иностранному языку в техническом вузе;

– охарактеризовать структурные элемента процесса обучения иностранному языку с позиции их влияния на формирование социально-значимых качеств для профессиональной деятельности у студентов технического вуза.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Изучение иностранного языка начинается на первом курсе в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом (ФГОС). Учебный процесс по дисциплине «Иностранный язык» начинается с проведения входного тестирования, которое проводится во вне учебное время. Анализ результатов тестирования позволяет распределить студентов по группам соответствующего уровня.

По результатам нашего исследования и входного тестирования достаточно высоким уровнем иноязычной подготовки в техническом вузе обладают только 8-10 % студентов первого курса, остальная часть студентов находится на уровне элементарного владения иностранным языком. При этом был выявлен низкий уровень готовности к профессиональной коммуникации у будущих инженеров к иноязычному общению в профессиональной деятельности, следствием чего является недостаточная мотивация обучаемых к изучению иностранного языка в целом, профессионально ориентированного иностранного языка в частности.

Необходимо отметить зачастую узкий кругозор студентов-первокурсников, отсутствие гибкости мышления, неадекватное поведение. Для многих характерна низкая культура речи, слабое владение не только иностранным языком, неумение чётко, грамотно сформулировать свои мысли, работать с научной литературой; слабо развита потребность в самообразовании и воспитании. Недостаточное знакомство с гуманистическими ценностями проявляется нередко в ослаблении интеллектуально-духовного развития, в преобладании технократического мышления.

Результаты нашего исследования подтверждаются результатами диссертационных исследований Н.Б. Голубевой, В.Н. Хитровой и др. [6].

Данный учёные проанализировали результаты опросов студентов и выявили следующие причины отрицательного отношения к изучению иностранного языка технического вуза: проявление у части студентов отрицательного отношения к учебной дисциплине «Иностранный язык» и неприятия лингвистических знаний; наличие негативных эмоциональных состояний в процессе изучения иностранного языка; пессимизм, потеря уверенности в себе и в результативности обучения иностранному языку; противоречивость и субъективизм в оценке лингвистических знаний, умений, навыков; неоднородность и пробелы в знаниях студентов; несформированность у части студентов личностных качеств, необходимых для изучения иностранного языка; наличие у них качеств личности, препятствующих успешному освоению иностранного языка; отнесение дисциплины «Иностранный язык» к разряду второстепенных; несовпадение целей преподавания иностранного языка (преподаватель) и целей его изучения (студент).

Перечисленные причины не готовности выпускников школ к обучению в техническом вузе и к изучению иностранного языка в конечном итоге отражаются на уровне профессиональной культуры будущего специалиста, на его качествах как профессионального работника.

В связи с этим, в соответствии с примерной программой дисциплины «Иностранный язык», разработанной С.Г. Тер-Минасовой, основной целью обучения иностранному языку является: формирование и/или повышение исходного уровня владения иностранным языком, достигнутого на предыдущей ступени образования, и овладение студентами необходимым и достаточным уровнем коммуникативной компетенции для решения социально-коммуникативных задач в различных областях бытовой, культурной, профессиональной и научной деятельности при общении с зарубежными партнерами, а также для дальнейшего самообразования.

Для реализации поставленной цели в учебном процессе преподавателям необходимо скорректировать цель, задачи, содержание обучения иностранному языку, сделать их личностно значимыми для студентов, использовать активные, интерактивные методы обучения, современные технические средства обучения: аудио- и видеоаппаратуру, что дает возможность повысить эффективность аудиторных и индивидуальных занятий, сформировать социально-значимых качеств для профессиональной деятельности у студентов-будущих инженеров.

Решение второй задачи данного параграфа побудили нас обратиться к характеристике структурных элементов процесса обучения иностранному языку, так как мы считаем целесообразным подчеркнуть их влияние на формирование социально-значимых качеств для профессиональной деятельности инженера.

Социально-значимые качества для профессиональной деятельности – свойства личности, позитивно влияющие на эффективность будущей профессиональной деятельности, профессиональное общение и социально-профессиональную мобильность. Обобщив результаты исследований в работах М.В. Бакановой, И.Е. Высотовой, Е.Н. Григорьевой, был сделан вывод о том, что учебная дисциплина «Иностранный язык» обладает потенциалом для формирования социально-значимых качеств для профессиональной деятельности, которые составляют основу профессиональных и социальных компетенций [1, 3, 7].

Анализ обучения иностранному языку как педагогического процесса необходимо начать с характеристик целей обучения иностранному языку и изучения иностранного языка. Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез рассматривают категорию цель обучения иностранным языкам как совокупность трёх взаимосвязанных аспектов: «прагматического, педагогического и когнитивного и подчёркивают, что в настоящее время цель обучения иностранным языкам следует понимать как формирование личности обучающегося, способной и желающей участвовать в общении (опосредованном и неопосредованном) на межкультурном уровне» [4, 5]. Речь идёт о становлении у обучающегося черт вторичной языковой личности, а именно: раскрепощённость, творчество самостоятельность, способность строить взаимопонимание и взаимодействие с партнёрами по общению, включаться в мировые процессы развития цивилизации, самосовершенствоваться и совершенствовать человеческое общество.

Мы разделяем мнение Г.В. Перфиловой в том, что «ориентация на цели изучения иностранного языка существенно меняет учебный процесс, поскольку последние представлены в виде речевых действий, обусловлены общим коммуникативным контекстом, нацеливают учебный процесс на формирование частных компетенций, соотносятся с конкретной коммуникативной ситуацией. Преимущество использования целей изучения

иностранного языка, состоит в том, что они представляют собой личностно значимые умения с позиции студента и способствуют формированию личностных качеств студента» [24].

Таким образом, ориентация на цели изучения иностранного языка делает процесс обучения личностно значимым для студентов, поскольку владение иностранным языком для многих студентов представляет для многих студентов особую ценность и позволяет расширить кругозор, научиться находить, обрабатывать, анализировать и использовать профессионально значимую информацию из различных англоязычных источников.

Цели обучения оказывают существенное влияние на содержание учебной дисциплины «Иностранный язык». Любые изменения в социальном положении общества приводят к изменениям во взаимодействии системы обучения со средой, к изменению назначения этой системы, что вызывает необходимость пересмотра как самих целей обучения, так и содержания и структуры этого материала [19].

Содержание обучения является одним из компонентов системы обучения иностранным языкам. Н.И. Гез, Г.М. Фролова считают, что дидактическая категория «содержание обучения» иностранному языку должна отражать современную модель обучения, которая рассматривается как творческий процесс взаимосвязанного коммуникативного, социокультурного и когнитивного развития обучаемых. Под содержанием обучения понимается то, что отражает деятельность преподавателя (обучение), учебную деятельность студентов (обучение) и методическое обеспечении учебного процесса, т.е. учебный материал, включающий в себя предметные и процессуальные аспекты [5].

По мнению Л.П. Смирновой, все аспекты содержания обучения обладают «определенным потенциалом, который позволяет преподавателям вносить изменения согласно современным требованиям общества и тем самым модернизировать содержание учебного процесса, учитывая нормы новых стандартов, интересы обучаемых, запросы работодателей, а также результаты новейших исследований лингводидактики, проведенных с целью использования активных форм и видов учебной деятельности» [25].

Применительно к нашему исследованию, нам близка позиция Н.Д. Гальсковой, Н.И. Гез о вопросе компонентного состава содержания обучения иностранным языкам, которое будет профессионально ориентировано на формирование социально-значимых качеств для профессиональной деятельности. Правильный отбор конкретного профессионально-ориентированного иноязычного материала, то есть: отбор тематики, лексики и предназначенной для использования в речи; отбор сведений по грамматике, фонетике, орфографии, соотносимых с выделенным иноязычным материалом; отбор текстов для чтения и аудирования, отвечающих профессиональной и социокультурной тематике и содержащих языковые явления, выделенные для активного усвоения способствуют формированию социально-значимых качеств для профессиональной деятельности у студентов.

В процессе обучения студентов иностранному языку, как считают Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез, О. Ю. Иванова, П.И. Образцов и др., преподаватель должен использовать различные формы, методы и средства обучения иностранному языку для решения конкретных задач, мотивировать иноязычную коммуникативную деятельность студентов на основе их ответственности за результат, учитывая будущую сферу профессиональной деятельности.

В соответствии с определившийся тенденцией применять методы обучения иностранному языку в техническом вузе, ориентированные на личность студента, на его активное участие в саморазвитии, получение качественных знаний, профессиональных навыков, творческое решение конкретных проблем, большинство исследователей, мы разделяем мнение учёных (И.В. Зайцева, О.Ю. Иванова, П.И. Образцов, М.В. Озерова) и отдаём предпочтение методам, имеющим многоцелевую направленность: коммуникативный метод; практические методы; проблемно-поисковые методы обучения; метод проектов; профессионально-ориентированная учебно-ролевая игра; методы контроля. Данные методы способствуют совершенствованию языковой подготовки и личностно-профессиональному развитию студентов [10, 23].

Организационными формами обучения иностранному языку в техническом вузе являются: практические аудиторные занятия под руководством преподавателя; групповая работа, обязательная самостоятельная работа по заданию преподавателя, выполняемая во внеаудиторное время; индивидуальная самостоятельная работа.

Важное место при обучении иностранному языку, направленному на формирование социально-значимых качеств для профессиональной деятельности занимает выбор оптимальных методов и видов контроля за результатами учебной деятельности. В соответствии с примерной программой по иностранному языку целесообразно использовать следующие виды контроля: текущий, промежуточный и итоговый. Текущий контроль осуществляется по результатам выполнения различных видов заданий на практических занятиях, а также в процессе самостоятельной работы. Промежуточный контроль используется на промежуточном уровне в виде долгосрочных заданий (выполнение графика самостоятельных работ, написание аннотаций, резюме, деловых писем). Итоговый контроль проводится в конце курса обучения в виде зачета или экзамена.

Различные формы могут использоваться для реализации рассмотренных видов контроля: различные упражнения, тесты и тестовые задания, контрольные работы. Наиболее актуальной на сегодняшний день является тестовая форма контроля**, «**раскрывающая перспективу развития языкового тестирования, состоящую не в искусственном преобразовании личности обучаемого, а в повышенном внимании к его индивидуально-психологическим особенностям (А.Г. Асмолов, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова и др.) [2, 18].

По мнению Е.Ю. Комаровой, в этой связи тестовые технологии применяются и как эффективный инструмент контроля качества профессионального образования, но и как профессионально-ориентированные задания, направленные на поиск, нахождение и принятие эффективных решений. В данном случае учебная деятельность содержит огромный ресурс, мотивируя студентов обогащать свои знания, умения и навыки за чёт «фасилитирующих стратегий» и способов преодоления возникающих затруднений в ходе языкового тестирования [13].

Изучение иностранного языка с помощью современных средств позволяет студентам получать не только знания и навыки, связанные с различными аспектами языка (лексикой, фонетикой, грамматикой профессиональные знания, но и устанавливать межличностные отношения в процессе коммуникации, вырабатывать собственный стиль поведения, эффективно использовать и формировать свои личностные качества и способности, которые выгодно будут их отличать от потенциальных конкурентов.

В рамках обучения иностранному языку представление информации для обучаемых осуществляется с использованием иноязычных интернет-ресурсов: поиск в Интернете; связь и пересылка данных с помощью программы «Скайп»; блоги; переписка преподавателя и студента по электронной почте; организация проектной работы и другие [12, 11].

Следовательно, умение находить, обмениваться информацией на иностранном языке с помощью современных средств информатизации является важнейшим элементом реализации творческого потенциала будуще-

го инженера, поскольку позволяет накопить и сделать легко доступными для инженеров огромные объемы профессионально важной информации. В связи с этим способность к адаптации в быстро меняющихся условиях, способность ориентироваться в информационных потоках и извлекать, систематизировать, использовать необходимую информацию, умение работать с информационной техникой, становятся определяющим в профессиональной деятельности инженера [20, 14].

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, соответствие целевой категории преподавателя и студентов, профессионально-ориентированное содержание обучения иностранному языку (тематический материал, основанный на специальной терминологии; речевые клише; аутентичные, профессионально-ориентированные тексты, связанные с особенностями технологического процесса и производства; коммуникативные задания, имитирующие ситуации профессионального общения); применение практических, активных и интерактивных методов, различных видов контроля, использование различных информационно-коммуникационных средств, включая Интернет, характеризуют возможности обучения иностранному языку в техническом вузе и способствуют формированию социально-значимых качеств для профессиональной деятельности у студентов технического вуза.

Проведённое исследование не претендует на полноту решения многогранной проблемы формирования социально значимых качеств для профессиональной деятельности у студентов технического вуза в процессе обучения иностранному языку. Более глубокого рассмотрения требуют вопросы связанные с разработкой и реализацией целостной системы формирования профессионально важных, личностных, социально-значимых качеств и компетенций в процессе профессиональной подготовки студентов в вузе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Амитрова М.В. Формирование социально-значимых качеств для профессиональной деятельности у студентов технического вуза в процессе обучения иностранному языку: дис. ... канд.пед.наук : 13.00.08. – Пенза, 2013. – 293с.

2. Асмолов А.Г. Системно-деятельностный подход к разработке стандартов нового поколения / А.Г. Асмолов // Педагогика. – 2009. – № 4. – С. 18 –22.

3. Баканова И.Г. Профессионально-личностное развитие студентов-будущих экономистов средствами иностранного языка // Вестник Самарского государственного университета. 2008. №5/1 (64). С. 106-111.

4. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учебное пособие для студ. лингв. ун-тов. и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. 3-е изд., стер. М., Издательский центр «Академия», 2006. 336с.

5. Гез Н.И., Фролова Г.М. История зарубежной методики преподавания иностранных языков. М.: Академия, 2008. 254с.

6. Голубева Н.Б. Развитие профессионально-деловых качеств личности студентов экономических специальностей в процессе изучения иностранного языка: автореф. дис. … канд. пед. н. 13.00.01. М., 2011.

7. Григорьева Е. Н. Реализация педагогического потенциала дисциплины «иностранный язык» в формировании социальной компетенции у будущих инженеров // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 91. С. 101-102.

8. Голикова Л.В. Формирование профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности студентов неязыкового вуза на основе проектной технологии обучения: автореферат дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Санкт-Петербург. 2005

9. Дашковская А.А. Обучение профессионально-ориентированному общению студентов по специальности «Маркетинг» на основе рекламных материалов: автореферат дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Томск. 2005.

10. Зайцева И.В. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на историческом факультете университета: автореф. дис. … канд. пед. н. 13.00.08. Елец. 2004.

11. Киченко А.А. Методика обучению профессионально-ориентированному иноязычному общению студентов посредством мультимедийных презентаций: автореферат дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Москва. 2010.

12. Крапивина А.А. Обучение студентов университета профессионально-ориентированному общению: автореферат дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Оренбург. 2008.

13. Комарова Е.Ю. Психолого-педагогическая фасилитация преодоления трудности и сложности языковых тестов: автореферат дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. Тамбов. 2012.

14. Костюкова Т.А., Морозова А.Л. Развитие иноязычной коммуникативной компетентности студентов неязыковых вузов: монография. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011. 119 с.

15. Львова С.А. Обучение профессионально-ориентированному иноязычному общению студентов факультета управления: немецкий язык: автореферат дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Санкт-Петербург. 2006.

16. Макар Л.В. Обучение профессионально-ориентированному общению на английском языке студентов неязыкового вуза: автореф. дис. … канд. пед. н. 13.00.02. Санкт-Петербург. 2000.

17. Маркарян К.В. Обучение иноязычному прагматическому общению студентов неязыкового вуза (английский язык, фармацевтический вуз): автореф. дис. … канд. пед. н. 13.00.02. Пятигорск. 2007.

18. Маркова, А.К. Психология профессионализма/ А. К. Маркова. – М.: МГФ «Знание», 1996. – 308с.

19. Матухин Д.Л. Организация взаимодействия в обучении устному иноязычному общению // Вестник ТГПУ. 2011. Выпуск 1 (103). С. 80-86.

20. МатухинД.Л.Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку студентов нелингвистических специальностей [Электронный ресурс] / Режим доступа: http: www.lib.tsu.ru

21. Мильруд Р.П. Компетентность в изучении языка // Иностранные языки в школе. 2004. №7.

22. Миньяр-Белоручев Р.К. Механизм билингвизма и проблема родного языка при обучении иностранному // Иностранные языки в школе. М., 1991. № 5. С. 14-17.

23. Образцов П.И., Иванова О.Ю. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов: учебное пособие. Орел: ОГУ, 2005. 114с.

24. Перфилова Г.В. Компетентностный подход и его реализация в современном образовательном контексте // Компетентностный подход как основа совершенствования методики обучения иностранному языку в неязыковых ВУЗах: проблемы и перспективы. Вест. МГЛУ. М.: Рема, 2008. С. 18-29.

25. Смирнова Л.П., Смирнов М.В. Модернизация содержания обучения иностранным языкам в неязыковом вузе // Приорететные направления в обучении иностранным языкам. Вест. МГЛУ. Педагогические науки Вып. 12 (618) М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 19-27.

26. Тенищева В.Ф. Формирование профессионально важных качеств инженера в контекстном обучении (на примере иноязычной речевой деятельности инженера-судоводителя): автореферат дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Москва. 1991.

ANALYSIS OF THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGES TEACHING AND ITS INFLUENCE ON THE SOCIAL IMPORTANT QUALITIES FOR PROFESSIONAL ACTIVITY DEVELOPMENT

© 2015

***M. V. Amitrova*,** candidate of pedagogical sciences, associate professor of the chair "Foreign Languages"
Yu. V. Gusarova, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the chair "Foreign Languages"
E.A. Nelyubina, assistant professor of the chair "Foreign Languages"
Penza State Technological University, Penza (Russia)

Abstract. The implementation of the Strategy for the Development of Science and Innovation in the Russian Federation for the period until the year 2015, The Concept of long-term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the period up to the year 2020 is impossible without high-qualified training of competitive engineers which are in demand on the labor market and in the sphere of the real economy. The idea of professional activities of engineers according to the regulations indicates the need for the formation of students in higher technical school, having both professional and social competence, which are based on personal, social, professional important qualities. The academic discipline "Foreign Language" has the potential to provide high technical students with social important qualities for professional activity. The complexity of the problem of formation of social important qualities for professional activity via the process of foreign language teaching in higher technical school is that, it is necessary that all the components of the teaching process that affect the efficiency of the students' learning process should be selected and based on the analysis of their impact on learning outcomes. Rethinking the role of the components of the foreign language teaching and their impact on the formation of social and professional competencies, which are based on social important qualities for professional activity have enabled us to identify the best options for goal-setting, contents, methods and forms of the process of foreign language teaching.

Keywords: higher education, engineer's training, engineer's professional activity, professional competence, social competence, social important qualities for professional activity.

УДК 378

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СТРУКТУРЫ, СОДЕРЖАНИЯ, ПУТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ, БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО СЕРВИСА

© 2015

Н. И. Асташина, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Сервис»
Нижегородский государственный инженерно-экономический университет, Княгинино (Россия)

Аннотация. Актуальность проблемы формирования исследовательской компетентности будущих специалистов в области социокультурного сервиса определяется требованиями, предъявляемыми к ним условиями современности. Анализ требований к результатам освоения основных образовательных программ, определенных Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки «Сервис», показывает, что многие из них формируются на основе исследовательских компетенций. Анализ публикаций в психолого-педагогических и методических изданиях показывает, что существуют разные подходы к осмыслению сущности и структуры понятий «компетенция» и «компетентность». По мнению ряда учёных (В. А. Болотов, И. А. Зимняя, Я. В. Кривенко, А. А. Ушаков, А. В. Хуторской др.) исследовательская компетентность относится к числу ключевых. Исследовательская компетентность включает в себя ряд компонентов: мотивационный, когнитивный, деятельностный и рефлексивный. Все компо-ненты взаимосвязаны между собой, каждый выполняет свои функции и задачи. Для выполнения исследований индивидуального или коллективного характера студент должен обладать определёнными личностными качествами. Формирование исследовательской компетентности осуществляется в условиях системности и непрерывности образовательного процесса (М. В. Кларин, Г. П. Щедровицкий), технологичности (Н. В. Кузьмина, Л. М. Митина), и прогнозируемости результата обучения (Б. С. Гершунский, В. А. Семиченко). Исследовательская компетентность студентов формируется при условии использования активных методов и технологий в процессе проведения занятий и организации самостоятельной работы студентов. Исследовательская компетентность студентов в сфере их будущей профессиональной деятельности является одной из важнейших целей всех современных программ высшего профессионального образования.

Ключевые слова: Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования, компетентностный подход, компетенции, компетентность, исследовательская компетентность.

В современных условиях специалистам в области социокультурного сервиса необходимо уметь ориентироваться в разнообразных проблемных ситуациях, возникающих в сфере профессиональной деятельности, уметь вычленять и решать проблемы, прогнозировать результаты, владеть способами совершенствования своих действий. В связи с этим актуализируется проблема формирования исследовательской компетентности будущих специалистов.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки «Сервис», определяя в качестве концептуальной основы компетентностный подход, в требованиях к результатам освоения основных образовательных программ содержит перечень общекультурных и профессиональных компетенций, которыми должен обладать будущий специалист [1]. Анализ этих требований показывает, что многие из них формируются на основе исследовательских компетенций (таблица 1). Отметим, что профильная подготовка будущих специалистов должна быть ориентирована в том числе и на научно-исследовательскую деятельность.

Проблемы компетентностного подхода в обучении широко обсуждаются на страницах психолого-педагогических и методических изданий. Концептуальные основы компетентностного подхода изложены в исследованиях В. И. Байденко, Э. Ф. Зеера, И. А. Зимней, Д. Равена, А. В. Хуторского, В. Д. Шадрикова и других. Анализ публикаций показывает, что существуют разные подходы к осмыслению сущности и структуры понятий «компетенция» и «компетентность».

Дж. Равен отмечает, что компетентность это такое явление, которое «состоит из большого числа компонентов, многие из которых относительно независимы друг от друга, … некоторые компоненты относятся скорее к когнитивной сфере, а другие – к эмоциональной, …

эти компоненты могут заменять друг друга в качестве составляющих эффективного поведения», «виды компетентности» суть «мотивированные способности» [2, с. 53].

Таблица 1 – Общекультурные и профессиональные компетенции выпускника по направлению подготовки «Сервис» (квалификация «бакалавр»), формируемые на основе исследовательской компетенции

Компетенции	Содержание компетенций
ОК-11	На научной основе организует свой труд, оценивает с большой степенью самостоятельности результаты своей деятельности, владеет навыками самостоятельной работы
ОК-13	Владеет основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации, имеет навыки работы с компьютером как средством управления информацией; работает с информацией в глобальных компьютерных сетях
ОК-14	Участвует в работе над инновационными проектами, использует базовые методы исследовательской деятельности
ОК-16	Самостоятельно применяет методы и средства познания, обучения и самоконтроля для приобретения новых знаний и умений, развития социальных и профессиональных компетенций
ОК-17	Обладает культурой мышления, способностью к обобщению, анализу, систематизации, постановке целей и выбору путей их достижения, умеет логически верно, аргументировано и ясно строить свою речь
ПК-1	Обладает способностью к диверсификации сервисной деятельности в соответствии с этнокультурными, историческими и религиозными традициями
ПК-14	Обладает готовностью к изучению научно-технической информации, отечественного и зарубежного опыта в сервисной деятельности
ПК-15	Обладает готовностью к выполнению инновационных проектов в сфере сервиса

Л. М. Митина в понятие компетентность включает «знания, умения, навыки, а также способы и приемы их реализации в деятельности, общении, развитии (саморазвитии) личности» [3, с. 46].

Шадриков В. Д.характеризует компетентность как «составляющее качество личности или совокупность качеств, минимальный опыт деятельности в заданной сфере» [4, с. 27].

А. В. Хуторской предлагает следующие характеристики понятий: «компетенция – включает совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов, и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним; компетентность – владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности» [5, с. 13].

Молокова А.В. указывает, что компетентность – это синтез двух компонентов: обладание обучающимся определённым набором компетенций; сложившееся личностное качество человека, завершившего образование определённой ступени, в котором ярко выражена «способность результативно действовать, достигать результата – эффективно решать проблему» [6, с. 242] и мобильность специалиста на рынке труда.

Э. Ф. Зеер отмечает, что «компетентности – это содержательные обобщения теоретических и эмпирических знаний, представленных в форме понятий, принципов, закономерностей», «компетенции – это обобщенные способы действий, обеспечивающих продуктивное выполнение учебной и профессиональной деятельности; это способности человека реализовать на практике свою компетентность» [7, с.16].

Г. К. Селевко применяет понятие «компетенция» для обозначения образовательного результата, выражающегося в подготовленности выпускника, в реальном владении им методами, средствами деятельности, в возможности справиться с поставленными задачами. Под «компетентностью» Г. К. Селевко понимает интегральное качество личности, проявляющееся в общей способности и готовности её деятельности, основанной на знаниях и опыте, которые приобретены в процессе обучения и социализации и ориентированы на самостоятельное и успешное участие в деятельности [8, 52].

Опираясь на проведённый анализ подходов к осмыслению понятий «компетентность» и «компетенция», проведём исследование подходов к определению структуры, содержания и путей формирования исследовательской компетенции студентов, как необходимого условия для формирования общекультурных и профессиональных компетенций, предусмотренных ФГОС.

И. А. Зимняя, определяя компетенции как «некоторые внутренние, потенциальные, сокрытые психологические новообразования: знания, представ-ления, программы (алгоритмы) действий, систем ценностей и отношений, которые затем выявляются в компетентностях человека», выделяет 10 основных компетенций. Исследовательская компетентность входит в качестве компонента в «компетенцию, относящуюся к деятельности человека» [9, с. 19].

В своём исследовании А. В. Баранников выделяет исследовательскую компетентность как самостоятельную, роль наряду с учебной, социально-личностной, коммуникативной, личностно-адаптивной и компетентностью в области организаторской деятельности и сотрудничества [10].

По классификации А. В. Хуторского исследовательская компетентность рассматривается как составная часть познавательной компетентности, которая включает «элементы методологической, надпредметной, логической деятельности, способы организации целеполагания, планирования, анализа, рефлексии». Она также служит компонентом компетентности личного самосовершенствования, направленной на освоение способов интеллектуального и духовного саморазвития [11, с. 55–61].

По мнению ряда учёных (В. А. Болотов, И. А. Зимняя, Я. В. Кривенко, А. А. Ушаков, А. В. Хуторской др.) исследовательская компетентность относится к числу ключевых. Характерными признаками ключевых компетентностей являются: неалгоритмичность (т. е. возможность решать сложные нестандарт-ные задачи, требующие эвристических подходов), полифункциональность (т. е. возможность решать сложные нестандартные задачи в ситуациях повседневной жизни), универсальность и надпредметность (т. е. возможность решать сложные нестандартные задачи из разных предметных областей человеческой деятельности), многомерность (включает в себя целый ряд интеллектуальных умений, знаний, способов деятельности, личностных качеств). Анализируя исследовательскую деятельность исходя из характеристик ключевых компетенций, можно констатировать следующее:

- поставленные задачи решаются эвристически, т.е. неалгоритмично;
- исследовательский подход можно переносить на разные сферы деятельности, в этом проявляется свойство полифункциональности, универсальности и надпредметности;
- в исследовательской деятельности применяются аналитические, коммуни-кативные и личностных качеств, что характеризует её многомерный характер.

Все вышеперечисленные характеристики подтверждают принадлежность исследовательской компетентности к числу ключевых.

Исследовательская компетентность включает в себя ряд компонентов: мотивационный, когнитивный, деятельностный и рефлексивный [12]. Все компоненты взаимосвязаны между собой, каждый выполняет

свои функции и задачи. Мотивационный компонент выполняет функцию инициирования исследовательской деятельности, задача – формирование потребности в осуществлении исследовательской деятельности. Когнитивный компонент выполняет информационную функцию, задача – формирование универсальных способов познавательной деятельности в своей профессиональной сфере. Деятельностный компонент выполняет технологическую функцию, задача –формирование опыта творческой деятельности на основе выполнения мыслительных операций различного уровня: репродуктивного, продуктивного и творческого. Рефлексивный компонент выполняет регулирующую функцию, задача – формирование у студентов оценочного отношения к продукту своей исследовательской деятельности.

Следует отметить, что для выполнения исследований индивидуального или коллективного характера студент должен обладать следующими личностными качествами:

- уметь адаптироваться в условиях приближённых к профессиональной деятельности;
- обладать способностью личностно и профессионально самореализовываться;
- уметь строить межличностные, деловые, профессиональные, социальные связи и отношения;
- быть готовым продолжать свое образование (основное и дополнительное) на основе овладения оригинальными источниками профессиональной информа-ции, универсальными способами практической и теоретической образова-тельной деятельности, способами исследовательской деятельности [13].

Исследователи и педагоги сходятся во мнении о том, что формирование исследовательской компетентности осуществляется в условиях системности и непрерывности образовательного процесса (М. В. Кларин, Г. П. Щедровицкий), технологичности (Н. В. Кузьмина, Л. М. Митина), и прогнозируемости результата обучения (Б. С. Гершунский, В. А. Семиченко) [14–17].

Формирование исследовательской компетентности студентов происходит при условии использования активных методов и технологий в процессе про-ведения занятий и организации самостоятельной работы студентов [17–19].

Формирование исследовательской компетентности в сфере будущей профессиональной деятельности является одной из важнейших целей всех современных программ высшего профессионального образования (В. И. Байденко, А. А. Вербицкий, И. А. Зимняя, В. Д. Шадриков и др.) [4, 9, 20]. Она является основанием для развития других более конкретных и предметно-ориентированных компетентностей, поскольку помогает студенту обучаться, позволяет стать помогает быть более успешным в будущей профессиональной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 100100 «Сервис». Утверждён приказом Министерства образования и науки РФ от 18 ноября 2009, № 627.
2. Равен Джон. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. М., 2002 (англ. 1984) [Электронный ресурс]. URL: http://coollib.net/b/182869/read (дата обращения: 05.02.2015).
3. Митина Л. М. Психология профессионального развития. М., 1998. 200 с.
4. Шадриков В. Д. Новая модель специалиста: инновационная подготовка и компетентностный подход // Высшее образование сегодня. 2004. № 8. С. 27.
5. Хуторской А. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты. Доклад на отделении философии образования и теоретической педагогики РАО 23 апреля 2002 года. Центр «Эйдос». С. 13.
6. Молокова А. В. Реализация компетентностного подхода в условиях информатизации образования / А. В. Молокова // Философия образования. – 2006. № 1. С. 239-243.
7. Зеер Э. Ф. Психология профессионального образования: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М. : Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2003. 240 с.
8. Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий: В 2 т. Т. 1. М. : НИИ школьных технологий, 2006. 816 с. (Серия «Энциклопедия образователь-ных технологий»).
9. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования // Высшее образование сегодня. № 5. 2003. С. 34-44.
10. Баранников А. В. Содержание общего образования: компетентностный подход. М. : ГУ ВШЭ, 2002. 51 с.
11. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 55–61.
12. Севостьянова И. Л. Модель исследовательской компетентности студентов экономических специальностей вузов // Профессиональное образование а России и за рубежом. 2010. № 1 (2). С. 118–119.
13. Шашкина М. Б., Багачук А. В. Формирование исследовательской деятельности студентов педагогического вуза в условиях реализации компетентностного подхода Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2006. 240 с.
14. Лаптев В.В. Научный подход к построению программ исследования качества образования // Модернизация общего образования на рубеже веков: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. С. 3-10.
15. Кларин М. В. Педагогическая технология. М., 1989. 187 с.
16. Щедровицкий Г. П., Котельников С. И. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. СМД методология в конфликтологии . Сб., М. 2004. Вып. 21. С. 6-19.
17. Мухина Т. Г. Активные и интерактивные образовательные технологии (формы проведения занятий) в высшей школе: учебное пособие. Н. Новгород: ННГАСУ, 2013. 97 с.
18. Панина Т. С., Вавилова Л. Н. Современные способы активизации обучения: учеб.пособие для студентов. высш. учеб заведений. М. : Академия, 2008. 176 с.
19. Полат Е. С., Бухаркина М. Ю., Моисеева М. В., Петров А. Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студ. педвузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров. М. : Академия, 2005. 272 с.
20. Вербицкий А. А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения. М. : ИЦ ПКПС. 2004. 84 с.

APPROACHES TO DEFINITION OF STRUCTURE, THE CONTENTS, WAYS OF FORMATION OF RESEARCH COMPETENCE OF STUDENTS, FUTURE EXPERTS IN THE FIELD OF SOCIOCULTURAL SERVICE

© 2015

N. I. Astashina, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the chair «Service».
Nizhniy Novgorod state engineering-economic university, Vorotynets, (Russia)

Annotation. Background research competence formation of future professionals in the field of socio-cultural service is determined by the requirements for them the conditions of modernity. Analysis of the requirements for the results of development of basic educational programs, certain federal state educational standards in the direction of preparation «Service» shows that many of them are formed on the basis of research competencies. Analysis of publications in the psycho-pedagogical and methodological publications shows that there are different approaches to understanding the nature and structure of the concepts of «competence» and "competence". According to some scholars (VA Bolotov, IA Winter, Y. Krivenko, A. Ushakov, AV Hutorskoy al.) Research competence is a key. Research competence includes a number of components: motivational, cognitive, operational and reflective. All components are interconnected, each fulfilling its functions and tasks. To carry out studies of individual or collective nature of the student must possess certain personal qualities. Formation of research competence is carried out in a systematic and continuous educational process (MV Clarin, GP Schedrovitsky), technology (NV Kuzmina, Mitin LM), and the expected results of training (BS Gershunsky VA Semichenko). Research competence of students formed, provided the use of active methods and technologies in the process of training and organization of independent work of students. Research competence of students in their future careers is one of the most important goals of modern programs of higher education.

Keywords: Federal state educational standard of higher education, competence-based approach, competences, competence, research kompetenost.

УДК 378.147:004

ВОЗМОЖНОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ В ДИАГНОСТИКЕ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ МУЛЬТИАГЕНТНЫХ СВЯЗЕЙ

© 2015

А.В. Богданова, кандидат педагогических наук, начальник отдела сопровождения дистанционного обучения
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются разные подходы к моделированию процессов в вузе. Все рассмотренные подходы подразумевают применение концепции мультиагентных связей. Рассматривая конкретные задачи диагностики качества образования, автор отмечает, что они имеют сходную формулировку. Это позволило обобщить их единым математическим описанием. В статье исследуется простейший случай моделирования в диагностике качества образования на основе мультиагентных связей. Далее автор обращается к концепции второго закона термодинамики, указывая, что в теории информации задача управления агентами сводится к ограничению разнообразия возможных значений параметров. Минимальное количество полученной и переработанной информации для выбора данных параметров определяется максимальной энтропией для данной неопределенности. В диагностике качества образования на основе мультиагентных связей часто встречается ситуация, когда не все фазовые координаты значимы для конечной точки фазовой траектории – результата производимых изменений. В данном случае имеет место задача оптимального управления, в которой начальное фазовое состояние агента однозначно задано, а конечное состояние может быть выбрано из множества значений. Все перечисленные аспекты рассмотрены последовательно в данной статье. Описана работа с дополнительными условиями при использовании математических выражений. Представленные системы уравнений и формулы в комплексе позволяют систематизировать управление процессами в вузе и оптимизировать диагностику качества образования.

Ключевые слова: мультиагентные связи, управление качеством образования, показатели качества, диагностика качества образования, качество образования, качество процессов, синтетические показатели качества.

Рассматривая конкретные задачи диагностики качества образования с позиции мультиагентных связей [1-4], можно заметить, что при всей различности их содержания они имеют довольно сходную формулировку. В каждой такой задаче выступает так называемая целевая функция $f = f(x_1, x_2, \ldots, x_n)$, которую следует оптимизировать: найти такие значения переменных $x_1, x_2, \ldots, x_n$, чтобы:

$$f = f(x_1, x_2, ..., x_n) = \min \quad \text{èëè} \quad f = f(x_1, x_2, ..., x_n) = \max$$

При этом переменные $x_1, x_2, \ldots, x_n$ должны выполнять некоторые дополнительные условия, которые можно записать в виде балансовых уравнений или балансовых неравенств с граничными условиями:

$$\Phi_k(x_1, x_2, \ldots, x_n) = C_k \quad k = 1,2,...,m$$

$$\Phi_k(x_1, x_2, \ldots, x_n) \le C_k \quad k = 1,2,...,m,$$

$$\alpha \ge \tilde{o}_i \ge \beta \quad i = 1,2,...,n.$$

Если независимые побочные условия даются в виде балансовых уравнений, то их количество не может быть больше числа переменных $m \le n$. Разность $n–m$ определяет число степеней свободы в данной задаче: только $n–m$ переменных может быть взято произвольно; значения остальных переменных определяются из балансовых уравнений. В частном случае, когда $m = n$, число степеней свободы равно нулю, а балансовые уравнения определяют значения всех переменных. Чтобы быть управляемым, агент, прежде всего, должен быть полностью определен, то есть все его составные части должны быть взаимосвязаны (напрямую или посредством других агентов), а связи между ними – логически обусловлены и осуществимы. Математически агент определен, если определено множество всех возможных состояний объекта. Функционирование агентов можно отождествить с постоянным изменением, движением. Величины, характеризующие их состояние, являются их фазовыми координатами. Величины, управляющие агентом – его управляющими параметрами. Фазовые координаты могут быть числовыми показателями и относительными, то есть величины, соответствующие фазовым координатам, могут иметь числовые и процентные значения.

Управляющие параметры можно разделить на прямые и косвенные. Таким образом, «изменение» агентов и их связей заключается в изменении их состояния, то есть фазовые координаты – величины переменные, и происходит под действием управляющего параметра. Определим фазовые координаты некоторого агента как x_1, x_2, …, x_n, а управляющие функции, как $u_1(t)$, $u_2(t)$, …, $u_m(t)$. Момент времени t_0 примем за точку отсчета – это будет начальный момент рассмотрения в рамках моделирования.

Агент будет считаться управляемым, если для каждого $t > t_0$ возможно точно и однозначно прогнозировать изменения, то есть найти функции $x_1(t)$, $x_2(t)$, …, $x_n(t)$, характеризующие изменение фазовых координат во времени [5].

Управляющие параметры являются входными величинами, а фазовые координаты – выходными. Чтобы задать изменение, нужно описать фазовое состояние агента в момент времени t_0 и выбрать входные величины. Состояние агента в каждый момент времени характеризуется фазовой точкой x. Изменение величин x и $u = (u_1, u_2, …, u_m)$ во времени назовем процессом функционирования агента. Процесс функционирования состоит из управления u(t) и фазовой траектории x(t) – последовательности изменения «координат» фазовой точки агента.

Основная задача управления на основе вышеперечисленных понятий формулируется следующим образом. В начальный момент времени t_0 агент находится в фазовой точке x_0; требуется выбрать такую функцию управления u(t), которая ко времени t_1 приведет агента в фазовую точку x_1.

Причем величины t_1 и x_1 задаются заранее и являются величинами, характеризующими конечную точку - результат управления. Фазовые координаты точки x_1 – цель управления.

Наиболее сложен вариант задачи диагностики качества образования, при котором известно только конечное положение x_1 агента – необходимый результат, который должен быть достигнут путем изменений. Допустим, нам требуется поддерживать некоторый процесс в определенном фазовом состоянии ($x(t) = (x_1(t), x_2(t), …, x_n(t)) = \text{const}$), то есть обеспечивать качество образования за счет агента на заданном уровне по показателям, формируемым в результате деятельности данного агента.

Под действием каких-либо (внешних или внутренних) факторов агент может выйти из устойчивого состояния, а точка x_0, куда он попадет, заранее неизвестна. Следовательно, для оптимального управления агентом мы должны иметь набор функций управления U(t), позволяющих из любой точки x_0 вернуть его в рабочее состояние x_1.

Отметим, что точка x_0 на практике не может быть любой в прямом понимании этого слова. Обычно рассматривается набор точек, имеющих отклонение от x_1, не превышающее определенной величины или несколько вариантов возможного развития событий. Отклонение выбирается в зависимости от самого агента и его особенностей, внешних факторов воздействия, условий и периода функционирования агента и т.д.

В общем случае при выполнении данного управления оценка проблемной ситуации состоит в измерении и сопоставлении характеристик агента: план – факт – норматив – $<P_t, F_t, N_t>$ и план – прогноз – норматив – $<P_{n+1}, F_{n+1}, N_{n+1}>$. При этом первое выражение используется для оценки проблемной ситуации в рассматриваемом интервале планирования t, а второе – в прогнозируемом интервале времени $t_1 = n+1$.

Количественная оценка рассогласования определяется как некоторое среднеквадратичное отклонение между величинами плана, факта и прогноза. При этом следует определить отдельные характеристики отклонения относительно каждого показателя качества образования и некоторую комплексную характеристику оценки проблемы в целом:

$$(x_{ijt}^{\text{ие}} - x_{ijt}) \le \Delta x_{ijt}^{i}, \qquad i = \overline{1,n}; \quad j = \overline{1,m}; \quad t = \overline{1,T};$$

$$\Delta x_{jt}^{i} = \sqrt{\sum_{i=1}^{n} (x_{ijt}^{\text{ие}} - x_{ijt})^2}.$$

Как отмечено выше, в случае неравнозначного влияния результирующих показателей агента на оценку проблемы в целом выражение для Dx_{ijt} будет представлено в виде взвешенной суммы. При выполнении задачи управления процесс перехода агента в заданное состояние должен быть оптимальным. Само по себе понятие оптимальности определяется в зависимости от качеств агента и фазовых координат точек x_0 и x_1 его состояния. В общем случае в задаче диагностики качества образования на основе мультиагентных связей рассматривается управление с течением времени и с изменением значимых величин. Здесь и далее мы рассматриваем временные зависимости и достижение плановых результатов к определенным срокам, что обусловлено особенностями функционирования вузов в системе образования.

Рассмотрим простейший случай моделирования для целей диагностики качества образования на основе мультиагентных связей. На агент P, являющийся внутренним процессом вуза, действует с одной стороны управляющий параметр U, а с другой – внешние факторы среды и внутренние факторы инерции самого процесса и информационно-коммуникативного пространства. Для упрощения примера и большей наглядности будем рассматривать небольшой промежуток времени. Вследствие этого внешнюю среду агента будем считать неизменной, а коэффициент противодействия внешней среды – константой. На агент действуют две силы: со стороны внешней среды – $b\dot{x}_1$ и со стороны внутренней среды – kx_1, а также управляющее воздействие U. Тогда поддержание агента в равновесном состоянии будет описываться следующим законом:

$$U = A\dot{x}_1 + B\dot{x}_1,$$

где A – коэффициент воздействия внешней среды, B – коэффициент противодействия (инертности) внутренней среды, x_1, $\dot{x}_1$ – фазовые координаты. Данное уравнение представляет собой закон изменения агента фазовых координат с течением времени с учетом управляющего параметра.

В общем случае, если принять $\dot{x}_1$ за x_2, $\dot{x}_2$ за x_3 и т.д., процесс управления можно выразить следующей системой [5]:

$$\begin{cases} \dot{x}_1 = f_1(x_1,...,x_n,u_1,...,u_m) \\ \dot{x}_2 = f_2(x_1,...,x_n,u_1,...,u_m) \\ \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots \\ \dot{x}_n = f_n(x_1,...,x_n,u_1,...,u_m) \end{cases}$$

или в векторной форме:

$$\dot{x} = f(x,u)$$

где f(x,u) – некоторый набор функций, определяемый качествами агента P и целями управления. Эта система будет иметь решение только в том случае, когда величины $u_1, u_2, …, u_m$ мы заменим законами их изменения,

т.е. непосредственно управляющими функциями для момента времени $t > t_0$, где t_0 – начальный момент времени в рамках модели:

$$\begin{cases} \dot{x}_1 = f_1(x_1,...,x_n,u_1(t),...,u_m(t)), \\ \dot{x}_2 = f_2(x_1,...,x_n,u_1(t),...,u_m(t)), \\ ..... \\ \dot{x}_n = f_n(x_1,...,x_n,u_1(t),...,u_m(t)). \end{cases}$$

или в векторной форме:

$$\dot{x} = f\ (x\ ,u(t)$$

При известных $t > t_0$, x_0 и управляющих функциях система позволяет однозначно определить «траекторию» изменения агента P. Математически продемонстрировано, что изменяя управляющие функции, мы можем изменять «траекторию» агента, а контролируя внешние воздействия на него, можем нейтрализовать их с помощью изменения соответствующих управляющих параметров.

Выбор управляющих параметров представляет в большинстве случаев самостоятельную задачу [6-8]. Поэтому показатели качества образования как критерии степени упорядоченности должны содержать и возможность контроля правильности сделанного выбора управляющих параметров. Управляющие параметры не могут принимать абсолютно произвольные значения, они обычно подчинены различным ограничениям. Например, если в качестве управляющего параметра U агента P рассматривать количество ежегодно принятых студентов, то он не может быть сколь угодно большим по величине:

$U < \alpha$,

где α – верхняя граница, определяемая экономическими и другими значимыми факторами, а также общим количеством выпускников вуза.

Для агентов, имеющих несколько управляющих параметров, характерна следующая зависимость:

$$\alpha_i \le U_i \le \beta_i, \quad i = 1,...,m,$$

где i – количество управляющих параметров, α_i, β_i – ограничения величины i-ого управляющего параметра. Данная зависимость наглядно демонстрирует, что области изменения управляющих параметров не зависят друг от друга. В общем случае эти ограничения можно выразить так: фазовая точка агента, характеризующаяся управляющими параметрами u_1, u_2, …, u_m, должна принадлежать заранее заданному множеству управления U, иначе управляющий параметр не может и не должен быть принят к рассмотрению.

Следовательно, для математического моделирования в рамках диагностики качества образования на основе мультиагентных связей достаточно задать закон изменения состояния участвующих агентов и множество управления U. Задачу об оптимальном управлении можно сформулировать следующим образом: среди всех допустимых управлений uϵU, в результате действия которых агент или система агентов переходит из начальной фазовой точки x_0 в предписанную точку x_1, найти такое, для которого этот переход осуществляется с наиболее выгодным сочетанием финансовых, кадровых и других необходимых ресурсов и за минимально возможное время. Поскольку оптимальный переход для вузов определяется не только быстродействием, он в некоторых случаях может занимать большее время, чем кратчайший путь из фазовой точки x_0 в фазовую точку x_1. Но поскольку в условиях современного общества и существующей системы высшего образования на первый план выходит быстрота реагирования вузов на изменения среды, предпочтение почти всегда отдается вариантам решения с наименьшими затратами времени, то есть оптимальному переходу в смысле быстродействия. Какова бы ни была отличная от x_1 точка x фазового пространства модели, существует оптимальный (в смысле быстродействия) процесс перехода из точки x в точку x_1, при условии, что найдется функция управления u(t), все значения которой принадлежат множеству управления U, позволяющая достигнуть фазовой точки x_1, из положения x.

Обращаясь к концепции второго закона термодинамики, отметим, что в теории информации задача управления агентами сводится к ограничению разнообразия возможных значений параметров, описывающих состояние или агента в виде совокупности фазовых точек, занимающей в многомерном пространстве гиперобъем V_0 до гиперобъема V_1 Î V_0. Минимальное количество полученной и переработанной информации для выбора V_1 из V_0 определяется максимальной энтропией для данной неопределенности:

$$n_W^{\min} = H^{\max} = \log_2(V_0 / V_1)$$

Начальная энтропия системы агентов определяется как:

$$\acute{I}_{\ i} = -\sum_{i=1}^{n} (v_i^{\acute{a}\grave{i}}\ \log v_i^{\acute{a}\grave{i}} + v_i^{\hat{i}\grave{o}\hat{e}}\ \log v_i^{\hat{i}\grave{o}\hat{e}}\ )$$

где n – количество агентов, участвующих в моделировании, $v_i^{\acute{a}\grave{i}}$ – вероятность безотказности и надежность i-ой операции, $v_i^{\hat{i}\grave{o}\hat{e}}$ – вероятность отказа или риска на i-ой операции, $v_i^{\acute{a}\grave{i}} + v_i^{\hat{i}\grave{o}\hat{e}} = 1$.

При этом информация должна быть переработана за время, не превышающее некоторое критическое значение T. Следовательно, минимальная скорость переработки информации в условиях мультиагентных связей определяется по формуле:

$$R_{\min} = \frac{I_1}{t} = \frac{1}{T}\log_2(V_0 / V_1)$$

Если информационно-пропускная способность системы агентов равна некоторой величине C_s, то система работоспособна и рентабельна до тех пор, пока значение скорости R меньше C:

$$\frac{1}{T}\log_2(V_0 / V_1) < C_s,$$

т.е. работоспособная система должна иметь показатель избыточности:

$$\delta = \frac{C_s - R}{R} < 0$$

$$\delta = \frac{C_s K_t}{\log_2(V_0 / V_1)} - 1 = \frac{n_W^{\max}}{n_W} - 1,$$

где $n_W^{\max}$ – максимально возможное количество информации, которое может переработать система агентов за время T, V_0 – показывает сложность решаемой задачи, V_1 – показывает точность работы системы, K_t – показатель быстродействия агента или системы агентов, d – информационно-математическое выражение эффективности работы системы агентов.

В диагностике качества образования на основе муль-

тиагентных связей часто встречается ситуация, когда не все фазовые координаты значимы для конечной точки фазовой траектории – результата производимых изменений [9]. В данном случае имеет место задача оптимального управления, в которой начальное фазовое состояние агента однозначно задано, а конечное состояние может быть выбрано из множества значений.

Часто имеет место и такая задача, когда некоторые из координат начальной точки задаются не конкретным значением, а множеством. Такие задачи получили название задач с подвижными концами.

Пусть имеется агент:

$$\dot{x} = f(x,u) \quad u \in U,$$

где $x=(x_1,\ldots,x_n)$ – фазовое состояние, $u=(u_1,\ldots,u_m)$ – управляющий параметр, M_0 и M – множества произвольных размерностей r_0 и r ($r_0<n$, $r<n$).

Требуется найти допустимое управление u(t), которое в кратчайшее время переведет агент из некоторого фазового состояния $x_0 \hat{I} M_0$ в некоторое положение $x \hat{I} M$.

Данная задача часто решается при помощи метода главных компонент. Исходная предпосылка метода основана на том, что наблюдаемые признаки – это форма проявления некоторого единого по своей сущности процесса, не поддающегося непосредственному комплексному измерению. Метод состоит в том, чтобы по исходным признакам выбрать как можно меньшее число синтетических характеристик и показателей качества образования, наилучшим образом описывающих агент. В соответствии с моделью факторного анализа отдельные наблюдения признаков – это линейные комбинации значений синтетических показателей [5]:

$$z_{ij} = \sum_{k=1}^{r} a_k P_{jk} + l_i \qquad i = \overline{1,m} \quad j = \overline{1,n},$$

где z_{ij} – значение исходного признака i агента j, a_{ik} – постоянные коэффициенты, определяемые самими факторами, P_{kj} – значения показателей качества образования на агенте как объекте измерения j, r – число синтетических показателей, l_i – специфические показатели, описывающие индивидуальные изменения z_{ij}.

Исходные признаки следует подвергать предварительному нормированию для того, чтобы обеспечить их сопоставимость. Для этого используется интегрирующая зависимость:

$$z_{ij} = \frac{y_j - \bar{y}_i}{s_i},$$

где y_{ij} – значение признака i в модели в исходных единицах измерения, $\bar{y}_i$ – среднее значение признака i:

$$\bar{y}_i = \frac{1}{n}\sum_{j=1}^{r} y_j,$$

s_i – среднеквадратичное отклонение признака i:

$$s_i = \sqrt{\frac{1}{n-1}\sum_{j=1}^{n}(y_j - \bar{y}_i)^2}.$$

В матричной форме решение можно записать следующим образом:

$Z = AP + L$,

где Z – матрица стандартизованных исходных признаков; порядок матрицы – m; A – матрица отображения синтетических показателей качества образования, которую надо определить; порядок матрицы – m x r; P – матрица значений показателей на объектах измерения; порядок матрицы – r x n; L – матрица специфических показателей; порядок матрицы – m x n.

С целью обеспечения единственности решения в методе главных компонент вводятся дополнительные условия. Дисперсия первого показателя должна составлять максимум от полной дисперсии исходных признаков, дисперсия второго показателя должна составлять максимум оставшейся дисперсии и т.д. Имеет место принцип последовательной максимизации:

$$s_k = \sum_{j=1}^{n} P_{jk}^2 \to \max \quad \cup \quad \sum_{j=1}^{n} P_{jk} P_j = 0 \ \ ïðè \ \ k \neq l.$$

Получаемые методом главных компонент синтетические показатели упорядочиваются по величине их дисперсии, так что первые из них концентрируют в себе большую долю информации, чем каждый из исходных признаков. За счет этого метод главных компонент позволяет продолжать работу с обобщенными показателями агентов.

Возможности моделирования в диагностике качества образования на основе мультиагентных связей довольно велики. Интеграция концепции мультиагентных связей и основных идей информатизации вуза позволяет добиться довольно высоких результатов. Так, применение аддитивной и индивидуальной оценки синтетических показателей качества агентов позволяет формировать информативные отчеты о функционировании агентов (как в части процессов, так и подразделений). Применение элементов теории оптимального управления обеспечивает четкость описания задач управления качеством и доступность диагностического инструментария. Математическое моделирование процессов, используемое нами в целях диагностики качества образования, в первую очередь обеспечивает единство критериальных оценок при рассмотрении разных агентов. Благодаря этому удается избежать субъективного восприятия анализируемых процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Субботін С. О., Олійник А. О., Олійник О. О. Неітеративні, еволюційні та мультиагентні методи синтезу нечіткологічних і нейромережних моделей: Монографія / Під заг. ред. С. О. Субботіна. Запоріжжя: ЗНТУ. – 2009. – 375 с.

2. Богданова А.В. Экономические аспекты диагностики и управления качеством в информационно-коммуникативном пространстве вуза // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2012. № 3. С. 13-16.

3. Богданова А.В., Ярыгин А.Н. Эффективность диагностики и системы управления качеством образования в вузе с использованием информационных технологий // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2012. № 2 (18). С. 24-31.

4. Богданова А.В., Ярыгин А.Н. Управление вузом как экономической системой в условиях внедрения информационных технологий // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2012. № 4 (11). С. 173-175.

5. Болтянский В.Г. Математические методы оптимального управления. – Изд. второе, перераб. и доп. - М.: Наука, 1969. – 408 с.

6. Глазова В.Ф. Планирование содержания дисциплины «Информатика» в рамках компетентностного подхода к обучению // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2013. № 4 (15). С. 57-60.

7. Богданова А.В. Информатизация образовательного учреждения с применением принципов ITIL / Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2012. № 4 (11). С. 18-20.

8. Глазова В.Ф. Особенности процесса информати-

зации в вузе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2013. № 1 (12). С. 28-30.

9. Руденко И.В., Ахметжанова Г.В., Дыбина О.В. и др. Образовательные технологии в вузе учебное пособие. – Тольятти, 2011.

MODELING CAPABILITY IN DIAGNOSING THE QUALITY OF EDUCATION BASED ON MULTI-AGENT RELATIONS

© 2015
A.V. Bogdanova, candidate of pedagogical sciences, the chief of department of distance learning support
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract. The article considers different approaches to the modelling of processes at the University. All approaches involve the use of the concept of multi-agent relations. Considering the specific diagnosis of the problem is the quality of education, the author notes that they have similar wording. This allowed us to generalize their unified mathematical description. The article deals with the simplest case modeling in the diagnosis of the quality of education based on multi-agent relations. Next, the author turns to the concept of the second law of thermodynamics. She specifying that in the theory of information the problem of management of agents is reduced to restriction of a variety of possible values of parameters. The minimum quantity of the received and processed information for a choice of these parameters is defined by the maximum entropy for this uncertainty. In diagnostics of quality of education on a basis the multi-agent relations often meets a situation when not all phase coordinates are significant for a final point of a phase trajectory – result of the made changes. In this case the problem of optimum control in which the initial phase condition of the agent is unambiguously set takes place, and the final state can be chosen from a set of values. All listed aspects are considered consistently in this article. Work with additional conditions when using mathematical expressions is described. The presented systems of the equations and formula as a complex allow to systematize management of processes in the University to optimize diagnostics of quality of education.

Keywords: multi-agent relations, education quality management, quality indicators, quality diagnostics of education, quality of education, quality of processes, synthetic indicators of quality.

УДК 373.8

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПРОЦЕССЕ СИСТЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПЕДАГОГОВ

© 2015
С.В. Власенко, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики
Г.И. Чемоданова, кандидат педагогических наук**,** доцент, заведующая кафедрой теории и методики военного и физического воспитания
Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева, Казахстан (Петропавловск)

Аннотация: Инновационная деятельность представляет собой сложную структуру, являясь интегральной характеристикой, в которой осуществляется синтез профессиональных знаний, педагогических умений, творческого потенциала личности учителя и его направленности на постоянное обновление собственного стиля деятельности. Одной из главных структур в развитии инновационной деятельности педагога является методологическая подготовка, имеющая самостоятельные функции и профессионально значимую роль в системе повышения его квалификации. Однако в педагогических исследованиях вопросы подготовки педагогов к инновационной деятельности не нашли полного и детального освещения и остаются малоизученными. Процессы преобразования в современном обществе коснулись, прежде всего, системы повышения квалификации педагогических кадров. Идет поиск наиболее эффективных путей дальнейшего развития системы повышения квалификации педагогических кадров. Формирование личности профессионала по своей сути и содержанию представляет процесс присвоения исторического, профессионального опыта, опыта поведения и жизнедеятельности, его результативность соотносится с уровнем компетентности. Обусловлено это развитием образовательного и профессионального потенциала государства. Основные задачи модернизации образования: увеличение его доступности, качества и эффективности - предполагают обновление содержания образования, приведение его в соответствие с запросами времени и задачами развития страны. Система повышения квалификации педагогов школ должна учитывать модернизацию и актуализацию не только специальных, но и педагогических знаний и умений, которые вместе составляют основу их профессионально-педагогической подготовки. Однако на практике обучение педагогов часто не решает поставленную задачу, мало внимания уделяется вопросам развития профессиональной компетентности. На наш взгляд, сложившуюся ситуацию можно объяснить отсутствием единой концепции использования инновационных форм организации обучения **в** развитии профессиональной компетентности педагогов в системе повышения квалификации.

Ключевые слова: инновационная деятельность педагога, курсовая подготовка, формы и методы повышения квалификации, проектирование содержания курсовой подготовки.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Современный этап развития системы повышения квалификации характеризуется переосмыслением базовых ценностей в содержании, формах и технологиях повышения квалификации педагогов. В Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013 - 2020 годы выдвигаются «основополагающие принципы этой системы: сочетание общефедеральных подходов с широкой инициативой местных органов управления образованием, непрерывность повышения квалификации на протяжении всего периода педагогической деятельности, согласованность и преемственность функционирования различных звеньев системы повышения квалификации, опережающий характер повышения квалификации с учетом перспектив развития образовательной системы, достижений педагогической науки и актуального педагогического опыта» [1].

В настоящее время качественная подготовка кадров стала одним из важнейших залогов успеха. Все более актуальной становится компетентностная ориентация образовательного процесса, нацеленного сегодня на формирование практически применимых комплексных навыков, умений и знаний. Профессиональная компетентность педагога становится центральным объектом государственной политики, что выражается в социаль-

ном заказе готовить педагога высокого уровня, способного активно содействовать реализации образовательных проектов национального масштаба.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы. Проблемы профессионального развития педагогов, этапы становления профессионального мастерства, инновационную деятельность педагогов рассматривали исследователи с разных точек зрения: психология профессионального развития - Э.Ф. Зеер [2]; психологические аспекты инновационной педагогической деятельности - Н.В. Клюева [3]; деятельность учителя в аспекте повышения качества образования - Л.В. Мозгарев [4]; этапы профессионально-личностного развития учителя - П.Е. Решетников [5]. Важным аспектом, с точки зрения нашего исследования, является рассмотрение общих проблем использования в учебном процессе форм организации процесса обучения, педагогических технологий и инновационных форм организации процесса обучения (А.И. Жук [6]; Г.К. Селевко [7] Н.И. Чуркина [8] и др.).

Растет не только технологическая, но и личностная составляющая профессиональной компетентности педагога, которые давно уже вышли за пределы знаний предмета и методики обучения. Данной проблеме уделяли внимание в своих исследованиях М.П. Горчакова-Сибирская [9], И.А. Колесникова [10], Н.А. Морева [11], М.М. Левина [12], Е.И. Степанова [13] и др.).

Проблема подготовки педагогов в системе повышения квалификации исследуется учеными в различных аспектах (С.Г. Вершловский [14], В.И. Загвязинский [15], Е.А. Климов [16], Н.В. Кузьмина [17], А.К. Маркова [18], Г.Н. Сериков [19], В.А. Сластенин [20] и др.). Но реформирование образования предопределяет как появление новых требований к системе повышения квалификации работников образования, так и открывает перед ней новые возможности, связанные, в первую очередь, с использованием инновационных технологий для реализации идеи непрерывного педагогического образования.

Обновление форм организации процесса обучения педагогов в системе повышения квалификации должно происходить при качественном кадровом сопровождении, и это значит, что должна быть пересмотрена система подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагогов. Курсы переподготовки педагогов должны давать слушателям ориентацию на педагогические методы, поощряющие решение проблемы повышения эффективности педагогического процесса.

Одним из основополагающих факторов развития системы образования является изменение роли учителя в современном обществе. Э.М. Никитин [21] считает, что одной из важнейших задач и результатом реформирования федеральной системы повышения квалификации работников образования должно стать появление педагога нового типа, способного к использованию инновационных форм и методов обучения.

Американский педагог Рейгелут (Reigeluth) справедливо замечает: «по мере нашего вхождения в высоко развитое, технологическое, быстро изменяющееся, информационное общество, существующая система школьного образования все больше будет становиться неадекватной. Важно заметить, что, говоря о необходимости формирования инновационного ресурса педагогических кадров системы образования через развитие системы повышения квалификации педагоги - ученые видят необходимость основных действий по профессиональному развитию педагогов в разработке и институализации системы профессионального роста педагога, способного работать с моделью образования, ориентированного на результат [22].

Формирование целей статьи (постановка задания). Анализ психолого-педагогической теории и практики свидетельствует о том, что проблема использование инновационных форм организации обучения в современном процессе системы повышения квалификации педагогов достаточна актуальна. Именно в системе повышения квалификации должны произойти инновационные изменения в совершенствовании содержания обучения взрослых, которые позволят преодолеть «предметоцентризм» и повысить общий уровень инновационной деятельности педагога.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Инновационные процессы, происходящие в системе повышения квалификации снимают возможные напряжения, позволяя слушателям курсов приобрести психологическую, профессиональную, личностную уверенность и траекторию дальнейшей деятельности. Мы в своем исследовании опираемся на идеи Н.О. Яковлевой, рассматривающей педагогическое проектирование инновационных образовательных систем с позиций системного, деятельностного и информационного подходов [23].

Таблица 1 - Сравнительный анализ традиционного и инновационного подходов к обучению педагогов в системе повышения квалификации

Компоненты	Традиционный подход	Инновационный подход	Связь с характеристиками профессиональной компетентности
Ценности	-обучение для общественного производства	-обучение для самореализации учителя в профессии	-профессионально-значимые ценности педагога, овладение знаниями, умениями, навыками и следующими компонентами профессионального мастерства: система профессиональных знаний, умений, навыков, профессиональных способностей и профессионально важных качеств личности
Мотивы	Обучение: -как обязанность -как исполнение профессионального долга	-заинтересованность взрослого (педагога) в обучении: от удовлетворения в профессии до достижения результатов; -заинтересованность в развитии личности школьника	-мотивация к приобретению профессиональных знаний. Понятие компетентности включает не только когнитивную и операционально-технологическую составляющие, но и мотивационную, этическую, социальную, поведенческую (Никитин И.Г.)
Нормы	-«прохождение курсов», ответственность за обучение несут методические службы;	- взрослый (педагог) принимает на себя ответственность за свое обучение; - развитие личностных качеств, самоактуализация индивидуального педагогического опыта; - партнерские отношения между участниками учебного процесса	«Профессиональная компетентность» - способ существования знаний, умений, образованности, способствующий личностной самореализации, обеспечивающий ее максимальную востребованность (Болотов В.А, Сериков В.В.)
Цели	- направленность обучения на приобретение научных знаний (предметно - ориентированные)	- направленность обучения на приобретение концептуальных знаний; - овладение профессиональной культурой и компетенциями	-направленность личности педагога на приобретение знаний, овладение инновационными формами и методами обучения.
Задачи	- обучение в молодости «как запас на всю жизнь» (А.Новиков)	- обучение в течение всей жизни	-методическая проблема: как научить педагога получать знания самостоятельно, развить навыки самообразования. Профессиональная компетентность педагога в рамках системы повышения квалификации – способность педагога к эффективному осуществлению профессиональной деятельности.
Позиция участника учебного процесса	- лекторско-преподавательский состав ИПК передает знания; - методист – «передатчик и информатор» знаний, инструктор	-взаимообучение (лектор, преподаватель ИПК обучается вместе с педагогами), взаимное партнерство; -методист – фасилитатор, организатор, координатор, менеджер учебного процесса	Преподаватель ИПК – организует проектирование инновационных форм организации процесса обучения педагогов в системе повышения квалификации, способствует формированию профессиональной компетентности педагогов
Формы и методы	- авторитарный метод управления учебным процессом; - стабильная структура учебных курсов, учебно-тематического плана; - стабильные формы проведения учебных занятий	- демократичные методы (построенные на принципе равенства); - динамическая структура учебных курсов, учебно-тематических планов; - динамичные формы организации учебного процесса, акцент на переосмысление и обобщение инновационного опыта	На формирование профессиональной компетентности направлены активные, практические методы обучения, применяемые при использовании инновационных форм организации обучения педагогов в системе повышения квалификации (дистант-коучинг, вебинар, аукцион педагогических идей, конференция, интерактивный семинар и т.д.)
Средства	-основным средством являются учебные книги (методические пособия, рекомендации и т.д.)	-учебная книга дополнена ресурсами информационно-коммуникационных систем (электронные учебники, сайты, интернет-лаборатории, интернет-семинары, программно-методические средства обучения)	Интернет-ресурсы, мультимедийные средства, Портфолио учителя, банк педагогических идей способствуют осмыслению педагогической деятельности, формированию методической компетентности
Контроль и оценка	-мониторинг профессиональной деятельности педагогов	-смещение акцента на самоконтроль и самооценку обучающимися	-стержневым образованием личности является самооценка. Самоконтроль и самооценка педагогической деятельности способствуют формированию контрольно-оценочного этапа профессионализма педагога

При сравнении традиционного и инновационного подходов к обучению педагогов в системе повышения квалификации, мы видим, что инновационный подход требует от преподавателей ИПК использования инновационных форм, методов и средств обучения в системе повышения квалификации педагогов в комплексе. Кроме того, инновационные формы повышения квалификации педагогов имеют практическую направленность, что способствует формированию его профессиональной компетентности.

Выбор форм организации процесса обучения в системе повышения квалификации - процесс сложный и во многом противоречивый, неуправляемый. Он порождает новые педагогические технологии, меняет представления о межпредметных связях, модифицирует прежнее

научно-методическое обеспечение, обусловливает вариативность программ и учебных курсов. Это позволило нам сформулировать современные требования к инновационным формам организации процесса обучения в системе повышения квалификации педагогов:

- проектирование инновационных форм обучения должно быть направлено на стремление педагогов к саморазвитию и самосовершенствованию; внедрение инновационных форм организации процесса обучения в системе повышения квалификации педагогов представляет собой отнюдь не разовый акт, мгновенно встраивающий новшество в «тело» организации. Это – сложный и длительный процесс, включающий в себя целый ряд взаимосвязанных этапов (стадий), последовательно ведущих к достижению конечного результата;

- проектирование инновационных форм организации процесса обучения в системе повышения квалификации педагогов должно быть основано на уровне профессиональной компетентности педагогов; инновационные формы организации процесса обучения в системе повышения квалификации педагогов должны предоставлять разнообразные возможности и свободу выбора для самосовершенствования профессиональных умений педагога и направлены на создание ситуации успеха; проектирование инновационных форм организации процесса обучения в системе повышения квалификации педагогов приводит к качественно новым результатам и вызывает качественные изменения других компонентов педагогического процесса; инновационные формы организации процесса обучения в системе повышения квалификации педагогов обеспечивают взаимодействие с опытом (прямое взаимодействие с областью осваиваемого опыта), привлечение реальных практиков.

Таким образом, инновационные формы организации обучения в системе повышения квалификации педагогов должны соответствовать следующим критериям:

-каждому виду (элементу) содержания образования должна соответствовать адекватная ему форма организации процесса обучения; инициатива (направленность действий) как преподавателя, так и обучающегося;

-обеспечение обратной связи; реализация компетентностного подхода; обучение на собственном опыте (experiential learning);

-обеспечение самостоятельности взаимодействия обучающихся с учебной информацией; содержание нового решения способа деятельности преподавателя и педагога; обеспечение повышенной степени освоения педагогами изучаемой информации; мотивация к саморазвитию.

Разработанные нами критерии инновационности форм организации процесса обучения в системе повышения квалификации педагогов определяют и основные направления формирования профессиональной компетентности педагогов. Инновационные подходы осуществляются также в практике применения тренингов: оригинальность программ; адаптацию программ для различных категорий специалистов; применение не только тренингов, но и их элементов, органично вносимых в другие формы работы со слушателями. В структуру тренинга обычно вводятся поведенческие компоненты (отработка практических навыков), рефлексивные (развитие рефлексирования как психологического образования), коммуникативные (понимание и отработка навыков слушания, коммуникации), релаксационные (развитие навыков саморегуляции и релаксации) и другие составляющие. Инновационными аспектами процесса развития профессиональной инновационности являются:

1) изменения в организации учебного процесса (использование нетрадиционных форм преподнесения материала, формирование проблемных вопросов, совместный поиск решений, стимулирование познавательной активности и творческого потенциала слушателей и лектора через преобразование их внутреннего и внешнего мира);

2) креативная практика, включающая в себя поисково-творческую самостоятельную деятельность (групповая дискуссия, диалог, поисковый семинар, поисковый практикум), разработку инновационных проектов, глубокое осознание, воплощение и оценку творческого результата.

3) Самообразование (изучение передового опыта, новинок педагогической и методической литературы, самостоятельное научное исследование, например, написание статьи о своем педагогическом опыте и т.д.).

Этапы использования инновационных форм процесса обучения:

1. Погружение в проблему. Это своего рода теоретический «вброс» информации, основное содержание которой: понятие «инновационные формы организации процесса обучения», типы и виды решений, методы принятия решений.

2. Формирование педагогических команд. Особый процесс объединения слушателей в работоспособную команду, выбор лидера, определение схемы работы команды, распределение ролей в группе, выбор способов взаимодействия членов команды.

3. Получение начальной информации о проблеме представляет собой краткое изложение ситуации, описание основных параметров деятельности, постановку задачи (вопроса, проблемы).

4. Решение задачи. Этот этап посвящен непосредственно использованию инновационных форм организации процесса обучения с обоснованием стратегии и тактики поведения педагога, описанием пакета решений. Он характеризуется наибольшим эмоциональным накалом, спорами, дискуссиями, иногда столкновением мнений. Здесь проявляются не только личностные качества, но и профессиональный опыт, коммуникативные характеристики слушателей, оптимальность распределения ролей.

5. Представление решений осуществляется лидером педагогической команды, который озвучивает пакет управленческих решений, обосновывает их выбор, отвечает на вопросы.

Использование инновационных форм организации процесса обучения позволяет педагогам не только опробовать теоретические позиции, но и включает эмоциональный фактор ответственности за решение, возможности предложить варианты, а главное, обогатить свои личный опыт действия в различных условиях решения широкого спектра проблем.

Проектирование инновационных форм организации процесса обучения в системе повышения квалификации педагогов может быть реализовано при соблюдении ряда педагогических условий.

- изменение компонентов педагогического процесса: целей, содержания образования, форм, методов, технологий, средств обучения, системы управления; развитие компонентов профессиональной компетентности педагогов (когнитивный, прогностический, мотивационный, операционно-деятельностный, рефлексивно-оценочный);

- использование в системе повышения квалификации форм организации процесса обучения педагогов, способствующих формированию теоретических знаний по проблеме использования в учебном процессе инновационных форм и методов обучения, включению в содержание обучения курсов повышения квалификации понятий, концепций, направленных на формирование системы знаний об инновационных формах организации процесса обучения, теорий инновационной деятельности, знаний о научном проектировании нового содержания и инновационных педагогических технологий, знаний методологических основ педагогической деятельности; развитие деятельности и мышления педагога

за счет усиления интегративных связей в системе «ИПК - образовательное учреждение» (проблемная лекция, теоретический семинар, вебинар, круглый стол, научная конференция);

- формирование умений использовать инновационные методы и формы обучения (мастер-класс, проекты, самостоятельная практическая работа, интерактивные занятия, разработка конспектов уроков);

- формирование положительной мотивации педагогов к инновационному обучению (индивидуально-обособленные учебные занятия, групповое обучение, беседа, семинар, занятия в малых группах, коллективные учебные занятия, кейс-стади, имитационные деловые игры, моделирование); этапная подготовка и повышение квалификации педагогов: моделирование, проектирование, использование активных и интерактивных форм работы со слушателями, креативная практика, тренинги и внесение их элементов в практические занятия, деловые игры;

- обеспечение профессионально-ориентированного педагогического взаимодействия в процессе обучения; применение интерактивных технологий обучения с учетом основной задачи и специфики субъектов обучения; стимулирование самообразовательной деятельности, введение педагогов в круг педагогических инноваций;

- включение педагогов в рефлексивно-оценочную деятельность (написание рефлексивных отчетов, самоанализ, оценивание работы коллег и самооценка в процессе повышения квалификации); проведение с преподавателями института повышения квалификации методической учебы по проектированию инновационных форм организации процесса обучения педагогов в системе повышения квалификации.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Выявленные педагогические условия проектирования форм организации процесса обучения в системе повышения квалификации педагогов выражены в виде основы содержания процесса обучения в системе повышения квалификации педагогов, органично включают принципы: ориентированность на личность, паритетность, динамичность, осознанная перспектива, непрерывность, разносторонность методического консультирования и способствуют тому, чтобы система повышения квалификации стала центром инновационного движения. Современная система повышения квалификации сможет снять ряд проблем, а именно: дублирование, нерациональное распределение ресурсов, слабое влияние на результаты образовательной практики, медленное распространение инноваций и др.

Повышение квалификации учителей в настоящее время требует должного внимания вопросам использования инновационных форм организации процесса обучения, соответствующих психофизиологическим особенностям взрослых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013 - 2020 годы. М., 2013.

2. Зеер Э.Ф. Психология профессионального развития. М.: Академия, 2009. 240 с.

3. Клюева Н.В. Педагогическая психология. М.: Владос, 2006. 400 с.

4. Мозгарев Л.В. Учитель и качество образования// Педагогика: научно-теоретический журнал / Ред. В.П. Борисенков, А.Я. Данилюк. 2007. №1. С. 66 -73.

5. Решетников П.Е. Профессионально-личностное развитие учителя на первой ступени педагогического образования. Автореф… на соискание ученой степени доктора пед. наук. Белгород, 2000. 26 с.

6. Основы педагогики / под общей редакцией А.И. Жук, И.И. Казимирская. – Минск: БГУ, 2003. 154с.

7. Селевко Г.К., Селевко А.Г. Социально-воспитательные технологии. // М.: Народное образование. Школьные технологии, 2002. № 3. С.13.

8. Чуркина Н.И. Демократические реформы образования и возможности инноваций в этом процессе. // Проблемы педагогической инноватики в профессиональной школе: материалы 4-й межрег. межотраслевой науч.-практ. конф. Книга 1 /Сост. Н.Н. Суртаева, Т.А. Татуйко, А.А. Макареня. СПб, 2003. С.163-166.

9. Горчакова-Сибирская М.П. Основы проектирования в образовании: учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский ГИЭУ, 2006. 164с.

10. Колесникова И.А. Теория и практика модульного преобразования воспитательной среды образовательного учреждения: Учебно-методическое пособие. /Под ред. академика РАО З.И.Васильевой. СПб., 2009.

11. Морева Н.А. Тренинг педагогического общения: Учебное пособие М.: Просвещение, 2003. 304 с.

12. Левина М.М. Технологии профессионального педагогического образования. М.: Академия, 2001. 272с.

13. Степанова Е.И. Психология взрослых: экспериментальная акмеология. М.: Издательство Алетейя, 2000. 288с.

14. Вершловский С. Г. Система образования взрослых как объект прогнозирования // Человек и образование, 2010. № 1 (22). С.16-21.

15. Загвязинский В.И. Реальный гуманизм и тенденции развития образования // Образование и наука, 2000. № 1. С. 11.

16. Климов Е.А. Психология профессионального образования// Педагогика и психология высшей школы, 2004. 460с.

17. Кузьмина Н.В. Профессионализм личности преподавателя и мастера профессионального обучения. М.: Высшая школа, 1990. 117 с.

18. Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996. 309 с.

19. Сериков В.В. Обучение как вид педагогической деятельности. М.: Академия, 2008. 256с.

20. Сластенин В.А. Профессионализм учителя как явление педагогической культуры. // Педагогическое образование, 2004. № 5. С.4-15.

21. Симонов В. П. Педагогический менеджмент. Ноухау в образовании. М.: Высшее образование, 2006. 368 с.

22. Никитин Э.М. Федеральная система повышения квалификации работников образования. Учебное пособие. М.: РИПКРО, 1995. 194 с.

23. Яковлева Н.О. Педагогическое проектирование инновационных образовательных систем. Челябинск: изд-во Челябинского гуманитарного ин-та, 2008. 279 с.

THE USE OF INNOVATIVE FORMS OF EDUCATION IN MODERN PROCESSES -SERVICE TRAINING SYSTEM

© 2015

S.V. Vlassenko, candidate of pedagogical sciences, Associate Professor of Pedagogics
***G. I. Chemodanova*,** associate Professor of Pedagogics, Head of the Department of Theory and Methods of military and physical training candidate of pedagogical sciences,
North-Kazakhstan State University named after M. Kozybayev, Petropavlovsk (Kazakhstan)

Abstract. Innovative activity is a complex structure, being an integral characteristic, in which the synthesis of professional knowledge, pedagogical skills, creativity and personality of the teacher to continually update their own style of activity. One of the main structures in the development of innovative activity of the teacher is the methodological training, which has distinct functions and professionally significant role in the increase of its qualification. However, in educational research questions of preparation of teachers to innovative activity did not find a full and detailed coverage and remain maloizuchen¬nymi. Transformation processes in modern society concerned, first of all, the system of professional teachers. There is a search for the most effective ways of further development of advanced training of teachers. Formation of professional identity in nature and content is the process of assigning historical, professional experience, behavior and experience of life, its performance is correlated with the level of competence. This is due to the development of educational and professional potential of the state. The main objectives of the modernization of education: increasing its availability, quality and efficiency - suggest updating the content of education, bringing it in line with the demands of time and development objectives of the country. System of training school teachers should take into account the modernization and updating of not only special, but also pedagogical knowledge and skills, which together form the basis of their professional teacher training. However, in practice, the training of teachers often solves the problem, little attention is paid to the development of professional competence. In our view, the situation can be explained by the lack of a unified concept of the use of innovative forms of organization of learning in the development of professional competence of teachers in the training

Keywords: innovative activity of the teacher, course preparation, forms and methods of training , designing content of course preparation.

УДК 378.046.4

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ШКОЛ НА КУРСАХ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ В УКРАИНЕ И В РОССИИ

© 2015

Н.Н. Коваль, методист
Донецкий областной институт последипломного педагогического образования, Донецк (Украина)

Аннотация: В статье проведен сравнительный анализ качества подготовки руководителей школ на курсах повышения квалификации в Украине и в России. Акцент сделан на недостатках и проблемах, которые существуют в системе повышения квалификации руководящих кадров, а также способах их преодоления.

Ключевые слова: формы повышения профессионального мастерства, руководитель, система повышения квалификации, профессиональная подготовка руководителей, аналитическая деятельность, курсы повышения квалификации.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. На современном этапе развития информационного общества в Украине необходимо создать условия для обеспечения опережающего непрерывного характера повышения квалификации руководящих кадров в соответствии с потребностями реформирования и модернизации системы образования.

В Национальной стратегии развития образования в Украине на период до 2021 года идет речь о необходимости качественного улучшения образования взрослых, деятельности учреждений последипломного педагогического образования, структурных подразделений высших учебных заведений, на базе которых осуществляются переподготовка и повышение квалификации педагогических и научно-педагогических работников [1].

Реализация данного направления деятельности Национальной стратегии позволит обеспечить повышение качества и конкурентоспособности образования в новых экономических и социокультурных условиях, ускорит интеграцию Украины в международное образовательное пространство.

Координатором и ключевой фигурой на пути к качественным изменениям в образовании является руководитель учебного заведения, который координирует, направляет работу педагогов. Степень успешной работы образовательного учреждения в целом зависит от экономической грамотности директора, инициативности заместителей, умения принимать самостоятельные решения стратегического и тактического характера руководителями первого уровня.

Современный руководитель-педагог должен уметь осуществлять квалифицированный анализ и самоанализ управленческой деятельности, определять перспективы развития учреждения и в соответствии с его миссией предусматривать стратегию дальнейшего развития [2, с.23]. То есть сегодня руководитель общеобразовательного учебного заведения – это и менеджер, и стратег, и тактик, и аналитик.

В большинстве литературных и нормативных источниках, диссертационных исследованиях, посвященных управлению школой, при рассмотрении процесса управления основное внимание уделяют тем функциям управленческого цикла, которые имеют более или менее выраженные формализованные алгоритмы осуществления следующих процессов: целеполагание, планирование, мотивация, организация и контроль.

Научно-методической литературы практической направленности, посвященной педагогическому анализу и аналитической деятельности руководителей образовательных учреждений, недостаточно.

Исследования, появившиеся в последние годы, связанные с вопросами теории и методики осуществления педагогического анализа в управлении школой, подробно рассматривают педагогический анализ как функцию управления, направленную на обеспечение повышения эффективности управления, но при этом у них наблюдается существенный недостаток – отсутствие практической части.

Поэтому для любого руководителя-педагога самая большая проблема – алгоритм осуществления педагогического анализа.

Проблема практического осуществления педагогического анализа и других функций управленческого цикла в большинстве случаев обусловлена не самими руководителями, а существующими пробелами в их профессиональной подготовке и отсутствием необходимой практической литературы по аналитической деятельности в управлении учебным заведением.

Именно институты последипломного педагогического образования призваны готовить управленца новой формации, эффективных менеджеров образования, совершенствовать аналитическую деятельность руководителей общеобразовательных учреждений. Однако система повышения квалификации руководителей учебных заведений является несовершенной и лишь частично отвечает современным требованиям и образовательным стандартам в области последипломного педагогического образования.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которые опирается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы. Проблемы последипломного педагогического образования в последние годы раскрыты в трудах таких ученых, как В. Бондар, Л. Вовк, И. Жерносек, И. Зязюн, А. Коростелев, С. Крысюк, В. Луговой В. Майборода, Н. Побирченко, Н. Протасова, С. Сысоева, М. Смирнова, В. Швыдун и другие.

Вопросами менеджмента и качества управления школой занимались В. Дудников, Ю. Конаржевский, М. Портнов, Н. Рогожкина, Л. Фишман, В. Чупин.

Психолого-педагогические аспекты подготовки руководителей общеобразовательных учебных заведений к аналитической деятельности раскрыли в своих работах В. Бондар, Л. Даниленко, Г. Ельникова, Н. Клокар, Ю. Конаржевский, М. Лапенок, В. Маслов, М. Поташник, Л. Покроева, М. Портнова, Л. Плахова и другие.

Значение аналитической деятельности в управлении школой отметили в научных работах В. Бондар, Б. Канаев, В. Кожухар, Ю. Конаржевский, А. Коростелев, К. Крутий, Г. Савченко, В. Федоров, Г. Федоров, В. Ягупов, О. Ярыгин.

Формирование целей статьи (постановка задач). Провести сравнительный анализ качества подготовки руководителей школ на курсах повышения квалификации в Украине и в России. Обратить внимание на недостатки и проблемы, которые существуют в системе повышения квалификации руководящих кадров, а так же на способы их преодоления.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Данные для сравнительного анализа качества подготовки руководителей школ на курсах повышения квалификации в Украине и в России взяты из исследований, проведенных Российским Фондом «Развитие через образование» [3], и анкетирования руководителей общеобразовательных школ во время прохождения курсов повышения квалификации на базе Донецкого областного института последипломного педагогического образования (далее – Донецкий облИППО).

Проанализировав результаты исследований, проведенных среди руководителей российских общеобразовательных школ, были получены следующие выводы. 78% и 22% опрошенных директоров, среди форм повышения профессионального мастерства, дают высокую и среднюю оценку эффективности самообразования соответственно (таблица 1).

Высоко оценивают эффективность такой формы повышения квалификации как обучение на курсах повышения квалификации только 44% опрошенных директоров, и такова же численность дающих ей среднюю оценку. 50% заместителей высоко оценивают эффективность данных курсов, что на 6% больше, чем среди директоров.

Таблица 1. Оценивание форм повышения квалификации руководящими кадрами

Формы повышения профессионального мастерства	*Россия*		*Украина*		*Россия*		*Украина*	
	Директора (в %)		*Директора (в %)*		*Заместители (в %)*		*Заместители (в %)*	
	высоко	*средне*	*высоко*	*средне*	*высоко*	*средне*	*высоко*	*средне*
Самообразование	78	22	63	37	65	33	51	49
Консультации у более опытных коллег	52	34	84	16	51	43	73	27
Обучение на курсах повышения квалификации	44	44	84	16	50	40	80	20
Прохождение плановой аттестации	20	38	58	42	26	54	69	31
Обучение на факультете менеджеров образования	69	22	79	21	57	23	62	38

20% директоров отмечает высокую эффективность плановой аттестации, тогда как заместителей, придерживающихся подобного мнения, на 6% больше. Численность первых руководителей, дающих среднюю оценку аттестации, составляет 38%, а количество заместителей превышает половину – 54%.

69% опрошенных директоров отмечает полезность обучения на факультете менеджеров образования, а численность заместителей, отметивших эту форму, на 12% меньше.

Аналогичные вопросы были заданы руководителям общеобразовательных школ во время прохождения курсов повышения квалификации на базе Донецкого облИППО. Были получены следующие выводы на основании анализа ответов опрошенных. Так 63% директоров дают высокую оценку самообразованию, как одной из форм повышения профессионального мастерства, а 37% директоров оценивают эффективность этой формы средне (таблица 1), что на 15% меньше и на 15% больше полученных результатов для российских директоров соответственно.

51% и 49% заместителей оценивают высоко и средне эффективность самообразования соответственно, что на 14% меньше и 16% больше численности российских заместителей, отметивших эту позицию, соответственно.

Директора и заместители высоко оценивают эффективность такой формы повышения профессионального мастерства как консультации у более опытных коллег в 84% и 73% соответственно, что на 32% и 22% выше, чем у российских коллег соответственно.

Также высокую оценку дают директора и заместители обучению на курсах повышения квалификации, как форме повышения профессионального мастерства: 84% и 80% соответственно, что на 40% и 30% выше, чем у российских директоров школ и заместителей.

58% директоров отмечают высокую эффективность плановой аттестации, тогда как заместителей, придерживающихся подобного мнения, на 11% больше. Численность первых руководителей, дающих среднюю оценку аттестации, составляет 42%, а количество заместителей не превышает и 31%. Украинские директора и заместители дают более высокую оценку эффективности аттестации, чем российские руководители: на 30% и 43% выше соответственно.

Эффективным директора считают обучение на факультете менеджеров образования (79%), а количество

заместителей, отметивших эту форму, на 17% меньше. Российские директора и заместители оценивают эффективность данной формы на 10% и 5% ниже соответственно.

Таким образом, руководители школ и в России, и в Украине дают высокую оценку самообразованию, предпочитают консультации у более опытных коллег и доверяют качеству обучения на курсах повышения квалификации.

Изучение представлений руководителей России и Украины о знаниях, умениях и навыках, приобретенных на курсах повышения квалификации, показывает, что в основном это нормативно-правовые знания, знания менеджмента, навыки планирования и анализа (таблица 2).

46% опрошенных российских руководителей отметили получение новых психолого-педагогических знаний; у украинских директоров этот показатель на 30% ниже, а у заместителей директоров, наоборот – на 35% выше.

Руководители России и Украины не в достаточном объеме получают на курсах повышения квалификации знания, умения и навыки по экономике, общей эрудиции, научно-исследовательской и технической работе.

Уровень и объем подачи методических знаний украинские директора и заместители оценивают высоко: 63% и 62% соответственно, что на 38% и на 16% выше, чем у российских руководителей.

Данные свидетельствуют, что только 64% директоров и 55% заместителей российских школ получили навыки планирования и анализа, при том, как коллеги из Украины – только 53%, что не является достаточным для проведения качественного педагогического анализа результатов работы образовательной системы.

Таким образом, существующая система повышения квалификации руководителей школ и в России, и в Украине уделяет достаточно внимания вопросам совершенствования управленческой деятельности директоров и заместителей, в том числе и аналитической. Однако уровень аналитической подготовки руководителей не соответствует требованиям современного образования. Без целенаправленного формирования и развития управленческой культуры, составляющей которой является аналитическая деятельность руководителя, система образования не получит профессионального управленца.

Таблица 2. Представления руководителей о знаниях, умениях и навыках, приобретенных на курсах повышения квалификации

Знания, умения и навыки, приобретенные на курсах повышения квалификации	*Россия*	*Украина*	*Россия*	*Украина*
	Директора (в %)	*Директора (в %)*	*Заместители (в %)*	*Заместители (в %)*
Нормативно-правовые знания	69	89	41	51
Знания менеджмента, управления и организации	65	53	31	64
Навыки планирования и анализа	64	53	55	53
Психолого-педагогические знания	46	16	46	71
Общие экономические знания	34	5	66	4
Расширение общей эрудиции	31	42	32	56
Методические знания	25	63	46	62
Научно-исследовательские навыки	10	21	13	22
Новые знания по преподаваемому предмету	8	42	21	33
Технические навыки (навыки работы на компьютере, работы с документами)	8	37	12	53

По мнению Коростелева А.А., характерной чертой системы повышения квалификации руководителей школ является ставка на предоставление большого объема теоретической информации в области анализа и аналитической деятельности, который, тем не менее, не гарантирует профессиональную подготовку директоров со сформированным базовым элементом управленческой компетентности – умением анализировать [4, с.169].

Изучение [3] мнений руководителей России показывает (таблица 3), что большое число респондентов среди недостатков системы повышения квалификации отмечают отсутствие взаимосвязи получаемой информации с практической деятельностью (директора – 33%, заместители – 30%), программа курсов не учитывает потребности и интересы слушателей (директора – 37%, заместители – 40%), неудобное расписание (директора – 40%, заместители – 30%), неинтересные формы занятий (директора – 23%, заместители – 22%), а также низкий уровень преподавания некоторых курсов (директора – 23%, заместители – 16%).

Таким образом, в российском рейтинге, составленном на основе опроса директоров и заместителей, лидируют следующие недостатки курсов повышения квалификации: неудобное расписание, информация не связана с практической деятельностью, программы курсов не учитывают потребности и интересы слушателей.

Список недостатков системы повышения квалификации для украинских респондентов был расширен такими вопросами: отсутствие возможности конструировать свой собственный образовательный маршрут, отсутствие системы диагностики и самодиагностики, образовательные программы не вариативны и не мобильны.

Анализ ответов руководителей общеобразовательных школ, полученных на базе Донецкого облИППО, по недостаткам системы повышения квалификации свидетельствует о следующем: 53% и 36% директоров и заместителей соответственно отмечают отсутствие возможности конструировать свой собственный образовательный маршрут, для 21% и 18% директоров и заместителей соответственно является неудобное расписание, 16% и 18% директоров и заместителей соответственно обеспокоены отсутствием связи информации с практической деятельностью, для 16% и 11% директоров и заместителей соответственно существенным является отсутствие возможности выбора учреждения профессиональной подготовки, несоответствие учебных программ индивидуальным потребностям обучающихся волнует 11% и 9% директоров и заместителей соответственно, для 10% и 13% директоров и заместителей соответственно недостатком является то, что программы курсов не учитывают потребности и интересы слушателей.

В украинском рейтинге недостатков курсов повышения квалификации лидируют такие: отсутствие возможности конструировать свой собственный образовательный маршрут, неудобное расписание, информация не связана с практической деятельностью.

Таким образом, можно утверждать, что одной из проблем профессиональной подготовки руководителей школ, как в Украине, так и в России, является отсутствие связи информации с практической деятельностью, то есть теоретическая составляющая курсов повышения квалификации преобладает над практической. Это связано с тем, что многие преподаватели теории управления в системе повышения квалификации в основном имеют управленческий опыт либо на уровне заместителя директора, либо методиста и при этом в большинстве своем никогда не занимали должность первого руководителя, а потому не имеют соответствующего опыта [4, с.170].

Следовательно, система повышения квалификации должна привлекать на курсы директоров-практиков и заместителей-практиков для того, чтобы руководители школ учились делать управленческие ошибки не на своем руководящем опыте, а на чужом, иначе управление учебным заведением будет неэффективным.

Таблица 3**.** Мнения респондентов о недостатках системы повышения квалификации

Недостатки системы повышения квалификации	*Россия* *Директора (в %)*	*Украина* *Директора (в %)*	*Россия* *Заместители (в %)*	*Украина* *Заместители (в %)*
Информация не связана с практической деятельностью	37	16	40	18
Неудобное расписание	40	21	30	18
Программы курсов не учитывают потребности и интересы слушателей	33	10	30	13
Неинтересные формы занятий	23	5	22	2
Низкий уровень преподавания некоторых курсов	23	0	16	0
У преподавателей, работающих на курсах, слабая «обратная связь» с аудиторией	12	0	15	2
Несоответствие учебных программ индивидуальным потребностям обучающихся	15	11	12	9
Отсутствие возможности выбора учреждения профессиональной подготовки	4	16	10	11
Отсутствие возможности конструировать свой собственный образовательный маршрут: самостоятельно выбирать содержание, сроки и формы обучения	-	53	-	36
Отсутствие системы диагностики и самодиагностики	-	0	-	2
Образовательные программы не вариативны и не мобильны	-	5	-	2
Не добиваются прочного усвоения знаний, приобретения навыков	10	-	7	-
Слишком мало занятий	2	11	7	0
Слишком много занятий	8	11	2	0

Российский ученый Коростелев А.А. видит следующие проблемы профессиональной подготовки руководителей школ [4-7]:

– в процессе обучения руководителей школ основное внимание уделяется традиционным подходам к управлению, где отражающей спецификой управления является деятельность, ориентированная на воздействие человека как объекта, направленная во многом на получение результата любой ценой, в отличие от подходов к управлению, ориентированных на человека, где именно личность с ее характерными особенностями и мотивами находится в центре внимания;

– традиционная профессиональная подготовка директоров в области аналитической деятельности представляет собой так называемую «классическую модель обучения», которая подразумевает передачу определенного количества управленческих знаний и опыта;

– система повышения квалификации, скорее, приноравливается к текущим запросам образования, потребностям общества, науки и культуры, отслеживая характер изменений, происходящих в жизни, но при этом не столько формирует новые подходы у руководителей школ к управлению и аналитической деятельности, сколько воспроизводит уже имеющийся опыт;

– отсутствие полноценного сотрудничества после окончания директором школы курса обучения;

– отсутствие системного подхода к отбору управленческой информации;

– многие преподаватели теории управления в системе повышения квалификации в основном имеют управленческий опыт или на уровне заместителя директора, или методиста;

– профессиональная подготовка руководителей школ строится исключительно на системе преподавания различных концепций и теорий управления.

В Украине помимо выше перечисленных проблем профессиональной подготовки руководителей общеобразовательных школ существует и ряд других [8]:

– система повышения квалификации руководителей школ не всегда носит опережающий характер в сравнении с реалиями существования современного учебного заведения и требованиями общества;

– наблюдается отсутствие связи между теорией и практикой, то есть не в достаточной мере развиты социализация управленческого опыта и внедрение авторских технологий в деятельность современного общеобразовательного учреждения;

– отсутствие возможности у слушателей конструировать собственный образовательный маршрут: самостоятельно выбирать содержание, срок, формы обучения, с учетом своих профессиональных потребностей, проблем, уровня квалификации;

– образовательные программы областного института последипломного педагогического образования не предусматривают вариативности, что затрудняет мотивацию педагогов к непрерывному образованию, самообразованию;

– последипломное образование руководителей учебных заведений не в полной мере соответствует принципам индивидуализации и дифференциации, так как отсутствует система проведения диагностики и самодиагностики;

– сотрудничество областного института последипломного образования с методическими центрами и кабинетами, методическими объединениями учителей осуществляется на низком уровне, что не позволяет учесть образовательные запросы, особенности развития образования в конкретных городах и районах, а также нарушается принцип индивидуализации и дифференциации последипломного образования педагогов.

С целью дальнейшей координации работы на курсах повышения квалификации руководящих кадров общеобразовательных заведений и коррекции учебно-тематических планов был проведен опрос среди слушателей курсов на базе Донецкого облИППО по функциям управления, которые у них вызывают наибольшие трудности в их реализации.

Для 45% директоров наиболее сложной функцией управления является контроль; второе место в рейтинге по сложности занимает мотивация (25%); у 20% и 10% респондентов целеполагание и педагогический анализ соответственно вызывают затруднения при их осуществлении в учебном заведении. Следует отметить, что такие функции управления, как организация и планирование, не являются проблемой для опрошенных директоров. Для 25% заместителей наиболее сложными функциями управления являются мотивация и педагогический анализ; контроль и планирование вызывают трудности у 17% опрошенных; у 14% респондентов пробелы в теории и практике при осуществлении целеполагания; и только 2% заместителей назвали организацию – самой сложной функцией управления.

Согласно полученным данным можно сделать следующие выводы:

– руководители школ нуждаются в дополнительных знаниях по осуществлению ***контроля***;

– умение ***мотивировать*** педагогов на результативную работу – профессиональная необходимость и директоров, и заместителей;

– ***целеполагание*** является проблемой современного учебного заведения и требует наличия высокой профессиональной культуры руководителя;

– управленческой необходимостью и директоров, и заместителей является умение квалифицированно осуществлять ***педагогический анализ***;

– заместители директоров стремятся к усовершенствованию умений ***планировать*** работу учебного заведения.

Современная школа нуждается в высококвалифицированных руководителях-аналитиках, так как управленческий цикл начинается с анализа, и им же он заканчивается. Анализ способствует качественному выполнению функций планирования, организации, мотивации, контроля. Считаем, что важным в плане профессиональной подготовки становится ориентация руководителей школ на умение анализировать результаты деятельности учебного заведения.

Как свидетельствуют результаты социологических исследований и в России, и в Украине, деятельность учреждений последипломного педагогического образования нуждается в качественных изменениях и преоб-

разованиях.

В системе повышения квалификации необходимо осуществлять инновационную подготовку руководителей образовательных учреждений, с целью обновления их управленческой деятельности, мышления, что позволит осуществить модернизацию управления образованием в целом.

Выводы исследования и перспективы дальнейших исследований по этому направлению. Директора и заместители общеобразовательных учебных заведений и в России, и в Украине дают высокую оценку самообразованию, предпочитают консультации у более опытных коллег и доверяют качеству обучения на курсах повышения квалификации.

Существующая система повышения квалификации руководящих кадров и в России, и в Украине уделяет существенное внимание вопросам совершенствования управленческой деятельности директоров и заместителей, в том числе и аналитической. Однако уровень аналитической подготовки руководителей не соответствует требованиям современного образования.

Одной из проблем профессиональной подготовки руководителей школ, как в Украине, так и в России является отсутствие связи информации с практической деятельностью, то есть теоретическая составляющая курсов повышения квалификации преобладает над практической.

Сравнительный анализ подходов по формированию аналитического компонента управленческой деятельности руководителей школ в Украине и в России дает основания утверждать следующее [8, 9]:

1. Считаем целесообразным внедрение в систему последипломного педагогического образования ***инновационной модели обучения руководителей общеобразовательных школ*** в области аналитической деятельности, которая базируется на гуманистических и андрагогических принципах взаимодействия участников учебного процесса, компетентностно ориентированном подходе, технологии педагогической поддержки.

2. Система повышения квалификации руководителей школ должна носить опережающий характер в соответствии с потребностями реформирования системы образования.

3. Интегрирование современных технологий обучения в модели непрерывного профессионального образования управленцев, а именно: тренинговые занятия, организационно-деятельностные, деловые и управленческо-психологические игры, информационно-коммуникационные, сетевые и кейс-технологии.

4. Заслуживает внимания социализация управленческого опыта, внедрение авторских технологий в деятельность общеобразовательных школ, привлечение опытных директоров и их заместителей к проведению практикумов, стажировок, авторских курсов.

5. Слушатели курсов должны иметь возможность конструировать собственный образовательный маршрут: самостоятельно выбирать содержание, срок, формы обучения, с учетом своих профессиональных потребностей, проблем, уровня квалификации и перспектив.

6. С целью мотивации руководителей к обучению в течение жизни, предусмотреть вариативность, практическую ориентацию, научность, мобильность образовательных программ института последипломного педагогического образования.

7. Последипломное образование руководителей учебных заведений должно соответствовать принципам индивидуализации и дифференциации через проведение диагностики и самодиагностики.

8. Целесообразно тесное сотрудничество института последипломного педагогического образования с методическими центрами и кабинетами, что позволит удовлетворить образовательные запросы, учесть особенности развития образования в конкретных городах и районах.

9. Для эффективного обеспечения межкурсового периода повышения квалификации руководящих кадров, с целью развития управленческих компетенций и совершенствования аналитической деятельности, необходимо продолжать внедрение новых форм и методов организации учебно-воспитательного процесса, а именно: Клуб молодого директора, Региональная школа новаторства руководителей общеобразовательных учебных заведений, авторские творческие мастерские, областные творческие группы, веб-коллегиумы, областные форумы, региональные конкурсы, постоянно действующие семинары, конференции, педагогические технопарки, круглые столы по обмену опытом, мастер-классы и т.д.

10. Дальнейшего исследования требуют вопросы: совершенствование и разработка современных технологий по формированию аналитического компонента управленческой деятельности руководителей школ, сравнительный анализ подготовки педагогов-менеджеров в Украине и в других зарубежных странах.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ:

1. Про Національну стратегію розвитку освіти в Україні на період до 2021 року: Указ Президента України від 25.06.13 року № 344/2013 [Электронный ресурс] / Освіта.ua. – Режим доступа: http://osvita.ua/legislation/other/36322/.

2. Смирнова М.Є. Практика управління загальноосвітнім навчальним закладом: від функціонування до розвитку [Текст] / М.Є.Смирнова. – Х.: Вид. група «Основа», 2013. – 192 с. – (Серія «Абетка керівника»).

3. Руководитель современного образовательного учреждения: слагаемые эффективной работы (отчет по итогам социологического исследования) [Текст]. – Тольятти: Изд-во Фонда «Развитие через образование», 2001. – 149 с.

4. Коростелев А.А. Недостатки системы повышения квалификации в обеспечении развития управленческих кадров // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 3. С. 168-172.

5. Коростелев А.А., Ярыгин А.Н., Ярыгина Н.А. Влияние системы повышения квалификации на развитие ключевых компетенций специалистов // Вісник Черкаського Університету. Серія: Педагогічні науки. 2009. № 163. С. 20-26.

6. Воронин В.Н., Коростелев А.А. Системный подход к управлению качеством подготовки будущих специалистов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. № S10. С. 25-32.

7. Коростелев А.А., Зимовец Е.А. Особенности аналитической подготовки руководителей образовательных учреждений в системе повышения квалификации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. № S10. С. 71-76.

8. Коваль Н.М. Шляхи вдосконалення аналітичної діяльності керівників загальноосвітніх навчальних закладів в системі післядипломної педагогічної освіти [Текст] / Н.М.Коваль // Наукова скарбниця освіти Донеччини. – 2014. – № 2. – С.77-82.

9. Коростелев А.А., Лодатко Е.А. Проектирование профессиональной подготовки управленческих кадров по применению инновационного подхода в аналитической деятельности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. № S10. С. 57-63.

COMPARATIVE ANALYSIS OF QUALITY OF SCHOOL HEADS' TRAINING DURING REFRESHER COURSES IN UKRAINE AND RUSSIA

© 2015

N.N. Koval, methodist
Donetsk regional Institute of post-graduated pedagogical education, Donetsk (Ukraine)

Abstract. The article deals with the comparative analysis of quality of school heads' training during refresher courses in Ukraine and Russia. Emphasis is placed on the shortcomings and problems that exist in the system of management development, as well as ways to overcome them.

Keywords: forms of improvement of professional skill, leader, system training, training managers, analytical activity, training courses.

УДК 378.1

КООПЕРАТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

© 2015

Н. Н. Колодкина, преподаватель кафедры «Физико-математические науки»
Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, Княгинино (Россия)

Аннотация. В статье рассмотрен кооперативный метод, как форма интерактивного обучения. Основная идея по разработке принадлежит группе американских педагогов Р. Славину, Р. Джонсону и Д. Джонсону, Дж. Аронсона. Дальнейшее развитие данной технологии произошло под усилием многих педагогов. Теоретическим развитием данного обучения занимались Ж.-Ж. Пиаже, Л. С. Выготский и другие. Основная суть метода – это обучение в сотрудничестве. Исследования показали, что кооперативная форма обучения способствует повышению учебно-познавательной активности студентов, развивает речь, коммуникативность, общение и мыслительную деятельность. Его использованию посвящены фундаментальные работы ученых, в которых рассматриваются теоретические основы метода, его технология, возможность применения на различных этапах занятия. Применение данного метода нашло свой отклик среди многих преподавателей вузов как высокоэффективной и результативной технологии. Новый подход использования интерактивных форм при проведении занятий заключается в систематизации применению интерактивных технологий при изучении математических дисциплин, что дает возможность развивать личностные качества студента. Традиционная лекция имеет своим недостатком слабую обратную связь, поэтому применение интерактивных технологий для организации лекционных занятий считается необходимостью. В статье представлены особенности применения кооперативного метода в ходе лекции по теме «Экстремумы функции нескольких переменных» для бакалавров «Экономика» профиль «Бухгалтерский учет, анализ и аудит». Основная задача при использовании кооперативного метода научить учиться в сотрудничестве, уважая интересы других и отстаивая свою точку зрения, повышение мотивации и интереса к процессу обучения.

Ключевые слова: кооперативное обучение, групповое обучение, интерактивное обучение, лекция, организация деятельности, бакалавриат, государственный образовательный стандарт, математические дисциплины.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Кооперативная форма обучения способствует развитию коммуникативности, речи, мышления и интеллектуальных способностей. Применение данной технологии на занятиях, в рамках реализации ФГОС 3-го поколения, позволяет достигать наибольшей результативности при подготовке бакалавров в процессе изучения математических дисциплин.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы. Использованию кооперативного метода в обучающем процессе уделяется достаточно много внимания в работах отечественных и зарубежных авторов (Р. Славин, Р. Джонсон, Д. Джонсон, ДЖ. Аронсон, Ж.-Ж. Пиаже, Л. С. Выготский и др.).

Высоко оценивая результаты, полученные в работах перечисленных авторов, можно отметить, что современные требования к будущим выпускникам создают условия для рассмотрения и внедрения преподавателями метода кооперативного обучения на своих занятиях.

Формирование целей статьи. Рассмотреть практическую значимость применения на лекционных занятиях по математическому анализу метода кооперативного обучения.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Требования к результатам освоения основных образовательных программ бакалавриата реализуется через формирование компетенций. Компетентностный подход должен предусматривать широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разбор конкретных ситуаций, психологические и иные тренинги) в сочетании с внеаудиторной работой [1].

Особенностью интерактивных занятий является его особенная форма организации познавательной деятельности, способ познания, при которой все участники находятся в коммуникативной среде, совместно находят решение проблем, строят модели ситуаций, анализируют и оценивают действия других, а также свое собственное поведение, моделируют профессиональную атмосферу для решения проблем.

ФГОС ВПО III поколения базируется на компетентностном подходе, зачетных единицах, встречах и разработках с работодателями, направлением на результат, уровневую систему образования.

Реализация компетентностного подхода государственного стандарта подготовки будущих бакалавров по направлению подготовки Экономика предусматривает широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий. Удельный вес которых, определяется главной целью программы, особенностью контингента обучающихся и содержанием конкретных дисциплин, и в целом учебном процессе они должны составлять не менее 20 процентов аудиторных занятий, что заставляет преподавателя корректировать учебный процесс.

Одним из методов интерактивного обучения является кооперативное обучение (cooperative learning). Прежде чем рассмотреть данный метод в процессе обучения дисциплины «Математический анализ», хотелось бы рассмотреть особенности данного предмета. Данная дисциплина входит в базовую часть математического цикла и обеспечивает целостное математическое мировоззрение на окружающий мир.

В ходе изучения математического анализа студенты

должны знать основы данной дисциплины, необходимые для решения экономических задач; уметь применять методы математического анализа для решения экономических задач; владеть навыками применения современного математического инструментария для решения экономических задач, методикой построения, анализа и применения математических моделей для оценки состояния и прогноза развития экономических явлений и процессов [1].

Результатами дисциплины являются математические знания, что задает направление на выборе методов и форм обучения.

Как показал опыт работы в вузе, большая часть выпускников школ, зачисленных на обучение в вуз, не могут похвастаться достаточными фундаментальными знаниями по математике.

Они не могут оперировать математическими понятиями, работать с большим объемом информации, зачастую им трудно размышлять и выстраивать логическую цепочку при изучении материала.

Отсутствие навыков самостоятельной работы накладывает отпечаток на выбор средств, форм и методов изучения дисциплин.

Таким образом, нужно тщательно подойти к выбору формы занятия. Новые возможности открываются с применением интерактивных методов, связанных с развитием межличностных отношений и интеллектуальными способностями студента. Кооперативное обучение дает такую возможность

Кооперативное обучение – это технология обучения в малых группах. Разработчиками данного метода считают американских педагогов: Р. Славин, Р. Джонсон, Д. Джонсон, Дж. Аронсон и используется уже давно в Западной Германии, Нидерландах, Великобритании, Австралии, Израиле, Японии.

Основная идея метода состоит в постановке задачи перед студентами: нужно выполнить задания вместе, с тем, чтобы познать что-то новое, с условием, что каждый участник команды овладел новыми знаниями, приобрел необходимые навыки, зная, чего достиг каждый. Усвоение учебного материала идет с повышенной мотивацией, связанных с повышенной ответственностью каждого ученика за свой вклад при совместном решении поставленных проблем.

Кооперативный метод можно применять на различных этапах занятия: до изучения нового материала, в процессе изучения, на практических занятиях. Основные правила, которые необходимо учитывать, при реализации данной технологии – это принцип формирования групп, особенности познавательной деятельности, оценку достижений.

Чтобы группы были функционирующими нужно учитывать разнообразные учебные интересы учащихся, их психологическую совместимость, можно даже территориальную привязанность (сидят за одной партой, живут недалеко), половой признак (лучше, когда в команде мальчиков и девочек поровну).

На всех этапах занятия кооперативный метод можно реализовать через мини-проекты, лабораторные занятия, специальные занятия. Рекомендуется в начале занятия распределить задания и виды учебно-познавательной активности студентов по всем положениям групповой и индивидуальной оценки в соответствии с положением о бально-рейтинговой системе.

Рассмотрим применение кооперативного метода на примере проведения лекции по теме «Экстремумы функции нескольких переменных» для бакалавров по направлению Экономика.

Студенты разбиваются на группы по 4 человека по взаимным симпатиям (всего 5 групп).

На этапе актуализации знаний студентам предлагается ответить на вопросы: сформулируйте определение экстремума функции одной переменной; необходимый и достаточный признаки существования экстремума функции одной переменной; решите систему уравнений $\begin{cases} z'_x = 0 \\ z'_y = 0 \end{cases}$, *åñëè* $z = x^2 + y^2 - 8x$. Студенты работают над заданием 5–10 минут, задают друг другу вопросы, обсуждают непонятные моменты.

Результаты ответов фиксируются на отдельных листах, которые позже сдаются преподавателю для оценивания групповой работы. Затем следует этап фронтального опроса. От каждой группы назначается лидер и одной из команд предлагается выступить с защитой. По окончании доклада, студентам предлагается задать вопросы любому из членов команды докладчика. Выставляется оценка группе за защиту доклада, за выполнение работы, выставляется оценка докладчику, а также остальным за правильные ответы. Оцениваются участники других групп за соответствующие вопросы и ответы.

После прочтения лекции, студенты работают в группах над ее текстом, помогая разбираться и понять ее содержание. Вопросы преподавателю на данном этапе не разрешается задавать, за исключением, если на него нет ответа внутри команды. За штудированием лекционного материала следует индивидуальная проверочная работа в форме несложного теста. Примерные вопросы: выберите среди предложенных выражений необходимое условие существования экстремума функции двух переменных: 1) $\begin{cases} z'_x = 0 \\ z'_y = 0 \end{cases}$, 2) $\begin{cases} \tilde{o} = 0 \\ \acute{o} = 0 \end{cases}$, 3) $\{z'_x = z'_y$, 4) $z''_{xy} = 0$; если функция $z = f(x;y)$ имеет в точке M_0 максимум, то выполняется неравенство:

1) $f(M) \le f(M_0)$, 2) $f(M) \ge f(M_0)$,

3) $f(M) = f(M_0)$,

4) $f(M) > f(M_0)$; достаточное условием существования точки экстремума от функции двух переменных имеет вид: 1) $\grave{a}_{11} \cdot \grave{a}_{22} - \grave{a}_{12}^2$, 2) $\grave{a}_{11} \cdot \grave{a}_{22} - \grave{a}_{12}$,

3) $\grave{a}_{22} \cdot \grave{a}_{12} - \grave{a}_{11}^2$, 4) $\grave{a}_{12}^2 - \grave{a}_{22} \cdot \grave{a}_{22}$ и т. д. При данном тестировании студент зарабатывает индивидуальную оценку, которая может пополнить копилку команды, если оценка за тест выше его средней оценки за предыдущие работы. Тесты сдаются и их проверяют выбранные преподавателем студенты.

Затем наступает этап применения знаний на практике. Каждой команде выдается профессионально-направленное задание по данной теме. На данном этапе группы распределяют задания между собой, а затем обмениваются полученными результатами. Ответы оформляются и сдаются на проверку преподавателю. Также возможен вариант обсуждения и защиты задания перед всей аудиторией любым членом команды. За данную работу группе начисляются баллы. Если временные рамки не позволяют выполнить групповое задание на лекционном занятии, то предлагается его выполнить дома и защиту перенести на практическое занятие.

Команда, набравшая наибольшее количество баллов объявляется победителем. В конце семестра подводятся итоги, и результаты помещают на стенде факультета.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Метод кооперативного обучения помогает студентам самостоятельно добывать необходимые знания, относиться с критикой к получаемой информации, делать выводы, подкреплять их аргументами, оперируя необходимыми фактами, решать новые возникающие проблемы.

Данная методика позволяет преподавателям активизировать и мотивировать студента на активное развитие

своих коммутативных и интеллектуальных способностей, развивая умение публичного выступления, работы в команде, защиты своего мнения.

Следует отметить, что интерактивные методы обучения приносят максимальный эффект при их комплексном применении в дисциплинах математического цикла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 080100 Экономика (квалификация (степень) «бакалавр»), утв. Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 21 декабря 2009 г. № 747
2. Чошанов М. А. Малая группа в учебном процессе // Директор школы. –1999. № 4, 5 С.75–78
3. Красс М. С. Математика в экономике. Основы математики: Учебник. М. : ИД ФБК-ПРЕСС, 2005. 472 с.
4. Кремер Н. Ш. Высшая математика для экономистов: учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 479 с.
5. Е. Б. Бурмистрова, С. Г. Лобанов Математический анализ и дифференциальные уравнения: Учебник для студ. высш. учеб. заведений М. : Академия, 2010. 368 с.
6. В. И. Ермаков Сборник задач по высшей математике для экономистов: Учебное пособие для ВУЗов. М. : ИНФРА-М, 2008. 575 с.
7. Артурин В. В. Высшая математика. Задачи с решениями для студентов экономических специальностей /Академия, 2010. 304 с.
8. Красс М. С. Математика в экономике. Оновы математики : Учебник. М. : ИД ФБК-ПРЕСС, 2005. 472 с.
9. Артюхина М. С., Артюхин О. И «Теоретико-методические основы проведения интерактивных лекций» //Фундаментальные исследования. 2013. № 11–2. С. 304–308.
10. Салихова М.Н., Шнайдер Н.В Применение интерактивных форм обучения в современном вузе // Аграрное образование и наука. 2012. № 1. С. 12.
11. Фролова В. Б Применение интерактивных форм обучения в преподавании дисциплины «Финансовый менеджмент» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. № 10 (26). С. 1–5.
12. Макаренко О. В. Интерактивные образовательные технологии в ВУЗе // Высшее образование в России. 2012. № 10. С. 134–139.
13. Омарова А. А., Омарова П. А. Качественный подход к занятиям с применением интерактивных форм взаимодействия // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2014. № 4 (29). С. 80–82.
14. Исакова А. А., Нехай Е. П. Обоснование необходимости применения интерактивных форм преподавания бухгалтерского учета // Наука и Мир. 2014. Т. 2. № 5 (9). С. 27–28.
15. Андросова И. В. Практическое применеие интерактивных форм обучения в образовательном процессе // В мире научных открытий. 2013. № 7 (43). С. 168–186.
16. Беличенко О. М., Сомова М. Н. Об интерактивных формах обучения в профессиональном образовании // В сборнике: Актуальные проблемы качества математической подготовки школьников и студентов: методологический, теоретический и технологический аспекты. Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2014. С. 86–90.
17. Гулакова М. В., Харченко Г. И. Интерактивные Интерактивные методы обучения в ВУЗе как педагогическая инновация // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. № 11 (27). С. 31–35.
18. Ощепкова О. В. Лекция как активная форма вузовского обучения // Самарский научный вестник. 2013. № 4. С. 123–125.
19. Константинова Т. Л., Прокопьева С. Н. Интеракиивные формы организации занятий в профессиональной подготовке бакалавров по направлению «Экономика» // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 183–186.
20. Максимова Е. П., Федченко Г. М. Применение интерактивных образовательных ресурсов в образовательном процессе // Краеведение Приамурья. 2013. № 2–3 (23-24). С. 59–62.

COOPERATIVE LEARNING IN THE STUDY OF MATHEMATICS IN HIGH SCHOOL

© 2015

N.N. Kolodkina, the teacher of the chair «Physics and mathematics»
Nizhny Novgorod State Engineering-Economic Institute, Knyaginino (Russia)

Abstract. In the article the cooperative method, as a form of interactive learning is studied. The main idea for the design belongs to a group of American teachers R. Slavina, R. Johnson, and D. Johnson, J. Aronson. Further development of this technology has occurred under the force of many teachers. The theoretical development of this training was engaged in J.-J. Piaget, L. S. Vygotsky and others. The main idea of the method is cooperative learning. Research has shown that cooperative learning promotes learning and cognitive activity of students, develops speech, sociability, communication and thinking. Its use on the fundamental work of scholars in which the theoretical basis of the method, its technology, the application at various stages of training. The application of this method is reflected among the many University teachers as highly effective and efficient technology. A new approach using interactive forms during lessons is to systematize the use of interactive technologies in the study of mathematics, which gives the opportunity to develop personal qualities of the student. Traditional lecture has the disadvantage of poor feedback, so the use of interactive technologies for the organization of lectures is necessary. The article presents the features of the application of cooperative method in the course of lectures on the theme “the Extrema of a function of several variables” for bachelor students of “Economics” profile “Accounting, analysis and audit”. The main objective when using the cooperative method to teach in cooperation, while respecting the interests of others and defending your point of view, increasing motivation and interest in learning.

Keywords: cooperative learning, group training, online training, lecture, organization of activities, bachelor’s degree, state educational standard mathematical discipline.

УДК 373

К ВОПРОСУ МАТЕМАТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

© 2015

И.В. Руденко, доктор педагогических наук, профессор
С.А. Котова*,* заместитель заведующего по воспитательно-методической работе АНО ДО «Планета детства «Лада», д/с № 66 «Матрешка», студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье представлены теоретические подходы к математическому развитию детей дошкольного возраста, рассмотрена проблема математического развития дошкольников на современном этапе в рамках Федеральных государственных образовательных требований дошкольного образования.

Ключевые слова: математическое развитие детей дошкольного возраста, Федеральные государственные образовательные требования дошкольного образования.

Повышение качества является одной из актуальных проблем развития системы дошкольного образования на современном этапе. Федеральный государственный стандарт дошкольного образования (ФГОС ДО) определил одним из направлений работы с дошкольниками изменение содержания образования, оптимизацию способов и технологий организации образовательного процесса, переосмысление цели и результата образования. В свою очередь, Концепция развития российского математического образования указывает на необходимость сопровождения математического развития детей как элемента общей культуры дошкольного образования. В документе утверждается, что «математика может стать важным элементом национальной идеи России XXI века, основой инновационно-технологического потенциала и полем наиболее эффективных инвестиций» [14].

Анализ психолого-педагогической литературы показывает наличие различных подходов к математическому развитию детей дошкольного возраста. Авторы теории классической системы сенсорного воспитания Ф. Фребель, М. Монтессори и др., говоря о математическом развитии дошкольников, подчеркивали необходимость создания среды, благоприятной для развития; создание системы наглядных материалов; разработка приемов развития у детей количественных, геометрических и других представлений; безусловное внимание к интеллектуальному развитию ребенка.

Педагоги–методисты Е.И. Тихеева, Л.В. Глаголева, Ф.Н. Блехер и др. уделяли большое внимание разработке и реализации игровых методов обучения и подходов. Важным вкладом в математическое развитие дошкольников являются взгляды ученого-исследователя А. М. Леушиной:

- целенаправленное формирование элементарных математических представлений у детей;
- теоретическое обоснование до-числового периода обучения детей и периода развития числовых представлений;
- методика развития количественных и числовых представлений у детей;
- обучение на занятиях — основной путь освоения содержания; деление материалов на демонстрационные и раздаточные [9].

Современное состояние теории и технологии развития математических представлений у детей дошкольного возраста сложилось в 80-90-е гг. XX вв. и первые годы нового столетия. Исследователи и специалисты впервые описали возможности интенсификации и оптимизации обучения, способствующие общему и математическому развитию ребенка, отметили необходимость повышения теоретического уровня осваиваемых детьми знаний. Это потребовало реконструкции программы обучения, в том числе переосмысления системы представлений, последовательности их формирования. Начались интенсивные поиски путей обогащения содержания дошкольного обучения.

Программа «Воспитание и обучение в детском саду» под редакцией М. А. Васильевой, В. В. Гербовой, Т. С. Комаровой долгое время являлась единой программой дошкольного образования. Л. С. Метлина как разработчик методики по этой программе предложила конспекты занятий по формированию математических представлений у дошкольников и методические рекомендации, используя комплексный подход в обучении, обогащенное содержание, эффективные дидактические средства и разнообразные приемы обучения.

В данной программе раздел по математическому развитию разработан на основе понятия «число». Это одно из основных понятий, с которого, по мнению специалистов, должно начинаться познание ребёнком математики. Математическое содержание упомянутой образовательной программы было выстроено вокруг понятия «натуральное число и действия с ним», усвоение содержательной (знания) и операционной (умения) стороны программы – цель процесса формирования элементарных математических представлений. Иными словами, «под определённым запасом знаний» подразумевались знания о натуральном числе, а под «наличием ряда определённых умений» - ряд умений предметного характера – счёт, приёмы присчитывания и отсчитывания, использование символики, решение простых типовых задач и т.п. [9].

Одновременно с этим подходом появились ряд других. Отечественный психолог П.Я. Гальперин [7] в теории поэтапного формирования умственных действий разработал линию развития начальных математических понятий и действий, построенную на введении мерки и определении единицы через отношение к мерке. Число при таком подходе воспринимается ребенком как результат измерения, как отношение измеряемой величины к избранной мерке, число выражает не отдельную вещь, а отношение. В исследовании В.В. Давыдова, одного из основателей теории развивающего обучения, был раскрыт «психологический механизм счета как умственной деятельности и намечены пути формирования понятия числа через освоение детьми действий уравнивания, комплектования и измерения. В отличие от традиционной методики ознакомления с числом (число — результат счета) новым явился способ введения самого понятия: число как отношение измеряемой величины к единице измерения (условная мерка), т. е. число — результат измерения» [12].

Дальнейшее рассмотрение содержания обучения дошкольников с точки зрения новых задач привел исследователей к выводу о необходимости учить детей обобщенным способам решения познавательных задач, усвоению отношений и логических операций (классификации и сериации), установлению связей, зависимостей. Для осуществления этих задач дидакты предлагали и своеобразные средства, отражающие наиболее существенное в познаваемом содержании: модели, схематические рисунки и изображения и т.п.

Возможности развития у детей представлений о величине, установления взаимосвязей между счетом и измерением, приёмы обучения апробировались в педагогических исследованиях Р.Л. Березиной [4], Н.Г.

Белоус [2], Р.Л. Непомнящая [17], А.В. Белошистая [3], Т.В. Тарунтаевой [1], Е.И. Щербаковой [19]; проводились исследования в познании детьми количественных и функциональных зависимостей (Л. Н. Бондаренко, Р. Л. Непомнящая, А. И. Кириллова) [18]. А. И. Маркушевич, Ж. Папи и др. математики-методисты настаивали на значительном пересмотре содержания знаний для детей 6-летнего возраста, насыщении его некоторыми новыми представлениями, относящимися к множествам, комбинаторике, графам, вероятности и т. д.[18].

В Могилевском педагогическом институте под руководством известного методиста по проблемам развития логического мышления детей А. А. Столяра разрабатывались идеи простейшей предлогической подготовки дошкольников. С помощью специальной серии обучающих игр осуществлялась методика введения детей в мир логико-математических представлений — свойства, отношения, множества, операции над множествами, логические операции (отрицание, конъюнкция, дизъюнкция) в первом учебнике математики для подготовительных классов детского сада («Математика 0»), который впоследствии послужил прототипом учебника математики для шестилеток [18].

На основе исследований Т. А. Мусейибовой, К. В. Назаренко, Т. Д. Рихтерман [15] и др. определены содержание и приемы освоения пространственно-временных отношений. В процессе обучения решению арифметических задач (Н. И. Непомнящая [13]), при освоении пространственных отношений (Р. И. Говорова, О. М. Дьяченко, Т. В. Лаврентьева, Л. М. Хализева) [8] дидакты исследовали способности дошкольников к наглядному моделированию. Методы и приемы математического развития детей с помощью игры были разработаны З.А. Грачевой (Михайловой) [11], А. А. Смоленцевой [16], И. И. Щербининой [6] и др.

На основании всех исследований и гипотез в теории и методике развития математических представлений у детей дошкольного возраста в начале 90-х гг. XX в. наметилось несколько основных научных направлений. Согласно первому направлению, содержание обучения и развития, методы и приемы конструировались на основе идеи преимущественного развития у детей дошкольного возраста интеллектуально-творческих способностей (В. В. Давыдов, Ж. Пиаже, Н. Н. Поддьяков, А. А. Столяр, Д. Б. Эльконин и др.):

- познавательные интересы, наблюдательность;
- исследовательский подход к явлениям и объектам окружения (умения устанавливать связи, выявлять зависимости, делать выводы);
- умение сравнивать, классифицировать, обобщать;
- осуществление действия в виде «умственного эксперимента»;
- прогнозирование изменений в деятельности и результатах;
- ясное и точное выражение мысли [5].

Исследователями данного направления предполагались активные методы и приемы обучения и развития детей, такие как моделирование, действия трансформации (перемещение, удаление и возвращение, комбинирование), игра и другие. Одной из общих и важных интеллектуальных способностей выступает способность к наглядному моделированию. Дети овладевают действиями с тремя видами моделей: конкретными; условно-символическими, передающими скрытые от непосредственного восприятия связи и отношения; обобщенными, отражающими общую структуру класса объектов.

На преимущественном развитии у детей сенсорных процессов и способностей базировалось второе положение (Л.А. Венгер, Н.Б. Венгер, А. В. Запорожец и др.), которое предполагало:

- активность ребенка в обследовании, сравнении и результативном практическом действии по выделению свойств объектов;
- самостоятельное использование сенсорных эталонов в деятельности и осознанное использование моделирования [5].

Третье теоретическое положение, на котором базируется математическое развитие детей дошкольного возраста, основано на идеях первоначального (до освоения чисел) овладения детьми способами практического сравнения величин через выделение в предметах общих признаков - массы, длины, ширины, высоты. Эта деятельность обеспечивает освоение отношений равенства и неравенства путем сопоставления. Дети овладевают практическими способами выявления отношений по величине, для которых числа не требуются. Числа осваиваются вслед за упражнениями при сравнении величин путем измерения (П. Я. Гальперин, Л.С. Георгиев, В.В. Давыдов, Г. А. Корнеева, А. М. Леушина и др.) [18].

На идее становления и развития определенного стиля мышления в процессе освоения детьми свойств и отношений основывается четвертое теоретическое положение (Е.А. Носова, А.А. Столяр, Р.Ф. Соболевский, Т.М. Чеботаревская и др.) [18]. Доступным и эффективным средством развития интеллектуально-творческих способностей рассматриваются умственные действия со свойствами и отношениями. В процессе действий с множествами предметов, обладающих разнообразными свойствами (цветом, формой, размером, толщиной и пр.), дети упражняются в абстрагировании свойств и выполнении логических операций над свойствами тех или иных подмножеств. Точный смысл логических связок и, или, если, то, смысл слов не, все, некоторые помогают понять детям специальные развивающие игры.

В современных образовательных программах («Развитие», «Радуга», «Детство», «Истоки» и др.) раздел по математическому развитию детей дошкольного возраста базируется на интеграции четырех перечисленных положений, а также на классических и современных идеях математического развития детей дошкольного возраста. Во-первых, дети осваивают разнообразие геометрических форм, количественных, пространственно-временных отношений объектов окружающего их мира во взаимосвязи, овладевают способами самостоятельного познания: сравнением, измерением, преобразованием, счетом и др. Это объясняет направленность осваиваемого детьми математического содержания на развитие их интеллектуально-творческих способностей, на приобщении к человеческой культуре, их социализации.

Во-вторых, эти программы реализуются через деятельностные личностно-ориентированные развивающие технологии (например, проблемно-игровые технологии: поисково-исследовательская деятельность и экспериментирование, познание и оценка ребенком величин, множеств, пространства и времени на основе выделения отношений, зависимостей и закономерностей) и исключают раздельное формирование знаний и умений. В-третьих, обучение детей строится на основе включения активных форм и методов и реализуется как на специально организованных занятиях (через развивающие и игровые ситуации), так и в самостоятельной и совместной деятельности со взрослыми (в играх, экспериментировании, упражнениях в рабочих тетрадях, учебно-игровых книгах, игровых тренингах и т. д.).

Кроме этого, все идеи математического развития дошкольников на современном этапе отразились в концепции содержания непрерывного образования (дошкольное и начальное звено):

- содержание математических представлений отнесено к познавательно-речевому направлению в развитии ребенка-дошкольника;
- недопустимость изучения в детском саду элементов программы первого класса и «формирования у детей узкопредметных знаний и умений»;
- основы математического развития состоят в обучении умению выделять признаки, сравнивать и упорядочивать, сосчитывать и присчитывать, ориентироваться во времени и в пространстве [12].

На основе изученной литературы мы сделали вывод о том, что математическое развитие дошкольников как психолого-педагогическая проблема являлось предметом изучения на протяжении длительного периода и впредь остаётся необходимость дальнейшего исследования достаточного круга вопросов по организации процесса обучения математике детей дошкольного возраста, разработке и внедрению инновационных средств и технологий в дошкольное образование.

В соответствии с ФГОС ДО (2013 г.) «под математическим развитием дошкольников следует понимать позитивные изменения в познавательной сфере личности, которые происходят в результате освоения математических представлений и связанных с ними логических операций» [12]. Современный этап представлен разнообразием актуальных подходов к математическому развитию дошкольников и отличается гуманистической направленностью развития и воспитания детей. В настоящее время имеет место тенденция к расширению содержания предматематической подготовки детей за счет включения логического, экологического и других компонентов. Некоторые из современных психолого-педагогических основ теории и методики математического развития детей (положения, взгляды, системы) являются ретроинновациями по отношению к воззрениям (научным и практическим) 20—70-х гг. прошлого столетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алиева Т.И. / Развитие математических представлений у дошкольников. Методическое пособие / Т. И. Алиева, Т.В. Тарунтаева. - М.: Сфера, 2015.

2. Белоус Н. Г. Математические развлечения в детском саду / Н.Г. Белоус- Магнитогорск: Пед. институт, 1993. – 78 с.

3. Белошистая А. В. Что такое математическое развитие дошкольников / А.В. Белошистая // Детский сад: теория и практика. - 2012. - № 1. - С. 6-17.

4. Березина Р.Л. Математическая подготовка детей в дошкольных учреждениях. Учебное пособие для студентов педагогических институтов / Р. Л. Березина, В.В. Данилова, Т.Д. Рихтерман и др. - М.: Просвещение, 1987. - 175 с.

5. Васильева М.А. Программа воспитания и обучения в детском саду / М.А. Васильева. - М.: Просвещение, 1987. -192с.

6. Гаврилина С. Е. Логика. Учебное издание. Для чтения взрослыми детям / С.Е. Гаврилина, Н. Л. Кутявина, И. Г. Топоркова, С. В. Щербинина. – М.: Академия, 2000. – 93 с.

7. Гальперин П.Я. Методы обучения и умственное развитие ребёнка / П.Я. Гальперин. – М.: Просвещение, 1985. - 157 с.

8. Дьяченко О.М. Занимательные игры для детей от 3 до 6 лет / О. М. Дьяченко, Е. П. Агаева. - М.: Просвещение, 1991.

9. Леушина А. М. Формирование элементарных математических представлений у детей дошкольного возраста / А.М. Леушина. - М.: Просвещение, 1994.

10. Метлина Л. С. Математика в детском саду / Л.С. Метлина. - М.: Просвещение, 1997.

11. Михайлова З.А. Математика – это интересно. Игровые ситуации для детей дошкольного возраста. Методическое пособие для педагогов ДОУ / З.А. Михайлова, И.Н. Чеплашкина. - С-П: «Детство-пресс», 2004. – 58 с.

12. Михайлова З.А. Теории и технологии математического развития детей дошкольного возраста. Хрестоматия / З. А. Михайлова, Р. Л. Непомнящая, М. Н. Полякова. - М.: Центр педагогического образования, 2008. - 201 с.

13. Непомнящая, Н. И. Психологический анализ обучения детей 3—7 лет (на материале математики) / Н. И. Непомнящая. - М.: Просвещение, 1983.

14. Распоряжение Правительства России от 24 декабря 2013 года № 2506-р о Концепции развития математического образования в Российской Федерации.

15. Рихтерман Т.Д. Формирование представлений о времени у детей дошкольного возраста / Т.Д. Рихтерман. – М.: Просвещение, 1991. – 67 с.

16. Смоленцева А. А. Математика до школы. Пособие для воспитателей детских садов и родителей. Игры-головоломки / З. А. Михайлова, Р. Л. Непомнящая, А.А. Смоленцева. - СПб.: «Детство-пресс», 2010. – 192 с.

17. Смоленцева, А. А. Сюжетно-дидактические игры с математическим содержанием / А. А. Смоленцева. - М.: Просвещение, 1987.

18. Столяр А.А. Формирование элементарных математических представлений у дошкольников: Учеб. пособие для студентов пед. институтов / А. А. Столяр, Р. Л. Березина, З. А. Михайлова, Р. Л. Непомнящая. – М.: Просвещение, 1988. – 303 с.

19. Щербакова Е. И. Теория и методика математического развития дошкольников / Е.И Щербакова. - М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2005. - 392 с.

TO THE QUESTIONS OF MATHEMATICAL DEVELOPMENT OF PRESCHOOL CHILDREN

© 2015

I.V. Rudenko, Doctor of Education, Professor
S.A. Kotova, Deputy Director for educational-methodical work ANO DO «Planeta detstva «Lada» detskiy sad № 66 «Matryoshka», student magistracy
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract. The paper presents the theoretical approaches to the mathematical development of children of preschool age, the problem of mathematical development of preschool children at the present stage in the framework of federal state educational requirements of preschool education.

Keywords: mathematical development of children of preschool age, federal state educational requirements of preschool education.

УДК 37.017

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Н. ПИРОГОВА И Н. КОРФА

© 2015

***Ю. Н. Лавренчук*,** соискатель научной степени
Николаевский национальный университет имени В. А. Сухомлинского, Николаев (Украина)

Аннотация: В статье характеризуются главные этапы жизненного пути Н. Пирогова и Н. Корфа, определено факторы, которые влияли на формирование педагогических взглядов педагогов, установлена взаимосвязь между их жизнью и педагогической деятельностью, исследована динамика формирования их гуманистических взглядов, раскрыто содержание и выявлены специфические черты гуманистических идей в педагогическом наследии Н. Пирогова и Н. Корфа.

Ключевые слова: Н. Пирогов, педагогические взгляды, гуманистические идеи, гуманистический идеал, общечеловеческая образование, Н. Корф, народная школа.

Постановка наукової проблеми та її значення. Реалізація нової стратегії національної освіти, в основу якої покладено гуманістичний підхід, є найважливішим завданням для науково-педагогічної та освітянської громадськості. У розв'язанні цієї найважливішої національної проблеми значне місце належить історико-педагогічним дослідженням, головним завданням яких є неупереджена оцінка багатого педагогічного досвіду українського народу, виявлення його прогресивних ідей та можливостей їх творчого використання.

Сучасні підходи у сфері освіти зосереджують увагу науковців та педагогів на гуманістичному процесі навчання та виховання, сприяють забезпеченню всебічного розвитку людини як особистості та найвищої суспільної цінності, гармонійному розвитку її здібностей та талантів, формуванню справжніх громадян, здатних до свідомого суспільного вибору. Більш детального аналізу заслуговує педагогічна спадщина М. Пирогова та М. Корфа, великих педагогів-гуманістів, які у своїй педагогічній діяльності розглядали проблеми гуманістичного виховання та навчання.

Характерною особливістю педагогічних систем Миколи Пирогова та Миколи Корфа є їх спрямованість на створення умов для гуманістичного формування особистості. Незважаючи на різні соціальні, політичні та економічні умови, обидва педагоги створили власні оригінальні педагогічні системи, які за своєю структурою та концептуальними підходами подібні між собою.

Актуальність дослідження гуманістичних ідей М. Пирогова та М. Корфа визначена пріоритетними напрямами реформування освіти в Україні. По-перше, в зв'язку з впровадженням нового Базового компонента дошкільної освіти, Державних стандартів початкової, базової і повної загальної середньої освіти, прийняттям нового Закону «Про вищу освіту» концептуальними орієнтирами яких визначено: гуманістичні принципи, визнання самоцінності особистості; створення сприятливих умов для формування особистісної зрілості особистості, її базових якостей; компетентнісний підхід до її розвитку. По-друге, гуманізацією та гуманітаризацією всіх ланок української освіти, визнанням головною цінністю особистості дитини, компетентнісним підходом до навчання та виховання, створенням умов для розвитку індивідуальних здібностей учня. По-третє, необхідністю підготовки нової генерації педагогічних кадрів, підвищення їх професійного та загальнокультурного рівня.

Аналіз останніх досліджень з цієї проблеми. Педагогічна спадщина М. Пирогова стала об'єктом наукових досліджень багатьох вітчизняних та зарубіжних вчених (М. Григор'єв, Є. Днєпров, Г. Жураковський, С. Іванов, Б. Хромов, П. Калью, А. Красновський, Б. Пазинич, В. Смирнов, А. Хазанов, а також М. Євтуха, Н. Ромаєвої, В. Чорного, Л. Шевченко). Теоретичне опрацювання педагогічних поглядів М. Корфа – представлене низкою досліджень багатьох в вчених В. Величкіної, Г. Верижнікової, С. Єгорова, П. Лебедєва, П. Мазур, Л. Михайлової, Ф. Сватикова. Низка статей сучасних науковців (Л. Бадья, Л. Бондар, О. Григоренко, М. Гусак, Ю. Іваненко, І. Кушніренко та ін.) присвячена висвітленню різних аспектів діяльності видатного педагога.

Формулювання мети та завдань статті. На основі цілісного порівняльного аналізу виявити спільне та відмінне у вирішенні проблеми гуманістичного виховання особистості у педагогічній спадщині М. Пирогова та М. Корфа та обґрунтувати актуальність і напрямки актуалізації їх гуманістичних ідей в сучасному освітньому просторі України.

Виклад основного матеріалу й обґрунтування отриманих результатів дослідження. У ході наукового пошуку з'ясовано, що у встановленні та розвитку М. Пирогова і М. Корфа як педагогів чітко простежуються декілька етапів. Аналізуючи ці етапи, ми ставимо за мету не тільки простежити становлення і розвиток М. Пирогова та М. Корфа як особистостей та педагогів, але й показати вплив їхнього життя та історичної епохи, у якій жили вчені, на формування їхніх гуманістичних поглядів.

Формування гуманістичних поглядів М. Пирогова та М. Корфа відбувалося в досить складний період – у XIX столітті, коли політика царизму постійно змінювала свій напрям. Проте соціальні та політичні умови, за яких відбувалося становлення педагогів та їх гуманістичних концепцій, були різними. Однією з причин є суттєва різниця у віці педагогів, яка становить 24 роки і свідчить про більший життєвий досвід Миколи Івановича, який був свідком трьох воєн та безпосереднім учасником двох із них.

Особливе місце у становленні гуманістичного світогляду обох педагогів належало їх дитинству, сім'ї та родинному середовищу.

У дитячі роки в М. Пирогова та М. Корфа зародились повага та любов до рідного слова та Батьківщини, чому вони завдячували своїм няням та спілкуванню з простими кріпосними. Дитинство сформувало в обох педагогів любов та повагу до дитини, її внутрішнього світу, її дитинства, які поєднались із прагненням зрозуміти її особливості та природу.

Аналіз дитячих та юнацьких років Миколи Івановича Пирогова та Миколи Олександровича Корфа показав, що в цей час вони остаточно визначились із вибором майбутньої професії. [15, с. 49–53]. Микола Пирогов прагнув стати лікарем, а Микола Корф – учителем, що становить принципову відмінність між ними. Отже, світоглядне бачення, педагогічні погляди Миколи Івановича та Миколи Олександровича формувалися на основі різних підходів. У першого гуманістичні погляди формувались через філософське, релігійне, психологічне і наукове розуміння природних потреб людини і зокрема дитини, прагнення до морального вдосконалення та саморозвитку, в іншого – через свідомий потяг до педагогічної діяльності та власного досвіду.

За час навчання у Московському університеті Микола Пирогов сформував свій науковий світогляд, оволодів методами наукового дослідження та усвідомив

переваги практичного та наочного вивчення наук, які пізніше використовував у своїй викладацькій діяльності [4, с. 23]. У свою чергу Микола Олександрович за період навчання в Олександрівському ліцеї усвідомив важливість педагогічної діяльності, продовжував формувати педагогічні якості вчителя [1, с. 46].

Одним із ключових чинників становлення гуманістичного світогляду педагогів була самоосвіта. Микола Олександрович постійно займався в бібліотеках, а всі гроші витрачав на книги. На підставі цього в подальшому він надає самоосвіті важливого значення у процесі професіонального становлення педагога. Микола Іванович теж наполегливо займався самоосвітою, але тут є принципова відмінність: якщо перший формує свої переконання з точки зору педагога, то погляди Миколи Пирогова формуються з позиції лікаря та науковця, який не має відношення до навчально-виховного процесу.

Важливим чинником у становленні педагогів була їхня практична діяльність – Миколи Івановича як професора хірургії Петербурзької медико-хірургічної академії та безпосереднього учасника Кримської війни (1841-1856 рр.), Миколи Корфа як земського діяча (1867-1872 рр.).

За час роботи в медико-хірургічній академії з 1841 до 1854 рр. Микола Іванович Пирогов розвивав свою педагогічну майстерність, запропонував нові методи навчання студентів-медиків, намагався розширити практичну діяльність студентів, створив перший у світі анатомічний інститут, в якому проявив себе як талановитий лектор.

Як бачимо, становлення Миколи Пирогова як педагога в даний період відбувається на основі власного життєвого досвіду та професіоналізму. Гуманізм Миколи Пирогова проявлявся, передусім, у його відношенні «лікар» – «хворий» та «викладач» – «студент». Тут Микола Іванович проявляє себе як талановитий науковець та медик, а його гуманістичні погляди формуються в межах професійної діяльності.

Незважаючи на науково-медичну діяльність, в цей період для педагогічної діяльності Миколи Пирогова були характерні такі особливості:

– високий професіоналізм;

– практичний характер викладу навчального матеріалу. Їх мета полягала в підготовці студентів до самостійної практичної діяльності;

– використання наочного матеріалу;

– залучення студентів до самостійної пізнавальної діяльності;

– гуманне ставлення до студентів;

– високий рівень відповідальності за навчання студентів.

Гуманізм Миколи Корфа в даний період проявився в його відношенні до людей як земського діяча та організатора народної школи, його боротьбі за право сільського населення на освіту, прагненні вивести народ із невігластва та боротьбі за право на гідне життя, відкидаючи станову нерівність, яка продовжувала все ще існувати після скасування кріпосної повинності. Діяльність Миколи Олександровича в даний час можна схарактеризувати як «піонерську» у сфері народної освіти та земського врядування, в основі якої лежить педагогічне начало. Діяльність Миколи Івановича зазнає свого апогею у першу чергу як лікаря-хірурга, який став всесвітньо відомим, та викладача своєї спеціальності. Проте під враженням Кримської війни Пирогов усвідомив справжні вади суспільства, як зазначає Афонський, «громадянин перемагає в ньому лікаря, гуманізм бере гору і він стає педагогом».

Варто наголосити, що гуманізм Миколи Івановича ґрунтувався на християнських ідеалах, моральних нормах людяності та почутті громадянського обов'язку. Гуманістичні ідеї Миколи Пирогова мали чіткий релігійний характер, у чому полягає принципова відмінність від поглядів Миколи Корфа.

Глибинний аналіз життєвого шляху Миколи Пирогова показав, що подією, яка кардинально змінила світогляд вченого, стала його участь у Кримській війні (1854-1855).

Гуманістичний світогляд Миколи Івановича Пирогова в цей час проявляється, перш за все, у його професійній діяльності. Адже він розробив систему допомоги пораненим на теренах бойових дій, першим почав застосовувати наркоз, з величезною майстерністю та швидкістю проводив операції, накладав нерухому гіпсову пов'язку, вимагав від медсестер, щоб ті доглядали за пораненими та багато ін. Гуманізм у цей час не був абстрактним поняттям для Миколи Івановича. Його сутність полягала в тому, що дослідження, вирішення наукових та практичних завдань було важливим для вченого лише в контексті добра та користі, які він намагався дати людям [6, с. 6].

Як бачимо, багаторічна медична діяльність Миколи Івановича, який намагався бути «врачом не только тел, но и душ» [3], сформувала в нього стійкі гуманістичні переконання, справжнє співчуття до людей, ґрунтовне розуміння їх психолого-фізіологічної природи.

Кримська війна лягла важким і гнітючим каменем на душу Пирогова. Він бачив, що суспільство страждає від духовних ран набагато більше, ніж від фізичних. Він усвідомив, що не відбудеться ніяких покращень, якщо не підняти моральний ідеал людей. З війни Микола Іванович виніс глибоке переконання в тому, що недоліком людей є відсутність духовного та морального стрижня, людських ідеалів і переконань, що було неминучим наслідком відсутності загальнолюдського навчання та виховання, підготовки людини до життя. Усвідомивши ваду суспільства, Микола Іванович залишає медичну діяльність і присвячує себе освітній ниві, що знаменує початок наступного періоду життя вченого як теоретика та практика в галузі освіти.

На розвиток гуманістичної концепції Миколи Корфа вплинула його діяльність в Олександрівському повіті (1867–1872). Микола Олександрович добре усвідомлював, що освіта є дуже важливою для народу і всіляко намагався допомогти йому її отримати. Він не одноразово писав: «Начальное обучение – не сухая материя, давайте мне школу, я хочу действовать, я хочу служить народу» [11, с. 11]. Саме це прагнення практичної реалізації своєї мети визначило його шлях у майбутньому. Уже в перший рік своєї практичної діяльності він провів ревізію всіх шкіл повіту. У своєму звіті він відзначав, що існуючі школи не могли бути провідниками освіти народних мас, оскільки вони були досить примітивними, а методика навчання в цих школах була відсталою. Разом із тим, Микола Олександрович добре розумів неможливість створення нового типу школи з трьома відділами та лише одним учителем без посередньої підтримки народу. Постійні реформи в галузі освіти, починаючи від Катерини II, сформували в населення страх перед школою. Миколу Олександровича постійно турбувало відношення та думка народу про школу, особливо тоді, коли в суспільстві панувало стереотипне переконання щодо негативного відношення селян до школи та освітнього процесу.

Діяльність Микола Корфа в цей період була спрямована на пропаганду і поширення по всій Імперії накопиченого ним педагогічного досвіду для розробки основних школознавчих та дидактичних проблем початкового навчання. Про успішність його діяльності свідчать відкриття понад 100 народних шкіл, видання 5-ти «Отчетов Александровского уездного училищного совета», у яких педагог пояснював основні питання функціонування земської школи та надавав рекомендації практичної організації школи на основі нових педагогічних принципів, праці «Земский вопрос», книги «Русская начальная школа» – першої в Росії праці з питань школознавства та дидактики початкового навчання. Також педагогом було розроблено 5 підручників та посібни-

ків для народної школи, проведено чотири вчительські з'їзди.

Важливим етапом життя педагогів, який не міг не вплинути на розвиток гуманістичної концепції вчених був період педагогічної діяльності Миколи Пирогова (1856-1861 рр.) та роки перебування Миколи Корфа у Швейцарії (1872-1880).

Вищеописаний період життя обох педагогів можна схарактеризувати як етап широкого поширення їхніх гуманістичних ідей у педагогічній теорії та практиці, що дає нам змогу охарактеризувати даний етап як час ствердження та визнання гуманістичної концепції Миколи Івановича Пирогова та Миколи Олександровича Корфа в вітчизняній педагогічній думці.

Використовуючи принципи порівняльного аналізу [5; 9; 10; 18], уважаємо за доцільне виділити такі етапи становлення М. Пирогова та М. Корфа як педагогів-гуманістів:

1) перший етап охоплює дитячі роки педагогів, коли були закладені основи їх гуманістичного світогляду;

2) другий етап охоплює роки навчання та пов'язаний із вибором життєвого шляху, першим професійним досвідом, формуванням власних поглядів на свою професійну діяльність;

3) третій етап – це період професійного становлення, який характеризується формуванням та розвитком власних професійний методів та стилів педагогічної діяльності;

4) четвертий етап характеризується створенням та апробацією власних поглядів та ідей;

5) п'ятий етап – рефлексивний. Характеризується критичним аналізом власного життя та педагогічної діяльності.

Проведений нами аналіз педагогічних праць Миколи Пирогова та Миколи Корфа, а також дослідників їхньої педагогічної спадщини дозволяє стверджувати, що обидва педагоги відстоювали за загальнолюдське навчання та виховання, яке сприяло б розумовому та моральному розвитку вихованців, а також готувало б їх до практичної діяльності.

Микола Пирогов та Микола Корф вимагали єдиної загальноосвітньої доступної школи, незалежно від соціального походження учня, вони засуджували становий характер навчальних закладів та з осудом ставились до батьків, які самоуправно розпоряджались майбутнім своїх дітей [13, с. 276; 17, с.59].

Погляди педагогів є дуже актуальними в наш час. Зокрема в «Основних виховних орієнтирах учнів 1–11 класів загальноосвітніх навчальних закладах» зазначається, що метою виховання є формування морально-духовної життєво компетентної особистості, яка успішно самореалізується в соціумі як громадянин, сім'янин та професіонал [16]. В новому Державному стандарті початкової та середньої освіти зазначається, що Державний стандарт ґрунтується на засадах особистісно зорієнтованого, компетентнісного і діяльнісного підходів, де діяльнісний підхід трактується як «розвиток умінь і навичок учня, застосування здобутих знань у практичних ситуаціях, пошук шляхів інтеграції до соціокультурного та природного середовища» [7-8].

Микола Корф створив народну школу, в основі якої лежав принцип відповідності школи життєвим потребам народу. Педагог вимагав, щоб навчальні програми та методи навчання враховували «місцеві умови» народної школи та інтереси населення. Основу навчально-виховного процесу складала опора на дитячий інтерес, максимальний розвиток дитячих здібностей та творчого потенціалу. Проведений аналіз педагогічного доробку М. Корфа та М. Пирогова, дозволяє стверджувати, що пріоритету в сфері народної освіти педагоги надавали рідній мові [2, с. 328; 17, с. 468]. Вони розкривали взаємозв'язок пізнавальної діяльності та мислення, визнаючи одним із дійових засобів розвитку мислення вивчення рідної мови.

Микола Корф розумів, що ефективність використовуваних методів визначалася, в першу чергу, «пробудженням духу» вихованців, їх готовністю до самостійної внутрішньої роботи, де пізнавальний інтерес був найголовнішим фактором. Педагог вважав, що пізнавальний інтерес є необхідним засобом для отримання знань, продуктивного та глибокого аналізу змісту навчального матеріалу [12, с. 328].

Микола Іванович намагався досягнути духовного та розумового розвитку учнів шляхом засвоєння позитивно-ціннісного досвіду за допомогою таких форм та методів, які б сприяли вдосконаленню розумових та духовних здібностей учнів [14].

В працях Миколи Корфа представлений досить великий спектр наочних посібників. Педагог рекомендував учителям мати якомога більше зображень конкретних предметів: тварин, рослин, мінералів, птахів, комах, риб, тощо. Педагог організував роботу майстерень, в яких виготовляли малюнки, гербарії, опудала, колекції мінералів.

Навчання в народній школі М. Корфа характеризувалось пріоритетом дитячої особистості в навчально-виховному процесі, тому навчання враховувало дитячі інтереси, їх почуття, а в основі методів, що використовувались, було звернення до творчого та інтелектуального потенціалу дитини. Микола Олександрович заперечував догматизм, зубріння та муштру, що були притаманні тогочасній школі, тому і ставив перед школою одне з актуальних завдань, що полягало в пошуку нових продуктивних, педагогічно-доцільних і ефективних методів навчання, які б дозволили створити гідні умови для розвитку інтелектуальних, емоційних та вольових сил дитини. Педагог переконував, що методи навчання в першу чергу повинні бути спрямовані на розвиток пізнавального інтересу, на ідентифікацію та вдосконалення творчих дитячих проявів. До таких методів педагог відносив широке застосування різних видів наочності, використання евристичної бесіди, збільшення кількості самостійних завдань творчого та пошукового характеру, використання письмових робіт, що давалися з урахуванням міжпредметних зв'язків, умінь дітей аналізувати, систематизувати, узагальнювати отриманий матеріал.

Проаналізувавши гуманістичні ідеї в педагогічному доробку М. Пирогова, ми дійшли висновку, що гуманістичний ідеал педагога характеризується такими положеннями:

– виховання – це перш за все звернення педагога до «истинного человека», формування в дитини високих людських якостей;

– формування людини повинне бути пов'язане із її підготовкою до боротьби із суспільним злом і тими вадами, носієм яких є сама людина. «Нужно отличать идеал, к которому мы должны стремиться, от действительности, с которой мы должны беспрестанно бороться»;

– постійна увага до внутрішнього світу дитини, емпатія. «Дайте созреть и окрепнуть внутреннему человеку… научите быть, а не казаться человеком»;

– гармонійний духовний та фізичний розвиток;

– послідовність та наступність навчання та виховання: спочатку загальнолюдське виховання, а потім профільне навчання;

– всебічний та вільний розвиток особистості дитини за допомогою різноманітних форм самоактуалізації особистості;

– виховання справжньої людини та громадянина своєї країни;

– виховання людини, яка здатна розуміти не тільки своє щастя, але й щастя інших. «Быть счастливым счастьем других – вот счастье земное, вот жизни прямой идеал».

У ході наукового пошуку, з'ясовано що праці Миколи Пирогова, які мають відношення до педагогічної діяльності, були написані в період з 1856 до 1881 рр. Вони присвячені проблемам початкової, середньої та

вищої школи, а також загальноосвітніх установ (недільні школи), проблемам виховання, методики навчання в університетах, Медико-хірургічній академії та гімназіях. Велику цінність становлять службові доповідні записки з питань педагогіки та проблем організації навчально-виховного процесу в Одеському та Київському навчальних округах, а також циркуляри попечителя.

Основними педагогічними працями Миколи Олександровича Корфа є «Русская начальная школа», «Наши педагогические вопросы», «Наше школьное дело», «Наш Друг», «Руководство к «Нашему Другу», «Итоги образования в европейских государствах», «Малорусская народная школа», «Отчёты Александровского уездного училищного совета», «Руководство для воскресных повторительных школ», «Руководство к обучению грамоте» та ін.

Здійснений нами аналіз педагогічних праць педагогів дає змогу вважати, що в них повністю відображаються та простежуються гуманістичні педагогічні концепції вчених, які базуються на таких гуманістичних принципах: поваги до особистості дитини та вчителя як основних учасників педагогічного процесу; врахування вікових та індивідуальних психофізіологічних особливостей дитини, вроджених здібностей та нахилів; поваги права людини робити власний життєвий та професійний вибір. Дослідженням встановлено, що ідеї М. Пирогова та М. Корфа були сприйняті та інтерпретовані сучасниками як реформаторські, нові та актуальні.

Сучасні підходи до освіти характеризуються процесами гуманізації – орієнтації на духовні та моральні цінності. У таких умовах простежується синтез гуманістичних, демократичних та культурних цінностей навчання. На даному етапі відбувається переорієнтація принципів самосвідомості та рефлексії педагогів, формування нового розуміння гуманізму, який у сучасній гуманістичній педагогіці можна трактувати як необмежений у соціокультурному просторі та демократично організований педагогічний процес. Основна мета цього педагогічного процесу полягає в задоволенні основних запитів учня, збагаченні його творчого потенціалу та здібностей.

У ході дослідження, з'ясовано, що гуманістичний ідеал М. Пирогова та М. Корфа відповідає сучасному гуманістичному ідеалу педагогічної науки. Сучасний гуманістичний ідеал – це всебічний вільний розвиток особистості на основі різноманітності форм самореалізації під час засвоєння нею як національної, так і всієї світової культури.

Проблеми, які порушували Микола Пирогов та Микола Корф у своїй педагогічні діяльності, знайшли своє відображення у державних стандартах та інших нормативних документах. Це в першу чергу стосується проблеми взаємозв'язку навчання та розвитку особистості, загальнолюдського виховання та ранньої спеціалізації.

Для успішної реалізації гуманістичних ідей у навчально-виховному процесі Микола Пирогов та Микола Корф визначали ряд умов:

– тісний взаємозв'язок навчання і виховання;

– врахування національної культури та духовних традицій народу під час навчально-виховного процесу;

– професіоналізм учителів;

– взаємозв'язок школи і життя;

– створення атмосфери доброти та довіри між учителями та учнями;

– індивідуальний підхід до учнів;

– створення умов для самовиховання;

– створення в умовах навчального закладу єдиної суспільної думки.

Провідне місце у творчому доробку Миколи Івановича Пирогова та Миколи Олександровича Корфа належить проблемі особистості вчителя та його підготовки. Педагоги зробили вагомий внесок у теоретико-методологічне обґрунтування досліджуваної проблеми. Обидва педагоги високо цінували працю педагога, підкреслювали її важливість та складність. Особливу увагу педагоги приділяли місії вчителя, цінності та меті його призначення. Незважаючи на те, що педагоги жили понад два століття тому, вони висували вимоги до особистості вчителя та його професійної підготовки, які є актуальними в наш час.

Розглядаючи проблему вчителя в педагогічній діяльності Миколи Пирогова та Миколи Корфа, з'ясувалось, що Микола Олександрович був практиком та висував вимоги до особистості вчителя, виходячи із потреб створеної ним школи нового типу, де вчитель одночасно повинен був працювати із трьома відділами дітей віком від 10 до 14 років. Він зосереджується на проблемі народного вчителя, сферою діяльності якого була проста сільська школа.

Слід зауважити, що Микола Іванович не мав професійної педагогічної освіти. Тому осмислити, усвідомити та по-інноваційному використати і запровадити у своїй педагогічній системі основні принципи виховання та навчання педагогу допомогли критичний аналіз власного досвіду, навчання, медичних та наукових знань. Беззаперечним також є факт, що педагогічна діяльність Миколи Пирогова носила адміністративно-педагогічний характер. У той час, як діяльність Миколи Корфа більшою мірою носила практичний характер: педагог на власному досвіді випробовував та впроваджував педагогічні методи та прийоми. Саме в цьому полягає принципова різниця у відношеннях педагогів до особистості вчителя: Микола Пирогов розглядав її з точки зору «Попечитель» – «Навчальний заклад» намагаючись внести гуманність в організацію шкільної справи; Микола Корф розглядав цю проблему з позиції «Учитель» – «Учитель». У першого шляхи вирішення носили науково-теоретичний та філософський характер, а в другого – практично-прикладний.

У ході дослідження встановлено актуальність вимог М. Пирогова та М. Корфа щодо підготовки та професіоналізму вчителя відповідно до нових державних освітніх стандартів, зокрема:

– гуманістична діяльність педагога; установлення суб'єкт – суб'єктних відносин; коректне сприйняття учителем учнів; забезпечення їм права на самореалізацію, неповторність та недоторканність; уміння розуміти світ дитини;

– повага до людей як основний моральний бік діяльності вчителя;

– орієнтація на розвиток учня через включення в діяльність, надання йому максимальної самостійності;

– професійна компетентність;

– всебічне вивчення особистості, аналіз її фізичного, духовного, психічного та суспільного розвитку;

– самоаналіз власних помилок та невдач;

– самовіддане ставлення до своєї професії;

– свідоме та наполегливе прагнення до професійного вдосконалення, розвитку та розширення своїх педагогічних здібностей, застосовуваних методів та прийомів роботи;

– прагнення до самоосвіти;

– володіння професійно особистісними рисами і якостями – зовнішній вигляд, розумовий розвиток, добросовісність, чесність, моральна благородність, самокритичність, емпатія, уміння відчувати іншу людину, контролювати свою поведінку та вчинки тощо.

Висновки і перспективи подальших досліджень. Таким чином, в ході аналізу гуманістичних ідей в педагогічній спадщині М. Корфа та М. Пирогова ми дійшли висновку, що їх погляди характеризувались пріоритетом дитячої особистості в навчально-виховному процесі, навчально-виховний процес враховував дитячі інтереси та їх почуття, а в основі використовуваних методів було звернення до творчого та інтелектуального потенціалу дитини. Педагоги заперечували догматизм, зубріння та муштру, що були притаманні тогочасні школі, тому і ставили перед школою одне із актуальних

завдань, що полягало в пошуку нових продуктивних, педагогічно-доцільних і ефективних методів навчання, які б дозволили створити гідні умови для розвитку інтелектуальних, емоційних та вольових сил дитини.

Список літератури:

1. Антощак М. М. Громадська та освітньо-наукова діяльність Миколи Олександровича Корфа: дис. ...кандидата іст. наук : 07.00.01 / Антощак Марина Миколаївна ; Запоріз. нац. ун-т. – Запоріжжя, 2010. – 244 арк.: фотогр.

2. Бакушкина Е. М. Педагогические взгляды Н. И. Пирогова: дис. …кандидата пед. наук : 13.00.01 / Бакушкина Елена Михайловна ; С.-Петерб. ун-т МВД РФ. – СПб., 2007. – 163 с.

3. Богуславский М. В. Генезис гуманистической парадигмы образования в отечественной педагогике начала XX века / М. В. Богуславский // Педагогика. – 2000. – № 4. – С. 63–70.

4. Богуславский М. В. Педагогические идеалы Н. И. Пирогова / М. В. Богуславский // Педагогика. – 2010. – № 9. – С. 89–102. – Библиогр.: 27 назв.

5. Василюк А. Нариси з порівняльної педагогіки / Василюк А., Корсак К., Яковець Н. – Ніжин: Ред.-видав. відділ НДПУ, 2002. – 119 с.

6. Гурова О. М., І. Пирогов про роль освіти в духовному розвитку особистості / Олександра Гурова // Наук. вісн. Чернів. ун-ту / [Чернів. нац. ун-т ім. Юрія Федьковича]. – Чернівці, 2003. – С. 50–55. – (Серія «Педагогіка та психологія», вип. 177).

7. Державний стандарт базової і повної загальної середньої освіти : постанова Кабінету Міністрів України від 23.11.2011 № 1392 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://guonkh.gov.ua/reforma _osviti/zagal_ os/2144.html.

8. Державний стандарт початкової освіти: постанова Кабінету Міністрів України від 20.04.2011 № 462 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.mon.gov.ua/ua/often-requested/state-standards/.

9. Єгоров Г. Тенденції розвитку порівняльної педагогіки за кордоном / Г. Єгоров, Н. Лавриченко // Шлях освіти. – 1999. – № 1. – С. 19–23.

10. Заир-Бек Е. С. Роль новых подходов в сопоставительных исследованиях для развития теории образования [Электронный ресурс] / Е. С. Заир-Бек // Письма в emissia.offline: Эл. науч.-пед. журнал. – 2005. – Январь – июнь. – Режим доступа: http://www.emissia.org/offline/2005/975.htm

11. Корф Н. А. Наше школьное дело. Сборник статей по училищеведению / Барон Н. А Корф. – М., 1873. – 430 с.

12. Корф Н. А. Наши педагогические вопросы / Барон Н. А. Корф. – М., 1882. – 410 с.

13. Корф Н. А. Теория Дарвина и вопросы педагогики / Николай Александрович Корф // Вестник Европы. – 1873. – № 1. – С. 275–311.

14. Красновский А. А. Педагогические идеи Н. И. Пирогова / А. А. Красновский. – М.: Гос. учеб. пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1949. – 194, [2] с., [1] л. портр. – Библиогр.: с. 183–184.

15. Кушніренко І. М., О. Корф: справа всього життя: творч. портр. / Іван Кушніренко, Володимир Жилінський. – Запоріжжя: Дніпровський металург, 2011. – 300 с.: іл.

16. Наказ Міністерства освіти і науки, молоді та спорту України від 31.10.2011 № 1243 «Про Основні орієнтири виховання учнів 1–11 класів загальноосвітніх навчальних закладів України» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.mon.gov.ua/images/files/pozashkilna/1243.doc.

17. Пирогов Н. И. Избранные педагогические сочинения / [сост. и авт. коммент.: А. Н. Алексюк, Г. Г. Савенок; отв. ред. А. Н. Алексюк]; АПН СССР). – М.: Педагогика, 1985. – 493, [3] с. – Библиогр.: с. 489–491. – (Серія «Педагогическая библиотека»).

18. Сбруєва А. А. Порівняльна педагогіка: навчальний посібник / А. А. Сбруєва. – Суми: Ред.-вид. відділ СДПУ, 1999. – 300 с.

ГУМАНІСТИЧНІ ІДЕЇ В ПЕДАГОГІЧНОМУ ДОРОБКУ М. ПИРОГОВА ТА М. КОРФА

© 2015

***Ю. М. Лавренчук*,** здобувач наукового ступеня
Миколаївський національний університет імені В. О. Сухомлинського, Миколаїв (Україна)

Анотація: У статті характеризуються основні етапи життєвого шляху М. Пирогова та М. Корфа, визначено чинники, що впливали на формування педагогічних поглядів педагогів, встановлено взаємозв'язок між їх життям та педагогічною діяльністю, досліджено динаміку становлення та розвитку їх гуманістичних поглядів, розкрито зміст і виявлено специфічні риси гуманістичних ідей в педагогічному доробку М. Пирогова та М. Корфа.

Ключові слова: М. Пирогов, педагогічні погляди, гуманістичні ідеї, гуманістичний ідеал, загальнолюдська освіта, М. Корф, народна школа.

HUMANISTIC IDEAS IN PEDAGOGICAL HERRITAGE OF M. PIROGOV AND M. KORF

© 2015

Y. M. Lavrenchuk, PhD candidate in pedagogics
Mykolajiv Vasylj Sukhomlynsjkyj National Pedagogical University, Mykolajiv (Ukraine)

Abstract. The article characterizes the main stages of M. Pirogov's and M. Korf's life, the factors that influenced the formation of their educational views have been revealed, the relationship between their life and pedagogical work has been shown. The article shows the dynamics of the formation of teachers' humanistic pedagogical views. The content and specific features of humanistic ideas in M. Pirogov's and M. Korf's heritage have been revealed and determined.

Keywords: M. Pirogov, pedagogical views, humanistic ideas, humanistic ideal, universal education, M. Korf, rural school.

УДК 37.026.9:51

ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО ПОДХОДА К МАТЕМАТИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛУ У ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ

© 2015

М.Г. Никитина, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Высшая математика и математическое моделирование»
***Е.С. Павлова*,** кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Высшая математика и математическое моделирование»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Состояние знаний учащихся средней школы по математике в настоящее время нельзя считать удовлетворительным. Об этом говорит хотя бы тот факт, что при оценке экзаменационных работ ЕГЭ по математике в 2014 году был снижен нижний порог успешного прохождения экзамена. Несмотря на достаточное время отведенное программой, знания остаются формальными, узкоприменяемыми, направленные только на решение тестов ЕГЭ. Аналогичное положение и в отношении математики высшей школы. Переход на кредитно-модульную систему, отсутствие устных экзаменов по высшей математике, наличие различных электронных ресурсов в помощь студенту, не ведет к формированию устойчивых математических понятий и связям между ними. Творческое мышление есть высшая ступень самостоятельности. Творчество всегда означает созидание, синтез чего-то существенно нового. Использование в работе педагога различных педагогических приемов(«интеллектуальных операций») таких как аналогия, обобщение , обучение навыкам мыслить по аналогии или обобщать различные единицы знаний помогает и школьнику, и студенту активизировать свои усилия и подняться до более высокого уровня усвоения материала. «Обучение лишь тогда хорошо, когда оно идет впереди развития». Одна из главных задач учителя состоит в том, чтобы создать у молодого человека впечатление, что математические задачи связаны одна с другой, математические темы связаны одна с другой и предметы выделены из всеобщего знания условно. Математическое мышление школьника или студента - это познание реального мира, т.е. объективной реальности, происходящее через обобщения посредством математических символов, учитывая математические закономерности и отношения. Надо что бы школьники и студенты понимали, что математика-это виртуальный мир идей.

Ключевые слова: математическое образование, задачи с параметрами, аналогии, обобщение материала, противопоставление, эвристический подход, мотивация.

В последние годы школьное математическое образование подразумевает увеличение исследовательских умений учащихся. Это и умение анализировать математический материал, и возможность его систематизировать, обобщать и разделять, предугадывать пути решения, абстрагироваться от конкретных примеров. Все научные достижения доказываются с помощью математического аппарата, поэтому решать нестандартные, творческие , исследовательские задачи есть первый шаг к эвристическому и творческому поведению школьника и студента «на территории» математики. «Подобно тому как все искусства тяготеют к музыке, все науки стремятся к математике» - это слова американского философа Д. Сантаяна.

Речь о формировании творческих способностей нужно начать с педагогической категории «мотивация».

«Мотивация — процесс стимулирования познавательной деятельности ученика или коллектива, направленный на достижение индивидуальных или общих целей группы....Искусство преподавателя особенно наглядно проявляется в умении стимулировать участие всех учащихся к активной познавательной деятельности, что в итоге может повысить их интеллектуальный и личностный потенциал и удовлетворить глубокую потребность личности в самоуважении и признании результатов своего труда.» [1].

Правильный выбор цели на уроке, на лекции, на практическом занятии, на факультативе или математическом кружке обеспечивает стимулирование познавательной деятельности обучаемого. А также важно правильное использование комбинаций интеллектуальных операций и психологических приемов. Воспитание потребности узнавать, размышлять, находиться в состоянии «интеллектуального голода» ведет к управлению мотивационными ориентирами.

Развитие математических способностей обучаемого зависит от того, какими дидактическими приемами пользуется педагог, в каких комбинациях и в каких качествах они ему предлагаются. Среди таких средств выделяют: анализ, синтез, сравнение, обобщение, абстракция, классификация и т. д.

Речь в этой статье не идет о творческом отношении к математическому материалу, которое может привести к крупному научному открытию или к решению глобальной проблемы. В каждой задаче, с которой сталкивается ученик или студент есть эвристическая крупица. Если эта задача заставила решаемого быть изобретательным, если победа ему далась посредством напряжения ума и воли, то цель достигнута. «Знания ученика будут прочными, если они приобретены ни одной памятью, не заучены механически, а являются продуктом собственных размышлений и проб, и закрепились в результате его собственной творческой деятельности над учебным материалом» [2].

Преподаватель математики должен творчески относиться к преподаванию, аналогия, анализ, синтез, обобщение-это дидактические приемы, способствующие развитию эвристического мышления обучаемого.

Аналогия. Это есть сходство с чем-то. «Сходные предметы согласуются друг с другом в некотором отношении, аналогичные предметы согласуются в определенных отношениях между их сооветствующими частями. Прямоугольник аналогичен прямоугольному параллелепипеду. Аналогией проникнуто все наше мышление, наша повседневная речь и тривиальные умозаключения, язык художественных произведений и высшие научные достижения. Нам не следует пренебрегать никаким видом аналогий, каждый из них может сыграть определенную роль в поисках решения»[3].

Различные мыслительные заключения по аналогии являются неотъемлемой частью здравомыслящего человека, и, конечно, часто приходят на помощь при решении математических задач и в школе и в ВУЗе. Степень аналогии может быть различной. Люди часто применяют в быту разные аналогии. Но аналогия может возвыситься до точности математики. Причем аналогия отличается от обобщения тем, что в результате решения по аналогии получается решение таково же уровня, порядка, как и у исходного. Например, составление задачи. По аналогии получится задача такого же порядка сложности, что и исходная. А при обобщении, обучаемый покажет более высокий уровень мыслительной деятельности, умственного экспериментирования.

Среди приемов обобщения знаний на школьном этапе математики наиболее важными являются уплотнение знаний и систематизация знаний, т.е. установление раз-

личного рода связей:
- иерархических,
- причинно-следственных,
- структурно- логических,
- классификации [4].

Подразумевать возможность обобщения знаний не значит получить эффект. Математика высшей школы должна опираться на умение студентов устанавливать содержательно-смысловые связи между компонентами систем знаний из разных областей. Складывается впечатление, что студенты последнего десятилетия не обладают представлением о том, что деление на предметы или на дисциплины всех научных знаний является условным. Это заслуга единого государственного экзамена. В последние десятилетия самые главные фундаментальные открытия делаются на стыке наук. «Это человек для удобства создал разные науки, а природа не знает деления на науки» [5].

В умах молодых людей должна сформироваться Единая картина мира.

Обобщение знаний возможно на протяжении всего курса изучения математики. Логическим операциям обобщению и аналогии , их применению нужно учить на специально разработанных упражнениях. Если же слишком долго ученик повторяет одно и то же по шаблону, то он находится в фазе, сдерживающий развитие мышления.

Понимание связей между разделами, явлениями это есть главное условие развития логики, диалектического оформления знаний.

По мнению Эрдниева творческое обучение математике возможно только при укрупнении дидактических единиц;

а) сравнивать противоположные понятия(прямая и обратная теоремы, прямая и обратные функции...)

б) сопоставлять родственные и аналогичные понятия. Уравнения и неравенства; одновременное изучение, одновременное изучение свойств объединения и пересечения; и так далее.

в) сопоставлять способы решения, например, графический и аналитический [2].

Укрупнение дидактических единиц внутри одной дисциплины конечно приведет к изменению логики, выявит основное в структурной единице знаний и собственно ее структуры, а также будет являться опережающей генерализацией, сформирует у учащихся первичные представления об объеме и характере изучаемого материала, о наиболее общих взаимосвязях между его структурными единицами. Но можно пойти еще дальше. Можно смоделировать какую-то единицу знаний в соответствии с имеющейся схемой описания. Это, конечно, касается учащихся и студентов, демонстрирующих наивысший уровень усвоения, способных воспринимать и «соединять» материал, непривычный даже для педагога. Поэтому вывести на творческий уровень школьника или студента может только тот преподаватель, который сам обладает необходимыми умениями. Пример. Решение школьных задач повышенной вычислительной трудности с использованием частных производных [6]. Это вариант для школьников. Использование рядов Маклорена и дифференциальных уравнений в изложении метода аналогий в колебательных и волновых явлениях -как вариант для студентов технических факультетов [7].

Если проанализировать задания представленные на итоговой аттестации по математике, то самыми креативным являются задания С-5 и С-6. Задания типа С-5 содержат параметр, и не имея опыта творческого отношения к материалу нельзя найти решение. Что бы получить результат нужно уметь и анализировать условие, и синтезировать знания из разных разделов математики, и проводить аналогии, и обобщать, и разделять ответы, и разводить понятия, и правильно выбрать ход решения: аналитический или графический, правильно все обосновать.

Почему задачи с параметрами представляют для школьников такую непреодолимую задачу? Раньше, во времена СССР, задачи с параметрами предлагались на вступительных экзаменах только в нескольких ведущих вузах страны. Сегодня, когда общий уровень математического образования снизился до критических значений, задания с параметрами, представленные на итоговой аттестации, год от года труднее.

Слово параметр имеет греческое происхождение, дословно-отмеривающий. Это некоторая величина, значение которой призвано различить элементы некоторого множества между собой. В школьной математике параметры используются для идентификации некоторого класса объектов, которые имеют одни и те же свойства. Школьная математика предлагает задачи с допустимыми и недопустимыми параметрами. Если алгебраическое выражение при таком параметре теряет смысл, то речь идет о недопустимом параметре, и, наоборот, о допустимых.

Использовать разные ходы и формы преподавания для конструирования творческого отношения к предмету возможно не только в формате урока, но и во внеурочной работе.

Творческое отношение к математическому материалу зачастую появляется у молодых людей во внеурочной работе. Это могут быть кружки, факультативы или математические курсы. Здесь объединяются единомышленники. « ....Когда частота педагогических «внешних» воздействий совпадет с частотой «внутренних психических» отражений обучаемых, будет наблюдаться резкое увеличение познавательной активности»[1].

Здесь нет разделения ни по возрасту, ни по статусу. Здесь все люди, увлеченные математикой. А венец такой деятельности-участие в олимпиаде по математике. Любой участник олимпиады желает добиться лучших результатов. Для этого он решает задачи, читает рекомендованную литературу, более подробно изучает отдельные вопросы математики, активнее участвует в работе математического кружка. Он понимает, что для успеха на олимпиаде необходимо уметь по-разному решать задачи, развивать в себе способности анализировать решения задач и искать нешаблонные подходы к их решению, видеть неожиданные зависимости. Победа учащегося на каждом этапе приводит к повышению результативности его занятий математикой [8].

Олимпиада любого уровня ставит участника в положение исследователя. Участие в олимпиаде повышает чувство собственной значимости, стимулирует его познавательные интересы. Сначала амбиции приводят в движение познавательную деятельность. А потом интерес к математике полностью управляет жизнью ученика или студента.

В последние годы итоговая аттестация по математике несколько изменила линейку заданий. Появились прикладные задания, показывающие, что математика существует не ради математики, а как инструмент для определения количественных характеристик в разных сферах человеческой деятельности. Это задачи типа №15 единого государственного экзамена по математике. Здесь расчетные варианты из астрономии, физики, механики, социологии и многих других отраслей знаний. При подготовке к ЕГЭ у ученика начнет формироваться понятие о том , что изучение математики ему нужно прежде всего для того, что бы с помощью математического аппарата постичь истины других наук. С 2015 года в демонстрационных материалах для ЕГЭ по математике появились новые прикладные задачи по тематике связанные с банковским делом. Вся математика — это есть моделирование каких -то процессов. Для школьников наиболее привычны процессы, связанные с движением или работой. Это текстовые задачи на составление уравнения или системы уравнений. Задачи на банковские проценты- это математическое моделирование экономических процессов. Именно при решении та-

ких задач устанавливаются содержательно - смысловые связи между компонентами систем знаний из разных областей. На экономических специальностях студентам приходится иметь дело с множеством параметров при формировании математической модели какого-то экономического процесса [9], студенты электротехнического профиля применяют знания и умения решать выражения с параметрами на лабораторных работах. Там параметром может быть любая величина : напряжение, сила тока, сопротивление, а может быть, и время. [10]. На биологических и медицинских специальностях необходимо трансформировать математические знания и умения в составление системы приемов, обеспечивающей достижение оперативной цели, например, касается ли это подбора кормов для животных или, с помощью вероятностных законов, называемых биометрией, определять изменение состава крови в зависимости от изменения кормовой базы [11]. И только при творческом отношении к математическим знаниям, при перспективном планировании деятельности обобщения, при выборе приемов обобщения знаний адекватных ей, возможен квалитативный эффект. Всякая технология обучения достигнет поставленной цели.

Обучение математике - это не просто совокупность усилий педагога и обучаемого, будь это ученик или студент, это набор способов воздействия на мыслительную деятельность обучаемого. Умелое изменение набора таких способов в нужное время и в нужном месте покажет высокий профессионализм педагога, а для школьника или студента обучение превратится в «серию маленьких открытий, по ступенькам которых ум ученика может подняться к высшим обобщениям»[2]. По любому разделу математики можно создавать упражнения, выполнение которых требовало бы творческого подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Чернова Ю.К. Квалитативные технологии обучения: Монография.-Тольятти: Изд-во фонда «Развитие через образование», 1998.стр96, стр42.

2. Эрдниев П.М., Эрдниев Б.П. Обучение математике в школе/Укрупнение дидактических единиц. Книга для учителя.-2изд. исп. и доп.-М.:АО « Столетие», 1996.

3. Пойа Д. Как решать задачу: Пособие для учителей. Под редакцией Гайдукова Ю.М.- М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1959.

4. Никитина М.Г. Теория и методика обобщений в профильном обучении физике учащихся средней школы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Тольятти 2003.

5. Семенов Н.Н. Где истина. - Неделя.1974.№19.

6. Кошелева Н.Н., Никитина М.Г. Решение школьных задач повышенной вычислительной трудности с использованием частных производных // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. №7. С. 19-23.

7. Павлова Е.С., Никитина М.Г. Использование рядов Маклорена и дифференциальных уравнений в изложении метода аналогий в колебательных и волновых явлениях // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. №6. с17-21.

8. Никитина М.Г. Олимпиады по математике: от школьных к вузовским// Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии.2008.№3(32).С.374-378.

9. Кошелева Н.Н. Применение математического аппарата к исследованию системы оплаты труда на предприятии. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011 .№11. С. 20-24.

10. Потемкина С.Н. Системно-деятельностный подход к организации учебной деятельности студента при изучении курса физики на инженерных специальностях вуза // Известия Самарского научного центра Российской академии наук.2008. №57. С.208-215.

11. Никитин Г.С. Сравнительная характеристика влияния некоторых сорбентов на организм цыплят бройлеров // Актуальные проблемы ветеринарной медицины: СПб.: 2013. – С. 34– 38.

FORMATION OF CREATIVE MATHEMATICAL MATERIAL IN SCHOOL CHILDREN AND STUDENTS

© 2015

E.S. Pavlova, candidate of pedagogical sciences associate pfofessor of the chair "Higher mathematics and mathematical modelling"
M.G. Nikitina, candidate of pedagogical sciences associate pfofessor of the chair "Higher mathematics and mathematical modelling"
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract. The Condition of the knowledges secondary school on mathematician at present it is impossible consider satisfactory. About this speaks at least that fact that at estimation of the examination work EGE on mathematician in 2014 was reduced lower threshold of the successful passing of the exam. In spite of sufficient time conducted by program, knowledges remain formal, directed only on decision test EGE. The Similar position and in respect of mathematicians of the high school. Transition on credit-module system, absence spoken exam on high mathematician, presence different electronic resource in help student, does not lead to shaping firm mathematical notion and relationship between them. The Creative thinking there is high step to independance. The Creative activity always means the creation, syntheses what-that greatly new. Use in functioning(working) the teacher different pedagogical acceptance("operation") such as analogy, generalization , education skill to think in analogy or generalise the different units of the knowledges helps and schoolboy, and student to actuate their own efforts and rise before higher-level assimilations of the material. "Education only then well, when it goes ahead of development". One of the main of the tasks of the teacher consists in that to create beside young person impression that mathematical tasks are bound one with another, mathematical subjects are bound one with another and subjects are chosen from the general knowledge conditionally. The Mathematical thinking of the schoolboy or student - a cognition of the real world i.e. objective reality, occurring through generalizations by means of mathematical symbol, considering mathematical regularities and relations. It is Necessary that schoolchildren and students understood that mathematics-virtual world.

Keywords: mathematical formation, problems with parameter, analogies, generalization of the material, contraposition, heuristic approach, motivation.

УДК 378.147:005.95-051

АНАЛИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПО ФОРМИРОВАНИЮ КУЛЬТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ У БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ

© 2015

А. В. Попова, старший преподаватель кафедры менеджмента
Донбасский государственный педагогический университет, Славянск (Украина)

Аннотация: В статье освещены вопросы опытно-экспериментальной работы по формированию культуры управления персоналом, организованной на базе Донбасского государственного педагогического университета в процессе профессиональной подготовки будущих менеджеров. Результаты педагогического эксперимента подтвердили целесообразность введения предложенных педагогических условий в процесс профессиональной подготовки будущих менеджеров с целью формирования культуры управления персоналом.

Ключевые слова: эксперимент, культура управления персоналом, профессиональная подготовка, менеджер, педагогические условия.

Постановка проблемы в общем виде. Важными задачами современного профессионального менеджмент-образования являются выполнение гуманистических функций воспитания, личностного формирования и социализации будущих специалистов, привития культуры в ее разнообразных проявлениях. Приобщение личности к миру культуры интенсивней всего происходит в процессе образования, не исключением является и профессиональная подготовка будущих менеджеров в высшем учебном заведении.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросы формирования в высшей школе различных видов культуры будущих специалистов управленческого профиля поднимались многочисленными российскими и украинскими исследователями, среди которых необходимо отметить О. Ершову [1], Е. Ефимову [2], М. Нюшенкову [3], О. Остапенко [4], Ю. Сытникову [5], Э. Ященко [6]. Формируя профессиональную, управленческую, предпринимательскую, коммуникативную культуру в процессе подготовки будущих менеджеров, ученые разрабатывали различные способы обеспечения ее культурологической направленности. Тем не менее, несмотря на имеющееся научно-педагогическое наследие, остается слабо изученной проблема формирования культуры управления персоналом будущих менеджеров, что и определило вектор данного научного исследования.

Таким образом, *целью* данной статьи является анализ содержания и результатов педагогического эксперимента по формированию культуры управления персоналом у будущих менеджеров.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Культура управления персоналом – это особенная составляющая профессиональной культуры менеджера, которая проявляется в соответствующей сфере управленческой деятельности в определенном уровне владения специалистом системой профессиональных, культуро-ориентированных знаний, культуротворческих умений и выражается в развитой интеллектуальной, мотивационно-ценностной, коммуникативной, эмоционально-волевой сферах личности.

Опытно-экспериментальная работа по формированию культуры управления персоналом будущих менеджеров предполагала поэтапное развертывание педагогического эксперимента. На первом, разведывательном этапе обрабатывались исходящие теоретико-практические основы исследования с целью получения дополнительной информации о предмете, объекте научного поиска, также уточнялись и корректировались его задачи, гипотеза.

Следующий этап предполагал организацию констатирующего эксперимента, в процессе которого разработан критериальный аппарат оценки сформированности культуры управления персоналом, выбрана необходимая шкала, подобран целесообразный методический инструментарий, организована диагностика исследуемого явления, проведен количественный и качественный анализ полученных эмпирических данных. Культура управления персоналом будущих менеджеров оценивалась по когнитивному, операционно-технологическому, личностному критериям при помощи четырехуровневой шкалы, предполагающей наличие высокого, достаточного, недостаточного и низкого уровней сформированности данного педагогического явления.

В процессе эксперимента были использованы ряд диагностических методов исследования: анкетирование, тестирование, экспертные оценки, самооценка, наблюдение, интервью, математические, статистистические и др. Также применялся разнообразный методический инструментарий, как составленный автором самостоятельно (комплекс тестовых заданий, «банк ситуаций», индивидуальные учебно-исследовательские задания, опросник «Ценностные ориентации» и др.), так и валидные психодиагностическое методики («КОС» В. Синявского, Б. Федоришина, вербальный тест Торренса «Исследование уровня креативности», методики изучения учебных и профессиональных мотивов Б. Додонова, К. Замфир и др.). Результаты констатирующей диагностики показали преимущественно низкий и недостаточный уровень сформированности культуры управления персоналом у студентов как экспериментальной, так и контрольной выборок по всем критериям.

На этапе формирующего эксперимента в учебно-воспитательный процесс экспериментальных групп были введены новые факторы – специально разработанные педагогические условия, которые в соответствии с гипотезой исследования должны повысить эффективность профессиональной подготовки будущих менеджеров в направлении формирования культуры управления персоналом; в контрольных группах учебно-воспитательный процесс организовывался без изменений, по классической схеме. Таким образом, был внедрен комплекс следующих педагогических условий: обогащение содержания обучения по управлению персоналом дополнительной культуро-ориентированной тематикой; создание разнообразия форм и методов учебно-воспитательной деятельности в процессе подготовки будущих менеджеров в высшем учебном заведении; содействие развитию профессионализма педагогических кадров в целях достижения эффективности процесса формирования культуры управления персоналом будущих менеджеров.

Следует отметить, что педагогические условия внедрялись одновременно, чему предшествовала последовательная, систематическая работа: участникам эксперимента разъяснялись цели и задачи исследования, предоставлялось необходимое информационное, учебно-методическое обеспечение. Экспериментальная работа по формированию культуры управления персоналом, организованная на базе Донбасского государственного педагогического университета, охватила период обучения 2-5 курсы подготовки бакалавров и специалистов по специальности «Менеджмент организаций» на протяжении 2009–2013 г.г.

Первое педагогическое условие реализовывалось при

помощи последовательного введения в учебные дисциплины «Основы менеджмента» (2–3 курс), «Управление персоналом» (4 курс), «Менеджмент организаций» (5 курс) разработанного автором содержательного модуля «Культура управления персоналом» (ЗМКУП). Эти курсы были выбраны исходя из того, что они последовательно освещают различные аспекты управления персоналом, освоение которых способствует формированию компетентного специалиста для дальнейшей профессиональной деятельности в этой сфере. ЗМКУП разработан как самостоятельный тематический блок культуро-ориентированной информации, который имеет определенную функциональную нагрузку, достаточную для овладения будущими менеджерами системой профессиональных, культуро-ориентированных знаний, культуротворческих умений, а также для развития качеств личности, необходимых для работы в области управления персоналом. Смысловая конструкция данного модуля представлена разнообразными культуро-ориентированными аспектами: сущность, структура, функции культуры управления персоналом, деятельностный, ценностный подходы к ее изучению; культура информационной деятельности менеджера, особенности ее реализации в сфере управления персоналом; культура организации исследований в области управления персоналом; культура коммуникативной деятельности менеджера в организации работы с персоналом; культуросообразное коммуникативное поведение менеджера в решении конфликтов в коллективе; культура инновационной деятельности менеджера в сфере управления персоналом.

Данная форма реализации педагогического условия является обоснованной, так как в украинских высших учебных заведениях организация обучения осуществляется согласно кредитно-модульной системе, которая предусматривает его модульное построение и организацию. Внедрение содержательного модуля предполагало усовершенствование учебно-методического обеспечения вышеуказанных дисциплин: учебных и рабочих программ курсов, построенных по модульному принципу; опорных конспектов лекций; методических рекомендаций для проведения практических занятий, организации самостоятельной, индивидуальной работы, контроля знаний студентов.

Таким образом, нами обеспечено обогащение содержания профессионального обучения культуро-ориентированным контекстом и создано достаточное информационно-содержательное, учебно-методическое основание для параллельного введения следующего педагогического условия, которое предусматривало максимальное использование разнообразия форм и методов обучения и воспитания в процессе подготовки будущих менеджеров. При этом нас интересовала возможность интеграции традиционных форм обучения (лекций, семинаров, практических занятий и т.п.) с активными и интерактивными методами. Таким образом, на лекциях, семинарских, практических занятиях, в самостоятельной и индивидуальной работе студентов широко внедрялись различные элементы проблемного обучения: проблемные вопросы, задания, ситуации. Распространенными формами обучения стали лекции-дисскусии, проблемные, «сводное изложение» (лекция, организованная двумя специалистами), визуализации, с использованием мультимедийного оборудования. Во время семинарских, практических занятий широко применялись такие методы обучения, как анализ конкретных ситуаций (кейс-метод), управленческие игры, инсценизации, организованные в подгруппах (метод «малых групп»), активно применялись тренинговые технологии. В процессе организации самостоятельной, индивидуальной работы студентов предусмотрены разнообразные виды деятельности: работа с первоисточниками; составление краткого конспекта по дополнительным вопросам темы; решение задач, ситуационно-расчетных упражнений; анализ кейсов; составление кроссвордов, структурно-логических схем по опорным сигналам темы; разработка моделей; выполнение индивидуальных учебно-исследовательских заданий.

Безусловное педагогическое влияние на формирование культуры управления будущих менеджеров имела воспитательная работа, организованная в следующих формах: круглые столы с яркими представителями управленческой профессии; выездные семинары на базе ведущих предприятий региона; привлечение менеджеров-практиков к участию в кураторских часах на профессиональную, культуро-ориентированную тематику, публичные конкурсные мероприятия «Лучший исследовательский проект» и др.

Таким образом, в результате реализации данного педагогического условия был максимально задействован деятельностный аспект профессиональной подготовки будущих менеджеров, посредством активного привлечения потенциала разнообразных форм и методов учебно-воспитательной деятельности.

Результативность вышеизложенных педагогических условий имеет прямую взаимосвязь с мастерством преподавателей, обеспечивающих учебно-воспитательный процесс подготовки будущих менеджеров. Поэтому параллельно обеспечивали следующее педагогическое условие, которое предусматривало содействие развитию профессионализма педагогических кадров в целях достижения эффективности процесса формирования культуры управления персоналом будущих менеджеров.

Данное педагогическое условие было реализовано в форме теоретико-практического семинара «Основы самосовершенствования преподавателя высшего учебного заведения», организованного при содействии кафедры педагогики высшей школы и непосредственном участии ее преподавателей. Тематическим планом семинара предусмотрены следующие аспекты профессионализма педагогической деятельности: достижение личностью «акме» в различных видах жизнедеятельности, в частности в образовании, самообразовании и профессиональной деятельности; развитие педагогических качеств; стимулирование творческого потенциала; профессиональное владение педагогическими техниками; выявление и плодотворное использование личностных ресурсов с целью предотвращения педагогических деформаций и достижения успеха в профессии; инновационные подходы к организации лекций, семинарских и практических занятий, организации самостоятельной и индивидуальной работы со студентами; активные и интерактивные технологии обучения. Занятия семинаров проходили в различных формах – это творческие семинары, практикумы, мастер-классы ведущих педагогов-практиков, разнообразные тренинги. Таким образом, это педагогические условие обеспечило необходимую мотивацию субъектов обучения к формированию культуры управления персоналом. Именно преподаватель, осознавший глубину собственной педагогической профессии, относящийся к саморазвитию личного профессионализма как самоценности, способен сформировать мотивацию будущих менеджеров к целенаправленной учебно-познавательной деятельности по овладению культурой управления персоналом, ее восприятию как профессиональной ценности.

Предложенные нами педагогические условия является целостным интегративным образованием, вследствие чего процесс формирования культуры управления персоналом в профессиональной подготовке будущих менеджеров становится логичным и целесообразным. Их комплексная реализация позволила обеспечить системное усвоение студентами профессиональных, культура-ориентированных знаний, овладение культуротворческими (информационными, исследовательскими, коммуникативными, технологическими) умениями, необходимыми в сфере управления персоналом, а также способствовала развитию профессионально значимых качеств личности.

На следующем этапе педагогического эксперимента проверялась объективность результатов реализации данных педагогических условий: выполнялось теоретическое осмысление данных, полученных в ходе опытно-экспериментальной работы; определялась их результативность путем контрольной диагностики исследуемого явления; производилось сопоставление полученных результатов с теми, что засвидетельствовал констатирующий срез.

Вследствие сравнительного анализа констатирующего и контрольного срезов педагогического эксперимента мы наблюдали стремительную положительную динамику развития культуры управления персоналом в экспериментальной группе относительно контрольной. Статистическая значимость результатов опытно-экспериментальной работы подтверждена при помощи t-критерия Стьюдента, который доказал достоверность педагогического эксперимента, а также подтвердил эффективность педагогических условий, реализованных в процессе профессиональной подготовки будущих менеджеров.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, педагогический эксперимент по формированию культуры управления персоналом будущих менеджеров показал высокую результативность, вследствие обогащения содержания профессионального обучения дополнительной культуро-ориентированной тематикой, целесообразного отбора необходимых форм и методов обучения и воспитания, совершенного владения ими преподавателями высшей школы – мастерами педагогической профессии, настоящими профессионалами.

В перспективе дальнейших исследований интересным направлением научного поиска является изучение особенностей развития культуры управления персоналом менеджера в условиях практической управленческой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ершова О. А. Формирование управленческой культуры как компонента профессиональной компетентности будущего менеджера: дис. канд. пед. наук. Киров, 2005.

2. Ефимова Е. В. Формирование предпринимательской культуры будущих менеджеров в вузе: автореф. дис. канд. пед. наук. Киров, 2010.

3. Нюшенкова М. Л. Методология формирования предпринимательской культуры менеджера социально-культурной деятельности в условиях высшей школы: дис. д-ра пед. наук. Тамбов, 2010.

4. Ситникова Ю. В. Формування професійної культури майбутніх менеджерів на гендерних засадах: дис. канд. пед. наук. Харків, 2013.

5. Остапенко О. М. Педагогічні умови формування професійної культури майбутніх менеджерів зовнішньоекономічної діяльності // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка: педагогічні науки. 2011. №10. Ч. 1.

6. Ященко Е. М. Формування комунікативної культури студентів у навчально-виховному процесі вищих навчальних закладів економічного профілю: дис. канд. пед. наук. Київ, 2010.

ANALYSIS OF THE PEDAGOGICAL EXPERIMENT ON FORMATION OF THE PERSONNEL ADMINISTRATION'S CULTURE OF FUTURE MANAGERS

© 2015

A. V. Popova, Senior Lecturer, Department of Management
Donbass State Pedagogical University, Slovyansk (Ukraine)

Abstract. The article deals with the questions of experimental work to form the culture of the personnel administration that has been organized at Donbass State Pedagogical University during the process of the future managers' professional training. The results of the pedagogical experiment have confirmed the expediency of the introduction of the proposed pedagogical conditions in the process of forming the future managers' professional training to form the culture of the personnel administration.

Keywords: experiment, culture of personnel administration, professional training, manager, pedagogical conditions.

УДК 377.

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДЕТСКОГО САДА В ПРОЦЕССЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2015

И.В. Руденко, доктор педагогических наук, профессор кафедры «Педагогика и методики преподавания»
Н.Ю. Каракозова, соискатель кафедры «Педагогика и методики преподавания»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация. Смена образовательных приоритетов, обозначенных в современных нормативных документах, влечёт за собой совершенствование системы дополнительного профессионального образования, согласно которым процесс обучения педагогов наполняется новым содержанием, характеризуется ориентацией на творческое развитие личности педагога, активное освоение инноваций, современных педагогических технологий и методик обучения. Достижение этой задачи можно осуществить путём интеграции различных видов дополнительного профессионального образования: формального, неформального (внутрифирменного) и информального, включающих в себя все разнообразие субъектов, форм, методов, технологий обучения. В статье авторами раскрывается содержание и структура технологической компетентности воспитателей детского сада, рассматриваются особенности различных видов дополнительного профессионального образования, оказывающие влияние на формирование данного вида компетентности. Раскрывается специфика реализации программы внутрифирменного обучения педагогов дошкольного образования, содержание которой представлено в рамках образовательных модулей, как целостных образовательных единиц, включающих несколько взаимосвязанных информационных блоков. Освещается опыт работы дошкольной образовательной организации по включению воспитателей детских садов в процесс непрерывного профессионального образования по формированию у них умений осваивать и использовать современные педагогические технологии в работе с детьми дошкольного возраста.

Ключевые слова: технологическая компетентность воспитателя детского сада, виды дополнительного профессионального образования : формальное, неформальное (внутрифирменное), информальное, модульная программа, стажировочная площадка.

В последнее десятилетие в Российской Федерации предприняты шаги по содержательной модернизации профессионального образования, повышению его качества, интеграции в международное образовательное пространство. Важнейшей тенденцией современного образования является обновление требований к педагогам дошкольных учреждений. В профессиональном стандарте «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) [1] обозначены требования к необходимым знаниям, умениям и трудовым действиям воспитателей детского сада, в числе которых – умения осваивать, разрабатывать, применять современные педагогические технологии, обеспечивающие личностно-развивающий и гуманистический характер взаимодействия взрослых и детей.

Отечественные ученые (А.А. Вербицкий [2], Н.Н. Манько [3], Д.В. Санников [4], В.Э. Штейнберг [5] и др.) рассматривают технологическую составляющую деятельности педагогов как «технологическую компетентность», считая её важным компонентом структуры профессиональной компетентности, характеризующую наличие у педагогов умений самостоятельно и творчески искать, выбирать, комбинировать различные педагогические средства, методы, приемы и технологии при организации образовательного процесса.

В ходе теоретического анализа выявлено, что авторы выделяют в технологической компетентности различные компоненты: когнитивный, мотивационный, операциональный или деятельностный (Л.К. Гребенкина [6], Н.Б. Пикатова [7]). К сущностной характеристике технологической компетентности ряд исследователей (А.А. Майер [8], Е.И. Никифорова [9], А.Л. Смятских [10], Т.М. Туркина [11]) относят овладение педагогами определенными видами прикладных умений (когнитивными, операционно-деятельностными, рефлексивно-аналитическими).

Рассматривая вопросы, связанные с определением сущности и содержания технологической компетентности воспитателей детского сада необходимо отметить, что их профессиональная деятельность очень специфична и обосновывается реализацией преимущественно воспитательных и развивающих целей дошкольного образования, направленных на формирование личностных качеств ребенка (активности, инициативности, самостоятельности, креативности и др.), поэтому под **технологической компетентностью воспитателя детского сада** как неотъемлемой части профессиональной компетентности будем понимать *интегральное качество, включающее знания, профессионально-педагогические умения, способы деятельности и мотивационно-ценностную направленность педагога на изучение, освоение, реализацию, разработку современных педагогических технологий, способствующих личностному развитию дошкольников.*

Формирование технологической компетентности тесно связано с процессами модернизации и обновления системы непрерывного профессионального образования педагогов, особое место в которой отводится дополнительному профессиональному образованию (С.Г. Вершловский [12], О.П. Долженко [13], А.Д. Ишков [14], В.Г. Онушкин [15] и др.)

В Законе «Об образовании в РФ» (2012) *дополнительное профессиональное образование* определяется как образование, «направленное на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, профессиональное развитие человека, обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды» [16].

Однако система профессиональной подготовки на современном этапе не ограничивается только процессом повышения квалификации педагогов и не является только суммой профессиональных знаний, а выступает основой готовности педагогов к непрерывности в накоплении этих знаний, их переосмыслению и совершенствованию. В связи с этим дополнительное профессиональное образование педагогов, включающее в себя все разнообразие субъектов, форм, видов, технологий обучения, имеет смысл рассмотреть с позиций формального, неформального (внутрифирменного) и информального образования, как видов образования, отвечающих разнообразным интересам, возможностям и потребностям педагогов и образовательных организаций.

На современном этапе формальное (институционное) образование рассматривается в виде системы специально организованного обучения, получаемого в образовательных учреждениях, которое структурировано по целям и срокам обучения и подтверждается опреде-

ленным видом документов. С точки зрения формального образования дополнительное профессиональное образование является системным объектом, включающим взаимосвязанные элементы федерального, регионального и муниципального значения: образовательные учреждения дополнительного профессионального образования (академии, институты), учебные заведения, обеспечивающие повышения квалификации специалистов, учебно-методические центры, некоммерческие организации, органы управления дополнительным профессиональным образованием и др.

Термин ***«неформальное образование»*** («non-formal education») используется в области образования взрослых для обозначения образовательного процесса, организованного за пределами формальной образовательной системы, для удовлетворения познавательных потребностей определенной группы людей. Образовательные учреждения, включающие неформальное образование в систему собственного дополнительного профессионального образования, имеют возможность в достаточно короткие сроки и с наименьшими ресурсными затратами на обучение персонала обеспечить требуемый уровень сформированности профессионально-педагогических умений у своих педагогов. В исследованиях ряда ученых (Т.Ю. Базаров [17], П.В. Журавлев [18], Ю.Г. Одегов [19], В.И. Рулевский [20] и др.) данный вид обучения называется *внутрифирменным.* Значение внутрифирменного обучения можно представить как подготовку к деятельности в данной организации. Знания, приобретенные в процессе такого обучения, носят предельно прикладной и профессионально ориентированный характер, они направлены на повышение эффективности профессиональной деятельности в данной организации. Внутрифирменное обучение воспитателей детских садов, как вид неформального в системе дополнительного профессионального образования педагогов, может дополнять систему повышения квалификации, так как позволяет обеспечить формирование конкретных профессиональных умений работников в соответствии потребностями организации, индивидуальными запросами самих педагогов, целенаправленно используя все возможности и средства образовательного учреждения. Доминирование ценностей обучения и саморазвития в корпоративной культуре учреждения, создание условий для индивидуального и группового обучения, формирование умения работать в команде позволяют повысить результативность деятельности педагогов, обеспечат взаимодействие на личном и профессиональном уровнях, способствуя достижению общих целей развития профессиональной компетентности каждого педагога в отдельности и организации в целом.

Содержанием внутрифирменной подготовки работников сферы дошкольного образования выступают общие и профессиональные знания, комплекс умений по использованию современных педагогических технологий в воспитательно-образовательном процессе дошкольного учреждения. Организация внутрифирменного обучения позволяет устранить несоответствие между требуемым в организации и имеющимся у педагогов дошкольного образования уровнем развития профессиональных умений, сформировать или расширить определенные профессиональные навыки, а также способствует созданию у педагогов конкретной образовательной организации «единого поля» - понятийного, информационного, ценностного.

На современном этапе технического, информационного и культурного развития общества у человека появляется возможность использовать огромный арсенал средств для самообразования. Индивидуальная познавательная деятельность педагога, реализующаяся за счет проявления собственной активности, не имеющая атрибутов педагогической формы получила название ***информального образования***. Информальное образование есть непрерывное образование «в течение всей жизни», которое обеспечивает огромный потенциал для личностного и профессионального развития педагога. Процесс информального образования может осуществляться как стихийно в процессе общения, чтения соответствующей литературы, посещения учреждений культуры, работы в сети интернет, так и целенаправленно в процессе самообразования педагога по интересующим его профессиональным проблемам. Информальное образование в системе дополнительного профессионального образования, играет роль связующего звена между формальным и неформальным образованием и детерминировано всегда познавательным интересом педагога.

Рассмотрим на примере Автономной некоммерческой организации «Планета детства «Лада» г.о. Тольятти систему дополнительного профессионального образования, интегрирующую все его виды и являющуюся базой формирования технологической компетентности воспитателей детских садов.

Система формального образования педагогов детского сада представлена государственными и негосударственными учреждениями и реализуется посредством программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации специалистов. Данными учреждениями накоплен уникальный опыт реализации программ дополнительного профессионального образования. Программы профессионального обучения предполагают наличие инвариантного блока, содержание которого отражает основные направления образовательной политики в области дошкольного образования (внедрение Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования, профессионального стандарта педагога и др.), вариативная часть программ представлена образовательными модулями, направленными на изучение современных образовательных технологий (игровые, здоровьесберегающие, социально-коммуникативные технологии, технология проектной деятельности, проблемного обучения и др.).

Особенностью реализации программ профессионального обучения педагогов учреждений повышения квалификации является фундаментальность и наукоемкость, четкое следование нормативной базе, строгая регламентация по времени и, как следствие этого, преобладание академических форм организации обучения слушателей (лекции, семинары, практикумы).

Процесс обучения осуществляется вне рабочего места педагогов, на территории внешней образовательной организации с приглашением сторонних специалистов. Оценка знаний, полученных слушателями в процессе курсовой подготовки, осуществляется посредством выполнения педагогами дошкольных учреждений итоговой квалификационной работы (разработка дидактического пособия и методических рекомендаций по его использованию в образовательном процессе, перспективного планирования по определенным разделам образовательной программы; конспекта занятия с использованием педагогических технологий др.).

В каждом регионе, муниципалитете, образовательной организации существуют свои особенности, касающиеся конкретной социально-экономической, кадровой, демографической ситуации. Это, в свою очередь, тесно с повышением профессиональной компетентности педагогов, работающих в дошкольных образовательных учреждениях. Данная проблема решается в АНО ДО «Планета детства «Лада» посредством реализации программ внутрифирменного обучения, позволяющего перевести представления педагогов, полученные на курсах повышения квалификации, в деятельностный аспект посредством организации обучения педагогов в процессе их профессиональной деятельности.

Эффективной формой внутрифирменного обучения в АНО стала стажировочная площадка, в рамках которой осуществляется деятельность по совершенствованию профессиональной компетентности воспитателей детских садов. Данная форма работы возникла

в соответствии с направлениями Федеральной целевой программы развития образования на 2011-2015 годы с целью тиражирования опыта и повышения квалификации педагогических работников системы образования, ориентированного на удовлетворение образовательных потребностей. Стажировка как форма образовательной деятельности направлена на формирование и совершенствование профессиональной компетентности педагогических работников посредством включения их в практику дошкольного учреждения – носителя актуального опыта. Содержательный аспект деятельности стажировочной площадки обеспечивается модульной программой «Современные педагогические технологии в детском саду», представленной образовательными модулями, направленными на формирование мотивационно-ценностного, когнитивного и деятельностного компонентов технологической компетентности воспитателей детского сада.

Эффективность реализации модульной программы обусловлена следующими *её особенностями:*

- образовательные модули программы являются относительно самостоятельными единицами, обладающими цельностью и законченностью;

- обеспечивается гибкость и вариативность в реализации образовательных модулей: их замена, корректировка, введение новых в зависимости от потребностей обучающихся педагогов, исходного уровня профессионального развития, трудового опыта, приоритетных задач профессионального развития педагогов организации на данном этапе.

- содержание каждого модуля программы отличается научностью, новизной, по форме подачи – интерактивностью, проблемностью, ориентацией на диалоговое общение между обучающимися;

- использование адекватных форм и методов работы со слушателями, направленных на формирование каждого из компонентов технологической компетентности: мотивационно-ценностного компонента (различные виды лекций: лекция-беседа, лекция-диалог, лекция-презентация); когнитивного компонента (просмотр видео, работа с моделями, схемами, тестовыми и практическими заданиями в тетрадях); деятельностного компонента (мастер-классы, творческие мастерские, мозговой штурм, деловая и интерактивная игры)

- в процессе обучения и по завершению каждого образовательного модуля используются разнообразные формы текущего и итогового контроля сформированности мотивационно-ценностного, когнитивного и деятельностного компонентов технологической компетентности воспитателей детских садов: опросники, презентации, самоанализ, практические задания, метод экспертных оценок, рефлексивные практики;

- реализация программы внутрифирменного обучения осуществляется на базах дошкольных учреждений, предметно-пространственная и образовательная среда которых соответствует условиям работы обучающихся и позволяет осуществлять быстрый перенос воспитателями изученных технологий в свою профессиональную деятельность.

Формирование технологической компетентности воспитателей – поступательный и непрерывный процесс, осуществляющийся в рамках неформального (внутрифирменного) обучения АНО ДО «Планета детства «Лада» посредством их участия также в деятельности исследовательской лаборатории, методических объединений, мастер-классов. Исследовательская Лаборатория АНО ДО «Планета детства» Лада» «Современные педагогические технологии» представлена деятельностью пяти сетевых групп, включающих 17 детских садов. Содержанием деятельности каждой сетевой группы является изучение, разработка, апробация и внедрение современных педагогических технологий в работу с дошкольниками. В Лаборатории существует выстроенная система обучения и обмена опытом работы: внутри сетевых групп, между сетевыми группами и трансляция передового инновационного опыта для педагогов детских садов АНО, города, региона.

В условиях деятельности АНО ДО «Планета детства» Лада» оказался эффективным результат поиска новых форм самообразования и саморазвития педагогов, направленных на повышение индивидуальной познавательной активности педагогов в области изучения педагогических технологий. Такой вид образовательной деятельности получил название информальное образование, которое позволило обеспечить сквозной характер обучения, стало связующим звеном между формальным и неформальным образованием.

Содержание индивидуальных программ самообразования педагогов, включает план поступательного саморазвития в области освоения инновационных технологий, обобщение и презентацию имеющегося опыта работы для педагогического сообщества.

С этой целью одним из ведущих направлений имиджевой политики АНО ДО «Планета детства» Лада» стало стимулирование участия педагогов в различных профессиональных конкурсах, представление обобщенного опыта работы на научно-практических конференциях, форумах, фестивалях педагогического мастерства, ярмарках инновации. Организация данной деятельности выступает одним из важных мотивационных условий, создающих предпосылки для профессионального саморазвития и самореализации педагогов. Обобщая накопленный опыт участия в профессиональных конкурсах, педагоги используют огромный арсенал средств: чтение научной литературы и периодических изданий, изучение интересующей темы в сети Интернет. Участвуя в презентации опыта работы на научно-практических конференциях, педагоги аккумулируют опыт коллег в данной области, осуществляют рефлексию своей деятельности, намечают пути для дальнейшего её совершенствования.

Обобщая сказанное, отметим, что эффективность формирования технологической компетентности воспитателей детского сада обеспечивается интеграцией различных видов дополнительного профессионального образования: формального, неформального (внутрифирменного) и информального. Базу формального образования составляют государственные и негосударственные учреждения дополнительного профессионального образования; неформальное (внутрифирменное) обучение воспитателей осуществляется на базе детских садов АНО ДО «Планета детства» Лада», имеющих собственные информационные и учебно-методические ресурсы для организации процесса обучения. Включаясь в процесс информального образования, воспитатели получают возможность самостоятельно выстраивать траекторию своего личностного и профессионального развития в области освоения и использования современных педагогических технологий в профессиональной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» [Электронный ресурс] // Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 № 544 н. – Режим доступа http://www.garant.ru/products/ipo/prime/ doc/ 70435556/ #ixzz3JRg8DJXe

2. Вербицкий, А.А., Ильязова, М.Д. Инварианты профессионализма: проблемы формирования: монография [Текст] / А.А. Вербицкий, М.Д. Ильязова. – Издательство: Логос, 2011 г. – 288 с.

3. Манько, Н.Н. Теоретико-методические аспекты формирования технологической компетентности педагога [Текст]: дис. … канд. пед. наук : 13.00.01 / Н.Н. Манько. – Уфа, 2000. – 227 с.

4. Санников, Д.В. Развитие конструкторско-

технологической компетентности будущих учителей технологии средствами проектного обучения [Текст]: дис. … канд. пед. наук: 13.00.08 / Д.В. Санников. – Йошкар Ола, 2006. – 231с.

5. Штейнберг, В.Э. Дидактические многомерные инструменты: Теория, методика, практика [Текст] / В.Э. Штейнберг. – М. : Народное образование, 2002. – 304 с.

6. Гребенкина, Л.К. Проблема формирования профессиональной компетентности будущих специалистов педагогического профиля [Текст] / Л.К. Гребенкина // Школа будущего. – 2013. – № 5. – С. 120-126.

7. Пикатова, Н.Б. Становление технологической компетентности студентов педагогического колледжа [Текст]: дис. … канд. пед. наук: 13.00.08 / Н.Б. Пикатова. – Челябинск, 2012. – 235 с.

8. Майер, А.А. Управление инновационными процессами в ДОУ : методическое пособие [Текст] / А.А. Майер .– М.: ТЦ Сфера, 2008 . – 128 с.

9. Никифорова, Е.И. Формирование технологической компетентности учителя в системе повышения квалификации [Текст]: дис. … канд. пед. наук : 13.00.08 / Е.И. Никифорова. – Чита, 2007. – 242 с.

10. Смятских, А.Л. Формирование профессиональной компетентности студентов педколледжа [Текст] / А.Л. Смятских, Т.М. Туркина. – М.: Издательский центр НОУ ИСОМ, 2003. – 32 с.

11. Туркина, Т.М. Формирование профессиональной компетентности студентов педколледжа в процессе подготовки воспитателей коррекционных дошкольных учреждений [Текст]: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.08 / Т.М. Туркина. – М., 2000. – 24 с.

12. Вершловский, С.Г. Взрослый как субъект образования [Текст] / С.Г. Вершловский // Педагогика. – 2003. – №8. – С. 4-12.

13. Долженко, О.В. Университет и образование: между прошлым и будущем [Текст] / О.В. Долженко // Педагогика и просвещение. – 2013. – №1. – С. 19-36.

14. Ишков, А.Д. Особенности реализации дополнительного профессионального образования в исследовательских университетах [Текст]: монография / А.Д. Ишков; М-во образования и науки Росс. Федерации, ФГБОУ ВПО «Моск. гос. строит. ун-т». – М.: МГСУ, 2011. – 216 с.

15. Онушкин, В.Г. Непрерывное образование – приоритетное направление науки [Текст] / В.Г. Онушкин, Ю.Н. Кулыткин // Сов. педагогика. – 1989. – № 2. – С. 86-90.

16. Федеральный закон РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // RG.RU – интернет-портал «Российской газеты». – Режим доступа: http://www.rg.ru/2012/12/30/ obrazovanie-dok.html

17. Управление персоналом: учебник для вузов [Текст] / Под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ, 2006. – 540 с.

18. Журавлев, П.В. Менеджмент персонала: учеб. пособие для студентов эконом. спец. [Текст] / П.В. Журавлев. – М.: Экзамен, 2004. – 447 с.

19. Одегов, Ю.Г. Управление персоналом: оценка эффективности [Текст] / Ю.Г. Одегов. – М.: Экзамен, 2008. – 547 с.

20. Рулевский, В.И. Анализ сущности и содержания внутрифирменного обучения персонала субъекта предпринимательства [Текст] / В.И. Рулевский // Научный вестник МГИИТ. – 2010. – №6. – С. 118-123.

FORMATION TECHNOLOGICAL COMPETENCE KINDERGARTEN TEACHER DURING ADDITIONAL VOCATIONAL TRAINING

© 2015

I.V. Rudenko, doctor of pedagogical sciences, professor department of "Pedagogy and methods of teaching"
N.Y. Karakozova, applicant department of "Pedagogy and methods of teaching"
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract. Changes in the system of educational priorities which are stated in modern standard documents involve the improvement of the system of additional professional education. The process of training of pedagogues is filled with new content and is characterized by orientation on the creative development of pedagogues, their active studying of innovations, modern pedagogical technologies and methods of training. It is possible to achieve this aim by integration of different kinds of additional professional education: formal, informal or intrafirm. These kinds include all diversities of subjects, forms, methods and technologies. In this article the authors explain the content and the structure of technological competence of pedagogues of kindergarten. Also the authors describe particularities of different kinds of additional professional education which influence on the formation of this kind of competence. Specific features of realization of intrafirm training programme of preschool education pedagogues are considered in the article. It includes educational modules with coherent informational blocks. The experience of preschool organization which involves pedagogues in the process of ongoing professional training is considered in the article. This kind of training helps to form skills in learning and using of modern pedagogical technologies of working with preschool children.

Keywords: technological competence kindergarten teacher, the types of additional professional education: formal, non-formal (in-house), informal, modular program, internship marketplace.

УДК 378.14: 811.133.1

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ИНТЕРАКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ

© 2015

Н. В. Сидакова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков
Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, Владикавказ (Россия)

Аннотация: Интерактивное обучение – одна из форм инновационных образовательных технологий. В области преподавания иностранных языков в высшей школе интерактивное обучение играет существенную роль. Проведение практических занятий по иностранному языку предусматривает использование как традиционных, так и инновационных образовательных технологий, а именно, интерактивных, межличностных коммуникаций. Важнейшей особенностью межличностных отношений является способность человека работать в сотрудничестве, но интерпретировать ситуацию по-своему и конструировать собственные действия. Все участники образовательного процесса (преподаватель, студенты) взаимодействуют друг с другом, обмениваются информацией, совместно решают проблемы, моделируют ситуации. Наиболее эффективной подачей учебного материала в этом контексте является презентация. Презентация представляет собой сочетание компьютерной анимации, графики, видео, музыки и звукового ряда, которые организованы в единую среду. В статье прослеживается процесс подготовки и проведения презентации по французскому языку на тему «Мое путешествие во Францию». Презентация была подготовлена в формате PowerPoint студентами факультета Географии и геоэкологии Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова на практических занятиях по французскому языку. В содержании презентации были представлены материалы о Франции, ее городах и достопримечательностях. Одной из разработок презентации была тема производства знаменитых французских вин и сыров.

Ключевые слова: интерактивное обучение, инновационные образовательные технологии, иностранный язык, французский язык, личность обучающегося, студенты, презентация, достопримечательности Франции, вина, сыры.

Психолого-педагогический анализ традиционно сложившихся форм и методов изучения ряда гуманитарных дисциплин в высшей школе показывает, что в учебном процессе преобладает репродуктивность в усвоении, переработке и воспроизведении информации. Данные формы обучения предполагают в основном деятельность преподавателя и нередко упускается главное: успех овладения учебным материалом зависит в полной мере от мыслительной деятельности самого обучаемого.

Значительное место в этом контексте приобретает дисциплина «Иностранный язык».

Курс иностранного языка в вузе является важной составляющей программы подготовки будущих профессионалов. Он направлен на совершенствование и развитие интеллектуального уровня, погружает обучаемого в культурный контекст, помогает развивать творческое мышление, расширяет кругозор, усиливает успешную социализацию студентов.

Предметом дисциплины «Иностранный язык» является изучение иноязычной культуры, грамматического, фонетического и лексического материала, необходимого для формирования коммуникативно-познавательной компетенции обучаемых в наиболее распространенных ситуациях официальной и неофициальной сфер общения во всех видах речевой деятельности.

В свете модернизированных форм обучения проведение практических занятий по иностранному языку предусматривает использование как традиционных, так и инновационных образовательных технологий, а именно, интерактивных, межличностных коммуникаций, важнейшей особенностью которых понимается способность человека работать в сотрудничестве, но интерпретировать ситуацию по-своему и конструировать собственные действия. Это означает, что все участники образовательного процесса (преподаватель, студенты) взаимодействуют друг с другом, обмениваются информацией, совместно решают проблемы, моделируют ситуации, что позволяет не только получать новое знание, но и развивает собственно познавательную деятельность.

Технологии обучения в сотрудничестве студента и преподавателя, организация их диалога позволяют наиболее эффективно достигать прогнозируемых результатов обучения и раскрывать потенциальные возможности каждого студента. Учитывая специфику предмета «Иностранный язык», интерактивные технологии могут обеспечить необходимые условия для активизации познавательной и речевой деятельности каждого студента, предоставляя обучающемуся возможность осознать, осмыслить новый языковой материал, получить достаточную устную практику для формирования необходимых навыков и умений.

Личностно ориентированные технологии в интерактивных формах обучения ставят во главу угла всей образовательной системы личность обучающегося, обеспечение комфортных, бесконфликтных условий его развития, реализации его природных потенциалов.

Обучение иностранному языку находится в тесной связи с другими образовательными дисциплинами. Огромный потенциал, заложенный в межпредметных связях иностранного языка с другими дисциплинами, реализуется в процессе получения гуманитарного или естественнонаучного знания.

Залогом успешной педагогической деятельности в области предметно-ориентированного обучения иностранному языку студентов является высокий уровень развития как предметной, так и лингвистической коммуникативной компетентности обучаемых, что выдвигает особые требования к процессу педагогического образования и воспитания новой модели специалиста.

Обучая студентов гуманитарных или технических специальностей иностранному языку, преподаватель должен всегда концентрировать внимание студентов на тесной взаимосвязи этих дисциплин, на умение улавливать смысл новых слов и выражений на профессиональном уровне: научных терминов, специальных понятий, относящихся к сферам профессиональной деятельности, то есть, к формированию профессионального тезауруса [1].

Сегодня традиционное академическое занятие по иностранному языку изживает себя, вытесняется интерактивными и дистанционными формами обучения. Однако это не означает, что привычные средства получения знаний для студентов, как то: учебники, пособия, справочники, словари, должны быть заменены электронными. Напротив, электронные носители должны обогащать, дополнять, обновлять учебную информацию, повышать мотивацию к изучению иностранного языка.

Мы разработали комплекс специальных пособий для студентов с целью развития культуры речи на французском языке у обучаемых. В него входят задания, предназначенные для работы с терминологией, символикой, со словесно-логическими конструкциями, разнообразными тестами и текстами на французском языке. Семантический анализ текстов различных стилей в рамках гуманитарной или технической тематики позволяет выделить определенные классификационные группы понятий и терминов.

Данные материалы мы используем для проведения

презентаций, круглых столов, кейс-заданий, просмотров видеофильмов, ролевых и деловых игр, дискуссий, работы с поэтическими текстами и других видов интерактивного обучения.

Одной из наиболее эффективных форм интерактивного обучения иностранным языкам признается презентация.

Презентация (от лат. praesentatio) — общественное представление чего-либо нового, недавно появившегося, созданного, например: книги, журнала, кинофильма, телепрограммы и т.п.. Презентация представляет собой сочетание компьютерной анимации, графики, видео, музыки и звукового ряда, которые организованы в единую среду. Презентации могут создаваться не только для показа на большом экране или для коллектива слушателей, но также могут быть использованы как вспомогательный учебный материал, предназначенный для индивидуальной работы [2].

В ходе презентаций на иностранном языке большое внимание уделяется не только правильно подобранным иллюстрациям и слайдам, но и монологической речи, предполагающей знание грамматики, лексики, профессиональной терминологии, выразительных средств языка и умения их использовать.

Перед студентами стояла задача подготовить серию презентаций на тему: Mon voyage en France (Мое путешествие во Францию) на французском языке, взяв за основу материалы авторского учебного пособия: Сидакова Н. В. La France par les yeux des touristes (Франция глазами туристов). Пособие имеет красочное оформление, солидный информативный материал.

Содержанием пособия являются тексты, составленные на основе оригинальных источников, адаптированные и обработанные так, чтобы обеспечить обучаемому оптимальные возможности для восприятия содержания. Фактологической базой этого издания являются тексты, составленные на основе оригинальных источников, а также материалов глобальной сети Интернет [3].

Презентация была подготовлена в формате PowerPoint студентами факультета Географии и геоэкологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова на практических занятиях по французскому языку.

Цели презентации:

– формирование языковых и социокультурных компетенций;

– совершенствование навыков владения французским языком;

– реализация интереса к предмету исследования;

– повышение мотивации к изучению французского языка.

При подготовке презентации существенную роль играет сотрудничество преподавателя со студентами. Преподаватель выступает в качестве консультанта, который рассматривает проект с точки зрения логики построения материала, чтобы выявить неточности в содержании презентации, противоречия, недостаточность или избыточность в раскрытии темы. Необходимо также обратить внимание на правильность лексического и грамматического оформления информации на французском языке.

Студенты должны в свою очередь владеть навыками ориентирования в большом количестве разнообразных источников, отбирать те факты и сведения, которые наилучшим образом раскрывают предмет исследования, анализировать их, обобщать и делать выводы, с тем, чтобы содержание презентации было информативным и познавательным.

После обсуждения тем презентации студенты были готовы к созданию собственных вариантов представления материала.

Первые сообщения были посвящены ознакомлению с социокультурным портретом Французской республики.

Во все времена Франция и ее великолепная столица были предметом восхищения многих писателей и поэтов, очарованных ее изысканной красотой и торжественностью. Вдыхая особый воздух этой страны, понимаешь, что сопротивляться ее очарованию невозможно. Легкое изящество и неизменный дух романтизма завоевывают сердца. И все самое лучшее, что создано человеком, создано во Франции.

По количеству гостей и туристов Франция является самой посещаемой страной в мире. Поток зарубежных граждан, прибывающих в страну на отдых, по туристическим визам или в командировки ежегодно растет, что определяет особый интерес и магическое притяжение к ней [3].

Сообщения сопровождались красочными слайдами с изображением видов Парижа, Марселя, Ниццы, других крупных городов, архитектурных и культурных памятников, достопримечательностей Франции, символов Республики. Демонстрация слайдов дополняло музыкальное сопровождение – песни Джо Дассена и Эдит Пиаф о Париже.

Такая подача видеоматериала имеет познавательную цель и фокусирует знания студентов как на предметном, историко-культурном содержании, так и в языковом материале, который в целом достаточно доступен восприятию. Благодаря множеству аудиофайлов и слайдов презентации осуществляют виртуальные путешествия во Францию.

Следующий этап презентации – Les vins et les fromages de la France (Вина и сыры Франции).

Франция – это страна вин и сыров. Огромное, неисчисляемое количество сортов сыра (около 500) заставляет задуматься о богатом разнообразии вкусов и технологий приготовления этого вкуснейшего продукта.

Производство молока, служащего сырьем, и весь процесс изготовления сыра должны точно соответствовать местным установившимся традициям и рецептам. (Ст. 1 закона Французской республики от 28 ноября 1955 года). То есть сыр, имеющий соответствующее французское название, может быть изготовлен только в том районе Франции, где этот сыр изготовляли исторически. Сыр производят из коровьего, козьего, овечьего или буйволиного молока.

Поскольку с сырами принято употреблять вина, существует специальная карта вин для каждого сорта сыра.

Производства вин во Франции – это отдельная статья в экономике страны. Крупнейший производитель вина и виноматериалов в мире, Франция занимает второе место в мире после Испании по площади виноградников и соперничает с Италией за право называться крупнейшим экспортером вина. Франция производит вина разного качества от самых дорогих сортов, известных по всему миру, до скромных и малоизвестных [4].

Показ многочисленных слайдов сопровождался рассказом о научных исследованиях, достижениях и интересными фактами из области производства и употребления вин во Франции.

В частности, интересным открытием для студентов явился тот факт, что среди огромного разнообразия красных, белых и желтых вин наибольшую ценность представляет Le Vin Jaune (Желтое вино), непревзойденный лидер по долгожительству: до 200 (!) лет потенциал по хранению. Стоимость одной бутылки Желтого вина составляет около 16 000 евро. Но побила все рекорды стоимость одной бутылки Le Vin Jaune урожая 1774 года, которая была продана за 57 000 евро.

Ежегодно в начале февраля в департаменте Юра (Jura) на востоке Франции, недалеко от границы со Швейцарией, проводится фестиваль La Percée du Vin Jaune или Откупоривание Желтого Вина, настоящий праздник виноделия и дегустации вин [5].

Этот этап презентации также содержал большое количество слайдов с изображением вин, лучших из коллекций Бордо, Божоле, Мерло, Шардоне, Совиньон, Каберне, Алиготе, знаменитых шампанских вин и конья-

ков, а также фотографий знаменитых виноделов, среди которых известный актер Жерар Депардье.

После презентации был проведен опрос на индивидуальное понимание представленного материала и его групповое обсуждение. Студенты развивали навыки говорения на французском языке, старались давать исчерпывающие ответы на поставленные вопросы, высказывали свое суждение.

Успех выполнения задания зависел в целом от подготовленности студента, от когнитивно-мотивационных, деятельностных и личностных факторов в обучении французскому языку.

Такой подход к подаче языкового материала возбуждает у студентов непосредственный интерес к необычной форме работы, содержит в себе элементы неожиданного, удивительного и тем самым повышает мотивацию к изучению иностранного языка.

Проведенная работа с аутентичным видеоматериалом имела положительные результаты для реализации ряда задач, обозначенных учебной программой:

- восприятие предметного содержания материала и переложение его на лингвистическую основу;
- обогащение общекультурных знаний;
- совершенствование навыков краткого изложения текста, навыков резюмирования;
- формирование экспрессивно-лексических навыков и речемыслительной активности;
- получение эстетического наслаждения.

Являясь эффективным средством для представления учебного материала, более глубокого усвоения профессиональных знаний и языковых навыков, презентации имеют ряд плюсов:

– выходят за рамки учебников и дают возможность получить больше информации;

– имеют четкую структуру, благодаря которой обучаемый лучше воспринимает весь представленный материал;

– анимация, картинки и слайды наглядно помогают понять, как происходит изучаемый процесс или явление;

– повышают мотивацию студентов к изучению профилирующей дисциплины и стимулируют к дальнейшему изучению иностранного языка;

– электронные презентации, при необходимости, легко редактируются и изменяются.

Весьма существенной стороной интерактивного обучения является то, что к одному и тому же факту студенты могут выработать свое личностное отношение, высказать свою точку зрения, а не пассивно воспринимать информацию. Включение в задания материалов, актуализирующих научные и общекультурные знания, заставляет на высоком эмоциональном уровне ощутить и свою личную сопричастность в развитии тех или иных событий.

Презентация на иностранном языке как форма интерактивного обучения позволяет интенсифицировать лингвистическую, интеллектуальную, профессиональную активность обучаемых, а также позволяет повысить продуктивность обучения и его поликультурную направленность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сидакова Н. В. Основные факторы реализации обучения иностранному языку студентов-физиков в рамках иновационного образования. // Вектор науки ТГУ. Сер.: Педагогика, психология.– 2014.– №1(16).– С.196–199.
2. Презентация. // Материалы из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс].– Режим доступа: https://ru.wikipedia/org/wiki
3. Сидакова Н. В. La France par les yeux des touristes (Франция глазами туристов): Учебное пособие. ФГБУН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2013.–178 с.
4. Сыры Франции. Вина Франции. // Материалы из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс].– Режим доступа: https://ru.wikipedia/org/wiki
5. Желтое вино. // [Электронный ресурс].– Режим доступа: http://whywhywine.ru/stati/staryj-svet-1/francija-1/-/vin-jaune-ili-zheltoe-vino

PRESENTATION AS ONE OF THE FORMS OF INTERACTIVE TEACHING

© 2015

N. V. Sidakova, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the foreign languages chair
North Ossetian State University after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz (Russia)

Abstract. Interactive teaching is one of the innovative technologies. It plays a significant role in teaching foreign languages in higher school. Practical training in a foreign language involves the use of both traditional and innovative educational technologies, namely, interactive, interpersonal communication. The most important feature of interpersonal relationships is a person's ability to work in partnership, but to interpret the situation in their own way and design their own actions. All participants in the educational process (teachers, students) interact with each other, share information, solve problems together and simulate the situation. One of the effective introductions of teaching material, in this context, is presentation. Presentation is a combination of computer animation, graphics, video, music and audio series, which are organized into a single environment. The article deals with the process of preparation and making the presentation «My travelling to France». The presentation was prepared in PowerPoint format by students of the Faculty of Geography and Geoecology of the North Ossetian State University after K. L. Khetagurov on practical lessons in French. The content of the presentation were presented materials about France, its cities and sights of France. One of the presentations was the theme of development of production of the famous French wines and cheeses.

Keywords: interactive teaching, innovative educational technologies, foreign language, the French language, the identity of the student, students, presentation, the sights of France, wines, cheeses.

УДК 378.147

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНЖЕНЕРНОЙ И КОМПЬЮТЕРНОЙ ГРАФИКИ

© 2015

М. Б. Таланова, преподаватель кафедры «Информационные системы и технологии»
Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, Княгинино (Россия)

Аннотация. Графическая подготовка студентов технических направлений составляет основу инженерного образования. Изменения в федеральных государственных образовательных стандартах привели к пересмотру содержания и методики преподавания данных учебных дисциплин. Профессиональные компетенции многих дисциплин предполагают освоение студентами средств компьютерной графики. В статье проанализированы различные подходы к содержанию и изучению геометро-графических дисциплин традиционной и современной школ преподавания, которые вызывают различные мнения среди преподавателей. Рассмотрены особенности преподавания дисциплины «Инженерная и компьютерная графика» на кафедре «Информационные системы и технологии» Нижегородского государственного инженерно-экономического института. Разработка рабочей программы дисциплины важная составляющая учебного процесса. «Инженерная и компьютерная графика» относится к профессиональному циклу дисциплин и включена в базовую (общепрофессиональную) часть учебного плана подготовки бакалавров направления «Инфокоммуникационные технологии в сервисах и услугах связи». Дисциплина состоит из трех модулей «Начертательная геометрия», «Инженерная графика», «Компьютерная графика». Преподавание раздела компьютерная графика ориентировано на использование графического редактора AutoCAD для формирования профессиональных качеств будущих специалистов. При изложении нового теоретического материала рекомендуется применять лекции-визуализации, на основе компьютерных презентаций и ресурсов интернета. При проведении практических занятий в деятельность студента входит выполнение задания в ручном варианте и последующее выполнение чертежей в системе автоматизированного проектирования с использованием 2D и 3D моделирования. В ходе самостоятельной работы студент выполняет эскизную заготовку с использованием чертежных инструментов, и выполняют домашнее задания, отвечая на теоретические вопросы. Данный подход позволяет сформировать у студентов пространственное воображение, которое поможет в освоении модулей данной учебной дисциплины.

Ключевые слова: инженерная и компьютерная графика, начертательная геометрия, инженерная графика, компьютерная графика, подходы к содержанию дисциплины, рабочая программа дисциплины, методика преподавания, AutoCAD.

На современном этапе развития общества решение задач инженерной деятельности связаны с применением автоматизированных систем проектирования (САПР) на базе электронно-вычислительной техники. Инженерная и компьютерная графика составляет основу инженерного образования и формирует базовые знания необходимые для изучения специальных дисциплин.

В середине 60-ых годов прошлого века в инженерной графике появился новый раздел – компьютерная (машинная графика) графика, которая основана на теории начертательной геометрии и основах инженерной графики. Проблемами и методами обучения компьютерной графики студентов занимались такие российские ученые, как Арапов В. М. [1], Ошкина Л. М. [2], Сакулина Ю. В., Рожина И. В. [3], Буткарев А. Г., Рыков С. А. [4], Болбат О. Б., Вольхин К. А. [5], Ваншина Е. А. [6].

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования нового поколения реализуют компетентностный подход в обучении, который предполагает приобретение студентами познаний и опыта для дальнейшего использования их в профессиональной деятельности.

«Инженерная и компьютерная графика» относится к профессиональному циклу дисциплин и включена в базовую (общепрофессиональную) часть учебного плана подготовки бакалавров направления «Инфокоммуникационные технологии в сервисах и услугах связи». В результате освоения дисциплины студент должен знать: Государственные стандарты ЕСКД, необходимые для разработки и оформления графических конструкторских документов (чертежей и схем), в том числе автоматизированным способом, правила выполнения чертежей деталей, сборочных единиц, стандартных изделий, принципы построения схем электропитания телекоммуникационной аппаратуры и методы моделирования геометрических форм в современных графических САПР. Уметь мысленно представлять форму предметов и их взаимное расположение в пространстве, выполнять и читать чертежи, использовать средства автоматизированного проектирования для решения различных задач (оформление конструкторской документации, геометрическое моделирование).

Традиционно графическая подготовка студентов технических направлений начинается с изучения начертательной геометрии, как фундаментальной науки, затем инженерной графики, которая включает в себя проекционное и техническое черчение, стандарты оформления чертежей и только потом компьютерную графику.

Подходы к содержанию геометро-графических дисциплин различны и вызывают в профессорско-преподавательской среде немало споров. Представители традиционной школы настаивают, что начертательная геометрия – обязательная составляющая геометрической подготовки будущего специалиста, так как она помогает развивать пространственное мышление. По их мнению, студенты должны изучать компьютерные технологии создания чертежа после освоения методов начертательной геометрии. Сначала решение позиционных и метрических задач, а потом переход к современным технологиям чертежа. Компьютер рассматривается как электронный кульман для создания 2D-методик чертежа.

Противники старой школы считают начертательную геометрию наукой вчерашнего дня, а ее методы неактуальными. Статья профессора А. П. Тунакова «Зачем преподавать студентам умирающие дисциплины» [7] вызвала бурную дискуссию. Профессор сделал достаточно смелое утверждение, назвав начертательную геометрию умирающей дисциплиной, ненужной наукой в вузовских программах. Данное высказывание получило немало критики от традиционной школы, но и получило поддержку прогрессивно настроенных преподавателей графии. Они предлагают взамен начертательной геометрии ввести новый альтернативный теоретический курс: «Теоретические основы 3d-компьютерного геометрического моделирования», разработанный А. Л. Хейфецем [8]. В основе курса лежит работа с 3D-твердотельными моделями на основе прямого оперирования в пространстве, без проекционных преобразований.

Другие ученые считают, что в век компьютерных технологий компьютерную графику следует рассматривать как единое целое с инженерной графикой [9, 10]. Их мнение подтверждает то, что сегодня в средней школе черчение не является обязательным предметом, лишь в единичных случаях факультативный курс. В каждой учебной группе до 80 % студентов приступают к изучению дисциплины с нуля. Они не обладают простран-

ственным мышлением и не умеют организовывать самостоятельную работу [11]. Приведем исследования, проведенные Вольхиным К. А., и Паком Н. И. [12]. Авторы провели анкетирование и тестирование студентов – первокурсников перед началом изучения дисциплины. Приведем некоторые полученные ими результаты. «У студентов 1-го курса наблюдается практически полное отсутствие синтеза целостного образа, изображенного на чертеже объекта». «По двум ортогональным проекциям параллелепипед не узнал ни один студент, а прямой круговой конус – 14 % респондентов. Вместо изображенных на чертеже трехмерных объектов опрошенные студенты узнавали плоские геометрические фигуры: в проекциях параллелепипеда видели 2 прямоугольника (71 %), а конуса – различные сочетания треугольников, окружностей и кругов (57 %)». Результаты данного исследования показывают низкий уровень преподавания черчения в школе. Следовательно, процесс обучения должен быть организован таким образом, чтобы сочеталось ручное и компьютерное черчение.

Рабочая программа дисциплины «Инженерная и компьютерная графика» составлена в соответствии с учебным планом подготовки бакалавров 210700 «Инфокоммуникационные технологии и системы связи» направления «Инфокоммуникационные технологии в сервисах и услугах связи» и федеральных государственных образовательных стандартов 3-его поколения (ФГОС—3) с учетом изучения компьютерных технологий, как единого целого с решением графических задач традиционным способом. Дисциплина изучается в течение первого семестра и состоит из лекций и практических занятий. Общая трудоемкость дисциплины составляет 3 зачетные единицы (108 часов, из них 54 аудиторных из которых 18 часов – теоретический материал и 36 часов – практические занятия.). Вид аттестации – зачет с оценкой, до которого допускаются студенты, выполнившие все практические работы.

Преподавание инженерной и компьютерной графики ведется с применением программного продукта компании Autodesk [13] AutoCAD – система автоматизированного проектирования для 2D и 3D моделирования. Дисциплина состоит из трех модулей «Начертательная геометрия», «Инженерная графика», «Компьютерная графика». Работы по модулю «Начертательная геометрия» выполняются студентами на ватмане с использованием чертежных инструментов без использования графических редакторов. Модуль «Инженерная графика» предусматривает решение задач традиционным способом с последующим использованием графического редактора. Модуль «Компьютерная графика» знакомит студентов с современными возможностями систем САПР на примере использования графического редактора AutoCAD.

Лекции читаются в мультимедийной аудитории по основным разделам дисциплины. Материал представлен в виде слайдов выполненных в программе PowerPoint. В конце лекционного занятия выдаются задания для самостоятельной проработки. Для самостоятельной работы студентов выделены часы на консультации, которые проводятся в компьютерном классе вне учебных занятий. На них находится преподаватель, который отвечает на вопросы вызвавшие затруднения при решении типовых задач, а так же принимает работы.

Практические занятия проходят в специально оборудованной аудитории оснащенной компьютерами и кульманами для ручного черчения. Во время работ даются пояснения по теме в виде мини лекций (15—20 минут), с использованием презентаций. Данный материал размещается на диске сервера компьютерного класса, что позволяет студентам выполнять задания в собственном ритме. Каждый обучающийся получает свое индивидуальное задание [14].

На первом практическом занятие по теме «Изучение общих правил выполнения чертежей» студенты знакомятся с интерфейсом программы AutoCAD, настройкой рабочего пространства и выполнением формата листа А4.

Следующие три занятия по первому модулю «Начертательная геометрия» выполняются на ватмане. Для большей наглядности разрешается применять цветные карандаши, что способствует лучшему восприятию и запоминанию темы. Поэтому, в данном учебном году, студентам было предложено сначала решать графические задачи на бумаге с написанием отчета, в котором дается подробный план выполнения работы, с дальнейшим выполнением чертежа на компьютере.

Выполнение работ по темам «Виды. Построение простых разрезов» и «Построение сложных разрезов и наклонного сечения» изучает методы образования чертежа и оформление в соответствии с требованиями ЕСКД [15]. На первом этапе студенты по двум проекциям строят третью, выполняют необходимые разрезы и сечения, проставляют размеры. На втором этапе моделируют трехмерные объекты средствами программы AutoCAD. При компьютерном моделировании объекта приходится часто менять точку зрения, масштабирование и переходить от одной проекции к другой [16], что также позволяет развивать пространственное мышление и творческие способности. На третьем этапе выполнения работ показывается преобразование в проекционный чертеж трехмерной модели.

Практическая работа по теме «Схемы электрические принципиальные» выполняется только на компьютере, это позволяет осваивать технологию создания аннотативных блоков, заполнения перечня элементов в виде таблицы согласно требованиям ЕСКД [17].

В ходе изучения дисциплины при самостоятельной проработке материала студенты используют методическую литературу [18, 19, 20] и Интернет-ресурсы [21].

При таком подходе изучение компьютерной графики не сводится только к ознакомительному уровню, а позволяет более полно изучить программу AutoCAD. Работа на компьютерах не просто изучение графического пакета, а продолжение изучения инженерной графики.

Каждый бакалавр, изучающий геометро-графические дисциплины должен владеть чертежным инструментом и уметь выполнить чертеж традиционным способом, поэтому без ручного черчения не обойтись. Мы считаем, что сочетание традиционных и инновационных способов подготовки инженерных чертежей позволит повысить у студентов общий уровень профессиональной подготовки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арапов В. М. Выбор методов обучения инженерной графике при реализации ФГОС для бакалавров. Электронный ресурс (режим доступа): http:// do.gendocs.ru/docs/index-9187.html?page=9.

2. Ошкина Л. М. Особенности преподавания дисциплины «Компьютерная графика» на современном этапе. Электрон. Текстовые дан. – Режим доступа: marhdi.mrsu.ru / 2011-2 / PDF / Oshkina%201.pdf. – Загл. с экрана.

3. Сакулина Ю. В., Рожина И. В. Компьютерная графика как средство формирования профессиональных компетенций // Педагогическое образование в России. 2012, № 6. С. 76 – 80.

4. Буткарев А. Г., Рыков С. А. Формирование чертежа по твердотельной модели в AutoCAD : Учеб. пособие. СПб. : СПбГУНиПТ, 2004. 355 с.

5. Вольхин К. А. Болбат О. Б., Опыт использования САПР в инженерной графической подготовке студентов технического вуза // Омский научный вестник. 2012. № 2 (110). С. 287 – 289.

6. Ваншина Е. А. Объемное моделирование в преподавании графо-геометрических дисциплин в вузе. Электронный ресурс (режим доступа): www.conference.osu.ru/assets/conf_reports/conf9/435.doc.

7. Тунаков А. П. Зачем преподавать студентам умирающие дисциплины // Поиск. - 2007. - № 11 (929). С. 6

8. Хейфец А. Л. Учебный курс теоретических основ 3d-компьютерного геометрического моделирования и его перспективы // Информатизация инженерного образования. Москва, 10 – 11 апр. 2012 г.: Труды Международной научно-методич. конф. ИНФОРИНО-2012. М. : Издат. дом МЭИ, 2012. С. 119 – 122.

9. Ярошевич О. В. О. В. Ярошевич, Н. А. Амельченко, Н. Ф. Кулащик Проблемы информатизации графической подготовки // Формирование творческой личности инженера в процессе графической подготовки: материалы респ. науч.-метод. конф., Витебск, 5 декабря 2008 г. Витебск : УО «ВГТУ», 2008. С. 15 – 17.

10. Свичкарева Г. Н., Андрюшина Т. В., Ковалев В. А. Оптимизация структуры и содержания графических дисциплин с позиции модульно-компетентностного подхода // Геометрия и графика. 2013. Т. 1. № 1. С. 77 – 79.

11. Абросимов С. Н. Дисциплина «Инженерная и компьютерная графика» за 68 часов. Возможно ли это? БГТУ «Военмех», 2012.

12. Вольхин К. А., Пак Н. И. О состоянии графической подготовки учащихся в школе с позиции информационного подхода // Вестник Красноярск. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. Т. 1. Психолого-педагогические науки. 2011. № 3 (17) / Красноярск. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2011. С. 74-78.

13. Сайт http: // www.autodesk.ru (дата обращения 15.01.2015).

14. Миронов Б. Г. Б. Г. Миронов, Р. С. Миронова, Д.А. Пяткина, А.А. Пузиков Сборник заданий по инженерной графике с примерами выполнения чертежей на компьютере: Учеб. Пособие. 3-е изд., испр. и доп. М. : Высш. шк., 2004. С. 355, ил.

15. ГОСТ 2.305—68. ЕСКД. Изображения – виды, разрезы, сечения. М. : Изд-во стандартов. 2000. 15 с.

16. Марченко М. Н. Технология обучения технической и компьютерной графике. М. : МПГУ. Кубанский гос. ун-т. 2001. 142 с.

17. ГОСТ 2.701 – 84. Схемы. Виды и типы. Общие требования к выполнению. М.: Изд-во стандартов. 1987. 20 с.

18. Ёлкин В. В., Тозик В. Т. Инженерная графика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / 2-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 304 с.

19. Уваров А.С. Инженерная графика для конструкторов в AutoCAD. М. : ДМК Пресс. 2010. 400 с., ил.

20. Хейфец А. Л., Логиновский А. Н., Буторина И. В., Васильева В.Н. Инженерная 3D-компьютерная графика : учебное пособие для бакалавров / 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2013. 464с. Серия : Бакалавр. Базовый курс.

21. Электронные учебные пособия для студентов университетов и абитуриентов, // http://www.bez-dvoek.ru. (дата обращения 20.01.2015).

TEACHING ENGINEERING AND COMPUTER GRAPHICS

© 2015

M. B. Talanova, the teacher of the chair «Informational systems and technologies»
Nizhny Novgorod State Engineering-Economic Institute, Knyaginino (Russia)

Abstract. Graphic training students in technical areas is the basis for engineering education. Changes in Federal state educational standards led to the revision of the content and teaching methods of data subjects. Professional competence of many disciplines assume OS-development of students means of computer graphics. The article analyzes different approaches to the content and study geometry graphic disciplines of traditional and modern schools of teaching, which cause different opinions among teachers. Peculiarities of teaching the subject is “Engineering and computer graphics” at the chair of Information systems and technology” Nizhny Novgorod state engineering-economic Institute. The work programme is discipline important component of the educational process. “Engineering and computer graphics” refers to the professional subjects included in the basic (General) part of the curriculum of bachelor’s direction info communication technologies in services and communication services”. Discipline consists of three modules “descriptive geometry”, “Engineering graphics”, “Computer graphics”. The teaching section computer graphics focused on the use of AutoCAD graphic editor for the formation of professional skills of future specialists. When presenting a new theoretical material recommended lectures-visualization, on the basis of computer presentations, and Internet resources. When conducting a practical training in the activities of the student enters the job in hand and the subsequent execution of the drawings in the CAD system using 2D and 3D modeling. During independent work the student completes the sketch of the work piece using the drawing tools, and perform the homework, answering theoretical questions. This approach allows the students to form a spatial imagination, which will help in the development of the modules of this discipline.

Keywords: engineering and computer graphics, descriptive geometry, engineering graphics, computer graphics, approaches to the maintenance of discipline, the working program of the discipline, teaching methods, AutoCAD.

УДК 378.147

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗОВАНИЯ

© 2015

Е.М. Третьякова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Городское строительство и хозяйство»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы стоящие перед образованием в условиях информационного общества, формы использования информационных технологий в образовательном процессе и перспективы их использования в обучении.

Ключевые слова: информационные технологии, информационное общество, учебные методики, система образования, организация учебного процесса.

Активное внедрение информационных технологий в сферу образования несет в себе огромный потенциал для коренных изменений каждодневной практики обучения. Влияние использования этих технологий в области образования не ограничится одним лишь вовлечением преподавателей и обучаемых в учебный процесс, оно также изменит учебную инфраструктуру, отношения и формы поведения внутри системы образования и даже само содержание обучения.

Система образования не может не реагировать на появление нового «информационного» общества, которое приходит на смену обществу индустриальному. Если раньше конкурентно способный выпускник профессионального учебного заведения должен был владеть большим объемом знаний для развития промышленного производства, то в наши дни система образования встала

перед проблемой подготовки человека к жизни в обществе, где главной целью является владение информацией и осуществление контроля над ней [1].

Кроме проблемы подготовки человека к эре информации, перед образованием стоят и другие проблемы:

1. От образования ждут, что оно будет способствовать решению социальных, культурных, экономических задач, стоящих перед обществом.

2. Все чаще упоминается об индивидуальном подходе, образование должно быть гибким и соответствовать специфическим нуждам учащихся в зависимости от их интересов и потребностей.

3. Получает распространение новый вид обучения – обучение на протяжении всей жизни. Как следствие этого, возрастает число людей, участвующих в образовательном процессе, и получение равного доступа к образованию невозможно.

Создание учебных методик, призванных сделать обучение более эффективным, обеспечение для каждого гражданина возможности научиться оценивать, выбирать информацию и работать с ней представляются сейчас чрезвычайно важными [2]. Применение информационных технологий позволяет рассчитывать на появление решений этих проблем.

В учебном процессе информационные технологии используются в нескольких формах.

Во-первых, информационные технологии изучаются в виде курса «Информатика». На занятиях, целью которых является предотвращение компьютерной безграмотности, учащиеся знакомятся с основными понятиями этих технологий и учатся использовать полученные знания.

Во-вторых, информационные технологии используются в профессиональном обучении: в занятиях компьютерным проектированием (CAD), организации производства с участием ПК (CAM), чтобы затем применять полученные знания в промышленности и профессиональной практике.

И, наконец, информационные технологии выступают как инструмент, как средство преподавания и обучения, например, практические упражнения, моделирование, консультации и семинары, образовательные сетевые системы, системы общего тестирования и т.д. [3,4].

Для жизни в информационном обществе человек должен получать соответствующее образование: учебные заведения должны выпускать специалистов, которые будут активными и способными учиться на протяжении всей жизни. Чтобы поддержать учащихся в стремлении учиться постоянно, требуется разработать учебные процессы, для организации которых привлекались бы сами учащиеся. При традиционной организации учебного процесса деятельность учащихся по большей части находится под контролем преподавателя. Сейчас же возникает потребность в переходе от учебного процесса, ориентированного на преподавателя к учебному процессу, ориентированному на ученика. Это значит, что ученик станет ответственным за те виды деятельности, которые раньше были под контролем учителя [5].

Для внедрения этих планов в практику необходимо иметь хорошо продуманные учебные курсы, пособия и техническую инфраструктуру, организованные преподавателем. Необходимым потенциалом для обеспечения методов обучения, способных подготовить конкурентно способного на рынке труда специалиста обладают информационные технологии.

До сих пор такого рода возможности новых технологий использовались крайне редко. В подавляющем большинстве они используются лишь как средство, облегчающее организацию учебного процесса, ориентированного на преподавателя. Но если продолжать использовать информационные технологии только как замену существующих методик, они не помогут решению задач, стоящих перед образованием. Чтобы сделать образовательные процессы более результативными, необходимо пересмотреть роли основных участников этих процессов: ученика и учителя. Обучаемого нужно подготовить к условиям, в которых именно он будет ответственным за свой учебный процесс.

Переход в информационное общество требует трансформации всего образования. Чтобы облегчить эту трансформацию, необходимо пересмотреть отношения системы образования с обществом, внимательно отнестись к его потребностям и отдать приоритет этим потребностям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Информационные и коммуникационные технологии в образовании : монография / Под.редакцией: Бадарча Дендева – М. : ИИТО ЮНЕСКО, 2013. – 320 с.

2. Горбунова, Л. И. Использование информационных технологий в процессе обучения / Л. И. Горбунова, Е. А. Субботина // Молодой ученый. - 2013. - №4. -С. 544-547.

3. Малышева, Т. В. Использование современных информационных технологий в образовательном процессе / Т. В. Малышева // Актуальные вопросы современной педагогики : материалы III междунар. науч. конф. (г. Уфа, март 2013 г.). - Уфа : Лето, 2013. - С. 135-138.

4. Толыпина, Ю. А. Использование интерактивных технологий в образовательном процессе / Ю. А. Толыпина // Педагогическое мастерство : материалы междунар. науч. конф. (г. Москва, апрель 2012 г.). - М. : Буки-Веди, 2012. - С. 300-301.

5. Захарова, И. Г. Информационные технологии в образовании. - М. : Издательский центр «Академия», 2010. - 192 с.

ROLE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN EDUCATION REFORMING

© 2015

E.M. Tretyakova, candidate of pedagogical science, docent of «Chair Town building and economy»

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract: In article the problems facing education in the conditions of information society, a form of use of information technologies in educational process and prospects of their use in training are considered.

Keywords: information technologies, information society, educational techniques, education system, organization of educational process.

УДК 371.32:821.162.2

ИНТЕГРАЦИЯ КАК БАЗОВЫЙ ПРИНЦИП КОНСТРУИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО УРОКА ЛИТЕРАТУРЫ

© 2015

В. И. Шуляр, кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный учитель Украины
Николаевский областной институт последипломного педагогического образования, Николаев (Украина)

Аннотация: автором очерчены некоторые направления интеграционных процессов в системе литературного образования школьников и предложено глоссарий для заполнения понятийно-терминологического поля профессиональной деятельности учителя-словесника.

Ключевые слова: интеграция, интеграция как методическое понятие, интеграция в системе литературного образования, интегрированный компетентностно-деятельный урок литературы, интегративный компетентностно-деятельный урок литературы.

Постановка наукової проблеми та її значення. Реформування освіти взагалі та системи літературної освіти зокрема потребує розуміння педагогічними працівниками сучасних процесів інтеграції. Адаптування технології інтегрування під час організації навчального процесу для вчителя літератури недостатньо розроблено.

В освітній простір активно входять поняття інтеграція, технологія, компетентність тощо. Озброїти сучасного вчителя літератури методикою їх застосування, методикою ефективного використання в умовах різних типів навчальних закладів, запровадження профільної освіти було предметом нашої діяльності.

Аналіз останніх досліджень з цієї проблеми. Питання предметної інтеграції знань з'явилось у закордонній педагогіці в 60-ті роки. Наша педагогічна наука і шкільна практика почали розробляти його з 80-х років. У сучасних умовах розвитку школи цій проблемі надається особлива увага, оскільки вона є одним із вирішальних шляхів гуманізації освіти (Закон України «Про загальну середню освіту»). Поглиблення інтеграції має передбачати під час літературної освіти школярів формування міждисциплінарного підходу до вивчення явищ і процесів, розвиток системного мислення учня-читача, який здатний толерантно ввійти у світ вітчизняного і світового мистецтва, відчути та пережити естетичну насолоду, достойно оцінити художню вартісність творів, щоб збагатити своє духовно-естетичне Я.

Методологічні проблеми інтеграції наукових знань взагалі і в літературній освіті зокрема розглядали філософи України та зарубіжжя (М. Анісімова, В. Афанасьєв, Г. Волков, Г. Гудожнік, М. Марков, В. Готт, Б. Кедров, Р. Карпінська, Ю. Мелещенко, А. Урсул), які стверджували, що інтеграція докорінно змінила світ і структуру сучасних наукових знань, інтелектуально-концептуальні можливості окремих наук; дидакти (Р. Гуревич, О. Дубінчук, І. Звєрєв, В. Ільченко, Ю. Колягін, В. Корнєв, Н. Розенберг, О. Савченко) визначали роль міжпредметних зв'язків як рівень дидактичної інтеграції в навчально-виховному процесі; методисти української та зарубіжної літератур (О. Бандура, С. Пультер, А. Лісовський, А. Градовський, С. Жила, О. Ніколенко, Л. Мірошниченко, О. Ісаєва) педагогічно осмислювали значення літературних паралелей і мистецьких аналогій на різних рівнях в процесі літературної освіти школярів та розробляли методику уроку літератури на засадах рівневої інтеграції [531].

Формулювання мети та завдань статті. Окреслити деякі напрямки інтеграційних процесів у системі літературної освіти школярів та заповнити понятійно-термінологічне поле професійно-фахової діяльності вчителя-словесника.

Виклад основного матеріалу й обґрунтування отриманих результатів дослідження. Інтеграція має зорганізувати сучасного вчителя-словесника в прагненні до об'єднання теоретичного літературно-мистецького знання в цілісну систему, що відображає об'єктивний світ у його єдності й розвитку, та сприяти вибудові стрункої і цілісної методичної системи її реалізації як на уроках літератури, так і позакласній діяльності навчальних закладів різних типів. Глосарій із даної проблеми подано в додатку.

Під інтеграцією наукових знань розуміють процес взаємопроникнення структурних елементів різних галузей знання, що супроводжується зростанням їх узагальненості та комплексності, ущільненості та організованості. У теорії систем інтеграція означає як стан взаємозв'язку окремих компонентів систем, так і процес, що зумовлює такий стан [95, с. 44].

Інтеграція як методичне поняття, на нашу думку, передбачає процес упорядкування, узгодження й об'єднання навчального матеріалу з різних предметів чи галузей знань для цілісного й різнобічного вивчення важливих наскрізних тем, проблем у системі літературної освіти школярів на різних рівнях з метою формування цілісної, духовно багатої, естетично-розвиненої Я (особистості) учня-читача. Інтеграція новозасвоюваного знання в «цілісність» має відбуватися шляхом оптимального відбору методів і форм роботи, створення цілісної і наскрізної інтеграційної системи осягнення літературно-мистецьких, суспільних знань на різних рівнях, вироблення методики викладання літератури і технології навчання та літературного розвитку учня-читача в інтеграційному просторі.

Визначені сучасні дидактичні рівні інтеграції різних навчальних предметів сприяють створенню цілісної інтеграційної системи літературної освіти школярів. У сучасній науці виділяють три рівні [88], які нами адаптовані до гуманітарної галузі знань:

1) рівень асиміляції інструментарію (теоретичного або технічного) літератури як науки з суміжними базовими науками (українська чи зарубіжна література, мистецтво, музика, суспільні науки, інформатика тощо), зберігаючи при цьому кожен свою автономію – у методиці це поняття міжпредметні зв'язки (МПЗ);

2) рівень синтезу взаємодіючих наук на основі однієї із них (базової) як частковий, так і повний (міждисциплінарний) на своїй концептуальній основі – у методиці це базова інтегрована дисципліна «Література» у класах національних меншин тощо;

3) рівень цілісності у створенні елективного курсу, що може мати інтегративний характер і власний предмет вивчення – у методиці курси за вибором: «Байкарство в Україні і світі», «Фольклор народів світу», «Література бароко», «Література постмодернізму» та інші в системі допрофільної підготовки та/чи під час профільного навчання суспільно-гуманітарного та філологічного напряму.

Інтегрований компетентнісно-діяльнісний урок літератури передбачає вивчення споріднених складних тем, дослідження літературно-мистецького об'єкта, який може бути предметом розгляду суміжних навчальних дисциплін учителем літератури спільно з учнями-читачами. Наприклад, «Образ матері (жінки, України, козака і т. п.) в поетичній і мистецькій спадщині Тараса Шевченка»; «Людина і суспільство: за творами Юрія

Яновського й історичними джерелами (Олесь Гончар, Микола Хвильовий, Микола Куліш)».

Інтегративний урок літератури як правило проводиться тоді, коли вчитель, на його думку, недостатньо володіє необхідними фаховими знаннями чи хоче активізувати увагу школярів до іншого предмета чи й учителя тощо.

Наприклад, література й психологія: під час вивчення твору із застосування психолінгвістичного аналізу (Панас Мирний, «Хіба ревуть воли, як ясла повні», образ Чіпки; Борис Грінченко, «Каторжна», образ Докії); література й інформаційні технології: для оперативного отримання інформації з інтернетних джерел або створення літературно-мистецького проекту («Ім'я Шевченка в Україні і світі» як узагальнювальний урок після вивчення творчості Кобзаря; «Пісенно-поетичний Андрій Малишко (Павло Тичина, Тарас Шевченко, Ліна Костенко, Микола Вінграновський)» – учитель літератури, музичного мистецтва, художньої культури, інформатики) й т. ін.

Як інтегрований, так й інтегративний уроки літератури класифікуються за змістом і дидактичною метою. Розрізняють гуманітарні, природничо-математичні, інформаційно-технологічні, змішані заняття. Кожне з них залежно від дидактичної мети та з урахуванням літератури як мистецтва слова (специфіки предмета) можна віднести до однієї з груп: уроки здобуття нових знань (вивчення життєпису письменника, художнього твору тощо); уроки систематизації та узагальнення знань (за тематичним спрямуванням, наприклад, за програмою М. Жулинського, Р. Мовчан «Історичне минуле нашого народу», «Світ природи»; за проблемою під час реалізації складових державної програми з позакласного читання чи літератури рідного краю); комбіновані уроки (урок-літературно-музична композиція; урок-театралізація).

Отже, можемо запропонувати цілісні моделі компетентнісно-діяльнісних уроків літератури на засадах інтеграції як взаємопроникнення структурних елементів різних галузей навчання в систему літературної освіти її суб'єктів з метою узагальнення й об'єднання в одне ціле, забезпечення систематизації й комплексності знань, формування інтегральної (лат. integer – цілий) компетентності словесника й учня-читача.

Інтегрований компетентнісно-діяльнісний урок/заняття літератури – одноосібна модель уроку/заняття, яку розробляє та реалізує вчитель-словесник за участю учнів-читачів з метою вивчення споріднених тем, складних питань, і є предметом розгляду суміжних навчальних дисциплін для цілісного сприйняття літературного об'єкта.

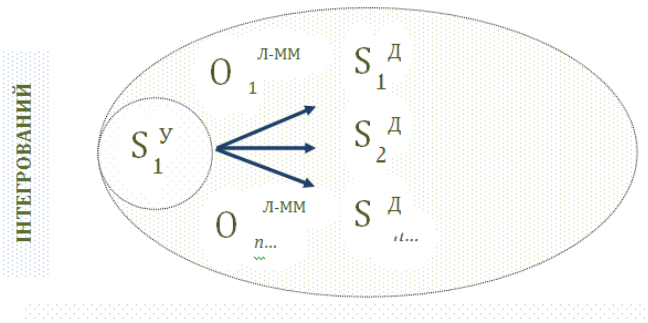

Рис. 1. Інтегрований компетентнісно-діяльнісний урок літератури

Інтегративний компетентнісно-діяльнісний урок/заняття літератури – комплексне заняття, що полягає в об'єднанні зусиль декількох учителів різних предметів у його підготовці й проведенні, а також в інтеграції знань про літературно-мистецькі явища, поняття, факти як єдине ціле, і є об'єктом міждисциплінарного вивчення.

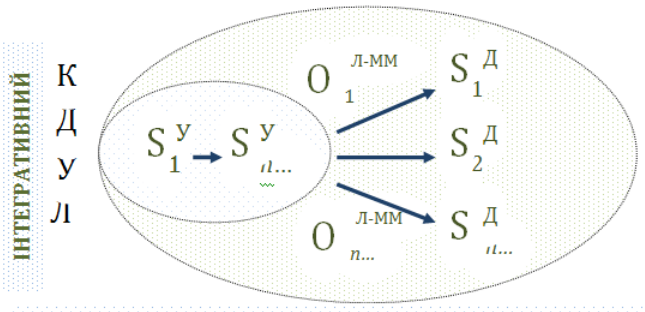

Рис. 2. Інтегративний компетентнісно-діяльнісний урок літератури

К-ДУЛ – компетентнісно-діяльнісний урок/заняття літератури; $S^{У}_{1}$ – суб'єкт літературної освіти – учитель; $S^{Д}_{1}$ і n… – суб'єкти – учні-читачі (діти); $О^{Л\text{-}ММ}_{1}$ і n – об'єктами літературної освіти, співпраці та взаємодії між її суб'єктами може бути літературно-мистецький матеріал (художній твір, літературний персонаж, художні образи і т. ін.), засоби комунікації для вирішення літературно-мистецьких завдань (інтернет-ресурси, наочні засоби навчання – довідники, літературні енциклопедії, портрет письменника, ілюстративний матеріал за художнім твором і т. п.).

Можемо запропонувати теми для таких інтегрованих уроків: Образ сонця в поезії Б.-І. Антонича і Тараса Шевченка; «Титарівна» Тараса Шевченка й Марка Кропивницького»; Трагедія ідеальної «природної» особистості в антиприродних умовах існування (за романом І. Багряного «Сад Гетсиманський» й оповіданням О. Солженіцина «Один день Івана Денисовича»); Проблема морального вибору жінки (за повістю М. Хвильового «Сентиментальна історія» та романом В. Підмогильного «Місто»); «Бо ти на землі - Людина» (за творами О. Кобилянської «Людина» і Г. Ібсена «Ляльковий дім»); інтегративних уроків: «Доля М. Хвильового – трагедія знівечених ідеалів» (література – історія); «Чорнобиль: вплив аварії на людське життя» (література – хімія – біологія); «Від реалізму до імпресіонізму» (за творчістю письменників української і світової літератури та митців-художників, музик) (українська література – світова література – світова художня культура – музичне й образотворче мистецтво).

Напрацьований досвід свідчить, що включення вчителя літератури до системи нових чи оновлених методичних і технологічних процесів, інтеграційних і професійних здатностей, знань, у пошук адекватних форм, методів і прийомів організації навчально-пізнавального процесу, забезпечують бажаний кінцевий результат багатовекторної співпраці суб'єктів літературної освіти. За нашим переконанням, це сприяє розвиткові креативних можливостей словесника, становленню його як компетентного спеціаліста. А також формує (і це головне) здатність учня-читача до осягнення та кваліфікованого поціновування художньої вартісності вітчизняних літературних текстів, мистецьких полотен тощо в європейському контексті. За таких умов кожен збагачує свій духовно-митецький світ, вивершує себе як Я (особистість), здатну толерантно ввійти у світ художній і реальний, знайти «себе – у – ньому».

Глосарій

«Інтеграція в системі літературної освіти»

1) ІНТЕГРАЦІЯ – оптимально доцільне об'єднання літературно-мистецького, природничо-суспільствознавчого, україно- (народо-) знавчого матеріалу тощо з метою формування цілісного розуміння учнем-читачем світу, виявлення в об'єктах пізнання од-

нотипних сутностей із окремих елементів, частин і встановлення на основі цього цілісного сприйняття реальної та художньо-образної дійсності через художній твір, літературний текст.

2) ІНТЕГРАЦІЯ ЯК МЕТОДИЧНЕ ПОНЯТТЯ – передбачає процес упорядкування, узгодження й об'єднання навчального матеріалу з різних предметів чи галузей знань для цілісного й різнобічного вивчення важливих наскрізних тем, проблем у системі літературної освіти школярів на різних рівнях з метою формування цілісної, духовно багатої, естетично-розвиненої Я (особистості) учня-читача. Інтеграція новозасвоюваного знання в «цілісність» має відбуватися шляхом оптимального відбору методів і форм роботи, створення цілісної і наскрізної інтеграційної системи осягнення літературно-мистецьких, суспільних знань на різних рівнях, вироблення методики викладання літератури і технології навчання й літературного розвитку учня-читача в інтеграційному просторі.

3) ІНТЕГРАЦІЯ В СИСТЕМІ ЛІТЕРАТУРНОЇ ОСВІТИ школярів має передбачати формування міждисциплінарного підходу до вивчення явищ і процесів, розвиток системного мислення учня-читача, який здатний толерантно ввійти у світ вітчизняного і світового мистецтва, відчути та пережити естетичну насолоду, достойно оцінити художню вартістність творів, щоб збагатити своє духовно-естетичне Я.

4) ІНТЕГРАЦІЯ НАВЧАННЯ – відбір і доцільне об'єднання навчального матеріалу з різних загальноосвітніх і спеціальних предметів для цілісного і різнобічного вивчення, усвідомлення, осягнення читачем літературно-мистецьких тем, проблем, інформації, досвіду під час базового чи елективного (вибіркового) курсу.

5) ІНТЕГРОВАНЕ НАВЧАННЯ – комплексний метод навчання, який передбачає відбір учителем-словесником понять, ідей, проблем, системи умінь і навичок відповідно до оптимально спроектованих методів, прийомів, форм організації й координації читацької діяльності школярів на досягнення заданих цілей, цілісного засвоєння учнем-читачем літературно-мистецького матеріалу, з метою формування толерантної і духовно-багатої особистості, здатної у буденному побачити красиве, із хаосу перейти в стан комфортного співпереживання і співтворення «себе-й-світу».

6) ІНТЕГРОВАНИЙ КУРС – навчальний базовий чи/та елективний (вибірковий) курс, який створюється на підставі об'єднання в єдине ціле здобутків і досягнень із різних галузей знань у навчальний предмет для заповнення інформаційного та літературно-мистецького простору учня-читача, поглиблення його умінь, навичок, норм, формування здатностей жити в гармонії з собою, в системі вітчизняних (національних) і світових ціннісних орієнтацій, не втративши своє «Я».

7) ІНТЕГРУВАЛЬНИЙ ТИП УРОКУ ЛІТЕРАТУРИ – урок/заняття, яке позначає/виокремлює ті культурологічні, суспільні, природні та інші явища, які самі органічно й доцільно інтегрують в систему літературної освіти, можуть діяти як об'єднувальні чинники, забезпечуючи цілісне й системне уявлення про розглядувані літературно-мистецькі явища, факти, події. персоналії тощо. Інтегрувальний тип має свої види/різновиди: урок-інтеграція (інтегрований й інтегративний урок літератури: міжнауковий; міжкурсовий; міжпредметний; міжлітературний огляд), урок (заняття)-компаратив (порівняльний, зіставний підхід до вітчизняної та інших літератур: типологічний; міжтекстуальний літературно-мистецький огляд; огляд теоретико-літературних знань і художньо-мистецьких явищ).

8) ІНТЕГРОВАНИЙ УРОК ЛІТЕРАТУРИ – комплексне заняття, що полягає в об'єднанні зусиль учителів різних предметів у його підготовці й проведенні, а також в інтегруванні знань про літературно-мистецькі явища, поняття, факти як єдине ціле, є об'єктом вивчення і здобуваються засобами різних навчальних дисциплін.

9) ІНТЕГРАТИВНИЙ УРОК ЛІТЕРАТУРИ – одноосібна модель уроку чи заняття, яку розробляє та реалізує вчитель-словесник за участю учнів-читачів із метою вивчення складних питань, що є предметом розгляду суміжних навчальних дисциплін і об'єднуються педагогом у ціле, наприклад, літератури й мови; літератури й історії; літератури та різних видів мистецтва (живопис, музика, театр і т. ін.); літератури, мови й образотворчого мистецтва тощо.

Висновки і перспективи подальших досліджень. Інтегрованими будуть ті уроки літератури, де домінантним є чи то проведення літературних паралелей, чи то міжмистецьких аналогій, чи того й іншого під час вивчення життєпису письменника або літературної спадщини, художніх творів. Також це бувають уроки розвитку зв'язного мовлення, наприклад, твір-розповідь чи твір-опис за картиною, ілюстраціями художника, які створені за мотивами літературного тексту, художнього твору; виразного читання з використанням відеосюжетів вистав, акторського виконання художніх творів письменника, записом і наступним переглядом читання текстів школярами. На таких уроках заповнюється інформаційне поле учнів із різних галузей знань: література й образотворче (малярське) мистецтво; література – кіно – театр – телебачення – використання технічних засобів. Перспективним буде розроблення технологічних моделей уроку літератури на засадах інтеграції для основної та старшої школи, а також для організації вивчення літератури в умовах профільної диференціації.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Білевич С. Інтеграція та диференціація як закономірності розвитку сучасних освітніх систем / С. Білевич // Імідж сучасного педагога. – 2002. – № 2. – С. 30-33.

2. Взаимодействие и интеграция искусств в полихудожественном развитии школьников: [рекомендации / под общ. ред. Г. П. Шевченко и др.]. – Ворошиловоград, 1990. – 175 с.

3. Градовський А. В. «І чужому научайтесь, й свого не цурайтесь». Методичні аспекти вивчення української літератури у взаємозв'язках із зарубіжною: посібник / А. В. Градовський. – Київ: ПП РВФ «Софія», 1998. – 256 с.

4. Гуревич Р. Теоретичні та методичні основи організації навчання у професійно-технічних закладах / Р. Гуревич. – К.: Вища школа, 1998. – 229 с.

5. Ісаєвич М. Інтегровані уроки з української мови та літератури рідного краю / Мар'яна Ісаєвич // Українська мова і література в школі. – 2005. – № 3. – С. 25-30.

6. Тройніцька С. Використання міжпредметних зв'язків у навчально-виховному процесі сучасної школи / С. Тройніцька // Імідж сучасного педагога. – 2002. – № 3. – С. 43-47.

7. Шуляр В. І. Інтеграція у процесі вивчення літератури: науково-методичний посібник / В. І. Шуляр, А. В. Пономаренко. – Миколаїв: ОІППО, 2005. – 72 с.

8. Шуляр В. І. Сучасний урок української літератури: теорія, методика, технологія: монографія / В. І. Шуляр. – Миколаїв: Іліон, 2012. – 876 с.

ІНТЕГРАЦІЯ ЯК БАЗОВИЙ ПРИНЦИП КОНСТРУЮВАННЯ СУЧАСНОГО УРОКУ ЛІТЕРАТУРИ

© 2015

В. І. Шуляр, кандидат педагогічних наук, доцент, заслужений учитель України
Миколаївський обласний інститут післядипломної педагогічної освіти, Миколаїв (Україна)

Анотація: автором окреслено деякі напрямки інтеграційних процесів у системі літературної освіти школярів та запропоновано глосарій для заповнення понятійно-термінологічного поля професійно-фахової діяльності вчителя-словесника.

Ключові слова: інтеграція, інтеграція як методичне поняття, інтеграція в системі літературної освіти, інтегрований компетентнісно-діяльнісний урок літератури, інтегративний компетентнісно-діяльнісний урок літератури.

INTEGRATION AS A BASIC PRINCIPLE OF CONSTRUCTION MODERN LITERATURE LESSON

© 2015

V. I. Shuliar, candidate of pedagogical sciences, associate professor, deserved teacher of Ukraine
Mykolaiv Regional Institute Of Postdegree Pedagogical Education, Mykolaiv (Ukraine)

Abstract. The author outlines some areas of integration processes in the system of literary education of students and asked to fill out a glossary of concepts and terminology of vocational and professional fields of language and literature teacher.

Keywords: integration, integration as a methodological concept, the integration of the system of literary education, integrated competency-activity lesson literature, integrative competence and activity lesson literature.

УДК 378

МОНИТОРИНГ РЫНКА ТРУДА КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ИМИДЖА ВУЗА

© 2015

О. Н. Шумилова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Гуманитарные науки»
Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, Княгинино (Россия)

Аннотация. Важным условием повышения привлекательности вуза на рынке образовательных услуг, повышения его конкурентоспособности является создание эффективного имиджа. Под эффективным имиджем понимается целенаправленный имидж, отвечающий ожиданиям и запросам потребителей образовательных услуг. В структуре имиджа вуза выделяются следующие компоненты: имидж образовательной услуги; имидж потребителей образовательных услуг; внутренний имидж организации; имидж ректора вуза и Ученого совета; имидж персонала – это собирательный, обобщенный образ преподавательского состава; социальный имидж организации; визуальный имидж организации; бизнес-имидж организации. Один из важнейших показателей эффективного имиджа вуза – качественная подготовка специалистов, востребованность выпускников на рынке труда. Согласование предложения представителей образовательных услуг со спросом рынка труда лежит в основе проведения вузом маркетинговых исследований, в частности – мониторинга рынка труда с целью выявления наиболее перспективных (в плане востребованности) направлений подготовки. Систематический мониторинг рынка образовательных услуг и рынка труда, нацеленный на оценку возможностей системы профессионального образования и определение текущей величины потребности экономики в кадрах, должен явиться основным инструментом для корректировки прогнозов кадровой потребности экономики конкретного региона при формировании заказа на подготовку кадров. Проведение мониторинга конкретным вузом позволяет оперативно и грамотно реагировать на любые изменения между спросом и предложением в сфере занятости, а также планировать и реализовывать активную политику на рынке труда, а при необходимости – вносить коррективы в перечень реализуемых направлений подготовки. Таким образом, важнейшими показателями эффективного имиджа любого вуза является востребованность выпускников на рынке труда. При этом, векторными направлениями взаимодействия рынка образовательных услуг и рынка труда являются: целевая подготовка специалистов на основе нужд предприятий, создание системы сетевого взаимодействия отраслевых объединений, ассоциаций работодателей, вузов с цельюформирования квалификационных требований к выпускникам, разработка единой системы по оценке качества образования.

Ключевые слова: качество образования, мониторинг, мониторинг рынка труда, сетевое взаимодействие, трудоустройство выпускников, эффективный имидж вуза.

В «Стратегии инновационного развития России» определено, что в условиях глобализации и перехода к информационному обществу перевод российской экономики на инновационный путь развития является безальтернативным вариантом. При этом приоритетная роль в формировании и реализации стратегии обновления и развития экономики на инновационной основе принадлежит высшей школе как важнейшему источнику интеллектуального потенциала.

Для комплексной реализации потенциала вуза необходимы скоординированные усилия как образовательных учреждений, объединяющих свои образовательные, научные, технологические и кадровые ресурсы для эффективной подготовки кадров и научно-инновационной деятельности, так и основных потребителей результатов деятельности вузов - реального сектора экономики.

Важным условием повышения привлекательности вуза на рынке образовательных услуг, повышения его конкурентоспособности является создание эффективного имиджа.

Появление понятия «имидж вуза» в России в середине 90-х годов XX столетия обусловлено обострением конкуренции на рынке образовательных услуг и формированием собственно образовательной сферы услуг. Имидж становится неотъемлемой частью любой организации, направляющей свои действия на формирование благоприятной репутации в условиях рыночной экономики для установления гармоничных отношений с общественностью.

Под эффективным имиджем понимается целенаправленный имидж, отвечающий ожиданиям и запросам потребителей образовательных услуг. Для хорошо из-

вестных вузов задача построения эффективного имиджа является несложной, поскольку приобретенный ранее имидж помогает выдерживать конкуренцию. Труднее приходится новым, недавно появившимся на рынке образовательных услуг региональным вузам. В этих условиях для формирования эффективного имиджа, служащего инструментом поддержания конкурентоспособности на рынке образования, необходима система мер на концептуальном уровне. Проблема формирования эффективного имиджа вуза нашла отражение в трудах многих ученых [1–8], но наибольший интерес в контексте нашего исследования заслуживают работы В. П. Сидоровой [9, 10], в которых автор предпринимает попытку реализации системного подхода к построению эффективного имиджа вуза.

В основе совокупности представлений об организации в различных сферах общественных отношений, в которых она себя позиционирует, лежит кластерный подход (В. В. Менщикова и Э. П. Утлик). Кластер – маленькая ячейка-образ, занимающая определенную позицию в информационном пространстве [11]. Применительно к вузу можно выделить следующие представления, с позиции которых он оценивается:

1. Об истории вуза, его традициях, репутации: «существует долгое время», «здесь учились известные личности», «этот университет – дорога в жизнь», «сотрудничает с зарубежными университетами».

2. О личности ректора: «во главе стоит солидный, умный и прогрессивный человек».

3. Об особенностях паблисити – рекламной известности: «хорошие отзывы», «много слышал о нем», «самый популярный в области».

4. О социальной деятельности: «бесплатное обучение инвалидов, сирот», «отсрочка от армии», «организация социальных проектов».

5. О фирменном стиле: «красивая эмблема», «яркий слоган», «запоминающийся гимн», «красивое здание».

6. Об этичности деятельности и отношений: «сессию можно самому сдать, взяток не берут», «правила договоров соблюдаются».

Таким образом, совокупность представлений об институте, живущих в сознании людей, – ценный материал для формирования имиджа вуза.

В структуре имиджа вуза Н. К. Моисеева выделяет 8 компонентов [12, с. 78].

1. Имидж образовательной услуги – представления людей относительно уникальных характеристик, которыми, по их мнению, обладает услуга. Дополнительные услуги (атрибуты) – это то, что обеспечивает вузу отличительные свойства. Представления: качество образования, новые специальности, специализации, степень после окончания вуза, стоимость услуги, уровень зарубежных связей.

2. Имидж потребителей образовательных услуг включает информацию о стиле жизни, общественном статусе и некоторых личностных (психологических) характеристиках потребителей. В данном случае необходимо рассматривать не представления, а реакцию и оценку потребителей относительно имиджа вуза.

3. Внутренний имидж организации – это представления преподавателей и студентов о вузе. Основными детерминантами внутреннего имиджа являются культура организации и социально-психологический климат. Представления: инновационность, финансовая устойчивость, возможность получения высокой заработной платы, стипендии, система духовных ценностей, наличие групп КВН и других творческих групп, театра.

4. Имидж ректора вуза и Ученого совета включает представления о способностях, установках, ценностных ориентациях, психологических характеристиках, внешности.

5. Имидж персонала – это собирательный, обобщенный образ преподавательского состава. Представления: профессиональная компетентность, мобильность, аккуратность в выполнении должностных обязанностей, точность выполнения работы, информированность, профессиональная, высококвалифицированная подготовка; культура; коммуникабельность (приветливость в общении, улыбчивость), правильность речи, социально-психологические характеристики преподавателей. Имидж формируется на основе прямого контакта с преподавателем вуза. При этом каждый сотрудник рассматривается как «лицо» вуза, по которому судят об институте в целом.

6. Социальный имидж организации – представления широкой общественности о социальных целях и роли вуза в экономической, социальной и культурной жизни общества. Представления: бесплатное обучение детей-инвалидов методом дистанционных технологий, сирот, отсрочка от армии, взаимодействие с другими структурами социальной системы общества.

7. Визуальный имидж организации – представления об организации, основанные на зрительных ощущениях, фиксирующих информацию об интерьере корпусов, лекционных аудиториях, фирменной символике организации. Фирменный стиль является главной составляющей осязаемого имиджа вуза, он является основой при разработке философии университета, при создании внутреннего и личного имиджа. К визуальному имиджу можно отнести и Интернет-представительство, когда вуз позиционирует себя с помощью сайта. Представления: символика вуза имеет давнюю традицию и хорошо запоминаема и известна; на сайте вуза можно найти полную информацию о вузе; качественно выполненный сайт.

8. Бизнес-имидж организации – представления об организации как о субъекте деловой активности. В качестве составляющих бизнес-имиджа вуза выступает деловая репутация, знаменитые выпускники, наличие докторантуры и аспирантуры, инновационные технологии, разнообразие факультетов, новые специальности.

В целом, разделяя эти взгляды, мы делаем акцент на одном из важнейших показателей эффективного имиджавуза – качественной подготовке специалистов, востребованности выпускников на рынке труда.Качество и эффективность профессионального образования принято измерять по таким критериям, как показатели трудоустройства выпускников образовательных учреждений, уровень конкурентоспособности молодых специалистов на рынке труда, показатели безработицы среди молодежи и т.д. В сложившейся российской действительности такие критерии должны стать регуляторами образовательной политики.

Ангаева А. Б. [13] доказывает наличие циклических процессов повышений и спадов спроса, дестабилизирующих рынок образовательных услуг. Так, например, первоначальная нехватка банковских служащих привела к росту их заработной платы и спроса на услуги образования по финансовым дисциплинам. Затем через 5–6 лет пришедшие на рынок труда молодые специалисты создали избыток предложения работников с высшим образованием в сфере финансов и банковского дела. Заработная плата банковских служащих снизилась, и привлекательность данной профессии упала, что уменьшило спрос на этот вид образования. Но большая часть студентов, уже обучающихся по данным специальностям, скорее всего, будут продолжать учебу, и избыточное предложение на рынке труда финансистов сохранится еще несколько лет. Однако со временем число студентов, обучающихся по данной специальности, будет все уменьшаться и приток финансистов труда на рынок труда окажется ниже спроса на них. Результатом станет новое повышение заработной платы банковских служащих и новый виток роста спроса на этот вид образования.

Согласование предложения представителей образовательных услуг со спросом рынка труда и лежит в основе проведения вузом маркетинговых исследований, в частности – мониторинга рынка труда с целью выяв-

ления наиболее перспективных (в плане востребованности) направлений подготовки.Постоянный и своевременный мониторинг должен давать ясное представление о состоянии, проблемах, прогнозах ситуации на региональных рынках труда. Согласно этому необходимо определять и составлять основные и дополнительные образовательные программы, а также требования к качеству подготовки.

В толковых словарях мониторинг понимается как «специально организованное, систематическое наблюдение за состоянием объектов, явлений, процессов с целью их оценки, контроля и прогноза» [14, с. 188]. Мониторинг рынка труда представляет собой «длительное наблюдение за процессами занятости населения и основных составляющих рынка труда через определенные промежутки времени, основанное на едином методологическом и методическом подходе к сбору, обработке, анализу получаемой информации» [15, с. 32].

Систематический мониторинг рынка образовательных услуг и рынка труда, нацеленный на оценку возможностей системы профессионального образования и определение текущей величины потребности экономики в кадрах, должен явиться основным инструментом для корректировки прогнозов кадровой потребности экономики конкретного региона при формировании заказа на подготовку кадров. Проведение мониторинга конкретным вузом позволяет оперативно и грамотно реагировать на любые изменения между спросом и предложением в сфере занятости, а также планировать и реализовывать активную политику на рынке труда, а при необходимости – вносить коррективы в перечень реализуемых направлений подготовки. Отсутствующая в настоящее время эффективная система мониторинга в сфере образования и трудоустройства выпускников «не позволяет своевременно транслировать изменения потребностей бизнеса в квалифицированных кадрах в систему регионального профессионального образования» [16, с. 16].

Однако при использовании результатов мониторинга в вузовской политике подготовки кадров могут возникнуть следующие трудности [17]:

- неполная информация для целей кадрового прогнозирования;
- закрытость и недостаточная объективность информации;
- отсутствие единых стандартов в сфере сбора информации о состоянии спроса и предложения рабочей силы;
- сложность определения величины дополнительного и инвестиционного кадрового спроса;
- отсутствие возможности структурировать текущую и перспективную кадровую потребность по видам экономической деятельности, уровням профессиональной подготовки квалификациям специалистов.

С целью решения указанных проблем следует необходимо обеспечить соответствие мониторинга рынка труда следующим принципам [18–21]:

1. Целенаправленность. Обеспечениенацеленности системы мониторинга на решение конкретных управленческих задач.

2. Системный подход и комплексность. Предполагает наблюдение за рынком труда как за целостной крупной системой.

3. Полнота охвата. Мониторинг должен охватывать все занятое население, незанятое население (как будущий потенциал занятости), а также важнейшие составляющие рынка труда.

4. Потребность в учете объективного и субъективного. Мониторинг рынка труда должен учитывать как объективные данные (например, характеризующие изменение численности занятых или безработных), так и результаты оценки гражданами положения с занятостью, мотивацию их занятости и незанятости, самоидентификацию по доходам и др.

5. Периодичность и регулярность получения информации, а также ее достоверность и своевременность.

6. Адекватность методов сбора информации по объекту исследования. Наряду со статистическими необходимо использовать социологические методы сбора информации.

7. Сравнимость и преемственность показателей. В течение длительного времени основная часть показателей должна быть постоянной для того, чтобы обеспечить возможность сравнения показателей с данными предшествующих периодов или с данными других регионов.

8. Экономичность. Мониторинг должен обеспечивать получение значимых фактов, но при этом иметь направленность на минимизацию наблюдений, не создавать избыточность информации.

В сфере же профессионального образования мониторинг необходим в ситуациях перехода от стабильного, неизменного состояния к состоянию развития, потому что в таком случае возникает необходимость осознанного воздействия на ситуацию (а это, в свою очередь, требует отслеживания текущей ситуации).

Таким образом, важнейшими показателями эффективного имиджа любого вуза является востребованность выпускников на рынке труда, эта задача может быть решена при проведении мониторинга рынка труда, призванного определить перспективу кадровых потребностей экономики.При этом, векторными направлениями взаимодействия рынка образовательных услуг и рынка труда являются: целевая подготовка специалистов на основе нужд предприятий, создание системы сетевого взаимодействия отраслевых объединений, ассоциаций работодателей, вузовс цельюформирования квалификационных требований к выпускникам, разработка единой системы по оценке качества образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Волкова В. В. Формирование современного имиджа гуманитарного вуза. М. : МГЭИ, 2008. 342 с.

2. Кривоносов И. А. Программа формирования благоприятного имиджа вуза как инструмент социального управления // Известия СПбУЭФ. 2011. № 5. [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru (дата обращения: 02.03.2015).

3. Павлов С. Н. Основные положения концепции формирования эффективного имиджа вуза // Фундаментальные исследования. 2013. № 4–5. [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru (дата обращения: 02.03.2015).

4. Павлов С. Н. Информационный фактор в формировании имиджа вуза // Фундаментальные исследования. 2012. № 9–3.[Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru (дата обращения: 02.03.2015).

5. Пискунова Т. Н. Условия и фактор формирования позитивного имиджа общеобразовательного учреждения: автореферат на соискание ученой степени кандидат психологических наук. М. : 1998. 23 с.

6. Скрипкина А. В. Концепция формирования имиджа региональных вузов социокультурной сферы // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 12. [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru (дата обращения: 02.03.2015).

7. Хаванов А. В. Решение проблемы корпоративного имиджа в условиях российских реформ: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород. 2000. 23 с.

8. Шатохина С. И. Формирование медийного имиджа инновационного вуза (на примере БелГУ): Автореф. дис. ... канд. филолог. Наук. Воронеж, 2012. 19 с.

9. Сидорова В. Л. Управление формированием и распространением имиджа вуза: Автореф. … дис. канд. соц. Наук. Белгород, 2011. 19 с.

10. Сидорова В. Л. Формирование эффективного имиджа вуза // Вестник ВолГУ. Серия 6: Университетское образование. 2008. № 11. [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru (дата обращения: 27.02.2015).

11. Менщикова В. В. Регуляция взаимоотношений организации с общественностью, службами ПР : автореф. дис. канд. психол. наук / В. В. Менщикова. М. :

1998. 186 с.

12. Моисеева Н. К. Маркетинг / Н. К. Моисеева // Маркетинг и конкурентоспособность образовательного учреждения. 1999. № 5. С. 77–81.

13. Ангаева А. Б. Анализ востребованности выпускников вузов на рынке труда // Вестник БГУ. 2009. № 5. [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru (дата обращения: 03.03.2015).

14. Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г. В. Осипова. М. : НОРМА, 2000. 488 с.

15. Воловская Н. М., Плюснина Л. К. Мониторинг рынка труда как необходимое условие эффективного управления трудовым потенциалом города // Научные записки НГАЭиУ. 2004. Вып. 1. С. 32–37.

16. Разнова Н. В., Филимоненко И. В. Мониторинг кадровой потребности региональной экономики как инструмент эффективного взаимодействия системы профессионального образования и рынка труда // Вестник Краснояр. гос. аграр. ун-та. 2012. № 4. С. 16–24.

17. Постановление Правительства РФ от 22.03.1995 № 291 «Об утверждении Положения о всероссийском мониторинге социально-трудовой сферы» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Эдвайзер. Электрон. дан. 2007–2013. URL: http://www. ad-viser.su (датаобращения: 24.03.2013).

18. Герман М. В., Далибожко А. И. Мониторинг рынка труда в условиях инновационного развития общества // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2013. № 2 (22). [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru (дата обращения: 02.03.2015).

19. Воловская Н. М., Плюснина Л. К. Мониторинг рынка труда как необходимое условие эффективного управления трудовым потенциалом города // Научные записки НГАЭиУ. 2004. Вып. 1. С. 32–37.

20. Ляховская Н. Мониторинг рынка труда: задачи и специфика [Электронный ресурс] // Информационный портал для специалистов по кадрам и управлению персоналом. Электрон. дан. 2006–2013. URL: http://www. pro-personal.ru (дата обращения: 27.03.2013).

21. Мониторинг студентов и выпускников вуза как инструмент системы управления востребованностью молодых специалистов на рынке труда / под ред. М. А. Боровской. Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2008. 336 с.

THE LABOR MARKET MONITORING AS A CONDITION OF FORMATION OF EFFECTIVE IMAGE OF THE UNIVERSITY

© 2015

O. N. Shumilova, the candidate of pedagogical sciences, the docent of the chair «Humanities»
Nizhny Novgorod State Engineer-Economic Institute, Knyaginino (Russia)

Abstract. An important condition for increasing the attractiveness of the University on the educational services market, improve its competitiveness is to create an effective image. Under the effective image refers to a focused image that meets the expectations and needs of the consumers of educational services. In the image structure of the University includes the following components: the image of educational services; the image of the consumers of educational services; internal image of the organization; the image of the rector of the University and the Academic Council; the image of the staff is a collective, generalized image of the teaching staff; social image of the organization; visual image of the organization; the business image of the organization. One of the most important indicators of effective image of the University quality training of specialists, the demand for graduates in the labour market. Approval of the proposal of the representatives of educational services with the demand of the labor market underlies the conduct of University Mar market research, in particular monitoring of the labour market in order to identify the most promising (in terms of demand) training areas. Systematic monitoring of the educational services market and the labour market, aimed at assessing the capabilities of the system of vocational education and the determination of the present value of the economic needs in personnel, should be the primary tool for adjusting forecasts staffing needs of the economy of a particular region when ordering on training. Monitoring specific University allows you to quickly and competently respond to any changes between supply and demand in the employment field, as well as to plan and implement an active policy on the labour market, and, if necessary, to make adjustments to the list of feasible directions of preparation. Thus, the most important indicators of effective image of any University are the demand for graduates in the labour market. In this case, the vector directions of interaction of the educational services market and the labour market are: target training employees based on the needs of enterprises, the establishment of a system of networking industry associations, employers ‘ associations, universities to form qualification requirements to the graduates, the development of a unified system for assessing the quality of education

Keywords: quality education, monitoring, monitoring of the labour market, networking, employment of graduates, the effective image of the University.

УДК 332.145:338.23:304.44

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕНЕДЖМЕНТА И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

© 2015

В.И. Бойко, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента,
Национальная академия руководящих кадров культуры и искусств, Киев (Украина)

Аннотация: Менеджмент в сфере культуры выполняет важные функции создания организационных и экономических условий для саморазвития, культурной жизнедеятельности. Доступ к общественным благам всех групп населения, независимо от уровня доходов, не позволяет в большинстве случаев производителям устанавливать на общественные блага такие цены, которые обеспечивали бы прибыль. В результате доходы от выпуска общественных благ могут не покрывать всех расходов, связанных с их производством. В таких условиях крайне важным становится применение фандрайзинга - направления менеджмента по привлечению и аккумулирования внешних источников финансирования, таких как благотворительные и спонсорские взносы, гранты, государственные субсидии и тому подобное.

Ключевые слова: некоммерческие организации, менеджмент, общественное благо, социальный маркетинг, фандрайзинг, неприбыльные организации, субсидии, организационно-экономический механизм.

Постановка проблеми у загальному вигляді та її зв'язок із важливими науковими чи практичними завданнями. Г. Хансманн вважає, що споживачі є більш захищеними, якщо вони працюють з некомерційними організаціями. Некомерційні структури законодавчо обмежені в можливостях внутрішнього розподілу доходів між працівниками і повинні спрямовувати отримані кошти на розвиток основної діяльності організації, що контролюється з боку суспільства. Г. Хансманн підкреслює, що "перевагою некомерційних виробників є те, що ринковий контроль в них підкріплюється додатковим захистом споживача іншим, сильнішим "контрактом" - офіційним зобов'язанням організації перед суспільством спрямовувати всі свої доходи на розвиток некомерційної діяльності " [1].

Це зобов'язання реалізується на практиці за допомогою законодавчого обмеження на розподіл доходів некомерційних організацій серед засновників, управлінського корпусу і персоналу. Згідно з Цивільним кодексом України і Закону України " Про некомерційні організації ", доходи некомерційних організацій повинні спрямовуватися на розвиток їхньої основної статутної діяльності. У разі використання доходів на інші цілі, вони підлягають обкладенню податком на прибуток, як і доходи комерційних підприємств. Крім того, в такій ситуації некомерційна організація ризикує втратити свій юридичний статус і може бути перетворена в комерційну організацію.

Аналіз останніх досліджень і публікацій, в яких започатковано розв'язання даної проблеми і на які спирається автор, виділення не вирішених раніше частин загальної проблеми, котрим присвячується означена стаття. Серед теоретичних концепцій, присвячених особливостям менеджменту некомерційних організацій у цілому, можна виділити теорії "виробництва суспільних благ", "невиконаного контракту", "контролю стейкхолдерів". Відповідно до теорії " виробництва суспільних благ " американських вчених Д. Шифа і Б. Вайсброда, специфіка менеджменту некомерційних організацій випливає з самих причин їх появи - вони виникають внаслідок неефективності комерційних структур у виробництві суспільних благ [2].

Б. Вайсброд відзначає, що стосовно суспільних благ споживачі часто мають неоднакову інформацією – "покупці, в силу різних уподобань і рівнів доходу, надають інформації різне значення, а також бачать різну ефективність споживання суспільних благ" [2]. В результаті виробники відчувають складності в отриманні достовірної інформації про попит на суспільні блага. В умовах невизначеності комерційне виробництво суспільних благ утруднене і призводить до зниження або відсутності пропозиції з боку підприємців. Таким чином, негативні наслідки інформаційної асиметрії перешкоджають веденню підприємництва в цій сфері.

Необхідною умовою випуску суспільних благ, згідно Б. Вайсброду, є використання соціального (некомерційного) маркетингу (виду маркетингу, спрямованого на формування суспільних цінностей). Застосування некомерційного маркетингу дає можливість виробникам стимулювати споживання суспільних благ у різних груп населення. Для некомерційних організацій культури як різновиду некомерційних організацій цілком справедливі положення даної теорії. В силу наявності інформаційної асиметрії на ринку культурних послуг некомерційні організації культури активно використовують соціальний маркетинг. Значення останнього, на думку К. М. Гасратян, особливо важливо для сфери культури, де " категорія інформації набуває більш широкий контекст, що включає не тільки дані про товари та послуги, а й можливість залучити до мистецтва, розвинути смак до нього, завдяки чому попит на продукцію сфери культури швидко зростає" [3]. Соціальний маркетинг у сфері культури, таким чином, націлений не тільки на стимулювання споживання, а й на підготовку самого споживача.

У ряді випадків соціальний маркетинг, фандрайзинг та волонтерство можуть бути використані виробниками на шкоду споживачам через негативні наслідки інформаційної асиметрії. На це вказують І. Ілма і Г. Хансманн у теорії "невиконаного контракту" [4]. Відповідно до даної теорії, в ряді випадків ринковий механізм не забезпечує ефективного контролю за діяльністю виробників, у зв'язку з чим останні можуть навмисно завищувати ціну при низькій якості продукції, що призводить до погіршення добробуту клієнта. Таким чином, з боку виробника може мати місце порушення звичайних контрактних зобов'язань, що Г. Хансманн називає "невиконаним контрактом" [1].

Зокрема, це обмеження зростання продуктивності праці. Американські вчені У. Баумоль і У. Боуен (і пізніше американські дослідники Джеймс Хелбрун і Чарльз Грей [5]) в якості специфічних особливостей менеджменту неприбуткових організацій культури виділяють проблеми виміру і зростання продуктивності праці занятого в них персоналу. Для обгрунтування даних особливостей У. Баумоль і У. Боуен приводять наступну тезу: " ніхто ще не знайшов можливості скоротити витрати виконання 45-хвилинного квартету Шуберта, рівні трьом людино- годинам " [6].

Однак витрати виконання 45-хвилинного квартету Шуберта включають не тільки час роботи музикантів, на яке вказують американські дослідники, але і трудовитрати обслуговуючого, допоміжного персоналу (інженерів, контролерів, прибиральниць тощо). У відношенні виконавців (музикантів, акторів, співаків) і творчих працівників (художників, письменників, композиторів) питання виміру і зростання продуктивності праці позбавлені сенсу. Чи можна оцінювати продуктивність праці художника з точки зору кількості написаних робіт, а продуктивність праці оперного співака - за допомогою

кількості даних концертів. Очевидно, що цінність діяльності виконавців визначається не кількісним результатом, а творчим результатом роботи.

Вимірювання продуктивності праці допоміжного персоналу, не представляє проблеми, і зростання продуктивності праці може бути отримане за допомогою автоматизації виробництва, впровадження нових технологій, вдосконалення робочих процесів тощо. Таким чином, проблема вимірювання та росту виробничої продуктивності праці в організаціях культури актуальна тільки для творчих напрямків діяльності. Іншою проблемою менеджменту, яку виділяють У. Баумоль і У. Боуен, є проблема матеріального стимулювання праці в неприбуткових організаціях культури. Сфера культури, на думку вчених, відрізняється невисоким рівнем заробітної плати порівняно з підприємницькими структурами. За словами У. Баумоля, " заробітна плата виконавців не реагує на загальні зміни заробітної плати в економіці в короткому періоді і навіть у тривалому періоді збільшується нижчими темпами, ніж у сфері виробництва " [6] . Даний ефект прийнято називати в економічній літературі " хворобою Баумоля ".

Однак дане твердження справедливе лише для допоміжних видів діяльності, тому що розміри оплати творчої праці можуть бути набагато вище середнього рівня заробітної плати в економіці (виступи відомих виконавців, живопис знаменитих художників тощо). Крім того, поряд з низьким рівнем оплати допоміжної праці, в неприбуткових організаціях культури відсутня ясна кар'єрна перспектива, порівнянна з тією, яка має місце в підприємницьких структурах. Це, в свою чергу, породжує кадрові проблеми організацій культури, які проявляються в труднощах найму кваліфікованого персоналу.

Для допоміжних видів діяльності в сфері культури своєрідною компенсацією низького рівня заробітної плати та кар'єрного росту можна вважати більш вищий, ніж в інших галузях, рівень морального задоволення від роботи. У. Баумоль і У. Боуен називають це "психологічним доходом". Він формується під впливом таких чинників як свобода творчості, реалізація особистих ідей, гнучкий графік роботи, часткова зайнятість, високий престиж у суспільстві. Таким чином, сфера культури компенсує низький рівень заробітної плати допоміжної праці високим рівнем нематеріального доходу.

Формулювання цілей статті. Окремо виділяється проблема матеріального стимулювання допоміжних видів діяльності, пов'язана з низьким рівнем заробітної плати та кар'єрного росту в сфері культури і мистецтва, яка може бути вирішена за рахунок різних форм нематеріального стимулювання. Велике значення приділяється специфіці фінансового менеджменту організацій культури, пов'язаної з обмеженими можливостями економії витрат і необхідністю залучення державних субсидій.

Виклад основного матеріалу дослідження з повним обґрунтуванням отриманих наукових результатів. У зв'язку з тим, що некомерційні організації культури в більшості випадків мають високу частку постійних витрат в їх структурі і обмежені в можливостях економії на витратах (через обмеження зростання продуктивності творчої праці), головною умовою їхньої діяльності стає наявність постійної зовнішньої підтримки. Фандрайзинг у таких випадках не завжди може забезпечити необхідний обсяг фінансування, тому гарантом діяльності некомерційних організацій культури, як правило, виступає держава, що виокремлює на довгостроковій основі бюджетні субсидії [7].

Таким чином, неприбуткові організації культури, поряд із загальними особливостями менеджменту неприбуткових організацій мають ряд специфічних характеристик. До специфічних особливостей менеджменту неприбуткових організацій культури відносяться проблеми виміру та підвищення продуктивності творчої праці, які ускладнюють оцінку кінцевих результатів діяльності. Неузгодженість в механізмах управління мала вельми показові наслідки для радянської сфери культури. Досвід менеджменту у ній досить показовий і має бути врахований. Весь післяреволюційний період пройшов під знаком пошуку найбільш ефективного управління у сфері культури, що розумілося як суто адміністративне. Основну установку того часу можна виразити таким чином: всі проблеми культури можна вирішити за рахунок удосконалення системи управління нею. При цьому саме управління фактично зводилося до застосування організаційно-економічного механізму та державного регулювання.

Саме в цьому напрямі була орієнтована кампанія централізації - створення централізованих клубних та бібліотечних систем, що прокотилася по країні в 1960-1970-ті рр. Характерно, що питання типу "Коли треба, а коли не треба створювати централізовані системи?", "Який оптимальний склад такої системи?" навіть не обговорювалися. Уся бібліотечна мережа і, трохи пізніше, клубна мережа установ у країні були централізовані. Для створення централізованої системи було достатньо наявності двох установ, навіть якщо між ними було 200 км (реальний випадок на півночі Комі). Централізована система працювала за єдиним планом, але звітувала кожна установа своєю формою статистичного звіту, що призвело до колосального "зростання" обсягів роботи: один і те ж захід показувався в декількох формах звітності. Але не тільки ці приписки стали підсумком централізації.

Сфера культури, що склалася в радянський час, була широко втягнута в ідеологічну і політичну діяльність, забезпечивши партійний вплив і керівництво суспільством. Особливо це стосується надзвичайно розгалуженої мережі клубних установ (будинків і палаців культури, сільських, міських і районних клубів). Найбільш потужну матеріально-технічну базу серед них мали так звані профспілкові установи культури, основною функцією яких було представництво відповідних підприємств, їх партійної, профспілкової і комсомольської організацій, проведення відповідних заходів. Фактично цим же займалися й державні установи культури, тільки з більшою орієнтацією на місцеві державні та партійні владні структури. Діяльність всіх цих установ не могла здійснюватися без своєрідного "спонсорства" і "благодійності" з боку промислових підприємств, громадських організацій.

Найчастіше така підтримка здійснювалася за рознарядкою, а то і під прямим тиском з боку партійних органів. Все це позначилося на змісті культурно-освітньої діяльності, знайшло втілення в архітектурі, плануванні, інтер'єрах установ культури. Зали для масових зібрань і засідань з жорстко закріпленими сидіннями, обов'язкові дошки пошани, ленінські куточки тощо, досі роблять ці установи незатишними, офіціозними, мало пристосованими для живої творчості, відпочинку, проведення повноцінного дозвілля. Проте все це було яскравим проявом і втіленням певного типу культури, певного типу суспільних відносин і певної соціальної технології та соціально-культурного менеджменту.

У 1984 р. відбулися багато в чому вирішальні події для економіки та організації культурної діяльності. По-перше, у зв'язку з розробкою Програми розвитку платних послуг населенню було вперше розраховано, скільки сфера культури повертає до держбюджету на рубль бюджетних асигнувань. Результат виявився досить неочікуваний - 78,6 коп. Виявилося, що сфера культури значною мірою має самоокупність. По-друге, були опубліковані результати соціологічних досліджень інтенсивності відвідування населенням культурно-просвітніх установ.

Цей результат виявився не менш приголомшливий – 1год. 20 хв. на місяць (разом з платним кінопоказом). Отримані показники призвели до практичних висновків: задача комуністичного виховання трудящих сферою культури не тільки не вирішена і не вирішується за 1 годину з невеликим), Але сфера культури, як виявляєть-

ся, бере досить активну участь у формуванні бюджету, тому працівники культури отримали планові завдання по наданню платних послуг, що призвело до певної деморалізації професійного середовища у сфері культури на кілька років.

Працівників культури особливо не турбувало, що населення давно "проголосувало ногами" - 1 год. 20 хв. на місяць. Правила гри цілком влаштовували багатьох, готових грати роль працівників ідеологічного фронту і відповідати за зростання пияцтва, кількість розлучень, злочинність, за естетичний всеобуч і військово-патріотичне виховання - аби продовжувалася практика виділення фінансових коштів та затвердження на посаді. Працівник культури знав, як зробити людей щасливими, за умови виділення йому на це коштів. Якщо йому не виділяють коштів, він не робить людей щасливими. І тут з тієї інстанції, з якої надходили фінансові кошти, надійшла вимога надавати кошти.

Але працівників культури не вчили працювати і заробляти гроші. Їх вчили культурно-освітній роботі, відношенню до клубу як до педагогічної установи. Але на кожній балансовій комісії доводилися показники планових завдань по платних послугах, і працівники культури стали брати гроші за те, чому були навчені - за культпросвітроботу, за дитячу самодіяльність, внутрішньо розуміючи, що відбувається щось протиприродне. Результати такого адміністративного насадження комерційної діяльності були досить суперечливі: комерціалізація принципово некомерційної справи, деморалізація однієї частини професійного середовища і ринковий лікнеп явочним порядком - іншої.

Якщо не брати до уваги останній рудиментарний стрибок адміністративних інновацій, що виявився в блискавичному об'єднанні і черговому поділі сфер культури і туризму на початку 1990-х рр., то адміністративний госпрозрахунок підвів риску адміністративним пошукам. Бюджетна криза кінця 1980-х рр. - початку 1990-х рр. прискорила настання моменту істини у сфері культури. Як кажуть зарубіжні фахівці, в нашій державі був накопичений колосальний досвід адміністративних управлінських нововведень у сфері культури. І підсумок цих нововведень є досить повчальним для усвідомлення справжньої специфіки менеджменту в сфері культури. Це проявилося в усвідомленні певних закономірностей.

Є сфери діяльності, де доречні й ефективні виключно адміністративно-командні методи управління. Це, наприклад, армія - сфера абсолютного невільного часу, коли людина виконує не свою волю. Звідси - ієрархія посад, наказова система. Є сфери, в яких ефективне галузеве управління, коли необхідна централізація коштів, ресурсів і т. д. - наприклад, важке машинобудування, космічна техніка. Є сфери, де більш доречний територіальний акцент - наприклад, житлово-комунальне господарство. І є сфера, де виключно командні методи або галузевий підхід і навіть територіальний принцип виявляються неспроможними.

Це сфера культури, яка є сферою вільного часу - коли люди в буквальному сенсі слова що хочуть, те й роблять. Якщо їх не пускають в одну установу, вони йдуть в іншу, якщо їх женуть звідти, вони йдуть на кухні, в підвали, на горища, в ліс, але продовжуватимуть робити те, що вони хочуть робити. Їм можна тільки допомагати або заважати. Культурне життя, культурні процеси розвитку самі по собі, чутки про те, що працівники сфери культури здійснюють вплив на їх розвиток, значно перебільшені. Так було з авторською піснею, з дискотеками, з оздоровчим рухом, з відео. Єдине, що вони напевно можуть, - це допомагати або заважати розвитку культурного життя.

У сфері культури некомерційні організації також обмежені в можливостях використання доходів на цілі, відмінні від цілей їх розвитку. Крім того, в українській сфері культури законодавче обмеження на розподіл прибутку доповнюється в більшості випадків контролем з боку держави. Вітчизняні некомерційні організації культури діють найчастіше в організаційно-правовій формі державної установи. Установи культури володіють майном на праві оперативного управління та фінансуються цілком або частково з державного бюджету. В силу того, що майно державних установ культури є власністю держави, всі доходи від цієї власності розглядаються як доходи державного бюджету, і розподіл установами культури отриманих доходів повинен узгоджуватися з органами державної влади.

В результаті, установи культури воліють юридично розмежовувати некомерційну і підприємницьку діяльність. Подібне розділення діяльності досягається двома способами. Перший - для ведення підприємницької діяльності при закладі культури створюється окреме підприємство, контрольний пакет акцій якого належить установі культури. Другий - установа культури надає свої площі, торгові марки та інші права компаніям, що займаються комерційною діяльністю, а ті, в свою чергу, відраховують від отриманого прибутку певний відсоток.

Як приклад поділу комерційної і некомерційної діяльності в установі культури можна навести досвід Національного Заповідника "Києво-Печерська Лавра". В 1990-і рр. на території музею було створено комерційне підприємство, об'єднуюче сувенірні та книжкові магазини, їдальню і кафе для співробітників. За договором з Лаврою став працювати банк "Аваль", наділений правом проводити валютно-обмінні операції на території музею та зобов'язаний перераховувати на рахунок лаври 50,0 % прибутку, отриманого від цієї діяльності. Крім того, музей придбав контрольний пакет акцій транспортної компанії "Вояж", що здійснює монтаж, упаковку і транс Регіональне управління у соціально-культурній сфері передбачає наявність громадського контролю.

Соціальна значущість, або соціальний ефект, відображає результати діяльності некомерційної організації, не пов'язані з отриманням матеріальних вигод, а спрямовані на зростання добробуту суспільства.

Менеджмент некомерційних організацій культури також спирається на контроль з боку стейкхолдерів. В якості стейкхолдерів можуть виступати благодійники, фонди, профспілки тощо. У більшості випадків контролюючі функції стейкхолдерів реалізуються через піклувальні ради в некомерційних організаціях культури. Серед функцій опікунської ради в закладі культури найбільш важливими є управлінські, фінансові та контрольні. Управлінські функції включають визначення стратегії розвитку організації культури, планування основних напрямків діяльності, аналіз результатів роботи. Фінансові функції припускають фінансове планування, а також безпосереднє залучення різних джерел фінансування від населення, комерційного сектора і держави.

Контрольні функції полягають у здійсненні нагляду за використанням основних фондів, рухом фінансових засобів тощо. До складу опікунської ради найчастіше входять представники комерційного сектора, органів державної влади та ін., які проявляють зацікавленість до розвитку діяльності того чи іншого закладу культури. Як правило, піклувальна рада формується з тих осіб, які надали підтримку діяльності організації культури або в момент її створення, або в процесі її роботи. Однак склад опікунської ради може змінюватися в силу об'єктивних причин, а також рішень більшості членів опікунської ради.

Піклувальники, на відміну від персоналу установи культури, виконують свої функції на добровільній і безоплатній основі. Таким чином, відсутність прямої зацікавленості в економічних результатах діяльності установи культури зводить інтереси даних осіб не до максимізації прибутку установи, а до успішного виконання нею своєї місії. В якості мотивів звернення до піклування можливо розглядати підняття свого престижу в суспільстві, завоювання міцної репутації на ринку і довіри з боку споживачів, доступ до закритих джерел інформації, послуг організацій культури та ін.

Необхідною умовою для цього є також створення законодавчої бази щодо визначення та регулювання

піклування над юридичними особами, яка в Україні на сьогоднішній день досить недосконала. Відповідно до закону України “ Про неприбуткові організації ”, опікунська рада передбачена тільки для однієї організаційно-правової форми неприбуткових організацій - фонду. Однак порядок його створення та функціонування вкрай обмежено визначений цим законом. Тим не менш, очевидно, що створення опікунської ради є актуальним не тільки для фондів, а й інших організаційно-правових форм неприбуткових організацій.

В якості першого кроку до створення законодавчих документів про благодійництво прибуткових організацій можна розглядати Указ Президента “Про додаткові заходи щодо підтримки загальноосвітніх установ в Україні” 1998 р. Новий Указ оголосив про необхідність створення при школах опікунських рад з метою залучення позабюджетних коштів. Прийняття подібного документу щодо установ культури могло б не тільки сприяти залученню додаткових джерел фінансування, а й розвинути саму ідею опікунства у вітчизняній сфері культури. Узагальнюючи теоретичні концепції зарубіжних вчених, можна виділити загальні особливості діяльності та управління неприбуткових організацій культури. Це застосування соціального маркетингу, фандрейзингу, волонтерства і наявність контролю з боку стейкхолдерів. Крім загальних особливостей менеджменту неприбуткових структур, організації культури мають свою специфіку.

Висновки з даного дослідження і перспективи подальших розвідок у даному напрямі. Загальною відмінною особливістю суспільних благ є наявність двох властивостей – неконкурентність і не виключність, тобто відсутність суперництва в споживанні і неможливість перешкодити до споживання даного блага. Архітектурні пам’ятники або музичні твори залишаються надбанням усіх членів суспільства і наступних поколінь, і тому можливе їх спільне і неодноразове використання. Якщо отримання вигод від споживання приватних благ, до яких відноситься більшість товарів і послуг, одним покупцем унеможливлює отримання таких же вигод іншим покупцем, то використання суспільного блага одним споживачем містить в собі можливість отримання від подібного блага таких же вигод усіма іншими споживачами.

Це обмежує можливості запровадження ринкової плати за користування громадськими благами. Виробництво суспільних благ супроводжується зовнішніми ефектами, які полягають у появі витрат або вигод, не врахованих в цінах і випадають на долю третіх осіб. Сфера культури надає населенню різні суспільні блага, споживання яких призводить до таких позитивних макроекономічних результатів, як підвищення культурного, інтелектуального, морального потенціалу суспільства; зростання рівня продукт Оскільки більшість послуг некомерційних організацій культури відноситься до суспільних благ, такі організації не можуть перебувати на самофінансуванні і вимагають застосування фандрайзингу. Обмеженість ресурсів виробників суспільних благ визначає специфіку трудових відносин у цій галузі. Великого значення набуває волонтерство - система трудових відносин, побудована на механізмі нематеріального стимулювання і має соціальні, благодійні та інші суспільно-корисні цілі. Важливу роль волонтерство відіграє в сфері культури. В установах культури праця волонтерів зазвичай зводиться до роботи з відвідувачами, допомоги у проведенні заходів, збору зовнішньої інформації тощо.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1.Хансманн Г. Караоке-капитализм. Менеджмент для человечества. СПб: Стокгольмская школа экономики в СПб, 2004.

2.Шифа Д. і Вайсброда Б. Все билеты проданы. Стратегии маркетинга исполнительских искусств. М.: Классика XXI, 2004.

3.Гасратян К.М. Економіка і менеджмент некомерційних організацій / О.Л.Шекова. – М.:Лань, 2004. – с. 192

4. Ілма і Г. Хансманн Маркетинг культуры и искусства. СПб: Арт-Пресс, Изд. Васин А. И., 2004.

5.Хелбрун Д. і Грей Ч. Организационное поведение. Поведение человека на рабочем месте. СПб и др. 2000.

6.Баумоль У. і Боуен У. Управление командой: как заставить других делать то, что вам нужно. СПб и др.: Питер, 2004.

7.Шафф Т. и Д. Путеводитель по фандрайзингу. Рабочая модель по привлечению спонсоров. М.: Вершина, 2006.

ТЕОРЕТИЧНІ ОСНОВИ ФОРМУВАННЯ МЕНЕДЖМЕНТУ ТА РЕГІОНАЛЬНОГО УПРАВЛІННЯ У СФЕРІ КУЛЬТУРИ

© 2015

В.І. Бойко, кандидат економічних наук, доцент кафедри менеджменту
Національна академія керівних кадрів культури і мистецтв, Київ (Україна)

Анотація: Менеджмент у сфері культури виконує важливі функції створення організаційних та економічних умов саморозвитку, культурної життєдіяльності. Доступ до суспільних благ всіх груп населення, незалежно від рівня доходів, не дозволяє в більшості випадків виробникам встановлювати на суспільні блага такі ціни, які забезпечували б прибуток. У результаті доходи від випуску громадських благ можуть не покривати всіх витрат, пов’язаних з їх виробництвом. У таких умовах вкрай важливим стає застосування фандрайзингу - напрямки менеджменту щодо залучення та акумулювання зовнішніх джерел фінансування, таких як благодійні та спонсорські внески, гранти, державні субсидії тощо.

Ключові слова: некомерційні організації, менеджмент, суспільне благо, соціальний маркетинг, фандрайзинг, неприбуткові організації, субсидії, організаційно-економічний механізм.

THEORETICAL BASES OF FORMING MANAGEMENT AND REGIONAL GOVERNANCE OPERATION IN CULTURE

© 2015

V.I. Boyko, associate professor of the chair of Management
National Academy of Culture and Arts, Kiev (Ukraine)

Annotation: Management in culture has important creation functions of organizational and economic conditions for self-development and cultural life. Access to social benefits for all people, regardless income level, does not allow most of the producers set for public goods such prices that would ensure a profit. As a result, revenues from the issue of public goods may not cover all costs associated with their production. In such circumstances, it’s become extremely important to use fundraising - management areas that will attract and accumulate external funding, such as charitable contributions and sponsorships, grants, government subsidies and so on.

Keywords: non-profit organizations, management, public good, social marketing, fundraising, not for profit organizations, subsidies, organizational and economic mechanism.

УДК 316.1: 65.01

УПРАВЛЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ФАКТОРОВ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

© 2015

Е. В. Желнина, кандидат социологических наук, доцент;
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация. В статье рассматривается роль социального управления в процессах интенсификации инновационной активности промышленных предприятий. Инновационная активность субъекта экономических отношений является частью национальной экономики и образует национальную инновационную систему, основу которой образуют внутрисистемные связи элементов, причём, состав и количество (элементов), а также характер взаимодействия между ними, не имеют принципиального значение. В статье показано, что элементы системы приобретают значимость для данной системы только при наличии определённого вида отношений другими элементами. Эффективность инновационной системы во многом зависит от того, посредством каких норм и правил осуществляется регулирование отношений. Сегодня государство постепенно становится важным партнёром в сфере инновационной активности. В национальной инновационной системе органично взаимодействуют, оказывая значимое влияние друг на друга, наука, государство и частный сектор. В целях согласования интересов различных участников социально-экономического взаимодействия управление инновационной активностью промышленных предприятий должно базироваться на федеральных и региональных приоритетах и направлениях реализации инновационной политики. Работа выполнена в рамках НИР темплана Проект № 383: «Работники промышленной и научно-технической сферы в условиях моногорода (на примере социологического анализа Тольятти)».

Ключевые слова: социальное управление, менеджмент, инновационная активность, промышленное предприятие, национальная инновационная система, партнёрство.

Уровень и интенсивность инновационной активности регулируется чёткой системой вполне определённых факторов: общественное воспроизводство, наука и образование [1], технология [2] и т. д.. Целью данной статьи является рассмотрение социального управления как фактора инновационной активности современных промышленных предприятий. Богатство и экономическая стабильность государства обеспечивается трудом его граждан. Но данный тезис имеет и обратное значение: устойчивая позитивная динамика экономики создаёт благоприятные условия для благополучия граждан данного государства: обеспечение занятости трудоспособного населения, роста доходов и уровня потребления работающего человека и его семьи. Но со второй половины обнаружилась новая тенденция: скорость и эффективность экономического роста работника всё в большей степени стали выстраиваться на основе уровня развития самого работника, обусловлены имеющимся у работника человеческим капиталом. Важно отметить, что взаимосвязь категорий «экономический рост» и «развитие человека» проходит в латентной, скрытой форме, чтобы её обнаружить, необходимо провести тщательный анализ. Но те страны, правительства которых уловили условия, способствующие развития данного взаимодействия, продиктованного информационно-инновационной революцией, обеспечили благосостояние для своих граждан. Таким образом, можно сделать вывод, что инновационная активность каждого отдельного субъекта экономических отношений очень плотно вплетается в ткань национальной экономики, позволяя нам говорить о национальной инновационной системе (НИС). Понятие инновационной системы впервые было употреблено ещё в 1985 г. профессором университета г. Упсала (Швеция) Б. Лундваллом в работе «Продуктовые инновации и взаимодействие пользователь-производитель» как системы инноваций, сформированной из «элементов и отношений, которые взаимодействуют в производстве, распространении и использовании нового и экономически полезного знания … национальная система включает элементы и отношения, расположенные внутри границ национального государства» [3]. Другими словами, основа инновационной системы состоит в наличии внутрисистемных характеристик, причём, их состав и количество, а также характер взаимодействия между ними, не имеют принципиального значение.

Многие зарубежные и отечественные учёные в своё время занимались рассмотрением инновационной системы. Так, например, английский экономист, представитель неошумпетерианского направления в экономической науке, один из известнейших исследователей экономических циклов в рамках концепции длинных волн Н. Д. Кондратьева Кристофер Фримен говорит о ней как о сети «институтов в общественном и частном секторах, в результате деятельности и взаимодействия которых создаются, импортируются, модифицируются и распространяются новые технологии» [4]. Очень близко к указанному определению инновационной системы и мнение профессора экономики в Колумбийском университете Ричарда Нельсона, который также подчёркивает значимую роль институтов для функционирования инновационной системы. Хотя, необходимо отметить, что он склонен значительно ограничить рамки инновационной деятельности. Р. Нельсон утверждает, что данный вид активности характерен исключительно для фирм: «это комплекс институтов, чьи взаимодействия детерминируют инновационную деятельность национальных фирм» [5]. Таким образом, американский учёный исключил из субъектов инновационной активности такого крупномасштабного экономического агента, как государство. С данным тезисом (утверждением) мы склонны не согласиться, поскольку государство является основным регуляторов жизнедеятельности общества.

Поскольку инновационная сфера является очень динамичной областью социально-экономической практики, то и понятие, трактовки и направления теоретико-методологического анализа постоянно развиваются и углубляются. Уже можно отметить некие вехи в эволюции понятия инновационная система, начиная с определённой совокупности организационных элементов и взаимодействия между ними и заканчивая системными категориями институтов и политик, которые образуют сложный комплекс социально-экономических отношений, связей и взаимодействий. Более того, процесс теоретического познания данного понятия продолжается и по сей день. Так, например, инновационную систему также имеет смысл рассмотреть в узком и широком значениях. Если брать узкую трактовку, то здесь на первый план выходят включённые в процессы научно-технологического развития организации и институты. В качестве субъектов инновационной деятельности можно обозначить университеты, исследовательские институты, конструкторские бюро, а также государственная система патентования. С точки зрения последователей широкой трактовки инновационной системы она включает в себя все экономические, социальные, культурные политические институты, оказывающие воздействие на образовательные процессы, активизацию научно-технического поиска. К указанным субъектам инновационной

деятельности в рамках широкой трактовки необходимо добавить финансовую систему, государственную денежную политику, формальные и негласные нормы функционирования в условиях конкуренции, внутреннюю организацию частного экономического сектора и многие другие субъекты, оказывающие значимое воздействие на инновационную активность. Что особенно важно и значимо для нашей проблематики исследования, в обоих указанных направлениях изучения инновационной системы (узком и широком) ведущее место отдаётся науке и научно-техническому творчеству [6]. Ведущий научный сотрудник Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара Ирина Геннадьевна Дежина определила и обосновала принципиальные выводы концепции национальной инновационной системы [7].

1) согласно данной концепции, образование и модификация нового знания (инновации) происходит в рамках деятельности конкретных экономических субъектов. Продолжая идею концепции, Важно отметить, что каждый из этих субъектов обладает собственной системой ценностей, сформированной в границах доминирующих национальных ценностей.

2) в инновационной системе (продолжая традиции системного анализа) наиважнейшую роль играют именно взаимосвязи, между субъектами. Другими словами, элементы системы приобретают значимость для системы только при наличии определённого вида отношений с другими элементами. Отношения, связь, взаимодействие являются теми компонентами, которые каждому из элементов системы позволяют проявить свои полезные для неё (системы) качества и возможности. Перечисленные социальные процессы в большей степени могут быть подвержены управлению.

3) эффективность системы во многом зависит от того, посредством каких норм и правил осуществляется регулирование указанных в предыдущем пункте отношений. Ожидаемые результаты инновационных процессов, происходящих в ходе функционирования экономической системы, зависят от направленности и интенсивности взаимодействия экономических субъектов как элементов более обширной системы – национальной инновационной системы. Значение национальной инновационной системы состоит в аккумулировании усилий собственных субъектов в качестве элементов коллективной системы поиска, накопления, использования и трансляции знаний, технологий и опыта успешной работы. Кроме того, возможности национальной инновационной системы позволяют объединить усилия в области модернизационных процессов экономических субъектов с деятельностью других общественных, политических и культурных институтов. В связи с вышесказанным, можно утверждать, что эффективность национальной инновационной системы достигается согласованием правил действующего национального законодательства с нормами системы неформальных отношений.

Мы упомянули, что национальная инновационная система аккумулирует существующие знания, преобразовывает их, что в итоге и создаёт многочисленные предпосылки для инноваций, нововведений, обновления. Таким образом, инновационная система государства является общенациональной системой совместного познания (универсального научно-технического поиска), затрагивающего основных её субъектов, которых можно разделить на три условные группы: научные организации, предприятия и государственные учреждения. Именно наличие связей между этими субъектами и позволяет интенсифицировать процессы инновационной активности не только в рамках отдельного предприятия, но и в обширных границах национального государства.

Анализируя процессы взаимодействия указанных ключевых субъектов (наука, производство, государство) можно увидеть, что жизненные циклы каждого из них, переплетаясь между собой, образуют канву, основу инновационной системы. Таким образом, национальная инновационная система испытывает на себе одновременное воздействие жизнедеятельности трёх самостоятельных субъектов и, соответственно трансформируется, изменяется в соответствии с совокупным комплексом этих воздействий. Важно отметить, что национальная инновационная система является в высшей степени системой самоорганизующейся. Проделанный анализ позволяет сделать вывод, что государство постепенно становится важным партнёром в сфере инновационной активности. Таким образом, посредством создания, развития и совершенствования горизонтальных связей происходит тесное взаимодействие трёх основных субъектов инновационной активности: науки, производства, государства. Продолжая разговор о горизонтальных связях, важно отметить, что и промышленность, и государство, и университеты, дополняя свои традиционные функции, задачи и цели, начинают приобретать и выполнять новые функции, свойственные, по большому счёту, другим субъектам инновационной системы. Так, например, университеты начинают осваивать и адаптировать в своих условиях функционирования функции бизнес-сектора посредством учреждения малых инновационных предприятий (в Тольяттинском государственном университете их 26; подробный список представлен в Приложении 3), создания служб, способствующих коммерциализации разрабатываемых в вузе технологий. Промышленные предприятия постепенно создают центры и службы научно-конструкторских и инновационных разработок и проектов, отчасти осуществляющих функции научных учреждений. Государственный сектор вынужден осваивать экспертные функции, связанные с оценкой предлагаемых к государственному инвестированию проектов. Таким образом, в национальной инновационной системе органично взаимодействуют, оказывая значимое влияние друг на друга, наука, государство и частный сектор.

Данное влияние способствует трансформации и самих субъектов инновационной системы. Так, мы можем наблюдать изменение прямого государственного управления наукой на рамочное регулирование и координацию. Во многом это может быть следствием расширения и усложнения функций науки в национальной инновационной системе. Наука в данном случае помимо действующей и эффективной отрасли по производству знаний (общественным благом), но ещё и становится ключевым фактором общественного и экономического развития.

В трудах отечественных и зарубежных учёных раскрывается и утверждается большое значение трансформации управленческих функций в ходе осуществления инновационного развития современных промышленных предприятий. Так, профессор кафедры «Стратегический и антикризисный менеджмент» Финансового университета при Правительстве РФ (Москва) Дмитрий Иванович Кокурин даёт собственное определение инновационной деятельности с позиций субъективистского подхода: инновационная деятельность – это «субъективная осознанная деятельность экономического агента, реализующего новую комбинацию факторов производства, благодаря интеграции искусственных, экономических и социально-культурных систем» [7]. В связи с этим инновационное развитие промышленного предприятия становится определённой системой активности инновационных аспектов, которая всключает мероприятия по поиску, оценке, созданию, производству и распространению инноваций. В своём идеале указанный вид деятельности на основе осознанной и целенаправленной активности в рамках инновационных проектов должен охватывать практически все системные процессы в экономике.

Тезис о широком распространении инноваций во все сферы экономической деятельности подтверждает и О. В. Никулина. Данное распространение способно формировать принципиально новые взаимоотношения субъектов инновационной активности, которые способ-

ствуют формированию спроса на инновации [9]. В целях согласования интересов различных участников социально-экономического взаимодействия управление инновационной активностью промышленных предприятий должно базироваться на федеральных и региональных приоритетах и направлениях реализации инновационной политики. В соответствии с таким (программным) подходом именно человек, его развитие является конечной целью инновационного развития, результатом социальной и экономической областей развития общества. Социально-экономический прогресс в рамках данного подхода представляет собой «прогресс для человека, движение человека к своей высшей исторической цели – свободной, творческой реализации» [10]. В обществе инновационного типа интенсивное развитие техники и технологий оказывает масштабное воздействие как на сферу труда, так и на человека, его роль и значение в социально экономическом развитии. Под воздействием технической оснащённости трудовой деятельности количественные и качественные характеристики выполняемых человеком в производственном процессе функций подверглись значительным трансформациям. При изучении отечественной социально-экономической литературы в области изучения человека как ресурса мы увидели чёткое разделение функции человека в трудовом процессе на физические и когнитивные (см. рис. 1). К физическим функциям принято относить:

- двигательную функцию. Человек воспринимается как источник энергии;
- технологическую функцию. Человек осуществляет переработку и обработку предмета труда;
- транспортную функцию. Человек способен физически перемещать предметы и орудия труда в пространстве.

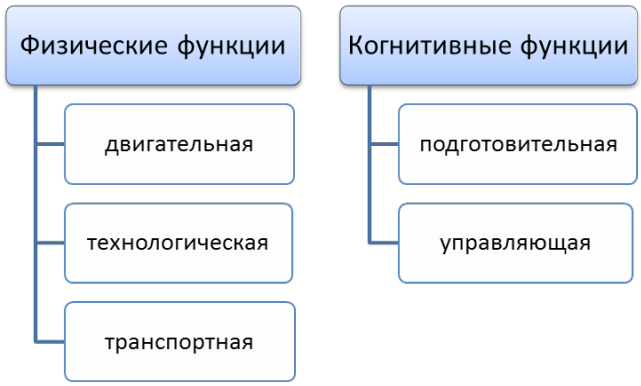

Рис.1. Функции человека в трудовом процессе

К когнитивным функциям человека в трудовом процессе относят:

- подготовительная функция, которая заключается в следующих формах:
- постановка цели;
- программирование;
- стратегическое и тактическое планирование и т. п.,
- управляющая функция, которая включает:
- контроль и регулирование производственного и технологического процесса;
- счётно-логическая деятельность;
- инженерно-конструкторская деятельность;
- научная деятельность;
- административная деятельность.

Предполагается, что на самой высокой ступени механизации (свойственной инновационному типу развития общества, инновационному типу экономики) все физические функции вместо человека выполняются машинами. В данной ситуации за человеком закрепляются управляющие функции и, в первую очередь, но в то же время наиболее массовая – функция управления этими машинами. Данный вид деятельности предполагает наличие качественно иных способностей и компетенций, а также освоения особых политехнических и комплексных знаний. Одним из инструментов эффективного решения данной задачи (противоречия между непосредственным трудом и интеллектуальным трудом) является система образования и устранение её обособления от непосредственного труда [11]. В экономике инновационного типа образовательная деятельность приобретает значимое значение для социально-экономического прогресса. Надо сказать, что под образовательной мы понимаем деятельность, которая связанная с производством, хранением, транслирование, приложением знаний. Основным агентом образовательной деятельности является система образования. Также в число агентов образовательной деятельности можно включить и учебные структуры предприятий и учреждений. В эпоху информационного общества мы в большей степени можем наблюдать изменения в структуре и функциях национальных систем образования.

С наибольшей полнотой векторы его развития и трансформации можно рассмотреть в концепции «образования в течении жизни» [12]. По данным проведённых исследований профессиональную подготовку специалистов в США отводится 15 – 20 % их рабочего времени [13]. При этом признаётся правильным и необходимым заниматься планированием профессиональной подготовки сотрудника: каждые 5 – 6 лет обучать и переобучать персонал предприятия. Другими словами, каждый работник должен повышать свою квалификацию 5 – 8 раз за весь период профессиональной деятельности (около 40 лет). Превращение работников интеллектуального труда (т. н. «рабочих знания») признаётся сигналом и характерным показателем экономики инновационного типа [14]. Сегодня можно утверждать, что в экономически развитых странах по численности данная группа уже превзошла группу индустриальных рабочих.

Другим показателем экономики инновационного типа является партнёрство различных субъектов национальной экономики [15, 16], которые дополняют и обогащают деятельность друг друга, совершенствуя инновационную систему вцелом.

Подводя итог проведённому анализу, сделаем некоторые выводы.

1. Инновационная активность каждого отдельного субъекта экономических отношений вплетается в ткань национальной экономики, образуя национальную инновационную систему.
2. Основу инновационной системы образуют внутрисистемные связи элементов, причём, состав и количество (элементов), а также характер взаимодействия между ними, не имеют принципиального значение.
3. Каждый из субъектов национальной инновационной системы обладает собственной системой ценностей, сформированной в границах доминирующих национальных ценностей.
4. Элементы системы приобретают значимость для данной системы только при наличии определённого вида отношений другими элементами.
5. Эффективность инновационной системы во многом зависит от того, посредством каких норм и правил осуществляется регулирование отношений.
6. Национальная инновационная система испытывает на себе одновременное воздействие жизнедеятельности трёх самостоятельных субъектов (наука, производство, государство) и, соответственно трансформируется, изменяется в соответствии с совокупным комплексом этих воздействий.
7. Сегодня государство постепенно становится важным партнёром в сфере инновационной активности.
8. В национальной инновационной системе органично взаимодействуют, оказывая значимое влияние друг на друга, наука, государство и частный сектор.
9. В целях согласования интересов различных участников социально-экономического взаимодействия

управление инновационной активностью промышленных предприятий должно базироваться на федеральных и региональных приоритетах и направлениях реализации инновационной политики.

10. Образовательная деятельность – деятельность, связанная с производством, хранением, транслирование, приложением знаний. Кроме того, многие авторы утверждают, что именно обучение сотрудников [17] является тем катализаторов, который способен сделать интенсивнее инновационную активность промышленных предприятий и их работников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Mumford, M. D. Leadership, Creativity and Innovation. – London: SAGE Publication Ltd, 2014. – 1240 p.

2. Clark, P. Organizational Innovations. . – London: SAGE Publication Ltd, 2008. – 225 p.

3. Lundvall, B.-A. National Systems of Innovation / B.-A. Lundvall. – London: Pinter, 1992.

4. Freeman, C. Technology and Economic Performance: Lessons from Japan / C. Freeman. – London: Pinter, 1987.

5. Nelson, R. National Innovation Systems. A Comparative Analysis / R. Nelson. – USA: Oxford, 1993.

6. Исламутдинов, В. Ф. Синтез институционального и эволюционного подходов к теоретическому обоснованию инновационных процессов. – Ханты-Мансийск, ИИЦ ЮГУ, 2010. – С. 107.

7. Дежина, И. Г. Государственное регулирование науки в России / И. Г. Дежина / Под. ред. Н. И. Ивановой. – М.: Магистр, 2008. – 490 с.

8. Кокурин, Д. И. Управление инновациями. – М.: Наука, 2000. – С. 72.

9. Никулина, О. В. Стратегические ориентиры инновационного развития экономики. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2010. – С. 114 – 128.

10. Ракитов, А. И. Философия компьютерной революции. – М.: Политиздат, 1991. – С. 157.

11. Симкина, Л. Г. Человеческий капитал в инновационной экономике. – СПб.: СПбГИЭЛ, 2000. – С. 101 – 105.

12. Заворин, А. Н. В поисках постиндустриального общества // TERRA ECONOMICUS. – 2004. – № 1. – С. 117 – 120.

13. Ващекин, Н. П. Постиндустриальное общество и устойчивое развитие. – М.: Издательство МГУК, 2000. – С. 83 – 87.

14. Perez, C. Technological Revolutions and Financial Capital. The Dynamics of Bubbles and Golden Ages. – Cheltenham: Edward Elgar, 2003. – 224 p.

15. Rastogi, P. N Management of Technology and Innovation. – London, SAGE Publication Ltd. 2009. – 323 p.

16. Sharratt, L., Harild, G. Good to Great to Innovate. – London, SAGE Publication Ltd. 2014. – 204 p.

17. Hall, R. H., Buttram, R. T. Sociology of Work: Perspectives, Analyses, and Issues / R. H. Hall., R. T. Buttram. – London: Pine Forge Press, 1999. – 465 p.

MANAGEMENT IN STRUCTURE OF FACTORS OF INNOVATIVE ACTIVITY OF THE INDUSTRIAL ENTERPRISES

© 2015

E. V. Zhelnina, candidate of sociological sciences, associate professor
Tolyatti State University, Tolyatti (Russia)

Abstract. In article the role of social management in processes of an intensification of innovative activity of the industrial enterprises is considered. Innovative activity of the subject of the economic relations is part of national economy and forms national innovative system which basis is formed by intrasystem communications of elements, and, the structure and quantity (elements), and also nature of interaction between them, don't matter the basic. In article it is shown that elements of system gain the importance for this system only in the presence of a certain type of the relations other elements. Efficiency of innovative system in many respects depends on by means of what norms and rules regulation of the relations is carried out. Today the state gradually becomes the important partner in the sphere of innovative activity. In national innovative system organically interact, having significant impact at each other, science, the state and the private sector. For coordination of interests of various participants of social and economic interaction management of innovative activity of the industrial enterprises has to be based on federal and regional priorities and the directions of realization of innovative policy. Work is performed within NIR of the Project No. 383: «Workers of the industrial and scientific and technical sphere in the conditions of the monotown (on the example of the sociological analysis of Tolyatti)».

Keywords: social management, innovative activity, industrial enterprise, national innovative system, partnership.

УДК 316.46:316.47

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФСОЮЗНЫХ ЛИДЕРОВ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

© 2015

Т.Н. Иванова, доктор социологических наук, профессор кафедры «Социология»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация. Профсоюзы и профкомы в современной России теряют свои позиции. Первичные организации отсутствуют практически во всех коммерческих предприятиях. В структуре государственных и муниципальных организаций Профсоюзы представлены, но эффективность их деятельности вызывает сомнение. Студенчество, как одна из наименее социально защищенных групп населения, нуждается в социально-правовой защите, которую может предоставить в рамках университета только студенческий профком. Происходящие в настоящее время инновационные процессы в образовании затрагивают и особенности развития социальных институтов, социальных объединений и групп в системе высшего профессионального образования и в системе профессиональных союзов образования и науки, и именно поэтому представляется необходимым раскрыть некоторые особенности, характеризующие деятельность последних. В настоящий период в социологии данная проблематика рассматривается недостаточно. Изучение данной темы необходимо для выработки методов эффективного руководства, отбора и формирования лидеров. Из вышесказанного следует, что изучение проблем профсоюзного лидерства в настоящий период является актуальным для молодежи в современном российском обществе. Исследуемая тема подтверждается глубоким интересом ученых социологов, участвующих в научно-практических конференциях, где представлены публикации в печатных изданиях. Автор статьи анализирует результаты социологических исследований в Тольяттинском государственном университете. При проведении исследования мнения студентов об эффективности работы профкома студентов и аспирантов ТГУ был использован метод анкетирования. Выборочная совокупность составила 480 человек. Выборка является репрезентативной (при ошибке выборки в 5%, доверительном интервале 0,95). Одним из наиболее значимых параметров, определяющих репрезентативность выборочной совокупности, является членство в профкоме студентов и аспирантов ТГУ. По данным первичной профсоюзной организации охват студентов членством в профкоме равен примерно 70%. Этот показатель в выборочной совокупности составил 69%. В выборке так же соблюдена половозрастная структура студенчества. Выборочная совокупность в равной степени распределена по всем пяти курсам. По данным предоставленным профкомом студентов и аспирантов среди студентов 43% женщин и 57% мужчин. Данная количественная характеристика полностью соблюдена в выборочной совокупности. Последний учтенный при построении репрезентативной выборочной совокупности показатель – это основа обучения студентов в университете. В Тольяттинском государственном университете на бюджетной основе обучаются 57% студентов, обучающихся на коммерческой основе 43%.

Ключевые слова: профсоюз, студенчество, среда, лидер, социально-правовая защита, студенческая среда, профсоюзные лидеры, профсоюзная организация, университет.

Роль профсоюза (особенно в ВУЗах) как институциональной основы становления и развития корпоративной культуры, как субъекта социального партнерства и управления изучена в ракурсе социологии управления явно недостаточно. Однако в отечественной и зарубежной научной литературе многие аспекты этой проблематики получили определенную разработку.

Одной из первых попыток обобщения накопленного материала по истории профсоюзов в нашей стране стала работа В.В. Святловского [5].

Глобальной тенденцией, характерной для современного российского общества, является наличие двух противоположных тенденций: с одной стороны - это распространение стандартов универсального образа жизни, являющихся следствием глобализации; с другой - стремление к национально-государственной суверинизации и этнокультурной идентичности. Радикальная трансформация общественного строя, перестройка всех сфер социальной жизни, социально-экономические, политические и духовные перемены в российском обществе способствуют пересмотру существующей системы ценностей, поиску идентичности, а также качественным и количественным изменениям иерархии социальных групп.

Студенчество – это особая социальная группа молодых людей, обучающихся в высших учебных заведениях и являющихся носителями интеллектуального потенциала для будущего развития общества [2].

Период студенчества - время высоко динамичного изменения и развития человека по ряду направлений, причем это период, имеющий свое институциональное оформление, что позволяет определить студенчество как особую социально-возрастную группу. Поступая в ВУЗ почти подростком и оканчивая его взрослым человеком, имеющим систему формальных и неформальных социальных отношений, работу, а иногда и семью, студент проходит через ряд существенных и необратимых психологических и социальных изменений [3].

С.Н. Иконникова и В.Т.Лисовский считают, что «в социальной структуре общества студенчество может быть названо социальной группой, по своему общественному положению стоящей близко к интеллигенции, являющейся ее резервом и предназначенной в будущем к занятию высоко квалифицированным трудом в различных областях науки, техники, управления, культуры и т.д.» [1].

Студенчество в социологии определяется как социальная группа. В современной социологии существует ряд определений социальной группы, наиболее общим, из которых является следующее: «социальная группа - это относительно устойчивая совокупность людей, объединенных общими интересами, ценностями, нормами сознания и поведения, выделенная по социально значимым критериям, складывающаяся в конкретно-исторических условиях определенного этапа развития общества» [6].

Среда – совокупность явлений, процессов и условий, оказывающих влияние на изучаемый объект [4].

Студенческая среда – совокупность социальных условий, в которых протекает развитие и деятельность студенческой группы.

Лидер в студенческой среде – авторитетный член группы, организации, выполняющий роль организатора, инициатора группового взаимодействия, принимаемый группой благодаря его способности решать важные для группы проблемы и задачи, оказывающий влияние или осуществляющий власть над студентами внутри группы и извне.

Студенты, как наиболее чувствительная к переменам группа населения, чутко реагируют на изменения в жизни общества. Ход отечественной реформации меняет облик студенчества: формируется новый тип личности, ориентированный на индивидуализм, приоритет частного интереса, расчет на свои силы, ценность богатства как ценность, то есть у современного студенчества новая система ценностей, которая диктуется рыночной экономикой.

Современное российское студенчество во многом утратило характерные черты традиционной российской интеллигенции, что проявляется в изменении системы смысложизненных целей и в низкой социально-политической активности. В то же время студенческая молодежь хорошо понимает свое место в социальной структуре российского общества, но не спешит занять лидирующее положение, даже в сфере духовного производства.

При проведении социологического исследования на тему были использованы такие методы, как анкетирование, контент-анализ, экспертное интервью. Использование подобного сочетания методов позволило структурировано изучить деятельность студенческой профсоюзной организации со всех сторон.

Основным направлением деятельности первичной профсоюзной организации студентов и аспирантов ТГУ является улучшение условий обучения в вузе, следовательно, гипотеза подтвердилась.

В рамках проведения структурированного социологического исследования был использован метод экспертного интервью. Данный метод позволяет оценить анализируемые параметры с точки зрения сотрудников ТГУ, тесно связанных с деятельностью первичной профсоюзной организации студентов и аспирантов Тольяттинского государственного университета.

Было проведено экспертное интервью в Гуманитарно-педагогическом институте (n=15).

Тип интервью неформализованный и свободный (предполагающий возможность импровизации в вопросах), в зависимости от уровня компетентности в области деятельности профсоюзной организации интервьюируемого эксперта. Тематика интервью направлена на выявление методов привлечения студентов в профком, техник работы с активистами, определение степени эффективности деятельности профкома.

При анализе ответов экспертов о методах мотивации членов профкома к различным видам активной деятельности как учебной, научной, так и внеучебной, выяснилось, что таких методов не существует, подобная работа не проводится в университете. В ответах эксперты говорили и личных качествах студентов, о том, что есть определенное количество активных студентов, равное примерно пяти – десяти процентам от общего числа обучающихся, у которых есть желание заниматься определенным, конкретным видом деятельности. Единственным мотиватором могут явиться для таких студентов пригласительные билеты, которые предоставляет им профком в качестве вознаграждения за активную деятельность. Мнения экспертов в области определения количества лидеров среди студентов Тольяттинского государственного университета оказались близкими: настоящих лидеров минимальное количество среди студентов ТГУ, но их энтузиазм распространяется на менее активных, которые также начинают заниматься различными видами деятельности.

Технологии и методы работы со студентами-лидерами, применяемые экспертами и профкомом можно разделить на два вида: стандартные и нестандартные формы.

Предложения экспертов о нововведениях в молодежной политике города, области, страны, политике университета, для увеличения количества лидеров оказались немногочисленными.

В политике университета последние несколько лет делается много шагов к большей самостоятельности студентов.

При анализе ответов экспертов ТГУ на вопрос о частоте обращений студентов в профком за поддержкой, выяснилось единство мнений специалистов в данной области.

Студенты достаточно часто обращаются в первичную профсоюзную организацию студентов и аспирантов ТГУ за различными видами поддержки, с точки зрения интервьюируемых экспертов.

Мотивационная работа первичной профсоюзной организации к членству в профкоме студентов и аспирантов ТГУ проводится только через предоставление скидок и льгот на билеты, пригласительные на различные мероприятия города для студентов.

Категорию студентов, которые называются лидерами, эксперты понимают, как социально активных молодых людей, которые занимаются общественной деятельностью. Они готовы помогать и самостоятельно организовывать студентов на какой-либо вид деятельности, готовы принимать решения и нести ответственность за них. Лидер – это человек, который не боится работы, по мнению экспертов.

Основные факторы, влияющие на появление лидеров среди студентов, по мнению экспертов, – это школа, воспитание, личностные лидерские качества, примеры лидерского поведения, соревнование.

Технологии и методы работы со студентами-лидерами, применяемые в Тольяттинском государственном университете можно разделить на два вида: стандартные и нестандартные формы.

Стандартные формы применяются профсоюзной организацией студентов и аспирантов ТГУ на университетском уровне. Для студентов устраиваются различные выездные школы, семинары, тренинги на командообразование, по результатам которых профсоюзная организация выделяет конкретных студентов – лидеров, с которыми начинает сотрудничать.

Нестандартные виды работы со студентами-лидерами применяются на уровне институтов и кафедр, они изменяются из года в год.

По мнению экспертов, студенты достаточно часто обращаются за различными видами предоставляемых профкомом услуг, но деятельность профсоюзной организации оценить как максимально эффективную, они не могут, следовательно, гипотеза подтвердилась.

При проведении анкетного опроса студентов были соблюдены количественные характеристики, установленные для определения репрезентативности.

Одним из наиболее значимых параметров, определяющих репрезентативность выборочной совокупности, является членство в профкоме студентов и аспирантов ТГУ. По данным первичной профсоюзной организации охват студентов членством в профкоме равен примерно 70%. Этот показатель в выборочной совокупности составил 69%.

В выборке так же соблюдена половозрастная структура студенчества. Выборочная совокупность в равной степени распределена по всем пяти курсам, по всем двенадцати факультетам. По данным предоставленным профкомом студентов и аспирантов среди студентов 43% женщин и 57% мужчин. Данная количественная характеристика полностью соблюдена в выборочной совокупности.

Последний учтенный при построении репрезентативной выборочной совокупности показатель – это основа обучения студентов в университете. В Тольяттинском государственном университете на бюджетной основе обучаются 57% студентов, обучающихся на коммерческой основе 43%.

Абсолютное большинство студентов, составляющее 97%, знают о существовании профкома студентов и аспирантов Тольяттинского государственного университета, соответственно 3% не слышали о существовании профсоюзной организации. Студенты ТГУ почти единогласно высказываются о необходимости существования профкома в структуре университета – 74%. Всего 5% считают, что профком не является необходимым подразделением для ТГУ, 21% затруднились ответить на данный вопрос.

Одним из наиболее важных оснований членства в профкоме является возможность профкома представления интересов студентов перед администрацией универ-

ситета. Данную причину указали 13% членов профкома. Вдвое меньше студентов (7%) указало агитацию профкома как причину вступления. Из этого можно сделать вывод о слабой агитации, проводимой профсоюзной организацией.

Следующей причиной вступления в профком, названной студентами, является защита прав членов профкома, например, в конфликтных ситуациях с преподавателями. Данное основание указали 6% членов профкома. По совету старшекурсников вступили в профсоюзную организацию 4% студентов – членов профкома. Взаимные коммуникации студентов между курсами позволили профкому привлечь около четырех процентов членов без какой-либо самостоятельной деятельности. Три основания вступления в профком были указаны 3% членов: помощь при возникновении проблем, интерес к деятельности профкома, желание участвовать во внеучебной деятельности университета. Стремление участвовать в деятельности профкома как основание вступления указал 1% членов профсоюзной организации. Абсолютное большинство членов профкома (63%) при вступлении в данную общественную организацию совершенно ничего от нее не ожидали. Это так же свидетельствует о низкой информированности студентов и слабой агитации профсоюзной организации студентов и аспирантов ТГУ. 12% членов профкома ожидали от этой организации получения скидок на различные услуги и мероприятия. Профсоюзная организация, предоставляя студентам возможность купить билеты на определенные мероприятия со скидкой, руководствуется интересами студентов, однако, не стоит забывать основополагающие функции профсоюза. Защиты своих прав ожидали 11% студентов, что недостаточно, при позиционировании данной функции профсоюзной организации как одной из ключевых функций. Менее десяти процентов (9%) студентов – членов профкома вступали в профсоюзную организацию ради участия в различных мероприятиях и активной студенческой жизни. Помощи в решении проблем ожидали 7% членов профкома при вступлении, что так же недостаточно, при определении данного направления деятельности профсоюзной организации как одной из ключевых функций. Всего 1% членов профкома ожидали помощи в виде материальной поддержки, вероятнее всего, такой низкий процент связан со склонностью студентов мыслить позитивно и надеяться, что данный вид услуг профсоюзной организации использовать им не придется. На вопрос об удовлетворенности студентов своим вступлением в профсоюзную организацию ответы распределились следующим образом: вариант ответа «Да, полностью» выбрали 26%, вариант «Да, частично» 46% членов, ответ «Нет» 28%.

Из вышесказанного можно сделать вывод о более высокой степени удовлетворенности своим вступлением в профком у студентов, которые пользовались услугами, предоставляемыми первичной профсоюзной организацией студентов и аспирантов ТГУ. В 86% профсоюзная организация оказала поддержку обратившимся студентам, в 14% – отказала в поддержке. Подобное соотношение результатов доказывает гипотезу о низкой эффективности деятельности профкома. Процент отказа ниже семи – десяти процентов можно было бы объяснить тем, что конкретные студенты не имеют права получить определенную поддержку, например, если доход семьи студента выше прожиточного минимума, то профсоюзная организация не имеет права назначать этому члену профкома социальную стипендию.

Мотивационная работа профсоюзной организации ТГУ к членству в профкоме проводится только через предоставление скидок и льгот на билеты, пригласительные на различные мероприятия города для студентов. Не проводится мотивационная деятельность по привлечению студентов к активной учебной и внеучебной деятельности.

Категорию студентов, которые называются лидерами, эксперты понимают, как социально активных молодых людей, которые занимаются общественной деятельностью. Они готовы помогать и самостоятельно организовывать студентов на какой-либо вид деятельности, готовы принимать решения и нести ответственность за них. Лидер - это человек, который не боится работы, по мнению экспертов.

Основные факторы, влияющие на появление лидеров среди студентов, по мнению экспертов, - это школа, воспитание, личностные лидерские качества, примеры лидерского поведения.

По мнению экспертов, студенты достаточно часто обращаются за различными видами предоставляемых профкомом услуг, но деятельность профсоюзной организации оценить как максимально эффективную, они не могут.

Для увеличения эффективности деятельности первичной профсоюзной организации студентов и аспирантов ТГУ были разработаны следующие рекомендации: усиление мотивации студентов к вступлению в профком, путем разъяснения выгод и возможностей для членов профкома студентов и аспирантов ТГУ, так же организация кампании по публикации в средствах массовой информации материалов пропагандирующих профсоюзное членство; разработка и организация обучения профактива технологиям мотивационной работы; развитие современных информационных технологий для повышения эффективности работы профкадров по представительству и защите социально-трудовых и профессиональных прав и интересов членов профсоюза; разработка комплекса мер по совершенствованию информационной работы; смена основного направления деятельности с предоставления скидок студентам на билеты в различные заведения города на материальную, юридическую поддержку и т.д.; при проведении встреч с первокурсниками основной акцент агитации делать на выгоду вступления для самих студентов, строить убеждение таким образом, чтобы исключить возможность понимания студентами вступления в профком как обязательного; разработка дополнительных льгот и гарантий, распространяющихся только на членов профсоюза и включение их в локальные акты, расширение спектра услуг социальной поддержки студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ваниянц, Д.Ю. Социокультурные ценности современной российской молодежи : автореф. Дис. … соц. наук : защищена 17.03.01 : утв. 21.06.01 / Д.Ю. Ваниянц. – Ставрополь, 2001. – С. 18.

2. Гегель, Л.А. Ценностные ориентации российской студенческой молодежи: социально-политический и образовательный аспекты (отчет о всероссийском социологическом исследовании) / Л.А. Гегель, В.И. Зубков, Г.Г. Николаев. – М. : Изд-во ООО Типография «Парадиз», 2008. – С. 4.

3. Жуланова, И.В. Возрастно-психологические особенности современного студенчества. / И.В. Жуланова, А.М. Медведев // Сборник волгоградского государственного педагогического университета. – 2005. – №3. – С. 12-13.

4. Рудакова, О.В. Жизненные стратегии современного российского студенчества: Дис. … канд. социол. наук: защищена 12.04.2004 : утв. 24.09.2004 / Рудакова О.В. – М. : 2004. - С. 68. (дата обращения 12.12.2014г.).

5. Святловский, В.В. Профессиональное движение в России / В.В. Святловский. – СПб. :1907. – 495 с.

6. Социологический словарь / Пер. с англ. И. Г. Ясавеева / Под ред. С. А. Ерофеева. – М. : Экономика, 2004. – С. 370.

ACTIVITIES UNION LEADERS AMONG STUDENTS

© 2015

T. N. Ivanova, doctor of sociological Sciences, Professor of "Sociology"
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract. Trade unions trade unions in modern Russia lose their position. The primary organization is missing in almost all commercial enterprises. In the structure of the state and municipal organizations, the trade Unions are represented, but their effectiveness is questionable. Students, as one of the least socially protected population groups in need of social-legal protection can be provided in the framework of the University student Union. Ongoing innovation processes in education affect the features of the development social institutions, social associations and groups in the system of higher professional education and in the system of trade unions of education and science, and that is why it is necessary to disclose some of the features that characterize the activities of the latter. In this period in sociology this subject is considered not enough. The study of this topic is necessary to develop methods of effective management, selection and development of leaders. From the above it follows that the study of the problems of the trade Union leadership in this period is relevant for young people in the modern Russian society. The study topic is confirmed by the deep interest of scientists, sociologists, participating in scientific conferences, where publication in print. The author analyzes the results of sociological research in Togliatti state University. The research students ' opinions about the effectiveness of the work of the trade Union Committee of students and postgraduates of the TSU method was used questionnaires. The sample was 480 people. The sample is representative (with a sampling error of 5%, confidence interval of 0.95). One of the most important parameters determining the representativeness of the sample, is membership in the trade Union Committee of students and postgraduates of the TSU. According to the primary trade Union organization reach students in membership in the Union is equal to about 70%. This indicator in the sample was 69%. The sample also met the age and sex structure of the student body. The sample is equally distributed across all five courses. According to the data provided by the trade Union Committee of students and graduate students, among students, 43% women and 57% men. This quantitative characteristic of fully observed in the sample population. Last taken into account when constructing a representative sample rate is the basis for teaching students at the University. Togliatti state University on a budgetary basis study 57% of students on a commercial basis 43%.

Keywords: trade unions, students, the environment, leader, socio-legal protection, student environment, Union leaders, trade Union organization, the University.

УДК: 351.82

ЭТАПЫ И СОДЕРЖАНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА НА УРОВНЕ ПИЩЕВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

© 2015

Н.Н. Игнатенко, кандидат экономических наук, докторант
Уманский национальный университет садовочества, Умань (Украина)

Аннотация: В статье рассмотрены особенности, содержание и этапы корпоративной социальной ответственности бизнеса на уровне крупных пищевых корпораций и агрохолдингов. Обоснована ее роль в повышении финансово-экономических результатов хозяйствования, формировании гражданского общества.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, содержание, этапы, стандарты, бизнес, результаты хозяйствования, гражданское общество.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В условиях развития рыночной экономики все большую актуальность приобретают вопросы участия предпринимательских структур в жизнедеятельности общества, обеспечении справедливого распределения материальных благ, решении социальных проблем широких слоев населения, правильной и эффективной эксплуатации всех имеющихся ресурсов, в том числе и трудовых, а также оценка уровня отдачи, выгоды от инициатив социально-экономического характера.

Таким образом, поставщики товаров и услуг и их потребители столкнулись с возникновением принципиально нового на рынке и в общественной жизни явления - корпоративной социальной ответственности (КСО). Если мировое сообщество и признала КСО в аспекте охраны окружающей среды, энергосбережения, ресурсосбережения и т.д., то в сфере производства, предоставления услуг, финансовом секторе ситуация совершенно противоположная. Как вполне справедливо отмечают некоторые предприниматели и бизнесмены, они не наносят никакого реального ущерба обществу, а в решении социальных проблем ориентируются на выплату налогов и сборов. Именно поэтому вопросы внедрения стандартов КСО во всех сферах производственно-экономической деятельности, и в сфере производства продуктов питания в частности, требует дальнейшего изучения и анализа.

Страны с развитым бизнес-средой уже столкнулись с вопросами важности деловой репутации, известности бренда, государственной поддержки социально ответственных предприятий, однако в Украине эти аспекты предпринимательской деятельности не нашли должного отражения и воплощения в теории и практике хозяйствования. Сегодня мировая экономика и экономика Украины, в частности, проходит этап существенных трансформаций. Перед отечественными пищевыми корпорациями и агрохолдингами, которые выходят или пытаются выйти на внешний продовольственный рынок, появилось много новых вопросов, в том числе и применение принципов КСО.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы. Различные аспекты становления и развития социальной ответственности бизнеса в Украине рассматриваются в трудах многих ученых-экономистов, среди которых российские: М. Фридман, Л. Витте, И. Беляева, Н. Эскиндаров, Т. Гришина, Н. Стародубская, а также отечественные исследователи: З. Варналий, В. Воротина, З. Галушка, А. Герасименко, А. Гришнова, В. Грунтковский, Я. Жалило, А. Колот, И. Комарницкий, И. Курило, Е. Либанова, С. Мельник, А. Мишковська, Ю. Петрушенко, А. Редько и много других авторов.

Формирование целей статьи (постановка задания). Целью статьи является рассмотрение особенностей, содержания и этапов корпоративной социальной ответственности бизнеса на уровне крупных пищевых корпораций и агрохолдингов. Обоснование ее роли в по-

вышении финансово-экономических результатов хозяйствования, формировании гражданского общества.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В условиях предприятия, организации, бизнес в пищевой промышленности в целом функционируют в среде, что не защищено от воздействия внешних факторов неопределенности и рисков хозяйствования [1]. Эффективность деятельности этих экономических субъектов зависит от уровня организации их бизнес-процессов, взаимоотношений с окружающей средой, конкурентного потенциала, поддержки общественных институтов и гражданского общества.

Поэтому стандарт ISO 26000 – это важное руководство, связанное с вопросами функционирования экономических субъектов социально ответственным образом, то есть так, чтобы их деятельность была прозрачной и способствовала благополучию общества. Большое количество представителей правительств, неправительственных организаций, трудовых объединений со всего мира принимали участие в разработке данного документа. Его было принято в 2010 г. после пяти лет переговоров. ISO 26000 – это не требования, а рекомендации. По данному стандарту не проводится сертификация, в отличие от других стандартов ISO. Этот документ не только раскрывает сущность социальной ответственности, но и помогает бизнес-организациям и предприятиям пищевой отрасли пользоваться передовым опытом в данной сфере.

В течение последних двух десятилетий субъекты экономической деятельности в пищевой промышленности Украины сделали большой шаг к осознанию своей ответственности за решение социально-экономических проблем, сохранения окружающей среды и ресурсов, соблюдения прав человека, качества пищевых продуктов, продовольственной безопасности, противодействия коррупции и большого количества других вопросов, важных для всего общества [2]. В результате корпоративная социальная ответственность становится весомой частью новой философии бизнеса. Компании, в том числе и пищевые, начали ориентироваться не только на получение прибыли, но и на достижение социальных общественных благ (которые неотъемлемо связаны с получением прибыли).

Основными причинами, которые побуждают бизнес-структуры пищевой отрасли уделять особое внимание вопросам социальной ответственности, являются: глобализация и связанное с ней обострение конкуренции на внутреннем и мировом продовольственном рынках; растущие размеры и влияние продовольственных компаний и агрохолдингов на уровень потребления продовольствия и других благ, продовольственную безопасность, занятость и уровень доходов и жизнедеятельности населения; усиление механизмов государственного регулирования процессов производства и потребления продуктов питания; конкуренция компаний за персонал, следовательно, необходимость разработки и внедрения конкурентных социальных пакетов на рынке труда; повышение гражданской активности, благотворительности, развитие волонтерского движения; возрастающая роль нематериальных активов (репутация, бренд, имидж).

За период существования понятия "социальная ответственность" было предложено множество его определений. Но в 2010 г., когда вышел Международный стандарт ISO 26000 "Руководство по социальной ответственности" большинство экспертов остановились на том, что "социальная ответственность – это ответственность организации за влияние ее решений и деятельности на окружающую среду через прозрачную и эстетичную поведение, которое способствует: устойчивому развитию, включая здоровье и благосостояние общества; учитывает ожидания заинтересованных сторон; соответствует применяемому законодательству и согласуется с международными нормами поведения и введена во всей компании".

Существует еще много определений данной категории, например:

1) "корпоративная социальная ответственность – продвижение практик ответственного бизнеса, которые приносят пользу бизнесу и обществу и способствуют социальному, экономическому и экологическому развитию путем максимизации позитивного влияния бизнеса на общество и минимизации негативной нагрузки на окружающую среду";

2) "обязательство бизнеса вносить вклад в устойчивое экономическое развитие, в трудовые отношения с работниками, их семьями, местным сообществом и обществом в целом для улучшения качества их жизни»";

3) "достижение коммерческого успеха путями, которые основаны на этических нормах и уважении к людям, обществ и окружающей среды".

Формирование системы КСО – сложный процесс, который требует много времени и целенаправленных усилий со стороны пищевых предприятий. Его алгоритм можно представить как чередование ряда последовательных стадий или этапов (рис. 1).

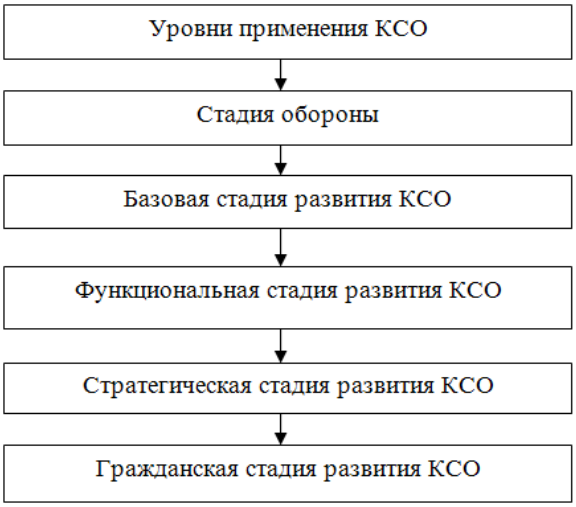

Рис. 1. Стадии (этапы) применения КСО на уровне пищевых предприятий

Некоторые эксперты первой выделяют стадию обороны, когда бизнес-структуры не признают своей социальной ответственности и отрицают вину за негативное воздействие на состояние окружающей среды и общество. При этом неуклонное соблюдение закона является фундаментальным принципом КСО. Поэтому прежде всего пищевая компания, которая стремится к социальной ответственности, должна проанализировать свою деятельность и привести ее в полное соответствие с действующим законодательством. Это так называемый базовый правовой уровень КСО.

На следующих этапах происходит постепенное расширение социальной ответственности за счет реализации добровольных инициатив, которые направлены на решение проблем социально-экономического характера, улучшения уровня доходов и жизни работающих и населения в целом, экологической ситуации, повышение качества продукции и услуг, продвижения инноваций и тому подобное. Когда система корпоративной социальной ответственности только начинает развиваться, такие инициативы являются единичными и не связаны с достижением стратегических целей пищевого предприятия. Это так называемая функциональная стадия развития КСО. Но постепенно система КСО пронизывает всю его деятельность и включается в долгосрочной стратегии предприятия. В результате этого КСО переходит в стратегическую стадию развития и осуществления.

Последняя стадия, гражданская, является наиболее

прогрессивной. Она предполагает активные действия бизнеса на уровне пищевых предприятий, направленные на продвижение принципов КСО в деловой среде, в том числе среди деловых партнеров, поставщиков, профессиональных обществ, коллег по бизнесу. В результате пищевое предприятие становится провайдером идей социальной ответственности, формируя благоприятную среду для дальнейших коллективных социальных действий для достижения положительных финансово-экономических, имиджевых и конкурентных изменений в целом.

Основными направлениями КСО в пищевом предприятии являются: ответственные социальные и страховые практики по отношению к персоналу; добросовестные деловые отношения; добросовестная практика по отношению к производству пищевой продукции и потребителей; добросовестная деятельность по отношению к государству [3]. При осуществлении компанией социальных программ встает вопрос баланса эффективности для общества и выгоды для компании.

Говоря о экономические выгоды КСО для бизнеса, можно отметить тот факт, что эти выгоды наиболее ярко проявляются в таких сферах, как финансы, маркетинг, страхование и управление персоналом. Кроме того, следует отметить ценность мероприятий КСО в области управления рисками. Внедрение КСО дает пищевым предприятиям следующие выгоды: формируется высокая репутация в глазах клиентов (повышается цена бренда, торговой марки и лояльность клиентов, налаживаются партнерские связи); совершенствуется процесс управления, прежде всего благодаря предотвращению рисков различных видов.

У пищевых предприятий появляется возможность повысить доходы, прежде всего за решение проблем взаимоотношений с государственными органами и органами контроля, налаживания действенных отношений с ними. Осуществляется экономия на привлечении и удержании высококвалифицированных специалистов. Стандартизация деятельности, работ и услуг (согласно международных стандартов) дает возможность выйти на новые рынки, обеспечить увеличение объема продаж и доли рынка. Своевременный доступ к актуальной информации из компетентных источников обеспечивает скорость реакции на критические проблемы в регионе и более эффективное управление рисками. Появляется возможность получения денежных средств и инвестиций из фондов, создаваемых социально-ориентированными предприятиями под социально-ориентированные программы [4].

Разработка и внедрение системы корпоративной социальной ответственности начинается с разработки целей и стратегии КСО. Стратегию пищевой компании можно определить в более широком смысле как совокупность механизмов, принципов и конкретных мероприятий по внедрению КСО. Можно рассматривать стратегию и как корпоративный документ, в котором определяются ценности и стандарты, согласно которым осуществляется деятельность пищевого предприятия.

Для разработки стратегии КСО необходимо: иметь постоянную поддержку высшего менеджмента и собственников, лучших работников и специалистов компании; осуществить анализ имеющегося мирового опыта и условий страны размещения бизнеса, продажа или других экономических интересов; определиться с совокупностью социальных программ и проектов, осуществляемых или являются приоритетными; определиться с перечнем возможных партнеров, мероприятий, ресурсов; сформулировать ключевые направления социальной ответственности на уровне самой компании и во взаимосвязях с внешней средой.

Реализация КСО осуществляется через внедрение программы действий на длительную перспективу, нацеленной на решение важных для пищевой компании задач. Стратегия должна учитывать как специфику внешней бизнес-среды, так и особенности внутренних аспектов деятельности. Специалисты в области корпоративного управления и КСО выделяют четыре основных типа стратегий: социально-ответственный отбор проектов и направлений развития; защиту интересов работников и акционеров; инвестиции, создающие выгоды для сообщества; вложения в социальные проекты и программы.

В процессе своей деятельности пищевое предприятие сталкивается с рисками различного рода (социальными, юридическими, экономическими). Соблюдение принципов КСО поможет избежать многих рисков и тем самым повысить качество управления. Авторы пособия по КСО “CSR Guide: Базовая информация по корпоративной социальной ответственности” выделяют нефинансовые риски, как те, что имеют наибольшее влияние на компанию.

Если сравнивать финансовые и нефинансовые риски, то можно заметить основное их отличие: первые могут привести к большим убыткам из-за высокой вероятности наступления рискового события, другие – носят индивидуальный характер, не имеют универсального решения. Управление нефинансовыми рисками в пищевой компании проводится с целью поддержки стратегии развития бизнеса в долгосрочной перспективе. При этом стоит придерживаться баланса интересов заинтересованных сторон.

Нефинансовые риски – это риски недостижения целей бизнес-структуры, обусловленные поведением ключевых заинтересованных сторон. Поэтому налаживание постоянного взаимодействия с заинтересованными сторонами и последовательное внедрение корпоративных политик и стандартов регулирования этим взаимодействием является основным инструментом управления нефинансовыми рисками. К ним относят политические, социальные, кадровые, риски репутационные, экологические риски, риски государственного регулирования, риски корпоративного управления и другие [5].

В некоторых пищевых предприятиях управления риском в рамках корпоративного управления рассматривается с точки зрения корпоративной социальной ответственности. Обществу раскрывается информация, которая может быть рискованной для их репутации, но такие действия приводят к повышению доверия населения к данной компании. Большую роль в этом случае играют основатели компании, формулируя ее лозунг или философию деятельности, например, социальная ответственность превыше продажи и высокие прибыли.

Однако приведенные выше уровни, направления, стратегии часто знаменуют чисто теоретический подход или носят декларативный характер. В лучшем случае, они отражаются в направлениях деловой политики и отчетах некоторых компаний за текущий год. Уровень осознания такого явления, как коллективная социальная ответственность, к большому сожалению, в Украине находится на достаточно низком уровне. По данным отчета Центра “Развитие КСО в Украине” 58% из 600 опрошенных респондентов (компании всех основных секторов экономики страны) ассоциируют КСО с благотворительностью и развитием собственного персонала; 46,7% опрошенных считают, что социально ответственный подход не имеет смысла или является делом самой компании; 32,7% откровенно признались, что не проводят мероприятия, которые можно отнести к КСО; лишь в 55% компаний социально ответственные мероприятия осуществляются постоянно; 61,4% утверждают, что не могут позволить себе меры по КСО финансово.

Примером наиболее социально сознательных компаний в Украине НАСК ”Оранта”. В 2008 г. она заявила о своей приверженности КСО, когда подписала Глобальный договор ООН. Одним из направлений деятельности в данной сфере является благотворительность и поддержка украинского спорта. С 2004 г.компания реализует программу “Зеленый офис”, согласно кото-

рой офисы были оборудованы с использованием энергосберегающих технологий. В июле 2010 г. "Оранта" присоединилась к "Клуба А4", целью которого является использование офисной бумаги для его вторичной переработки.

В 2010г. "Оранта" выступила страховым партнером "Zero Emissions Race" (гонка с нулевыми выбросами). Это кругосветное путешествие на экологически чистых автомобилях, которая длилась 80 дней. В этом мероприятии принимали участие команды Германии, Австралии, Южной Кореи, Швейцарии.

Однако ни одна компания, в том числе и страховая, не акцентирует внимание на КСО как соблюдении принципов добросовестной конкуренции, выполнении всех и в полном объеме обязательств, в том числе и перед государством, балансе между рабочими обязанностями и личной жизнью сотрудников. Таким образом, мы видим чисто демонстративные формы КСО, в то время как понимание социальной ответственности как неотъемлемой составляющей бизнес-среды, все еще нет должного распространения и проявлений.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. На сегодня среди ученых и практиков не существует единства мнений ни по поводу определения сущности КСО, ни ее форм, направлений, стадий. Нет единодушного мнения и по поводу выгодности введения социально ответственных мероприятий для бизнеса. Большинство склоняется к выводу, что, хотя социальные программы предприятий не имеют направленности на получение прибыли, правильная их реализация может дать дополнительные финансово-экономические и конкурентные преимущества для бизнеса. Это никаким образом не противоречит сути КСО и не уменьшает значимости и эффекта социальных инвестиций. Следовательно, применение КСО становится все более необходимым элементом для их эффективного функционирования в условиях растущей конкуренции и возникновения новых финансовых и нефинансовых рисков.

Уровень осознания такого явления, как корпоративная социальная ответственность пищевых предприятий, находится в Украине на достаточно низком уровне и не получила должной системности и последовательности. Компании финансового сектора, непроизводственной сферы испытывают на себе еще меньшую социальную ответственность, чем предприятия реального сектора экономики. Не существует единого органа, центра, общепринятых нормативов для оценки уровня социальной ответственности ее эффективности и значимости. Согласно рейтингам отдельных бизнес-изданий за прошлый год только несколько украинских крупных пищевых компаний можно считать социально ответственными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Грішнова О.А. Соціальна відповідальність у контексті подолання системної кризи в Україні // Демографія та соціальна економіка. – 2011. – № 1. – С. 39-46.

2. Вивчення форм та методів відносин бізнесу та суспільства в контексті соціальної відповідальності та діалогу [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://lir.lg.ua/Zv_vidpovid_biznesu_5.doc.

3. Грекова Г.И. Роль корпоративной социальной ответственности в общественном развитии / Г. И. Грекова // Экономика российских регионов: теоретические и практические подходы к решению актуальных проблем развития:сб.тезисов науч.-практ.конф. Великий Новгород, 2006. – С. 47-52.

4. Костин А.Е. Корпоративная социальная ответственность и устойчивое развитие: мировой опыт и концепция для РФ / А. Костин // Менеджмент в России и за рубежом. – 2005. – № 3. – С. 112-121.

5. Стрижов С.А. Социальная ответственность бизнеса как требование времени / С. А. Стрижов // Государственная служба. 2005. – № 6. – С. 116-121.

6. Carroll A. B. The pyramid of corporate social responsibility: Toward the moral management of organizational stakeholders / A. B. Carroll. – Business Horizons 34 (4). – 1991. – С. 39-48.

THE STAGES AND CONTENT OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY AT THE LEVEL OF FOOD COMPANIES

© 2015

N.N. Ignatenko, candidate of economic Sciences, doctoral candidate
Uman National University of Horticulture, Uman (Ukraine)

Abstract. The article describes the features, content and stages of corporate social responsibility at the level of large food corporations and holdings. It justifies its role in enhancing financial and economic performance of management, the formation of civil society.

Keywords: corporate social responsibility, content, stages, standards, business, results of business, civil society.

УДК 332.132(477)

ИНФРАСТРУКТУРНОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОГО БЮДЖЕТНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

© 2015

И.С. Кайтанский, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики промышленности
Одесская *национальная академия пищевых технологий, Одеса (Украина)*

Аннотация: В статье проведена оценка инфраструктурного развития регионов в условиях бюджетных ограничений экономики Украины, что позволит решить задачу оценки полной эффективности конкретных инвестиционных проектов.

Ключевые слова: механизмы, стратегия, модернизация, риск, экономика, регион.

Постановка проблеми. Завдання переходу до ефективного соціально-орієнтованого економічного росту вимагають забезпечення відповідних територіальних умов. Оскільки регіони виступають як арена відтворювального процесу, а інфраструктура забезпечує взаємодію основних територіальних підсистем, від формування інфраструктурних умов у регіонах багато в чому залежить підтримка високої якості життя населення й забезпечення ефективного економічного росту на всій території країни. Однак сформована до теперішнього часу в України бюджетна система не забезпечує достатніх можливостей для розвитку територій (у тому числі в сфері інфраструктури), зберігаючи й навіть підсилюючи невідповідність масштабів завдань, що стоять перед регіонами, і виділюваних на їх рішення фінансових ресурсів.

Аналіз останніх джерел досліджень і публікацій. Аналіз вітчизняної й закордонної наукової літератури [1, 2, 3] показує, що інфраструктура повинна розглядатися як найважливіший елемент національного багатства, що спирається на державне забезпечення. У термінах соціально-економічної відтворювальної системи ціль інфраструктурного забезпечення виробництва можна трактувати як формування загальних умов для безперервності економічного росту, збалансованості відтворювального процесу; ціль соціального інфраструктурного забезпечення – як формування умов для відтворення «людського капіталу».

Виклад основного матеріалу дослідження. У результаті вивчення підходів до оцінки інфраструктурної забезпеченості нами виділені наступні групи її показників, що її характеризують:

- кількісна характеристика матеріально-технічної бази «пасивної» і «активної» складових інфраструктурних галузей;
- характеристика якості матеріально-технічної бази;
- потенційні можливості й ступінь фактичного використання (завантаженості) інфраструктурних об'єктів;
- результативність використання інфраструктурних об'єктів;
- ресурси галузей інфраструктурної сфери;
- взаємозв'язки з іншими господарськими комплексами.

Інфраструктурна забезпеченість регіону розглядається як найважливіша характеристика якості територіального соціально-економічного середовища. Підкреслюється роль інфраструктурного забезпечення в соціально-економічному розвитку регіонів за рахунок: забезпечення загальних умов для безперервного плину відтворювального процесу, мультиплікативного ефекту, можливостей пом'якшення міжрегіональної диференціації [4].

Індикатори відносної значимості інфраструктури в розвитку господарства показують, що в економіці постіндустріального типу інвестиції, не пов'язані прямо з розвитком виробництва, здобувають провідну роль у створенні національного багатства. У провідних країнах світу підвищується інтерес до фінансових і інституціональних питань розвитку регіональної інфраструктури.

Виходячи з економічної й соціальної специфіки інфраструктурних галузей, обґрунтовується неможливість їх розвитку на традиційних принципах комерційного фінансування й необхідність розвитку переважно на основі суспільного сектора, який являє собою сукупність державного сектора, муніципального сектора й недержавних некомерційних організацій.

Бюджетну систему варто розглядати як центральний елемент системи суспільних видатків і ключовий економічний механізм державного регулювання регіонального розвитку. Враховуються принципи бюджетного регіоналізму, найважливішою умовою реалізації яких є ефективна організація міжбюджетних відносин [5].

Як основу перспективної регіональної економічної політики варто розглядати розвиток інфраструктурної сфери яка безпосередньо зачіпає всі без винятку території, не залежно від їх галузевої спеціалізації.

Основними завданнями політики територіального вирівнювання є:

- забезпечення мінімальних соціальних стандартів і рівних стартових можливостей для населення й підприємств будь-якої території;
- ефективне включення регіонів у систему міжрайонних і міждержавних економічних зв'язків;
- стимулювання територіальних органів управління до мобілізації власного ресурсного потенціалу;
- створення в регіонах сприятливого клімату для інвестиційної й ділової активності [6].

Важливе забезпечення узгодження розвитку підприємств і територіального середовища, а також взаємної координації програм суспільних видатків.

Загальна (макроекономічна, галузева) специфіка розвитку економіки знаходить висвітлення й у її територіальній структурі: у післяреформений період у числі відносно благополучних виявилися сировинні, металургійні й торгово-фінансові райони; для інших регіонів («бідної периферії») – на які припадає переважна частка населення – характерні досить жорсткі бюджетні обмеження. Сформувалася така ієрархія регіонів, що заснована на домінуванні столичного торгово-банківського капіталу (Київ) і районів видобутку експортного палива й сировини (Схід) над аграрним Півднем. Ця територіальна структура економіки – серйозна перешкода для реалізації в України стратегії стійкого розвитку.

Період економічного росту не змінив істоти сформованої за роки реформ територіальної моделі української економіки: лідерами промислового виробництва як і раніше залишаються райони видобутку експортної сировини, а основний потік мігрантів спрямований у столичний ареал.

Однією з найбільш гострих проблем всі останні роки є різка міжрегіональна диференціація за рівнем соціально-економічного розвитку. Незважаючи на те, що головною метою регіональної політики післяреформеного періоду було скорочення розривів між регіонами, за основними показниками економічного й соціального розвитку територіальні розходження між регіонами досягають декількох десятків разів і з кожним роком зростають. Число дотаційних територій не скорочується.

Зіставлення динаміки й варіації ключових соціально-

економічних індикаторів показує, що для регіонального розвитку післяреформеного періоду характерне поєднання відразу двох негативних тенденцій: прямого погіршення цілого ряду показників і росту їх міжрегіональної диференціації.

Для оцінки рівнів інфраструктурного розвитку регіонів доцільна побудова інтегральних статистичних індексів інфраструктурної забезпеченості, в основі яких - часткові індекси по компонентах «Транспорт», «Житло», «Комунальне господарство», «Освіта» і «Охорона здоров'я», розраховані із застосуванням методу лінійного масштабування по показниках, що характеризують забезпеченість регіонів: автодорогами, житлом, комунальними мережами, дошкільними й середніми освітніми установами, установами охорони здоров'я й медичним персоналом. З іншого боку, враховуються розходження в душових бюджетних видатках регіонів України по статтях «Транспорт», «Житлове господарство», «Комунальне господарство», «Освіта» і «Охорона здоров'я».

На основі зіставлення інтегральних індексів інфраструктурної забезпеченості й душових бюджетних видатків на інженерну й соціальну інфраструктуру, можна використовувати типології регіонів у вигляді матриці (рис. 1).

Інфраструктурна забезпеченість				
Висока		2	3	
Вище середнього	2	1	2	
Нижче середнього	4	2	3	2
Низька		2	4	
	Низькі	Нижче середнього	Вище середнього	Високі
				Бюджетні видатки

Рисунок 1 - Розподіл регіонів України при типології по індексу транспортно-житлово-комунальної забезпеченості (у клітках зазначена кількість регіонів по типах включаючи міста Київ і Севастополь)

Переважна більшість регіонів виявилася в групах з низькими й «нижче середнього» бюджетними видатками (у т.ч. і регіони з низькими показниками інфраструктурної забезпеченості). Це демонструє відсутність на регіональному й місцевому рівнях достатнього ресурсного потенціалу для забезпечення функціонування й розвитку інфраструктурної сфери.

Недостача фінансового забезпечення призводить до різкого зниження обсягів нового будівництва й збільшення зносу основних фондів у таких найважливіших інфраструктурних сферах, як дорожнє господарство, водопостачання, каналізація й теплопостачання.

Перевантаження існуючих інфраструктурних мереж, прискорює їх зношування й підсилюють імовірність виникнення аварійних ситуацій.

Особливу увагу варто приділити міжрегіональній диференціації фінансового забезпечення інфраструктурного розвитку. Відзначено значні міжтериторіальні розходження по забезпеченості бюджетних видатків регіонів податковими доходами, що надходять до їх бюджетів.

Одним з наслідків недостатнього ресурсного забезпечення муніципальних утворень стали істотні міжтериторіальні розходження в обсягах бюджетного фінансування по соціально значимих категоріях видатків і забезпеченню населення відповідними базовими бюджетними послугами галузей соціальної інфраструктури (табл. 1).

Найбільша диференціація фактичних сумарних бюджетних видатків муніципальних утворень спостерігається по категорії «Соціальна політика» (87,1%), а найменша - по категорії «Освіта» (24,7%).

Сформована в України система міжбюджетних відносин розглядається нами як детермінуючий фактор ресурсної бази інфраструктурного забезпечення регіонів і регіонального розвитку в цілому. Особливу увагу необхідно приділити результатам реформування в сферах податково-бюджетної політики й територіального управління.

Таблиця 1 - Міжрайонні розходження обсягів фактичних сумарних (по регіонах*) бюджетних видатків муніципальних утворень, 2011 р.

Категорія бюджетних видатків	Коефіцієнт варіації, %
Житлово-комунальне господарство	55,6
Освіта	24,7
Культура, мистецтво й кінематографія	39,6
Охорона здоров'я й фізична культура	44,0
Соціальна політика	87,1

* без урахування Києва, з коректуванням на індекси бюджетних видатків

Бюджетно-фінансові умови інфраструктурного забезпечення регіонів розглядаються нами як наслідок моделі регулювання регіонального розвитку, що діяла в останні роки. Реалізована в цей час регіональна політика, фактично, полягає із двох нерівних частин: 1) міжрайонного регулювання поточних бюджетних видатків (поточна бюджетна підтримка регіонів через систему міжбюджетних трансфертів) і 2) асигнувань на розвиток окремих районів і їх груп («цільові програми соціально-економічного розвитку регіонів»).

Серйозний перекіс спостерігається убік поточної фінансової підтримки територій при явній недооцінці ролі державних і муніципальних інвестицій. Частка програм регіонального розвитку в сумі міжбюджетних трансфертів з державного бюджету - дещо більше 1%. З 2002 р. число програм регіонального розвитку, фінансованих з державного бюджету, різко зменшилося, а між самими програмами намітився різкий дисбаланс в обсягах фінансування.

У частині вдосконалювання поточної державної бюджетної підтримки регіонів важливим й впровадженим у реальну практику використання повинен стати більш справедливий і відповідний цілям стимулювання економічного розвитку регіонів принцип розподілу фінансової підтримки регіонів, що полягає у виділенні дотацій регіонам пропорційно відставанню їх бюджетної забезпеченості від средньоукраїнського рівня.

Зміни структури й умов формування доходів місцевих бюджетів показують, що в останні роки відбулося посилення залежності доходної частини бюджетів муніципальних утворень від вузького кола дохідних джерел і рішень вищестоящих рівнів, зниження ступеня самостійності їх бюджетів. Зокрема, це ілюструється спостережуваним з 2000 р. у структурі сукупних доходів місцевих бюджетів швидким ростом частки безоплатних надходжень (в основному - з бюджетів вищестоящих рівнів) на фоні падіння частки податкових доходів. Найсильніша залежність територіальних бюджетів від державного рівня позбавляє регіони й міста - за деякими виключеннями - можливості розвиватися (у т.ч. у частині інфраструктури), спираючись на власні фінансові ресурси.

При проведенні реформи територіального управління завдання формування самостійної ресурсної бази муніципальних фінансів фактично було підмінено «механічним» усуненням так званих «нефінансованих мандатів» і перенесенням частини видаткових повноважень із місцевого рівня на рівень регіонів України на фоні подальшого скорочення податково-бюджетної самостійності муніципальних утворень. І це при тому, що «питання місцевого значення», якими, відповідно до законодавства, повинні займатися муніципальні органи, - це, в основній своїй частині, питання розвитку інфраструктури, тобто самі капіталомісткі.

Стискання дохідної бази територіальних бюджетів болючіше всього вдарило по інвестиціях. Аналіз дина-

міки частки бюджетних інвестицій у ВВП показує, що частка інвестицій з територіальних бюджетів у ВВП знизилася з 2,28% в 2000 р. до 2,05% в 2009 р., а в 2011 р. (з початком чергових податково-бюджетних перетворень) склала й зовсім 1,95%.

Як актуальне завдання управління суспільними фінансами варто виділити формування нової регіональної нормативно-правової бази регулювання міжбюджетних відносин на рівні регіонів України. Крім приведення нормативно-правової бази України і системи органів місцевого самоврядування у відповідність з вимогами регіонального розвитку, на рівні кожного регіону України варто вибудувати таку систему міжбюджетних відносин, що буде сприяти ефективному розвитку регіону й муніципальних утворень.

Поряд з формуванням на всіх рівнях повноцінних бюджетів розвитку й використанням інвестиційно-позикових схем, до розвитку інфраструктури доцільно залучати також кошти приватних інвесторів за принципом «участі на паях» у рамках приватно-державного й приватно-муніципального партнерства [7].

На рівні регіонів України функцію одного з інструментів регулювання територіального розвитку могла б виконувати система субсидування підприємств з регіонального бюджету. Однак вивчення досвіду виділення таких субсидій показало: 1) перевагу поточних субсидій (по суті, дотирування); 2) недостатнє ув'язування регіональних субсидій з іншими інструментами державного регулювання; 3) відсутність взаємної (внутрі- та міжгалузевої) координації різних напрямків субсидування.

Одним з механізмів організації фінансування інфраструктурного розвитку на регіональному рівні повинен стати розвиток бюджетного субсидування муніципальних утворень. Таке субсидування повинне носити системний характер, підкорятися лінії стратегічного розвитку відповідного регіону в ув'язуванні зі схемою територіального планування й програмою соціально-економічного розвитку регіону. Це вимагає максимального використання програмної форми надання субсидій. За процедурою відбору муніципальних утворень (з урахуванням їх індивідуальних особливостей, об'єктивних потреб і ресурсних можливостей кожної конкретної території) повинна бути вирішене не менш важливе завдання оцінки повної ефективності конкретних інвестиційних проектів.

Висновки з проведеного дослідження. При виробленні механізмів реалізації міжрівневих відносин варто враховувати, що різні владні рівні виконують у відтворювальних процесах різні функції. Регіональний і муніципальний рівні відповідають, насамперед, за забезпечення переходу до стійкого розвитку відповідних територій (підтримка балансу економічних, соціальних і екологічних цілей і цінностей). На рівні регіону України доцільна концентрація основних функцій по реалізації довгострокового підходу до управління територіальним розвитком через взаємодію економічного росту з ресурсними обмеженнями по лініях: 1) змін у використані ресурсів; 2) організації їх відтворення.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Баранников А.Ф. Организация управляемых производственных систем в строительстве. /Баранников А.Ф. – К.: «Будівельник», 1974. – 168 с.

2. Голікова Т. В. Державне управління територіальним економічним розвитком: теорія і практика: [монографія] / Т. В. Голікова. – К.: Видавництво НАДУ, 2007. – 296 с.

3. Hitt, M. Hoskisson, R. (1997) "International Diversification: Effects on Innovation and Firm Performance in Produkt Diversified Firms", Academy of Management Journal, Mississippi State, Aug, Vol. 40, pp.767 –798

4. Региональная экономика: Учебник для вузов/ Т.Г. Морозова, М.П. Победина, Г.Б. Поляк и др.; под. ред .проф. Т.Г. Морозовой. – 3 – е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2003. – 519 с.

5. Мамаев А. В. Бюджетные полномочия местного самоуправления: проблемы и пути их решения / А. В. Мамаев // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 8 (65). – С. 39–44.

6. Рентні відносини в системі модернізації національної економіки / [за ред. Б. М. Данилишина]. – К.: РВПС України НАН України, 2007. – 518 с.

7. Гнибіденко І. Ф. Особливості інвестиційного процесу в Україні і його вплив на розвиток ринку праці / І. Ф. Гнибіденко // Економіка та держава. – 2006. – № 11. – С. 77–80.

8. Язлюк Б. Основні управлінські технології при формуванні та реалізації інвестиційно-інноваційного бізнес-портфеля в умовах невизначеності майбутньої економічної ситуації / Б. Язлюк // Фінансова система України. Збірник наукових праць Острозької Академія. – 2012. – Вип. 19. – С 459-465 [Серія : економіка].

ІНФРАСТРУКТУРНИЙ РОЗВИТОК РЕГІОНІВ В УМОВАХ ОБМЕЖЕНОГО БЮДЖЕТНОГО ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ

© 2015

І. С. Кайтанський, к.е.н., доцент, доцент кафедри економіки промисловості
Одеська національна академія харчових технологій, Одеса (Україна)

Анотація. У статті проведена оцінка інфраструктурного розвитку регіонів в умовах бюджетних обмежень економіки України, що дозволить вирішити завдання оцінки повної ефективності конкретних інвестиційних проектів.

Ключові слова: механізми, стратегія, модернізація, ризик, економіка, регіон.

INFRASTRUCTURAL DEVELOPMENT OF THE REGIONS IN CONDITIONS OF LIMITED BUDGET SUFFICIENCY

© 2015

I.S. Kaytanskiy, candidate of economic sciences, associate professor, associate professor, department of industrial economics
Odessa national academy of food technologies, Odessa (Ukraine)

Abstract. In the article, the infrastructural development of the regions in conditions of limited budget sufficiency of Ukrainian economy was evaluated, that will help to solve the problem of evaluation of the full effectiveness of specific investment projects.

Key words: mechanisms, strategies, modernization, risk, economics, region.

УДК 338.47:656

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

© 2015

А.В. Корниецкий, декан Николаевского факультета Морского и речного транспорта,
Киевская государственная академии водного транспорта имени гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного, Николаев (Украина)

Аннотация. Становление рыночных отношений в экономике страны создало рыночную среду, через которую стали замыкаться логистические потоки предприятий транспортного (перевозочного) комплекса и которая стала влиять на объемы и величину грузовых потоков работающих предприятий. Создалась ситуация, когда технологии рыночных отношений, как инструментарий для достижения бизнес-целей, отрываются (не воспринимаются) или просто не могут быть реализованы структурами директивной экономики, но все еще существующими в том или ином виде, изменив только свою организационно-правовую форму. В то же время перевозочные технологии директивной экономики вообще не могут рассматриваться как инструментарий для достижения конечной цели бизнес-структур. Отсутствие единой методологии в этом вопросе приводит к тому, что рост численности транспортных средств всех форм собственности не является следствием расчетной и фактической потребности в них определенного транспортного пространства, не способствует повышению их провозных способностей и не учитывает пропускную способность и перспективу развития транспортных коммуникаций.

Ключевые слова: транспортная система, стабильность, неплатежеспособности, «Устойчивое функционирование», транспортное обеспечение, транспортная услуга, международный оборот, международный транспорт.

Постановка проблеми у загальному вигляді та її зв'язок із важливими науковими чи практичними завданнями. Реструктуризація транспортних ланок передбачає оптимальний рівень інтеграції перевізників до складу вантажної транспортно-логістичної системи й структури управління з обґрунтованим ступенем централізації й використання самостійності її елементів.

Системний підхід до дослідження й управління транспортом відображається в понятті «транспортна система». Визначення транспорту як системи пов'язано в першу чергу з необхідністю оцінки його економічної ефективності і являє собою сукупність елементів, створених людиною, що перебувають у взаємозв'язку й взаємодії й являють єдине ціле із проявами специфіки залежності від зовнішнього середовища .

У практичних завданнях формування транспортно-логістичних систем в останні роки активно поширюється новий логістичний підхід – інтегральний. Цей підхід відображає нове розуміння організації транспортного бізнесу, де окремі фірми, організації або системи розглядаються як деякі центри логістичної активності, прямо або побічно пов'язані в єдиному інтегральному процесі управління матеріальним потоком.

Аналіз останніх досліджень і публікацій, в яких започатковано розв'язання даної проблеми і на які спирається автор, виділення не вирішених раніше частин загальної проблеми, котрим присвячується означена стаття. Практика роботи, аналіз її результатів і теоретичних досліджень провідних учених в сфері транспортної логістики [1, 2, 3] підтверджують актуальність розгляду проблем управління формуванням транспортно-логістичних систем підприємств транспортного комплексу на всіх рівнях (регіону, міста, муніципального утворення, підприємства).

Найбільш значним наслідком нововведень на транспорті є їх вплив на те, що К.Болдуїн назвав «ступенем втрати сили», тобто «ступенем, на який військова й політична сила держави зменшується в міру того, як ми віддаляємося на одиницю відстані від своєї території» [4]. Нововведення в цій сфері здатні у великому ступені збільшити відстані й простори, на які держава може здійснювати свій військово-політичний і економічний вплив.

Окремі аспекти розвитку транспортної галузі в умовах просторової трансформації економіки були предметом дослідження багатьох вітчизняних і зарубіжних вчених: Галабурда В.Г., Громова М.М., Диканя В.Л., Зеркалова Д.В., Пащенко Ю.Є., Сича Є.М., Цветова Ю.М. Проте різні точки зору, які представлено в цих роботах, породжують все більше дискусійних питань. Тому дана проблема вимагає глибшого вивчення.

Формулювання цілей статті. Головною ціллю даної теми є в першу чергу є розглянути чинники,які впливають на формування транспортних систем та їх функціонування в умовах просторової трансформації економіки

Виклад основного матеріалу дослідження з повним обґрунтуванням отриманих наукових результатів. Ріст чисельності вантажного рухомого складу й перевізників різних форм власності викликає необхідність створення транспортно-логістичних систем перевізного комплексу, здатних не тільки сприймати й використовувати в своїй роботі нові ринкові технології, але й генерувати їх з урахуванням їх же внутрішніх потреб у реальному режимі часу [5].

Нова форма економіки галузі транспорту – ринок, стала основою зміни сутності вже існуючих понять, проголошення самостійності його учасників, зниження ролі керуючої системи й підвищення ролі керованої, виникнення нових понять у теорії транспорту, таких як: ринок транспортних послуг, регіональний ринок транспортних послуг, регулювання транспортної діяльності, логістичні структури, логістичні технології, логістика перевізної діяльності, логістичні системи та ін.

Інтегральний підхід представляє ситуаційну й комбінаційну перспективу при організації бізнесу як на внутріфірмовому (мікрорівні), так і на різних макрорівнях, наприклад, регіональному, міжнародному й т.д. Тому даний логістичний підхід був прийнятий нами як методологічна основа.

Категорія «економічна безпека» характеризується великим різноманіттям термінів, параметрів, належить практично до всіх рівнів національної економіки й складна для структурування [6].

На підставі узагальнень різних наукових підходів [7] ми можемо уточнити сутність поняття «економічна безпека» для транспортної галузі: здатність галузі задовольняти необхідні потреби в її послугах, зберігати стабільність функціонування всіх ланок транспортного процесу й протидіяти різним факторам (загрозам), що призводять до порушення стабільності або руйнування, або перешкоджають розвитку.

Для розуміння сутності економічної безпеки доцільно усвідомити її зв'язок з поняттями «розвиток» і «стабільність». Виходячи з визначень економічної безпеки, розвиток економіки – один з її компонентів. Якщо економіка не розвивається, то в неї істотно скорочуються резерви, необхідні для виживання й опірності до загроз, відповідно, більше ступінь ризику втрати стабільності й руйнування.

Стабільність – це стан об'єкта в системі його зв'язків з погляду здатності до виживання й розвитку в умовах внутрішніх і зовнішніх загроз, а також дії непередбачених і важко прогнозованих факторів. Необхідно відзначити, що чим більш стійка економічна система, тим життєспроможніша економіка, а значить і оцінка її безпеки буде досить високою. У даному контексті стабільність і безпека - взаємозалежні характеристики економіки як єдиної системи, що розвивається [8].

Узагальнюючи основні теоретичні положення, що відносяться до системи стійкого функціонування й розвитку транспорту, її різних елементів, взаємозв'язку з іншими суміжними положеннями, слід зазначити наступне.

Поняття «стійке функціонування» у самому узагальненому вигляді означає можливість і готовність транспорту забезпечити соціальну й військово-політичну стабільність суспільства й держави, здатність і готовність інститутів влади створювати механізми захисту національних інтересів. Із цього виходить, що стійке функціонування є складовою частиною поняття національної безпеки, що включає оборонну, інформаційну, екологічну, енергетичну безпеку та ін.

Стійке функціонування транспорту не можна розглядати у відриві від національно-державних інтересів: підтримки державного суверенітету й самостійного розвитку на основі принципів самозбереження, самозахисту та ін.

Чим більше стабільність функціонування транспорту, чим швидше темпи його розвитку, тим стійкіше економічна система, співвідношення виробничого й фінансово-банківського капіталу й інших параметрів, тим життєспроможніша економіка. Отже, і оцінка економічної безпеки країни буде досить високою. Порушення пропорцій і зв'язків між різними компонентами системи веде до її дестабілізації і є сигналом переходу економіки від безпечного стану до небезпечного.

Вироблення заходів по підвищенню рівня стабільності функціонування транспортної галузі передбачає обов'язкові заходи державного регулювання (табл. 1).

При цьому, найважливішою вимогою економічної безпеки до системи державного управління транспортом є збереження єдиного технологічного комплексу забезпечення безпеки й ефективності транспортно-логістичного процесу.

Загрозою стійкому функціонуванню для підприємства транспорту може стати неплатоспроможність (банкрутство), для галузі – критичне зниження обсягів перевезень, уповільнення транспортного процесу через бар'єри в технологічному ланцюзі, неприйнятний рівень безпеки перевезень і т.д. Для держави – це руйнування єдиного економічного простору країни у виробничій сфері (втрати в сполучених галузях від порушення транспортних зв'язків, зниження обсягів робіт), у регіональному аспекті (порушення транспортного обслуговування територій з недостатнім розвитком різних видів транспорту), у соціальному аспекті (соціальна напруженість).

Транспортне забезпечення варто розглядати як систему, що представляє сукупність технічних, технологічних елементів; економічних, правових, організаційних впливів; форм і методів управління транспортними процесами й операціями .

У рамках транспортного забезпечення знаходиться транспортне обслуговування, що проявляється в системі транспортного забезпечення як кінцевий результат діяльності транспортних фірм по виконанню договору перевезення, являючи собою сукупність засобів, форм і методів, що забезпечують виробництво транспортної продукції належної якості [9].

Першою особливістю транспортного забезпечення в міжнародних економічних зв'язках є те, що продукція транспорту виступає на міжнародних ринках як об'єкт купівлі-продажу, і тому вона піддана впливу всіх факторів, що характеризують розвиток світової економіки в цілому. Транспортна продукція реалізується через міжнародні ринки транспортних послуг.

Таблиця 1 - Заходи державного реагування, спрямовані на забезпечення стабільності функціонування транспортної системи

Напрямки	Заходи забезпечення
Створення конкурентоспроможних високоякісних транспортних послуг	- визначення параметрів і стандартів якості, забезпечення стимулювання їх виконання й створення високоефективних технологій, що відповідають стандартам якості, відпрацьовування елементів технологій, нормативної бази й методів державного регулювання, впровадження пілотних високоефективних технологій; - створення умови для розвитку як внутрішньої конкуренції (між перевізниками, видами транспорту), так і зовнішньої конкуренції (з міжнародними транзитними системами). Внутрішня конкуренція забезпечить підвищення ритмічності й прискорення руху товарів, зниження транспортних витрат, підвищення доступності транспортних послуг, поліпшення інвестиційного клімату й розвиток ринкових відносин. Це вплине на зовнішню конкурентоспроможність і реалізацію транзитного потенціалу країни.
Створення високопродуктивної безпечної транспортної інфраструктури	- погоджений комплексний розвиток всіх елементів транспортної інфраструктури на основі всебічного аналізу статистики й використання математичних методів прогнозування потреб секторів економіки й населення в послугах транспорту, розвитку системи статистичного обліку, побудови транспортно-економічного балансу, прогнозування динаміки вантажної бази, аналізу моделей розвитку транспортної системи з метою вибору оптимально варіантів.
Створення конкурентного середовища (умов для перевищення рівня пропозиції транспортних послуг над попитом)	- розвиток нормативно-правової бази в сфері надання транспортних послуг (безпека, екологічність, якість транспортних послуг, розвиток методів державного регулювання ринку). При цьому найважливіше значення для регулювання має створення ефективного зворотного зв'язку у вигляді системи контролю й нагляду; - розвиток високопродуктивної транспортної й логістичної інфраструктури, що забезпечує конкурентоспроможний рівень надання транспортних послуг (насамперед комерційну швидкість і надійність); - досягнення передового рівня техніки й технологій, що забезпечують стандарти безпеки, екологічності, економічності і якості транспортних послуг.
Розвиток нормативно-правової бази	- гармонізація транспортного законодавства, інтеграція у світову систему стандартів і комунікацій, визначення нормативів якості транспортних послуг, відповідальності за їх дотримання.

Основний зміст процесу доставки товару від місця його виготовлення до місця споживання включає виконання широкого спектру операцій у рамках системи руху товарів, що визначаються як «технічні кошти, комунікації й облаштованість всіх видів транспорту; складське господарство промислових фірм, їх філій, торговельно-посередницьких і інших компаній; матеріально-технічна база стивідорних, брокерських і агентських фірм; облаштованість транспортно-експедиторських компаній для здійснення операцій по угрупуванню, комплектації відправлень і т.п.; матеріально-технічна база лізингових компаній, контейнери, що здають в оренду; технічні засоби інформаційно-управлінських систем» [10].

Поряд із цим ця система «охоплює сукупність

технологічних, організаційних, правових, соціальних і інших відносин, що виникають у ході транспортного, інформаційного й іншого забезпечення господарських зв'язків». Система руху товарів, що виходить за рамки якої-небудь однієї країни, може бути визначена як міжнародна система. «Світову систему руху товарів можна визначити як сукупність різних національних систем, пов'язаних міжнародним поділом праці» [10].

Інша особливість транспортного забезпечення зовнішньоекономічних зв'язків – особливо гостре сприйняття й урахування на міжнародних транспортних ринках якості транспортного обслуговування, що проявляється в ціні транспортної послуги.

Міжнародний товарообмін і міжнародний транспорт у процесі обігу впливають один на одного, перебуваючи в тісному органічному взаємозв'язку. Розвиток міжнародної торгівлі сприяє розвитку транспорту й удосконалюванню його технічних засобів; у свою чергу, науково-технічний прогрес на транспорті сприяє розвитку міжнародного товарообміну, втягуючи в його сферу всі нові ринки товарів .

Транспортні витрати на сучасному етапі неухильно знижуються, що пов'язане зі швидким розвитком і здешевленням надання послуг, впровадженням контейнерних перевезень, більш інтенсивним використанням трубопроводів, новими підходами до організації перевезень та ін.

У свою чергу варто врахувати, що процес доставки товару в міжнародній торгівлі включає:

1. Перевезення товару по території країни експортера від внутрішнього пункту виробництва А до прикордонного пункту Б країни - експортера (продавця).

2. Міжнародне транзитне або морське перевезення від пункту Б до прикордонного пункту В країни-імпортера (покупця) у випадку коли країни-партнери не мають спільної сухопутної границі.

3. Перевезення товару по території країни імпортера від пункту В до внутрішнього пункту споживання товару Г [11].

Міжнародними транспортними операціями є операції, які пов'язані з переміщенням зовнішньоторговельних вантажів на зовнішніх щодо країни - експортера й країни-імпортера ділянках маршруту перевезення Б-В. Правовідносини виникаючі в таких транспортних операціях між відправниками й одержувачами вантажів, а також між ними й перевізниками, мають міжнародний характер.

Транспортні послуги – це специфічний товар міжнародної торгівлі. Міжнародні транспортні послуги продаються й купуються на міжнародних транспортних ринках. Ціни транспортних послуг і інші умови їх надання в одних випадках є предметом переговорів між зацікавленими сторонами, в інших – встановлюються самими перевізниками [12].

Таким чином, міжнародна транспортна послуга – це операція по переміщенню вантажів і пасажирів, ціна на яку встановлюється на відповідному міжнародному транспортному ринку.

Залежно від конкретних видів транспорту, використовуваних у перевезеннях, розрізняють морські, річкові, повітряні, залізничні, автомобільні й трубопровідні повідомлення. Це так звані прямі міжнародні сполучення, що обслуговуються одним видом транспорту. У тих випадках, коли при міжнародному перевезенні вантажів або пасажирів послідовно використовуються два або більше види транспорту, мають місце змішані (комбіновані) сполучення. Якщо таке перевезення оформлене одним (наскрізним) транспортним документом, що покриває всі види транспорту, що беруть участь у ній, вона називається прямою змішаною.

При будь-якій зовнішньоторговельній операції проданий товар попадає в сферу міжнародного обігу. За допомогою засобів транспорту товар переміщаються від місця його виробництва до пункту споживання. При цьому транспорт як би продовжує процес виробництва товару в межах сфери обігу, додаючи до його первинної вартості (ціни), вартість (ціну) виробленої транспортної продукції під час переміщення.

Не менш важливим є той факт, що сьогодні транспорт, по суті, розглядається як стратегічний ресурс у підвищенні конкурентоспроможності української економіки й забезпеченні національної безпеки в її широкому розумінні. Розвиток сучасної й конкурентоспроможної транспортно-комунікаційної інфраструктури виступає як окремий аспект завдання по формуванню основи для якісного прориву в економічному розвитку країни. Це є цілком закономірним, оскільки для країни транспорт грає винятково важливу роль у мобілізації великих ресурсів. Його господарське значення обумовлене наступними основними факторами:

- територіальна довжина країни;
- дальність перевезень вантажів;
- вироблена продукція, що вимагає переміщення на великі відстані: вугілля, залізна руда, нафтопродукти, продукція металургійної промисловості й сільського господарства (зерно, вовна, м'ясо й т.д.);
- транспортно-географічне розташування України, через територію якої йдуть потужні потоки транзитних вантажів [13].

У цей час транспорт забезпечує одержання близько 8% ВВП. З розвитком економіки щорічно збільшуються інтенсивність руху і його вантажонапруженість.

У цілому великий обсяг роботи в транспортній сфері вже проведений. Сьогодні багато базових умов виглядають більш сприятливими, однак численні проблеми на транспорті ще мають місце. Так, зокрема, значна кількість доріг місцевого значення ще знаходиться в незадовільному стані, пропускна й перероблювальна спроможність окремих станцій і ділянок залізничної мережі ще недостатня, рівень транспортного сервісу не відповідає необхідним стандартам, залишається високою ступінь зносу й старіння основних виробничих фондів, допускаються порушення прав підприємців при наданні транспортних послуг. Технічне оснащення українських аеропортів, особливо регіональних, також знаходиться на низькому рівні. Спостерігається дефіцит забезпеченості аеропортів сучасними основними виробничими потужностями, будівлями, спорудами, технологічним устаткуванням, спецтехнікою для обслуговування повітряних суден західного виробництва тощо.

Висновки з даного дослідження і перспективи подальших розвідок у даному напрямі. На рубежі нового етапу соціально-економічної модернізації України динамічний розвиток і ефективне функціонування транспортного комплексу є однією із ключових умов для досягнення високих і стійких темпів економічного росту, забезпечення національної безпеки й обороноздатності країни, підвищення рівня життя населення, раціональної інтеграції у світову економіку й, відповідно, входження в число найбільш конкурентоспроможних країн світу.

Транспорт є найважливішою сферою суспільного виробництва й займає особливе місце в системі господарського комплексу країни. Будучи основою поділу праці в суспільстві він здійснює різноманітний зв'язок між виробництвом і споживанням, промисловістю й сільським господарством, добувною й обробною промисловістю, між різними економічними районами. Від ефективної роботи досліджуваного об'єкта багато в чому залежить рівень економічної й технологічної ефективності функціонування всіх галузей національного господарства. Разом з тим зміна геополітичної ситуації, вимога ефективного позиціонування країни у світовому співтоваристві, а також сучасні економічні мегатренди висувають нові вимоги до транспорту як до елементу системи національної безпеки. Стійке й ефективне функціонування транспорту для багатьох країн є необхідною умовою стабілізації й підйому економіки, забезпечення цілісності держави, економічній безпеці

й обороноздатності країни. Опосередковано транспорт впливає й на інші складові національної безпеки: зовнішньоекономічну, внутрішньополітичну, екологічну, антитерористичну, інформаційну, науково-технічну й інші.

Прагнення України до активної участі в міжнародних економічних процесах, диверсифікованості свого експорту й розширення торговельних потоків перетворює транспорт в один із ключових факторів економічного росту. При цьому Україна сьогодні має високий потенціал як регіонального, так і трансконтинентального транзиту.

Активна участь України, у торгівлі транспортними послугами має ряд позитивних наслідків для соціально-економічного розвитку держави. Транзитні перевезення приносять величезний прибуток всьому транспортно-комунікаційному комплексу. Виходить, для комплексного розвитку транспортної галузі й подальшої модернізації економіки необхідно забезпечити випереджальний розвиток інфраструктури, логістики, відновлення основних фондів і рухомого складу, удосконалювання тарифної політики. Таким чином, слід зазначити - геостратегічне розташування й розміщення виробничих сил на території України визначає залежність нашої економіки від рівня розвиненості транспортної системи. Вироблена в Україні продукція характеризується вантаж ємністю й у собівартості вітчизняної продукції значна частка припадає на транспортні витрати.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Васелевский М. Інформація та кадри в логістичних системах / Васелевский М., Патора Р.. – Львів: Видво Національного ун-ту „Львівська політехніка”, 2001. – 272 с.

2. Гаджинский А. М. Логистика: методические рекомендации к изучению тем раздела “Методологические и концептуальные основы логистики». / Гаджинский А. М. - М.: МУПК, 1994. - 30 с.

3. Кизим А.А. Віртуальна транспортно-логистическая система. Логистические центры как пункты виртуального экономического анализа / Кизим А.А. Исаулова С.С. // Финансы и кредит. - 2004. - № 1 (139)

4. Кротков А. Железный шелковый путь / Кротков А. // Российская газета.- 2001.- 26 июня

5. Кальченко А. Г. Основи логістики: Навч. посіб. / Кальченко А. Г. - К.: Обл. орг. т-ва “Знання” України, 1999. - 135 с.

6. Ташбаев І. Формирование системы транспортно-логистического менеджмента / Ташбаев Ы. – М.: Техполиграфцентр. 2003. – 194 с.

7. Нижник Н.Р. Національна безпека України (методологічні аспекти, стан і тенденції розвитку): Навчальний посібник / Нижник Н.Р., Ситник Г.П., Білоус В.Т. / За заг. Ред. П.В. Мельника, Н.Р. Нижник. – Ірпінь, 2000. – 304 с.

8. Легнер Б.А. Логистика / Легнер Б.А. – М.: Нова, 2006. – 136 с.

9. Крикавський Є. Економічний потенціал логістичних систем / Крикавський Є. В.. - Л.: ДУ “Львів. політехніка”, 1997. - 168 с.

10. Николаев Д.С. Транспорт в международных экономических отношениях / Николаев Д.С. М., 1984. С. 10

11. Логистика: управление в грузовых транспортно-логистических системах: Учеб. пособие / Под ред. Л.Б. Миротина. – М.: Юристъ, 2002. – 414 с.

12. Інвестиційний потенціал у логістиці: На прикладі автотранспорту: Навч. посібник / К.Е. Фесенко, Л.Г. Зайончик, М.П. Денисенко, В.Г. Кабанов. – К.: Наук. світ, 2002. – 259 с.

13. Семененко А.И. Предпринимательская логика / Семененко А.И. – СПб.: Политехника, 1997. – 349 с.

ФОРМУВАННЯ ОРГАНІЗАЦІЙНО-ЕКОНОМІЧНИХ АСПЕКТІВ РЕГІОНАЛЬНИХ ТРАНСПОРТНИХ СИСТЕМ В УМОВАХ ПРОСТОРОВОЇ ТРАНСФОРМАЦІЇ ЕКОНОМІКИ

© 2015

О.В. Корнієцький, декан Миколаївського факультету Морського та річкового транспорту,
Київська державна академія водного транспорту імені гетьмана Петра Конашевича-Сагайдачного, Миколаїв (Україна)

Анотація: Становлення ринкових відносин в економіці країни створило ринкове середовище, через яке стали замикатися логістичні потоки підприємств транспортного (перевізного) комплексу і яка стала впливати на обсяги й величину вантажних потоків працюючих підприємств. Створилася ситуація, коли технології ринкових взаємин, як інструментарій для досягнення бізнес-цілей, відриваються (не сприймаються) або просто не можуть бути реалізовані структурами директивної економіки, але усе ще існуючими в тому або іншому вигляді, змінивши лише свою організаційно-правову форму. У той же час перевізні технології директивної економіки взагалі не можуть розглядатися як інструментарій для досягнення кінцевої мети бізнес-структур. Відсутність єдиної методології в цьому питанні приводить до того, що ріст чисельності транспортних засобів всіх форм власності не є наслідком розрахункової й фактичної потреби в них визначеного транспортного простору, не сприяє підвищенню їх провізних спроможностей і не враховує пропускну здатність і перспективу розвитку транспортних комунікацій.

Ключові слова: транспортна система, стабільність, неплатоспроможність, «стійке функціонування», транспортне забезпечення, транспортна послуга, міжнародний обіг, міжнародний транспорт.

FORMATION OF ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC ASPECTS OF REGIONAL TRANSPORTATION SYSTEMS IN CONDITION OF SPATIAL ECONOMY TRANSFORMATION

© 2015

A.V. Kornietskiy, the dean of the department of sea and river transport
Kyiv State Academy of Water Transport named after Hetman Petro Konashevich-Sagaydachnyi, Mykolaiv (Ukraine)

Abstract. The formation of market relations in the economy has created a market environment through which streams were locked logistic transport companies (transportation) complex, which has influenced the volume and value of freight flows operating companies. Created a situation where the technology market relations as a tool to achieve business goals, detached (not seen) or cannot be implemented structures directive economy, but still exists in one form or another, changing only their legal forms. At the same time transportation technology economy in general directive cannot be regarded as an instrument for achieving the ultimate goal of businesses. The lack of a common methodology in this area leads to the fact that the growth of the number of vehicles of all types of ownership is not the result of the estimated and actual needs are defined transport space without enhances their capacity of transportation and ignores the bandwidth and the future development of transport communications.

Keywords: transport system, stability, insolvency, “stable functioning”, transportation security, transport services, international circulation, International transport.

УДК 316.421

АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

© 2015

М.В. Манова, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Изменение подходов к оценке социально-экономического развития, спровоцированное осознанием несостоятельности современных методов контроля, которые не позволили не только предотвратить глобальный финансово-экономический кризис, но и верно определить его последствия, придало еще большую актуальность вопросу разработки и использования ключевых национальных показателей. Продолжение исследований по данному направлению призвано способствовать оптимизации деятельности высших органов финансового контроля (ВОФК), повышению качества деятельности правительств, и, в конечном итоге, повышению уровня жизни населения в целом. В современном посткризисном мире ключевые национальные показатели (КНП) играют особую роль, так как являются необходимым инструментом для комплексного управления развитием и эффективной оценки реализации национальных стратегий. Универсальный характер показателей реализации стратегии (те же показатели используются для оценки ситуации в самых разных странах), очевидно, также имеет существенные недостатки - набор глобальных показателей может не учесть проблемы, имеющие основополагающее значение для конкретной страны. Надо также отметить, что показатели реализации стратегии (упомянутые выше, а также многие другие) сосредоточены главным образом на оценке ситуации в странах с более низким уровнем социально-экономического развития и гораздо менее полезны для более развитых стран. Отдельную группу представляют единые, комплексные показатели, отражающие ситуацию в отдельных областях. К наиболее известным показателям этого типа относятся:

- Индекс развития человеческого потенциала - комплексный индекс качества человеческих ресурсов, ежегодно публикуемый Программой развития ООН,
- Индекс восприятия коррупции – индекс, ежегодно публикуемый Transparency International,
- Индекс ведения бизнеса, публикуемый Всемирным банком, как единый комплексный показатель, измеряющий легкость осуществления бизнес-проектов в конкретных странах,
- Индекс глобальной конкурентоспособности и Индекс конкурентоспособности бизнеса – индексы, измеряющие уровень развития стран и публикуемые Всемирным экономическим форумом.

Эти показатели, хотя и требуют существенных уточнений с методологической точки зрения, оказывают значительное влияние на восприятие оцениваемых стран. Причина такой популярности этих показателей в том, что сведение многочисленных аспектов проанализированных вопросов к единому комплексному показателю позволяет при составлении рейтинга очень четко показать положение отдельных стран.

Ключевые слова: национальные показатели, социально-экономическое развитие, реализация стратегий, картина прогресса, благополучие страны, рейтинг, глобальный кризис.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Ключевые национальные показатели, иногда их называют определяющими показателями, определяют основные данные о прогрессе и позиции страны, учитывая диапазон возможностей. Не существует «правильного» количества показателей; масштаб системы, ее простота и широта охвата может в значительной степени варьироваться. Однако, ключевые национальные показатели, как правило, ограничиваются тем, что общество определяет как «набор жизненно важных показателей». Когда набор показателей включает до дюжины показателей, результатом анализа является получение общей картины наиболее важных условий достижения прогресса страны, а не исчерпывающей информации. Как и в случае с определением прогресса, процесс выбора ключевых национальных показателей по своей сути является политическим, отражающим желания и ценности общества.

Система Ключевых национальных показателей, или набор показателей - это организованные усилия по сбору и распространению перечня показателей, которые характеризуют позицию и прогресс страны [1, с. 56]. Система показателей аккумулирует информацию от источников (например, лиц, ответственных за исследования, или учреждений, предоставляющих собранные ими данные), которые провайдеры (например, национальное агентство статистики) потом группируют в товары и услуги в интересах пользователей (например, руководителей, исследователей, специалистов по планированию и граждан). Система ключевых национальных показателей обычно включает социальные, экономические и экологические показатели с целью получения общей картины прогресса и благополучия страны. Несмотря на то, что многие страны имеют показатели в той или иной области, система ключевых национальных показателей может предоставить комплексную и сбалансированную картину развития, необходимую для уверенности в том, что прогресс в одной отрасли не происходит за счет другой.

Качество данных - может быть определено как «пригодность для использования», то есть понятие, которое включает в себя ряд признаков, обеспечивающих пригодность данных с точки зрения пользователей, а именно соответствие целям (релевантность), точность, надежность, своевременность, доступность, интерпретируемость и согласованность. Качество данных обеспечивается за счет осуществления проверки и оценки достоверности данных во избежание ограничения данных, т.е. проблемы, связанные с источниками данных или данными, которые могут быть обнаружены при проведении оценки программ, независимых аудиторских проверок, анализа информационных систем.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы.

Под ключевыми национальными показателями в современной практике, как правило, понимается небольшой набор показателей, измеряющих экономический, экологический, социальный и культурный прогресс в достижении национальных целей. В идеальном варианте система ключевых национальных показателей является ключевым элементом системы стратегического управления. Однако, толкование термина «ключевые национальные показатели» меняется в зависимости от страны и ее системы измерения эффективности. В настоящее время сложился довольно разнообразный опыт использования КНП. В некоторых странах КНП – часть процесса стратегического планирования и относится к деятельности правительства, в других - система КНП базируется на традиционных макроэкономических показателях, разработка которых является прерогативой национальных статистических служб. Формы управления развитием и методы измерения эффективности во многом зависят от

существующих в стране политических, правовых и административных систем. В одних странах эти процессы носят централизованный характер, в других децентрализованный. Отсутствие систем стратегического управления и измерения эффективности на национальном уровне, как правило, означает отсутствие контроля и мониторинга государственных стратегий развития.

Экономические, социальные и экологические показатели в таком случае используются для текущего мониторинга уровня социально-экономического развития государства, но не как элемент системы стратегического управления. Во многих странах предполагается наличие не только общенациональной стратегии развития, но и создание комплексной системы оценки состояния экономики и общества. Ключевые национальные показатели в данном контексте отражают общественное единство, высшие общественные приоритеты, публичные обязательства государства, т.е. те условия, которые позволяют управлять изменениями, сохраняя целостность социально – экономических систем, идентичность, суверенность и сплоченность. Важно подчеркнуть, что такого рода показатели становятся актуальны тогда, когда осознается необходимость комплексного управления развитием, а реализация национальной стратегии и разработка показателей становятся взаимосвязанными процессами. В большинстве стран разработка национальных показателей находится в сфере ответственности правительств, однако в некоторых странах между гражданами и государственными структурами ведется диалог, который формирует основу для разработки национальных показателей, таким образом, гражданское общество также принимает непосредственное участие в данном процессе. Система КНП подразумевает, что цели, задачи развития и показатели должны быть взаимосвязаны и взаимообусловлены, однако, поскольку это, как правило, зависит от качества управления, данные условия не всегда выполняются.

На сегодняшний день можно обозначить 14 стран, где уже разработана система ключевых национальных показателей: Великобритания, Португалия, Кирибати, Словакия, Малайзия, Албания, Индонезия, Мексика, Швейцария, Южная Африка, Нидерланды, Норвегия, Королевство Саудовская Аравия и Греция [2]. Существующий опыт показывает, что в качестве КНП могут использоваться как специально разработанные показатели, охватывающие все сферы деятельности правительств, так и традиционные макроэкономические показатели, разработанные национальными статистическими службами. При этом их количество может значительно варьироваться в зависимости от страны. Все 14 стран, за редким исключением, имеют общенациональные стратегии развития, но это не всегда означает, что системы КНП разрабатываются именно в соответствии с этим документом. В большинстве стран системы КНП были сформированы относительно недавно и существуют менее десяти лет. Важную роль при формировании системы КНП играют международные обязательства государств, и показатели, в соответствии с которыми они отчитываются о своих достижениях перед соответствующими международными организациями. Более того, есть примеры, где международные обязательства четко отражены в национальных стратегиях развития. В странах же, где система КНП еще на разработана, создаются специальные институты, занимающиеся данной проблематикой. Так, в 2009 году во Франции была создана Комиссия по измерению эффективности экономики и социального прогресса. В докладе Комиссии, подготовленном нобелевскими лауреатами Джозефом Стиглицем и Амартией Сеном, КНП рассматриваются не просто как статистические данные, а как показатели, учитывающие уровень общественного согласия в отношении целей и приоритетов развития [3, 4]. Тем самым они, основываясь не только на экономических, но и на социальных составляющих, призваны способствовать эффективному управлению изменениями и обеспечению роста благосостояния общества и конкурентоспособности государств.

Формирование целей статьи (постановка задания).

В марте 2010 года в США была создана специальная Комиссия по КНП. Формируется она на уровне Конгресса, а к ее задачам относится осуществление комплексного контроля создаваемых систем показателей, разработка рекомендаций по оптимизации системы КНП, а также обеспечение доступа к актуальным и качественным данным. Таким образом, анализ имеющегося опыта использования КНП в системе стратегического управления и деятельности ВОФК свидетельствует о разнообразии в подходах к их разработке и применению. Тип экономики, наличие стратегий развития, активность гражданских институтов, традиции и международные обязательства влияют на выбор показателей, которые выполняют функции ключевых и становятся инструментом оценки эффективности деятельности правительств.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Многочисленные международные организации разрабатывают и публикуют наборы показателей, которые либо являются ключевыми национальными показателями либо очень схожи с ними. Наборы показателей, публикуемые разными организациями, существенно различаются по ряду аспектов, таких как количество указанных показателей, сферами их использования, частотой публикаций и тем, что касается концепции («философии») разработки такого набора. Показатели, публикуемые международными организациями, как правило, описывают не деятельность конкретной организации, а скорее «состояние мира» в сферах, входящих в круг интересов данной организации. Их главная цель, таким образом, создание основы для осуществления международных сопоставлений и для оценки динамики изменений, происходящих в странах. Такие показатели, публикуемые на регулярной основе, и методология их расчета (в том числе методология обеспечения сопоставимости данных различных стран), становятся важным инструментом оценки уровня развития отдельных государств, а также служат стимулом для решения выявленных проблем. Чаще всего наборы показателей, публикуемые международными организациями, имеют вид таблицы, содержащей отдельные статистические данные из диапазона интересов данной организации. Это характерно для наборов показателей опубликованных следующими организациями[5]:

- Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР),
- Евростат (Статистическое бюро Европейского союза),
- Международный валютный фонд,
- Продовольственная и сельскохозяйственная организация,
- Международная организация труда,
- Всемирная организация здравоохранения.

Принципиальная особенность полученных данных заключается в том, что они получены в соответствии с едиными методологическими правилами. Наборы показателей (базы данных), упомянутые выше, как правило, состоят из нескольких сотен или несколько тысяч временных рядов. В целях облегчения доступа к наиболее значимым данным в нескольких базах данных есть краткий набор ключевых показателей, который схож с КНП. Например, это было бы характерно для набора основных экономических показателей в базе данных ОЭСР и для набора мер устойчивого роста в базе данных Евростата. Более интересными представляются показатели другого типа, а именно показатели, предназначенные для оценки степени прогресса в осуществлении глобальных стратегий, осуществляемых или продвигаемых международными организациями. Лучшими примерами таких наборов показателей являются:

- Показатели прогресса в достижении Целей разви-

тия тысячелетия Организации объединенных наций,

- Показатели стратегии «Европа 2020», разработанной в Европейском Союзе как последовательное продолжение Лиссабонской стратегии.

Наборы показателей реализации стратегии встречаются намного реже, чем наборы, представленные в вышеупомянутых базах данных. Тем не менее, показатели реализации стратегии тщательно выбраны, строго взаимосвязаны со стратегическими целями, и хотя они не дают полноценную картину состояний стран, как это делают публикуемые показатели, они ориентированы, прежде всего, на важнейшие проблемы. Эта черта приближает показатели реализации стратегии к «классическим» национальным наборам КНП.

Рекомендации по использованию ключевых национальных показателей при проведении мониторинга устойчивого развития

Многие правительства сделали концепцию устойчивого развития неотъемлемой частью осуществляемой политики и на ее основе разработали государственные стратегии, а также программы на национальном, региональном и местном уровнях. Концепция устойчивого развития охватывает следующие сферы[6, 7]:

- благосостояние - экономическое, экологическое и социальное развитие;
- различные временные периоды - краткосрочное и долгосрочное развитие.

Данные сферы представляют комплексное взаимодействие установленных принципов для обеспечения согласованности политики и содействия развитию, не подрывая возможности будущих поколений удовлетворять свои потребности. Для оценки реализации концепции устойчивого развития ВОФК следует проводить аудит по трем направлениям:

- аудит целей, для того, чтобы понять, достижимы ли они и соответствуют ли потребностям общества;
- аудит показателей, для того, чтобы понять, являются ли они адекватными и достоверными;
- аудит прогресса, осуществляемый путем сопоставления показателей и поставленных задач.

На основе анализа адекватности и достоверности целей и показателей, ВОФК может разработать соответствующие критерии аудита. Цели, как и обязательства, могут быть взяты из принятых национальных планов и программ или международных договоров. В соответствии с руководством ОЭСР по показателям устойчивого развития для аудита показателей ВОФК могут осуществлять проверку по следующим направлениям:

- соответствуют ли показатели осуществляемой политике, в том числе определяют ли временные тенденции, реагируют ли на изменения движущих сил, имеют ли числовые или контрольные значения, в отношении которых может быть измерен прогресс;
- являются ли показатели аналитически обоснованными, то есть, разработаны ли они с учетом целей устойчивого развития;
- измеримы ли показатели, иными словами, независимо от того, насколько полезен показатель в теории, если он не может быть измерен доступным способом, то его не следует использовать.

В связи с глобальным кризисом особое внимание необходимо уделять показателям, характеризующим эффективное использование государственных средств, выделенных на посткризисное регулирование, значительно возросшей стоимости обслуживания государственного долга, государственным расходам, которые имеют решающее значение для устойчивого государственного бюджета и последствиям этих рисков. Кроме того, последствия финансового кризиса обуславливают необходимость создания международной скоординированной системы «раннего предупреждения» в контексте более тесного сотрудничества между ВОФК и международными финансовыми организациями в целях упрощения оценки выбранных показателей и их соответствия проводимой политике. Многочисленные свидетельства необходимости подобных показателей предполагают осуществление сопоставлений социально-экономического развития стран с учетом опыта взаимного мониторинга устойчивого развития стран G-20. При проведении анализа рекомендуется использовать следующие руководящие принципы [8]:

- Взаимное влияние направлений устойчивого развития должно быть адекватно сбалансировано системой показателей;
- Необходимо поддержание баланса между краткосрочными и долгосрочными потребностями в информации;
- Показатели должны показывать реальное соотношение между поставленными целями и достигнутой эффективностью по все направлениям устойчивого развития;
- С учетом большого разнообразия наборов показателей для мониторинга устойчивого развития важно определить оптимальное количество показателей;
- Сведение всех направлений устойчивого развития в единую систему учета, которая не используется в настоящее время
- Из-за ограниченности некоторых основных показателей (например, ВВП, производительность труда) существует необходимость в разработке и использовании альтернативных показателей для проведения качественного анализа.

Рекомендации для стран с инновационным типом экономики. К настоящему времени многие страны достигли значительного прогресса в процессе перехода к инновационной экономике и информационному обществу. Это объясняется как появлением наукоемких отраслей промышленности и услуг, так и все большим количеством программ правительств в области инновационной экономики и информационного общества. Таким образом, внимание следует уделить перспективам развития (возможностям, целям, предпосылкам) исследовательских программ, а соответствующие изменения следует отразить при проведении аудита эффективности с целью обеспечения подотчетности современных процессов. В соответствии с мандатом ВОФК, возможны 3 этапа аудита государственной политики в рамках общества и экономики, основанных на знаниях:

- оценка исследовательских программ;
- оценка прогресса в инновационной экономике;
- оценка прогресса в информационном обществе.

Основными задачами ВОФК при проведении аудита эффективности являются следующие:

- оценка экономичности, продуктивности и результативности государственной деятельности по поддержанию процессов функционирования общества и экономики, основанных на знаниях;
- определение наиболее важных показателей результативности и их источников;
- оценка и содействие реализации политических решений и задач, обозначенных для обеспечения прогресса в инновационной экономике и информационном обществе.

Одной из проблем, препятствующих выполнению указанных задач, является то, что информационные потребности лиц, принимающих решения, систематически не удовлетворяются и не анализируются. В связи с этим аудиторам необходимо прикладывать особые усилия для преодоления этих трудностей. Другой важной проблемой в области аудита эффективности является отсутствие четко определенных целей программ, и как следствие слабая основа для выбора критериев аудита. Для преодоления этих трудностей и создания основы для оценки долгосрочных результатов, необходимо непосредственное влияние на процесс формирования будущих программ или создания институтов, которые смогут разработать более целенаправленные и более структурированные программы. Кроме того, в процессе

осуществления контроля, аудиторы должны учитывать, что некоторые виды анализа инновационной экономики и информационного общества ориентированы на долгосрочную перспективу (например, оценка результатов и социально-экономических последствий), некоторые аспекты, связанны с конкретным краткосрочным или среднесрочным периодом программ (например, программные цели, в рамках отдельной научной области), тогда как другие могут не иметь отношения к какому-либо временному периоду. В связи с ограниченностью надежной независимой информации необходимо специальное регулирование, которое определит различные источники информации, помимо указываемых объектами аудита. Для того чтобы обеспечить уверенность в надежности информации и свободно выбирать сферы аудита в рамках мандата ВОФК, аудиторы должны использовать Руководство по использованию терминов и понятий в сфере КНП, подходящих для описания общества и экономики, основанных на знаниях. Непосредственно при формировании системы КНП, в дополнение к показателям, которые имеются и используются в стране, ВОФК может выбрать показатели из Методологии оценки знаний Всемирного банка и Европейских инновационных таблиц (scoreboard) для проведения аудита эффективности инновационной экономики. Полезным источником информации является статистика Европейского сообщества по вопросам информационного общества. Помимо выгод от использования передового опыта для национальных ВОФК, такой подход будет способствовать повышению качества международных сопоставлений. Таким образом, набор показателей, необходимых для охвата всех этапов развития экономики и общества, основанных на знаниях, начиная с промежуточных факторов до использования результатов и их конечных экономических и социальных последствий, достаточно широк. Задача аудиторов - участвовать в формировании системы показателей методом консультирования. В качестве результатов проведения аудита эффективности в экономиках, основанных на знаниях, следует выделить следующие:

- на основе принципов применения КНП, ВОФК следует и далее участвовать в разработке систем показателей, описывающих процессы инновационной экономики и информационного общества, учитывая предложенные рекомендации;

- в «инновационной» среде аудит эффективности должен постоянно выявлять недостатки информационных систем, необходимых для поддержания дальнейшего развития инновационной экономики и информационного общества во всех странах.

Рекомендации по разработке и использованию КНП в странах находящейся на этапе перехода к инновационной экономике (на примере государств-участников СНГ)

Весьма актуален вопрос разработки и использования КНП и для стран, находящихся на пути к формированию инновационной экономики и информационного общества. Для увеличения темпов роста экономики и повышения благосостояния общества такие страны зачастую создают региональные объединения, в рамках которых разрабатываются общие региональные стратегии развития. Для ВОФК, прежде всего, это означает подготовку и проведение совместных контрольно – аналитических мероприятий, для которых нужны общие стандарты, согласованные методики и критерии оценки и, самое важное, ключевые показатели, определить которые необходимо совместно, исходя из интересов стран и заявленных общих целей и задач экономического развития.

С целью гармонизации методик построения, перечня и систем ключевых национальных показателей предлагается по каждому показателю разработать Паспорт показателя, включающий:

- Название показателя.
- Единицу измерения.
- Периодичность исчисления.
- Характеристику.
- Методику расчета.
- Источник информации.
- Уровень дезагрегирования.
- Варианты показателя.

Перечни и системы национальных и региональных ключевых показателей формируются в соответствии со стратегиями экономического развития государств-участников. В ходе совместных контрольных мероприятий они могут согласовываться между странами в процессе подготовки экономико-методологического обоснования аудиторской проверки.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления.

Поскольку любое государство в процессе развития сталкивается с различными социально-экономическими проблемами, цели развития каждой страны требуют индивидуально разработанных ключевых национальных показателей. Кроме того, при разработке КНП необходимо учитывать не только стратегии развития, но и возможные риски их реализации. Предлагаемые принципы универсальны, т.е. приемлемы для государств и обществ независимо от реализуемой модели прогресса и уровня социально-экономического развития. Универсальность принципов очень важна, так как каждая страна, в зависимости от политических приоритетов, может иметь различные социально-экономические проблемы и соответствующий им перечень КНП.

КНП могут рассматриваться как критерии аудита эффективности, с помощью которых оцениваются результаты реализации стратегий развития и деятельности правительств, а также социально-экономические процессы и состояние общества в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Джеффери Д.Сакс, Фелипе Ларрен Б. Макроэкономика. Глобальный подход. – М.: Дело, 2000.

2. Долан Э. Дж., Линдсей Д. Макроэкономика / Пер. с англ. В. Лукашквича и др.; под общ. ред. Б. Лисовика и др. С-Пб., 1997 г. – 408 с.

3. Макконнелл К. Р., Брю С. Л./ Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2 т.: Пер. с англ. 11-го изд. Т 1 – М.: Республика, 2002. – 399 с.

4. Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. ЭКОНОМИКА / Пер. с англ. М.: Дело ЛТД, 2003.

5. Гальперин В.М., Гребенников П.И., Мусский А.И., Тарасевич Л.С. Макроэкономика. – СПб., 2001.

6. Основы экономической теории: учебное пособие для вузов/Т.Ю.Матвеева, И.Н.Никулина. –М.: Дрофа, 2003. - 448с.

7. Сакс Д., Ларен Ф. Б. Макроэкономика. Глобальный подход – М., 2001.

8. Стиглиц Д. Экономика государственного сектора/ сокр. пер. с англ.-М., ИНФРА – М., 2000.

ANALYSIS OF KEY NATIONAL INDICATORS: INTERNATIONAL AND RUSSIAN EXPERIENCE

© 2015
M.V. Manova, candidate of sociological sciences, associate professor of the chair «Sociology»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract. Changing approaches to the assessment of socio-economic development, triggered by the awareness of the insolvency of modern methods of control that are not enabled not only to prevent the global financial and economic crisis, but also to correctly determine its consequences, has given greater urgency to the development and use of key national indicators. Continued research in this direction is to optimize the activity of the Supreme audit institutions (SAIs), the quality improvement activities of governments, and, ultimately, increase the standard of living of the population as a whole. In the modern post-crisis world key national indicators (KNI) play a special role, as they are a necessary tool for integrated management in the development and effective evaluation of the implementation of national strategies. Universal indicators of strategy implementation (the same indicators are used to assess the situation in different countries), obviously, also has significant drawbacks - a set of global indicators may not take into account issues of fundamental importance to a particular country. It should also be noted that the indicators of strategy implementation (mentioned above, as well as many others) focused mainly on the assessment of the situation in countries with a lower level of socio-economic development and much less useful for the more developed countries. A separate group represent a single, comprehensive indicators that reflect the situation in individual areas. One of the most important indicators of this type include: The index of human development - a comprehensive index of the quality of human resources, published annually by the United Nations development Programme, The index of corruption perception index, published annually by Transparency International, The index of doing business published by the world Bank as a single composite index, which measures the ease of implementation of business projects in specific countries, The global competitiveness index and Index business competitiveness index, which measures the level of development of countries and published by the world economic forum. These figures, though, and require significant clarification from a methodological point of view, have a significant impact on the perception of the evaluated countries. The reason for this popularity of these indicators that the consideration of numerous aspects of the analysed questions to the single integrated indicator allows the rankings very clearly show the position of individual countries.

Keywords: national indicators of socio-economic development, the implementation strategies, the pattern of progress, prosperity of the country, rating, global crisis.

УДК: 338.48:332.1

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА В УКРАИНЕ

© 2015
О.А. Марченко, кандидат географических наук, доцент
Мелитопольский государственный педагогический университет имени Богдана Хмельницкого, Мелитополь (Украина)

Аннотация: В статье доказана перспективность развития сельского зеленого туризма в Украине на основе его значения для социально-экономического развития регионов; на основе анализа выявлены и классифицированы проблемы развития этого вида туризма в регионах Украины; обоснован процесс взаимодействия региональных органов исполнительной власти по стратегическому развитию сельского зеленого туризма с учетом международного опыта.

Ключевые слова: сельский туризм, региональные аспекты, туристическая инфраструктура, туристические услуги, сельский отдых.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Туризм в Украине – это ключевая отрасль экономики, развитие которой должен обеспечить открытость отечественной экономики, усилить демократичность и евроинтеграционный курс государства. Проведение Украиной чемпионата Европы по футболу в 2012 г. стало своеобразной “визиткой” в глобальный туристический бизнес, однако общенациональные проблемы, присущие фактически всем сегментам туристического рынка нашего государства, существенно сдерживают дальнейшее его развитие, поэтому первоочередной задачей в сфере построения мощной туристической индустрии в Украине является разработка стратегии адаптации отечественного туристического бизнеса в сформированных лидерских стандартов стран ЕС и мира в целом.

Стратегической целью развития туризма в Украине является создание конкурентоспособного на внутреннем и мировом рынках национального туристического продукта, расширение внутреннего и увеличения объемов въездного туризма, обеспечение на этой основе комплексного развития курортных территорий и туристических центров с учетом социально-экономических интересов населения, сохранение и восстановление природных территорий и историко-культурного наследия.

Во многих европейских странах влияние туризма на социально-экономическое развитие территории рассматривается через понятие сбалансированного развития, который в результате формирования и внедрения соответствующей туристической политики учитывает диверсификацию трудоустройства, сохранения окружающей среды, охране природных и культурных средств. Историко-культурное наследие, наличие пейзажей, качество услуг, предоставляемых составляют критерии оценки сбалансированного туризма [1, с. 55]. Это первостепенные и основные показатели, которые касаются любой территории.

Важным фактором, который способствует развитию туризма, является формирование стратегий территориальных административных единиц, учитывая имеющиеся существующие средства, трудовые и материальные ресурсы. Важным фактором общественно-экономического развития определенной территории является эффективное внедрение региональной политики, которая основывается на принципах сбалансированности.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы. Вопросы различных аспектов регионализации туристской деятельности достаточно активно исследуются. Проблем региональной туристической политики рассматривают работы К. Евдокименко, формирования и функционирования рынка туристических услуг подробно изложены в трудах А.О. Любицевой [2, 3]. Исследование потенциала туристско-рекреационных ресурсов регионов Украины ос-

вещается в многочисленных публикациях О.О. Бейдика. Многие авторы исследуют отдельные туристические регионы (области) Украины: Г.М. Блага, В.И. Гетьман, В.С. Грицевич, А.П. Дудкина, В.И. Мацола [4], Мальская [5], С.П. Кузик и другие. Однако проблемы формирования стратегии развития туристической индустрии в Украине раскрыты недостаточно и требуют дальнейшей проработки, что и определило актуальность данной работы.

Формирование целей статьи (постановка задания). Целью является рассмотреть роль и место сельского зеленого туризма в развитии национальной туристической отрасли и социально-политической ситуации в сельских регионах Украины.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Украинское село имеет богатую историко-архитектурное наследие, культуру, самобытный быт, дарованные природой живописные ландшафты, а также лечебно-рекреационные ресурсы. Наши богатые села индивидуальным жилищным фондом и добрыми и трудолюбивыми людьми. Время острой проблемой многих сел является растущий избыток рабочей силы. Учитывая отсутствие капиталовложений на создание новых рабочих мест в сельской местности Украины, на общегосударственном уровне больше внимания стоит уделять тем отраслям, которые не нуждаются для своего развития больших средств. К таким отраслям относится сельский туризм, который давно практикуется в Украине. Ведь в селах с соответствующей рекреационной базой всегда было много отдыхающих. Больше всего это касается сел, расположенных на берегах рек, морей и в горной местности [6].

В Украине существуют все предпосылки развития отдыха в деревне, который можно рассматривать как специфическую форму подсобной хозяйственной деятельности в сельском среде с использованием природного и культурного потенциала региона, или как форму малого предпринимательства, что дает возможность в определенной степени решить проблему занятости сельского населения, улучшить его благосостояние, полнее использовать природный и историко-культурный потенциал сельской местности. Дело развития сельского отдыха имеет реальную государственную перспективу и способствует улучшению социально-экономической ситуации сельской местности.

Сельский туризм выступает важным фактором стабильного динамичного увеличения поступлений в бюджет, активизации развития многих отраслей экономики (транспорт, торговля, связь, строительство, сельское хозяйство и т.д.). Сельский отдых в Украине за счет сохранения этнографической самобытности должен вступить национального значения. Во-первых, он дает толчок для возрождения и развития традиционной культуры: народной архитектуры, искусства, промыслов - всего, что составляет местный колорит, и, наряду с природно-рекреационными факторами, является не менее привлекательным для отдыхающих. Во-вторых, через сельский отдых жители урбанизированных территорий с массовой культурой имеют возможность познать настоящие украинские традиции. В-третьих, этнокультура села представляет Украину миру и привлекает также иностранных туристов.

Потому как предпосылку успешного развития отдыха в сельских этнографических районах следует рассматривать формирование идеологии возрождения и развития всего спектра традиционной культуры, начиная от форм хозяйственных занятий к достижениям духовной сферы, которые будут действовать как благоприятные факторы для индивидуального отдыха в этнографических районах Украины.

Сельское население Украины способно получать реальные доходы в сфере сельского туризма от таких видов деятельности, как:

- обустройство туристических маршрутов;
- обустройство и эксплуатация стоянок для туристов;
- работа гидом или экскурсоводом;
- транспортное обслуживание туристов;
- егерская деятельность (охота, любительское и спортивное рыболовство);
- прокат туристического снаряжения;
- услуги приема туристов;
- кулинарные услуги;
- подготовка культурных программ;
- народные промыслы;
- производство и реализация туристам экологически чистых продуктов питания;
- реализация туристам ягод и грибов.

Кроме того, как отмечалось выше, в создании интересной отпускной предложения владелец агроусадьбы должен заботиться о качестве двух ключевых аспектов агротуристического продукта:

- материально-технического качества (например, размеры и меблирования комнаты, оснащение их бытовой техникой, оснащение гигиенического узла);
- эмоционально-абстракционного качества (уровень сервисного обслуживания отдыхающих).

Владельцы агроусадеб должны осознавать ответственность, которую берут на себя, организовывая отдых в своих жилищах. Ведь недоброкачественное обслуживание может навсегда отбить у клиента желание отдыхать в деревне. Гость, который приезжает отдохнуть в сельскую усадьбу, желает осматривать красивую природу. И поэтому пейзажи села должны иметь привлекательный вид. Сельская община должна придерживаться санитарно-гигиенических условий проживания, заботиться об отсутствие мусорных свалок, эстетический вид домов, улиц, садов, общественных учреждений. Заботиться о зеленых насаждениях, использовать свободные территории, учитывая интересы отдыхающих [7].

Одной из главных составляющих отпускной предложения условия проживания. Условия проживания должны гарантировать возможность удобного ночлега, соблюдения личной гигиены, наличие полноценного питания. Поэтому хозяевам следует руководствоваться рекомендациями по категоризации сельского жилья относительно Украинского союза содействия развитию сельского зеленого туризма. Присвоение категории жилью, которое предоставляется в пользование отдыхающим, дает право хозяину жилища сообщать о соответствующее качество жилищных условий в рекламных средствах Союза, что будет способствовать увеличению туристического спроса и доходов хозяина.

Большинство хозяев предоставляют такую услугу, как питание, которое базируется на продуктах, произведенных в собственном хозяйстве. Впрочем, для туристов необязательно готовить отдельно, поскольку это является одной из характерных черт сельского отдыха. Как правило, большинство отдыхающих жалуются на нехватку информации относительно отдыха. Следовательно, чрезвычайно важными являются определители качества проживания, такие как информационные отметки на дорогах и возле дома, а также в самом доме. Надо довести до сознания всех крестьян региона, организация приема гостей способствовать укреплению их индивидуальных (фермерских) хозяйств. При этом заинтересованные крестьяне больше проникнутся проблемами сохранения сельских ландшафтов и чистоты окружающей среды. Сельский туризм также может помогать лесничеству, разнообразя источники его доходов.

Восприятие сельского отдыха обычным городским жителем Украины сейчас колеблется в широком диапазоне: от полного неприятия этой формы отдыха до огромного увлечения его экологичностью и экономичностью. Это свидетельствует лишь о неосведомленности общественности украинцев с такой формой отдыха. Определенный скептицизм к сельскому отдыха со стороны горожан первого поколения обусловлен тем, что они еще тесно связаны с сельской местностью – частые поездки в деревню, посещение родственников, уход за

жильем родителей, участие в сельскохозяйственных работах, - и не воспринимают это как отдых. И люди считают, что это часть их индивидуальной самодеятельного отдыха-хозяйственной деятельности на селе, которой не надо придавать специального статуса.

Наряду с этим, в украинских городах есть категории людей, которые активно восприняли идеи рождения (или возрождения) сельского отдыха. На сегодня в Украине основные сегменты потенциальных потребителей услуг сельского зеленого туризма образуют:

- жители промышленных центров (за экологичность этой формы отдыха);
- настоящие горожане (3-4-е поколение - за экзотичность);
- поклонники украинских народных традиций (через прелести сельского образа жизни и чистоту окружающей среды);
- люди с малым и средним достатком (через стоимость отдыха в деревне).

Вместе с тем, проведенные в последние годы с помощью масс-медиа рекламные акции больше внимания обращали на привлекательные стороны села, чем на работу с определенными категориями горожан и технолого-экономические аспекты этого отдыха. Следовательно, нужно разнообразить формы поиска сторонников этого вида отдыха, как можно скорее создать механизм, который позволит обеспечить реальных отдыхающих для сел нашего региона.

Международный имидж сельского отдыха также неоднозначен. С одной стороны, Украина традиционно воспринимается как аграрная страна, одна из европейских житниц с сохранившимся сельским укладом жизни, богатым культурным наследием, с уничтоженной природой и гостеприимными хозяевами. С другой стороны, не привлекает иностранных туристов относительно низкий стандарт жилья и его недостаточная техническая обеспеченность, а также не обустройство сел и довольно ограниченный выбор досуга и возможностей активного отдыха.

Теперь особенно важным является вопрос продвижения в Украине самой идеи сельского туризма в целом. Целью разработки этой широкомасштабной программы должно стать повышение информированности населения и создания положительного отношения к этому виду отдыха. Прежде всего должны быть задействованы такие виды маркетинговых коммуникаций, как PR-статьи, интервью, пресс-конференции, семинары, брифинги, телепередачи, вызывающие доверие и положительную реакцию.

Стоит также активизировать значение местной власти в поддержке целей сельского зеленого туризма. Ведь каждый местный чиновник должен понять, что сельский зеленый туризм – это дополнительные деньги и улучшение инфраструктуры района, создание новых рабочих мест. Именно местные власти могут ходатайствовать об обеспечении налоговых льгот при получении государственных дотаций (из местных бюджетов) лицам, которые принимают участие в предоставлении агротуристических услуг. Наработанные на сегодня стратегии развития сельского зеленого туризма, нацеленные на решение социально-экономических, экологических и этнокультурных проблем сельских местностей, требуют четкого планирования на уровне районов и отдельных сельских общин [8].

Важной частью планирования является эффективное воплощение в жизнь «пилотных» проектов сельского отдыха, которые осуществляют областные Союза содействия развитию сельского зеленого туризма. Немалой проблемой остается неопределенность правового статуса владельцев малых рекреационных комплексов, расположенных в сельской местности. Так, в литературе описаны случаи, когда до 80 % туристического бизнеса в малых городах и селах присваивается, управляется или контролируется городскими производителями, которые могут агрессивно вести себя в отношении традиционной культуры, трудовой практики и архитектурных стилей.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. В целом, как видно, из числа альтернативных направлений туризма в Украине нашел свое развитие сельский туризм - зеленый и аграрный, что вызвано благоприятными природными и историко-культурными условиями. Среди регионов наибольший потенциал представляют Карпатский и Южный регионы. Надо отметить, что, учитывая растущую популярность сельского туризма здесь происходит заметное улучшение условий для его развития. Кроме того, в этих же регионах есть проявления развития и других нетрадиционных видов туризма. К сожалению, это же самое нельзя сказать про другие регионы, где новые виды туризма до сих пор остаются единичным и не достаточно обеспеченным экономически и инфраструктурно явлением. Для их развития можно предлагать исследования потенциала внедрения новых туристических услуг при условии учета особенностей отдельных регионов Украины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Jalinik M. Uwaronkowanie i czynniki rozwoju uslug turystycznych na obszarach wiejskich / M. Jalinik. – Białystok: Oficyna Wydawnicza Politechniki Białystockiej, 2009. – 260 s.

2. Любіцева О.О. Ринок туристичних послуг / О.О. Любіцева. – К.: Альтерпрес, 2006. – 436 с.

3. Любіцева О.О. Туристичні ресурси України / О.О. Любіцева, Є.В. Панкова, В.І. Стафійчук. – К.: Альтерпрес, 2007. –369 с.

4. Мацола В.І. Рекреаційно-туристичний комплекс України: [монографія] / В.І. Мацола. – ІРД НАН України / ред. кол. М.І. Долішній / (відп. ред.). – Львів, 1997. – 259 с.

5. Мальська М.П. Міжнародний туризм і сфера послуг / М.П. Мальська, Н.В. Антонюк, М.М. Ганич.– К.: Знання, 2008. – 661 с.

6. Транченко Л.В**.** Сільський туризм як перспективний напрям зайнятості на селі / Л.В. Транченко // Науковий журнал «Економічний форум». – 2014. – № 3. – С. 104-110.

7. Ігнатенко М.М. Проблеми та перспективи розвитку сільського туризму в Україні / М.М. Ігнатенко // Науковий вісник Львівського національного університету ветеринарної медицини та біотехнологій ім. С.З. Гжицького. – Серія «Економічні науки». – Т. 12, № 1 (43). – Львів, 2010. – С. 252-255.

8. Малік М.Й. Сільський аграрний туризм як чинник розвитку сільських територій / М.Й. Малік // Економіка АПК. – 2012. – №5. – С.110-115.

REGIONAL ASPECTS OF RURAL TOURISM IN UKRAINE

© 2015

O.A. Marchenko**,** candidate of geographical sciences, associate professor
Melitopol State Pedagogical University named after Bogdan Khmelnitsky, Melitopol (Ukraine)

Abstract. In this article we prove the prospects for the development of rural green tourism in Ukraine on the basis of its importance for socio-economic development of regions; based on the analysis, the development problems of tourism in the regions of Ukraine were identified and classified; the interaction process of regional Executive authorities for the strategic development of rural green tourism, taking into account international experience, was justified.

Keywords: rural tourism, regional aspects, tourist infrastructure, tourist facilities, rural holiday.

УДК 316

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ОТБОРУ ТОРГОВОГО ПЕРСОНАЛА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

© 2015

Л.В. Орлова, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой «Управление персоналом и социология»
М.А. Михеева, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Управление персоналом и социология»
Самарская академия государственного и муниципального управления, Самара (Россия)

Аннотация. Отбор кадров является одной из центральных функций управления персоналом, поскольку именно люди обеспечивают эффективное использование любых видов ресурсов организации. От эффективности отбора персонала в значительной степени зависит качество людских ресурсов, их вклад в достижение целей организации и повышения ее конкурентоспособности. В исследовании рассмотрена возможность применения методики, основанной на технологии определения мотивационного профиля, разработанной Ш. Ричи и П.Мартином. Методика позволяет построить как индивидуальный профиль каждого респондента, так и общий по всей совокупности опрошенных. По результатам проведенного социологического исследования был предложен ряд мер по совершенствованию отбора персонала и разработан проект использования методики построения мотивационных профилей при отборе торгового персонала коммерческой организации.

Ключевые слова: персонал, набор и отбор, мотивация, карта мотиваторов, мотивационный профиль, индивидуальный профиль, профессиональные компетенции.

Постановка проблемы:

Отбор персонала - это серия мероприятий и действий, осуществляемых предприятием или организацией для выявления из списка заявителей лица или лиц, наилучшим образом подходящих для вакантного места работы [1, с.8].

Для установления степени соответствия кандидатов предъявляемым требованиям может использоваться целый комплекс различных методов, направленных на всестороннюю оценку кандидатов. Комплекс используемых методов отбора может включать в себя предварительный отбор (анализ информации о кандидате, содержащейся в предоставленной документации: резюме стандартной формы, диплом, рекомендации и др.); сбор информации о кандидате (от других людей); личностные вопросники и тесты (в том числе и тесты профессиональных способностей); групповые методы отбора; экспертные оценки; собеседование/интервью [3, с.15].

Необходимость использования различных методов при отборе связана с тем, что ни один из предлагаемых методов по отдельности не дает исчерпывающей информации, на основании которой можно было бы принять верное решение о приеме на работу. Только дополняя результаты, полученные с помощью одного метода, данными, собранными с помощью других методов, можно рассчитывать на то, что отобранные работники будут максимально соответствовать установленным критериям отбора и полностью устроят организацию.

В условиях острой рыночной конкуренции предприятия столкнулись с необходимостью совершенствования механизмов отбора кандидатов. Ранее такой отбор проводили руководители путем интуитивной оценки качества претендентов, нередко без помощи кадровых служб. Частые ошибки приводили к увольнению работника и его замене новым. Такой подход в современных условиях становится неэффективным как с точки зрения обеспечения потребностей в квалифицированной рабочей силе, так и с точки зрения стоимости [4].

Бизнес в России сталкивается с рядом проблем, которые в значительной степени влияют на его развитие. В малый бизнес приходят все больше молодых, энергичных людей. Между тем по данным социологических опросов свыше 70% молодых предпринимателей считают, что им необходимо приобрести специальные знания в области малого бизнеса. На сегодняшний день в стране функционирует 1032 тыс. предприятий малого бизнеса. По некоторым оценкам только от 20 до 30% из них имеют руководителей, обладающих специальным профессиональным образованием. Следовательно, примерно на 750 тыс. предприятий руководители действуют по наитию, с учетом своих способностей и опыта. Это сдерживает дальнейшее развитие и повышение эффективности малого бизнеса [5].

По данным социологического опроса, проведенного в целом в 40 субъектах Российской Федерации, среди главных проблем, стоящих перед российскими предпринимателями это проблема дефицита квалифицированных кадров (на неё указывают в среднем 52% респондентов, а среди представителей крупного бизнеса, сферы промышленности и строительства – даже 57%) [5,6].

Отбор работников, отвечающих по своим профессиональным, деловым и личностным качествам требованиям организации, несомненно, требует комплексного подхода.

Приведем перечень методов отбора персонала, наиболее часто используемых в большинстве организаций: анализ предоставляемой документации (заявительных документов); тестирование; собеседование по отбору персонала. Сравнительная достоверность разных методов оценки представлена в таблице 1 [2, с.34-37].

Таблица 1 - Сравнительная достоверность методов оценки при отборе

Метод оценки	Достоверность предсказания, в процентах вероятности
Неструктурированное интервью	15-38%
Психологическое тестирование	23-58%
Оценка, проведенная в специальных оценивающих центрах	36-41%
Структурированное, основанное на компетенциях интервью и рекомендации	40-60%

В нашем исследовании рассмотрена возможность применения одной из методик, основанной на технологии определения мотивационного профиля по двенадцати мотивационным факторам, разработанной Ш. Ричи и П.Мартином. В своей работе Шейла Ричи и Питер Мартин выделяют 12 мотивационных факторов, причем пяти - шести категорий потребностей, базирующихся на исследованиях Маслоу [7].

Авторы этой методики вывели собственное определение мотивации: мотивация - это побуждения, устремления, возникающие следом за удовлетворением основных человеческих потребностей, и притом специфические для каждого индивидуума. Ими же был разработан тест, позволяющий определить ценность каждого из 12 мотивационных факторов для респондента, на основе

которого строится мотивационный профиль.

Применение методики Ш. Ричи и П. Мартина (построение мотивационного профиля) позволило наиболее полно проанализировать мотивационные факторы торговых представителей самарского филиала ООО «Дирол Кэдбери», построить их мотивационные профили и сделать соответствующие выводы.

Концепция анкетного опроса

Компания «Дирол Кэдбери» является частью компании «Кэдбери Швеппс», которая имеет представительства во многих странах мира и по доле рынка кондитерской продукции делит первое место с Nestle. Компания «Дирол Кэдбери» в России образовалась в 2003 году. На территории России компания имеет два завода: по производству шоколада и по производству жевательной резинки. Экономическое положение компании устойчиво, продукция пользуется спросом.

В настоящее время в самарском филиале ООО «Дирол Кэдбери» общая численность работающих составляет 396 человек. Из них 321 человек (81%) - торговые представители. По данным 2013 года текучесть штатного персонала составляет 8%, внештатного - 19,2%. Это объясняется тем, что основная масса работников - торговые представители, среди которых велика текучесть кадров. Данное явление имеет ряд причин: торговые представители - основная рабочая сила, и эта должность занимает низшую ступень в иерархии функции продаж. Особенностью этой должности является еще и то, что работники оформлены в штате компании-дистрибьютора, являясь эксклюзивными торговыми представителями, т.е. теми, кто продает продукцию исключительно компании «Дирол Кэдбери». Данное обстоятельство, вкупе со специфическими особенностями данной работы (разъездной характер, наличие товара на борту, высокая зависимость оплаты от результатов труда) являются причиной высокой текучести работников на этой должности. В настоящее время в компании разработан проект по исследованию причин высокой текучести кадров среди торговых представителей, рамках которого проведено данное исследование.

Качественный состав персонала филиала характеризуется тем, что мужчины составляют 77%, женщины-23% ; работники до 30 лет составляют 64%, от 31 до 40 лет - 27%, от 41 до 50 лет - 9%.

На основании распределения по возрасту можно сделать вывод о том, что наблюдается довольно небольшая разница в возрасте работников: больше половины всех работников (около 80%) - люди молодого и среднего возрастов: от 20 до 40 лет. Должность торгового представителя является стартовой в структуре продаж и поэтому привлекательна, прежде всего, для молодых людей, желающих делать карьеру в сфере продаж, которая характеризуется динамизмом, агрессивностью и стремительным развитием.

Сотрудники с высшим образованием составляют 67%, со средним профессиональным образованием - 33%.

В связи с тем, что географически филиал занимает большую территорию, а также принимая во внимание тот факт, что должность торгового представителя является внештатной, ответственность за поиск и отбор кандидатов несут территориальные менеджеры команд на местах.

При появлении вакансии поиск и привлечение кандидатов ведется через средства массовой информации: газеты, радио, телевидение, а также с помощью Интернета и рекомендаций сотрудников [8].

Отбор ведется зачастую без привлечения служб по работе с персоналом, иногда с помощью таковых от дистрибьютора. Отбор производится в три этапа: первый этап - проверка резюме, второй этап- собеседование с территориальным менеджером, третий- стажировка с опытным работником. Во время стажировки кандидат имеет возможность не только показать себя, но и присмотреться повнимательнее к тому, какую работу ему предлагает компания: какой график, каковы основные задачи, от чего зависит размер заработной платы, карьерный рост, какая команда. Здесь очень важно, что данная информация приобретается в неформальной обстановке, из первых рук. С другой стороны, от того, насколько активен кандидат, насколько он включается в деятельность, а не наблюдает, зависит решение о приеме. По итогам стажировки принимается решение: принять или отклонить кандидатуру.

Гипотеза исследования. Как упоминалось выше, текучесть на должности торгового представителя высока. Около 40% выбывших работников были уволены в течение первых трех - шести месяцев работы по собственному желанию, либо по инициативе компании. Анализ причин увольнения, указанных в выходном интервью, показал, что большую часть уволенных составляют те, чьи ожидания от работы не оправдались. Данное обстоятельство дает возможность предположить, что в момент принятия решения о приеме на работу не были должным образом исследованы и учтены мотивационные предпочтения кандидатов.

Наиболее желательными кандидатами являются те, чья карта мотиваторов соответствует ожиданиям компании и тому плану развития, который она может предложить. Поэтому очень важно при отборе правильно определить мотивационный потенциал кандидата, имеющийся на настоящий момент. В своем исследовании для этой цели мы предлагаем использовать методику построения мотивационных профилей, разработанную Ш. Ричи и П. Мартином.

Исследование мотивационного профиля. Главной задачей данного исследования являлось построение и анализ мотивационного профиля торговой команды и возможность применения данной методики при отборе персонала. Для решения данной задачи было проведено социологическое исследование, направленное на выявление значимости факторов мотивации для того, чтобы понять, что мотивирует торговых представителей в работе, побуждает их повышать квалификацию и профессиональную компетенцию [9, 10].

Мотивационный профиль был задуман как практический инструмент, носящий прикладной характер. В основу теста положено сопоставление значимости ряда мотивационных факторов, представляющих важность с точки зрения руководства персоналом. С помощью данного теста были выявлены факторы мотивации, которые высоко оцениваются торговыми представителями и их руководителями, а также те факторы, которым придается мало значения (как потенциальным источникам удовлетворения выполняемой работой).

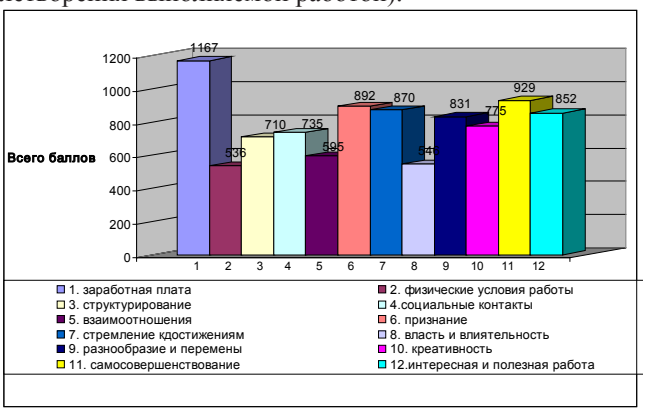

Рис. 1. Значимость мотивационных факторов для торговой команды

Соотношение различных мотивов, влияющих на поведение людей, образует его мотивационную структуру. У каждого человека она индивидуальна и обусловливается множеством факторов: полом, возрастом, образо-

ванием, воспитанием, уровнем благосостояния, социальным статусом, должностью, личными ценностями, отношением к труду, работоспособностью и т.д.

Для построения мотивационного профиля были опрошены 22 торговых представителя, работающих в следующих каналах сбыта: традиционная розница (14 чел.), опт (3), ключевой сектор (5 чел.).

Чтобы построить «идеальный профиль», было решено часть опрошенных торговых представителей (39%) условно отнести к успешным торговым представителям по итогам работы за 2013 год. Это дало возможность сравнить мотивационный профиль торговых представителей с профилями их наиболее успешных коллег и руководителей и понять их ценностные ориентиры на различных жизненных этапах.

Методика позволяет построить как индивидуальный профиль каждого респондента, так и общий по всей совокупности опрошенных.

На диаграмме наглядно видно, что наиболее значимым фактором является заработная плата. Это связано, прежде всего, с тем, что рынок FMCG – это очень агрессивная, динамичная среда, которая требует от людей ориентации на результат, и где вознаграждение четко привязано к уровню достижения целей. Следовательно, успешными в этой среде могут быть люди, которые хотят зарабатывать. Поэтому неудивительно, что на втором и четвертом местах по степени важности - самосовершенствование и стремление к достижениям. С помощью тренингов, направленных на постоянное развитие навыков ведения переговоров, навыков убеждения и преодоления возражений торговые представители совершенствуются и выполняют поставленные задачи. Вместе с тем, признание и интересная и полезная работа также имеют большое значение. Это связано с тем, что торговые представители в компании продают не просто товар, но и услугу. Их задача - обеспечить торговой точке возможность развиваться. Осуществляя продажу, торговый представитель рассчитывает оптимальный объем заказа с тем, чтобы не перегружать торговую точку. Тем самым торговый представитель зарабатывает авторитет и закладывает фундамент долгосрочных и плодотворных отношений с клиентами на своей территории.

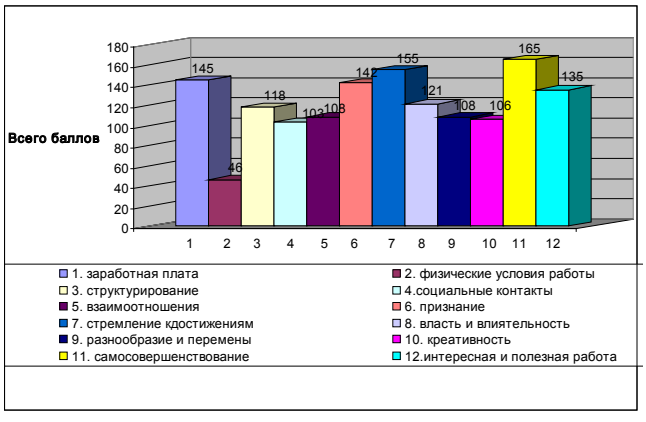

Рис. 2. Значимость факторов мотивации для руководителей групп торговых представителей

Но торговые представители нуждаются в одобрении своих заслуг и со стороны работодателя. На первый взгляд мотивационные требования, применимые к тем, кто нуждается в признании своих заслуг, вполне однозначны. Они требуют внимания. Сотрудники, деятельность которых получает признание, чувствуют себя более уверенно и их самооценка возрастает. Эту потребность можно удовлетворить в процессе оценки и аттестации. Наименее выраженный мотивационный фактор - физические условия труда. Это связано с тем, что в торговые представители, как правило, идут люди, готовые работать в некомфортных условиях, поскольку характер работы разъездной: в любую погоду представители компании обязаны посещать клиентов по утвержденному маршруту.

Необходимо сравнить полученный в результате исследования общий мотивационный профиль торговых представителей с мотивационным профилем их руководителей.

В качестве примера индивидуального профиля были разработаны профили следующих респондентов: от обычного торгового представителя -новичка к успешному и затем к менеджеру.

Выводы по исследованию. Сравнив индивидуальные профили торговых представителей и их руководителя, нами были сделаны положительные выводы по поводу возможного применения данной методики для выявления мотивационных факторов кандидатов на этапе предварительного отбора, тем самым, сделав процесс более эффективным.

В целях совершенствования существующей системы набора и отбора внештатного персонала нам представляется необходимым, прежде всего, осуществить формализацию данного процесса.

С целью формализации нами было разработано Положение о наборе и отборе внештатного персонала. Данное положение включает обоснование необходимости этого документа, перечень ответственных лиц, пошаговое описание процедуры, а также формы и бланки, используемые в процессе исполнения процедуры. В процедуру нами был включен этап тестирования с помощью методики определения мотивационных профилей. В дополнение к существующим формам мы предлагаем использовать опросник для определения мотивационного профиля, а также следующие формы: образец вопросов для сбора рекомендаций, лист оценки кандидата, список вопросов, рекомендуемых для собеседования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дуракова И.Б. Управление персоналом: отбор и найм. Исследование зарубежного опыта. – М.: Центр, 2008
2. Злотников А.В. Затраты минимальные - эффект максимальный.//»Кадровое дело».- 2011.-N 5
3. Иванова С.В. Искусство подбора персонала: как узнать человека за час- М.: Альпина Бизнес Букс, 2004
4. Магура М.И. Поиск и отбор персонала. – М.: «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 2009
5. Орлова Л.В. Эффективность кадрового обучения предпринимателей малого и среднего бизнеса как практическая проблема Вестник Самарского муниципального института управления. – Самара: Самарский муниципальный институт управления, 2009. – № 9. – С. 111–117.
6. Орлова Л.В. Практическая проблема кадрового обучения предпринимателей // Труд и социальные отношения. – Москва: АТиСО, 2010. – № 3.– С. 69–74.
7. Магура М.И. Основные принципы построения системы отбора кадров // Управление персоналом. – 2008. - №11
8. Ричи Ш., Мартин П. Управление мотивацией/ Пер. с англ. под ред. Проф. Е.А.Климова. – М: ЮНИТИ-ДАНА, 2004
9. Орлова Л.В. Компетентностный подход в образовательном процессе вуза // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2011. – Т. 13. – № 2 (2). – С. 41–44.
10. Тарасов В. К. Персонал-технология: отбор и подготовка менеджеров -Л:«Машиностроение», 2009

COMPREHENSIVE APPROACH TO SALES STAFF SELECTION UNDER MODERN CONDITIONS

© 2015

M.A. Mikheeva, Candidate of Sociology, Associate Professor of "Personnel Management and Sociology"
L.V. Orlova, Professor, Doctor of Sociology
Samara Academy of State and Municipal Administration, Samara (Russia)

Abstract. Staff selection is one of the personnel management central functions because effective use of resources of any kind in organizations is ensured by people. Effectiveness of staff selection has high influence on human resources quality, staff contribution to organization goals achievement and raise of competitive capacity. The article considers the technique based on motivational profile compilation technology developed by S. Ritchie and P. Martin and its applicability. The technique allows to complete both an individual profile for each respondent and a general profile of the entire sample. According to the results of the social research the authors propose measures for staff selection improvement and design a project of the technique application for the sales personnel selection in commercial organizations.

Keywords: personnel, recruitment and selection, motivation, map of motivators, motivational profile, individual profile, professional competences.

УДК 330.322: 332.14:001.8

УПРАВЛЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫМ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЦЕССА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

© 2015

В.М. Мустяца, преподаватель кафедры бухгалтерского учета и аудита
Южный филиал Национального университета биоресурсов и природопользования Украины «Крымский агротехнологический университет», Симферополь (Крым)

Аннотация: В статье рассмотрены актуальные вопросы инвестиционного обеспечения инновационного развития регионов Украины. Предложен комплекс мер по решению проблемы инвестиционного обеспечения инновационных процессов региона. Сформирована концепция создания регионального венчурного фонда «посевных» инвестиций на условиях государственно-частного партнерства в форме инвестиционного товарищества.

Ключевые слова: инвестиционные лестницы, инновационная система, инновационный профиль, инновационные проекты, региональная инновационная политики, региональный венчурный фонд «посевных» инвестиций.

У сучасних умовах розвитку економіки, подолання наслідків світової економічної кризи урядом України обраний курс на інтенсивний розвиток інноваційного сектора народного господарства з метою забезпечення технологічного лідерства на світовій арені за рахунок використання технологій шостого укладу.

У цих умовах перед регіонами України стоїть завдання проведення регіональної інноваційної політики, яка сприяла б ефективному використанню унікального інноваційного потенціалу кожного регіону, забезпечення високих темпів технологічного розвитку та підвищенню рівня конкурентоспроможності української економіки [3].

Метою дослідження є дослідження науково-методичного апарату, спрямованого на забезпечення розвитку інвестиціно-інноваційного процесу на регіональному рівні

Аналіз останніх публікацій. Проблемам інвестування присвятили свої праці зарубіжні науковці: В. Беренс, Л. Гітман, М. Джонк, Дж. Кейнс, Т. Райс, П. Хавранек, Р. Холт. В українській економічній науці поняття «інвестиція» до 1991р. не застосовувалося й ототожнювалося з терміном «капітальні вкладення». Починаючи з 1991 р. українські вчені-економісти такі як: П. Белєнький, Л. Борщ, М. Денисенко, М. Долішній, М. Крупка, І. Лукінов, Т. Майорова, С. Мочерний, С. Онишко, А. Пересада, В. Федоренко, А. Череп та ін., здійснили теоретичні дослідження в галузі інвестування.

Однак питання, пов'язані із інвестиційним забезпеченням інноваційного розвитку регіонів, на сьогодні мало досліджені.

Виклад основного матеріалу. Дослідження вчених, спрямовані на виявлення рівня розвитку інноваційних процесів на регіональному рівні, найбільшою мірою сконцентровані на оцінці інноваційного потенціалу регіонів.

Інноваційний потенціал регіону, будучи однією з ключових характеристик розвитку основних складових інноваційної системи, на наш погляд, фіксує статистичні параметри розвитку регіональної інноваційної системи у відповідний момент часу. Проведення ефективної регіональної інноваційної політики неможливе без об'єктивної оцінки як потенційних можливостей розвитку регіональної інноваційної системи, так і активності і ефективності використання даних можливостей [2].

У цьому зв'язку, поряд з оцінкою інноваційного потенціалу особливого значення набуває аналіз та оцінка рівня інвестиційного забезпечення, а також результативності інноваційного процесу і його окремих стадій.

Рівень інвестиційного забезпечення інноваційного процесу пропонуємо вимірювати обсягом залучених капіталовкладень на всіх стадіях інноваційного процесу. Рівень інвестиційного забезпечення характеризує ступінь інтенсивності здійснюваних дій щодо мобілізації потенціалу необхідної кількості в цілях досягнення заданих стратегічних результатів технологічного розвитку.

Рівень результативності стадій інноваційного процесу показує, наскільки ефективно відбувається використання наявного інноваційного потенціалу, а також капіталу, акумульованого на різних стадіях інноваційного процесу.

Алгоритм оцінки рівня інноваційного розвитку регіонів включає в себе три основні етапи.

Перший етап: формування бази даних приватних індикаторів, що характеризують інноваційний потенціал, рівень інвестиційного забезпечення та ефективність його використання на основі даних державної статистики (табл. 1).

Другий етап: нормування приватних індикаторів, формування бази даних нормованих індикаторів.

Нормований показник $X / XУкр$

де:

X - значення приватного індикатора відповідного регіону;

ХУкр - середнє по Україні значення приватного індикатора.

Третій етап: визначення інтегральних показників інноваційного потенціалу, рівня інвестиційного забезпечення та ефективності стадій інноваційного процесу.

Для того, щоб інтегральні індикатори співвідносилися з відповідним середньоукраїнським рівнем, прийнятим за 1, і не залежали від кількості приведених показників, сумарні коефіцієнти діляться на кількість приватних показників і таким способом перетворюються в інтегральний показник.

Таким чином, результатом розрахунку є три індекси, що характеризують інноваційний розвиток регіону, а саме наявність інноваційного потенціалу регіону, інвестиційне забезпечення, а також ефективність його використання.

Таблиця 1 - Система індикаторів оцінки рівня інноваційного розвитку регіонів

Стадія інноваційного процесу	Інноваційний потенціал стадії	Інвестиційне забезпечення стадії	Ефективність реалізації стадії
Наука	1. Частка економічно активного населення, зайнятого дослідженнями і розробками 2. Забезпеченість організаціями, провідними підготовку аспірантів 3. Частка дослідників з вченими ступенями у загальній кількості дослідників	Внутрішні витрати на НДР в розрахунку на одного дослідника	Кількість виданих патентів у розрахунку на 1000 економічно активного населення
Трансфер	1. Частка підприємств і організацій, що виконують дослідження і розробки в загальному числі організацій 2. Забезпеченість елементами інноваційної інфраструктури	Внутрішні витрати на ОКР в розрахунку на одне підприємство, що виконує дослідження і розробки	Число створених передових виробничих технологій в розрахунку на одне підприємство, що виконує дослідження та розробки
Виробництво	1. Ступінь придатності основних фондів 2. Питома вага інвестицій в обробну промисловість 3. Доля підприємств і організацій, що здійснюють витрати на інновації 4.Число використовуваних передових виробничих технологій в розрахунку на 1000 підприємств і організацій	Витрати на технологічні інновації в розрахунку на одне підприємство	Питома вага відвантажених інноваційних товарів, виконаних робіт, послуг

Дана методика дозволяє:

1) визначити рівень інноваційного потенціалу регіону, а також потенційні можливості регіональної інноваційної системи в розрізі стадій інноваційного процесу;

2) виявити, наскільки активно на стадіях інноваційного процесу задіяний інноваційний потенціал з урахуванням коштів, що залучаються на його реалізацію;

3) оцінити, наскільки ефективні заходи з розвитку регіональної інноваційної системи, а також наскільки ефективно відбувається витрачання коштів, що залучаються на реалізацію стадій інноваційного процесу, тобто дозволяє оцінити результативність всієї інноваційної політики на регіональному рівні;

4) провести діагностику факторів, що обумовлюють окремі конкурентні переваги або обмеження реалізації стадій інноваційного процесу;

5) забезпечити порівняльний аналіз розвитку інноваційних систем регіонів.

На основі аналізу використання інструментів інноваційного забезпечення виявлено недоліки системи підтримки розвитку інноваційної системи:

- Відсутність елементів спеціалізованої фінансової інфраструктури підтримки високотехнологічних компаній на ранніх стадіях;
- Нерозвиненість мережі бізнес-ангелів;
- Низький рівень підготовки проектів для здобуття підтримки в державних інститутах розвитку.
- Недостатня взаємодія малих інноваційних підприємств з великими компаніями і холдингами регіону.

Таким чином, підтверджені системні проблеми розвитку інноваційного сектора регіону у вигляді обмеженості інвестиційних ресурсів і незбалансованості інноваційної інфраструктури.

Особливе значення має інвестиційне забезпечення інноваційного процесу, вибудовування так званої «інвестиційної сходи», що формується з професійних учасників індустрії венчурних інвестицій, які спеціалізуються на обслуговуванні різних стадії інноваційного процесу.

Правильне вибудовування «інвестиційних сходів» на регіональному рівні дозволяє ініціаторам інноваційних проектів знаходити необхідні інвестиції на кожній стадії розвитку: від фундаментальних досліджень до стадії серійного виробництва нових товарів і послуг і виводити інноваційну продукцію на ринок. Таким чином, основна задача регіональної інноваційної політики - забезпечити ефективний доступ суб'єктів інноваційної діяльності до державних і приватних інвестиційних ресурсів [4].

Основні проблеми інвестиційного забезпечення інноваційних процесів пропонується вирішувати наступним комплексом заходів.

1. З метою створення та розвитку елементів спеціалізованої фінансової інфраструктури доцільно:

- Передбачити кошти обласного бюджету в рамках обласних цільових програм для створення регіональних фондів «посівних» інвестицій на умовах державно-приватного партнерства;
- Збільшити обсяг коштів на участь у спільних з Мінекономрозвитку заходи щодо підтримки малого інноваційного бізнесу, зокрема, взяти участь у конкурсі на створення регіональних венчурних фондів Мінекономрозвитку і Української венчурної компанії.

2. Для розвитку мережі бізнес-ангелів можуть бути використані механізми мотивації, що сприяють формуванню в регіоні класу інвесторів, що вкладають в компанії на ранній стадії їх розвитку як прямі у вигляді податкових пільг і преференцій, так і непрямі у вигляді освітніх програм, націлених на популяризацію венчурного інвестування серед підприємців та інвесторів. З метою залучення бізнес-ангелів з-за меж регіону доцільне створення інформаційного майданчика - порталу для забезпечення доступу до актуальної інформації про інноваційні проекти, які відчувають потребу у фінансуванні, а також до інформації про успішний досвід реалізації високотехнологічних проектів на території регіону.

3. З метою посилення взаємодії між малими інноваційними підприємствами та великими компаніями і холдингами слід використовувати податкові інструменти у вигляді податкових пільг, спрямованих на стимулювання великих компаній інвестувати в малі інноваційні компанії ранніх стадій на основі створення цільових корпоративних фондів, а також розміщувати замовлення у малих інноваційних підприємств.

4. Для підвищення якості підготовки проектів на здобуття підтримки в державних інститутах розвитку доцільно розвивати елементи експертно-консалтингової (сервісної) інфраструктури у вигляді «пакувальних» компаній, а також субсидувати витрати малих інноваційних підприємств на послуги «пакувальних» компаній.

Концепція створення регіонального венчурного фонду «посівних» інвестицій на умовах державно-приватного партнерства у формі інвестиційного товариства показана на рис. 1. Такі фонди компенсують недоліки в роботі регіональних венчурних фондів у формі закритих пайових інвестиційних фондів і формують альтернативне джерело венчурних інвестицій за рахунок залучення приватних інвестицій у проекти на ранніх стадіях[1].

Базовими параметрами венчурного фонду «посівних» інвестицій в регіоні є:

- Середня кількість одночасно проінвестованих проектів - 20;
- Середній розмір вкладень в проекти ранніх стадій розвитку - 10 млн. грн .;
- Початковий розмір Фонду - 300 млн. грн .;
- Частка коштів держави - до 50%.

З метою визначення можливих результатів заходів щодо створення регіонального венчурного фонду «посівних» інвестицій, повинна бути побудована фінансова модель фонду. Основні очікувані показники

результативності якої наведені в табл. 2.

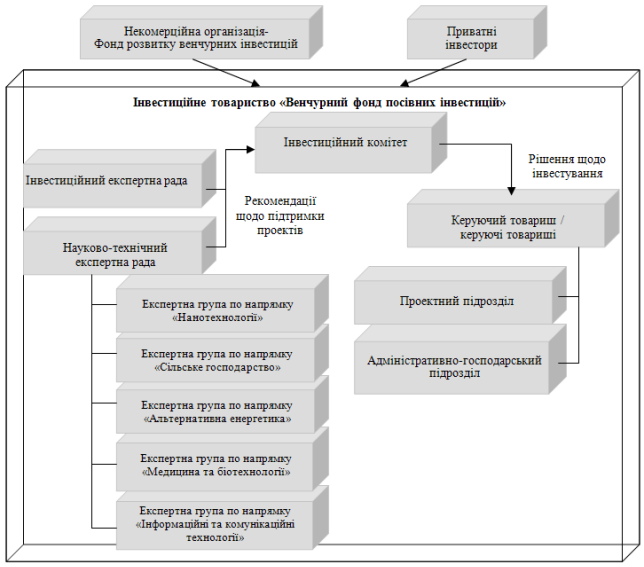

Рисунок 1 - Модель створення регіонального венчурного фонду «посівних» інвестицій

Таблиця 2 - Економічна ефективність діяльності фонду для інвесторів

Показник	Значення
Дисконтований грошовий потік	267,6 млн. грн.
Період окупності (дисконтований)	7,3 лет
Індекс рентабельності	1,5
Внутрішня норма прибутковості	33%

Очікуються наступні непрямі ефекти впливу на економіку регіону:

- економічний - збільшення частки інноваційної продукції малих підприємств в обсязі відвантаженої продукції малих підприємств області за рахунок відвантаженої продукції, виробленої малими інноваційними підприємствами за участю фонду;
- бюджетний - додаткове надходження податкових платежів до обласного бюджету;
- соціальний - створення додаткових висококваліфікованих робочих місць.

Як інструмент стимулювання приватних інвесторів до створення фондів «посівних» інвестицій і венчурного капіталу пропонується встановлювати ліміти на доходи з державної частки, а всі перевищуючі цей ліміт доходи направляти іншим членам інвестиційного товариства.

Висновок. Таким чином, проект по створенню регіонального венчурного фонду «посівних» інвестицій є економічно вигідним як для інвесторів, в особі адміністрації області та приватних інвесторів, так і для економіки регіону в цілому, так як має наслідком ряду економічних, бюджетних та соціальних ефектів. Реалізація проекту дозволить забезпечити інвестиційну потребу малих інноваційних компаній ранніх стадій розвитку і, тим самим, прискорити інноваційні процеси в області.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Федоренко В.Г. Концепція кластерної політики в Україні / В.Г. Федоренко, А.М. Тугай, А.Ф. Гойко, В.В. Джабейло // Економіка та держава. – 2008. - №11. – С. 5-15.
2. Новицький В. Імперативи інноваційного розвитку / В. Новицький // Економіка України. – 2007. – №2. – С. 47-52.
3. Федулова. Л. І. Інноваційна економіка. – К.: Либідь, 2006. – С. 155.
4. Лукашов. А.В. Венчурное финансирование. http://www.glavres.ru/glavnyy_venchurnyy_resurs/teorija

УПРАВЛІННЯ ІНВЕСТИЦІЙНИМ ЗАБЕЗПЕЧЕННЯМ ІННОВАЦІЙНОГО ПРОЦЕСУ НА РЕГІОНАЛЬНОМУ РІВНІ

© 2015

В.М. Мустяца, викладач кафедри бухгалтерського обліку та аудиту
Південний філіал Національного університету біоресурсів і природокористування України «Кримський агротехнологічний університет», Сімферополь (Крим)

Анотація: У статті розглянуто актуальні питання інвестиційного забезпечення інноваційного розвитку регіонів України. Запропонований комплекс заходів по вирішенню проблеми інвестиційного забезпечення інноваційних процесів регіону. Сформована концепція створення регіонального венчурного фонду «посівних» інвестицій на умовах державно-приватного партнерства у формі інвестиційного товариства.

Ключові слова: інвестиційні сходи, інноваційна система, інноваційний профіль, інноваційні проекти, регіональна інноваційна політики, регіональний венчурний фонд «посівних» інвестицій.

MANAGEMENT OF INVESTMENT PROVISION OF INNOVATIVE PROCESS AT THE REGIONAL LEVEL

© 2015

V.M. Mustiatsa, lecturer of accounting and audit department
The southern branch of the National University of life and environmental Sciences of Ukraine "Crimean agrotechnological University", Simferopol (Crimea)

Abstract. The article deals with topical issues of investment provision of innovative development of Ukrainian regions. Complex of measures for solving the problem of investment provision of innovative processes in the region is proposed. The concept of creating a regional venture fund of "seed" investment under public-private partnership in the form of investment partnerships is formed.

Keywords: innovation, regional innovation, regional innovation system, innovation infrastructure, infrastructure complex, innovative process.

УДК 338.24.01;351.711;332.142.4

МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА С ПОМОЩЬЮ ИНВЕСТИЦИЙ

© 2015

В.Ю. Царук, ассистент кафедры бухгалтерского учета и аудита
Южный филиал Национального университета биоресурсов и природопользования Украины «Крымский агротехнологический университет», Симферополь (Крым)

Аннотация: В статье рассмотрены мировые тенденции реализации экономического роста на примере Японии, Китая, Индии и других стран. Рассмотрены факторы, сыгравшие важную роль на этапе реструктуризации экономики. Сделаны выводы и сформулировано, что необходимо для обеспечения высокого коэффициента национальных сбережений и активизации инвестиционных процессов в Украине.

Ключевые слова: национальная экономика, международный рынок, спрос, требования, менеджмент качества, экономический рост, технополис, реформа, совместные предприятия, фонд, траст.

Економічний розвиток країн XX століття охарактеризувався ланкою стереотипів щодо першорядності наділення природними ресурсами. Так, у сімдесятих роках з'явилося «японське диво», у вісімдесятих-дев'яностих роках захоплення викликали успіхи чотирьох «маленьких драконів» (Південної Кореї, Тайваню, Сінгапуру і Гонконгу) та інших країн Південно-Східної Азії, званих «тиграми» (Філіппін, Малайзії, Таїланду, Індонезії). Останні роки особлива увага в світі приділяється зростанню китайської економіки, і її зростаючому політичному та економічному потенціалу. Кінець минулого сторіччя ознаменувався ерою розпаду соціалістичної системи господарювання, безпосереднім учасником подій якої стала Україна. У зв'язку з цим, особливо актуальним для нас є вивчення досвіду розвинених і нових індустріальних країн в частині можливості застосування його кращих сторін.

Метою дослідження є визначення методологічних підходів та механізмів активізації інвестиційно-інноваційних процесів в системі комплексного розвитку регіонів.

Аналіз останніх публікацій. Існує досить значний за обсягом та спектром шар сучасних досліджень регулювання інвестиційно-інвестиційних процесів в економіці України. Не зменшуючи значущості внеску інших дослідників, можна відзначити праці О. Алімова, С. Білої, В. Бабича, В. Бесєдіна, В. Воротіна, А. Гальчинського, В. Гейця, М. Герасимчука, М. Долішнього, В. Дорофієнка, І. Лукінова, В. Лушкіна, В. Мартиненка, А. Мерзляк, І. Павлова, П. Перерви, Д. Черваньова, М. Чумаченка та багатьох інших учених, які торкалися проблем інвестиційно-інноваційної діяльності як на рівні держави, так і на рівні окремих регіонів, підприємств.

Відсутність концептуально цілісної теоретико-методологічної бази, недосконаліть науково обґрунтованих рекомендацій і висновків з питань активізації державної інвестиційно-інноваційних процесів в системі комплексного розвитку регіонів визначили актуальність і своєчасність дослідження, його науково-практичне значення.

Виклад основного матеріалу. Бурхливе економічне зростання вищезгаданих країн посприяло тому, що вивченням феномена їх розвитку стали займатися багато вчених, науково-дослідних інститутів. У процесі дослідження виявилося безліч об'єктивних причин, серед яких: ефективний механізм залучення зовнішніх інвестиційних ресурсів, мобілізації внутрішніх, імпорт та удосконалення технологій, особливості національного менталітету, синтез науки і виробництва, система якості японського менеджменту, високий рівень освіти і культури суперництва, й інші причини. Але найбільш істотним фактором, характерним для всіх вищезгаданих країн, на наш погляд, був курс державної економічної політики, що забезпечив стабільність системи, який створив умови щодо активізації діяльності підприємців.

Основним опорним для всіх країн, включаючи країни Південно-Східної Азії та Китай, є досвід Японії, яка зуміла за дуже обмежених стартових ресурсних, фінансових та інших можливостей, в стислі терміни стати одним з лідерів світової економіки. Важко переоцінити негативний стан економіки Японії на кінець сорокових років, і перше, до чого тоді прийшла держава, - для виходу з глибокої кризи необхідна система планування, ідею якої вони запозичили від Радянського Союзу. У перші повоєнні роки планування було директивним з жорстким контролем цінових та інших показників, далі воно поступово було замінене індикативним плануванням, вказувало середньострокові цілі, які формували міжгалузеві баланси і виробляло стимули, які спонукають суб'єктів добровільно діяти у відповідності до плану [2, с.49].

В першу чергу, уряд був стурбований відновленням економіки, тому ними були зроблені кроки по створенню системи довгострокових інвестицій і позик в промисловість. Одним з істотних факторів став високий ступінь урядового контролю банківської системи, яка дозволила їм через пільгові кредити Центрального банку реалізувати державні пріоритети. Так, був прийнятий закон про «Банк фінансування відновлення», позики якого попрямували на розвиток пріоритетних галузей - вугільної, енергетики, морського суднобудування, сталеплавильного виробництва, що не забарилося дати свої результати.

Крім цього, у післявоєнні роки урядова політика була спрямована на стимулювання вкладень в скупку патентів на винаходи і технологічні нововведення по всьому світу, загальне число яких за тридцять років наблизилося до 42000, а вартість перевищила 10 мільярдів доларів. Технології, завдяки органічному поєднанню науки та бізнесу, надалі удосконалилися і послужили основою науково-технічного зростання Японії [3, с.с.11-12]. Частка витрат на науку в Японії займала і продовжує займати не менше 3% від ВВП, для порівняння, в Україні рівень витрат на науку в останні роки не перевищують 0,3% до ВВП.

Для забезпечення високого коефіцієнта національних заощаджень в Японії використовувалася традиційна схема через поштову систему, яка, незважаючи на незначність розмірів, але завдяки своїй численності, дозволила уряду направити акумульовані ресурси на створення інфраструктури та розвиток виробництва.

Значну роль у розвитку зіграла модель орієнтації національної економіки на міжнародний ринок з урахуванням його попиту і вимог, а також неперевершена система менеджменту якості. Таким чином, наприкінці 70-х - початку 80-х років Японія стала лідером з виробництва електронно-побутових товарів, в автомобіле- і суднобудуванні. Економічне зростання і, пов'язане з ним, зростання доходів приватного сектора і механізм залучення внутрішніх джерел інвестування, посприяли стабілізації не лише державних, а й приватних джерел інвестування.

Досвід Японії становить особливий інтерес для України, оскільки мова йде про концепцію «поляризованого розвитку», що отримала своє поширення в багатьох країнах. Суть її полягає в тому, що на спеціально

виділених територіях спільними зусиллями держави, приватного сектору та місцевої влади формуються нові територіально-виробничі утворення (ТПУ), покликані стати «полюсами зростання» для даних регіонів.

У вісімдесяті роки, в період переходу від високих темпів зростання економіки до стабільних і помірних темпів, акцент в економічній стратегії став переноситися на якісні показники, на «облагороджування» структури економіки. У цей час з'явилася програма «Технополіс» [4], особливості якої полягали в наступному:

а) місцеві власті повинні були стати головними ініціаторами, організаторами і координаторами проекту, причому технополіси мали фінансуватися за рахунок місцевих джерел, не обтяжуючи державний бюджет;

б) упор робився на дрібні і середні підприємства, більш ефективні в нових економічних умовах, так як вони мають полегшену організаційно-управлінську структуру, більшу мобільність при переході до випуску нової продукції;

в) центр ваги переносився на ВНЗ, наукові дослідження, інформацію, підготовку кадрів тощо, тобто на м'яку інфраструктуру;

г) надання особливого значення об'єктів соціальної інфраструктури, зокрема втіленню в технополісах передових ідей містобудування.

Закон про технополіси, прийнятий в 1983 році, виділяв наступні вимоги до зони будівництва «технополісу»:

1) дана зона не повинна входити до складу регіонів з високим ступенем концентрації промисловості;

2) мати підприємства, здатні в перспективі розробляти високі технології;

3) розташовувати промисловими територіями, водними ресурсами, земельними ділянками під будівництво;

4) включати міста з населенням не менше 150 тис. осіб, з розвиненою інформаційною, соціальною та фінансовою інфраструктурою, які можуть стати базовими або «материнськими» для створюваних технополісів;

5) обов'язкова наявність університетів, а так само автодоріг та аеропортів [1].

Фінансування здійснювалося за рахунок коштів місцевих бюджетів, а так само за підтримки Японського банку розвитку та регіональних фінансових корпорацій розвитку шляхом надання пільгового кредитування. Уряд фінансував проект «Технополіс», в основному, опосередковано і лише незначними прямими фінансовими вливаннями. Значний ефект був досягнутий зниженням податку на нові інвестиції та обладнання, а так само на будівлі та споруди.

Таким чином, особливості реалізації інвестиційного потенціалу Японії базувалися на втіленні в життя середньострокових регіональних програм розвитку і на своєрідній фінансовій системі зі значною роллю урядових фінансових інститутів, що здійснюють непряме фінансування економіки через комерційні банки. Вузька спеціалізація фінансових інститутів у свій час посприяла становленню стратегічно важливих галузей економіки.

Особливо повчальним для України, на наш погляд, є Закон про заохочення капіталовкладень, прийнятий в Тайвані в 1960 році, який зіграв ключову роль в активізації інвестиційних процесів країни. Зазначений закон гарантував звільнення від прибуткового податку на 3 роки у разі інвестицій в нові та існуючі підприємства, що ведуть до збільшення продуктивної потужності на 25%; обмежив максимальну ставку податку в 25%; звільнив частину реінвестованого прибутку від податків, звільнив від податку банківські відсотки, що знаходяться в банку два і більше років; ліквідував мито для імпорту виробничого обладнання; а так само передбачив інші заходи непрямого стимулюючого характеру[2, с.211]. Таким чином, закон стимулював зростання як внутрішніх, так і зовнішніх інвестиційних джерел.

Чималу роль у прискоренні науково-технічного розвитку зіграли екпортно-виробничі зони, індустріальні парки і, навіть традиційне щорічне нагородження приватних підприємців, які зробили істотний внесок у індустріалізацію країни. Головною опорою банківської системи Тайваню стали сімнадцять регіональних банків, у дванадцяти з яких держава мала свій інтерес, що дозволило їм надавати і стимулювати довгострокові кредити з низькою процентною ставкою переважно малому і середньому бізнесу. Тобто в черговий раз ми бачимо, як в процесі реструктуризації економіки держава займає важливу позицію у фінансово-банківській системі, що дозволяє впливати на процентні ставки і напрямки кредитування.

Аналогічна ситуація спостерігалася в Південній Кореї, де за період в 20-30 років була створена потужна багатогалузева економіка, що дозволила їй зайняти провідні позиції на світових ринках. Багато в чому такому повороту подій посприяла ситуація на міжнародному ринку поділу праці, що склалася в 60-70 роки, коли Японія здійснювала перехід від трудомістких виробництв до техно- і капіталомістких, звільнивши нішу для «драконів» і «тигрів». На відміну від Японії, де процес імпортозаміщення пройшов ще до війни, Кореї довелося почати саме з імпортозаміщення. Слід визнати, що, незважаючи на деякі недоліки імпортозаміщення, пов'язані з не завжди ефективними витратами, багатьма економістами цей процес розглядається як своєрідний імпульс, здатний додати інвестуванню форму наростаючого хвилеподібного руху, що має мультиплікативний ефект [5].

На початку реформ комерційні банки були націоналізовані, таким чином вирішилася проблема довгострокового фінансування і ефективних відсоткових ставок, необхідних для розвитку виробничого сектору. На залучення зовнішніх джерел в істотній мірі вплинув прийнятий в 1966 році Закон про стимулювання іноземного капіталу, а так само дозвіл в 1967 році іноземним банкам відкривати свої підрозділи. Через брак внутрішніх джерел інвестування частка зовнішніх була дуже висока, і в 1962 році навіть досягла 83%, проте, побоювання дефолту не виправдалися. Аналіз становлення економіки Кореї дозволив виділити наступні фактори, що сприяли зростанню: планове управління, кредитно-фінансова монополія, контроль за зовнішньою торгівлею, формування приватного бізнесу, залучення зовнішніх джерел [6]. Приватні комерційні банки з'явилися тільки на початку 80-х років, коли після досягнення певних економічних успіхів і стабільних темпів зростання держава почала поступово передавати деякі функції ринку.

В рамках дослідження складно охопити досвід розвитку всіх азіатських країн, що досягли успіхів у відносно короткі терміни, у кожної є якісь особливості реформ, що призвели до такого зростання. Але спільним для всіх них є настрій і організація всієї економічної системи на випереджальне нарощування капіталовкладень. Теоретично доведено, щоб стати вагомим і стійким джерелом фінансування капітальних вкладень, заощадження мають бути відчутною величиною в ВВП, а накопичення населення впливають на економічне зростання, коли вони досягають не менше 12-14% ВВП. У країнах Південно-Східної Азії частка заощаджень у роки значного підйому перевищувала планку в 30 відсотків. Світовий досвід свідчить: на кожен відсоток приросту ВВП країна повинна виділяти на виробничі інвестиції не менше трьох відсотків ВВП. Так, найбільш високих темпів зростання в 70-80 роках досягли Японія, з найвищою нормою заощаджень (до 20-24%), Франція і ФРН (11-12%).

У цьому зв'язку особливо повчальний досвід Китаю, де за останні п'ятнадцять років середньорічні темпи приросту економіки склали 9,3%. Якщо середньосвітова частка нагромадження у ВВП становить близько 20%, то в КНР вона досягає 40%, в 1994 -2004 році середньорічні темпи приросту інвестицій в цій країні дорівнювали

20,9%, тобто були вдвічі вище аналогічної динаміки ВВП.

З 1979 року Китай почав проведення курсу на «зовнішню відкритість», створив преференційний режим для зовнішніх інвесторів. Основний принцип, що застосовувався Китаєм при переході на новий якісний рівень розвитку можна виразити абревіатурою ІКУ [7], що означає інституціоналізація, конкуренція, управління. Інституціоналізація - створення інститутів ринкової економіки (право власності, юридична система, система комерційних і інвестиційних інститутів, торговий кодекс, бухгалтерський облік, страхування, реклама). Конкуренція має на увазі створення великої кількості нових конкуруючих фірм у всіх областях на муніципальному та загальнонаціональному рівнях. Управління - активні дії органів влади на всіх рівнях від загальнонаціонального до провінційного з підтримки промислових підприємств (будь то державних чи приватних) у наданні інформації або створенні стимулів.

Основною формою залучення іноземного капіталу були спільні підприємства (СП). Так поповнювалась не тільки нестача коштів, необхідних економіці для зростання, але й разом з капіталом в країні впроваджувалися нові технології, притягувався передовий досвід управління, створювалися нові робочі місця, розвивався експортний сектор економіки за рахунок виходу через спільні підприємства на іноземні споживчі ринки. І понині для іноземних підприємств діють дво-трирічні податкові канікули з подальшим застосуванням половинної ставки, використовуються митні пільги та інші преференції, завдяки яким ефективна середня ставка оподаткування для спільних та іноземних підприємств становить 17%, а для місцевих - 33%.

Подібна різниця в податкових умовах стимулювала «альтернативні» форми поведінки серед внутрішніх інвесторів. Так, у структурі валового припливу іноземних капіталовкладень частка ЄС і США становила 5-7 і 7-9% щорічно, Японії - 8-10%, частка Південної Кореї і Тайваню - 16%, Гонконгу - 30%, а сукупний приплив інвестицій з відомих офшорних зон (Британські Віргінські острови, Кайманові острови, Маврикій, Самоа та ін.) - 12-13% [8]. Зазвичай офшорні зони застосовуються для репатріації прибутків, і, повертаючись під виглядом іноземних інвестицій, за даних умов вони скорочують реальні податкові надходження, тим самим, зменшуючи інвестиційний потенціал країни за рахунок недобраних податків.

Незважаючи на позитивний ефект іноземних інвестицій в цілому, їм властиво вибирати найбільш ефективні зони з точки зору прибутковості проектів, тому більше 75% іноземних капіталовкладень надійшло в східні, найбільш розвинені райони. Таким чином, в Китаї, як і раніше, актуальними залишаються бюджетні інвестиції, що дозволяють реалізовувати державні пріоритети, формувати «точки зростання» економіки, що створюють синергетичний ефект у суміжних секторах. Державні інвестиції включають не тільки кошти держбюджету, а й позабюджетних фондів, коштів державних підприємств, кредитів держбанків. На сьогодні їх частка у загальному обсязі інвестицій в економіку Китаю становить близько 60%, в 80-ті роки - 80-90%, в 90-і роки - 70%.

Політика кредитування пріоритетних для економіки Китаю програм, а так само видача кредитів переважно державним підприємствам без розрахунку ринкової ефективності до кінця 1999 року призвела до накопичення «поганих» кредитів у розмірі 4 трлн. юанів (приблизно 480 млрд. доларів), частка їх у кредитному портфелі китайських банків досягала 50%. При цьому фінансування приватних підприємств було дуже убоге - 0,62% всіх банківських кредитів. Приблизно в той же часовий період частка «поганих» кредитів у Японії та Кореї становила 25-30%.

Китай і Японія для виправлення ситуації негативної ситуації вдалися до методів прямої державної підтримки, зокрема шляхом випуску державних цінних паперів. В Японії допомога національним банкам призвела до загострення проблеми державного боргу (156% ВВП в 2004 році). Китаю вдалося впоратися з цим без значних наслідків, тому що крім залучених коштів під ДЦП, самі комерційні банки використовували власні резерви і капітал для того, щоб списати погані кредити. Також значну роль зіграло рішення уряду створити державні керуючі компанії, здатні прийняти на себе погані борги і зайнятися їх збором.

В умовах ринкової економіки саме розвиток колективного інвестування здатний в значній мірі збільшити ефективність залучення внутрішніх ресурсів населення. Колись основоположниками цієї форми інвестування були Сполучені Штати Америки. Саме завдяки цьому розвинулися інструменти колективного інвестування, які в наслідок отримали розвиток в інших розвинених країнах і країнах.

Зокрема, в Індії основний вид інституту колективного інвестування носить назву «взаємний фонд». Вперше в Індії взаємні фонди з'явилися в середині 60-х років. Активи фондів росли по експоненті - з 250 млн. рупій в 1964 році до 1496 млрд. рупій в березні 2005 року.

До середини 90-х років з'явилися найрізноманітніші фонди, що відповідають різним вимогам інвесторів: фонди акцій, облігацій, змішані, галузеві, індексні, відкриті, закриті. Всі взаємні фонди в Індії організовані як трасти. Взаємний фонд може випускати інструменти із зобов'язанням їх постійного викупу на першу вимогу і без такого. Таким чином, схема колективного інвестування в Індії суттєво вплинула на підвищення ефективності використання інвестиційного потенціалу за рахунок внутрішніх джерел.

Особливої уваги заслуговують інвестиційна компанія підтримки малого бізнесу, що використовується в США з 1958 року, а так само організація фінансування науки. Сполученим штатам властиво надавати велике значення розвитку малого бізнесу. У середині 90-х років близько 40% ВВП США становив продукт малого бізнесу. У зв'язку зі значущістю ролі малого бізнесу в США функціонує Адміністрація малого бізнесу. АМБ має кілька програм надання допомоги малому бізнесу, серед яких є програма гарантії позик.

Отже, всі вищевказані приклади свідчать про значну роль інвестицій в ефективній диверсифікації економіки як в тих, що розвиваються, так і в розвинених країнах, здатних за допомогою заходів прямого і непрямого державного впливу в стислі терміни вирішувати питання підвищення темпів зростання економіки та рівня життя населення. Світовий досвід свідчить про те, що для досягнення цих цілей, держави нових індустріальних країн на початкових етапах стимулювали зовнішні позики і значно збільшували свою присутність у фінансовій системі країни, доходячи аж до націоналізації банків, що спостерігається і в нашій країні. За допомогою такої політики держава може реалізувати політику довгострокового інвестування найбільш пріоритетних для країни областей і забезпечити економічне зростання в пост кризовий період.

Досвід зарубіжних країн показує, що на етапі реструктуризації економіки особливо важливу роль зіграли:

- методи директивного та індикативного планування;
- ступінь державної участі у фінансовій системі, так як крім залучення зовнішніх інвесторів, в цих країнах особлива роль відводилася довгостроковому кредитуванню з низькими процентними ставками для стимулювання виробництва;
- законодавчі та нормативні умови для залучення зовнішніх інвесторів.

Висновок. Виходячи зі світового досвіду ефективної диверсифікації економіки, досягнення економічного зростання, вдосконалення інвестиційної політики,

Україні з метою забезпечення високого коефіцієнта національних заощаджень та активізації інвестиційних процесів, необхідне:

- реформування поштово-ощадної системи з урахуванням надання комплексу поштових, фінансових і різних непрофільних послуг. Посилення діяльності на ринку цінних паперів. У перспективі поштово-ощадна система повинна стати розвиненим фінансовим інститутом, що акумулює заощадження населення і здатне забезпечити конкуренцію комерційним банкам;

- стимулювання витрат на науку, за допомогою надання податкових пільг і преференцій підприємствам, включивши в існуюче податкове законодавство на відрахування по видатках, витрати на придбання фіксованих активів, їх установку та інших витрат капітального характеру; збільшити граничну норму амортизації при обчисленні амортизаційних відрахувань для машин та обладнання не менше 30% (зараз 25%); збільшити амортизаційні відрахування на використання проривних інноваційних технологій не менше 40%;

- вирівнювання соціально-економічного розвитку регіонів, за допомогою поширення концепції «поляризованого розвитку», раціональне визначення «полюсів зростання» для регіонів, у тому числі інвестиційних точок зростання. У цих цілях необхідно розробити схему ефективного розміщення продуктивних сил, з урахуванням географічних, історичних, культурних, економічних, соціальних та ін. особливостей регіону. Ключова роль у цих регіонах повинна відводитися місцевій владі. Вони повинні стати ініціаторами та координаторами інвестиційних проектів, при цьому фінансування проектів в розвинених регіонах має здійснюватися за рахунок коштів місцевого бюджету, а в депресивних регіонах - за рахунок державного бюджету та шляхом надання пільгових кредитів фондами розвитку;

- розвиток сільського господарства. Сільське господарство має сприяти імпортозаміщенню, за допомогою зростання харчової та легкої промисловості. У цьому зв'язку має посилитися роль держави в розвитку кластерів. Це також стане передумовою для кластерної концентрації дрібних підприємців навколо великих виробництв;

- розширення регіональних філій комерційних банків, що повинно привести до підвищення частки нагромаджень у сільських місцевостях. На даний момент, пошта - це практично єдина потужна мережева структура, що має доступ практично до всього населення України;

- розвиток інвестиційних банків, які будуть спеціалізуватися на фінансуванні довгострокових інвестиційних проектів, проектів малого та середнього бізнесу та сільського господарства.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Доклад о мировом развитии – 2005 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: www.un.org/russian/esa/docs/wdr2005.pdf

2. Економіка України: стратегія і політика довгострокового розвитку / За ред. В.М. Гейця. – К.: Ін-т екон. прогнозув.; Фенікс, 2003. – 1008 с.

3. Економічна енциклопедія: У 3 т. / [ред.-упоряд. С. Мочерний]. – Львів.: Світ, 2006. – 568 с.

4. Електронний бюлетень Офісу спільної підтримки для сприяння інтеграції України до європейського дослідницького простору. – січень-березень 2010 р. – Вип. 1. – С. 10. – Режим доступу: http://www.fp7-ncp.kiev.ua

5. Європейський вибір. Концептуальні засади стратегії економічного та соціального розвитку України на 2002-2011 рр. Послання Президента України до Верховної ради від 23.02.2000 № 276а/2000 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon.rada.gov.ua

6. Жихор О.Б. Інноваційна політика розвитку регіонів: теорія та практика формування, механізми реалізації: монографія / О.Б. Жихор. – Львів: Інститут регіональних досліджень НАН України, 2009. – 544 с.

7. Закон «Про наукову і науково-технічну діяльність» від 13.12.1991 №1977-XII / Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 1992. – №12. – Ст.165. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon.rada.gov.ua

8. Закон України «Про стимулювання розвитку регіонів» від 08.09.2005 №2850-IV / Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 2005. – №51. – Ст.548 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon.rada.gov.ua

СВІТОВІ ТЕНДЕНЦІЇ РЕАЛІЗАЦІЇ ЕКОНОМІЧНОГО ЗРОСТАННЯ ЗА ДОПОМОГОЮ ІНВЕСТИЦІЙ

© 2015

В. Ю. Царук, асистент кафедри бухгалтерського обліку та аудиту
Південний філіал Національного університету біоресурсів і природокористування України «Кримський агротехнологічний університет», Сімферополь (Крим)

Анотація: У статті розглянуто світові тенденції реалізації економічного зростання на прикладі Японії, Китаю, Індії та інших країн. Розглянуто чинники, що зіграли важливу роль на етапі реструктуризації економіки. Зроблено висновки та сформульовано, що необхідно для забезпечення високого коефіцієнта національних заощаджень та активізації інвестиційних процесів в Україні.

Ключові слова: національна економіка, міжнародний ринок, попит, вимоги, менеджмент якості, економічне зростання, технополіс, реформа, спільні підприємства, фонд, траст.

GLOBAL TRENDS IN IMPLEMENTATION ECONOMIC GROWTH THROUGH INVESTMENT

© 2015

V. Y. Tsaruk, assistant Professor of accounting and audit of the southern branch
National University of life and environmental Sciences of Ukraine "Crimean agrotechnological University", Simferopol (Crimea)

Abstract. In the article the implementation of global trends of economic growth on the example of Japan, China, India and other countries was reviewed. The factors that played an important role on the stage of economic restructuring were examined. The conclusions were formulated, what's needed to ensure a high coefficient of national savings and investment processes in Ukraine.

Keywords: national economy, international market demand, requirements, quality management, economic growth, technopolis, reform, joint ventures, foundation, trust.

УДК 316.1:65.01

ПЕРСПЕКТИВЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ТОЛЬЯТТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

© 2015

И. В. Цветкова, доктор философских наук, профессор кафедры «История и философия»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация. Понятие «инновационный потенциал» стало вводиться в научный оборот как социологическая категория в конце прошлого века. В российских социальных науках категория «инновационный потенциал» рассматривается в контексте рационального использования ресурсов для достижения инновационного эффекта, который может выражаться в технических, технологических показателях новизны, полезности, экономичности использовании ресурсов. На сегодняшний день инновации рассматриваются в контексте экологической рациональности, которая предполагает учет безопасности, надежности, снижения рисков негативного воздействия на среду обитания. При оценке инноваций в различных сферах деятельности большое значение придается экономическим критериям: конкурентоспособности, экономическая безопасность использования новшества прибыльность новшества с учетом возможных рисков. Социальный эффект от использования инновации проявляется в повышении удовлетворенности труда, снижении текучести кадров, улучшении социально-психологического климата. Таким образом, результат внедрения инноваций имеет комплексный, интегральный характер, оказывающий системное влияние на социум. Автор статьи анализирует результаты социологических исследований в Тольятти об отношении горожан к инновациям. Было выделено две группы участников опроса. В первую группу вошли активные участники инновационных процессов, а во вторую – наблюдатели. Автор сравнивает результаты анкетирования по отношению данных групп к инновациям. Прослеживаются существенные различия в представлениях двух групп респондентов о приоритетах инновационного развития. Активные участники инноваций чаще в своих ответах отмечают отрасли, которые способствуют диверсификации экономики моногорода: машиностроение, энергетику, образование, добывающую промышленность, жилищное хозяйство и утилизацию отходов. Представители группы «наблюдателей» чаще среди приоритетов развития называют отрасли традиционные для моногорода: автомобилестроение, химическую промышленность, а среди новых – развитие медицинских технологий.

Ключевые слова: инновационное развитие, моногород, модернизация, стратегии развития, сферы городской жизни, инновационный потенциал, участники инноваций, промышленность.

Постановка проблемы:

Изучение инновационного потенциала – одно из важных направлений современных социально-экономических исследований, связанных с решением проблем регионального развития. С позиций управления инновационный потенциал рассматривается как совокупность статистических и экономических показателей, которые позволяют сравнивать возможности регионов в производстве инновационной продукции и получения прибыли от ее реализации. Разработано множество методик по оценке инновационного потенциала регионов для их сравнительного анализа.

Социальный эффект от использования инновации проявляется в повышении удовлетворенности труда, снижении текучести кадров, улучшении социально-психологического климата. Таким образом, результат внедрения инноваций имеет комплексный, интегральный характер, оказывающий системное влияние на социум.

Разработка категории «инновационный потенциал» связана с изменением трактовки инновационного развития, которое нашло отражение в международных документах. Например, в последней редакции руководства «Осло» по ведению статистического учета инноваций сделан акцент на необходимость изучения социально-экономической инфраструктуры инноваций. [1].

Категория «инновационный потенциал» с точки зрения управленческих функций употребляется в контексте создания благоприятных условий для разработки и внедрения инноваций, и предполагает повышение эффективности использования ресурсов. [2,с.207].

В.Н. Гунин полагает, что инновационный потенциал — это предполагаемые или уже мобилизованные на достижение инновационной цели (реализацию инновационной стратегии) ресурсы и организационный механизм (технология деятельности и организационная структура) [3,с.34].

При оценке инновационного развития в нашей стране большое значение имеет анализ региональных особенностей. С точки зрения Г.С. Гамидова, инновационный потенциал региона (отрасли) — это способность и готовность региона (отрасли) осуществлять эффективную инновационную деятельность [4].

Целенаправленное развитие инновационного потенциала общественного производства в современных условиях предполагает учет усложнения содержания, структуры и динамики ресурсной базы инновационного развития; повышения роли вероятностных факторов, связанных с определением путей использования ресурсов инновационного потенциала для достижения целей инновационной деятельности; усиления функций государственного регулирования и контроля инновационных ресурсов [5].

Развитие технологий обусловливает существенные изменения механизмов и условий прогресса материального производства. Главными становятся не установление связи между природными процессами и техническими системами, не инженерное проектирование, а разнообразные комбинации уже созданных и функционирующих элементов, базисных процессов и принципов.

При этом наблюдается, своеобразный парадокс, который можно проследить на основе анализа результатов социологических исследований. В регионах с высокой концентрацией образовательных учреждений (Москва и Томск) отношение к инновациям весьма индифферентное [6.с.114]. Согласно, данной тенденции население Самарской области, и Тольятти, в особенности, следует отнести к группе регионов с высокой заинтересованностью в инновациях [5].

Согласно, сравнительному анализу субъектов РФ, уровень инновационного развития регионов находится в сильной зависимости от географического положения, уровня знаний в области инновационного менеджмента, типа региональной экономики (экспортоориентированный, импортозависимый, сбалансированный), от степени технологичности производства, инновационной активности и ресурсного потенциала. По комплексным показателям инновационного развития Самарская область входит в перечень ведущих регионов [7].

Думается, что этот парадокс, который выражается в большей заинтересованности инновациями регионов, испытывающих серьезные социально-экономические проблемы, вызван последствиями модернизации. Модернизация промышленного производства в условиях рыночной экономики предполагает обновление технико-технологического базиса. Однако процессы модернизации производства порождают множество со-

циальных противоречий.

Они формируются под влиянием целого ряда социальных факторов и находят выражение в формировании социально-профессиональных групп, которые связаны с разработкой и внедрением инноваций. Инновационное развитие регионов в современных условиях зависит, в первую очередь, от политической воли руководителей. Для этого должна быть создана эффективная система контроля над выполнением программ инновационного развития, по образному выражению, «принуждения к инновациям». По остроумному выражению С.Лескова, «Все материальные стимулы в инновационной деятельности должны способствовать созданию в обществе всеобщего убеждения, что, «Если ты не инноватор, ты проиграл» [8].

Концепция анкетного опроса

Для изучения отношения населения г.о. Тольятти к инновационным процессам студентами и сотрудниками кафедры «Социология» Тольяттинского государственного университета было проведено анкетирование. Описание особенностей инновационного потенциала Тольятти послужило основой для создания инструментария и отбора респондентов. В опросе приняли участие 672 респондента в возрасте от 22 до 60 лет. Данные возрастные рамки были выбраны для того, чтобы изучить мнение людей, которые характеризуются наиболее высокими способностями к осуществлению трудовой деятельности. Анкетирование было проведено среди жителей, которые в настоящее время имеют постоянную работу, на основе квотной пропорциональной выборки. Критериями для выделения квот служили пол и возраст. Опрос проводился по месту жительства респондентов во всех районах города. Данная модель выборки позволяет корректно распространить данные в пределах ошибки репрезентативности ±5% для уровня значимости 0,05 в масштабах г. Тольятти. В зависимости от возраста респонденты распределены следующим образом: 22% опрошенных – это участники опроса от 22 до 30 лет, к возрастной группе 31-40 лет относится 30% респондентов. Респонденты в возрасте 41-50 лет составляют 19% опрошенных, а 30% – относятся к возрастной группе 51-60 лет.

Гипотеза исследования. Оценка инновационного потенциала Тольятти его жителями, занятыми в общественном производстве, во многом зависит от условий разрешения противоречия между высоким технико-технологическим потенциалом предприятий, на которых работают респонденты, и реальными возможностями его реализации в условиях модернизации моногорода.

Участие тольяттинцев в инновационных процессах

При проведении анкетирования была поставлена задача изучения социальных характеристик работников инновационных предприятий, а также специалистов, занятых разработкой и внедрением инноваций. В зависимости от участия в инновационных мероприятиях респонденты были разделены на две группы. Они были получены в результате кластерного анализа К-середин с использованием программы SPSS-20. Кластер построен на основании анализа результатов ответа респондентов на вопрос: «Каково Ваше личное участие в разработке инноваций?». Респонденты могли выделить несколько вариантов ответа. В первый кластер включено 159 респондентов, что составляет 24% от числа опрошенных. А во второй - входят 513 участников опроса (76%). Первый кластер включает активных участников инновационных процессов. Среди них: 17% респондентов являются разработчиком научного проекта с инновационным эффектом; 16% участников опроса занимаются изобретательством, рационализацией, 42% опрошенных являются работниками структуры, которая внедряет инновации; 36% респондентов – это работники предприятия, специалисты, на которых внедряются инновации. Поскольку респонденты, могли выделить несколько вариантов ответа, сумма ответов превышает 100%.

Во второй кластер вошли респонденты, которые выбрали вариант ответа: «Разработкой и внедрением инноваций не занимаюсь». Тем не менее, данные участники проявляют заинтересованность по отношению к инновациям.

Участникам анкетирования был задан вопрос: «В каких сферах, по Вашему мнению, инновации внедряются наиболее интенсивно?». Респондентам был предложен перечень из 15 сфер общественного производства, которые рассматриваются в качестве приоритетных в программных документах по развитию региона. Данная шкала позволяет выбрать несколько вариантов ответа, в зависимости от мнений участников опроса. Две пятых респондентов среди инновационных сфер называют информационные технологии.

Треть участников опроса выделяют медицину и автомобилестроение. Четверть опрошенных считают, что инновации проявляются в строительстве, образовании и сфере обслуживания. Пятая часть респондентов отмечает инновационные изменения в энергетике и в машиностроении. Инновации в химической промышленности отмечены 15% опрошенных, а в производстве продуктов питания – 13% респондентов.

Десятая часть участников опроса выделяют инновационные изменения в жилищно-коммунальном хозяйстве, добывающей промышленности и в сельском хозяйстве. Утилизация отходов была выделена в качестве инновационной сферы в 8% анкет, а строительство дорог в 6%.

Прослеживаются существенные различия в представлениях двух групп респондентов о приоритетах инновационного развития. Активные участники инноваций чаще в своих ответах отмечают отрасли, которые способствуют диверсификации экономики моногорода: машиностроение, энергетику, образование, добывающую промышленность, жилищное хозяйство и утилизацию отходов. Не случайно в этот перечень работники инновационных предприятий включают сферу образования. Эффективные связи между промышленными предприятиями и вузовской наукой выступают одним из основных стимулов развития инновационного потенциала города. Представители группы «наблюдателей» чаще среди приоритетов развития называют отрасли традиционные для моногорода: автомобилестроение, химическую промышленность, а среди новых – развитие медицинских технологий. Этот перечень сфер предполагает, в первую очередь, модернизацию сфер, которые сформировались в советский период, которая приведет к повышению качества продукции в соответствии с современными мировыми стандартами. Выделение медицины среди приоритетных сфер связано с необходимостью удовлетворения насущных потребностей горожан в качественном медицинском обслуживании, которое на сегодняшний день оставляет желать лучшего. В частности, это находит выражение в высоких показателях распространения опасных заболеваний в городе.

Ответы респондентов на вопрос: «В чем, по Вашему мнению, проявляются положительные стороны инноваций?» - представлены ниже. Номинальная шкала включает 10 позиций, отображающих социально-экономические изменения, которые происходят под влиянием внедрения новшеств

Треть респондентов считает, что эффект от инноваций в нашем регионе, городе проявляется в создании новых рабочих мест. 28% отмечают влияние инноваций на повышение уровня и качества жизни населения.

Четверть опрошенных полагает, что инновации увеличивают экономический потенциал, инвестиционную и социальную привлекательность региона за счет внедрения новых технологий. Данные аспекты чаще выделяют работники инновационной сферы.

Пятая часть опрошенных отмечает, что инновации повышают качество образования, а 14% респондентов отмечают, что инновации способствуют объединению ресурсов ВУЗов для повышения качества научных ис-

следований.

17% опрошенных считают, что инновационный эффект состоит в создании энергосберегающих, наукоемких технологий. Этот вариант ответа работники инновационных предприятий отмечают чаще, чем в среднем по массиву.

15% респондентов видят положительный эффект внедрения инноваций в развитии сети малых инновационных предприятий (МИП), а также в оказании реальной помощи в реформировании ЖКХ.

22% опрошенных по массиву затруднились ответить на вопрос. Среди работников инновационной сферы затруднившихся в два раза меньше, чем по массиву.

Таким образом, согласно ответам респондентов, их ожидания от инноваций в первую очередь, связаны с позитивными изменениями рынка труда, расширением возможностей трудоустройства. Данная проблема приобретает особую остроту в условиях моногорода, зависящего от стабильной работы градообразующего предприятия – АвтоВАЗа. Модернизация производства на этом предприятии происходила в условиях преодоления кризиса и была связана с массовыми сокращениями. В течение двух лет численность работников АвтоВАЗа сократилась со 102 тыс. человек до 72 тыс. Некоторых работников отправили на пенсию, часть сотрудников перевели в дочерние предприятия. Однако новое руководство АвтоВАЗа продолжает сокращения персонала. Строительство Особой экономической зоны в Тольятти открывает новые возможности для трудоустройства рабочих, инженерно-технических специалистов. На сегодняшний день в ОЭЗ «Тольятти» зарегистрировано 17 компаний-резидентов с общим объемом инвестиций, превышающим 19 млрд. рублей, и числом создаваемых рабочих мест – 5093. 2014 год станет годом официального запуска особой экономической зоны «Тольятти». [9].

Выводы по исследованию

Результаты анкетирования демонстрируют зависимость оценки инновационного потенциала респондентов от их реального участия в процессах разработки и внедрения инноваций в условиях моногорода. Это находит проявление, в частности, в представлениях о приоритетных направлениях инновационного развития Тольятти. Работники инновационных предприятий города реже среди них отмечали: автомобилестроением, строительство, медицину, химическую промышленность. Участники опроса, которые судят об инновациях с позиций наблюдателей, отдают предпочтение традиционным для экономики города отраслям.

Подобные различия вызваны оценкой результатов модернизации градообразующего предприятия представителями двух кластерных групп. Для сторонних наблюдателей инновационный эффект проявляется в появлении новой продукции. Инженерно-техническим специалистам, работающим в Тольятти, весьма сложно привносить какие либо новшества в эти сферы, поскольку они базируются на заимствованных технологиях, которые не предполагают существенных усовершенствований.

Работники инновационных предприятий предлагают развивать отрасли, которые открывают возможности для формирования и реализации их инновационного потенциала: машиностроение, энергетику, утилизацию отходов, жилищно-коммунальное хозяйство и т.д.

Ожидания респондентов от инновационных преобразований связаны с развитием рынка труда. Подобные представления обусловлены социальными последствиями модернизации градообразующего предприятия, которые проявляются в сокращении персонала, снижении численности инженерно-технических кадров, поскольку внедрение иностранных технологий не требует привлечения высококвалифицированных кадров. Данная модель модернизации порождает множество не только экономических, но и социальных проблем [10].

Как ни парадоксально, но модернизация обостряет проблемы трудоустройства инженерно-технических кадров, квалифицированных рабочих. Нередко можно слышать информацию о необходимости подготовки новых поколений рабочих и инженеров в соответствии с потребностями рынка труда. При этом на промышленных предприятиях периодически происходят сокращения рабочих и инженерных кадров [11]. Между тем реализация стратегий инновационного развития предприятий предполагает повышение престижа инженерно-технического творчества, создания благоприятных условий для научных исследований. А это, в свою очередь, невозможно без создания системы эффективных стимулов для научно-технической, инновационной деятельности. Таким образом, модернизация кадровых процессов порождает потребность в формировании и реализации инновационного потенциала работников предприятий.

Инновационный потенциал можно рассматривать как совокупность средств эффективного разрешения социально-экономических противоречий, вызванных модернизацией. Данные процессы в современном обществе влияют на все уровни социальной системы и требуют адекватных решений, обеспечивающих не только адаптацию к изменениям, но долгосрочных стратегий стабильного и устойчивого развития.

Работа выполнена в рамках НИР темплана Проект № 383: «Работники промышленной и научно-технической сферы в условиях моногорода (на примере социологического анализа Тольятти)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1.Вопросы измерения научно-технологической деятельности. Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. Третье издание Совместная публикация ОЭСР и Евростата. Перевод на русский язык. Государственное учреждение «Центр исследований и статистики науки» (ЦИСН). – Москва. – 2010.

2.Уткин Э.А. Инновационный менеджмент. – М.: АКАЛИС, 1996. – 207 с.

Уткин Э.А. Инновационный менеджмент. – М.: АКАЛИС, 1996. – 207 с.

3.Гунин В.Н., Баранчеев В.Н., Устинов В.А. и др Управление инновациями: 17-модульная программа для менеджеров «Управление развитием организации». Модуль 7 М.: Инфра-М, 2000. 252с.

4.Основы инноватики и инновационной деятельности / Г. С. Гамидов, В. Г. Колосов, Н. О. Османов . – СПб. : Политехника, 2000 . 323 с.

5.Развитие инновационной деятельности в Самарской области (2009-2015 гг.): Областная целевая программа / Постановление Правительства Самарской области от 27 марта 2009 года. №187.// Электронный ресурс http://www.zakonprost.ru/content/regional/57/819538(Дата обращения 24.01.2014)

6.Полутин С. В., Седлецкий А. В. Анализ инновационного потенциала региона // Регионология. 2010. № 02. С. 110-116.

7.Краснобаева И.А., Ковалева Л.Н. Анализ существующих методик рейтингования субъектов РФ как элементов национальной инновационной системы по уровню инновационного развития // Электронный ресурс http://old.rguts.ru/electronic_journal/number15/contents. (Дата обращения 14.01.2014)

8.Лесков С.Л. Живая инновация. Мышление XX1 века. М.:Просвещение,2009. 256 с.

9.Первое производство на ОЭЗ «Тольятти» будет запущено в июне 2014 года// Электронный ресурс http://www.tolru.ru/society/news/2731.html

10. Цветкова И.В. Оценка социальной ситуации в моногороде и перспективы его реформирования // Социологические исследования. –2013. –№7. – С.88-94.

11.На «АвтоВАЗе» готовится приказ о сокращении 7,5 тысяч рабочих мест // URL:http://www.tolru.ru/society/news/2731.html. (дата обращения 24.01.2014)

PROSPECTS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF TOGLIATTI (ACCORDING TO THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

© 2015

I.V. Tsvetkova, doctor of philosophy sciences**,** professor of the chair «History and Philosophy»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract. The concept of innovation has been introduced into scientific use as a sociological category in the end of the last century. In Russian social Sciences category "innovative potential" is considered in the context of rational use of resources to achieve innovation effect, which can be expressed in technical, technological performance of novelty, usefulness, cost-effective use of resources. Today, innovations are considered in the context of ecological rationality, which implies taking into account the security, reliability, reduce the risk of negative impacts on the environment. When evaluating innovations in various fields attaches great importance to economic criteria: competitiveness, economic security innovations profitability of innovations with regard to possible risks. The social effect of the use of innovation is reflected in increased satisfaction, reduced turnover, improvement of the socio-psychological climate. Thus, the innovation is a complex, integrated nature of providing systemic impact on society. The author analyzes the results of sociological research in Togliatti about the attitude of citizens to innovation. Was allocated to two groups of respondents. The first group became active participants in the innovation process, and the second observer. The author compares the results of the survey in relation to these groups to innovate. There are significant differences in the views of two groups of respondents on the priorities of innovative development. Active participants in the innovation more often in their responses celebrate the industry that contribute to the economic diversification of the company towns: engineering, energy, education, mining, housing and waste disposal. Representatives of the group of "observers" more often among development priorities referred to as the industry's traditional towns: automotive, chemical industry, and among the new advances in medical technology.

Keywords: innovative development, industrial city, modernization, development strategies, sphere of city life, innovative capacity, the participants of innovation, industry.

УДК 330.341.1:338.43.01/.02

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ВЫХОДА ИЗ НЕСТАБИЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

©2015

И. М. Червяков, доцент кафедры «Экономическая теория»
ЧВУЗ «Херсонский экономически-правовой институт», Херсон (Украина)

Аннотация: Рассмотрены инструменты реализации стратегии перехода к развитию регионального промышленного комплекса в условиях финансово-экономической нестабильности, приведена система показателей оценки фактического состояния и эффективности реализации стратегии перехода к развитию РПК. Определены основные этапы методики стратегического планирования выхода из нестабильного состояния. Предложен комплекс инструментов организационно-экономического управления промышленностью региона в нестабильных финансово-экономических условиях, обеспечивающих реализацию стратегии развития РПК на основе региональной промышленной политики и индикативного планирования.

Ключевые слова: промышленная политика, стратегическое планирование, устойчивое развитие регионов, интенсивные инвестиции, эффективность реализации стратегии, потенциал региона, система показателей.

Промисловість, як основа економіки і фундамент її розвитку, визначає основні характеристики соціально-економічного середовища більшості регіонів України. У зв'язку з цим, виявлення фінансово-економічних та організаційно-управлінських причин і розробка науково-обґрунтованих заходів щодо подолання негативних явищ у промисловості, викликаних наслідками світової економічної кризи, являє собою одне з найважливіших завдань управління підприємствами, галузями, територіально виробничими комплексами і регіональною економікою в цілому [1].

Метою статті є розробка теоретичних, методологічних та прикладних засад формування стратегії реструктуризації та реорганізації регіональних промислових комплексів та механізмів її реалізації шляхом створення регіональних зон інноваційного розвитку.

Аналіз останніх публікацій. Теоретичним і прикладним аспектам реструктуризації та реорганізації регіональних промислових комплексів присвячені розробки, представлені у наукових працях, таких науковців, як В. М. Заболотного, А. М. Власової, Б. А. Жаліло, С. М. Козаченка та інших. Ґрунтовний доробок щодо сформування та використання нової системи функціонування промисловості в умовах нестабільного середовища та економічного розвитку регіонального промислового комплексу в контексті забезпечення ефективності функціонування національної економіки здійснено вітчизняними науковцями: О.М. Алимовим, Б. М. Данилишиним, В.В. Микитенко, О.І. Тимченко, В.Ю. Худолей, А.І. Чухно, Л.Г. Чернюк, О.С. Шнипко та іншими.

Виклад основного матеріалу. Проявившись, спочатку, у фінансовій сфері, світова економічна криза почала позначатися на стані різних галузей промисловості і регіональних промислових комплексів (РПК) України. В результаті, в скрутному становищі опинилися регіони з розвиненим промисловим сектором.

Успішне подолання наслідків фінансово-економічної нестабільності і перехід до розвитку регіональної економіки може здійснюватися з урахуванням поступової зміни зовнішніх чинників економічної та фінансової діяльності на основі науково-обґрунтованого стратегічного планування виходу з кризового стану і переходу до розвитку регіональної економіки, що включає використання методології індикативного планування і комплексу антикризових заходів, насамперед, для промисловості регіонів [2].

Регіональний промисловий або територіально-виробничий комплекс, будучи найважливішим компонентом економіки регіонів, як об'єкт стратегічного планування та антикризового управління, являє собою сукупність вертикальних і горизонтальних промислових кластерів, а також окремих виробничих підприємств різних галузей промисловості, розташованих та / або зареєстрованих на території одного регіону. РПК використовують матеріальні і економічні ресурси регіону, регіональну інфраструктуру і об'єднані в регіональні логістичні системи і ланцюги поставок загальними матеріальними, фінансовими, інформаційними та сервісними потоками [3].

Стратегічне планування розвитку РПК покликане забезпечити цілеспрямовану діяльність з форму-

вання конкурентних переваг регіону в нестабільних умовах зовнішнього середовища. РПК, як об'єкт стратегічного планування, являє собою сукупність вертикальних і горизонтальних промислових кластерів, а також окремих промислових підприємств даного регіону, які використовують його економічні ресурси, регіональну інфраструктуру і об'єднані в логістичні мережі та регіональні ланцюги поставок загальними логістичними потоками (матеріальними, фінансовими, інформаційними та сервісними). Їх діяльність здійснюється під впливом економічних, соціальних, науково-технічних, правових та екологічних факторів як регіонального, так і національного ділового середовища.

Регіональні фактори визначаються стратегією і політикою регіональних влад, національні чинники формуються в результаті функціонування державного законодавства та організаційно-правового регулювання, реалізації стратегії соціально-економічного розвитку країни та відповідних державних цільових програм [4].

Однією з основних умов забезпечення сталого розвитку регіонів є безперервне та ефективне планування діяльності промислового сектору економіки. Метою стратегічного планування розвитку РПК є створення довготривалих умов для організації і розвитку конкурентоспроможних промислових підприємств і комплексів, а метою тактичного планування - визначення індикативних контрольних показників та розробка організаційно-управлінських заходів щодо реалізації промислової політики і встановлених цілей розвитку промисловості регіону [5].

Таблиця 1 - Уточнюючі стратегії розвитку регіонального промислового комплексу

Стратегія	Зміст стратегії	Умови вибору
Стратегія підтримки промислового потенціалу	Інвестувати у формування та реалізацію конкурентних переваг	Висока привабливість сфери, але недостатня конкурентоспроможність
Стратегія нарощування промислового потенціалу	Інвестувати в чинники, що забезпечують зростання привабливості сфери діяльності	Низький інвестиційний потенціал, який не дозволяє зберегти досягнуту високу конкурентоспроможність
Стратегія реалізації промислового потенціалу	Зростання масштабів діяльності в обраній сфері за рахунок реінвестицій	Висока привабливість і конкурентоспроможність сфери діяльності
Стратегія формування техніко-економічного потенціалу	Інвестувати в створення нових перспективних сфер діяльності	Висока привабливість (перспективність), низький потенціал і конкурентоспроможність
Стратегія розвитку промисловості з орієнтацією на внутрішній ринок	Розвиток промисловості з орієнтацією на внутрішнє споживання, розвиток логістичних мереж і ланцюгів поставок	Падіння попиту на зовнішніх ринках збуту
Стратегія розвитку промисловості з орієнтацією на внутрішньодержавне співробітництво; на розвиток державних логістичних мереж і ланцюгів поставок	Розвиток промисловості з орієнтацією на внутрішньоукраїнське співпрацю промислових підприємств в рамках національних логістичних мереж і ланцюгів поставок	Глобальна фінансово економічна нестабільність
Стратегія підвищення енерго- і ресурсоефективності промисловості	Впровадження енерго- і ресурсоефективність технологій у промислове виробництво	Висока енерго- і матеріаломісткість продукції, що випускається, велика кількість різноманітних відходів
Стратегія розвитку малого і середні бізнесу в промисловості регіону	Підтримка розвитку малих і середніх промислових підприємств	Скорочення ємності ринку Падіння зайнятості Диференціація попиту
Стратегія вдосконалення промислового потенціалу на основі впровадження міжнародних стандартів якості та управління охороною навколишнього середовища	Активне використання міжнародних стандартів якості, екологічного менеджменту, управлінського та екологічного аудиту; розробка технологічних регламентів	Вихід на міжнародні ринки Підвищення вимог споживачів Необхідність охорони навколишнього середовища
Стратегія організації громадських робіт з розвитку інфраструктури промисловості	Розвиток інфраструктури регіональної промисловості, логістичних мереж і ланцюгів поставок	Фінансово-економічна нестабільність Зростання безробіття

Найважливішим фактором розвитку регіональної економіки є забезпечення інтенсивних інвестицій в ресурсоенергоефективні технології та виробництва переробних галузей промисловості. Пріоритетність формування промислових кластерів та забезпечення сталого розвитку окремих підприємств як об'єктів інвестування, а також розробка основних напрямів формування сприятливого соціально-економічного середовища визначаються стратегічним плануванням функціонування промисловості регіону. Інвестиційне середовище, що представляє собою сукупність економічних, правових, соціальних і природних факторів, визначає інвестиційний потенціал РПК.

Регіональна промислова політика має забезпечувати реалізацію стратегії розвитку РПК. На основі регіональної промислової політики здійснюється вибір інструментів і механізмів, процедур контролю фактичного стану і регулювання процесу управління реалізацією стратегії, тому від правильності формулювання політики залежить ефективність реалізації стратегії переходу до сталого розвитку РПК [6].

Створення конкурентоспроможної промисловості регіону висуває особливі вимоги до процесів модернізації на основі використання досягнень науково-технічного прогресу, міжнародних стандартів якості продукції та охорони навколишнього природного середовища; до підвищення рівня людського потенціалу регіону, обумовленого, передусім, кваліфікацією і компетентністю інженерно-технічних фахівців і менеджерів, робітників і службовців, здоров'ям населення, а також умовам розвитку логістичних мереж і зростання платоспроможного попиту на регіональну промислову продукцію. Ці показники організаційно-економічного стану промислових кластерів та окремих підприємств РПК можуть бути забезпечені за рахунок підвищення рівня оплати праці; організаційно-технічного та фінансового оздоровлення організацій; збільшення обсягів держзамовлення і розширення його номенклатури; пільгового оподаткування, системи кредитів і штрафів, виплат цільових субсидій; створення певного іміджу вітчизняного виробництва, сприяння просуванню наукомісткої української продукції на експорт; розвитку міжрегіональних логістичних мереж. Дані вимоги, пропоновані на сучасному етапі до підвищення ефективності функціонування промислових комплексів, кластерів та підприємств є основою для науково-обгрунтованого формування промислової політики регіонів, створення заходів щодо реалізації заходів державної та регіональної підтримки РПК [7].

Таблиця 2 - Інструменти реалізації стратегії переходу до розвитку РПК в умовах фінансово-економічної нестабільності

Інструменти	Стимулювання	Стабілізація	Обмеження
Фінансові (бюджетні, податкові, кредитно-грошові)	Операції з регіональними цінними паперами на фондовому ринку Субсидії на розвиток галузей промисловості Стимулюючі субвенції підприємствам, що знаходяться в складних економічних умовах Прискорена амортизація Податкові пільги	Цільове кредитування Страхування кредитів Бюджетні гарантії приватним інвесторам Дотації та субвенції місцевим бюджетам Податкові знижки на інвестиції (податковий кредит) Надання фінансових гарантій регіональних влад для реалізації інвестиційних проектів	Ставки та строки сплати податків, що зараховуються до регіонального бюджету Моніторинг інвестиційних проектів у регіоні
Економічні	Пільгові умови і порядок використання землі, матеріальних та природних ресурсів	Регіональне замовлення Створення регіональних логістичних мереж Часткова компенсація витрат з виплати лізингових платежів в частині оплати банк. відсотків	Регулювання цін і тарифів
Правові	Спрощення правил державної реєстрації підприємців. Активне використання процедур електронного уряду	Законодавчі акти з інноваційної та інвестиційної діяльності	Ліцензування діяльності Обов'язкові вимоги по досягненню контрольних параметрів (мін. Статутний капітал, зарплата)
Організаційно-Адміністративні	Інвестиційний фонд розвитку промисловості за участю адміністрації регіону Створення приватно-державних партнерств та інноваційних технопарків. Розробка методичних рекомендацій щодо проведення контрольно-еталонного тестування	Навчання фахівців Створення бізнес-інкубаторів Інформаційні та консалтингові послуги з організації інноваційних технопарків, підприємств малого та середнього бізнесу, венчурних підприємств	Створення координуючого органу з участю регіональної адміністрації (комітети, асоціації, спілки)

У статті запропоновано комплекс інструментів

організаційно-економічного управління промисловістю регіону в нестабільних фінансово-економічних умовах, що забезпечують реалізацію стратегії розвитку РПК на основі регіональної промислової політики та індикативного планування (таблиця 2).

Пропоновані інструменти класифіковані за сферами застосування (фінансові, економічні, правові, організаційно-управлінські) і за видами здійснюваних організаційно-економічних заходів (стимулюючі, стабілізуючі, обмежуючі). Застосування даних інструментів і відповідних заходів дозволяє підвищити гнучкість розроблюваних стратегій розвитку РПК, що включає регіональні промислові кластери й окремі підприємства регіону при змінах економічних, природоохоронних, науково-технічних, організаційних і соціальних факторів.

Для контролю та оцінки ефективності реалізованої стратегії переходу до розвитку РПК запропонована система індикативних показників фактичного стану та ефективності реалізації стратегії, яка використовує всі основні зазначені вище індекси стійкості соціально-економічного розвитку регіону та включає загальні регіональні, групові та приватні показники ефективності функціонування РПК, а також утворює його вертикальні і горизонтальні промислові кластери та окремі підприємства (таблиця 3) [8].

Таблиця 3 - Система показників оцінки фактичного стану та ефективності реалізації стратегії переходу до розвитку регіонального промислового комплексу

Групи індикативних показників	Загальні (регіон в цілому)	Кластерні (промислові кластери)	Приватні (окремі підприємства)
Економічні	Індекс промислового виробництва, знос основних фондів, введення з дію промислових об'єктів, рівень конкурентоспроможності регіону, індекси стійкості економічного розвитку	Рівень конкурентоспроможності підприємств і ланцюгів поставок Показники ресурсо енергоефективності Рівень логістичних витрат Додана вартість	Частка ринку, обсяг продажів, знос обладнання Коефіцієнт завантаження обладнання Продуктивність праці Значення ключових показників продуктивності (KPI)
Фінансові	Обсяг податкових надходжень в регіональний бюджет, участь у національних проектах і програмах	Рентабельність Показники ефективності спільних інвестиційних проектів	Рентабельність, платоспроможність, ліквідність, кредитоспроможність, коефіцієнти фінансової стійкості і незалежності, капіталізація
Соціальні	Рівень зайнятості Рівень безробіття Індекс стійкості соціального розвитку Індекс розвитку людського потенціалу	Рівень зайнятості Рівень заробітної плати	Співвідношення зростання продуктивності праці та заробітної плати; кількість травм і профзахворювань
Інноваційні	Частка інноваційної продукції у ВРП Індекс стійкості інноваційного розвитку Інноваційність регіону	Інноваційна активність Ефективність спільних інноваційних проектів	% Зниження собівартості продукції в результаті інновацій
Природоохоронні	Індекси якості навколишнього природного середовища	Обсяг, склад і концентрація викидів у навколишнє природне середовище	Відхилення від значень граничнодопустимих викидів і концентрацій забруднень

Методика стратегічного планування виходу з нестабільного стану і переходу розвитку РПК, включає в себе етапи.

Етап 1. Формулювання стратегічних цілей. Стратегічні цілі розвитку РПК слідують із стратегії соціально-економічного розвитку держави та регіону і узгоджуються з цілями промислових кластерів та окремих промислових підприємств.

Етап 2. Стратегічний аналіз соціально-економічних умов переходу до розвитку регіонального промислового комплексу. Вибір стратегії переходу до розвитку РПК ґрунтується не тільки на оцінці внутрішніх можливостей промислових підприємств, а й пов'язаний з виявленням зовнішніх можливостей і загроз, що передбачає вивчення поточного стану та перспектив виходу з нестабільного стану і переходу до соціально-економічному розвитку регіону з використанням запропонованого індикативного методу. Даний аналіз дозволяє виявити фактори, що перешкоджають розвитку РПК, а також сформувати комплекс заходів щодо зниження загроз і використання сприятливих можливостей.

Етап 3. Стратегічне позиціонування підприємств і промислових кластерів РПК. Позиціонування здійснюється на основі використання запропонованої матриці стратегій розвитку елементів РПК. Аналіз позицій промислових кластерів і підприємств дозволяє вибрати комплексну стратегію розвитку і уточнюючі стратегії для кожної сфери діяльності (галузі).

Етап 4. Вибір стратегії переходу до розвитку РПК. При виборі стратегії враховується стан соціально-економічного середовища регіону. Для подолання кризових ситуацій в роботі запропонований набір антикризових стратегій, які забезпечують утримання промислових підприємств в режимі виживання і поступового переходу до розвитку.

Етап 5. Розробка регіональної промислової політики з використанням індикативного планування. Регіональна промислова політика розробляється для створення умов, що забезпечують нейтралізацію негативних факторів для удосконалення економіки РПК і сприяють ефективній реалізації обраної стратегії переходу до розвитку РПК. Вона заснована на принципах національної промислової політики і дозволяє визначати вибір найбільш раціональних інструментів реалізації регіональної стратегії, у тому числі формулювати довгострокові цілі та науково обґрунтовані індикативні показники.

Етап 6. Формування комплексу інструментів реалізації стратегії переходу до розвитку РПК. Вибір інструментів пов'язаний з сучасним станом і поточними завданнями антикризового управління, що стоять перед промисловими підприємствами регіону. Запропоновані інструменти дозволяють розробити заходи щодо стимулювання, стабілізації та обмеження діяльності елементів РПК.

Етап 7. Оцінка ефективності реалізації стратегічних програм переходу до розвитку РПК. Оцінка ефективності реалізації стратегії здійснюється в ході моніторингу сучасного стану промисловості регіону. Необхідна система моніторингу стану економіки РПК. Визначення загальних регіональних, групових і приватних показників ефективності РПК, а також вхідних до його складу вертикальних і горизонтальних промислових кластерів та окремих підприємств, дозволяє виявити відхилення від стратегічних цілей, а також внести коректування в стратегію і програми переходу до розвитку РПК.

Висновок. Завдання розробки науково-обґрунтованих інструментів стратегічного планування розвитку та організації антикризового управління регіональними промисловими комплексами, на основі системного аналізу промислового потенціалу регіону та обліку зміни умов соціально-економічного середовища регіону, являє собою актуальну наукову задачу, що має як істотне практичне значення для економіки країни, так і наукове значення для розвитку теорії стратегічного управління галузями, підприємствами та промисловими комплексами регіонів.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Пилясов А.Н. Развитие региональной науки и вызовы перед российским сообществом экономико-географов и региональных экономистов / А.Н. Пилясов// Региональные исследования. – 2010. – №3(29). - С.16-41.

2. Регіони України у післякризовий період: ризики та перспективи розвитку: аналіт. доп. / С. О. Біла, О. В. Шевченко, В. І. Жук, М. О. Кушнір [та ін.]; за ред. С. О. Білої. – К. : НІСД, 2011. – 104 с.

3. Трансформація структури господарства України: регіональний аспект / За ред. Г.В. Балабанова, В.П. Нагірної, О.М. Нижник. – К.: Міленіум, 2003. – 404 с.

4. Гаджиев Ю.А. Новые формы территориальной организации производства и другие теории регионального

экономического роста и развития. – [Електронний ресурс] / Ю.А. Гаджиев – Режим доступу:http://koet.syktsu.ru/vestnik/2008/2008-3/3/3.htm

5. Довідка щодо стану інституційного забезпечення інвестиційної та інноваційної діяльності в Україні – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.me.gov.ua/control/publish/article/main?art_id=127481&cat_id=127480.

6. Закон України «Про пріоритетні напрями інноваційної діяльності» від 16.01.2003 р. №433IV // Відомості Верховної Ради України. 2003. № 13. С. 93-98.

7. Закон України «Про заходи щодо державної підтримки суднобудівної промисловості в Україні» від 18.11.1999 р. № 1242-XIV (із змінами за Законами вкл. від 13.12.2001 р. № 2892-III) // Відомості Верховної Ради України. 2000. - № 3. - С. 20-23.

8. Ендовицкий Д.А. Комплексный анализ и контроль инвестиционной деятельности: методология и практика / Под ред. Л.Т. Гиляровской. М.: Финансы и статистика, 2001. - 400 с.

СТРАТЕГІЧНЕ ПЛАНУВАННЯ ВИХОДУ З НЕСТАБІЛЬНОГО СТАНУ РЕГІОНАЛЬНОГО ПРОМИСЛОВОГО КОМПЛЕКСУ

© 2015

І. М.Червяков, доцент кафедри «Економічна теорія»
ПВНЗ «Херсонський економічно-правовий інститут», Херсон (Україна)

Анотація. У статті розглянуто інструменти реалізації стратегії переходу до розвитку регіонального промислового комплексу в умовах фінансово-економічної нестабільності, приведена система показників оцінки фактичного стану та ефективності реалізації стратегії переходу до розвитку РПК. Визначено основні етапи методики стратегічного планування виходу з нестабільного стану. Запропоновано комплекс інструментів організаційно-економічного управління промисловістю регіону в нестабільних фінансово-економічних умовах, що забезпечують реалізацію стратегії розвитку РПК на основі регіональної промислової політики та індикативного планування.

Ключові слова: промислова політика, стратегічне планування, сталий розвиток регіонів, інтенсивні інвестиції, ефективність реалізації стратегії, потенціал регіону, система показників.

STRATEGIC PLANNING OF EMERGING FROM THE UNSTABLE CONDITION OF THE REGIONAL INDUSTRIAL COMPLEX

© 2015

I.M. Chervyakov, Associate Professor
Private Higher Educational Institutions «Kherson Economics and Law Institute», Kherson (Ukraine)

Annotation: In the article the instruments of implementation strategies to promote regional industrial complex in terms of financial and economic instability, reduced system of indicators to measure the actual state of implementation and effectiveness of strategies to promote regional industrial complex. The basic stages of strategic planning techniques out of the unstable state are defined. The complex of organizational tools of economic management industry in the region with unstable financial and economic conditions is proposed, that ensure the implementation of the strategy of regional industrial complex on the basis of regional industrial policy and indicative planning.

Keywords: industrial policy, strategic planning, sustainable regional development, intensive investment, the efficiency of the strategy in the region, scorecard.

УДК 316.35.023.6

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2015

О.В. Шиняева, доктор социологических наук, профессор кафедры «Политология, социология и связи с общественностью»
Е.Р. Ахметшина, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Политология, социология и связи с общественностью»
Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск (Россия)

Аннотация. Актуальность теоретического и эмпирического исследования профессиональной идентичности в условиях нестабильной экономики обусловлена потребностью установить соответствие реальных представителей профессии требованиям модернизации российского социума и его социальных институтов. В институте высшего профессионального образования требуется новая модель преподавателя; уточнение ее содержания необходимо осуществлять, опираясь на мнения самих участников образовательного процесса. Процесс стратификации вузов России уже сейчас определяет расстановку сил на общероссийском и региональных образовательных пространствах, влияет на статус и содержание труда преподавателей. В статье дан подробный анализ теоретических подходов в социологии к определению профессиональной идентичности вообще и идентичности преподавателей высшей школы, в частности. Выделенные показатели идентичности проверены в авторском социологическом исследовании, реализованном при помощи массового анкетного опроса и полуформализованного интервью преподавателей, работающих в учебных заведениях разного статуса.

Ключевые слова: социальная и профессиональная идентичность, трансформация института высшего образования, профессиональное самочувствие преподавателей высшей школы.

Радикальные изменения, происходящие в российском обществе, определили новые условия функционирования профессий. Изменившиеся вызовы в подготовке квалифицированных кадров, растущий интерес населения к высшему образованию обусловили иные требования со стороны общества и к профессиональной группе «преподаватели вузов». Введение федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения завершает очередной этап реформы высшего профессионального образования в России, ориентированный на подготовку кадров нового поколения. Новые стандарты работы со студентами отвечают принципам Болонского процесса; одновременно они предполагают другой уровень подготовки профессорско-преподавательского состава, иные результаты образовательной деятельности [1, с. 23].

В меняющемся пространстве высшего профессионального образования усиливается роль преподавателей как основных субъектов, действующих в заданных стандартах, но с высокой ступенью автономности. В западной социологии профессий преподавательская деятельность признана одним из самых сложных видов социальной деятельности. Готовность российских преподавателей высшей школы к изменению трудовых практик в новых условиях связана с их ощущением себя в профессии.

Постановка проблемы. Функционирование профессиональной группы «преподаватель вуза» в современной России характеризуется нарастающим в последнее десятилетие противоречием: с одной стороны, на эту группу возложена высокая миссия кадрового обеспечения экономического подъема; с другой, усиливается рассогласование и нестабильность социального статуса преподавателей. Противоречие требует разработки теоретико-методологических основ профессиональной идентичности преподавателей вузов в изменившихся социально-экономических, политических и институциональных условиях.

От понимания сущности идентификационного поведения зависит разработка его показателей, факторов и закономерностей их проявления. Общие характеристики идентификационного поведения нашли отражение в зарубежных концепциях социальной идентичности. Введение понятия «идентичность» в междисциплинарный научный обиход связано с исследованиями Э. Эриксона, посвященными представлениям граждан о принадлежности к национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим социальным группам. Понятие идентичности в работе Э. Эриксона «Идентичность: юность и кризис» обозначает «твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем многообразии социальных отношений» [2, с. 8].

Французский социолог Э. Дюркгейм напрямую связывал формирование социальной сущности человека с профессиональной сферой и разделением общественного труда. По мнению социолога, «в каждом из нас …есть два сознания: одно, общее нам со всей нашей группой, которое, следовательно, представляет не нас самих, а общество, живущее и действующее в нас; другое, наоборот, представляет то, что в нас есть личного и отличного, что делает из нас индивида» [3, с. 173]. На основании этого двуединства формируется два вида солидарности общества: механическая, основанная на единстве функций всех участников, и «органическая», основанная на уникальности индивидов и их труда.

Американский социолог Т. Парсонс выделил два уровня солидарности индивида с социумом, отражающих сущность социальной идентификации: во-первых, ориентация в целостной системе действий, в которую человек включен; во-вторых, индивидуальное самоопределение в ценностно-нормативном пространстве [4, с. 123]. Выделение уровней идентификации является важным методологическим основанием в исследовании профессиональной идентичности преподавателей высшей школы, предусматривающим выражение идентичности преподавателей вузов через их ценностно-нормативные установки («индивидуальное самоопределение») и профессиональные практики («система действий»).

Структурный подход, обладая методологическими открытиями, имеет ряд ограничений изучения профессиональной идентификации в условиях нестабильной профессиональной структуры. Отношения «индивид-общество» при этом подходе трактуются как нормативные и обусловленные положением индивида в социальной структуре; при этом сами нормативы и условия находятся в постоянном движении. Из рассмотрения исчезают действия и переживания представителей профессии; их место занимает реакция индивидов на требование системы.

Кардинально иное направление осмысления профессиональной идентичности проистекает из прагматической теории «самости», разработанной Дж. Мидом и Ч. Кули. Концепция символического интеракционизма раскрывает свойства идентичности, продуцируемые в ходе социального взаимодействия. Идентичность – это результат «коммуникаций с себе подобными, в ходе которых формируется ролевое поведение; социальная сре-

да является решающим фактором развития «самости» индивида» [5, с. 246].

Дж. Мид различает *два типа идентичности*: 1) осознаваемая – человек сам размышляет о своем поведении, он не автономен, но свободен думать о цели и тактике поведения; 2) неосознаваемая – человек нерефлексируемо принимает нормы поведения, привычки, ритуалы группы [6, с. 98]. В своей теории Дж. Мид важное значение придает *трем формам проявления идентичности* – языку, игре и коллективной игре. Эти формы «интерсубъективной» активности представлены в преподавательской деятельности: профессиональный язык является средством самовыражения преподавателя и осознания себя через других; «игра» связана с выполнением преподавателем одновременно нескольких ролей (педагога, исследователя, организатора, эксперта), которые предназначены для ролевого научения; «коллективная игра» выражается в деятельности профессиональных коллективов преподавателей при наличии нормативной солидарности или, по Дж. Миду, «обобщенного другого».

В рамках коммуникативного направления социологии немецкий социолог Ю. Хабермас сформулировал концепцию баланса идентичности. В своих работах он предложил использовать *вертикальное измерение* идентичности – «связность истории жизни конкретного индивида»; а также *горизонтальное* – «выполнение требований всех ролевых систем, к которым принадлежит индивид». Только на пересечении этих измерений возможен баланс идентификационного поведения или «Я-идентичность» как совокупность личностной и социальной идентичностей [7, с. 59]. Установление этого баланса происходит с помощью техник взаимодействия: частная сфера «артикулирует» общественное мнение, вступая с социальными институтами в диалогические отношения. Применение данной концепции к исследованию профессиональной идентичности означает, что преподаватели, вписываясь в ролевую систему трансформирующегося института образования, должны ощущать связность и непрерывность своей деятельности. В противном случае наступает *кризис идентичности*.

Кризис идентичности, по мнению Э. Фромма, в современном обществе порожден тем, что представители разных профессий стали «инструментами в руках бюрократической машины, предпочитая иметь, а не быть» [8, с. 117]. Для преодоления кризиса необходимо развивать индивидуальную инициативу в повседневной жизни. Принимая эти положения, можно подчеркнуть необходимость стимулирования инициатив преподавателей вузов в реформировании высшей школы, которые делают возможным преодоление кризиса идентичности.

Современная интегративная социология, базирующаяся на объединении интерпретативных и структурно-функциональных теорий профессиональной идентичности, представлена идеями Петра Штомпки. Польский социолог развил положения о взаимодействии действующих агентов и социальных структур; выделил уровни поведенческой идентификации индивидов – «деятелей, ограниченных в своей деятельности», «социальных целостностей надиндивидуального типа» [9, с. 268]. Согласно П. Штомпке, действующие агенты и социальные структуры имеют такие модусы существования, как потенциальная возможность («внутренние способности и возможности») и действительность («развитие, поведение, деятельность»). Данный подход результативен при определении взаимосвязи между личностными ресурсами и реальными поведенческими практиками преподавателей вузов.

В представлениях российских социологов, идентичность имеет содержательный, объяснительный, обобщающий и временный характер [10, с. 15], а профессиональная идентичность является «одним из ключевых механизмов социализации личности, стержнем личности, обязательным компонентом взаимосвязи с социальным статусом, социальными ролями и институтами» [10, с. 23]. В отечественной социологии понятие профессиональной идентичности встречалось редко до 1990-х годов. Популяризатором исследований различных аспектов идентичности в советской социологии стал И. С. Кон: он выделил разные типы идентичности: психофизиологическая, социальная, личная, отнеся профессиональную к социальной идентичности. Используя идеи зарубежных и отечественных авторов, И. С. Кон интерпретировал идентичность как «условный конструкт личности, который содержит в себе динамические мотивационные тенденции, уравновешивая внешние и внутренние импульсы» [11, с. 56].

По мнению В. А. Ядова, вопрос самоидентификации – это «определение того, какое сообщество индивид принимает как свой социум, где границы этого сообщества, и как оно связано с другими, какова его собственная позиция в этих взаимосвязях». В. А. Ядовым предложена интерпретация профессиональной идентичности как «осознание, переживание своей принадлежности к профессиональной общности» [12, с. 160]. Важно подчеркнуть, что В. А. Ядов рассматривает профессиональное поведение через стратегию построения «мы-идентичностей». Базисной социальной функцией идентификации является включение в систему социальных взаимосвязей через общности и группы, которые обеспечивают защиту жизненных интересов индивида и его потребностей в самосохранении, развитии и самовыражении. При этом функциональная идентичность не противоречит идеальной в тех случаях, когда достижение личного интереса в определенной ситуации совпадает с идеальной идентичностью профессиональной группы [12, с. 162].

Результаты исследований В. А. Ядова о тенденциях формирования новой социальной идентичности демонстрируют, что резкие изменения в политике и экономике России приводят к масштабным психологическим катастрофам, прерывающим привычные профессиональные отношения, дестабилизирующим структуры. Экономико-политические и социальные изменения затрагивают профессиональную сферу, поскольку касаются большого количества людей, что неизбежно приводит к развитию *масштабных социогенных профессиональных кризисов.* Суть кризиса идентичности В. А. Ядов видит в разрушении прежних оснований солидаризации, обособлении групповых интересов и отсутствии силы, способной создать условия для их согласования. Основной характеристикой идентичности, по В. А. Ядову, становится ее неустойчивость и хаотическая смена самоидентификаций [12, с. 176-177], что характерно для рассматриваемой нами профессиональной группы.

В России 2000-х гг. актуализировалась проблема самоидентификации личности вообще и профессиональной идентификации, в частности. Такое состояние идентичности стало нормой современных обществ. Это связано с таким явлением как «спрессованный исторический период», когда «драматические макро-трансформации сопряжены с быстрыми и фундаментальными изменениями в микросистемах социума» [13, с. 80]. В реформировании высшей школы данное явление особенно актуально для изменения ценностей и норм новых поколений преподавателей, профессиональная идентификация которых реализуется в пространстве разрушенных ценностей и норм.

На основании анализа официальных документов и результатов исследований мы выделили характеристики «идеального преподавателя вуза», соответствующего социальному заказу к профессиональной группе. (таблица 1).

Основными качествами современного преподавателя являются: осознанность социальной миссии, преобладание внутренних профессиональных мотивов над внешними, склонность к саморазвитию, расположенность к

педагогической деятельности, активность в научной сфере, проявление гражданских позиций.

Таблица 1 - Критерии и показатели «идеального» преподавателя вуза: нормативные требования

Критерии	Показатели
Осознание социальной ответственности профессии	– исполнение просветительской роли, – ответственность за подготовку молодых специалистов; – воспроизводство и трансляция новых знаний
Преобладание внутренних мотивов профессиональной деятельности	– расположенность к педагогической деятельности, – творческие технологии, – стремление к интеллектуальному совершенствованию
Способность к профессиональному саморазвитию	– самообразование, – освоение новых знаний по предмету, – конструирование педагогических технологий, – знание профессиональной этики и норм поведения
Владение специфичными формами деятельности	– авторитетность и наставничество, – аналитическая деятельность, – проявление гражданских позиций
Характер профессиональной занятости	– воздержание от совмещения работы с видами деятельности, не связанными с профессией – использование практик совместительства, повышающих профессиональную компетентность
Активность в научной сфере	– включенность в научно–исследовательскую работу – результативность инновационной деятельности, – готовность к созданию научной школы

Структуру профессиональной идентичности преподавателей вузов описывают следующие компоненты: «*профессиональный потенциал*» и «*поведенческие практики*». Опираясь на зарубежные и отечественные модели профессиональной идентичности, в категорию «*профессиональный потенциал*» мы включили аксиологические (ценности, идеалы, образцы поведения и общения) и когнитивные (профессиональные знания) компоненты профессиональной идентичности. Категория «*поведенческие практики*» включает деятельностные компоненты и, как результат, статус преподавателя в социально-профессиональной иерархии. В совокупности значимые показатели идентичности определяют профессиональную мобильность, удовлетворенность представителей профессиональной группы трудом, лояльность к профессии и своему вузу, субъектность в профессиональном труде.

Перечисленные теоретико-методологические подходы мы положили в основу *собственного исследования «Преподаватель вуза: трансформация профессии»*, в ходе которого проведен анкетный опрос преподавателей вузов Приволжского федерального округа (n = 1420; 2013г.) и полуформализованное интервью преподавателей из российских вузов разного статуса (n = 100; 2014 г.).

Результаты эмпирического исследования в федеральных, национальных исследовательских, государственных бюджетных университетах продемонстрировали противоречивость профессиональной идентичности преподавателей вузов разных страт. На *ценностном уровне* это выражается в рассогласовании смысла профессии: в элитных учебных заведениях преподаватели чаще «продают образовательные услуги»; в массовых университетах – сохраняют за собой функции просвещения, воспитания и социализации. На *поведенческом уровне* противоречивость проявляется в разрушенной преемственности поколений преподавателей (вертикальной идентичности), нацеленной на передачу успешных профессиональных практик, норм общения, традиций. В вузах всех категорий наиболее критичной является профессиональная идентичность молодых преподавателей; она складывается в пространстве разрушенных прежних ценностей профессии и отсутствия понятных перспектив.

Налицо – набирающий силу кризис идентичности профессиональной группы, который охватывает преподавателей всех категорий вузов, при этом формы его проявления различны. Среди преподавателей элитных университетов распространена более высокая критичность восприятия престижа профессии; они в большей степени не удовлетворены потенциалом потребителей, материальным вознаграждением за свой труд и материально-техническим обеспечением учебного процесса. Преподаватели государственных бюджетных вузов чаще представляют себя просветителями, но вынуждены подчиняться требованиям времени; рассогласование их статуса выражается сомнениями профессионального выбора.

Анализируя результаты полуформализованного интервью преподавателей вузов, мы пришли к следующему обобщению: высокий «престиж» профессии воспринимается преподавателями как «уважаемость» в обществе в силу ответственности, которую они берут за будущее россиян; низкие оценки престижа профессии интерпретируются как «снижение внимания государства к профессиональной группе». Это противоречие является следствием «статусной рассогласованности»: *«в моральном смысле профессия престижна, в социальном и экономическом – нет»*.

Проанализировав ответы на открытые вопросы анкеты, представим рейтинг ценностей в профессии, наиболее значимых для преподавателей вузов (рисунок). Его возглавляют такие качества как «общение со студентами», «достижения и результаты учеников», «преподавание», «возможность передачи опыта» – для большей части преподавателей достижение своего «продолжения в учениках» остается приоритетным ориентиром деятельности, предназначением профессии. Причины снижения ценности научно-исследовательской работы, практик повышения квалификации связаны с формальным подходом к оценке результатов этих видов деятельности.

Рисунок – Рейтинг профессиональных ценностей в оценке преподавателей вузов (% от числа опрошенных, n = 1420)

Примечание: вопрос предполагал несколько ответов, поэтому в сумме больше 100%

В целом, ядро представлений профессорско-преподавательского состава о неотъемлемых качествах «идеального преподавателя вуза» соответствует основным профессиональным функциям: авторитетность в области своего предмета (55%), общая эрудиция (45%), культура речи и порядочность (по 37%), трудолюбие (32%), аналитические способности (31%). Однако такие харак-

теристики, как интеллигентность (30%), справедливость (26%), инновационность (26%), коммуникабельность (23%) вытеснены на периферию качеств «идеального» представителя профессии.

Изучая направленность профессиональной деятельности, мы предложили преподавателям оценить причины, которые *удерживают их в профессии* и в высшей школе – факторы лояльности к профессии. *Внутренние* причины связаны с творческим характером и высокой общественной полезностью труда, стремлением к определенному кругу общения. Они чаще выражены у преподавателей старших возрастных групп, занимающих более высокие должности. *Внешние* причины представляют собой побуждения, которые находятся за пределами труда как такового: свободный график работы, карьерный рост, возможности дополнительных заработков. Эти мотивы чаще удерживают в профессии представителей возрастной группы от 30 до 40 лет. Преподаватели-женщины чаще приходят в профессию как «педагоги по призванию», более лояльны к условиям труда и перспективам. Преподаватели-мужчины чаще мотивированы на реализацию в науке, что проявляется в более высоких статусно-должностных характеристиках.

Выводы

Анализ профессиональной идентичности преподавателей вузов не должен ограничиваться изучением ролей и форм профессионального поведения. От социологов требуется выделение перспектив трансформации профессии и готовности к ней основных субъектов; необходимо фиксировать не только функциональное соответствие нормам, но и степень рассогласования идентификационного баланса, наступление кризиса профессиональной идентичности в оценках преподавателей.

Мы предлагаем следующее рабочее определение как интерпретацию объекта будущих исследований: *профессиональная идентичность преподавателей вузов* есть осознание, ощущение и переживание субъектами своей причастности к профессиональной группе, сложившиеся в результате отождествления с профессиональной деятельностью. Показателями восприятия профессии выступают ценности и роли, практики профессиональной мобильности в меняющихся условиях труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Соснин, Н.В. Модульность в структуре содержания обучения в компетентностной модели высшего профессионального образования / Н.В. Соснин // Высшее образование сегодня. – 2009. – №7. – с.23–25.
2. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – Пер. с англ. – М.: Флинта, 2006. – 342 с.
3. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1996. – 494 с.
4. Парсонс, Т. Система современных обществ. / Т. Парсонс. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
5. Мид, Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / Дж. Г. Мид. – РАН. Центр социал. научн.-информ. исследований. – М., 2009. – 290 с.
6. Ионин, Л.Г. Символический интеракционизм // Критика современной буржуазной теоретич. социологии. - М.: Наука, 2003. – 290 с.
7. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Academia, 1995. – 244 с.
8. Фромм, Э. Иметь или быть. – М.: Аст, Астрель, 2010. –320 с.
9. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
10. Волков, Ю.Г. Идентичность и гуманистическая социология: взгляд в будущее. - Социально-гуманитарные знания, 2006. – 228 с.
11. Кон, И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. / И.С. Кон. – М.: Политиздат, 1984. – 336 с.
12. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. – 1995. – № 3–4, с. 158–181.
13. Данилова, Е.Н. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ / Е.Н. Данилова, А.В. Ядов // Социологические исследования. – 2004. – №10. – С. 67–82.

PROFESSIONAL IDENTITY OF UNIVERSITY PROFESSORS: THEORETICAL AND EMPIRICAL RESULTS OF RESEARCH

© 2015

O.V. Shinyaeva, Doctor of social sciences, professor, head of «Political science, sociology and public relations»
E.R. Akhmetshina, Candidate of social sciences, associate professor of «Political science, sociology and public relations»
Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk (Russia)

Abstract. The relevance of theoretical and empirical research of professional identity in an unstable economy caused the need to establish compliance with the requirements of the profession of real modernization of Russian society and its social institutions. The institute of higher education requires a new model of the teacher; clarification of its content should be implemented based on the perceptions of the participants in the educational process. The process of stratification of Russian universities now determines the balance of power on the national and regional educational spaces, influences the status and the content of work of university professors. The article provides a detailed analysis of theoretical approaches in sociology to the definition of professional identity and the identity of all university teachers in particular. The allocated indicators of identity are verified in the author's sociological research realized by means of mass questionnaire and the semi-formalized interview of the professors working in educational institutions of different status.

Keywords: social and professional identity, transformation of the institution of higher education, social well-being of University professors.

УДК 316.334.22

ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА И СПРОСА РЫНКА ТРУДА

© 2015

О.Ю. Щербакова, кандидат социологических наук, ст. преподаватель кафедры «Социология»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Формирование и реализация кадрового потенциала зависит от всех образовательных структур, но особенно от высшего профессионального образования. Траектория всего кадрового потенциала выявляется в формировании степени интеграции рынков труда и образовательных услуг. Важно определить, какие процессы включает в себя образовательная услуга, какие ее составляющие являются образующими элементами, которые отражаются при выборе той или иной специальности у абитуриента. Дисбаланс проявляется в противоречиях рынков труда и образовательных услуг: между спросом работодателя и его возможностью обеспечить рабочими местами выпускников, между предложением молодых кадров в качестве рабочей силы и возможностью трудоустройства; в нестабильности и кардинальных изменениях структуры рынка труда, которые заранее лишают перспективных рабочих мест будущих молодых специалистов. Увеличение количества учебных заведений в условиях кризисной демографической ситуации, которая характеризуется уменьшением потребителей образовательных услуг, провоцирует повышение собственной активности за счет набора на престижные специальности без учета их востребованности на рынке труда. Это в свою очередь усиливает напряженность в реализации кадрового потенциала, который в данной ситуации нуждается в переподготовке для повышения своей востребованности на рынке труда. Увеличиваются лагуны не заполняемых рабочих мест, таким образом, усиливается противоречие социальной мобильности рынка образовательных услуг и готовности регионального рынка труда перестроиться на процесс интеграции. Иными словами, рынок труда на данный момент не готов сам по себе выступать эффективным инструментом реализации кадрового потенциала. Для решения обозначенных проблем необходимо проводить постоянные мониторинги.

Ключевые слова: кадровый потенциал, рынок труда, рыночные отношения, вуз, взаимодействие, трудоустройство выпускников, практические навыки, образовательные услуги.

В докладе Европейской комиссии обращается внимание на то, что основу экономики и общества, ориентированного на знания, составляют четыре важных компонента: производство знаний, передача знаний при помощи образования, распространение знаний через СМИ и использование знаний в различных технологических нововведениях.

В условиях рыночных отношений при росте конкуренции между вузами возрастает значение средств коммуникации внутри социума, благодаря которым различные социальные группы получают информацию об образовательных услугах и о запросе на них на рынке труда. Рынок труда и рынок образовательных услуг диалектически взаимосвязаны, хотя подчас их отношения не бывают гармоничными. Они требуют подробного изучения, поскольку результаты их взаимодействия отражаются на общей экономике страны. Вуз признается «социально ответственным субъектом, который обязан отдавать отчет обществу в своих действиях и поступках» [1], при этом прибыль становится необходимым условием функционирования, но не конечной целью. Деятельность рассматриваемой системы направлена, на наш взгляд, это важно отметить, не на увеличение образовательных услуг, не на повышение конкурентоспособности, а важнее всего – это ее направленность на обеспечение и поддержание интеллектуального воспроизводства страны, которые формируют ее потенциал, благодаря качеству образования и благодаря научным школам, фундаментальным разработкам, которые выступают гарантом стабилизации развития страны. Важнее выработать критерии, которые бы определяли факторы функционирования вузов в новых рыночных условиях и критерии результативности для выпускников вузов, как специалистов профессий, необходимых для нынешней ситуации на рынке труда.

Успешность мероприятий по модернизации образования должна оцениваться востребованностью продукта образования, который был получен в результате этих мероприятий. Основным результатом качества образования является кадровый потенциал, то есть выпускник вуза. Его востребованность на рынке труда, оценка работодателем его опыта, умения и навыка создают условия реализации его потенциала как специалиста.

Результаты исследования [2] трудоустройства выпускников показали, что распределение выпускников по сферам деятельности наглядно демонстрирует: 30% в сфере образования и науки; 15% - автомобилестроение (на ВАЗе и его дочерних предприятиях); 10% - химическая промышленность; 7% - строительство, коммерческая деятельность, различные промышленные предприятия; 5% - машиностроение, органы управления, сфера финансов и страхового бизнеса;

3% - транспорт и связь, здравоохранение; 2% - сфера торговли, бытового обслуживания, сфера ЖКХ, правоохранительные органы, сфера культуры.

Как мы видим, лидирует область образования и науки, что является подтверждением авторитета ТГУ как научно-исследовательского центра региона. Его ориентацию на потребности города как градообразующего университета демонстрируют показатели занятости в производстве и промышленности, которые находятся на второй позиции опроса.

Среди условий, которые затрудняют поиск работы, выпускники на первое место относят «недостаток рабочих мест» – 66,67% (его отметили респонденты, которые на момент опроса являлись домохозяйками или безработными). На второе место выпускники отнесли проблему «низкая оплата труда» – 50% (которая больше коснулась области промышленных предприятий и преимущественно респондентов женского пола – 43,75%, что объясняется специфичной гендерной ситуацией на рынке труда в целом).

В сравнении с предыдущими годами, общая ситуация трудоустройства остается неоднозначной. Доля респондентов, которые считают, что по специальности для них устроится сложно – увеличилась в четыре раза, а тех, кто считает это сложным, но возможным снизился всего на одну позицию. Экономическая инфраструктура города не изменилась кардинально, она по-прежнему стабильна, поскольку новых предприятий, которые могли считаться достаточно крупными по обеспечению рабочих мест, в городе не появилось. Наибольшие показатели относятся к ответу «работу найти трудно, но можно», их отметили представители ВАЗа, промышленного производства и бюджетной сферы. Представители банков в большинстве считают, что в их сфере можно устроиться легко – 100%. По этой позиции расхождения в гендерной характеристике различий не обнаружено.

Динамика трудоустройства выпускников по показателям временного периода демонстрирует незначительные различия, но приоритет остается за теми выпускниками, которые определились на 5 курсе университета.

Успешность их трудоустройства объясняется наиболее реалистичным отношением к поиску работы, они наиболее способны ориентироваться на сегодняшний спрос рынка труда. Количественный показатель таких респондентов составил 23%. Временной период по принятию решения по трудоустройству характеризуется следующим образом: 22% выпускников ТГУ определяются с будущей работой уже на 4–5 курсах, данное утверждение принадлежит по количественному показателю юношам (каждый четвертый респондент), которые являются работниками ВАЗа, сферы малого и среднего бизнеса, банка и промышленных предприятий. Заметно сократились и сроки поиска работы по специальности среди будущих молодых специалистов. Около 30% выпускников отмечают, что уже работали до поступления в ТГУ. Такой ответ наиболее характерен для работающих в сфере ВАЗа, бюджетной сфере, промышленных предприятий, работе по найму. У 7% респондентов на поиски работы уходит – от полугода до года, у 2% – более года.

Приоритетным условием, которое повышает шанс в поиске и трудоустройстве на работу, по показателям является «наличие опыта работы по профессии» – около 80%, так считают работники ВАЗа, промышленных предприятий, малого и среднего бизнеса. В диапазоне от 42% – 50% разместились условия: знание иностранного языка, умение работать на компьютере, высокий уровень профессиональной подготовки, востребованная профессия. В пределах 33% - 38% находятся личные связи, знакомства, возраст, умение находить общий язык с разными людьми (причем девушки вдвое чаще указывали на эти признаки, чем юноши). То, что пол играет решающую роль при трудоустройстве, отметили лишь 21% респондентов, чаще всего это ответы девушек, находящихся в категории «домохозяйка, безработный», поэтому есть вероятность субъективного взгляда на данную ситуацию. Выявление уровня подготовки будущих специалистов позволяет спрогнозировать их соответствие требованиям работодателей. Большинство респондентов не разочаровались в выборе вуза и по-прежнему убеждены в своем правильном решении – 75%. Число тех, кто считает, что ошиблись, составляет – 4,17%.

По мнению выпускников, преимуществом обучения в ТГУ, является широкий выбор специальностей - 70.83%, наличие военной кафедры и бюджетных отделений - 66% и 62% соответственно, для сравнения, на 2004 год показатели по аналогичным ответам составляли всего 27% и 16% соответственно. Для каждого четвертого респондента в число достоинств ТГУ входит наличие военной кафедры – 80% ответов у юношей. Также выпускники отметили среди других преимуществ обучения в ТГУ: сильный преподавательский состав, традиции высшей школы, возможность не уезжать из города, высокий престиж диплома, высокое качество образования, их показатель составил – 20–34%.

Среди недостатков, выпускники отметили по наиболее приоритетным показателям, недостаточную техническую базу – 37,5 % и неудовлетворительное состояние аудиторий – 37,5%. Причем рассматриваемые данные, различаются гендерной характеристикой, поскольку у юношей остается первый недостаток приоритетным – 50%, тогда как у девушек приоритетным является недостаточное число бюджетных мест – 50% и высокая плата за обучение. Указанные различия следует объяснить тем, что юноши отдают предпочтение тем специальностям, которые не интересуют девушек.

В свободной форме выпускники высказали другие претензии к качеству полученной в ТГУ профессиональной подготовки, в том числе: недостаточный объем практики, прохождение ее не по специальности – 44%; оторванность профессиональной подготовки от реальных условий работы, поверхностные представления о реальном месте работы (приходится доучиваться на местах) – 36% ответов; недостаточная актуальность материала, оторванность от реальной жизни, недостаточный учет требований рынка – 8%; несправедливое отношение к студентам отдельных преподавателей – 25%; не даются навыки ведения бизнеса в условиях рыночной экономики; недостаток знаний по экономике, праву, инновационному менеджменту – по 1% ответов. Данные высказывания демонстрируют готовность выпускников получать больше информации о рынке труда и сотрудничать с ним.

В оценке материальных затрат за период обучения преимущественная доля выпускников считает, что затраты оправданы – 79,17%. 12,5% опрошенных ответили, что не оправданы. При этом чаще так считают девушки, относящиеся к категории домохозяйка/безработный.

В целом выпускники ТГУ чаще нуждаются в расширении возможностей для приобретения практических навыков по своей специальности, а также испытывают дефицит правовых и экономических знаний. По мнению большинства опрошенных, основными направлениями дополнительной подготовки должно быть: расширение возможностей получения студентами практического опыта и производственной практики – около 67% ответов, углубленная подготовка по информационным технологиям независимо от получаемой студентом специальности – 63% и целенаправленное развитие у студентов коммуникативных качеств – рост с 41% до 67%.

В свободной форме респонденты отметили, какие знания и умения необходимы сегодняшнему выпускнику для успешного трудоустройства. Лидером рейтинга является умение представить себя – 70% , по 30% – знание спроса и предложения на рынке труда, умение планировать карьеру, умение составлять резюме; по 26% – представление об общей ситуации на рынке труда, перспективы развития рынка труда, знания о востребованных специальностях, умение вести переговоры с работодателями.

Реализацию дальнейших профессиональных планов, выпускники представляют себе следующим образом: 63% выпускников намерены искать другую работу, поскольку одной из основных причин является смена места работы для того, чтобы повысить свой заработок, так считают – 79% и другая причина - возможность карьерного роста – 61%. Наиболее актуален данный вопрос для выпускников, работающих в области здравоохранения, финансов, страховании и органов управления, транспорте и связи, автомобилестроении.

Не намерены менять работу 37% выпускников, к ним относятся представители науки, образования, коммерческой деятельности, промышленности. Другая группа респондентов – 40% видят возможность повысить свою квалификацию, которая значима для коммерческой деятельности, строительства, ЖКХ, здравоохранения. В пределах 13% – 18% – располагаются ответы: желание работать по другой профессии, стремление улучшить условия труда, более удобное расположение места работы. Около 50% выпускников ТГУ выражают желание совершенствоваться в полученной профессии, повышать свою квалификацию, 35% – освоят еще одну профессию, либо постараются поменять место работы, 2% – выразили намерение открыть свое дело.

На основании проведенного анализа следует вывод, что перспективы развития рынка труда и реализации кадрового потенциала в регионе неоднозначны и сложны. Во-первых, происходит переориентация молодых специалистов из промышленной сферы деятельности в другие отрасли, не связанные с производством, что связано с тенденцией сокращения штатных сотрудников на предприятиях. Это подтверждается и ситуацией, в которой производство использует в своем сотрудничестве с вузами прагматический подход, который проявляется в небольшой доле работодателей, четко планирующих набор кадров на производство по целевой подготовке. Показатель уменьшения общего количества предприятий, готовых взять молодых специалистов, также де-

монстрирует, что предприятия, ограничивая себя в более молодых перспективных кадрах, не заинтересованы в мобильном развитии. Их больше устраивает стабильное состояние, благодаря уже сформировавшемуся трудовому коллективу.

Во-вторых, на рынке труда Тольятти мы наблюдаем перераспределение рабочей силы из промышленного сектора в социальный. Так, например, дефицит кадров испытывают бюджетные сферы, сферы обслуживания и т.д., отсюда возрастает тенденция к увеличению потребности специалистов со средне - специальным образованием, а не с высшим, так как в организациях меньшего масштаба нет необходимости иметь большое количество кадров с высшим образованием. Хотя, несомненно, если это связано со сферой образования, то будут востребованы наоборот высококвалифицированные специалисты с высшим образованием.

В-третьих, требования к практическим навыкам остаются по-прежнему лидирующими как со стороны выпускников, так и со стороны работодателей. При этом работодатели, которые предоставляют площадки для практики, остаются не удовлетворенными. Возможная причина скрывается в изначальном расхождении требований к молодому специалисту у вуза и работодателя.

На наш взгляд, внедрение социально-экономических индикаторов интегрированности рынков в мониторинг региона позволит определить общие параметры для формирования и реализации кадрового потенциала. Расхождения в требованиях работодателя и предлагаемых им условиях труда свидетельствуют о том, что работодатель не владеет представлениями, каким образом осуществляется подготовка молодых специалистов в рамках учебных учреждениях. Например, молодых специалистов, приходящих на рынок труда не устраивает низкая заработная плата, которую предлагает работодатель. Особенно она характерна для предприятий промышленного производства и организаций бюджетной сферы, поэтому многие выпускники предпочитают устраиваться в коммерческую сферу деятельности, что в свою очередь создает перераспределение на рынке труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ниязова М.В. Функции ВУЗа как социально ответственного института// Проблемы современной экономики, N 2 (26), 2008 //URL: http://www.m-economy.ru (Дата обращения: 17.01.15 г.)

2. Исследование «Оценка выпускниками ТГУ качества обучения», проведенного в ноябре 2012 года кафедрой социологии ТГУ методом анкетирования по целевой выборке. N= 365 респондентов (выпускников ТГУ).

THE INTERACTION NEEDS OF THE PERSONNEL POTENTIAL OF THE REGION AND DEMAND OF THE LABOUR MARKET

© 2015

***O. Yu. Shcherbakova*,** candidate of sociological Sciences, senior lecturer Department of Sociology

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: the Formation and realization of human potential depends on all educational institutions, but especially from higher professional education. The trajectory of all human potential is detected in shaping the degree of integration of labour markets and educational services. It is important to determine which processes includes educational service, what its components are forming elements, which are reflected in the choice of a particular specialty of the applicant. The imbalance is evident in the contradictions of labour markets and educational services: between employer demand and its ability to provide jobs for graduates, between the supply of young professionals in the quality of the labour force and employment opportunities; the instability and radical changes in the structure of the labour market, which pre-deprived jobs of the future young professionals. The increase in the number of educational institutions in the crisis of the demographic situation, which is characterized by the decrease of consumers of educational services, provokes the increase of their activity through a series of prestigious professions without taking into account their relevance to the labour market. This in turn increases tension in the realization of human potential, which in this situation needs retraining to improve their employability in the labour market. Increase of the lagoon is not filled jobs, thus increasing the contradiction of social mobility of the educational services market and the willingness of the regional labour market to adjust to the integration process. In other words, the labour market at the moment is not ready by itself to act as an effective instrument for the realization of human potential. To solve the mentioned problems, it is necessary to conduct regular monitoring.

Keywords: human resources, labor market, market, University, communication, employment of graduates, practical skills, and educational services.

НАШИ АВТОРЫ

Амитрова Мария Вячеславовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Иностранные языки»
Адрес: Пензенский государственный технологический университет, 440039, Россия, г. Пенза, проезд Байдукова/ул. Гагарина, д. 1а/11
E-mail: amitrova79@mail.ru

Анохина Светлана Петровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Русский и иностранные языки»
Адрес: Поволжский государственный университет сервиса, 445677, Россия, Тольятти, ул. Гагарина, 4
E-mail: anokhinasp@yandex.ru

Асташина Нина Игоревна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Сервис».
Адрес: Нижегородский инженерно-экономический университет, 606260, Россия, Нижегородская обл., р.п. Воротынец, ул. Мира, 7.
E-mail: astashinan@mail.ru

Ахметшина Екатерин Рифовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Политология, социология и связи с общественностью»
Адрес: Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32.
E-mail: katerina.akhmetshina@rambler.ru

Бакалова Зинаида Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания
Адрес: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 443099, Самара, ул. Максима Горького, 65/ 67.
E-mail: abakalov1941@yandex.ru

Богданова Анна Владимировна, кандидат педагогических наук, начальник отдела сопровождения дистанционного обучения
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, улица Белорусская, дом 14
E-mail: ann-glazova@yandex.ru

Богуш Оксана Михайловна, аспирантка кафедры украинского прикладного языкознания
Адрес: Львовский национальный университет имени Ивана Франко, 79001, Украина, м. Львов, ул. Университетская, 1
E-mail: bohush.oksana@gmail.com

Бойко Вячеслав Иванович, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Национальной академии руководящих кадров культуры и искусств
Адрес: Национальная академия руководящих кадров культуры и искусств, Украина, 01015 г. Киев, ул. Лаврская 9, корп.15
E-mail: sabugaenko@mail.ru

Бровкина Ирина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания.
Адрес: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 443090, Россия, Самара, улица Антонова-Овсеенко, 26.
E-mail: ivbrovkina@gmail.com

Васильева Оксана Анатольевна, преподаватель
Адрес: Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, 446007, Россия, Сызрань, ул. Маршала Жукова, д. 1.
E-mail: vasiliewa.oksan.2014@yandex.ru

Власенко Светлана Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики
Адрес: Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева, 15000. Казахстан, г. Петропавловск, ул. Пушкина, 86
E-mail: sveta_vlasenko@mail.ru

Воронец Евгения Владимировна, аспирант
Адрес: Брянский государственный университет им. ак. И.Г. Петровского, 241036, Россия, Брянск, ул. Бежицкая, 14.
E-mail: eugeniezaitseva@yandex.ru

Гусарова Юлия Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Иностранные языки»
Адрес: Пензенский государственный технологический университет, 440039, Россия, г. Пенза, проезд Байдукова/ул. Гагарина, д. 1а/11
E-mail: gusarovauvg@yandex.ru

Данилюк Оксана Климовна, кандидат филологических наук
Адрес: Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки, 43000, Украина, г. Луцк, пр. Воли, 13
E-mail: oksanadn@mail.ru

Дроздова Диана Руслановна, аспирант
Адрес: Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодар, Ставровольская, 149
E-mail: diblackbird@mail.ru

Желнина Евгения Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент.
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, г. Тольятти, ул. Белорусская, 16В, каб. 709
E-mail: ezhelnina@yandex.ru

Завадская Анастасия Викторовна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка
Адрес: Оренбургская государственная медицинская академия, 460014, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, 6
E-mail: den_nastya@mail.ru

Иванова Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, профессор кафедры «Социология»
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: IvanovaT2005@tltsu.ru

Иванян Елена Павловна, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания
Адрес: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия 443090, Россия, г. Самара, ул. Антонова-Овсеенко, 26
E-mail: elogos@rambler.ru

Игнатенко Николай Николаевич, кандидат экономических наук, докторант
Адрес: Уманский национальный университет садовочества, 20305, Украина, Черкасская обл., г. Умань, ул. Институтская, 1
E-mail: cccsev@mail.ru

Кайтанский Иван Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики промышленности
Адрес: Одесская национальная академия пищевых технологий, 65039, г. Одесса, ул. Канатная, 112
E-mail: cccsev@mail.ru
Кальнова Ольга Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка, культуры речи и методики их преподавания.
Адрес: Поволжская государственная социально-педагогическая академия, 443090, Россия, Самара, ул. Антонова-Овсеенко, 26.
E-mail: ol2005iv@gmail.ru

Канакина Галина Ивановна, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики преподавания русского языка
Адрес: Пензенский государственный университет, 440026, Россия, Пенза, ул. Лермонтова, 37
E-mail: kanakina-kafedra@mail.ru

Каракозова Наталья Юрьевна, соискатель кафедры «Педагогика и методики преподавания»
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, улица Белорусская,14
E-mail: karakozova1226@rambler.ru

Коваль Наталья Николаевна, методист
Адрес: Донецкий областной институт последипломного педагогического образования, 83001, Украина, Донецк, ул. Артема, 129а
E-mail: koval_n@hotmail.com

Колодкина Нина Николаевна, преподаватель кафедры «Физико-математические науки»
Адрес: Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, 606340, Россия, Нижегородская область, г. Княгинино, ул. Октябрьская, 22 а
E-mail: nin204@yandex.ru

Корниецкий Александр Владиславович, декан Николаевского факультета Морского и речного транспорта, Киевской государственной академии водного транспорта имени гетмана Петра Конашевича -Сагайдачного
Адрес: Николаевский факультет морского и речного транспорта Киевской государственной академии водного транспорта имени гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного, Украина, 54010, г. Николаев, Заводской район, ул. Мореходная, д. 2
E-mail: cccsev@mail.ru

Коромысленко Екатерина Геннадьевна, аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания
Адрес: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия 443090, Россия, Самара, ул. Антонова-Овсеенко, 26
E-mail: Khludneva@mail.ru

Котова Светлана Анатольевна, заместитель заведующего по воспитательно-методической работе АНО ДО «Планета детства «Лада», д/с № 66 «Матрешка», студент магистратуры
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445050, Россия, г. Тольятти, ул. Фрунзе, 2Г
E-mail: kotowacatia@yandex.ru

Лавошникова Юлия Александровна, аспирант
Адрес: Брянский государственный университет, 241036, Россия, Брянск, ул. Бежицкая, 14
E-mail: julliettlove@rambler.ru

Лавренчук Юрий Николаевич, соискатель научной степени
Адрес: Николаевский национальный университет имени В. А. Сухомлинского, 54030, Украина, г. Николаев, ул. Никольская, 24
E-mail: lav.yura@gmail.com

Лаптев Игорь Валерьевич, аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания
Адрес: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (ПГСГА), 443099, Россия, Самара, ул. М. Горького, 65/67
E-mail: ilaev10@yahoo.com

Манова Маргарита Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология»
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, Тольятти, ул. Белорусская, 14.
Тел.: (8482) 59-62-38
E-mail: manmarga@mail.ru

Марченко Оксана Анатольевна, кандидат географических наук, доцент
Адрес: Мелитопольский государственный педагогический университет имени Богдана Хмельницкого, 72312, Украина, Мелитополь, ул. Ленина, 20
E-mail: cccsev@mail.ru

Маханова Галина Евгеньевна, аспирант кафедры русского языка
Адрес: Брянский государственный университет им. акад. И.Г.Петровского, 241036, Россия, Брянск, ул. Бежицкая, 14.
E-mail: magaev-mge@yandex.ru

Медведкова Елена Станиславовна, старший преподаватель кафедры русского, иностранных языков и литературы
Адрес: Волжский университет имени В.Н. Татищева, 445020, Россия, Тольятти, ул. Ленинградская, 16
E-mail: esmedvedkova@yandex.ru

Мельникова Елена Александровна, аспирант
Адрес: Нижегородский Государственный Педагогический Университет им. К. Минина, 603950, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1
E-mail: missis.elenamelnikova2011@yandex.ru

Михеева Мария Альбертовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Управление персоналом и социология»
Адрес: Самарская академия государственного и муниципального управления, 443084, Россия, г. Самара, ул. Стара-Загора, 96
E-mail: marmi-7@mail.ru

Мищерикова Марина Александровна, аспирант
Адрес: Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодар, улица Ставропольская, дом 149
E-mail: marina.mishcherikova@mail.ru

Моргунова Анна Николаевна, аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания
Адрес: Поволжская государственная социально-педагогическая академия, 443090, Россия, Самара, ул. Антонова-Овсеенко, 26.
E-mail: a595282@rambler.ru

Мустяца Виталий Михайлович, преподаватель кафедры бухгалтерского учета и аудита
Адрес: Южный филиал Национального университета биоресурсов и природопользования Украины «Крымский агротехнологический университет», 295492, г. Симферополь, п. Аграрное
E-mail: sabugaenko@mail.ru

Нелюбина Елена Андреевна, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки»
Адрес: Пензенский государственный технологический университет, 440039, Россия, г. Пенза, проезд Байдукова/ул. Гагарина, д. 1а/11
E-mail: el-nel@bk.ru
Никитина Марина Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Высшая математика и математическое моделирование ».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 16В.
E-mail: nikitina.m.g@mai.ru

Орлова Людмила Викторовна, профессор, доктор социологических наук, заведующая кафедрой управления персоналом и социологии,
Адрес: Самарская академия государственного и муниципального управления, 443084, Россия, г. Самара, ул. Стара-Загора, 96
E-mail: Orlovalv313@mail.ru

Павлова Елена Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Высшая математика и математическое моделирование ».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 16В.
E-mail: pavlova@tltsu.ru

Пахолок Зинаида Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Филология и методика начального образования» Восточноевропейского национального университета им. Леси Украинки
Адрес: Восточноевропейский национальный университет им. Леси Украинки, 43025, Украина, г. Луцк, пр. Воли, 13
E-mail: paholok@ukr.net

Попова Анна Васильевна, старший преподаватель кафедры менеджмента
Адрес: Донбасский государственный педагогический университет, 84116, Украина, г. Славянск, ул. Генерала Батюка, 19
E-mail: nikolaypopov@mail.ru

Попова Людмила Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии
Адрес: Челябинский государственный университет, 456313, Россия, Челябинская обл., г. Миасс, ул. Керченская, 1, каб. 216.
E-mail: mila_fil@mail.ru

Руденко Ирина Викторовна, доктор педагогических наук, профессор
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445050, Россия, г. Тольятти, ул. Фрунзе, 2Г
E-mail: ivrudenko@rambler.ru

Селезнева Анна Алексеевна, аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания
Адрес: Поволжская государственная социально-педагогическая академия, 443090, Россия, Самара, ул. Антонова-Овсеенко, 26.
E-mail: ana.sel@yandex.ru

Сидакова Нелли Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков для естественнонаучных факультетов.
Адрес: Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л.Хетагурова, Владикавказ (Россия), Ватутина, 46.
E-mail: nelly@solt.ru

Таланова Марина Борисовна, преподаватель кафедры «Информационные системы и технологии»
Адрес: Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, 606340, Россия, Княгинино, ул. Октябрьская, 22а
E-mail: m_talanova@mail.ru

Третьякова Елена Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Городское строительство и хозяйство»
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Самарская обл., г. Тольятти, ул. Белорусская, 14
E-mail: alena.tretyakova.76@mail.ru

Усова Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-культурный сервис и гуманитарные дисциплины
Адрес: Донской государственный технический университет, 347386, Волгодонск, Ростовская обл., проспект Мира, 16
E-mail: irina__usova@mail.ru

Хабирова Евгения Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и романо-германских языков
Адрес: Челябинский государственный университет, 454021, Россия, Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129
E-mail: e_khabirova@bk.ru

Царук Василий Юрьевич, ассистент кафедры бухгалтерского учета и аудита
Адрес: Южный филиал Национального университета биоресурсов и природопользования Украины «Крымский агротехнологический университет», 295492, г. Симферополь, п. Аграрное
E-mail: cccsev@mail.ru

Цветкова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор кафедры «История и философия»
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
Тел.: (8482) 53-91-45
E-mail: aleksandr.kozlov@mail.ru

Чемоданова Галина Иосифовна, доцент, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой теории и методики военного и физического воспитания
Адрес: Северо-Казахстанский государственный университет им. М.Козыбаева, 150 000, Казахстан, г. Петропавловск, ул. Пушкина, 86
E-mail: galina_chem@mail.ru

Червяков Иван Михайлович, доцент кафедры «Экономическая теория»
Адрес: Херсонский экономически-правовой институт, 73000, Украина, г. Херсон, вул. Крымская, 130
E-mail: sabugaenko@mail.ru

Чернышук Вита Викторовна, аспирант кафедры современного украинского языка
Адрес: Киевский национальный университет имени Т. Шевченко, 01601, Украина, г. Киев, ул. Владимирская, 64/13
E-mail: vitachernushuk@ukr.net

Шиняева Ольга Викторовна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Политология, социология и связи с общественностью»
Адрес: Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32.
E-mail: olses@rambler.ru

Шиц Андрей Анатолиевич, соискатель кафедры «Украинский язык»
Адрес: Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки, 43000, Украина, г. Луцк, просп. Воли, 13
E-mail: andriy_shyts@mail.ru

Шуляр Василий Иванович, кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный учитель Украины
Адрес: Николаевский областной институт последипломного педагогического образования, 54001, Украина, г. Николаев, ул. Адмиральская, 4-А
E-mail: vshuliar@ukr.net

Шумилова Ольга Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Гуманитарные науки»
Адрес: Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, 606340, Россия, Княгинино, ул. Октябрьская д. 22а
E-mail: Shumilova59@yandex.ru

Щербакова Ольга Юрьевна, кандидат социологических наук, ст. преподаватель кафедры «Социология»
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: sherb1@yandex.ru

Юдина Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка
Адрес: Оренбургская государственная медицинская академия, 460000, Россия, Оренбург, ул. Советская, 6
E-mail: tan_tom56@mail.ru

Яковлева Елена Людвиговна, доктор философских наук, кандидат культурологии, профессор кафедры «Философия»
Адрес: Институт экономики, управления и права, 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42
E-mail: mifoigra@mail.ru

Якунин Вадим Николаевич, доктор исторических наук, профессор, проректор по инновационной и научно-исследовательской деятельности
Адрес: Поволжский государственный университет сервиса, 445677, Россия, Тольятти, ГСП, ул. Гагарина, 4.
E-mail: vadyak@mail.ru

OUR AUTHORS

Akhmetshina Ekaterina Rifovna, Candidate of social sciences, associate professor of «Political science, sociology and public relations»
Address: Ulyanovsk State Technical University, 432027, Russia, Ulyanovsk, ul. North Venice, 32.
E-mail: katerina.akhmetshina@rambler.ru

Amitrova Maria Vyatscheslavovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the chair "Foreign Languages"
Address: Penza State Technological University, 440039, Russia, Penza, Baidukov proezd/ Gagarin St., 1a\ 11
E-mail: amitrova79@mail.ru

Anokhina Svetlana Petrovna, doctor of philological sciences, professor, head of the department of «Russian and foreign languages»
Address: Volga State University of Service, 445677, Russia, Togliatti, st. Gagarin, 4
E-mail: anokhinasp@yandex.ru

Astashina Nina Igorevna, the candidate of pedagogical sciences, the associate professor of the chair «Service».
Address: Nizhniy Novgorod state engineering-economic university, 606260, Russia, Vorotynets, Mir Street, 7.
E-mail: astashinan@mail.ru

Bakalova Zinaida Nikolaevna, doctor of philological sciences, professor of chair "Russian language, culture of speech and methods of their tuition"
Address: State Academy of Social Sciences and Humanities, 443099, Samara, Maxim Gorky str., 65 / 67.
E-mail: abakalov1941@yandex.ru

Bogdanova Anna Vladimirovna, candidate of pedagogical sciences, the chief of department of distance learning support
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Belorusskaya st., 14
E-mail: ann-glazova@yandex.ru

Bohush Oksana Mihajlovna, a graduate of the Department of Applied Linguistics
Address: Lviv Ivan Franko National University, 79001, Ukraine, Lviv, Universitetska Str. 1
E-mail: bohush.oksana@gmail.com

Boyko Vyacheslav Ivanovich, candidate of economical science, associate professor of the chair of Management
Address: National Academy of Culture and Arts, 01015, Ukraine, Kiev, street Lavrska 9, Bldg. 15
E-mail: sabugaenko@mail.ru

Brovkina Irina Vasilyevna, candidate of philological sciences, associate professor of the department of Russian language, standards of speech and methods of their teaching.
Address: Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, 443090, Russia, Samara, st. Antonova-Ovseenko, 26.
E-mail: ivbrovkina@gmail.com

Chemodanova Galina Iosifovna, associate Professor of Pedagogics, candidate of pedagogical sciences, Head of the Department of Theory and Methods of military and physical training
Address: North Kazakhstan State University named after M.Kozybaye, 150 000, Kazakhstan, Petropavlovsk, avenue of Pushkina, 86
E-mail: galina_chem@mail.ru

Chernyshuk Vita Viktorivna, postgraduate student of the department of «Ukrainian modern language»
Address: Taras Shevchenko National University of Kyiv, 01601, Ukraine, Kyiv, Volodymyrska Street, 64/13.
E-mail: vitachernushuk@ukr.net

Chervyakov Ivan Mikhailovich, associate Professor of Department "Economic theory"
Address: Kherson economically-legal Institute, 73000, Ukraine, Kherson, Crimean str., 130
E-mail: sabugaenko@mail.ru

Danyliuk Oksana Klymivna, candidate philology sciences
Address: Lesya Ukrainka East European National University, 43000, Ukraine, Lutsk , pr. Will, 13
E-mail: oksanadn@mail.ru

Drozdova Diana Ruslanovna, postgraduate student
Address: Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar, Stavropolskaya st., 149.
E-mail: diblackbird@mail.ru

Gusarova Yuliya Vasiyevna, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the chair "Foreign Languages"
Address: Penza State Technological University, 440039, Russia, Penza, Baidukov proezd/ Gagarin St., 1a\ 11
E-mail: gusarovauvg@yandex.ru

Ignatenko Nikolay Nikolaevich, candidate of economic Sciences, doctoral candidate
Address: Uman National University of Horticulture, 20305, Ukraine, Cherkassy region, Uman, Institutskaya str., 1
E-mail: cccsev@mail.ru

Ivanian Elena Pavlovna, postgraduate student department of Russian language, speech culture and teaching methods
Address: State Academy of Social Sciences and Humanities, 443090, Russia, Samara, st. Antonova - Ovseenko, 26
E-mail: elogos@rambler.ru

Ivanova Tatiana Nikolaevna, Doctor of Social Sciences, Professor of "Sociology"
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, st. Belarus, 14.
Tel .: (8482) 53-94-69
E-mail: IvanovaT2005@tltsu.ru

Kalnova Olga Ivanovna, candidate of philological sciences, head of the chair «Russian language, standards of speech and methods of their teaching»
Address: Samara State Academy of Social Sciences and Humanities **,** 443090, Russia, Samara, Antonova-Ovseenko str., 26
E-mail: ol2005iv@gmail.ru

Kanakina Galina Ivanovna, candidate of pedagogical sciences, professor, head of the chair «Russian language and methods of teaching the Russian language»
Address: Penza State University, 440026, Russia, Penza, str. Lermontova 37
E-mail: kanakina-kafedra@mail.ru

Karakozova Natalia Yurievna, applicant department of "Pedagogy and methods of teaching"
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, street Belorusskaya, 14
E-mail: karakozova1226@rambler.ru

Kaytanskiy Ivan Sergeyevich, candidate of economic sciences, associate professor, associate professor, department of industrial economics
Address: Odessa national academy of food technologies, 65039, Odessa, Kanatnaya str, 112
Tel.: +38(096) 727-72-40
E-mail: cccsev@mail.ru

Khabirova Evgeniya Igorevna, candidate of philological sciences, associate professor of the chair of Oriental and Romance-German languages
Address: Chelyabinsk State University, 454021, Russia, Chelyabinsk, Br.Kashyrinykh st., 129
E-mail: e_khabirova@bk.ru

Kolodkina Nina Nikolaevna, the teacher of the chair «Physics and mathematics»
Address: Nizhny Novgorod state engineering-economic Institute, 606340, Russia, Knyaginino, Oktyabrskaya Street., 22
E-mail: nin204@yandex.ru

Kornyetskyy Oleksandr Vladyslavovych, Dean of the of Nikolaev Department of Sea and River transport, Kiev State Academy of Water Transport named after Hetman Petro Konashevich Sahaydachnyi
Address: Nicholas Faculty of Maritime and River Transport of Kyiv State Academy of Water Transport named after Hetman Petro Konashevich Sagaydachnogo Ukraine, 54010, Nikolaev Factory area, Morehidna str., 2
E-mail: cccsev@mail.ru

Koromyslenko Ekaterina Gennadievna, postgraduate student of «Department of Russian language, speech culture and teaching methods»
Address: State Academy of Social Sciences and Humanities, 443090, Russia, Samara, str. Antonova-Ovseenko, 26
E-mail: Khludneva@mail.ru

Kotova Svetlana Anatolevna, Deputy Director for educational-methodical work ANO DO «Planeta detstva «Lada» detskiy sad № 66 «Matryoshka», student magistracy
Address: Togliatti State University, 445050, Russia, Togliatti, st. Frunze, 2G
E-mail: kotowacatia@yandex.ru

Koval Natalia Nikolaevna, methodist
Address: Donetsk regional Institute of post-graduated pedagogical education, 83001, Ukraine, Donetsk, st. Artem, 129a
E-mail: koval_n@hotmail.com

Laptev Igor Valerievich, graduate student of the Chair of Russian Language, Standards of Speech and Methods of Their Teaching
Address: Volga State Academy of Social Sciences and Humanities, 443099, Russia, Samara, st. M. Gorky, 65/67
E-mail: ilaev10@yahoo.com

Lavoshnikova Julia Aleksandrovna, post-graduate student
Address: Bryansk State University, 241036, Russia, Bryansk, Bezhitskaya str., 12
E-mail: julliettlove@rambler.ru

Lavrenchuk Yuriy Mykolayovych, PhD candidate in pedagogics
Address: Mykolajiv Vasylj Sukhomlynsjkyj National Pedagogical University, 54030, Ukraine, Mykolajiv, st. Nikolska, 24
E-mail: lav.yura@gmail.com

Makhanova Galina Evgenyevna, post-graduate student of the chair of Russian language
Address: Bryansk State University named after academician I.G.Petrovsky, 241036, Russia, Bryansk, st. Bezhitskaya, 14.
E-mail: magaev-mge@yandex.ru

Manova Margarita Viktorovna, candidate of sociological sciences, associate professor of the chair «Sociology»
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, st. Belarusian, 14.
E-mail: manmarga@mail.ru

Marchenko Oksana Anatolievna, candidate of geographical sciences, associate professor
Address: Melitopol State Pedagogical University named after Bogdan Khmelnitsky, 72312, Ukraine, Melitopol, Lenina str., 20
E-mail: cccsev@mail.ru

Medvedkova Elena Stanislavovna, a senior lecturer at the Russian, foreign languages and literature chair
Address: Volzhsky University named by V.N. Tatishchev, 445020, Russia, Togliatti, str. Leningradskaya, 16
E-mail: esmedvedkova@yandex.ru

Melnikova Elena Alexandrovna, postgraduate student of philological sciences
Address: Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, 603005, Ul'yanova, 1, Nizhniy Novgorod, Russia.
E-mail: missis.elenamelnikova2011@yandex.ru

Mikheeva Maria Albertovna, Candidate of Sociology, Associate Professor of "Personnel Management and Sociology"
Address: Samara Academy of State and Municipal Administration, 443084, Russia, б Samara, Stara-Zagora, number 96b.
E-mail: marmi-7@mail.ru

Mishcherikova Marina Aleksandrovna, post-graduate student
Address: Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar, Stavropolskaya st., 149
E-mail: marina.mishcherikova@mail.ru

Morgunova Anna Nikolaevna, post-graduate student of Russian language, culture, language and teaching methods
Address: Samara State Academy of Social Sciences and Humanities **,** 443090, Russia, Samara, Antonova-Ovseenko str., 26
E-mail: a595282@rambler.ru

Mustiatsa Vitaly Mikhailovich, lecturer of accounting and audit department
Address: The southern branch of the National University of life and environmental Sciences of Ukraine "Crimean agrotechnological University", Agrarnoene, Simferopol, 95492
E-mail: sabugaenko@mail.ru

Nelyubina Elena Andreevna, assistant professor of the chair"Foreign Languages"
Address: Penza State Technological University, 440039, Russia, Penza, Baidukov proezd/ Gagarin St., 1a\ 11
E-mail: el-nel@bk.ru

Nikitina Marina Gennadtevna, candidate of pedagogical sciences associate pfofessor of the chair "Higher mathematics and mathematical modelling"/
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, st. Belarusian, 16v.
E-mail: nikitina.m.g@mail.ru
Orlova Ludmila Viktorovna, Professor, Doctor of Sociology, Head of Department of Human Resources Management and Sociology,
Address: Samara Academy of State and Municipal Administration, 443084, Russia, б Samara, Stara-Zagora, number 96b.
E-mail: Orlovalv313@mail.ru

Pakholok Zinaida Aleksandrovna, candidate of philological sciences, associate professor of the department «Philology and Methodology of Primary Education» Lesya Ukrainka East European National University
Address: Lesya Ukrainka East European National University, 43025, Ukraine, Lutsk, prosp. Voli, 13
Tel.: (0332) 24-10-07
E-mail: paholok@ukr.net

Pavlova Elena Sergeevna, candidate of pedagogical sciences associate pfofessor of the chair "Higher mathematics and mathematical modelling"/
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, st. Belarusian, 16v.
E-mail: pavlova@tltsu.ru

Popova Anna Vasilyevna, Senior Lecturer, Department of Management
Address: State university «Donbass State Pedagogical University», 84116, Ukraine, Slavyansk , st. General Batiouk, 19
E-mail: nikolaypopov@mail.ru

Popova Lyudmila Victorovna, candidate of philological sciences, associate professor of the of the chair «Philology»
Adress: Chelyabinsk State University, 456313, Russia, Chelyabinsk area, Miass, st. Kerchenskaya, 1, office 216
E-mail: mila_fil@mail.ru

Rudenko Irina Viktorovna, Doctor of Education, Professor
Address: Togliatti State University, 445050, Russia, Togliatti, st. Frunze, 2G
E-mail: ivrudenko@rambler.ru

Scherbakova Olga Yurevna, candidate of sociological sciences, senior teacher of «Sotsiologiya» chair
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, st. Belarusian, 14.
E-mail: sherb1@yandex.ru

Selezneva Anna Alekseevna, post-graduate student of Russian language, culture, language and teaching methods
Address: Samara State Academy of Social Sciences and Humanities **,** 443090, Russia, Samara, Antonova-Ovseenko str., 26
E-mail: ana.sel@yandex.ru

Shinyaeva Olga, Doctor of social sciences, professor, head of «Political science, sociology and public relations»
Address: Ulyanovsk State Technical University, 432027, Russia, Ulyanovsk, ul. North Venice, 32.
E-mail: olses@rambler.ru

Shuliar Vasiliy Ivanovych, candidate of pedagogical sciences, associate professor, deserved teacher of Ukraine
Address: Mykolaiv regional institute of postdegree pedagogical education, Ukraine, Mykolaiv, Admiralska street, 4-A
E-mail: vshuliar@ukr.net

Shumilova Olga Nikolaevna, the candidate of pedagogical sciences, the docent of the chair «Humanities»
Address: Nizhny Novgorod State engineer-economic Institute, 606340, Russia, Nizhny Novgorod region, Knyaginino, October street h.22
E-mail: Shumilova59@yandex.ru

Shyts Andriy Andriyovych, researcher at the chair of «Ukrainian philology»
Address: Lesya Ukrainka Eastern European National University, 43000, Ukraine, Lutsk, av. Volia, 13
Tel.: +38(096)-74-47-706, +38(099)-22-94-820
E-mail: andriy_shyts@mail.ru

Sidakova Nelly Valentinovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the foreign languages chair
Address: North Ossetian State University after K.L.Khetagurov, Vladikavkaz (Russia), st. Vatutin,46.
E-mail: nelly@solt.ru

Talanova Marina Borisovna , the teacher of the chair «Informational systems and technologies»
Address: Nizhny Novgorod state engineering-economic institute, 606340, Russia, Knyaginino, Oktyabrskaya Street, 22a
E-mail: m_talanova@mail.ru

Tretyakova Elena Mixailovna, candidate of pedagogical science, docent of «Chair Town building and economy»
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Samara region, Togliatti, Belorysskaa street, 14.
Tel.: (8482) 28-01-25, 53-92-86
E-mail: alena.tretyakova.76@mail.ru

Tsaruk Vasily Yurevich, assistant Professor, Department of accounting and audit
Address: southern branch of the National University of life and environmental Sciences of Ukraine "Crimean agrotechnological University", 295492, Simferopol, Agrarian v.
E-mail: cccsev@mail.ru

Tsvetkova Irina Viktorovna doctor of philosophy sciences**,** professor of the chair «History and Philosophy»
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, st. Belarusian, 14.
E-mail: aleksandr.kozlov@mail.ru

Usova Irina Victorovna, candidate of philological sciences, associate professor of the chair «Sociocultural service and humanitarian disciplines»
Adress: Don State Technical University in Volgodonsk , 347386 Russia, Rostov region, Volgodonsk, Mira avenue, 16
E-mail: irina__usova@mail.ru

Vasilieva Oksana Anatolievna, teacher
Address: Military Air Force Academy professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin, Russia, Syzran, st. Marshal Zhukov 1.
E-mail: vasiliewa.oksan.2014@yandex.ru

Vlassenko Svetlana Viktorovna, candidate of pedagogical science, associate professor of pedagogics
Address: North-Kazakhstan State University named after M.Kozybayev 150 000, Kazakhstan, Petropavlovsk, avenue of Pushkina, 86
E-mail: sveta_vlasenko@mail.ru

Voronets Evguenia Vladimirovna, post-graduate student
Address: Bryansk State University n.a. academician I.G. Petrovsky, 241036, Russia, Bryansk, st. Bezhitskaya, 14
E-mail: eugeniezaitseva@yandex.ru

Yakovleva Elena Ludvigovna, doctor of philosophy sciences, candidate of Culturology, professor of the chair «Philosophy»
Address: Institute of economy, management and law, 420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya, 42
E-mail – mifoigra@mail.ru

Yakunin Vadim Nicolaevich, doctor of history science, Professor, prorector of Innovative and Science-Research Activity
Adress: Volga Region State University of Service, 445677, Russia, Togliatti, Gagarin st., 4
E-mail: vadyak@mail.ru

Yudina Tatiana Anatolyevna, candidate of philological sciences, assistant professor of the chair « Russian language»
Address: Orenburg State Medical Academy, 460000, Russia, Orenburg, st. Sovetskaya, 6
E-mail: tan_tom56@mail.ru

Zavadskaya Anastasiya Victorovna, Candidate of Philological Sciences, Head of the Department of Russian language
Address: Orenburg State Medical Academy, 460014, Russia, Orenburg, st. Sovetskaya, 6
E-mail: den_nastya@mail.ru

Zhelnina Eugenya Valeryevna, the candidate of sociological sciences, the senior lecturer.
The address: Togliatty state university, 445667, Togliatty, str. Belarus, 16B, 709
E-mail: ezhelnina@yandex.ru